

ОСНОВЫ ДЛЯ УХОДА
ЗА ПРАВИЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ
МЫШЛЕНІЯ И ЧУВСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Зеленскаго.

ТОМЪ II.

ОСНОВЫ ДЛЯ РАЗВИТІЯ УМА.

С. М. П.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія А. Е. Ландау, площадь Большаго Театра, д. № 2.
1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ II.

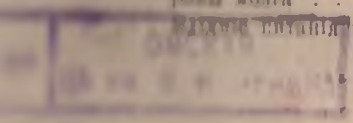
СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Глава I.	Взглядъ назадъ на результаты предшествующихъ изслѣдованій.	1—27
Глава II.	Отношеніе къ нашей теоріи послѣднихъ данныхъ науки.	28—57
Глава III.	Главные выводы, полученные изъ изслѣдованія развитія воспріятій	57—72
Глава IV.	Представленіе.	73
	Знаніе и образованіе представленій	73—83
	Условія для правильнаго развитія представленій.	83—92
	Значеніе, развиваемое представленіями	92—95
	Представленіе вещественности реальнаго міра	95—99
	Представленіе пространства и отношеній внѣшнихъ явленій	99—100
	Ассоціація представленій	100—111
	Смѣна рядовъ представленій.	111—124
	Образованіе общихъ представленій	124—137
	Разрѣшеніе представленій движеніями наружу.	137—145
	Представленіе о своей собственной личности.	145—150
Глава V.	Уходъ за развитіемъ представленій, ихъ ассоціаціей и теченіемъ	150—172
	Уходъ за развитіемъ представленія словъ	172—178
	Уходъ за дѣятельностью отдѣльныхъ группъ представленій.	179—182
	Уходъ за ассоціаціей представленій.	182—196
	Уходъ за образованіемъ представленія о собственной личности.	196—200
Глава VI.	Эмпирическое мышленіе	200—201
	Источники мыслевой работы.	202—209
	Два вида мыслевыхъ работниковъ.	209
	Единичныя формаціи различныхъ степеней	211—218
	Индукціи различныхъ степеней	218—226
	Дедукція.	226—230
	Логическіе силлогизмы	231—232
	Результаты эмпирическаго мышленія	232—237
	Польза и вредъ отъ эмпирическаго мышленія	237—242
Глава VII.	Воображеніе	242—294
	Польза и вредъ отъ участія воображенія въ мыслевую работу.	278—294
Глава VIII.	Развитіе видоваго мышленія	294—332
	Особенности психо-интеллектуальнаго органа	294—296
	Начало научнаго метода	296—302
	Происхожденіе критики и метода.	302—306
	Психическія формаціи и ихъ синтезы	306—310
	Познаніе силы	310—318
	Понятіе о вещественности	318—321
	Познаніе мыслевыхъ движеній	321—324

-48 W 12

	Понятіе о сосуществованіи	324—328
	Понятіе о сходствѣ и различіи	328—332
Глава IX.	Психическія индукціи вообще	332—335
	Индукція познанія пространства	335—349
	Психическая индукція времени	349—355
	Индукція познанія причины и слѣдствія	355—361
	Ложное примѣненіе индукціи причинности	361—366
	Теоріи психологовъ о происхожденіи индукціи причинности	366—372
	Моя теорія о происхожденіи отвлеченнаго знанія	373—375
Глава X.	Критика, методъ и анализъ	375—380
	Анализъ	380—384
	Методическое образованіе интеллектуальныхъ связей	384—395
	Связь по аналогіи	395—399
Глава XI.	Память	399—447
	Теоріи памяти	412—427
	Зависимость памяти отъ мозга и возраста	427—431
	Моя теорія памяти	431—447
Глава XII.	Сознаніе	447—463
Глава XIII.	Уходъ за развитіемъ мышленія и ума	463—549
	Возможно ли воспитаніемъ способствовать развитію ума и если возможно, то должно ли?	471—473
	Отношенія психологіи къ воспитанію	473—480
	Есть ли умъ человѣка отвлеченная или реальная сила	480—485
	Средства и методы для развитія ума	485
	Уходъ за развитіемъ психическихъ силъ	487—498
	Развитіе понятія о силѣ	490—491
	Развитіе познанія сходства и отличія	491—492
	Развитіе познанія причинности	492—494
	Развитіе познанія пространства	494—495
	Развитіе понятія о количествѣ	495—498
	Постепенность въ развитіи психической силы	498—504
	Вліяніе скачковъ въ умственномъ развитіи	505—507
	Прогрессъ въ развитіи видоваго человѣческаго знанія	507—509
	Неполная мыслевая работа, кончающаяся соединеніемъ однихъ только частныхъ синтезовъ безъ участія общихъ	509—513
	Пользованіе готовыми индукціями	513—514
	Уходъ за дедуктивнымъ мышленіемъ	514—517
	Уходъ за выраженіемъ мыслей словами	517—524
	Соблюденіе равновѣсія во всѣхъ областяхъ умственнаго развитія	524—526
	Что такое наука и ея отношеніе къ уму?	526—528
	Необходимость отдыха при умственныхъ занятіяхъ	528—530
	Обязанности и роль воспитателя	530—536
	Педагогическій діагнозъ	537—540
	Необходимыя условія со стороны воспитывающагося для всесторонняго умственнаго развитія	541—549
	Вліяніе врожденныхъ и наслѣдственныхъ условій со стороны мозга	542
	Вліяніе упражненій на умственное развитіе	543

W 20017137

95712 - 1

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

Столь продолжительный, почти семилѣтній, промежутокъ между изданіемъ перваго тома и выпускомъ настоящаго, налагаетъ на меня обязанность извиниться передъ читателями перваго тома въ этой проволочкѣ. Мыслители и ученые, пишущіе о психологіи обыкновенно всецѣло посвящаютъ исключительно этому труду все свое время, всю свою жизнь. Мнѣ было возможно удѣлить настоящему сочиненію только часы моего отдыха послѣ тяжелаго и утомительнаго профессиональнаго труда. Надѣюсь, что это обстоятельство извинитъ меня передъ читателями какъ въ медленности изданія сочиненія, такъ и въ несовсѣмъ тщательной, можно даже сказать плохой его стилистической отдѣлкѣ.

Въ первомъ томѣ этого сочиненія мною были изложены научныя основы моей теоріи. Въ виду того, что изложенные тамъ факты требуютъ спеціального знанія нервной фізіологіи и нѣкоторыхъ другихъ наукъ, я во второмъ томѣ въ главѣ «взглядъ назадъ» изложилъ одни только результаты изслѣдованій 1-го тома. Надѣюсь, что ихъ удобопонятность дастъ возможность и не спеціалистамъ, безъ чтенія перваго тома, понять мою теорію и ея приложеніе къ воспитанію. Съ помощію этой теоріи, точно передъ глазами читателя, постепенно, изъ простѣйшихъ элементовъ познанія создается весь психо-интеллектуальный органъ, со всѣми его отдѣльными функціями, какъ атрибутами. Читатель при этомъ убѣдится, что съ развитіемъ каждой новой части органа получается новое имъ продуцируемое знаніе, что съ каждымъ приростомъ органа, полученномъ отъ вновь образовавшагося дифференцированія его ткани, получается болѣе обширное единичное знаніе, обнимающее всѣ частныя элементы познанія, изъ которыхъ развилась та спе-

ціальная часть. Если въ первомъ томѣ мы старались указать на логичность и научность основъ нашей теоріи, подводящей всѣ психическія явленія подъ общіе законы, господствующіе въ природѣ вообще и въ живомъ организмѣ въ особенности, то знакомство съ самимъ здавіемъ психо-интеллектуальнаго органа, надѣюсь, à posteriori убѣдитъ читателя, что каждое изъ частныхъ явленій нашего интеллекта и чувства нашло въ томъ зданіи свое законное мѣсто. Въ немъ пріютилась вся наша познавательная сила отъ элементнаго познанія простѣйшихъ явленій въ природѣ, отъ ощущеній и чувствъ нашего тѣла, до самыхъ отвлеченныхъ познаній, до нашего идеальнаго міра и нашихъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Этому гармоническому развитію не встрѣчается никакихъ противорѣчій ни со стороны высшихъ нами познанныхъ законовъ бытія вообще, ни со стороны законовъ жизни организма въ особенности. При всей постройкѣ нашего зданія мы ни разу не прибѣгли къ метафизическому цементу, безъ большаго или меньшаго участія котораго до сихъ поръ не создавалась ни одна психологическая теорія.

Мы позволяемъ себѣ думать, что наша теорія имѣетъ еще одно преимущество передъ другими; оно состоитъ въ томъ, что она даетъ реальный и наглядный образъ субстрата каждой познавательной силы и объясняетъ происхожденіе и взаимодѣйствіе этихъ силъ обыкновенными законами механики. Въ реальномъ представленіи всего нашего психо-интеллектуальнаго органа съ проявляющимися въ его специальныхъ частяхъ частными силами, въ видѣ познавательныхъ функций, мы не прибѣгли какъ математики къ произвольнымъ знакамъ цифръ и буквъ; для объясненія отвлеченныхъ законовъ мы не сочиняли произвольныхъ формулъ для примѣненія ихъ къ частнымъ случаямъ. Символами, представляющими элементы нашего аппарата психо-интеллектуальной дѣятельности, отъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ, служатъ тѣ реальныя организованныя ячейки, развитіе которыхъ въ ткани, путемъ ихъ дифференцированія, образуетъ несомнѣнный субстратъ всѣхъ нашихъ остальныхъ органовъ въ тѣлѣ и работа которыхъ даетъ всѣ остальные функціи жизни.

Все отвлеченное тогда только дѣлается вполне доступнымъ нашему пониманію, когда оно развилось въ нашей душѣ изъ реальныхъ явленій, дѣйствовавшихъ на наши органы чувствъ,

поэтому, согласно нашей теории, развитие психо-интеллектуального органа изъ организованныхъ клѣточекъ доступно нашему пониманію, потому что съ помощію микроскопа и нашихъ органовъ чувствъ мы познакомились съ такимъ же процессомъ развитія всѣхъ другихъ органовъ тѣла. Врожденнаго же или самостоятельнаго, безпричиннаго образованія въ насъ отвлеченныхъ познавательныхъ силъ, какъ познаніе причинности, времени, пространства и т. п. невозможно себѣ представить, а слѣдовательно понять, почему подобныя теории совершенно мѣшаются ясному представленію психологическихъ явленій и дѣлаютъ невозможнымъ реальное примѣненіе психологіи къ педагогикѣ. Точно также, въ пониманіи проявленія какой бы то ни было силы, уму могутъ быть доступны однѣ только чисто механическія отношенія и потому всякая наука, стремящаяся къ положительному знанію, какъ напримѣръ, все естествознаніе стремится приводить всѣ явленія природы къ частнымъ механическимъ отношеніямъ, а именно къ разнымъ формамъ движенія и къ переходу этихъ движеній изъ одного состоянія въ другое. Всѣ психо-интеллектуальныя движенія въ нашей теории вездѣ проявляются какъ частные случаи законовъ механики вообще, поэтому намъ не нужно было прибѣгать ни къ сознательной, ни къ бессознательной волѣ, какъ движущей силѣ, дѣйствующей наперекоръ законамъ причинности и механики.

Въ избѣжаніи недоразумѣній, я долженъ заявить, что настоящимъ томомъ завершается одна только половина начертаннаго нами зданія, а именно—развитіе мысли и ума. Развитие чувства и нравственности (этика) составляетъ предметъ послѣдняго тома, уже мною написаннаго, но время изданія котораго неопредѣленно и будетъ зависѣть какъ отъ моего времени, такъ и отъ степени сочувствія, которымъ удостоитъ читающая публика настоящій трудъ. Согласно моей теории мозгъ собственно не есть органъ мышленія и чувства, но только всѣ движенія, извнѣ поступающія въ мозгъ черезъ нервныя (центробѣжныя) волокна, его функціей и творчествомъ метаморфозируются и путемъ организаціи превращаются въ организованныя части нашего тѣла, развивающія познавательныя силы. Движенія или силы, пришедшія въ мозгъ извнѣ черезъ нервы органовъ чувствъ, превращаются имъ въ наши познавательныя силы внѣшняго объективнаго міра; движенія же, вызываемыя въ на-

шемъ собственномъ тѣлѣ, какъ механическія, химическія, термическія и т. п., сообщаясь нашимъ чувствительнымъ нервамъ, въ мозгу превращаются въ организаціи, дающія субъективныя познанія состояній нашего собственного тѣла. Какъ въ первомъ случаѣ то, что мы называемъ нашимъ объективнымъ познаніемъ, собственно говоря, не есть познаніе дѣйствительныхъ внѣшнихъ движеній, а дѣятельности нашихъ внутреннихъ организованныхъ формацій—представленій, такъ и въ познаніи нашихъ чувствъ мы не познаемъ дѣйствительныя измѣненія нашего организма, а тѣ организованныя формаціи, которыя силой мозговыхъ клѣточекъ образовались, какъ метаморфозъ объективныхъ движеній въ нервахъ организма.

Всѣ чувства человѣка имѣютъ свой единственный источникъ во внутреннихъ движеніяхъ, сообщающихся чувствительнымъ нервамъ, какъ объективное познаніе имѣетъ одинъ только корень во внѣшнихъ движеніяхъ, дѣйствующихъ на наши органы чувствъ.

Развиваясь изъ двухъ различныхъ источниковъ, эти двѣ спеціальныя части познавательнаго аппарата объективнаго и субъективнаго міра, вскорѣ тѣсно соединяются между собою и какъ бы ни казался объективнымъ процессъ нашего мышленія, всегда въ немъ принимаетъ большое или меньшее участіе субъективное движеніе и наоборотъ—во всякомъ субъективно-сознательномъ чувствѣ принимаютъ участіе и элементы объективнаго познанія.

По природѣ нашего психо-интеллектуальнаго аппарата всѣ сложные одновременно дѣятельныя въ немъ процессы приводятся къ единичному движенію, причемъ изъ различно дѣйствующихъ силъ сильнѣйшія, побѣждая слабѣйшія, опредѣляютъ собою какъ единичность содержанія результата мыслевой работы, такъ и разрѣшеніе ея единичнымъ сознательнымъ дѣйствіемъ. Поэтому вмѣстѣ дѣйствующія объективное и субъективное движенія, разнородныя какъ по происхожденію, такъ и по цѣли стремленія (первыя къ познанію абсолютной истины, а послѣднія къ удовлетворенію чувства), для прихода къ единичному и совокупному дѣйствію, должны выдержать большую или меньшую борьбу. Она обусловливается силой борющихся началъ, на сколько каждая изъ этихъ силъ преимущественно развита въ человѣкѣ вообще и въ каждой дѣятельной психо-интеллектуальной группѣ въ особенности. Развитіе чувства собственного тѣла пред-

шествуетъ развитію объективнаго познанія и сначала быстрѣе его развивается, поэтому чѣмъ ниже ступень, до которой дошло умственное развитіе познанія вообще, тѣмъ болѣе чувственность преобладаетъ въ душѣ. Дѣти и дикіе люди это вполне доказываютъ. Но съ началомъ развитія связей представленій объективнаго міра, познаніе причины и слѣдствія начинаетъ уже нерѣдко побѣждать субъективныя стремленія. Болѣе взрослое дитя, зная дурныя послѣдствія желаемаго, перестаетъ къ нему стремиться и наоборотъ, знаніе причины желаемаго даетъ нерѣдко возможность и средства къ его достиженію. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ психо-интеллектуальнаго органа, объективная сила болѣе и болѣе увеличивается насчетъ субъективной. Въ обыкновенной психо-интеллектуальной жизни происходитъ постоянная борьба между чувствомъ и разсудкомъ. Побѣда иногда дается то одному, то другому изъ борцовъ, смотря по ихъ интенсивности. Большею же частію эти обѣ силы дѣйствуютъ сообща, и результаты въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка получаются мѣшанные. Оттого мы были вынуждены изслѣдованіе воли и характера человѣка и вліяніе чувства на мыслевую дѣятельность вообще помѣстить въ 3-й томъ, вслѣдъ за разборомъ чувства.

Высшее нравственное чувство ищетъ своего руководителя и свою опору въ разумъ и открываемой имъ истинѣ. Настоящая нравственность есть только та, которая освѣщается полной силой разума, т. е. познанія законовъ отношенія людей другъ къ другу и всего человѣчества ко вселенной.

Высшая культура мышленія можетъ развить въ человѣкѣ высокій умъ и обширныя познанія, независимо отъ субъективнаго прогресса въ чувствахъ; послѣднія могутъ, даже несмотря на высокое умственное развитіе, оставаться на степени узкаго эгоизма. Но возвышенная нравственность безъ значительнаго умственнаго развитія невозможна. Одно желаніе дѣлать добро и даже поступки совершенные съ этой цѣлію не даютъ гарантіи истинной нравственности, потому что безъ руководства разума она дѣйствуетъ слѣпо. Стремленіе осчастливить однихъ можетъ принести несчастіе другихъ, кажущееся добро въ настоящемъ можетъ принести бѣдствіе въ будущемъ. Относительно высокая нравственность можетъ только получиться отъ сочетанія высокыхъ субъективныхъ стремленій съ познаніемъ истины, получаемымъ только отъ современно развитаго ума.

Чувство только тогда сознательно идетъ по истинной дорогѣ, когда ее освѣщаетъ разумъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ первоначально познакомить читателя съ законами для развитія ума, чтобы затѣмъ перейти къ законамъ развитія нравственности.

Въ заключеніи, я считаю нужнымъ обратить вниманіе читателей еще на одно очень важное обстоятельство,, отъ котораго вполне будетъ зависѣть польза для него отъ чтенія настоящаго сочиненія. Это обстоятельство состоитъ въ слѣдующемъ: все сочиненіе представляетъ строго послѣдовательно развитое ученіе, въ которомъ каждая послѣдующая часть объясняется всѣми ей предшествующими. Поэтому пониманіе сочиненія и уясненіе себѣ пользы его въ примѣненіи къ воспитанію возможно только при чтеніи его, безъ всякихъ пропусковъ, отъ начала до конца.

М. Зеленскій.

ГЛАВА I.

Взглядъ назадъ на результаты нашихъ предшествующихъ изслѣдованій.

Въ наукѣ твердо установился фактъ, что вся работа продуцируемая живымъ тѣломъ, называемая жизнью, есть только сумма единичныхъ работъ отдѣльныхъ ячеекъ всего организма и всѣ различные виды этой дѣятельности, суммирующіеся въ жизни, какъ въ цѣломъ, продуцируются разнообразно организованными ячейками. Анатомія, микроскопическія изслѣдованія тканей каждаго органа, химическій анализъ входящихъ и выходящихъ изъ каждаго органа соковъ и фізіологическіе опыты надъ животными, иногда и надъ людьми, несомнѣнно подтвердили зависимость почти каждой фізіологической функціи отъ ея органа, какъ причины. Одни только психологическія отправленія доселѣ не подошли подъ безспорный фізіологическій законъ, *что всякая функція продуцируемая организмомъ можетъ только исходить изъ его организованныхъ ячеекъ*, несмотря на то, что сила познанія, ума и чувства суть такія же функціи организма, какъ всѣ другія. Наукѣ до настоящаго времени не удалось возстановить причинную связь между психо-интеллектуальными явленіями и органомъ этихъ явленій—мозгомъ. Съ помощію натяжекъ, несмотря на важныя противорѣчія, можно было указать на приблизительную связь между нервными ячейками мозга, какъ субстратомъ, и воспріятіями, представленіями, нервными чувствами, какъ функціей этого субстрата. Зато отвлеченное мышленіе человѣка, его высшія чувства и проявленія его воли совершенно насмѣхаются надъ попытками такого объясненія ихъ происхожденія. Вслѣдствіе этого, въ послѣднее время развилась дуалистическая школа въ психоло-

ги, разсматривающая низшія психическія явленія въ области мысли и чувства, какъ фізіологическую функцію нервныхъ мозговыхъ ячеекъ, а высшія психическія явленія приводятся въ зависимость отъ непонятной метафизической силы, стоящей внѣ закона. Такъ въ міеологіи громъ и молнія объяснялись капризомъ воображаемыхъ боговъ, такъ Аристотель объяснялъ причину паденія тѣлъ бросательной силой въ каждомъ тѣлѣ находящейся. Согласно ученію дуалистовъ высшія психическія силы подчиняютъ себѣ и распоряжаются низшими въ психической жизни, какъ виртуозъ для своей игры пользуется клавишами инструмента.

Причина такой отсталости психологіи отъ фізіологіи заключается въ крайней трудности изслѣдованія мозга и совершенной недоступности прямому наблюденію самаго субстрата, продуцирующаго психическую функцію. Со стороны мозга, анатомическому изслѣдованію служили препятствіемъ, не только сложное устройство его, но и малость самыхъ дѣятельныхъ элементовъ мозга, отчасти доступныхъ только микроскопу, отчасти же уходящихъ изъ подъ его контроля, по своей бесконечно-малой величинѣ. Въ этихъ условіяхъ кроется невозможность изученія мозга, которое уяснило бы, какъ отношеніе его составляющихъ элементовъ другъ къ другу, такъ и непрерывную ихъ связь между собою. Экспериментальнымъ приемамъ фізіологіи мозгъ человѣка совершенно недоступенъ, даже опыты надъ животными дали очень мало результатовъ, во 1-хъ, по случаю огромной разницы въ устройствѣ мозга и психо-интеллектуальной функціи человѣка и животныхъ и во 2-хъ, вслѣдствіе особенной чувствительности мозга ко всѣмъ насильственнымъ приемамъ, причемъ прекращаются не только отправленія частей непосредственно испытываемыхъ, но и многихъ остальныхъ, тѣсно связанныхъ между собою какъ условіями кровообращенія, такъ и условіями функціи. Слѣдствіемъ этого была невозможность, за рѣдкими исключеніями, добыть чистые результаты фізіологическимъ экспериментомъ. Отрывочныя данныя, полученныя путемъ научнаго метода изслѣдованія, отчасти дополнялись наблюденіями надъ случаями болѣзненныхъ отклоненій въ сферѣ психо-интеллектуальныхъ функцій у людей, когда эти патологическія явленія изслѣдовались въ связи съ патологическими измѣненіями мозга у этихъ больныхъ послѣ смерти. Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятыя, хотя не даютъ познанія прямой причинной связи между мозгомъ съ одной стороны и психо-интеллектуальными яв-

женіями съ другой, но всѣ они вмѣстѣ, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности, свидѣтельствуютъ о томъ, что знаніе, мысль и чувство чловѣка находятся въ нѣкоторой, хотя неопредѣленной причинной связи съ мозгомъ. Но такъ какъ причина каждой живой функціи представляется только въ организованныхъ клѣточкахъ, то должно было предположить, что и находящіяся въ мозгу нервныя ячейки должны быть субстратомъ психо-интеллектуальной функціи.

Съ другой стороны, развиваемая организмомъ внѣшняя механическая сила, которую каждый чловѣкъ называетъ своей собственной силой, есть только сумма маленькихъ силъ, развиваемыхъ мышечными ячейками. Психо-интеллектуальныя движенія, въ насъ возникающія, не только волнуютъ душу, но и служатъ источникомъ нашей сознательной дѣятельности, импульсомъ для развитія механической силы. А физика насъ учитъ, что механическая сила можетъ только нарождаться другой такой же силой, слѣдовательно сила мысли и чувства, приводящая въ дѣйствіе мускульную силу, должна въ свою очередь быть видоизмѣненіемъ другой силы, дѣйствующей въ природѣ, т. е. звѣномъ той безконечной цѣпи, которая выражается въ законѣ новѣйшей науки подъ именемъ „единства силъ“. Едва ли когда нибудь аналогія имѣла въ свою пользу столько фактовъ для внушенія вѣры. Многіе психологи, опираясь на нее, старались вовсе упразднить психологію, какъ особенную науку, указывая на психо-интеллектуальную функцію, какъ на частную область фізіологіи. Не смотря на то, до сихъ поръ всѣ попытки доказать причинную связь между организованными ячейками мозга, съ одной стороны, и психо-интеллектуальной дѣятельностію, съ другой, приводили только къ отрицательнымъ результатамъ. Мѣсто развитія и дѣятельности психо-интеллектуальной функціи, какъ безспорно доказано наукой, есть головной мозгъ и потому на него указываютъ, какъ на органъ сказанной функціи. Но при этомъ, нѣкоторые, упустивъ изъ виду, что каждая функція живаго организма можетъ быть только результатомъ дѣятельности организованныхъ ячеекъ, старались объяснить происхожденіе психо-интеллектуальной функціи химическими процессами, совершающимися въ мозгу (Моленотъ и друг.). Другіе же приписывали эту функцію нервнымъ ячейкамъ мозга, открытымъ въ немъ съ помощію микроскопа. Они сравнивали мыслевые процессы съ выдѣленіемъ, совершающимся въ ячейкахъ каждая

го секреторнаго органа. Такъ еще въ 1844 году Cabanis* сказалъ, что мозгъ производитъ выдѣленіе мысли (*La sécrétion de la pensée*). Затѣмъ С. Vogt** сравнилъ мыслевую функцію нервныхъ ячеекъ мозга съ выдѣленіемъ желчи ячейками печени и мочи ячейками почекъ. Въ 1-мъ томѣ этого сочиненія мы привели цѣлый рядъ доводовъ, заставившихъ насъ отказаться отъ признанія за нервными ячейками мозга роли непосредственныхъ производителей психо-интеллектуальной силы, какъ это и доселѣ принимается въ теоріяхъ фізіологической школы. Мы видѣли, что если таковыя объясненія сохраняютъ еще нѣкоторую тѣнь правдоподобія относительно развитія воспріятій и ощущеній дѣятельностію нервныхъ ячеекъ мозга, то эти ячейки, оставаясь неподвижными въ своемъ логовищѣ (невроглии), соединенные между собою опредѣленными путями съ помощію отростковъ и первныхъ нитей, никакъ не могутъ быть причиной высшихъ силъ мышленія и чувства, въ которыхъ тѣ первичные элементы познанія входятъ въ сложныя комбинаціи, отдѣльно существующія и какъ отдѣльныя единицы дѣйствующія. Мы видѣли, что связь представленій въ ряды, познаніе отношеній предметовъ, ассоціація отдѣльныхъ психо-интеллектуальныхъ силъ во время мыслевой и психической работы ни въ какомъ случаѣ не опредѣляется анатомическимъ положеніемъ нервныхъ ячеекъ въ мозгу и ихъ связями между собою, а зависятъ отъ случаевъ опыта и съ нимъ разнообразятся и комбинируются.

Мы знаемъ уже, что наши высшія силы познанія и чувства, разъ образовавшись изъ элементовъ познанія, живутъ въ насъ въ этой связи и при переходѣ ихъ въ недѣятельное состояніе. Пробужденные снова памятью къ дѣятельности, они разомъ развиваютъ въ познаніи такую же познавательную силу, какъ и впервые, когда они появились послѣ долговременнаго и труднаго синтетическаго развитія. Есть ли возможность допустить, что мгновенное появленіе въ насъ понятія о цѣломъ классѣ предметовъ, отвлеченной мысли, идеи или научнаго закона, обнимающаго множество частныхъ случаевъ, есть всякій разъ результатъ соединенной дѣятельности разбросанныхъ въ мозгу ячеекъ, каждый разъ до появленія тѣхъ силъ въ познаніи снова начинающихъ свою работу соединенія элементарнаго въ сложные процессы познанія. Этому

* Cabanis, *Rapports du phisique et du moral de l'homme*, Paris, 1844.

** С. Vogt, *Köhlerglaube und Wissenschaft* и его диспутъ съ Вагнеромъ.

противорѣчитъ изумительная скорость, съ которой въ нашемъ сознаниі возстаютъ ряды прежде пережитыхъ представленій и прежде выработанныхъ высшихъ синтезовъ нашего познанія и чувства. Во время обдумыванія какого нибудь предмета, какъ будто чудомъ, изъ сокровищницы опыта каждаго человѣка появляются на мыслевой аренѣ изъ приобрѣтеннаго запаса знанія всѣ психо-интеллектуальныя силы, нужныя для каждой работы данной минуты, не смотря на то, что силы, принимающія участіе въ этой работѣ, могутъ быть совершенно разнохарактернаго свойства, развиваясь въ организмѣ на большемъ или меньшемъ разстояніи времени. Это доказываетъ, что зависимость этихъ силъ происходитъ не отъ анатомическаго расположенія постоянныхъ и неподвижныхъ элементовъ мозга и ихъ соединеній, а отъ внѣшняго опыта, съ помощію котораго постепенно развивались въ человѣкѣ познавательныя силы, и что условіемъ соединенія этихъ силъ для совмѣстной работы не суть постоянныя пути соединенія нервныхъ клѣточекъ, а совершенно независимо отъ нихъ, средство существующее между этими элементами познанія, вложенное въ каждое изъ нихъ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ внѣшняго опыта, въ свое время его вызвавшего. Быстрота теченія въ насъ представленій и другихъ факторовъ познанія, изумительная скорость ихъ появленія и замѣна ихъ въ сознаниі другимъ роємъ дѣятельныхъ психо-интеллектуальныхъ факторовъ, доказываютъ, что субстратомъ каждаго изъ нихъ должны быть очень подвижныя тѣла, отдѣльно живущія въ насъ, какъ въ простой формѣ, такъ и въ сложныхъ комбинаціяхъ. Очевидно, что приписать эту роль мозговымъ нервнымъ ячейкамъ нѣтъ никакой логической возможности. Мы видѣли, что гипотезѣ зависимости психо-интеллектуальныхъ явленій отъ нервныхъ ячеекъ мозга противорѣчитъ весь міръ нашихъ воспоминаній изъ пережитаго опыта, необходимыхъ при каждомъ психо-интеллектуальномъ актѣ, потому что онъ совершается не только подъ вліяніемъ настоящаго, но и всего выработавшагося въ продолженіи всей жизни человѣка опыта.

Мы знаемъ, что мозговыя ячейки, какъ и ячейки всего тѣла, доступны прямому исследованію, безпрестанно мѣняются во всемъ своемъ составѣ процессомъ питанія (некробіотическимъ). Вслѣдствіе непрестанной замѣны процессомъ питанія въ каждой клѣточкѣ отжившихъ частичекъ новыми, черезъ нѣкоторое время изъ прежней клѣточки ничего не остается и на мѣстѣ ея живетъ другая, совершенно обновленная.

Если бы воспріятіе, представленіе и т. п. были бы функціей одной или нѣсколькихъ мозговыхъ ячеекъ, то, при долгомъ отсутствіи повторенія явленія, вызвавшаго это воспріятіе или представленіе, прежде приобрѣтенное знаніе должно было бы навсегда потеряться. Между тѣмъ мы видѣли, что живущее въ насъ, какъ факторъ познавательной силы, разъ зародившись отъ внѣшняго опыта, можетъ жить въ насъ и безъ повторенія на опытѣ первоначально его вызвавшаго явленія, въ потенціальномъ состояніи, т. е. не заявляя о себѣ ничѣмъ въ продолженіи такого долгаго періода времени, въ которомъ всѣ мозговья ячейки успѣютъ многократно переродиться и замѣниться новыми. Прежде познанный интеллектуальный факторъ, не смотря даже на большую или меньшую сложность своего состава, можетъ, при подходящихъ условіяхъ, опять явиться въ познаніи и, безъ воздѣйствія соотвѣтствующаго опыта, развить ту же познавательную силу, которую онъ продуцировалъ много лѣтъ тому назадъ при своемъ первомъ появленіи въ познаніи изъ опыта. Такъ напр. дорогой мнѣ образъ матери, невидѣнной мною съ 7 лѣтняго возраста, стоитъ съ полной отчетливостью въ моей пятидесяти лѣтней памяти, какъ будто еще теперь я вижу дорогія черты, слышу ея рѣчи съ особеннымъ ей свойственнымъ тембромъ... Черезъ 20, 30 и болѣе лѣтъ въ памяти человѣка часто возстаеъ мѣстность, о которой послѣ ея посѣщенія онъ никогда не думалъ и т. п.

Не смотря на то, что дитя уже съ своимъ рожденіемъ приноситъ свой мозгъ на свѣтъ въ значительной степени развитія, каждый ребенокъ рождается безъ всякаго познанія. Даже при дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи человѣка послѣ рожденія и при правильномъ его питаніи, если бы обладатель этого мозга оставался внѣ опыта, т. е. безъ дѣйствія на его органы чувствъ впечатлѣній внѣшняго міра, то и тогда въ немъ не пробудится ни малѣйшій лучъ познанія, не родится ни представленія, ни мысли, а всѣ отправленія мозга ограничатся одними бессмысленными рефлексами на всѣ раздраженія. Отчего же въ этихъ случаяхъ, не смотря на существованіе правильно питаемаго мозга со всѣми своими клѣточками, психо-интеллектуальная функція можетъ совершенно отсутствовать? Это можетъ быть только потому, что послѣдняя не есть функція первыхъ. Если эти и имъ подобныя факты, изложенныя въ 1-мъ томѣ, вполне подтверждаютъ послѣднее положеніе, то оно невольно возбуждаетъ слѣдующіе два вопроса: 1) если наше познаніе не есть функція мозговыхъ ячеекъ большаго мозга, то къ чему же

служать большія полушарія мозга, (ихъ лобная часть въ особенности), такъ какъ мы знаемъ, что всѣ другія отправленія организма распределены между другими органами, а движеніе и чувство, какъ показываетъ фізіологія, находятся въ прямомъ отношеніи съ другими частями головного мозга. Ужели передняя часть мозговыхъ полушарій человѣка съ ея замѣчательнымъ и разнообразнымъ устройствомъ, съ удивительнымъ расположеніемъ элементовъ, открытыхъ съ помощью микроскопа въ мозговой корѣ, можетъ служить исключеніемъ въ природѣ, оставаясь трупнемъ въ организмѣ! Это сомнѣніе уничтожается фактами, доказывающими прямое отношеніе устройства объема и вѣса большого мозга, особенно его передне-лобной части къ развитію познавательной силы. Эта пропорціональная связь подтверждается и постепеннымъ усовершенствованіемъ въ его строеніи, увеличеніемъ его въ объемъ и вѣсъ, идущимъ рука объ руку съ умственнымъ развитіемъ у отдѣльныхъ личностей, у народовъ, даже у всего человѣчества (см. I т. гл. I-я). Мы видѣли, что дурно или мало развитый мозгъ всегда пропорціонально влечетъ за собою слабое развитіе ума и знанія или совершенный идиотизмъ. Далѣе, что и хорошо развитое познаніе и умъ вдругъ съ болѣзнью мозга ослабѣваютъ или уничтожаются; и наконецъ — что познаніе рождающееся въ хорошо развитомъ и правильно питаемомъ мозгу обыкновенно долговѣчно; такъ знаніе приобрѣтенное въ молодости переживаетъ заученное на старости, оно энергично въ своей дѣятельности, легче вспоминается и развиваетъ относительно большую умственную силу и творчество. Таланты и умственное развитіе не встрѣчаются у малоголовыхъ, геніальные люди отличаются хорошо развитымъ и большимъ мозгомъ. Слѣдовательно мы видимъ близкое отношеніе и зависимость интеллектуальнаго развитія отъ переднихъ частей большого мозга, хотя ни одинъ изъ этихъ фактовъ не говоритъ въ пользу того, что это есть причинная зависимость функціи отъ своего органа.

Второй вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: если всѣ психо-интеллектуальные процессы совершаются въ мозгу и носители, или производители психо-интеллектуальной силы, ни въ какомъ случаѣ не суть нервныя мозговья ячейки, и, если психо-интеллектуальная, какъ всякая другая функція можетъ только происходить изъ организованной клѣточки, то гдѣ же эти ячейки? Ни анатомія, ни микроскопъ, ни химическій анализъ намъ доселѣ не стергли таковыхъ. Въ I томѣ мы привели несомнѣнные факты изъ физики, доказывающіе, что многое, совершающееся въ природѣ,

недоступно не только не вооруженнымъ органамъ чувствъ, но и микроскопическому ислѣдованію. Никакими способами мы не можемъ наблюдать движеніе вещества, находящагося въ нервныхъ волокнахъ. У животныхъ при самой сильной функціи нервовъ и ихъ мозговыхъ ячеекъ они для самага тщательнаго нашего наблюденія кажутся неподвижными. До сихъ поръ содержимое нервныхъ волоконъ, вслѣдствіе его недоступности наблюденію, составляетъ загадку для физиологовъ. Больше всего основанія, и то въ видѣ догадки, имѣть мнѣніе, что это содержимое есть разжиженное вещество (Брюке) наподобіе газа, слѣдовательно недоступное, какъ таковое, наблюденію и осязанію. Спрашивается, невозможно-ли допустить, что, кромѣ видимыхъ въ мозгу нервныхъ ячеекъ мозга, въ немъ заключаются еще и другія организованныя ячейки, носители психо-интеллектуальной дѣятельности, но которыя, вслѣдствіе своей недостижимой зрѣнію малости и вслѣдствіи состава изъ очень разжиженного вещества, недоступны прямому наблюденію. Для познанія законовъ движенія свѣта и электричества физики должны были принять существованіе недоступнаго наблюденію чрезвычайно разжиженного вещества, наполняющаго всю вселенную — эфира, движенія котораго проявляются въ нашемъ познаніи то въ видѣ свѣта, или лучистаго теплорода, или электрическаго и магнитнаго теченія. Только съ принятіемъ этого гипотетическаго вещества сдѣлались ясными законы этихъ движеній и то, что всѣ эти казавшіяся своеобразными, ничего общаго не имѣющими между собою движенія суть только видоизмѣненія движенія одной и той же матеріи. Съ тѣхъ поръ познаніе въ этой области стало расти и доказательства его дѣйствительности даютъ ежедневныя новыя примѣненія этого знанія къ практикѣ. Изученіе біологическихъ и психологическихъ явленій привели меня для уясненія законовъ этихъ явленій къ необходимости принять гипотезу существованія въ мозгу, независимо отъ видимыхъ подъ микроскопомъ нервныхъ ячеекъ еще другихъ организованныхъ, недоступныхъ наблюденію ячеекъ, какъ носителей психо-интеллектуальной функціи. Съ принятіемъ этой гипотезы стали для меня разъясняться, какъ законы роста и развитія психо-интеллектуальной силы, такъ и психическихъ движеній. Въмѣстѣ съ этимъ стало возможнымъ реальное примѣненіе этого знанія къ практической жизни, какъ увидимъ ниже, къ культурѣ психо-интеллектуальной области чело-вѣка на основаніи реальныхъ началъ.

Повторимъ вкратцѣ данныя, послужившія основаніемъ сказанной

гипотезѣ. Мы знаемъ, что не всѣ отправления организма развиваются разомъ и не разомъ увядаютъ. Большая ихъ часть начинается во время утробной жизни, изъ которыхъ нѣкоторыя прекращаются до, — а другія вскорѣ послѣ рожденія на свѣтъ; другія отправления, какъ напр. легочное дыханіе, начинаются съ рожденіемъ, иныя гораздо позже, какъ напр. половая функція. Исторія развитія организма показываетъ, что ткань служащая субстратомъ вновь зарождающейся функціи, до того не дѣйствовавшей въ организмѣ, начинается изъ другой ткани, ей анатомически сродной, но не похожей на ткань, вновь имѣющаго развиться органа, ни анатомической его формой, ни функціей ячеекъ, ни условіями своего существованія. Извѣстно, что всѣ разнообразныя ткани и органы, составляющіе тѣло человѣка, со всѣми спеціальными и многочисленными его функціями, развиваются только изъ простой, несложной на видъ, зародышной ячейки. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ зародыша изъ одной общей ткани развиваются нѣсколько различныхъ органовъ не похожихъ другъ на друга и отличныхъ другъ отъ друга въ своихъ отправленияхъ. Такъ Келикеръ *, описывая исторію развитія зародыша говоритъ: „Изъ верхней зародышной пластинки развивается центральная нервная система, изъ средней костная и мускульная системы, половые органы и всѣ сосудистыя части. Изъ нижней—эпителий кишечнаго канала и всѣхъ железъ принадлежащихъ къ кишечному каналу“. Головной мозгъ развивается изъ зародышнаго пузыря и т. п.

Наша психо-интеллектуальная сила вообще есть также новая функція, начинающаяся только послѣ рожденія и развивающаяся, при нормальномъ ходѣ, въ продолженіи почти всей жизни человѣка. Мы уже выше сказали, что дитя родится съ мозгомъ, но съ полнѣйшимъ отсутствіемъ какого либо познанія, слѣдовательно органъ самого мышленія если, онъ содержится въ мозгу, не можетъ быть самымъ мозгомъ, а онъ долженъ изъ мозга развиться и въ немъ содержаться, какъ послѣдній въ свою очередь развивается изъ пузыря **.

Далѣе, намъ извѣстно, что мозгъ, въ опредѣленномъ періодѣ жизни, останавливается въ своемъ ростѣ, мозгъ напр. 25-лѣтняго, ни въ какомъ случаѣ не стоитъ ниже въ своемъ развитіи мозга 45-лѣтняго человѣка того же класса и племени, однако же при правильной культурѣ

* Alb. Kölliker Entwicklungs-Geschichte des Menschen. Leipzig, 1861. S. 45.

** Въ прекратившемъ свое существованіе журналѣ „Знаніе“ въ Мартовской книгѣ 1877 года нѣкій почтенный критикъ, скрывшійся подъ инициа-

ширина знанія и глубина мысли и послѣ 25-лѣтняго возраста продолжаетъ расти и развиваться и при одинаковыхъ условіяхъ объемъ и сила психо-интеллектуальной функціи у 45 лѣтняго человѣка значительно превосходитъ перваго, если въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ у перваго продолжалась культура ума и знанія. Дыханіе же, отдѣленіе почекъ и друг. отправленія, послѣ 25-лѣтняго возраста ни въ какомъ случаѣ не совершенствуются, потому что легкія и почки, дѣйствительные органы тѣхъ функцій, достигшія въ 25 лѣтъ высшаго своего развитія, болѣе не развиваются и потому ихъ функція не можетъ улучшаться. Слѣдовательно, если психо-интеллектуальная сила можетъ больше и больше развиваться еще много лѣтъ спустя, послѣ остановки въ развитіи мозга, то не мозгъ есть органъ мысли, а она (мысль) есть функція вновь развившагося отъ мозга органа, растущаго и крѣпящаго въ извѣстной независимости отъ самого мозга. Поэтому, принявъ, что психо-интеллектуальная функція независитъ непосредственно отъ нервныхъ мозговыхъ ячеекъ, и, не имѣя никакого основанія считать ее исключеніемъ изъ закона, что всякая живая функція продуцируется организованными ячейками, мы должны были принять, что истинные носители психо-интеллектуальной силы суть организованныя ячейки развивающіяся изъ ячеекъ самого мозга, какъ изъ ячеекъ матерей. Ячейки дочери проявляютъ самостоятельную отъ своихъ матерей жизнь и отличную отъ нихъ функцію. Отдѣлившись отъ мозговыхъ ячеекъ своихъ матерей, психо-интеллектуальныя ячейки входятъ въ самостоятельныя ком-

лами Б. Л. слѣдующимъ образомъ нападаетъ на мою теорію развитія психо-интеллектуальныхъ формацій изъ ячеекъ головного мозга. „Представляемъ это мѣсто на судъ всѣхъ“, говоритъ онъ, „кто сколько нибудь знакомъ съ нормальной и патологической анатоміей человѣка. Среди группъ мозговыхъ ячеекъ, среди здоровой мозговой ткани вдругъ появляется новая, несродная ей или, какъ говорятъ въ патологической анатоміи, гетерогеническая ткань отправляющая нормальную функцію организма. Извѣстно, что гетерогеническое образование (т. е. развившееся изъ другой ткани на которую оно не похоже своимъ строемъ), какъ ракъ и разныя злокачественныя опухоли составляютъ почти всегда смертельную болѣзнь. Г. Зеленскій никакъ не можетъ отрицать, что его интеллектуальныя тѣла представляютъ собою высшую степень гетерогеніи, а послѣ этого г. Зеленскій утверждаетъ что они нормальны; вѣдь это также нелѣпо, какъ сказать: здоровый ракъ, здоровая сифилитическая опухоль и т. п. Пусть пойметъ г. Зеленскій, что только какъ страшная, неизлечимая болѣзнь можетъ развиваться въ головѣ его независимая интеллектуальная ткань, что люди, у которыхъ она, чего Боже сохрани!—завелась бы, умирали бы какъ мухи...“

Почтенный критикъ былъ-бы, вѣроятно, менѣе жестокъ къ моему тру-

бинаціи только между собою и дальнѣйшее развитіе психо-интеллектуальнаго органа совершается путемъ постепеннаго дифференцірованія тѣхъ ячеекъ, въ болѣе сложныя ткани, развивающія все высшую и высшую психо-интеллектуальную силу.

Наша гипотеза подкрѣпляется полнѣйшей аналогіей съ другимъ отправленіемъ, доступнымъ непосредственному наблюденію. Это отправленіе развивается въ человѣкѣ отъ 12 до 14 лѣтъ, спустя послѣ рожденія. Мы говоримъ о половомъ отправленіи. Мальчикъ рождается также съ вполне развитыми яичками, а между тѣмъ до возмужалости не представляетъ ни малѣйшаго проявленія оплодотворяющей силы. Послѣдняя является только тогда, когда изъ эпителиальныхъ ячеекъ сѣмянныхъ канальцевъ, съ самаго начала тамъ существовавшихъ, (еще до рожденія мальчика на свѣтъ), начинаютъ образоваться новыя ячейки,

ду, если-бы ему были извѣстны вышеизложенные факты. Онъ зналъ-бы, что Графievъ пузырькъ, развивающійся изъ ткани яичниковъ, совершенно не похожъ на послѣднюю, что ткань мозга, относительно пузыря, изъ котораго она развивается есть тоже совершенно гетерогеническая ткань. Не смотря на это, не только мозгъ каждаго человѣка, но даже критика журнала „Званіе“ не представляетъ ни раковой, ни сифилитической опухоли. Если-бы мозгъ послѣдняго былъ правильнѣе развитъ и лучше культивированъ воспитаніемъ, то, не смотря на гетерогенное его происхожденіе, его продукты не были-бы настолько патологическими, какъ доказала его критика. Отсутствіе систематическаго ученія и пользованіе одними только верхушками научнаго знанія изъ популярныхъ книгъ породило тотъ сумбуръ въ понятіяхъ г. критика, вслѣдствіе котораго онъ смѣшалъ нормальное развитіе тканей организма съ образованіемъ злокачественныхъ гетерогеническихъ опухолей. Недостатокъ нравственнаго чувства помѣшалъ критику честно отнести къ чужому труду и, пользуясь слабымъ научнымъ развитіемъ нѣкоторой части читающей публики, позволилъ ему насмѣяться надъ моимъ трудомъ и запачкать его хотя-бы грязью своего собственнаго невѣжества.

Одинъ мой знакомый говаривалъ, что умирать ему не страшно, даже мысль лежать въ сырой землѣ тоже его не отталкиваетъ отъ смерти, съ однимъ онъ не могъ помириться, что послѣ смерти—по немъ и въ немъ будутъ копошиться черви. Совершенно на подобныя размышленія долженъ наводиться соотечественный авторъ всякій разъ передъ изданіемъ научнаго труда. Человѣка идеи и науки не устрашить то, что изъ 90 милліоновъ его соотечественниковъ едва прочитаютъ его трудъ 500 человѣкъ, а еще меньшее число его пойметъ, онъ раньше мирится съ тѣмъ, что намѣсто благодарности за свою тяжелую и многолѣтнюю работу его ожидаютъ и неоплатившіеся расходы на изданіе и прямые и косвенные, явные и втихомолку направленные наладки. Одна только мысль вызываетъ въ издателѣ глубокую душевную боль и едва преодолимое отвращеніе,—это та, что на мѣсто честныхъ критиковъ уважающихъ науку и трудъ, поползутъ по дорожному ему дѣтищу различныя критики вышеприведенной пробы.

называемыя сѣмянными, совершенно не похожія на ячейку мать, изъ которой онѣ развились. Сѣмянная ячейка отличается отъ послѣдней, какъ извѣстно, формой, функціей и подвижностью. Матери-ячейки остаются неподвижными, удерживаясь въ постоянной связи между собою плотнымъ между-ячейстымъ веществомъ, а сѣмянные ячейки очень подвижны, безпрестанно мѣняютъ мѣсто, благодаря жидкости, выдѣляемой тѣмъ же органомъ, въ которой онѣ легко совершаютъ свои передвиженія, какъ инфузориі въ водѣ и, далеко отъ своего мѣста рожденія, развиваютъ имъ свойственную оплодотворяющую функцію.

Функція сказаннаго эпителия, т. е. маточныхъ ячеекъ состоитъ, кромѣ питанія и развитія себѣ подобныхъ ячеекъ, только въ приготовленіи сѣмянныхъ ячеекъ, самая же сила оплодотворенія заключается не въ ячейкахъ-матеряхъ, а только въ ихъ дочеряхъ—сѣмянныхъ ячейкахъ. Эти элементы, въ своемъ движеніи, пришедшіе въ соприкосновеніе съ женскимъ яичкомъ совершаютъ великій актъ оплодотворенія. Образование сѣмянныхъ ячеекъ, ихъ движеніе, ихъ оплодотворяющая сила, до открытія микроскопа, была такая же загадка, какъ теперь появленіе въ насъ элементовъ познанія, ихъ комбинаціи, ассоціаціи и теченіе нашихъ мыслей. Такую же аналогію образования субстрата, психо-интеллектуальной функціи представляютъ: образование, свобода движенія и функція кровянныхъ ячеекъ.

Читатели перваго тома могли убѣдиться, что наша гипотеза создана не на основаніи этихъ и имъ подобныхъ аналогій, а прямо вытекла изъ научныхъ фактовъ и правильной логической оцѣнки какъ дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на органы чувствъ и ихъ нервы, такъ и перехода этихъ впечатлѣній въ познаніе. При анализѣ всѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній на всѣ наши органы чувствъ, со стороны внѣшняго міра, мы пришли къ одному ихъ общему атрибуту, а именно, что дѣйствія всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній на органы чувствъ приводятся къ одному только движенію. Такъ зрительныя впечатлѣнія сообщаются намъ колебаніями эфира, слуховыя — волнообразными движеніями воздуха, осязательныя, — механическими движеніями или противодѣйствіемъ осязаемаго предмета, вкусовыя — химическими движеніями вкушаемаго и т. п. Слѣдя дальше за судьбой подѣйствовавшаго внѣшняго движенія на тотъ или другой органъ, путемъ физиологическихъ изслѣдованій, мы убѣдились, въ томъ, что для того, чтобы, подѣйствовавшее на какой либо изъ органовъ чувствъ

впечатлѣніе, вызвало его сознательное познаніе необходимо, чтобы полученное внѣшнее движеніе органомъ чувствъ, черезъ его посредство, передалось находящемуся въ немъ окончанію волокна его специфическаго нерва. Это внѣшнее движеніе воспринятое тѣмъ нервнымъ волокномъ протекаетъ въ каналѣ послѣдняго (осевомъ цилиндрѣ) до самаго мозга. Физиологическія изслѣдованія сдѣлали несомнѣннымъ, что существенный элементъ въ первомъ волокнѣ для передачи этого движенія есть осевой каналъ нерваго волокна (Axencylinder). Цѣлымъ рядомъ опытныхъ доказательствъ мы старались убѣдить читателя, что теченіе въ первомъ волокнѣ воспринятаго движенія изъ органа чувствъ къ мозгу въ этомъ осевомъ каналѣ подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ вообщее теченіе разжиженнаго вещества по каналамъ. Мы видѣли, что сдавливаніе гдѣ нибудь на протяженіе нерва, нарушеніе цѣлости осевого канала дѣлаетъ невозможнымъ воспріятіе познанія подѣйствовавшаго на органъ чувствъ соотвѣтствующаго внѣшняго впечатлѣнія.

Также точно дѣйствіе холода на чувствительныя нервныя волокна сначала замедляютъ передачу имъ сознанію внѣшняго раздраженія и наконецъ совершенно прекращаетъ движеніе въ каналѣ и сильнѣйшія внѣшнія раздраженія вовсе перестаютъ сознаваться. Также дѣйствуетъ хлороформъ, эфиръ и т. п. Но если внѣшнее впечатлѣніе на органъ чувствъ познается только послѣ того, какъ движеніе въ осевомъ каналѣ вызванное этимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ успѣетъ сообщиться соотвѣтствующей мозговой ячейкѣ, то спрашивается: что можетъ протекать въ тѣхъ каналахъ, такъ какъ для этого, кромѣ полученнаго движенія, необходимо еще и движущееся вещество. Физиологическіе опыты доказываютъ, что въ осевыхъ каналахъ нервныхъ волоконъ образуется вещество изъ крови, которое играетъ существенную роль въ актѣ познанія внѣшняго опыта. Такъ перевязка артерій идущихъ къ чувствительному нерву, лишая его питанія дѣлаетъ его неспособнымъ передавать познанію внѣшнія впечатлѣнія подѣйствовавшія на его органъ. Также точно черезчуръ сильное внѣшнее движеніе переданное нервомъ мозгу, или частое повтореніе одного и того-же впечатлѣнія на органъ чувствъ, съ малыми промежутками, вызываетъ невозможность дальнѣйшей функціи нерва, слѣдовательно и познанія новыхъ впечатленій, пока процессомъ питанія не возстановится черезчуръ быстро израсходованное вещество нерваго осевого канала. Съ возстановленіемъ питанія внѣшнія впечатлѣнія снова начинаютъ энергично познаваться. Такимъ образомъ, мы мало по

малу должны были убѣдиться, что движеніе каждаго внѣшняго впечатлѣнія не теряется въ органѣ чувствъ, а переходитъ на содержимое вещество находящееся въ соотвѣтствующемъ осевомъ цилиндрѣ нервного волокна, здѣсь оно вѣроятно вызываетъ движеніе, согласное съ характеромъ движущейся среды. Какъ всякое вещество, добытое въ организмъ изъ крови (изъ пищи) для функціи, содержитъ въ себѣ потенциальную силу, переходящую только во время функціи въ активную, то и нервная матерія, образовавшаяся изъ крови лежитъ инертно въ каналѣ чувствительнаго нервного волокна до дѣйствія на нее толчка внѣшняго движенія. Послѣдній побуждаетъ сначала инерцію ближайшихъ къ нему частичекъ нервной матеріи, которыя увлекаетъ въ своемъ движеніи, передавая его преимущественно дальше и дальше сосѣднимъ частичкамъ нервной матеріи въ волокнѣ. Такъ напр., въ неподвижномъ воздухѣ комнаты сила движенія, выдыхаемаго курящимъ табачнаго дыма приводитъ сначала въ движеніе близъ лежащія частицы воздуха, а затѣмъ это движеніе передается дальнѣйшимъ, до выхода этого воздуха, въ движеніи, изъ отверстій комнаты наружу, что видно по движенію дыма, образовавшегося отъ примѣси къ воздуху угольныхъ частичекъ сгорающаго табака. Какъ бы ни было незначительно внѣшнее движеніе перешедшее въ нервный каналъ, оно своимъ активнымъ толчкомъ сообщеннымъ ближайшимъ частицамъ нервной матеріи, находящейся внутри осевого канала нерва, переводитъ ихъ скрытую силу въ дѣятельную; послѣднія-же, при своемъ дальнѣйшемъ активномъ теченіи, Приходя въ соприкосновеніе съ другими частицами содержимаго того канала возбуждаютъ ихъ тоже къ активной дѣятельности. Такимъ образомъ первоначальное движеніе возбужденное въ нервномъ волокнѣ, толчкомъ внѣшняго движенія, образуетъ, какъ будто зерно, около котораго, въ видѣ лавы, съ дальнѣйшимъ теченіемъ, нарастаетъ масса вещества въ движеніи. Въ своемъ мѣстѣ мы привели изъ фізіологіи, твердо въ ней стоящій, лавинообразный законъ распространенія раздраженія въ нервахъ, вполне подтверждающій допущенную нами гипотезу, въ процессѣ перехода внѣшняго впечатлѣнія черезъ нервное волокно въ мозгъ. Такъ какъ толчокъ внѣшняго впечатлѣнія на нервное волокно имѣетъ направленіе отъ периферіи къ центру и осевой каналъ каждаго нервного волокна изолированно, не раздѣляясь идетъ отъ органа чувствъ къ мозгу, то понятно, что направленіе движенія въ нервномъ каналѣ должно быть центропетально, т. е. отъ органа чувствъ въ мозговую ячейку, въ которую тотъ каналъ вхо-

дять или если можно такъ выразиться, этотъ каналъ выливаетъ часть своего содержимаго приведеннаго въ движеніе внѣшнимъ толчкомъ. Какъ дальнѣйшее приростаніе силы и количества движущейся матеріи въ нервномъ каналѣ обусловливается силой и объемомъ первоначальнаго зерна, то во всей движущейся массѣ въ нервномъ волокнѣ должна сохраниться пропорція относительно силы, формы, движенія и объема внѣшняго толчка, сообщившагося нервному волокну. Если внѣшний толчокъ такъ слабъ, что, не смотря на его лавообразное увеличеніе въ каналѣ, онъ не можетъ довести двигающагося вещества до мозговой ячейки, то это движеніе для познанія совершенно теряется и преобразовывается въ другіе не познавательныя движенія, какъ термическія, электрическія и т. д. или дойдя до спинного мозга или двигательныхъ частей головного, это движеніе, сообщившись двигательнымъ ячейкамъ, разрѣшается въ наружу дѣйствіемъ-рефлекторнымъ, мимическимъ, и т. п. Если же это вещество въ движеніи войдетъ въ соответствующую мозговую ячейку, то не мгновенно, а черезъ нѣкоторое, даже опредѣленное опытами время въ головѣ того человѣка является новая сила. Въ ней заключается не только познаніе внѣшняго впечатлѣнія, подѣйствовавшаго вообще на познающаго, но и познаніе энергіи, силы и качества того внѣшняго впечатлѣнія. Что съ этимъ актомъ вскорѣ восстанавливается равновѣсіе въ нервѣ и мозгу, нарушенное предшествовавшимъ внѣшнимъ движеніемъ, доказывается тѣмъ, что, по окончаніи этого акта, весь аппаратъ снова дѣлается способнымъ для повторенія такого же процесса, т. е. для полученія изъ внѣшняго міра новаго сознательнаго впечатлѣнія такого-же свойства. Слѣдовательно, эта вновь возникающая сила познанія непосредственно по прекращеніи движенія въ нервномъ волокнѣ, на основаніи намъ извѣстнаго закона „единства и сохраненія силы“ не можетъ быть самобытно зарождающейся силой, также точно, какъ сила и вещество дѣйствовавшія въ нервномъ волокнѣ до появленія этого познанія не могло безслѣдно исчезнуть и потеряться въ началѣ самаго акта воспріятія. Поэтому остается только принять, что сила дѣйствовавшая въ нервномъ волокнѣ до акта познанія, преобразовалась съ переходомъ въ мозговую ячейку изъ чисто механической въ силу познанія. Такъ какъ эта сила, разъ сознательная, дѣлается болѣе или менѣе постояннымъ атрибутомъ организма, его опыта, то она, какъ всѣ подобныя ей функціи, должна принадлежать организованной ячейкѣ. Такъ какъ

мы уже убѣдились, что эта функція не можетъ принадлежать мозговой ячейкѣ, то мы должны были принять, что пришедшее вещество въ движеніе изъ периферическаго канала нервнаго волокна въ мозговой ячейкѣ, какъ въ своемъ горнилѣ перерабатывается и силой организаторскаго творчества этой ячейки переходить въ новую ячейку-дочь, непохожую на свою мать ни содержаніемъ, ни дѣйствіемъ, состоящимъ въ познаніи самое себя, т. е. того движенія которое вызвало ее и послужило матеріаломъ для ея образованія въ мозговой нервной ячейкѣ. Если мы сравнимъ полученные нами результаты съ существующими фізіологическими теоріями происхожденія познанія внѣшнихъ явленій, то мы можемъ резюмировать послѣднія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) внѣшнее впечатлѣніе, подѣйствовавшее на органъ чувствъ, вызываетъ только раздраженіе его нерва и тѣмъ кончается роль внѣшняго впечатлѣнія; 2) раздраженіе нерва, передаваясь соотвѣтствующей мозговой ячейкѣ, вызываетъ въ ней реакцію въ видѣ воспріятія. Но это ученіе вполнѣ противорѣчитъ, какъ главнымъ законамъ механики, такъ и дѣйствительнымъ явленіямъ познавательнаго міра. Мы знаемъ, что существующее движеніе или сумма работъ не теряется, а можетъ только переходить въ работу другаго свойства. Какимъ образомъ внѣшнее движеніе, подѣйствовавъ на органъ чувствъ, съ соприкосновеніемъ къ нерву вдругъ прекращается! Также несомнѣненъ фактъ въ наукѣ, что въ природѣ никакое активное движеніе самостоятельно не возникаетъ, а можетъ быть только переходомъ другаго движенія; спрашивается: откуда можетъ самостоятельно возникнуть познаніе внѣшняго движенія безъ всякой существенной связи съ этимъ движеніемъ? Еслибы каждое внѣшнее впечатлѣніе дѣйствовало на нервъ черезъ органъ чувствъ, какъ простое только раздраженіе периферическаго нервнаго волокна, то это раздраженіе дошедшее до мозга могло бы дать во всѣхъ случаяхъ, только количественную разницу большаго или меньшаго раздраженія и потому реакція со стороны мозговой ячейки на это раздраженіе тоже могло-бы быть только количественное, т. е. познаніе, что извнѣ подѣйствовало на органъ чувствъ большее или меньшее раздраженіе. Между тѣмъ мы познаемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній массу разнообразныхъ въ качественномъ отношеніи воспріятій, не только отличающихся другъ отъ друга въ познаніи по органамъ чувствъ, откуда пришли эти впечатлѣнія, но и представляющихся очень разнообразными въ каждой сферѣ, даже одного и того же органа чувствъ.

Если сознанныя воспріятія или представленія внѣшнихъ явленій и объектовъ были бы только ничто иное, какъ реакція соотвѣтствующихъ мозговыхъ ячеекъ на раздраженія периферическихъ нервовъ, то они должны бы съ прекращеніемъ этой реакціи исчезать изъ познанія, какъ мышечное сокращеніе прекращается съ дѣйствіемъ стимула его вызвавшего. Мы же безпрестанно можемъ убѣждаться, что во время нашего мышленія въ его работѣ принимаетъ участіе все сродное объекту мышленія, которое мы познали впродолженіи всей нашей жизни и даже на огромныхъ разстояніяхъ времени. Если бы представленія объектовъ опыта сохранились въ мозговыхъ ячейкахъ, то, съ безпрестаннымъ развитіемъ опыта, въ каждой ячейкѣ должно было бы накопляться множество представленій. Спрашивается, какимъ образомъ при всякомъ мышленіи спеціальнаго содержанія изъ подъ этого вороха представленій освобождались бы только тѣ изъ нихъ, которыхъ дѣятельность требуется при данномъ мышленіи, а между тѣмъ мы знаемъ съ какой быстротой и легкостію собираются въ каждой мыслевой группѣ только сродные ряды представленій и какъ они легко мѣняются во время нашей мыслевой работы, съ перемѣной объекта мышленій.

Выводы полученные изъ нашего анализа разомъ отравили всѣ вышеказанныя противорѣчія. Они намъ показали, что внѣшнія движенія опыта и наше познаніе этихъ движеній не суть разрозненныя и ничего общаго между собою не имѣющія движенія, а только модификація перваго въ послѣднее. Хотя внѣшнее движеніе, попавъ въ среду нервнаго канала, должно видоизмѣнить, сообразно средѣ, свой характеръ; это движеніе однако, какъ будто оплодотворяя нервную матерію волокна, приноситъ ее въ мозговую ячейку, изъ которой она, какъ изъ матки, рождается съ свойствами, въ которыхъ остается печать внѣшняго движенія ее породившаго, но видоизмѣненнаго природой организма. Отсюда дѣлается понятнымъ, почему каждое воспріятіе спеціальнаго внѣшняго движенія содержитъ относительное познаніе качества этого только движенія. Также этимъ объясняется, что въ насъ должно развиваться столько же разнообразныхъ и качественно отличныхъ воспріятій внѣшнихъ явленій, сколько разнообразныхъ внѣшнихъ движеній природа нашихъ органовъ чувствъ въ состояніи передать мозговымъ ячейкамъ. Вышедшая изъ мозговой ячейки новая организованная формація или интеллектуальная ячейка должна начать жить своею собственной жизнію, независимо отъ мозговыхъ ячеекъ ее породившихъ, какъ живутъ кровяные шарики въ

крови независимо отъ селезенки, какъ сѣмянные ячейки отдѣляются отъ ихъ породившаго органа. Ячейка, образовавшаяся изъ такого матеріала, не можетъ быть доступна нашимъ органамъ чувствъ, такъ какъ этотъ матеріалъ не доступенъ имъ и въ самомъ каналѣ нервнаго волокна, гдѣ первоначально это вещество содержалось.

Не смотря на недоступность наблюденію этихъ формаций наше предположеніе о ихъ существованіи не есть праздное, ни начесть неоснованное. Въ первомъ томѣ этого сочиненія мы привели цѣлый рядъ фактовъ (см. I т. ч. I глава 5-я), вполне подтверждающихъ нашу гипотезу. Они доказываютъ, что носители интеллектуальной функціи, не смотря на ихъ недоступность органамъ чувствъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ представляютъ для посредственнаго наблюденія всѣ атрибуты организованныхъ, тѣлесныхъ ячеекъ. Такъ мы видѣли, что они рождаются и, согласно условіямъ ихъ зарожденія и ихъ питанія, болѣе или менѣе долго живутъ въ организмѣ и затѣмъ рано или поздно умираютъ. Такъ мы знаемъ изъ опыта, что познанія, вызванныя въ насъ внѣшними впечатлѣніями, нѣкоторыя вскорѣ послѣ сознанія ихъ забываются и болѣе ни при какихъ условіяхъ не могутъ возобновиться въ памяти; другія живутъ годами и даже почти всю жизнь, хотя болшею частію находятся въ потенціальномъ состояніи, т. е. не производя никакой познавательной работы. Но если сродная дѣятельная психо-интеллектуальная единица вызоветъ какую нибудь изъ нихъ изъ потенціальнаго состоянія, то каждая изъ нихъ снова продуцируетъ познаніе своего содержанія, вложеннаго въ него давно прошедшимъ опытомъ.

Окончательная же смерть такихъ представленій явствуетъ изъ случаевъ, когда явленіе или объектъ, прежде познанный и представленный снова предъ органами чувствъ, воспринимается какъ новый, прежде никогда не бывшій въ познаніи. Тѣлесность носителей познанія доказывается ими занимаемомъ пространствомъ и временемъ необходимымъ, какъ для ихъ передвиженія въ мышленіи, такъ и для самой психо-интеллектуальной работы. Такъ въ дѣятельномъ мышленіи можетъ участвовать только ограниченная группа представленій, сложные предметы, познаніе которыхъ слагается изъ большаго количества представленій, проявляютъ свою дѣятельность ни разомъ, а группами, по частямъ, причемъ въ строгомъ порядкѣ, согласно своимъ психо-интеллектуальнымъ связямъ въ пространствѣ или во времени, одна часть этихъ представленій по окончаніи ея мыслевой работы, смѣняется слѣдующей и т. д.

Объекты же мышленія, обнимающіе малое число представленій, обдумываются разомъ. Не доказываетъ ли это, что случаи перваго разряда вынуждаются только недостаткомъ мѣста разомъ для всѣхъ дѣятельныхъ факторовъ на аренѣ мыслевой дѣятельности. Опытъ Вундта доказалъ, что сознаться можетъ въ данную минуту одно только впечатлѣніе, подѣйствовавшее на органъ чувствъ, а если два или болѣе объекта вмѣстѣ представляются передъ органами чувствъ, то они сознаются поодиночкѣ и одинъ за другимъ. Наконецъ мѣсто, занимаемое носителями познания, доказывается предѣльностью человѣческой памяти и знанія вообще.

Всѣ подвижныя тѣла, какъ напр. кровяныя шарики, требуютъ извѣстнаго времени для своего передвиженія; также несомнѣнно то, что и теченіе въ насъ представленій, мыслевая работа не можетъ совершаться безъ большаго или меньшаго протяженія времени; да и первоначальное познаніе времени человѣкъ получилъ только отъ продолженія во времени его мышленія. Для человѣка, въ которомъ пріостановилось психо-интеллектуальное теченіе, какъ напр. во снѣ или въ обморокѣ, времени не существуетъ. Наконецъ аналогія между познавательными ячейками и другими доступными изслѣдованію въ тѣлѣ доказывается необходимостію ихъ поддержанія процессомъ питанія. Несомнѣнные факты доказываютъ, что вся психо-интеллектуальная дѣятельность, начиная отъ воспріятія до высшаго мышленія и чувства, безъ правильнаго прилива крови къ мозгу дѣлаются невозможными. Люди, потерявшіе много крови или ослабленные послѣ изнурительной болѣзни, дѣлаются интеллектуально вялыми, скоро забываютъ ими пережитое, туго и медленно понимаютъ и неспособны на усиленную мысленную работу. У такихъ людей всякій умственный трудъ вызываетъ быстрое утомленіе и, вслѣдствіе малокровія мозга, они легко падаютъ въ обморокъ, и тогда въ чело вѣкѣ вся психо-интеллектуальная жизнь внезапно прекращается. Стоитъ только положить такого человѣка головой внизъ, и прильнувшая отъ того кровь къ мозгу вдругъ приводитъ человѣка въ сознаніе и вся психо-интеллектуальная функція оживаетъ, какъ будто чудомъ, также быстро, какъ внезапно до того она прекратилась. Голова обезглавленнаго животнаго, какъ извѣстно, не представляетъ ни малѣйшаго признака психо-интеллектуальной жизни; Brown-Séguard, вспрыскивая въ артерію такой головы собаки дефибринированную и окисленную кровь, вызывалъ въ ней на нѣкоторое время скоропроходящее сознаніе внѣшнихъ

явленій. Такъ онъ назвалъ собаку по имени и глаза головы обернулись въ сторону, откуда былъ слышенъ знакомый зовъ *. Во время сна, когда останавливается психо-интеллектуальный механизмъ, въ мозгу образуется малокровіе, съ возобновленіемъ же психической дѣятельности кровь приливаетъ. Нѣкоторые медики убѣдились въ этомъ непосредственнымъ наблюденіемъ надъ мозгомъ человѣка, мѣстно лишеннаго своихъ покрововъ. Такъ Caldwell наблюдалъ одного больного, у котораго, вслѣдствіе разрушенія части черепа, видѣнъ былъ мозгъ, покрытый оболочками. Во время покойнаго сна этого больного мозгъ оставался почти неподвижнымъ, во время бреда мозгъ увеличивался въ объемѣ, при оживленномъ бредѣ мозгъ подымался и выпячивался надъ отверстіемъ въ черепѣ. Такія же наблюденія произведены были и другими и подтверждены физиологическими опытами **.

Но какъ образовательный матеріалъ интеллектуальныхъ формацій, кромѣ элементовъ, доставляемыхъ кровью, заключается еще и во внѣшнихъ движеніяхъ, пришедшихъ извнѣ черезъ органы чувствъ, то ослабѣвшія интеллектуальныя ячейки, вслѣдствіе долгой недѣятельности, или недостатка питанія, напр. послѣ тяжкихъ болѣзней, не только нуждаются, какъ другіе органы, для возстановленія своихъ силъ, въ питаніи изъ крови, но и въ возобновленіи вхожденія въ нихъ внѣшнихъ движеній, изъ которыхъ они впервые образовались. Такъ, послѣ такого общаго ослабленія организма и мозга и его психо-интеллектуальныхъ формацій, напр. послѣ тяжкаго тифа, если современемъ вновь воспита-

* *Annales médico-physiol.*, 1870 p. 350.

** См. Cl. Bernard, *leçons sur les anesthésiques* p. 117. Paris.

Byasson † наглядно доказалъ, что не только питаніе мозга, но и самая умственная работа совершается на счетъ элементовъ, получаемыхъ организмомъ изъ крови. Онъ подвергъ себя, впродолженіи нѣсколькихъ дней, покойной жизни въ физическомъ и психическомъ отношеніи. При этомъ онъ принималъ опредѣленное только количество пищи, въ которой, съ помощію химическаго анализа, было точно опредѣлено количество фосфорнокислыхъ и сѣрнокислыхъ солей. Затѣмъ онъ опредѣлялъ количественное содержаніе этихъ солей въ мочѣ, испускаемой имъ впродолженіи этого опредѣленнаго времени. Получивъ рядъ положительныхъ данныхъ изъ этихъ опытовъ, онъ предался умственному труду, оставаясь на совершенно такой же пищѣ, какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и по содержанію фосфорно-кислыхъ и сѣрно-кислыхъ солей. По мѣрѣ продолженія умственнаго труда, выдѣленіе этихъ солей мочою замѣтно увеличивалось, сравнительно съ количествомъ полученнымъ изъ прежнихъ опытовъ. †

† Byasson, *Essai sur la relation qui existe à l'état physiologique entre l'activité cérébrale et la composition des urines.*—*Journ. d'anatomie de Robin* 1869, p. 560, цит. Люисомъ с. 55.

ногиается питаніе, то всё остальные отправленія организма, двигательныя и вегетативныя функціи мозга могутъ прійти къ нормѣ, но въ такихъ случаяхъ одно только знаніе и мышленіе нерѣдко остаются не возстановленными. Съ выздоровленіемъ возвращаются прежнія функціи и мышечная сила, но до болѣзни усвоенное знаніе, забытое во время болѣзни, не возвращается, пока человѣкъ снова не возобновитъ своего ученія, т. е. возобновленія дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на органы чувствъ впервые вызвавшихъ забытое знаніе. Такимъ образомъ вновь выражается двойственность содержанія психо-интеллектуальныхъ ячеекъ и самостоятельное, отдѣльное существованіе другъ отъ друга нервныхъ ячеекъ мозга и психо-интеллектуальныхъ ячеекъ. Поэтому мы были вынуждены, какъ читатель могъ убѣдиться, не безъ надлежащаго основанія, признать присутствіе особенныхъ психо-интеллектуальныхъ ячеекъ, развивающихся отъ мозговыхъ, какъ отъ своихъ матерей-ячеекъ, и живущихъ особенной отъ нихъ жизнію.

Эти элементарныя психо-интеллектуальныя ячейки представляютъ двоякую дѣятельность: во 1-хъ, онѣ развиваютъ познаніе своего содержанія, т. е. внѣшняго впечатлѣнія ихъ вызвавшаго и во 2-хъ, онѣ представляются элементами для дальнѣйшаго развитія и роста психо-интеллектуальнаго органа, представляя собою первоначальные элементы для будущаго дифференцированія ткани этого органа.

Знакомясь съ различными типами животнаго царства отъ самыхъ простыхъ одноклѣтчатыхъ до самаго сложнаго организма млекопитающихъ, кончая человѣкомъ, мы убѣждаемся, что жизнь животнаго тѣмъ проще и ничтожнѣе, чѣмъ элементарнѣе составъ его тѣла. Чѣмъ больше дифференцируются, т. е. разнообразятся ткани и органы, составляющіе тѣло животнаго, тѣмъ совершеннѣе, сложнѣе становится его жизнь и тѣмъ больше она удовлетворяетъ потребностямъ организма и обуславливаетъ его долговѣчность. Также сравнительная анатомія отдѣльныхъ органовъ животныхъ доказываетъ, что чѣмъ органъ, путемъ дифференцированія его ткани, развился въ болѣе разнообразныя части, тѣмъ совершеннѣе его отправленіе. Сказанное вполне подтвердила сравнительная анатомія и относительно мозга, какъ мы видѣли—посредственнаго органа психо-интеллектуальной функціи. Чѣмъ сложнѣе устройство мозга въ данномъ типѣ животнаго царства, тѣмъ выше продуцируемая имъ психо-интеллектуальная функція. Мозгъ обезьяны, по сложности своего ус-

тройства, составляющій переходную форму отъ мозговъ остального царства животныхъ къ мозгу человѣка, представляетъ съ своими извилинами и мозговыми полушаріями наивысшее развитіе, въ смыслѣ разнообразія, расположенія элементовъ и сложности частей его составляющихъ во всемъ царствѣ животныхъ, исключая человѣка. Какъ извѣстно — обезьяна своей психо-интеллектуальной функціей приближается къ человѣческой. Слѣдя за психо-интеллектуальнымъ развитіемъ какъ отдѣльнаго человѣка отъ его рожденія до возмужалости и сравнивая въ различныхъ личностяхъ объемъ ихъ познанія, силы ума и нравственности, мы должны были принять что *психо-интеллектуальный ростъ человѣка, въ видѣ силы ума, разнообразія знанія и возвышенія уровня чувства несомненно получается путемъ такого же дифференцированія психо-интеллектуальной ткани, первоначальными двигателями которой являются впечатлѣнія внѣшняго міра на органы чувствъ, элементами которой служатъ выше принятыя нами первичныя клѣточки или элементарныя психо-интеллектуальныя формаціи*. Мы надѣемся, что въ этомъ убѣдится и читатель при дальнѣйшемъ изложеніи развитія интеллектуальной и психической жизни, при анализѣ и синтезѣ болѣе и болѣе сложныхъ проявленій ума и чувства, насколько они познаются въ сознаніи, и проявляются въ внѣшней дѣятельности—словомъ и дѣломъ. Въ началѣ опыта у каждаго человѣка вскорѣ послѣ рожденія и также у совершенныхъ идіотовъ, у которыхъ мозгъ остается въ продолженіи всей жизни на низшей степени развитія, мы видимъ одни только проявленія познанія отдѣльныхъ внѣшнихъ впечатлѣній (воспріятій) и ощущеній, вызываемыхъ черезъ посредство чувствительныхъ нервовъ измѣненіями въ собственномъ тѣлѣ. Съ дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи опыта мы уже находимъ познаніе цѣлыхъ представленій или связь этихъ преставленій, въ такомъ порядкѣ, какъ вызывавшіе ихъ объекты слѣдовали другъ за другомъ во времени или познались вмѣстѣ въ пространствѣ на опытѣ. Въ третьемъ періодѣ развитія познанія являются общія представленія, потому понятія, законы и отвлеченныя понятія. Анализъ показываетъ что представленія состоятъ изъ отдѣльныхъ воспріятій, общія представленія изъ такихъ же частныхъ представленій и т. д. Слѣдовательно сила высшаго познанія человѣка есть такой же продуктъ внѣшняго опыта, но развивающійся изъ первоначальныхъ его элементовъ—воспріятій внут-

ренной силой мышленія. Однако эти высшія силы познанія существуютъ въ насъ не только какъ агрегаты частныхъ низшихъ силъ, и ихъ познавательная функція является не суммой отдѣльныхъ частныхъ знаній, а каждая изъ нихъ существуетъ въ насъ, какъ самостоятельное индивидуальное цѣлое, и продуцируетъ гораздо больше познанія, нежели сумма элементарныхъ частей, изъ которыхъ она образовалось. Вызванный къ дѣятельности факторъ познанія, какой бы степени развитія онъ не былъ, является какъ таковой въ сознаніи мгновенно, развиваетъ ему свойственное знаніе и также быстро и безслѣдно исчезаетъ изъ сознанія, когда его замѣняютъ другіе дѣятели познанія. Высшими психо-интеллектуальными синтезами развивается не только одно реальное знаніе вѣшняго опыта, но и такъ называемое отвлеченное знаніе, элементовъ котораго чувствительные нервы и нервы органовъ чувствъ совѣсть не могли внести въ мозгъ. Изъ этого мы видимъ, что, хотя въ составъ психо-интеллектуальныхъ формаций высшихъ степеней входятъ элементарныя ячейки воспріятій, но первыя получаютъ не путемъ агрегаціи только послѣднихъ, а внутри самаго мозга къ элементамъ вѣшняго опыта прибавляются новые элементы. Послѣдніе соединяютъ первоначальныя въ новую самостоятельную ткань или тѣло, какъ на основаніи общаго закона дифференцірованія тканей—новыя образуются путемъ пролифераціи ячеекъ до нихъ существовавшихъ и развитія изъ нихъ новыхъ ячеекъ, отличныхъ отъ тѣхъ, изъ которыхъ онѣ образовались. Съ образованіемъ болѣе сложной психо-интеллектуальной формации изъ менѣ сложныхъ таковыхъ формаций является новая, спеціальная сила, высшая нежели та, которая продуцировалась суммой частныхъ психо-интеллектуальныхъ силъ, вошедшихъ въ ее составъ. Такимъ образомъ элементарныя психо-интеллектуальныя ячейки, размножаясь и разнообразясь, вслѣдствіе безпрестаннаго воздѣйствія различныхъ вѣшнихъ впечатлѣній на органы чувствъ и нервы, кромѣ самостоятельнаго существованія, путемъ пролифераціи изъ себя новыхъ, имъ подобныхъ ячеекъ, служатъ для дальнѣйшаго развитія, т. е. дифференцірованія тканей психо-интеллектуальнаго органа. Изъ развивающагося такимъ способомъ образовательнаго матеріала путемъ дифференцірованія тканей образуются новыя и новыя, высшія и высшія спеціальныя части психическаго органа, изъ которыхъ каждая развиваетъ только ей свойственную функцію, въ видѣ спеціальнаго познанія того или другаго объекта или класса объектовъ, того или другаго слѣдованія явленій на опытѣ, того или дру-

гаго понятія, закона, чувства и т. п. Чѣмъ выше на пути дифференцированія стоитъ часть психическаго органа, тѣмъ могучѣе его познавательная сила, тѣмъ больше она обнимаетъ частныхъ случаевъ опыта.

Этимъ объясняется не только существующая колоссальная разница въ чувствахъ, познаніи и умѣ различныхъ людей, но и поражающее разнообразіе въ характерѣ, т. е. въ проявленіяхъ ума и чувства, какъ общей суммы психо-интеллектуальной дѣятельности, потому что дифференцированіе различныхъ частей психо-интеллектуальнаго органа есть чисто случайное и зависитъ отъ степени культуры, отъ случая опыта, отъ направленія вниманія и мышленія въ ту или другую сторону или область опыта. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ можетъ развиться путемъ спеціализаціи высшая сила одного рода познанія, а другая можетъ оставаться въ рудиментарномъ состояніи. Чѣмъ ниже уровень психо-интеллектуальнаго развитія въ классѣ людей, тѣмъ меньше разницы въ проявленіи ихъ умственной и нравственной силы; невѣжество уравниваетъ; не рожденіе и богатство, а умъ и гений порождаютъ вѣчное неравенство между людьми. Чѣмъ выше въ данномъ классѣ людей умственное развитіе, т. е. чѣмъ больше развивается въ отдѣльныхъ личностяхъ высшихъ психо-интеллектуальныхъ силъ, тѣмъ большее разнообразіе представляетъ въ каждой личности комбинація всѣхъ этихъ отдѣльныхъ силъ въ одну цѣльную психо-интеллектуальную силу и тѣмъ рѣзче проявляются индивидуальныя отличія въ характерѣ, въ міровоззрѣніяхъ, въ умственномъ строѣ и въ чувствахъ, волнующихъ и господствующихъ въ душѣ каждой личности.

Изолированность каждой психо-интеллектуальной единицы отъ самой низшей до высшихъ, какъ въ состояніи своего покоя, такъ и во время дѣятельности; легкость перехода каждой изъ нихъ изъ потенциальнаго состоянія въ дѣятельное (память); быстрота, съ которой группируется въ каждомъ мыслевомъ актѣ всѣ его дѣятельные факторы; болѣе или менѣе скорое теченіе представленій, — смѣна однихъ рядовъ другими и т. п. заставляютъ съ необходимостью принять, что всѣ интеллектуальныя формаціи движутся и кромѣ того, что это движеніе происходитъ въ очень разжиженной средѣ, представляющей очень мало препятствія для быстрого передвиженія въ ней интеллектуальныхъ формацій. Мы должны были принять, что нервная масса стѣнокъ нервного волокна приготовляетъ изъ крови матерію, какъ мы видѣли, очень разжиженную, наполняющую каналы нервныхъ волоконъ;

такимъ же образомъ, вѣроятно, нервное вещество мозга изъ крови своихъ сосудовъ приготовляетъ такую же матерію, наполняющую мозговья полости и каналы, образуя среду для передвиженія интеллектуальныхъ формаций, въ которой онѣ движутся, какъ кровяные шарикъ и сѣмяныя ячейки движутся въ своихъ жидкостяхъ. Эта разжиженная среда, получая безпрестанно изъ крови питательное вещество (съ потенциальной силой), должна служить вмѣстѣ съ тѣмъ и для поддержанія питанія этихъ психо-интеллектуальныхъ тѣлъ, которыя, не находясь въ связи съ сосудами мозга, только изъ этой матеріи могутъ черпать свой питательный матеріалъ, подобно тому, какъ зародышъ питается своимъ желткомъ. Въ этомъ посредственномъ питаніи интеллектуальныхъ тѣлъ, вѣроятно, заключается причина медленнаго обмѣна вещества послѣднихъ, почему они могутъ пережить на многія поколѣнія всѣ остальные ячейки нашего тѣла и мозга.

Этимъ объясняется и кажущееся противорѣчіе, существующее на старости между умственной силой и функціями всѣхъ другихъ органовъ. Въ то время жизни, когда во всемъ тѣлѣ наступаетъ процессъ увяданія, когда прекратилась способность оплодотворенія, въ это только время умственная сила человѣка вступаетъ въ періодъ полного своего развитія. Не даромъ всѣ народы въ совѣтѣ старыхъ своихъ членовъ всегда искали *ultimam rationem* человѣческаго разума и опыта.

Психическій органъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу органовъ періодически проявляющихъ свою дѣятельность. Въ каждые 24 часа недѣятельное его состояніе у взрослого человѣка продолжается, обыкновенно ночью, отъ 7 до 12 часовъ. Оно проявляется спомъ, во время котораго всѣ психическія движенія приходятъ болѣе или менѣе въ потенциальное равновѣсіе. Но и во время дѣятельнаго состоянія въ каждый моментъ мыслевой дѣятельности принимаетъ участіе только самая малая часть всего органа. Всѣ остальные части тѣла и органы возбуждаются къ дѣятельности импульсомъ со стороны нервовъ, а психическій органъ, не находящійся въ прямой связи съ периферическими нервными волокнами, разумѣется, долженъ получать свой толчокъ къ дѣйствію другимъ путемъ. Мы видѣли, что самый обыкновенный и нормальный толчекъ вызывающій психо-интеллектуальную дѣятельность получается психо-интеллектуальной формацией, непосредственно до того образовавшейся изъ вѣшняго опыта. Этотъ двигатель духовной работы человѣка, какъ бы онъ не былъ элементаренъ въ психо-интеллектуаль-

номъ смыслѣ, представляетъ сумму нѣсколькихъ силъ. Первымъ его моментомъ служитъ живая внѣшняя сила, подѣйствовавшая на органъ чувствъ и чувствительный нервъ, второй составляетъ сила частичекъ нервной матеріи нервного волокна, переведенная первымъ стимуломъ изъ потенціального въ активное состояніе, и наконецъ образовательная сила нервной мозговой ячейки, съ импульсомъ которой вновь въ ней образовавшаяся психо-интеллектуальная формація вталкивается въ психо-интеллектуальный круговоротъ. Внеся въ психо-интеллектуальный органъ такимъ образомъ сложившуюся живую силу, вновь появившаяся формація притягиваетъ къ себѣ изъ всего хранилища выработаннаго познанія все родное по содержанію или связанное съ нимъ предшествовавшимъ опытомъ въ пространствѣ или во времени. Такъ въ кристаллизующемся растворѣ нѣсколькихъ солей, вновь брошенная частица соли соединяется съ сродными ей частицами, до нея находившимися въ растворѣ, для образованія съ ними свойственнаго ихъ общей природѣ кристалла. Въ законахъ этого психического притяженія, мы видѣли объясненіе того великаго свойства нашего психо-интеллектуальнаго міра, вслѣдствіе котораго всякое вновь появившееся въ мышленіи представленіе всегда группируетъ возлѣ себя, въ нормальномъ состояніи, для совмѣстной дѣятельности все то, что узнано опытомъ въ продолженіи всей жизни, т. е. всѣ сродныя психо-интеллектуальныя силы уже до того развившіяся въ познаніи. Съ помощью такой совмѣстной работы происходитъ ассимиляція вновь образовавшейся силы, и вновь вошедшая въ психо-интеллектуальный круговоротъ или усваивается общей силой, до того развившейся, и занимаетъ въ спеціальной части психо-интеллектуальнаго органа мѣсто, какъ ея нераздѣльная часть; или, соединившись съ прежними формаціями, образуетъ путемъ дифференцированія новую часть, какъ новый приростъ психо-интеллектуальнаго аппарата; или остается одинокимъ, не находя въ душѣ достаточныхъ силъ для своей ассимиляціи. Такъ живутъ въ насъ и смущаютъ человѣческую душу явленія непонятныя и не объяснимыя. Во время такой частной дѣятельности всѣ остальные части психо-интеллектуальнаго органа остаются въ покоѣ, пока не истощатся силы дѣятельной группы или не побѣдятся силой новаго, имъ несроднаго дѣятеля, вызывающаго, въ свою очередь, къ дѣятельности новую группу, которая вытѣсняетъ въ территорію покоя группу, ей предшествовавшую въ дѣятельности. Такъ какъ всякая часть психическаго органа путемъ

питанія получаетъ болѣе или менѣе достаточно потенціальной силы, то довольно самаго незначительнаго толчка, вновь пришедшаго извнѣ въ мышленіе, чтобы возбудить цѣлую группу подвижныхъ частей органа и путемъ перехода ихъ потенціальной силы въ активную развивать имъ свойственную психо-интеллектуальную силу, какъ ихъ функцію.

Въ первомъ томѣ этого сочиненія мы привели только общія означенія сказаннаго и старались доказать, что гипотеза наша твердо покоится на несомнѣнныхъ научныхъ фактахъ. Въ двухъ послѣднихъ томахъ читатель убѣдится, что съ помощью этой гипотезы мы познали новые законы, управляющіе психическимъ міромъ. Съ помощью этихъ законовъ каждое психическое явленіе получаетъ свое опредѣленное мѣсто въ познаніи, безъ противорѣчій, присущихъ всеѣмъ другимъ ученіямъ. Наше умственное богатство дѣлается нашею плотью и развивается на основаніи такихъ же біологическихъ законовъ, какъ все другіе органы нашего тѣла, и психическая дѣятельность подчиняется такимъ же законамъ механики, какъ и все другія движенія. Только этимъ путемъ біологическихъ и механическихъ движеній психо-интеллектуальный міръ можетъ сдѣлаться доступнымъ пониманію. Въ этого объясненія вся психологія должна оставаться или трансцендентальной фантазіей метафизическаго ученія съ помощью чудесъ, противорѣчащихъ всему нашему реальному знанію, или доктриной фізіологическаго (въ тѣсномъ смыслѣ) объясненія, не идущаго далѣе простыхъ воспріятій и ощущеній, но за то встрѣчающаго безпрестанныя противорѣчія со стороны всего высшаго строя въ психо-интеллектуальной жизни. Съ помощью живыхъ клѣточекъ и способности дифференцірованія ихъ въ болѣе сложные органы путемъ синтеза намъ стали понятными все частныя проявленія нашего знанія отъ самаго элементарнаго до самаго высшаго и отвлеченнаго включительно, все наши чувства отъ простыхъ ощущеній до самыхъ высшихъ чувствъ, волновавшихъ когда либо человѣческую душу. Такимъ образомъ наша гипотеза превратилась въ теорію целулярной психологіи. Мы убѣдимся, что представляемая ею реальность психическаго міра даетъ твердую почву, какъ для его пониманія, такъ и для ухода за его развитіемъ и педагогическаго активнаго вліянія на правильный ростъ и развитіе этого психическаго органа, какъ гигиена и діететика способствуютъ правильному развитію всеѣхъ остальныхъ частей организма.

ГЛАВА П.

Отношеніе къ нашей теоріи послѣднихъ фантовъ добытыхъ въ наукѣ.

Микроскопическія изслѣдованія мозга, въ связи съ физиологическими опытами надъ животными и людьми, съ клиническими наблюденіями и вскрытіями умершихъ отъ мозговыхъ болѣзней, въ послѣднее время все болѣе и болѣе освѣщаютъ темную область мозговыхъ отправленій. Хотя пріобрѣтенное этими путями знаніе еще очень далеко отъ вполне удовлетворительнаго объясненія отношеній психическихъ функций къ ихъ анатомическому источнику, тѣмъ не менѣе тѣ выводы, къ которымъ приводятъ уже пріобрѣтенныя наукою факты, не только не противорѣчатъ нашей теоріи, но напротивъ, даютъ ей надлежащую опору и подтвержденіе. Въ доказательство сказанному мы считаемъ не лишнимъ привести главные результаты тѣхъ изслѣдованій мозга, служащіе для объясненія отношеній мозга къ его психическимъ отправленіямъ. Эти результаты могутъ резюмироваться въ слѣдующемъ:

1) Лобная часть большихъ полушарій, ограниченная вѣнечнымъ швомъ (*lobus praefrontalis vel regio antero-frontalis, Ferrier'a*), не имѣетъ никакого отношенія ни къ движеніямъ, ни къ чувству. Этотъ отрицательный фактъ добытъ: а) путемъ физиологическихъ опытовъ надъ животными (Ferrier), и даже надъ обезьянами, близко стоящими къ человѣку, какъ своимъ устройствомъ мозга, такъ и психическими проявленіями, и б) патологическими наблюденіями надъ болѣзнями и поврежденіями этихъ частей мозга у людей. Въ лѣтописяхъ науки описано много случаевъ поврежденія этихъ частей на одномъ и обоихъ полушаріяхъ, причемъ при жизни не замѣчались никакія нарушенія ни со стороны чувствительности, ни движенія. Но за то поврежденія и болѣзни этихъ частей мозга, въ особенности въ обоихъ полушаріяхъ вмѣстѣ, вызывало большее или меньшее ослабленіе умственныхъ способностей. Cruveilhier представилъ рисунокъ мозга 18-лѣтней дѣвушки — идіотки отъ ро-

жденія; ея lobus praefrontalis обѣихъ лобныхъ долей совершенно отсутствовали. Barduc* описываетъ случай атрофіи лобныхъ извилинъ обоихъ полушарій. Больной оставался шесть лѣтъ въ Hospice des Ménages. Движенія и чувствительность у этого больного во все время его пребыванія не представляли болѣзненныхъ измѣненій, страдали одни только умственные способности — мальчикъ былъ слабоумный. Въ этомъ случаѣ оказалась, при вскрытіи, атрофія кортикальнаго вещества лобныхъ частей мозга, вслѣдствіе мѣстной облитераціи питательныхъ артерій. Такихъ случаевъ доказывающихъ, что поврежденіе на обоихъ полушаріяхъ переднихъ лобныхъ частей (lob. praefrontalis) влекли за собою нарушеніе и подавленіе умственныхъ способностей описано множество. Это не замѣчалось и то только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда поврежденіе ограничивалось однимъ полушаріемъ, вслѣдствіе доказанной викарирующей способности обоихъ полушарій мозга, причемъ при страданіи одной половины полушарія ея работа выполнялась соотвѣтствующей частію другого полушарія, находящагося въ нормальномъ состояніи. Ferrier** изъ своихъ опытовъ разрушенія лобныхъ долей мозга у обезьяны говоритъ слѣдующее: „уничтоженіе или разрушеніе прижиганіемъ передне-лобныхъ долей, не сопутствуется никакимъ опредѣленнымъ фізіологическимъ результатомъ; животныя сохраняютъ аппетитъ, инстинкты и способны къ проявленію чувствъ. Ихъ чувства: зрѣніе, вкусъ, обоняніе, слухъ и осязаніе остаются неприкосновенными. Способности произвольныхъ движеній сохраняются во всей ихъ цѣлости, однако я замѣчалъ весьма значительное измѣненіе въ характерѣ и дѣйствіяхъ животныхъ“.

Carl Vogt*** приводитъ слѣдующія измѣренія извилинъ лобныхъ долей у людей различныхъ умственныхъ способностей: если принять абсолютную длину всѣхъ измѣренныхъ извилинъ лобной доли мозга = 100, то измѣреніе этихъ же частей мозга у клинициста Фукса дало 96; 29 лѣтней женщины, „объ умственныхъ способностяхъ которой ничего не упомянуто, — 85; мозга поденнаго рабочаго, именемъ Krebs, дало 73; измѣреніе этихъ частей у идіота умершаго, на 26 году отъ роду, дало только 15. „Эти измѣренія“, говоритъ Vogt, „подтверждаютъ, что

* Soc. Anat. mars 1876. Progr. méd., 19 août 1876. p. 598.

** Ferrier, О локализаціяхъ въ болѣзняхъ мозга, перев. Лебедева. стр. 50. 1881.

*** Carl Vogt, Vorlesungen über den Menschen I. B. S. 136. 1863.

высшая интеллигенція связана съ большимъ развитіемъ лобныхъ извилинъ и извилинъ мозга вообще“.

Еще очевиднѣе подтверждаютъ сказанные результаты изслѣдованія мозговъ J. Luys'a *, изъ которыхъ видно, что случаи жирового перерожденія ячеекъ кортикальнаго вещества мозга и мѣстныхъ атрофіи частей переднихъ извилинъ всегда при жизни сопровождаются подавленіемъ и извращеніемъ психо-интеллектуальныхъ отправления, не только у стариковъ, но и у молодыхъ людей, страдающихъ паралитической формой помѣшательства, галлюцинаціями и меланхоліей. Здѣсь не мѣсто приводить всѣ подобныя доказательства, достаточно сказать, что въ патологіи уже твердо установленъ фактъ зависимости растройства въ психо-интеллектуальной сферѣ отъ страданія (жироваго перерожденія) ячеекъ коркового вещества и извилинъ лобной части мозга. Отправления мозга, какъ извѣстно, состоятъ вообще: 1) въ воспріятіи впечатлѣній, подѣйствовавшихъ на органъ чувствъ, 2) въ воспріятіи измѣненій своего собственнаго тѣла (чувство въ низшемъ смыслѣ), 3) въ сообщеніи импульса мышцамъ для механическихъ, рефлекторныхъ и автоматическихъ движеній, 4) въ проявленіи ума и знанія, 5) въ сознательномъ импульсѣ, къ такъ называемымъ, произвольнымъ движеніямъ и дѣйствіямъ и, наконецъ, 6) въ высшемъ чувствѣ, какъ эстетическомъ, интеллектуальномъ и этическомъ.

* Luys (J. Luys, Le cerveau et ses fonctions p. 10. 1879.) говорятъ слѣдующее: „Chez l'adulte, sur des coupes cérébrale verticales ou horizontales on constate que la ligne des sommets des circonvolutions est continue, que leurs points culminants sont tous au même niveau; il y a en quelque sorte uniformité de repartition de l'activité trophique dans toute la masse. A mesure que le travail de la sénilité s'accomplit des apparences différentes se révèlent. On constate alors que la substance grise devient plus mince comme épaisseur, que sa coloration tourne au blanc jaunâtre par suite du passage de cellules nerveuses à l'état granulo-graisseux, et que, d'une autre part, les circonvolutions s'effondrent par groupes isolés, comme des montagnes dont les assises sont minées et qui s'abaissent insensiblement,—si bien que, sur le cerveaux des vieillards en démence, on note que la ligne qui joint les sommets de certains groupes de circonvolutions devient interrompue, qu'un certain nombre d'entre elles sont en retraite et en sou-sol par rapport au niveau des circonvolutions ambiantes, et qu'ainsi il existe une resorption lente et progressive de la substance nerveuse par l'effet du temps.

Chez les individus qui tombent prématurément en démence par le fait d'altération de la substance cérébrale, sous l'action des maladies mentales, les mêmes atrophies de la couche corticale se rencontrent; c'est ainsi que j'ai observé un grand nombre de fois des atrophies des circonvolutions chez des sujets jeunes atteints de démence paralytique, chez les hallucinés, chez les sujets atteints de délire mélancolique“.

Изъ сказаннаго мы можемъ вывести заключеніе, что передне-лобныя доли мозговыхъ полушарій, не имѣя никакого отношенія къ первымъ тремъ отправлениямъ, выполняемымъ, какъ увидимъ ниже, другими частями мозга, должны состоять въ прямой причинной связи къ умственнымъ отправлениямъ, а послѣднія два должны зависѣть отъ другихъ извилинъ передней части полушарія.

II) Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что функція въ нервной системѣ исходитъ изъ ея ячеистыхъ элементовъ, содержащихся въ ея сѣромъ веществѣ. Въ бѣломъ же веществѣ нервной системы находятся нервныя волокна, т. е. проводники силы, какъ внѣшней (изъ внѣшняго міра и собственнаго тѣла), такъ и внутренней, выработанной въ нервныхъ ячейкахъ. Эти волокна, кромѣ того, соединяютъ между собою нервныя ячейки каждаго полушарія, и одну извилину съ другою сосѣднею (*fibrae arcuatae*), а также соединяютъ между собою тождественныя элементы сѣраго вещества обоихъ полушарій и такимъ образомъ даютъ возможность дѣйствовать обоимъ полушаріямъ вмѣстѣ, какъ одному парному органу. Эти волокна соединяютъ съ одной стороны органы чувствъ съ зрительными буграми мозговаго центра и послѣдніе съ мозговой корой, а съ другой элементы мозговой коры съ полосатыми тѣлами мозга и послѣднихъ съ элементами двигательнаго аппарата мозга, съ спиннымъ мозгомъ и нервными волокнами, кончающимися въ мышцахъ (двигательными волокнами). Въ большихъ полушаріяхъ мозга сѣрое вещество занимаетъ почти всю поверхность его, образуя мозговую кору и представляется въ видѣ извилинъ. Этотъ поверхностный сѣрый слой мозговыхъ полушарій называется кортикальнымъ веществомъ мозга. Кромѣ этого, въ самомъ центрѣ каждаго полушарія находится масса сѣраго вещества, называемая зрительнымъ бугромъ, и возлѣ него другая, извѣстная подъ именемъ полосатаго тѣла.

Микроскопическія изслѣдованія ячеистыхъ элементовъ сѣрыхъ массъ мозга и ихъ отношеніе къ нервнымъ волокнамъ, какъ служащимъ только соединительными путями для ячеистыхъ элементовъ мозга, такъ и входящихъ въ мозгъ извнѣ (центропетальныя) и выходящихъ изъ него (центрофугальныя), въ настоящее время бросили много свѣта для пониманія отношенія различныхъ частей мозга къ его отправлениямъ. Мы считаемъ очень полезнымъ познакомить читателя съ главными результатами этихъ изслѣдованій. При этомъ изложеніи мы будемъ имѣть

въ виду преимущественно работы *J. Luys'a* *: во 1-хъ, потому что, по нашему мнѣнію, методъ его изслѣдованія есть самый лучший, дающій возможность составить себѣ понятіе не только о строеніи отдѣльныхъ малѣйшихъ частицъ мозга, помѣщающихся подъ микроскопомъ, но и о связи и отношеніи этихъ частицъ между собою въ цѣлой мозговой области **. 2) Фотографическіе снимки микроскопическихъ препаратовъ Люиса заключаютъ въ себѣ гарантію точности и исключаютъ субъективность и фантазію, которыя бессознательно впагали до него изслѣдователи въ свои ручные рисунки подъ вліяніемъ предвзятыхъ идей. 3) Въ главныхъ чертахъ съ изслѣдованіями Люиса очень сходны результаты работъ новѣйшихъ ученыхъ, какъ *Мейнерта* ***, *Генле* **** и друг.

Начнемъ съ коркового вещества мозга. Оно представляется въ видѣ сѣраго вещества мозговыхъ извилинъ. Толщина этого кортикальнаго слоя у взрослого достигаетъ отъ 2 до 3 миллиметровъ; „вообще“, говоритъ Люисъ, „онъ толще въ переднихъ частяхъ полушарій, нежели въ заднихъ. Его масса разнветуетъ, смотря по возрасту и рѣсту. Цвѣтъ этого вещества отчасти отличается по возрасту: у новорожденныхъ оно

* *Recherches sur l'anatomie, la physiologie et la pathologie du système nerveux.* Paris 1865. Его же *Le Cerveau et ses fonctions.* 4-me edit. Paris 1879. *Bibliot. scientif. international.*

** Его методъ состоитъ въ изслѣдованіи многихъ разрѣзовъ мозга на точномъ разстояніи другъ отъ друга une serie de coupes méthodiquement espacées de millimètre en millimètre, то въ горизонтальномъ, то въ вертикальномъ направленіяхъ, то по направленію спереди-назадъ (*antero postérieur*), согласно тремъ направленіямъ плотнаго вещества мозга, и въ воспроизведеніи этихъ микроскопическихъ изображеній съ помощію фотографіи. Люисъ резюмируетъ свой методъ такъ: (*Le Cerveau* стр. 5 и 6): „*Cette méthode m'a permis d'avoir des représentations aussi exactes que possible de la réalité; de conserver les rapports natureles des parties les plus délicates des centres nerveux les unes avec les autres, suivant leur connexions normales, de ne rien déranger en un mot. — J'ai pu ainsi, en comparant les coupes soit horisontales, soit verticales les unes avec les autres suivre tel ordre de fibres nerveuses dans sa progression, voir son point de départ, son point d'arrivée, — etudier millimètre par millimètre la marche naturelle des intrications sucessives des différentes catégories des fibrilles nerveuses, en laissant en quelque sorte les choses en position normal. A l'aide de ces nouveaux procédés de reproduction photographique, qui sont d'autant plus précis qu'ils sont plus impersonnels, je n'ai donc eu qu'à enregistrer des détails que le soleil avait lui-même imprimé, à juxtaposer des clichés, à les confronter les uns avec les autres, et à faire ainsi une synthèse unique des éléments multiples d'analyse que j'avais ainsi sollicitée de la coopération automatique de la lumière.*“

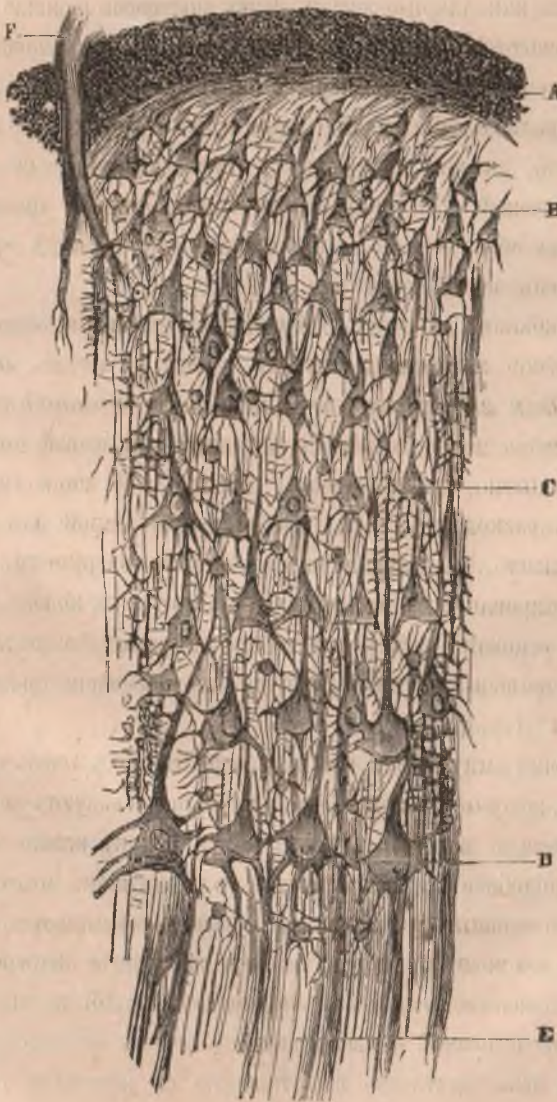
*** *Meynert, Stricker's Handbuch* II. B.

**** *J. Henle.—Handbuch der Nervenlehre.* 1871.

сѣровато и студенистаго вида (*gelatineuse*); въ первые годы жизни дитяти корковое вещество представляется розово-сѣраго цвѣта; у взрослого оно сѣро; на старости цвѣтъ коркового вещества приближается къ бѣло-желтоватому.

Гораздо поучительнѣе микроскопическое изслѣдованіе коркового вещества мозга, открывающаго, въ его кажущейся невооруженному глазу мягкой и аморфной массѣ, цѣлый міръ очень малыхъ элементовъ, стройно комбинированныхъ въ сложные аппараты, очевидно предназначенныхъ для сложныхъ функцій. Фиг. 1-я представляетъ по Люису

Фиг. 1.

Область А отвѣчаетъ сѣти нейроглии-соединительной ткани, входящейся подъ толстой оболочкой мозга (*via mater*). Область В отвѣчаетъ поверхностнымъ рядамъ малѣйшихъ погнѣхъ ячеекъ. Область С есть переходная между предшествующими рядами и глубокими рядами ячеекъ, обозначенныхъ буквой D. Въ E видны входящія пучки (нервныхъ волоконъ) бѣлаго вещества мозга въ сѣти коркового ячеекъ. F представляетъ капиллярный сосудъ въ моментъ его углубленія въ сѣть (*trassau*) коркового вещества мозга.

полусхематическое изображеніе микроскопическаго строя мозговой коры, увеличенное въ 280 разъ. Она даетъ понятіе о взаимномъ расположеніи различныхъ рядовъ ячеекъ (*des differentes zones de cellules*) и ихъ отношеніи, какъ другъ къ другу, такъ и къ окружающей ихъ невроглии (соединительной ткани).

Люисъ (см. стр. 13) слѣдующимъ образомъ описываетъ микроскопическое строеніе коркового вещества извилинъ мозга. „Постоянные анатомическіе его элементы суть: нервная ячейка съ ея различными атрибутами и опредѣленной ея формой; — нервныя волокна; — соединительная ткань и капиллярные сосуды. Какъ построена нервная ячейка коркового вещества? Каковы ея формы, ея связи, ея отношенія?“

„Представьте себѣ рядъ маленькихъ пирамидальныхъ тѣлъ, расположенныхъ параллельными рядами, одни возлѣ другихъ (*les uns à côtés des autres*), дающія другъ другу, такъ сказать, руки съ помощью посредствующей сѣти (*réticulum*). Расположенныя правильно рядами эти ячейки образуютъ послѣдовательные слои въ видѣ этажей, на подобіе наслоенія земной коры“ (см. ф. I).

„Если мы прибавимъ къ этому, что нервныя мозговныя волокна приходятъ въ сношеніе съ этими же сѣтями ячеекъ и затѣмъ *нечувствительно (для глаза) теряются въ окружающей сѣти*, то мы будемъ имѣть полное выраженіе организаціи мозговой коры“.

„Очень любопытно, что всѣ нервныя ячейки этой коры пирамидальной формы и расположены такъ, что верхушки всякой изъ этихъ ячеекъ, такъ сказать, притягиваются къ мозговой поверхности, какъ рядъ намагнитизированныхъ иголокъ направляются къ полюсу, такъ правильно, что основанія всѣхъ клѣточекъ (пирамидъ) параллельны между собою и обращены въ сторону, откуда (изъ периферіи) приходятъ нервныя волокна“ (см. ф. I).

„Эти клѣточки выпускаютъ изъ ихъ вещества родъ очень тоненькихъ корешковъ, которые, удлиняясь мало по мало, образуютъ со всѣхъ сторонъ окружающую каждую клѣточку сѣть; а какъ всякая ячейка представляетъ подобное же расположеніе, то слѣдствіемъ этого является то, что всѣ первныя ячейки такимъ образомъ соединяются между собою и черезъ всю мозговую кору образуютъ настоящую непрерывную сѣть, которой всѣ молекулы способны вибрировать, какъбы въ унисонъ“.

„Отростками основаній пирамидальныхъ ячеекъ онѣ входятъ болѣе или менѣе непосредственно въ отношеніе съ нервными центро-

бѣжными волокнами (*afferentes*); изъ верхушекъ каждой изъ такихъ ячеекъ выходитъ нитеобразное продолженіе, которое или теряется въ окружающей сѣти, или приходитъ въ соприкосновеніе съ рядами клѣточекъ, расположенныхъ надъ нею въ верхнихъ этажахъ“.

Что касается до приблизительной оцѣнки количества нервныхъ ячеекъ въ мозговой корѣ, то Люисъ, исходя изъ того, что „на кусочекѣ этой коры, равняющемся 1 квадратн. миллиметру, толщиною въ $\frac{1}{10}$ миллиметра насчитываютъ отъ 100 до 120 нервныхъ ячеекъ различной величины“, говорить, что „представивъ себѣ въ воображеніи, сколько такихъ кусочковъ содержитъ корковое вещество мозга, можно допустить, что число ихъ состоитъ изъ безчисленныхъ тысячъ ячеекъ“.

Величина этихъ клѣточекъ—различной величины, и, судя по прекраснымъ и точнымъ изслѣдованіямъ нашего соотечественника Кожевникова, ихъ діаметръ колеблется отъ 0,010 мил. до 0,022 миллиметра *. Кромѣ нихъ существуютъ еще большія пирамидальныя клѣточки въ корковомъ веществѣ, названныя гигантскими (*Riesenzellen*). Діаметръ этихъ клѣточекъ-великановъ достигаетъ отъ 0,040 до 0,050 мил.

По изслѣдованіямъ однакоже Мейнерта ** въ сѣрой корѣ мозга кромѣ пирамидальныхъ ячеекъ находятся маленькія ячейки, имѣющія форму шариковъ, рѣдко пирамидальную, величиною отъ 0,008 и до 0,010 мил. Чтобы убѣдиться въ сходствѣ результатовъ микроскопическаго изслѣдованія мозговой коры, мы приводимъ еще здѣсь изображеніе этой коры, согласно изслѣдованіямъ Мейнерта, заимствованное изъ его только что цитированнаго сочиненія (на стр. 704). См. слѣд. стр. фиг. II-я.

Сравнивая эту фигуру съ фиг. 1 Люиса мы можемъ убѣдиться, что результаты этихъ двухъ талантливыхъ изслѣдователей въ существенномъ согласны; къ нимъ примыкаютъ Шарко и другіе современные ученые. Шарко *** говорить, что вмѣстѣ съ Мейнертомъ типъ строенія сѣрой коры извилинъ можно назвать „типомъ расположенія въ пять слоевъ нервныхъ клѣточныхъ элементовъ, или принимаемыхъ за такъ вые“. Но при этомъ нужно замѣтить, что различныя части извилинъ представляютъ огромную разницу въ своемъ строеніи и количествѣ слоевъ. Такъ Шарко (см. стр. 27) говорить: „Давно извѣстно, что различныя отдѣлы сѣрой коры мозга весьма рѣзко отличаются по своему

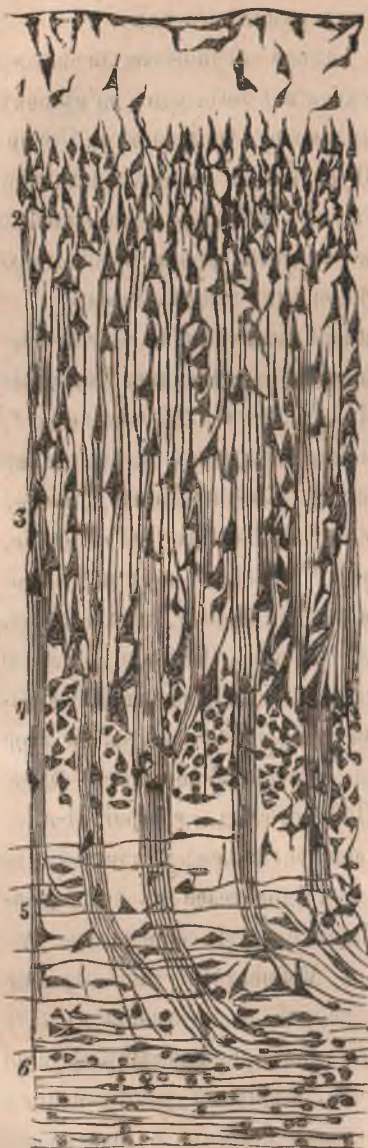
* Работа, напечатанная въ Архивѣ Schultze за 1869 годъ стр. 332 и 375.

** Meynert, Stricker's Handbuch II B. Vom Gehirne der Säugethieren.

*** Op. cit. p. 30.

строению. Самое плодотворное изслѣдованіе въ этомъ отношеніи принято было Вецомъ * (нашимъ соотечественникомъ изъ Кіева). По

Фиг. II.

Цифры 1, 2, 3, 4 и 5 обозначаютъ по порядку расположенные слои ячеекъ сѣраго коркового вещества мозга. Цифра 6 представляетъ медуллярное, бѣлое вещество мозга.

его изслѣдованіямъ на поверхности полушарій надо различать двѣ главныя области, границею между которыми можетъ быть принята ролондова борозда. Передъ этой бороздой сѣрая кора характеризуется преобладаніемъ большихъ пирамидальныхъ клѣтокъ надъ круглыми клѣточками. Область, лежащая позади, обнимаетъ собою всю основную долю, затылочную и среднюю часть вплоть до передняго края четырехъ-сторонней доли. Здѣсь преобладаютъ зернистые слои надъ большими клѣтками, число которыхъ относительно не велико“.

Выводы изъ добытаго знанія устройства сѣраго, коркового вещества мозга для примѣненія къ объясненію психическихъ явленій:

Всѣ новѣйшіе изслѣдователи, исходя изъ обще-принятой идеи, что функціи организма, вообще исходятъ изъ ячеекъ, видятъ также въ аппаратѣ нервныхъ ячеекъ коркового вещества органъ психической дѣятельности.

Такъ, Люисъ (см. op. cit. p. 19) слѣдующимъ образомъ резюмируетъ полученныя данныя микроскопическихъ изслѣдованій мозговой коры:

* Anatomischer Nachweis zweier Gehirncentra, Centralblatt, 1874. № 37 и 38.

„Мозговая кора состоитъ изъ постоянныхъ элементовъ, распространенныхъ въ ея массѣ, въ безпредѣльномъ количествѣ; эти элементы суть нервныя мозговныя ячейки. Онѣ лежатъ другъ возлѣ друга и расположены поясами въ правильныхъ слояхъ, однѣ надъ другими; онѣ образуютъ своими продолженіями вездѣ непрерывную сѣть, которая дѣлается такимъ образомъ агентомъ единства дѣйствія этого множества изолированныхъ элементовъ“. Изъ связаннаго Льюисъ приходитъ къ слѣдующимъ физиологическимъ выводамъ: „Корковое вещество представляетъ огромный аппаратъ, состоящій изъ нервныхъ элементовъ (ячеекъ), хотя одаренныхъ собственной индивидуальностью, однако тѣсно связанныхъ между собою. Ряды ячеекъ, расположенныхъ послонно поясами, связь различныхъ этажей поясовъ, сообщающихся другъ съ другомъ, внушаютъ идею, что нервная дѣятельность каждаго пояса можетъ или отдѣльно быть вызвана къ дѣятельности, или дѣятельность нѣсколькихъ ячеекъ можетъ соединиться между собою въ одну общую дѣятельность; или она можетъ измѣняться, переходя изъ одной области въ другую, сообразно свойству посредствующихъ ячеекъ, принимающихъ участіе въ дѣятельности; однимъ словомъ, нервныя функціи, какъ вибрирующія волны, должны распространяться съ ближайшаго мѣста на ближайшее, слѣдуя направленію органическаго субстрата, который ихъ переноситъ или въ поперечномъ, или въ вертикальномъ направленіи изъ поверхностныхъ поясовъ въ глубокіе и на оборотъ“.

Слѣдовательно, по Льюису, психологическая дѣятельность совершается нервными ячейками мозговой коры, и сложныя психо-интеллектуальныя функціи представляютъ только сумму одновременно дѣйствующихъ нервныхъ ячеекъ, которыхъ дѣятельность суммируется и соединяется въ одну дѣятельность только путемъ посредниковъ, соединяющихъ тѣ дѣятельныя ячейки между собою.

Мы уже не разъ (въ I томѣ) доказывали ложность подобнаго воззрѣнія, а слѣдовательно и выводовъ Льюиса, на него опирающихся. Такая гипотеза встрѣчаетъ безпрестанныя противорѣчія со стороны самыхъ психическихъ актовъ. Возможно ли допустить при нашемъ мышленіи, въ которомъ часто одновременно принимаютъ участіе разнообразныя и сложныя факторы, которые почти съ быстротою молніи появляются въ познаніи и не рѣдко съ такой же скоростью смѣняются другой группой, чтобы эти всѣ процессы слагались каждый разъ съ са-

мага начала ихъ дѣятельности соединеніемъ отдѣльныхъ группъ нервныхъ ячеекъ въ общую дѣятельность каждаго изъ сложныхъ факторовъ мышленія. Эта невозможность становится еще очевиднѣе, когда мы вспомнимъ о долгомъ эволюціонномъ процессѣ, который требуется для развитія путемъ индукціи какой-нибудь высшей мысли, идеи или научнаго закона. Быстрота ихъ появленія въ сознаніи и группировка вокругъ нихъ и другихъ сложныхъ факторовъ познанія исключаетъ всякую возможность ихъ сложенія изъ дѣятельности отдѣльныхъ мозговыхъ клѣточекъ всякій разъ, когда они появляются въ мышленіи. Далѣе, если мы положимъ, что дѣятельность одной или нѣсколькихъ нервныхъ ячеекъ будетъ состоять въ проявленіи познанія, положимъ, зеленого цвѣта, то для появленія въ дѣятельности цѣлой группы представленій, изъ которыхъ каждое содержитъ атрибутъ—зеленый цвѣтъ, должна произойти совершенная путаница, потому что дѣятельныя ячейки, дающія познаніе зеленого цвѣта, должны были бы въ одно и тоже время соединять свою дѣятельность съ дѣятельностью многихъ другихъ и разнообразныхъ ячеекъ, дающихъ познаніе другихъ атрибутовъ каждаго изъ представленной группы. Далѣе, если бы, напр., я видѣлъ сто разъ зеленое дерево и разъ только зеленый смарагдъ, то связь дѣятельной клѣточки зеленого цвѣта съ группой другихъ клѣточекъ, дающихъ познаніе остальныхъ атрибутовъ зеленого дерева, развившаяся вслѣдствіе частаго повторенія, несравненно больше, нежели связь клѣточекъ, дающихъ познаніе представленія смарагда, должна была бы всегда при видѣ зеленого цвѣта репродуцировать правильную комбинацію зеленого дерева; смарагдъ же вовсе не долженъ былъ бы воспроизводиться памятью, а между тѣмъ мы знаемъ что и въ такомъ случаѣ при видѣ зеленого цвѣта можетъ придти въ дѣятельное состояніе какъ зеленое дерево, такъ и смарагдъ, или то и другое вмѣстѣ. Далѣе, во время мышленія могутъ появляться въ познаніи разомъ не только понятія и законы, но и психическіе частные синтезы, послужившіе матеріаломъ для развитія тѣхъ общихъ законовъ и понятій. Если общая мыслевая дѣятельность есть результатъ соединенія частныхъ дѣятельностей, нервныхъ клѣточекъ, то трудно себѣ представить, какъ при дѣятельности общей могутъ вмѣстѣ быть отдѣльно дѣятельными и частныя. Такъ, напр., не только при обсужденіи предмета въ познаніи могутъ быть отдѣльно дѣятельными и частныя атрибуты, какъ части того предмета, но при обсужденіи закона вслѣдъ за появленіемъ его въ сознаніи могутъ послѣ-

довательно принимать участіе въ общей мыслевой работѣ и тѣ частныя психическія связи, изъ которыхъ тотъ законъ сложился, какъ ихъ синтезъ.

Ячейки, какъ видно изъ фиг. 1 соединяются между собою отростками, представляя по Люису непрерывную соединительную цѣпь. Спрашивается, если для извѣстнаго психического или интеллектуальнаго процесса, положимъ, необходимо взаимодействіе ячеекъ, раздѣленныхъ между собою цѣлымъ рядомъ другихъ ячеекъ, не долженствующихъ принять участіе въ дѣятельности, то какимъ образомъ передается дѣятельность отъ одной ячейки другой, отдаленной, безъ возбужденія посредствующихъ звеньевъ (ячеекъ) этой цѣпи.

Мы выше (см. стр. 4 и слѣд.) привели и другіе факты, идущіе совершенно въ разрѣзъ съ гипотезой происхожденія психо-интеллектуальной функціи отъ нервныхъ мозговыхъ ячеекъ, какъ ихъ органа; поэтому мы считаемъ сказаннаго достаточнымъ для опроверженія этой теоріи. Освободившись такимъ образомъ отъ этой предвзятой идеи современныхъ психологовъ, мы будемъ въ состояніи болѣе объективно отнестись къ вышеизложеннымъ даннымъ микроскопическаго изслѣдованія мозговой коры. Всмотриваясь въ фиг. 1-ю Люиса, мы пришли къ совершенно инымъ заключеніямъ, нежели самъ Люисъ, находящійся еще подъ влияніемъ ученія о зависимости психо-интеллектуальныхъ функцій отъ ячеекъ мозга, какъ своего органа, потому что она, представляя соединеніе фотографическихъ снимковъ микроскопическихъ препаратовъ представляетъ собою объективный матеріалъ, требующій для правильныхъ выводовъ только объективное отношеніе къ дѣлу, свободное отъ предвзятыхъ идей.

Всмотриваясь въ это изображеніе, мы поражаемся во 1-хъ тѣмъ фактомъ, что въ сѣромъ веществѣ мозговой коры гораздо меньшее мѣсто занимаютъ нервныя ячейки нежели междуячейстое пространство, которое по мнѣнію Люиса, какъ мы видѣли, занимается сѣтью, образованною изъ сплетенія тончайшихъ отростковъ нервныхъ ячеекъ для соединенія этихъ ячеекъ между собою въ одно цѣлое. При этомъ прежде всего кажется страннымъ, что сѣти между ячейками, состояція изъ сплетенія ячеистыхъ отростковъ, едва доступныхъ микроскопу, занимаютъ гораздо больше пространства, нежели самыя тѣла ячеекъ, а затѣмъ мы видимъ въ данной фигурѣ кромѣ этихъ сѣтей еще значительныя пустыя пространства, не наполненныя ни волокнами сѣтей, ни другими элементами доступными микроскопу. Отростки нервныхъ ячеекъ, образующіе сѣти,

часто утончаясь перестаютъ быть доступными и самому большому увеличенію микроскопа, какъ самъ Льюисъ выражается: „нечувствительно теряются“. Если эти безконечно малыя продолженія корешковъ или волоконъ ячеекъ суть проводники психо-интеллектуальныхъ процессовъ, то едва можно себѣ представить всю безконечную малость факторовъ и путей, среди которыхъ разыгрывается и передается психо-интеллектуальная дѣятельность. Если путемъ нашего предшествовавшаго изслѣдованія мы должны были принять факторами психо-интеллектуальной дѣятельности ячейки и ихъ соединенія, недоступныя изслѣдованію органовъ чувствъ, вслѣдствіе ихъ безконечно—малой величины, то эти сѣти и пустыя пространства между нервными ячейками также могутъ быть приняты за логовище, гдѣ живутъ, двигаются и развиваютъ психо-интеллектуальную работу эти тѣла и ихъ соединенія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что эта сѣть по Льюису представляется непрерывною. Онъ говоритъ такъ (см. стр. 121. *op. cit.*): „Изъ изслѣдованій нервной сѣти—мозговой коры (*du reticulum nerveux de la corticale*) слѣдуетъ, что эта сѣть представляетъ одно непрерывное цѣлое на всемъ ея пространствѣ, одну совершенную единицу (*une unité complète*), какъ поверхность кожи; такимъ образомъ въ данный моментъ раздраженія въ одной части *sensorium*'а, оно способно разсѣяться далеко и втянуть въ кругъ возбужденія различныя области мозговой сѣти“. Принявъ междуячейное пространство мозговой коры за большую непрерывную полость, куда образовавшіяся изъ нервныхъ ячеекъ (матерей) психо-интеллектуальныя ячейки (дочери) входятъ черезъ отростки нервныхъ ячеекъ (каналы) мы считаемъ, что тамъ онѣ живутъ или самостоятельно, проявляя элементарныя познанія, или входятъ между собою въ болѣе сложныя комбинаціи и путемъ дифференцированія развиваютъ все болѣе и болѣе сложные органы психо-интеллектуальнаго аппарата. Этой гипотезой объясняется и свобода ассоціаціи и движенія мыслевыхъ процессовъ, какъ элементарныхъ, такъ и сложныхъ, и соединенія отдѣльныхъ психо-интеллектуальныхъ факторовъ между собою, не затрогивая другихъ, не смотря на большое разстояніе между мозговыми частями, гдѣ они первоначально образовались, и моментами времени, когда они образовались. Этимъ объясняется и быстрота, съ которой каждое дѣятельное представленіе вызываетъ къ дѣятельности все ему интеллектуально сродственное изъ всего пріобрѣтеннаго опытомъ запаса, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ факторовъ знанія и то, какимъ образомъ вновь образовав-

шееся знаніе легко зоветъ на помощь къ совмѣстной работѣ то, что впродолженіи долгаго времени и даже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ лежало по закону инерціи въ покоѣ въ томъ психо-интеллектуальномъ хранилищѣ (каналѣ мозговой коры).

Наше мнѣніе еще больше подтверждается анатоміей нервныхъ волоконъ соединяющихъ корковое вещество мозга съ центральными частями мозга. Эти нервныя волокна исходятъ не изъ нервныхъ ячеекъ, а изъ междуячейстаго, выше упомянутаго, пространства корковаго вещества. Такъ Люисъ (стр. 17) говоритъ: „Les fibres nerveuses qui représentent les traits d'union de la substance corticale avec les regions centrales du cerveau émergent de l'intimité du réseau des cellules. Elles naissent tout d'abord à l'état de filaments déliés comme dérivation immédiate ou médiate du réticulum propre de chaque cellule, puis peu à peu, à mesure qu'elles progressent entre les rangées des cellules, elles s'élargissent, leur gaine s'épaissit, la substance grasse interposée devient plus abondante, et insensiblement elles passent de l'état de fibrilles grises à l'état de fibrilles blanches“. Слѣдовательно нервныя волокна, соединяющія мозговую кору съ центральнымъ веществомъ мозга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ органами чувствъ, исходятъ не изъ нервныхъ ячеекъ мозговой коры, а изъ сѣти, образуемой отростками этихъ ячеекъ, т. е. по Люису, изъ проводниковъ, соединяющихъ дѣятельности ячеекъ между собою. Если допустить съ психологами, что нервныя ячейки мозга суть единственные дѣятели психо-интеллектуальной силы, то нервныя волокна, передающія эту дѣятельность центральнымъ частямъ мозга и периферическія впечатлѣнія на органы чувствъ—ячейкамъ мозговой коры, должны были бы исходить непосредственно изъ самыхъ ячеекъ; если сѣти, образующіяся изъ волокнистыхъ отростковъ каждой нервной ячейки, служатъ для поддержанія связи между этими ячейками, то нервныя волокна, исходящія изъ этихъ сѣтей, могутъ только мѣшать этимъ связямъ и сообщеніямъ.

Кромѣ мозговой коры въ психо-интеллектуальной функціи играютъ огромную роль и массы сѣраго вещества, находящагося въ срединѣ cadaго полушарія. Чтобы представить болѣе наглядное понятіе о результатахъ микроскопическихъ изслѣдованій Люисомъ этихъ центральныхъ сѣрыхъ массъ мозга, мы позаимствуемъ у него схематическія изображенія какъ этихъ частей, такъ и ихъ отношеніе къ

корковому веществу мозговой поверхности и къ нервнымъ волокнамъ, соединяющимъ эти нервныя массы между собою и съ периферіей.

Фиг. III.

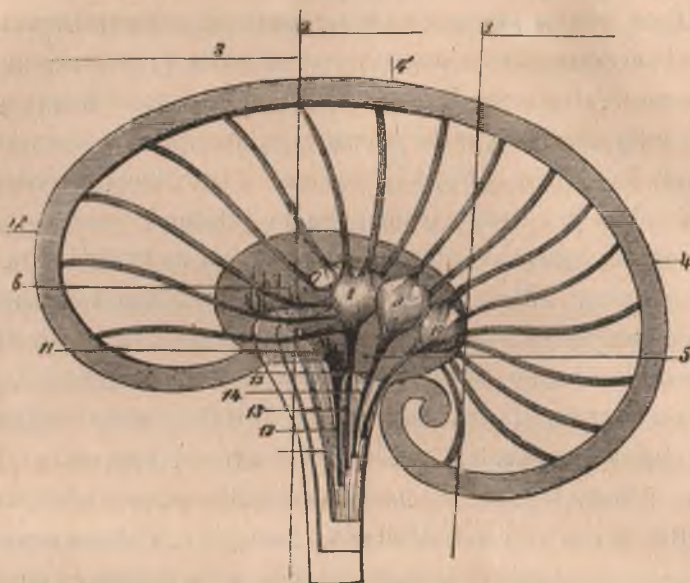
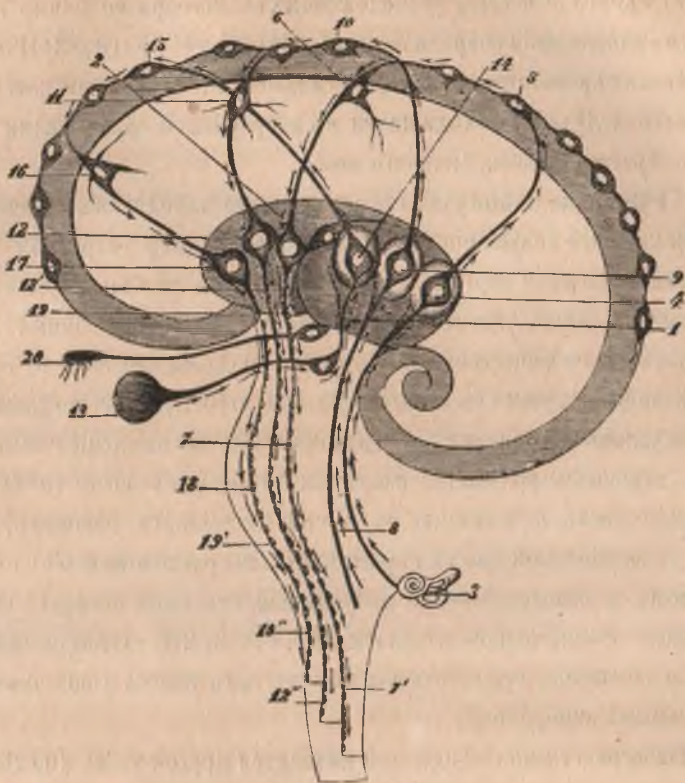

Схема системы конвергирующихъ нервныхъ волоконъ въ ихъ отношеніи съ центральными узлами сѣраго вещества. См. ф. III. 1) Конвергирующія волокна заднихъ извилинъ мозга. 2) Такія же волокна среднихъ извилинъ мозга. 3) Таковыя же волокна переднихъ извилинъ мозга. 4—4'—4) Представляютъ корковую поверхность мозга въ ея отношеніяхъ къ центральнымъ сѣрымъ узламъ. 5) Зрительный бугоръ. 6) Полосатое тѣло. 7) Центръ передній — обонятельный зрительнаго бугра. 8) Центръ средній — зрительный зрительнаго бугра. 9) Центръ чувственныхъ впечатлѣній (Centre sensitive) зрительнаго бугра. 10) Зданій центръ — слуховой зрительнаго бугра. 11) Центральная область сѣраго вещества. 12) Восходящія сѣрыя волокна вегетативной иннервации. 13) Сѣрыя зрительныя волокна. 14) Восходящія чувствительныя (Sensitives) волокна. 15) Восходящія слуховыя волокна. 16) Рядъ волоконъ, идущихъ изъ передне-боковой части спиннаго мозга, теряющихся въ полосатомъ тѣлѣ.

Схема процесса чувство-двигательной мозговой дѣятельности. См. ф. IV. 1) Зрительный бугоръ съ его центрами и ганглиозными ячейками. 2) Полосатое тѣло. 3) Процессъ распространения слуховыхъ впечатлѣній.

Фиг. IV.

Въ 4) видно вхожденіе слуховыхъ волоконъ въ соотвѣтствующій центръ зрительнаго бугра; затѣмъ оттуда они — 5) идутъ къ мозговой корѣ (sensorium), а въ 6 и 6') они опять возвращаются къ полосатому тѣлу, а оттуда въ 7 и 7') — къ двигательной области спиннаго мозга. 8) Направленіе волоконъ, приносящихъ изъ периферіи чувствительныя впечатлѣнія. Въ 9) они концентрируются въ соотвѣтствующемъ центрѣ зрительнаго бугра, откуда они направляются къ сѣти коркового вещества 10) въ 11) они поворачиваются назадъ къ ячейкамъ полосатаго тѣла, а оттуда къ различнымъ сегментамъ спиннаго мозга (de l'axe spinal). 13) Вхожденіе въ мозгъ волоконъ зрительнаго нерва. Они концентрируются въ 14) ихъ соотвѣтствующемъ центрѣ зрительнаго бугра, затѣмъ въ 15) они распространяются къ мозговой корѣ, а оттуда 16) возвращаются къ полосатому тѣлу; впоследствии они распространяются въ различныхъ сегментахъ спиннаго мозга. 20) Периферическое распространеніе обонятельнаго нерва.

Зрительный бугоръ состоитъ: 1) изъ ряда маленькихъ отдѣльныхъ узловъ сѣраго вещества, расположенныхъ линейнообразно одинъ за другимъ въ направленіи спереди назадъ (*antéro-postérieure*). 2) Изъ двухъ ленточекъ сѣроваго вещества, выстилающихъ внутреннюю поверхность третьяго желудка и находящихся въ непрерывной связи ткани съ сѣрами сѣраго вещества спиннаго мозга.

1) Вышесказанные узлы сѣраго вещества находятся въ зрительномъ бугрѣ каждаго полушарія, числомъ четыре. Рядомъ разрѣзовъ ихъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи можно убѣдиться, что каждый изъ этихъ узловъ представляетъ ясно изолированный округъ, котораго сѣрое вещество, изслѣдованное подъ микроскопомъ, состоитъ изъ нервныхъ ячеекъ съ сплетеніями ихъ отростковъ, и что каждый изъ этихъ узловъ находится въ отдѣльномъ сообщеніи съ специальными группами нервныхъ волоконъ, извиѣ входящихъ въ мозгъ (*afférentes*). Передній узелъ, съ помощію ряда криволинейныхъ волоконъ, соединенъ съ специальной массой сѣраго вещества, расположенной на основаніи мозга и непосредственно получающей, въ свою очередь, внѣшній корешокъ обонятельнаго нерва (см. фиг. IV, 6, 20). Отсюда вытекаетъ тѣсное отношеніе, существующее между этимъ узломъ и внѣшнимъ обонятельнымъ аппаратомъ.

Непосредственно сзади его находится другой узелъ (по Люису *le pouau mouen*). Онъ явно находится въ непосредственной связи ткани съ сѣрыми корешками зрительнаго нерва (фиг. IV, 13 и 14). Сзади послѣдняго и въ самомъ центрѣ зрительнаго бугра—третій узелъ, величиной съ большую горошину (*centre médian*) (фиг. IV, 8 и 9), находящійся въ связи съ чувствительными волокнами тѣла, т. е. съ чувствительными нервами кожи и вегетативныхъ органовъ. Наконецъ совсѣмъ сзади, въ сосѣдствѣ съ верхними (*corpora quadrigemina*), находится 4-й узелъ, состоящій въ связи съ слуховыми нервными волокнами (фиг. IV, 3 и 4).

2) Область сѣраго вещества, выстилающаго, какъ выше сказано, внутреннюю стѣнку зрительнаго бугра, представляетъ продолженіе центральнаго сѣраго вещества спиннаго мозга въ головной мозгъ. Въ него входятъ нервныя волокна. Кромѣ этой связи каждаго изъ узловъ зрительнаго бугра съ центробѣжными периферическими нервами, эти узлы, въ свою очередь, съ помощію нервныхъ волоконъ, изъ нихъ исходящихъ,

соединяются и съ корковымъ веществомъ мозга, причѣмъ каждый изъ узловъ соединяется съ особенной областію коркового вещества.

„Достаточно бросить взглядъ на горизонтальные разрѣзы мозга“, говоритъ Люисъ, „чтобы узнать, что каждый изъ центровъ (узловъ) зрительнаго бугра находится въ особенной связи съ извѣстными областями коркового вещества мозга“.

„Такимъ образомъ сѣрые узлы зрительнаго бугра, какъ лежащіе совершенно въ центрѣ большаго мозга, представляютъ вмѣстѣ взятые узелъ всей нервной системы. Черезъ сѣти этихъ узловъ проходятъ раздраженія всѣхъ видовъ, какъ тѣ, которыя идутъ изъ внѣшняго міра, такъ и тѣ, которыя всплываютъ изъ вегетативной сферы организма. Тамъ, среди нервныхъ клѣточекъ, собственной дѣятельностію послѣднихъ, эти раздраженія распредѣляются и пребываютъ нѣкоторое время для приготовленія (переработки); и потомъ, подъ новой формой, болѣе организованные (*plus animalisés déjà*) и сдѣлавшись, въ нѣкоторомъ смыслѣ, больше усвоиваемыми, они идутъ по всѣмъ направленіямъ и передаютъ дѣятельность сѣтямъ коркового вещества, которыя живутъ и работаютъ только подъ ударами ихъ стимулизирующей инициативы“.

Полосатое тѣло мозгового полушарія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ результаты изслѣдованія Люисомъ анатомическаго строя полосатаго тѣла. Уже одно положеніе зрительнаго бугра и полосатаго тѣла относительно прилежащихъ и соединенныхъ съ ними частей въ центрѣ каждаго полушарія указываетъ на ихъ различное функціональное значеніе. Между тѣмъ какъ зрительный бугоръ представляетъ массу сѣраго вещества, сгруппированную на продолженіи заднихъ пучковъ (*des faisceaux postérieures*) спиннаго мозга, (чувствительныхъ), которыхъ оно представляетъ какъ будто вѣнец (*le couronnement*), полосатыя тѣла, наоборотъ, расположены на продолженіи передне-боковыхъ пучковъ (двигательныхъ) спиннаго мозга. Полосатое тѣло состоитъ изъ: 1) огромнаго количества большихъ нервныхъ ячеекъ, полигональныхъ съ многочисленными продолженіями, близко подходящихъ своимъ объемомъ къ большимъ ячейкамъ мозговой коры; кромѣ того въ нихъ находятся и малыя нервныя ячейки. 2) Сверхъ того въ полосатыя тѣла входятъ двоякаго рода нервныя волокна: одни могутъ быть разсматриваемы какъ система приносящихъ (*fibres afférentes*) полосатому тѣлу, (фиг. IV—6, 11, 16). Это всѣ мозговныя волокна распространяющіяся изъ различныхъ областей мозговой коры,

идуція къ полосатому тѣлу и распространяющіяся въ немъ (*fibres cortico-striées*), и 6) другія волокна представляютъ систему уносящихъ изъ полосатаго тѣла (*de fibres éfferentes*), составляютъ послѣднія распространенія верхнихъ ножекъ мозжечка (*de pédoncules cérébelleux supérieurs*).

Вообще всѣ нервныя волокна, идущія изъ мозговой коры къ центру каждаго полушарія (къ зрительному и полосатому тѣламъ), на нѣкоторомъ пространствѣ совершаютъ общій путь, причеиъ чувствительныя лежатъ возлѣ двигательныхъ, какъ и въ стволахъ перифирическихъ нервовъ. Но когда эти смѣшанныя волокна приходятъ къ соотвѣтствующимъ центрамъ ихъ притяженія, они раздѣляются, а именно: чувствительныя идутъ въ центры зрительнаго бугра, а двигательныя въ полосатое тѣло. Доказанное въ послѣднее время экспериментальнымъ путемъ прямое отношеніе между нѣкоторыми частями мозговой коры и опредѣленными, имъ соотвѣтствующими движеніями, вполне подтвердили вышеизложенныя данныя анатомическихъ изслѣдованій.

Въ 1870 году Fritsch и Hitzig сдѣлали замѣчательные опыты, (о которыхъ мы уже говорили въ 1-мъ томѣ нашего сочиненія и о которыхъ намъ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ), доказавшіе, что хотя электричество, будучи приложено къ нѣкоторымъ частямъ мозговой коры, не вызываетъ движенія въ мышцахъ тѣла, но на этой же корѣ есть нѣкоторыя другія опредѣленныя мѣста, въ которыхъ, направленіи на нихъ электрическаго тока, постоянно вызывается опредѣленное движеніе въ мышцахъ на противоположной сторонѣ. Ferrier*), повторявшій эти опыты на обезьянахъ, и другіе экспериментаторы вполне подтвердили эти опыты; такъ перенося электрическое раздраженіе съ одного опредѣленнаго мѣста мозговыхъ извилинъ на другое, эти экспериментаторы могли произвольно вызывать движенія въ кѣ, глазъ, шеи и т. п. Эти опыты даже подтвердились и на человѣкѣ американскимъ врачомъ, имѣвшимъ больнаго, у котораго вслѣдствіе страданія черепа мозгъ былъ обнаженъ. Но для яснаго пониманія отношеній нѣкоторыхъ мѣстъ мозговой коры къ опредѣленнымъ движеніямъ, мы приведемъ слѣдующія слова Ferrier'a (см. „О локализ. въ болѣзняхъ мозга“ стр. 31). „Всѣ

*) Ferrier, Recherches expérimentales sur la physiologie et la pathologie cérébrale, Progrès medicales № 28, 1873 и № 1, 1874, и его-же „О локализацияхъ въ болѣзняхъ мозга“ перев. Лебедева.

эти опыты надъ различными животными доказываютъ тотъ фактъ, что одни и тѣ-же движенія имѣютъ много различныхъ причинъ и представляются, хотя съ различнымъ значеніемъ, — въ различныхъ центрахъ, въ верху и внизу. Движенія сознательныя, называемыя произвольными, суть единственныя движенія, которыя необходимо парализуются при разрушеніи коркового вещества; тогда какъ движенія, описываемыя подъ именемъ автоматическихъ, инстинктивныхъ или рефлекторныхъ — включая сюда всякое двигательное приспособленіе, участвующее въ равновѣсіи и координаціи движеній, также какъ и инстинктивныя выраженія чувствованія, — организованы болѣе или менѣе полно въ центрахъ подъ корковымъ веществомъ“.

Хотя данныя микроскопической анатоміи и фізіологіи мозга еще слишкомъ далеки отъ возможности яснаго освѣщенія психо-интеллектуальныхъ функцій, но тѣмъ не менѣе они даютъ уже надлежащую канву, гдѣ рѣзко обозначились главные черты, на которыхъ современемъ изобразится будущая картина причинной связи между элементами мозга и ихъ расположеніемъ съ одной стороны и психо-интеллектуальной работой съ другой.

Мы привели главные изъ тѣхъ научныхъ фактовъ для доказательства того, что наша теорія совершенно входитъ въ ихъ рамку, насколько ими ограничивается настоящее состояніе науки. Для большей ясности попробуемъ примѣнить нашу теорію къ вышеизложеннымъ фактамъ. Всматриваясь въ фиг. III и IV, мы видимъ, что всѣ нервныя волокна съ центробѣжнымъ направленіемъ, т. е. чувствительныя, идущія изъ органовъ чувствъ и всѣхъ частей организма, входяція и распространяющіяся въ мозгу, собираются около зрительнаго бугра и распредѣляются въ его отдѣльныхъ узлахъ, сообразно съ мѣстомъ, откуда онѣ внѣ мозга получаютъ толчокъ или возбужденіе. Волокна идущія изъ органа обонянія, зрѣнія, слуха, кожи и, такъ называемыхъ, вегетативныхъ органовъ, находятъ въ одномъ изъ узловъ зрительнаго бугра свой центръ въ которомъ принесенное нервнымъ волокномъ механическое, обезформленное движеніе вещества нервной матеріи, вызванное вѣншимъ движеніемъ, организуется въ живую тѣлесную формацію, сознательная дѣятельность которой, развивающаяся впоследствии, называется тѣмъ или другимъ воспріятіемъ, ощущеніемъ или чувствомъ. Что каждый изъ названныхъ процессовъ не можетъ обуславливаться одною только

дѣятельностію нервныхъ ячеекъ зрительнаго бугра, доказывается: какъ опытами Флуранса и новѣйшихъ фізіологовъ, Шиффа, Феррье и другихъ, такъ и патологическими случаями у людей. Эти изслѣдованія показали, что при разрушеніи, или болѣзненномъ страданіи коркового вещества переднихъ частей полушарій прекращается сознание извнѣ дѣйствующихъ стимуловъ на органы чувствъ и на чувствительные нервы тѣла вообще. Изъ этого видно, что переработанныя внѣшнія движенія, принесенныя въ центры зрительнаго бугра, еще сами по себѣ не составляютъ психо-интеллектуальнаго акта, потому что тамъ они не могутъ прійти въ сознание. Для послѣдняго необходимо участіе въ этой работѣ соотвѣтствующей части коркового вещества. Только сознанный актъ внѣшняго опыта можетъ сдѣлаться частію психо-интеллектуальнаго міра и жить въ насъ, какъ и другая часть тѣла, и даже перешедши въ недѣятельное состояніе, сохраняетъ въ себѣ разъ пріобрѣтенную силу познанія, которую онъ съ переходомъ въ дѣятельное состояніе снова продуцируетъ.

Впечатлѣнія же на чувствительные нервы со стороны внѣшняго міра и собственнаго тѣла, ни разу не сознанныя (какъ во снѣ, въ обморокѣ и при страданіяхъ головного мозга), остаются чуждыми познанію, какъ будто они никогда на насъ не дѣйствовали и никогда въ нашемъ опытѣ не встрѣчались. Они не составляютъ части психо-интеллектуальнаго органа, потому что не даютъ никакого познанія во время ихъ дѣйствія и послѣ себя не оставляютъ въ душѣ ни малѣйшаго слѣда. Слѣдовательно формации, организовавшіяся въ центрахъ зрительнаго бугра для того, чтобы сдѣлаться психо-интеллектуальнымъ актомъ и постояннымъ пріобрѣтеніемъ организма, должны войти въ соотвѣтствующія части коркового вещества мозга и тамъ видоизмѣниться.

Что это такъ и дѣлается, доказываетъ множество нервныхъ волоконъ, соединяющихъ ячейки зрительныхъ бугровъ съ корковымъ веществомъ или, точнѣе сказать, какъ мы видѣли изъ изслѣдованій Люиса, съ сѣтями или полостями, находящимися между нервными ячейками коркового вещества.

Мы видѣли, что 1) сѣрые узлы и ихъ ячейки въ зрительномъ бугрѣ суть единственные ворота, куда входитъ весь матеріаль, изъ котораго вырабатывается познаніе какъ внѣшняго міра, такъ и собственнаго тѣла, и что, соотвѣтственно различному характеру внѣшнихъ раздраженій, въ зрительномъ бугрѣ находятся отдѣльные центры для

организации каждаго рода извнѣ приносимыхъ въ него движеній; 2) что изъ зрительныхъ бугровъ всѣ воспріятія и ощущенія входятъ изолированными въ корковое вещество каждаго полушарія. Тамъ они подвергаются новому метаморфозу, послѣ котораго эти формации, достигши надлежащаго развитія, развиваютъ сознаніе своей дѣятельности. Но такъ какъ эта дѣятельность состоитъ только въ развитіи силы, получаемой извнѣ и метаморфозированной въ нервныхъ ячеекахъ зрительнаго бугра, то въ сознаніи каждаго такого процесса получается только познаніе относительнаго качества и количества извнѣ или изъ своего собственнаго тѣла получаемаго импульса—впечатлѣнія. Только перешедши черезъ горнило сознанія организованное внѣшнее движеніе ассимилируется организмомъ и дѣлается плотью его плоти. Изъ всего, подѣйствовавшаго на человѣка изъ міра опыта и чувствъ, только то составляетъ его познавательную силу, только то постоянно остается въ его распоряженіи, какъ источникъ психо-интеллектуальной силы, что создалось хотя бы только одинъ разъ. Но психо-интеллектуальныя формации, какъ продукты образовательной дѣятельности нервныхъ ячеекъ корковаго вещества, не могутъ оставаться въ послѣднихъ, т. е. въ своихъ маточныхъ ячеекахъ, послѣ рожденія, во 1-хъ потому, что эти маточныя ячейки должны освободиться отъ своихъ новообразованныхъ дочерей-формаций для безпрестаннаго повторенія этого новообразованія, вслѣдствіе почти непрерывнаго воздѣйствія на органы чувствъ внѣшняго опыта, во время бдѣнія человѣка, и во 2-хъ, оставаясь въ ячеекахъ (матеряхъ), вновь образовавшіяся формации, какъ мы видѣли, не могли бы входить въ свободныя комбинаціи для развитія болѣе и болѣе сложныхъ субстратовъ высшихъ психо-интеллектуальныхъ силъ, не могли бы совершать необходимыхъ въ психо-интеллектуальной работѣ свободныхъ передвиженій и не могли бы сохранять способность приходить въ взаимодействіе отдѣльно и самостоятельно со всѣми частями психо-интеллектуальнаго міра, развившагося въ человѣкѣ съ самаго начала его психо-интеллектуальной жизни.

Единственнымъ путемъ исхода и мѣстомъ для существованія, дѣятельности и дальнѣйшаго развитія (дифференцированія психо-интеллектуальной ткани) вновь рождающихся изъ клѣточекъ мозговой коры психо-интеллектуальныхъ формаций представляются, какъ мы уже видѣли, сѣти и пустыя пространства мозговой коры. Послѣднія образуютъ въ корковомъ веществѣ непрерывный и единый каналъ, отчасти выпол-

няемый сплетеніями отростковъ нервныхъ ячеекъ мозговой коры и нервныхъ волоконъ, приходящихъ туда изъ периферіи и обращающихся оттуда обратно къ периферіи. Непрерывность этого канала и сообщеніе его со всѣми ячейками, расположенными во всѣхъ рядахъ коркового вещества, дѣлаетъ возможнымъ свободно двигающимся психо-интеллектуальнымъ формаціямъ приходить въ взаимодѣйствіе не только между собою, но и съ каждой клѣточкой (производительницей) мозговой коры. Этотъ каналъ можно назвать психо-интеллектуальнымъ каналомъ, куда входятъ вновь образовавшіяся формаціи изъ своихъ ячеекъ-матерей, гдѣ живутъ, дѣйствуютъ и совершаютъ свой психо-интеллектуальный круговоротъ, психо-интеллектуальныя формаціи подобно тому, какъ кровяныя шарики, въ ихъ жидкой средѣ, двигаются въ сердцѣ и кровеносныхъ сосудахъ, приходя въ взаимодѣйствіе со всѣми частицами тѣла для ихъ питанія и ихъ освобожденія отъ ненужнаго матеріала.

Вступивъ въ психо-интеллектуальный каналъ и дойдя въ своей дѣтельности до сознанія, эти формаціи дѣлаются нашими воспріятіями или ощущеніями. Ихъ дѣятельность состоитъ или въ развитіи относительнаго познанія того движенія изъ периферіи или тѣла, которое вызвало каждую изъ этихъ формацій; или же эта дѣятельность формацій состоитъ въ комбинаціи и связи ихъ между собою, причемъ онѣ дифференцируются въ болѣе и болѣе сложныя психо-интеллектуальныя единицы, дающія по мѣрѣ и степени ихъ дифференцированія и высшее познаніе. Въ непрерывной полости мозговой коры всѣ эти формаціи, находясь въ дѣятельномъ состояніи, должны сообщать свои толчки нервнымъ волокнамъ сѣти, среди которыхъ они дѣйствуютъ и двигаются. Послѣднія приносятъ полученныя движенія въ нервныя ячейки мозговой коры, которыхъ эти волокна суть отростки или продолженія. Пришедши такимъ образомъ въ соотвѣтствующую ячейку, движеніе каждой формаціи должно вызвать въ ней точно такую же организаторскую дѣятельность, какую вызываютъ внѣшнія впечатлѣнія въ соотвѣтственныхъ мозговыхъ ячейкахъ, находящихся въ прямой связи съ периферическими волокнами органовъ чувствъ. Послѣднія даютъ организованную формацію, способную къ дальнѣйшему развитію въ ячейкахъ мозговой коры, развивающую познаніе его извнѣ вызвавшаго движенія (воспріятія или ощущенія); первыя же производятъ формацію, развивающую познаніе, точно также движенія, но не внѣшняго, а внутренняго— движенія формаціи въ психо-интеллектуальномъ каналѣ, или же онѣ

даютъ организованную формацію, соединяющую разрозненные психо-интеллектуальные элементы, которыхъ одновременная или непрерывная работа своимъ движеніемъ послужила импульсомъ для образованія этой формаціи.

Такимъ образомъ если нѣсколько психо интеллектуальныхъ движеній разомъ дѣйствуютъ на нервныя ячейки коры, то вновь образовавшіяся изъ сихъ послѣднихъ формаціи, соединяясь съ первыми, образуютъ одно цѣльное психо-интеллектуальное тѣло. Такъ какъ мы должны были принять различныя степени дифференцированія элементарныхъ интеллектуальныхъ ячеекъ, то присутствіе поясообразнаго распредѣленія ячеекъ нервной коры на нѣсколько правильныхъ этажей и сообщенія каждой изъ этихъ ячеекъ съ психо-интеллектуальнымъ каналомъ очень подтверждаетъ наше предположеніе. Въ этой полости психо-интеллектуальныя формаціи, израсходовавшія свою активную силу на психо-интеллектуальную работу, или побѣжденные и связанные другой, имъ несродной психо-интеллектуальной силой, остаются жить въ потенциальномъ состояніи, причеиъ, какъ бы, осѣдаютъ на дно психо-интеллектуальнаго канала; пока это состояніе продолжается, онѣ не только не сознаются, но и не производятъ никакой психо-интеллектуальной функции. Однако, не смотря на кажущееся прекращеніе ихъ существованія, они въ насъ продолжаютъ жить. Это доказывается тѣмъ, что всякій импульсъ, побѣдившій ихъ инерцію, снова вызываетъ ихъ къ дѣятельности, причеиъ они развиваютъ точно такую же психо-интеллектуальную работу, какъ и при ихъ рожденіи. Свободнымъ движеніемъ психо-интеллектуальныхъ, дѣятельныхъ формацій въ этой цѣльной и непрерывной полости, самостоятельнымъ и отдѣльнымъ въ ней существованіемъ каждой изъ отдѣльныхъ психо-интеллектуальныхъ формацій, какой бы степени не было, можетъ только объясниться ассоціація представленій, скорость этой ассоціаціи и свобода мыслеваго круговорота во всѣхъ направленіяхъ. Только такимъ образомъ можетъ сдѣлаться понятной способность каждой дѣятельной психо-интеллектуальной формаціи, войдя въ психо-интеллектуальный круговоротъ, вызывать къ дѣятельности формаціи изъ всего запаса пережитаго опыта, сдѣлавшагося психо-интеллектуальнымъ достояніемъ челоѡвка и въ данный моментъ находившагося въ потенциальномъ состояніи. Этимъ только объясняется, что каждая вновь появившаяся дѣятельная формація въ мышленіи можетъ вызвать изъ потеціального состоянія, всѣ

факторы, ей сродные по содержанию или по связи въ пространствѣ или во времени, когда либо узнаанные на опытѣ для совмѣстной психо-интеллектуальной работы, и что при этомъ возбужденіи къ дѣятельности новыхъ факторовъ ничуть не затрагиваются покоящіеся въ хранилищѣ тѣ факторы познанія, которые не имѣютъ ничего общаго съ предметомъ психо-интеллектуальной работы даннаго времени. Объясненіе этихъ процессовъ совмѣстной дѣятельностью постоянныхъ нервныхъ ячеекъ мозговой коры совершенно падаетъ, если мы себѣ представимъ все разнообразіе возможныхъ ассоціацій, гдѣ одно и тоже представленіе можетъ вызвать къ дѣятельности то одну, то другую группу представлений.

Принявъ, что эти психо-интеллектуальныя ячейки, выдѣляясь изъ своихъ ячеекъ — матерей, входятъ въ свободный, непрерывный психо-интеллектуальный каналъ коркового вещества, мы разомъ отстраняемъ всѣ противорѣчія прежнихъ ученій.

Если въ сосудъ съ водою, въ которомъ растворены различныя соли, бросить новую крупинку соли, то она, растворившись, ищетъ въ растворѣ и отыскиваетъ, среди разнородныхъ, ей сродные молекулы, чтобы соединиться съ ними въ кристаллъ, отвѣчающій своей формой химическому составу брошенной крупинки соли. Совершенно подобное совершается и въ психо-интеллектуальномъ каналѣ. Если вновь пришедшая въ него извнѣ дѣятельная формація или возбужденная въ немъ къ дѣятельности изъ потенціального состоянія совершаетъ въ этомъ каналѣ свой болѣе или менѣе полный круговоротъ, то изъ всего хранилища она притягиваетъ къ себѣ все ей сродное для совмѣстной психо-интеллектуальной работы. Этимъ объясняется, почему: а) всякая психо-интеллектуальная формація можетъ вызвать къ дѣятельности все ей сродное изъ всѣхъ областей и всѣхъ временъ образованія психо-интеллектуальнаго богатства, находящагося въ хранилищѣ, и б) что отъ большаго или меньшаго движенія каждой формаціи въ психо-интеллектуальномъ каналѣ, т. е., отъ объема, совершаемаго ею круго ворота зависитъ количество сгруппированныхъ ею вокругъ себя психо-интеллектуальныхъ формацій изъ потенціального состоянія, до нея образовавшихся. Такъ, при проявленіи своей дѣятельности въ неподвижномъ состояніи, активная формація можетъ оставаться совершенно изолированной въ своей дѣятельности. Такую неподвижность психо-интеллектуальныхъ формацій лучше всего вызываютъ гипнотическіе приемы. У гипнотизированныхъ людей прекращается самостоятельное психо-интеллектуальное теченіе,

но если вы возбудите къ дѣятельности какое-нибудь представленіе, то оно одно работаетъ, при совершенной недѣятельности всего остального психо-интеллектуальнаго міра. Такъ, напр., скажите такому гипнотизированному: „пожаръ!“ или назовите какого-нибудь хищнаго звѣря и вы увидите, что всѣ проявленія этого человѣка свидѣтельствуютъ о дѣятельности только вызваннаго представленія при совершенной бездѣятельности всего остального. Такъ, ужасный страхъ гипнотизированнаго показываетъ, что въ немъ нѣтъ въ это время ни представленія о пространствѣ, ни о времени, потому что въ противномъ случаѣ онъ легко могъ бы понять, что, напр., въ то помѣщеніе, гдѣ онъ находится, не можетъ проникнуть ни змѣй, ни тигръ и т. п. Даже у нормальныхъ людей при нѣкоторой вялости психо-интеллектуальныхъ движеній, или въ глубокой старости, или у страждущихъ болѣзнію коркового вещества полушарій, замѣчается слабость въ умѣніи ассоціировать все нужное изъ пережитаго опыта для пониманія обещуемаго предмета. Всякій знаетъ, какая огромная индивидуальная разница въ этомъ отношеніи существуетъ между различными людьми.

Но что этотъ актъ вызванія дѣятельной формаціей другихъ ей сродныхъ изъ потеціального состоянія состоитъ въ механическомъ передвиженіи, доказываетъ время необходимое для этого акта. Такъ, одинъ и тотъ же человѣкъ, когда спѣшитъ думать о чемъ нибудь, то многого не вспоминаетъ, что могло бы послужить къ хорошему результату его мышленія. Чтобы всесторонне обдумать предметъ, нужно опредѣленное большее или меньшее время. Что психо-интеллектуальная работа есть механическая, какъ всякая другая, несомнѣнно доказывается опытами Ломбарда, Шифа и др. Эти опыты показали, что какъ воспріятія, такъ мышленіе или чувство развиваютъ теплоту въ соотвѣтствующихъ частяхъ мозга, независимо отъ вызываемаго этой дѣятельностью прилива крови къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ мозга.

Если дѣятельная психо-интеллектуальная формація не встрѣчаетъ вовсе условій для израсходованія всей своей активной силы на сознаніе и мыслевую работу, или если, за израсходованіемъ части своей силы на сознаніе, мыслевую работу и развитіе теплоты, еще остается запасъ активной силы не израсходованной, то эта неутраченная мыслевой функціей часть активной силы должна извергнуться наружу изъ организма, какъ извергается неусвоенная часть принятой пищи. Это совершается разрѣшеніемъ напряженія, импульсомъ двигательному аппарату,

вызывающимъ то или другое вѣдшее мышечное движеніе. Циркулируя свободно, въ психо-интеллектуальномъ каналѣ, формациі съ такой свободной силой передаютъ свои толчки черезъ посредство центропетальныхъ волоконъ сѣти психо-интеллектуальнаго канала двигательнымъ ячейкамъ мозговой коры, находящейся въ связи съ полосатымъ тѣломъ, а черезъ его посредство съ вѣдшимъ двигательнымъ аппаратомъ. Благодаря физиологическимъ опытамъ Питцига, Фриша, Феррье и др., мы знаемъ, что въ мозговой корѣ находятся опредѣленные мѣста, раздраженіе которыхъ разрѣшается тѣмъ или другимъ постояннымъ мускульнымъ вѣдшимъ движеніемъ.

Вѣроятно сообразно съ характеромъ свободной силы дѣятельной формациі, она притягивается той или другой группой двигательныхъ первнхъ ячеекъ и сообщая имъ толчекъ, вызываетъ въ мышцахъ дѣйствіе, согласное съ содержаніемъ той свободной силы. Такъ вызываются или голосовыя движенія, или сложныя движенія въ другихъ группахъ мускульнаго аппарата. Сказанное подтверждается вышеизложенными анатомическими данными. Такъ мы видѣли, что изъ двигательной части мозговой коры идутъ во множествѣ центробѣжныя первныя волокна къ ячейкамъ полосатыхъ тѣлъ, а послѣднія находятся въ прямой связи съ двигательными волокнами мозжечка и спиннаго мозга. Такимъ образомъ мы и на основаніи вышеизложенныхъ анатомическихъ данныхъ должны прійти къ такимъ же выводамъ, къ какимъ насъ привели наши физиолого-психологическія изслѣдованія. Мы видѣли, что всѣ вѣдшіе импульсы, какъ со стороны вегетативной сферы, такъ и со стороны чувствительныхъ нервовъ и органовъ чувствъ, приносимые центропетальными нервами въ мозгъ (см. ф. III. 12, 13, 14, 15), тамъ встрѣчаютъ первую станцію въ нервныхъ ячейкахъ зрительнаго бугра (см. ф. III, 7, 8, 9, 10), тамъ эта вѣдшая сила различнаго свойства метаморфозировается во внутреннюю силу. Здѣсь участь послѣдней бываетъ двоякая: 1) Эта сила, прямо сообщаясь ячейкамъ двигательнаго аппарата мозга, переходитъ во вѣднюю, въ видѣ рефлекторной, автоматической и инстинктивной. Эти движенія совершаются безъ участія сознанія, и внутренняя сила, ихъ вызвавшая, не составляетъ психической силы, потому что она не оставляетъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда ни въ познаніи, ни въ чувствѣ. 2) Второй путь переобразованной вѣдней силы во внутреннюю въ зрительномъ бугрѣ состоятъ въ переходѣ ея, черезъ соотвѣтствующія волокна, въ психо-интеллектуаль-

ную сферу мозговой коры (см. ф. IV. 5, 10, 15). Тамъ она окончательно организуется въ психо-интеллектуальную формацію и входитъ въ психо-интеллектуальный каналъ. Когда дѣятельность послѣдней развивается до сознанія ея содержанія, то эта формація дѣлается болѣе или менѣе постояннымъ приобрѣтеніемъ психо-интеллектуального организма и факторомъ познанія или чувства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, какъ извѣстная доля извнѣ полученной пищи задерживается въ организмѣ, организуясь въ его ячейки, дѣлается болѣе или менѣе постоянной частью организма, развивающей силу жизни въ видѣ той или другой функціи, такъ и доля внѣшнихъ движеній, вошедшихъ въ мозгъ, въ немъ организуются въ психо-интеллектуальныя формаціи и точно также дѣлается постоянной частью организма, развивающей согласно своему содержанію силу познанія и чувства. Какъ часть принятой пищи, не усвоенной организмомъ, извергается животнымъ наружу въ видѣ испраженій, а другая часть, усвоенная и совершившая круговоротъ жизни и въслѣдствіе этого сдѣлавшись излишней извергается всѣми выдѣленіями, такъ и часть воспринятыхъ мозгомъ внѣшнихъ движеній опять выходитъ неувоенною наружу импульсами мышечныхъ рефлекторныхъ и другихъ мышечныхъ бессознательныхъ движеній, а другая часть, перешедшая въ психо-интеллектуальную организацію, свою излишнюю силу отдаетъ внѣшнему міру тѣмъ же путемъ, но только послѣ сознательнаго мышленія и совершенія психо-интеллектуального круговорота. Поэтому послѣднія движенія называются сознательными. Можно принять, что въ этихъ случаяхъ преобладающая интеллектуальная сила съ стремленіемъ разрѣшиться наружу, въ своемъ теченіи въ психо-интеллектуальномъ каналѣ, приносится къ соотвѣтствующимъ двигательнымъ ячейкамъ мозговой коры, имѣющимъ въ томъ каналѣ свои отростки и волокна. Эти двигательныя ячейки, получивъ толчокъ, сообщаютъ его соотвѣтствующимъ волокнамъ, идущимъ отъ корковаго вещества къ полосатому тѣлу (см. фиг. IV, 2, 11, 16), а оттуда это движеніе распространяется черезъ двигательныя волокна спиннаго мозга къ периферическимъ двигательнымъ нервамъ (см. фиг. IV, 7, 7'), вызывая соотвѣтствующее мышечное сокращеніе. Но какъ мы уже видѣли, психо-интеллектуальныя формаціи могутъ до разрѣшенія дѣйствіемъ совершать круговоротъ полный и неполный; поэтому и дѣйствія бываютъ различныя: отъ полусознательныхъ до абсолютно разумныхъ. Первые

бываютъ, когда опредѣленная группа представленій или даже одно представленіе при своей дѣятельности оставляетъ всѣ остальные формации прежде пріобрѣтенной силы познанія и нравственности въ совершенномъ покоѣ, и своею одинокой дѣятельностію разрешаются внѣшнимъ дѣйствіемъ. Такъ гипнотизированные люди или сонambuлы дѣйствуютъ подѣ влияніемъ одного только представленія или одного только ряда представленій при совершенной недѣятельности другихъ. Разумность дѣйствія можетъ быть только относительная, когда каждая дѣятельная формация при своемъ движеніи по всему психо-интеллектуальному круговороту вызываетъ къ совмѣстной дѣятельности всѣ сродныя ей силы, и дѣйствіе является результатомъ взаимодействія всего существующаго въ данной особи психо-интеллектуальнаго богатства. Такая разумность дѣйствія будетъ относительная, потому что она зависитъ отъ развитія ума и чувства въ данномъ человѣкѣ. Абсолютно разумное дѣйствіе есть такое, которое вытекаетъ какъ результатъ всей психо-интеллектуальной силы, развитой въ человѣчествѣ и олицетворяемой въ данной высокой личности.

ГЛАВА III.

Главные выводы, полученные изъ изслѣдованія развитія воспріятій.

Приступая къ изложенію постепеннаго развитія психо-интеллектуальнаго органа и параллельнаго ему расширенія продуцируемой имъ силы ума и высоты чувства, мы считаемъ полезнымъ, еще разъ въ общихъ чертахъ возобновить въ памяти главные выводы, полученные нами при изученіи развитія воспріятій, этихъ краеугольныхъ камней всего познавательнаго зданія. Полное уясненіе себѣ свойствъ и условій образованія этихъ простѣйшихъ элементовъ, безъ сомнѣнія, установитъ ясный взглядъ и на развитіе изъ этихъ элементарныхъ тѣлъ интеллекта, путемъ дифференцірованія, болѣе сложныхъ интеллектуальныхъ факторовъ; а также и на образованіе изъ интуитивнаго познанія отдѣльныхъ вышнихъ явленій болѣе и болѣе сложнаго знанія и разумѣнія существующихъ въ насъ законовъ, управляющихъ всѣми движеніями вышняго міра. Эти выводы суть слѣдующіе:

во 1-хъ, Силой воспріятій мы получаемъ познаніе явленій не вышняго міра, а измѣненій собственнаго тѣла вызваннаго движеніями вышняго міра.

Наши изслѣдованія, какъ мы выше видѣли, привели насъ къ заключенію, что функція мозговой ячейки, кромѣ поддержанія своего собственнаго питанія и развитія себѣ подобныхъ ячеекъ (функція общія всѣмъ организованнымъ елѣточкамъ тѣла), состоитъ еще въ спеціальной дѣятельности—приготовленіи психо-интеллектуальныхъ ячеекъ, первыхъ элементовъ познанаія. Изъ сказаннаго мы убѣдились: а) въ томъ, что каждая изъ послѣднихъ не даетъ познавательной силы вообще, а только спеціальное познаніе самое себя, т. е. своего содержанія, первоначально вызваннаго опредѣленнымъ вышнимъ впечатлѣніемъ на одинъ изъ органовъ чувствъ. Такъ напр., воспріятіе краснаго цвѣта даетъ только познаніе вышняго движенія эфира, съ опредѣленною скоростію

подѣйствовавшего на глазъ; воспріятіе того или другого звука даетъ только познаніе опредѣленной скорости волнообразнаго движенія воздуха, передавагося черезъ ухо слуховому нерву, и т. п. Далѣе каждаго своего спеціальнаго знанія ни одно воспріятіе ничего дать не можетъ.

в) Мы узнали, что каждое воспріятіе собственно не даетъ познанія дѣйствительнаго внѣшняго явленія, т. е. оно не — портретъ его, сколько нибудь на него похожій, но нѣчто совершенно другое, а именно оно есть только клѣточка своего собственнаго тѣла, въ сущности продуцирующая свою собственную силу. Но какъ въ основаніе этой силы вложена сила внѣшняго движенія, его вызвавшего, то въ познаніи этой формации собственнаго тѣла заключается живой откликъ того внѣшняго движенія. Въ сущности же мы познаемъ не внѣшнее реальное явленіе, а наше собственное тѣло, видоизмѣненное тѣмъ или другимъ внѣшнимъ движеніемъ, вошедшимъ въ него черезъ тотъ или другой органъ чувствъ. И въ самомъ дѣлѣ похожъ ли звукъ ля или ми на дѣйствительныя колебанія воздуха, вызвавшія въ насъ тотъ или другой звукъ, имѣетъ ли что нибудь общее видимый нами бѣлый или синій цвѣтъ съ тѣми колебаніями эфира, изъ коротаго родились въ насъ воспріятія тѣхъ цвѣтовъ? Препрежнее ученіе, утверждавшее, что душа есть зеркало, въ которомъ отражается внѣшній познаваемый міръ, нашло своихъ искусныхъ критиковъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Уже Локе (Locke) указалъ на участіе нашей физической и духовной природы въ воспріятіи внѣшнихъ явленій. Старое ученіе рушилось въ особенности благодаря Кантовой „Критикѣ чистаго разума“. Она привела къ убѣжденію, что въ нашемъ познаніи отражаются нереальные явленія внѣшняго міра, а только явленія (Phänomenon), измѣненные нашей организаціей. „Нашъ духъ“, говоритъ Кантъ „наместо того, чтобы въ познаніи, данномъ изъ опыта, видѣть собственное творчество, считаетъ что эти результаты уже даны готовыми извнѣ“. У Фихте мы встрѣчаемъ эту вполнѣ истинную идею изуродованною въ метафизическомъ смыслѣ. Онъ принимаетъ, что весь міръ познанія каждаго отдѣльнаго человѣка есть только ему кажущійся міръ и ничто иное, какъ творчество его собственнаго я, его Ich, которое это Ich создаетъ только для развитія способности собственнаго мышленія. Среди этого нереальнаго фантастическаго міра, существующаго въ душѣ каждаго Ich, а не въ дѣйствительности, Фихте считалъ исключеніемъ одни только человѣческія существа, равныя его собственному Ich, только эти человѣческія

Ich, по ученію Фихте, суть единственные реальные объекты изъ всѣхъ человѣческихъ представленій. Но какъ въ головѣ каждаго Ich одинаково представляется внѣшній міръ — das Nicht-Ich, то онъ принялъ, что всѣ индивидуальныя Ichs суть только частицы абсолютнаго Ich. Онъ, т. е. этотъ духъ міра (Weltgeist), опредѣлилъ общій міръ представленій внѣшняго міра для всѣхъ индивидуальных Ich.

Какъ Фихте изуродовалъ вѣрный выводъ Кантовской критики своими метафизическими бреднями, такъ Іоаннъ Миллеръ (Johannes Müller) своими опытами и неправильными изъ нихъ выводами далъ, своей теоріей „о специфическихъ энергіяхъ нервовъ органовъ чувствъ“ (Das Gesetz von den specifischen Energien der Sinnesnerven), попросу совершенно одностороннее рѣшеніе со стороны физиологіи.

Удивительно, что Гельмгольцъ и нынѣ раздѣляетъ выводы І. Миллера *. Онъ говоритъ такъ: „Физиологическія изслѣдованія учатъ, что глубокая разница, существующая между воспріятіями различныхъ органовъ чувствъ, совершенно независима отъ свойства внѣшняго впечатлѣнія, вызывающаго воспріятіе, а исключительно и единственно опредѣляется только нервами органовъ чувствъ, на которые подѣйствовало внѣшнее впечатлѣніе“. Въ доказательство сказаннаго онъ приводитъ слѣдующіе, всѣмъ извѣстные, опыты І. Миллера: „Возбужденіе зрительнаго нерва возбуждаетъ только свѣтотвыя воспріятія, все равно, вызываются ли онѣ объективнымъ свѣтомъ, т. е. сотрясеніями эфира, или электрическимъ токомъ, пущеннымъ черезъ глазъ, или давленіемъ на глазное яблоко. Ощущеніе свѣта при этомъ послѣднемъ, настолько похоже на объективный свѣтъ, что долгое время вѣрили, что при этомъ дѣйствительно развивался свѣтъ въ глазу“.

„Какъ, съ одной стороны, каждый нервъ органа чувствъ, возбуждаемый разнообразными воздѣйствіями, всегда даетъ воспріятія его специфическаго круга, такъ, съ другой стороны, тѣже самыя внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ разнообразнѣйшія воспріятія, когда они дѣйствуютъ на различные нервы органовъ чувствъ, причѣмъ эти воспріятія всегда отвѣчаютъ специфическому кругу соотвѣтствующаго нерва“.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ органовъ чувствъ, вълѣдствіе своего устройства, способенъ воспринимать извнѣ специфическія, т. е. только ему доступныя движенія, и что, вѣроятно, въ нервныхъ клѣточ-

* Dr. H. Helmholtz, Die Thatsachen in der Wahrnehmung. Berlin, 1879. S. 9.

кахъ въ началѣ чувствительнаго нервного волокна (въ органѣ чувствъ) и въ концѣ его (мозговой ячейкѣ) заключаются особенныя условія, способныя воспринимать и передавать только извѣстнаго класса движенія, но изъ этого ничѣмъ не мотивировано заключеніе, чтобы особенность каждаго воспріятія ни въ какомъ случаѣ не зависѣла отъ вѣшняго впечатлѣнія.

Опыты Миллера, по которымъ разнообразныя вѣшнія впечатлѣнія на одинъ и тотъ-же органъ чувствъ и его нервъ вызываютъ одно и тоже воспріятіе, могли бы тогда только служить доказательствомъ еслибы: во 1-хъ, подобныя воспріятія вызывались ненормальными воздѣйствіями на нервъ органа чувствъ еще до образованія воспріятій нормальнымъ путемъ. Такъ напр. еслибы у человѣка, никогда не видѣвшаго свѣтъ, давленіе на глазъ или электрическій токъ вызвалъ бы воспріятіе свѣта, или у человѣка, никогда не слышавшаго звона или шума, ударъ въ ухо вызвалъ бы эти воспріятія. Но эти опыты могутъ производиться только у людей, у которыхъ тѣ воспріятія уже существуютъ изъ прежняго опыта и въ то время образовались соотвѣтствующими вѣшними движеніями, т. е. свѣтовые воспріятія — движеніемъ эфира, слуховыя волнообразными движеніями воздуха. Механическое же или другое ненормальное раздраженіе нерва передается мозговой ячейкѣ, стоящей въ ближайшей связи къ воспріятію—ея дочери, и этимъ путемъ можетъ послѣднюю вызвать къ дѣятельности. Да развѣ приливъ крови воснѣ къ той или другой территоріи мозговыхъ ячеекъ не вызываетъ къ дѣятельности ту или другую группу представленій? Можно изъ этого сдѣлать такой же ложный выводъ, что тѣ ряды представленій не суть продукты опыта, а специфическая энергія мозговыхъ ячеекъ, и они могли бы получиться и помимо опыта, еслибы механическимъ путемъ или электрическимъ токомъ раздражать тѣ ячейки!

Во 2-хъ, можно ли сравнить такія неопредѣленныя воспріятія, вызванныя не естественными вѣшними движеніями, какъ ощущеніе искры въ глазу, шума или звона въ ухахъ, съ тѣми отчетливыми и разнообразными въ качественномъ и количественномъ отношеніи, воспріятіями какія развиваются путемъ воздѣйствія естественныхъ вѣшнихъ движеній на соотвѣтствующіе органы чувствъ!

Также неосновательно и другое доказательство Миллера, что одни и тѣ же вѣшнія раздраженія, дѣйствуя на различныя нервы органовъ чувствъ, вызываютъ разнообразныя воспріятія. Это относится къ вѣ-

которымъ только внѣшнимъ движеніямъ, которыя, вѣроятво по своему, характеру доступны двумъ органамъ вмѣстѣ и въ каждомъ изъ нихъ соотвѣтствующимъ органомъ и нервомъ видоизмѣняются въ своемъ качествѣ. Но эти случаи исключительные; обыкновенно же бываетъ совершенно наоборотъ: отъ самого концентрированнаго свѣта на барабанную перепонку уха не получается никакого слуховаго воспріятія; сотрясаемые музыкальными инструментами волны воздуха, проходящіе мимо глазъ слушателей, не вызываютъ никакихъ зрительныхъ воспріятій; механическое раздраженіе Шнейдеровой оболочки, гдѣ во множествѣ находятся волокна обонятельнаго нерва, ни въ какомъ случаѣ не вызываютъ воспріятія того или другого запаха и т. п. Изъ сказаннаго мы достаточно видимъ, насколько сказанное ученіе односторонне. Изъ нашей теоріи мы успѣли уже убѣдиться, что воспріятіе обусловливается прежде всего внѣшнимъ движеніемъ, далѣе свойствомъ органа чувствъ и матеріей его нерва, наконецъ мозговой ячейкой, гдѣ изъ этого матеріала образуется воспріятіе, котораго познаніе отвѣчаетъ всѣмъ этимъ условіямъ.

Этимъ только путемъ дѣлаются понятными всѣ явленія познанія, получаемаго человѣкомъ отъ простыхъ воздѣйствій внѣшняго опыта на его органы чувствъ. Мы выше видѣли, что движеніе внѣшняго вещества, переходящее чрезъ посредство органа чувствъ въ движеніе вещества, содержимаго въ нервномъ волокнѣ, хотя съ перемѣной среды и мѣняетъ свой характеръ, но и въ этомъ метаморфозѣ все-же долженъ сохраниться отпечатокъ формы внѣшняго движенія, насколько это допускаетъ природа среды, воспринимающей его въ нервѣ.

Такъ какъ эта нервная матерія очень разжижена, и въ каждомъ нервномъ волокнѣ содержится болѣе или менѣе въ одинаковомъ количествѣ, то чѣмъ сильнѣе внѣшній толчекъ, тѣмъ болѣе онъ въ своемъ движеніи увлекаетъ этого вещества, тѣмъ энергичнѣе будетъ активное движеніе послѣдняго, и наоборотъ. Если внѣшняя сила подѣйствовала послѣдовательными толчками на первое волокно, то продолжительность каждаго толчка будетъ вліять на длину волны, движущейся нервной матеріи, а разстояніе времени между двумя толчками, на большій или меньшій промежутокъ между отдѣльными воспріятіями. Беспорядочность или равномерная правильность интерваловъ между толчками относительно времени отзывается и въ движеніяхъ нервной матеріи и въ качествѣ воспріятій. Психопфизика намъ дѣйствительно доказала, что между

внѣшними движеніями и нашими познаніями этихъ движеній, хотя нѣтъ прямой пропорціи, но несомнѣнно существуетъ логарифмическая пропорція.

Если-бы воспріятіе каждаго внѣшняго движенія зависѣло только отъ специфической функціи нерва органа чувствъ и ему соотвѣтствующей территоріи въ мозгу, т. е. была бы только нервная функція, какъ реакція на ему предшествовавшее внѣшнее впечатлѣніе, то всякій разъ съ прекращеніемъ этой функціи и имъ обусловленное познаніе должно было бы потеряться. Въ сотый и тысячный разъ повторенное воспріятіе сходнаго внѣшняго впечатлѣнія должно бы каждый разъ познаваться, какъ новое явленіе опыта. Въ дѣйствительности же мы видимъ, что каждое повтореніе одного и того же внѣшняго впечатлѣнія встрѣчается въ познаніи, какъ уже знакомое явленіе. Если прежде вызванныя опы томъ тѣ же самыя, по качеству, воспріятія, отличаются однако отъ новаго въ количественномъ отношеніи, то въ насъ является не только познаніе, что мы, напр., уже видѣли этотъ цвѣтъ или слышали этотъ звукъ, но и увѣренность что, напр., тотъ же красный цвѣтъ въ прежнемъ опытѣ былъ ярче или темнѣе, что прежде мы слышали тотъ же звукъ, но громче или тише, и т. п. Слѣдовательно, въ таковыхъ случаяхъ не только рядомъ съ вновь образовавшимся познаніемъ только что подѣйствовавшаго впечатлѣнія, является и познаніе, что прежде дѣйствовало разъ или нѣсколько разъ на тотъ же органъ чувствъ такое же впечатлѣніе, но является сопоставленіе двухъ или цѣлаго ряда познаній того же самаго воспріятія, отличающихся только другъ отъ друга въ нѣкоторомъ количественномъ или качественномъ отношеніи. Если бы мы допустили, что воспріятіе есть функція только нерва и мозговой клѣтки, то каждое новое впечатлѣніе извнѣ должно бы только повторить одно и то же, прежде бывшее воспріятіе, но ни въ какомъ случаѣ отъ этого не могло бы получиться ни познаніе „повторенія“ на опытѣ того же самаго акта, ни сравненія между актами, похожими на вновь объявившійся въ познаніи.

Нашъ опытъ даетъ часто для нѣкоторыхъ воспріятій и ощущеній познаніе цѣлой градаціи одного и того же познанія въ различныхъ степеняхъ силы. Такъ, можно научиться приблизительно рукой опредѣлять градусы какой-нибудь жидкости или тѣла. Какимъ же образомъ функція одного и того же нервнаго волокна и мозговой ячейки или даже нѣсколькихъ тождественныхъ можетъ дать познаніе „сравнитель-

ной оцѣнки“, когда функція, нужная для сравненія, бездѣйствуетъ. Мало того, при дѣятельности въ сознаніи одного воспріятія можетъ возникнуть въ познаніи воспріятіе встрѣтившееся тому назадъ такъ давно на опытѣ, что и нервъ и мозговая клѣточка его успѣли нѣсколько разъ совершенно переродиться некробіотическимъ процессомъ, Такъ, напр., при видѣ блеска топаза въ человѣкѣ можетъ явиться познаніе, что брилліантъ блеститъ гораздо сильнѣе его, не смотря на то, что онъ видѣлъ брилліантъ около 20-ти лѣтъ тому назадъ. Эти и подобныя явленія познанія могутъ только тогда получиться, когда всякое внѣшнее впечатлѣніе, разъ перешедшее въ познаніе, оставляетъ свой слѣдъ. А такъ какъ независимо отъ нерва и мозговой клѣточки и этотъ слѣдъ остается постоянно въ насъ и изъ потенциальнаго состоянія можетъ переходить въ активное и продуцировать ему присущее познаніе, отвѣчающее его вызвавшему, внѣшнему движенію, то каждый такой слѣдъ долженъ быть организованной клѣточкой, но не мозговой. На основаніи нашей теоріи дѣлается понятнымъ, почему одно и то же нервное волокно и ячейка могутъ дать въ различное время одинаковыя или различныя въ количественномъ отношеніи воспріятія. Количественная разница въ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ движеніяхъ, которыхъ предѣлъ точно опредѣленъ фізіологическими опытами (см. пороги Фехнера), обуславливаетъ развитіе воспріятій, тождественныхъ по содержанію, но отличныхъ въ количественномъ отношеніи. Такъ какъ познаніе каждой градации внѣшняго движенія существуетъ въ насъ отдѣльно и они сопоставляются между собою и отъ этихъ сопоставленій получаютъ новые продукты знанія, такъ называемые выводы, то каждое изъ отдѣльныхъ количественныхъ познаній одного и того же воспріятія должно имѣть своего отдѣльнаго представителя, какъ фактора этого познанія, т. е. отдѣльную интеллектуальную ячейку.

Такъ какъ въ содержаніи cadaго даннаго воспріятія, проявляющагося въ нашемъ познаніи, отражается относительное качество его вызвавшаго, внѣшняго движенія, его энергія, форма, отношеніе того движенія ко времени и сохраненіе логарифмическое отношеніе къ его количеству, то участіе этого движенія въ нашемъ познаніи несомнѣнно. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что воспріятія намъ даютъ познанія не реальныхъ явленій, а только познанія вѣрныхъ отношеній къ внѣшнимъ движеніямъ, на сколько они могутъ передаться свойствомъ матеріи нервныхъ волоконъ органовъ чувствъ, образовательной силой мозговой ячей-

ки и свойствомъ нашего сознанія; что они не суть произведенія фантазіи нашего Ich, а относительно — вѣрные знаки того, что происходитъ въ окружающемъ насъ мірѣ. На основаніи этихъ знаковъ удалось человѣку изучить законы дѣйствительнаго міра и, не смотря на индивидуальность этого пониманія, оно дало ему возможность управлять и пользоваться виѣшними силами.

Во 2-хъ) Изъ нашей теоріи мы узнали отчего съ повтореніемъ на опытѣ однихъ и тѣхъ же явленій пропорціонально этому повторенію крѣпнеть ихъ познаніе?

Опытъ положительно доказываетъ, что познанія виѣшнихъ явленій, получаемыя отъ образовавшихся воспріятій, крѣпнуть по мѣрѣ повторенія дѣйствія виѣшнихъ силъ на соотвѣтствующіе органы чувствъ. Увеличеніе силы каждаго воспріятія, вызываемое съ каждымъ повторительнымъ дѣйствіемъ виѣшняго явленія на органъ чувствъ, объясняется на основаніи нашей теоріи, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, закономъ сліянія однородныхъ воспріятій во едино. Если, напр., я разъ видѣлъ яркозеленый цвѣтъ, то у меня образовалось воспріятіе яркозеленаго цвѣта; если бы я впослѣдствіи видѣлъ этотъ цвѣтъ хотя тысячу разъ, то во мнѣ будетъ все-таки не больше, какъ одно воспріятіе для яркозеленаго цвѣта. Разница только будетъ въ силѣ этого воспріятія въ первомъ и послѣднемъ случаѣ. Человѣкъ, разъ видѣвшій яркозеленый цвѣтъ, воспроизводитъ его памятью слабо и можетъ его смѣшивать съ другими подходящими цвѣтами. Человѣкъ же, много разъ видѣвшій одинъ и тотъ же цвѣтъ, воспроизводитъ его въ памяти съ такой силой, какъ будто онъ находится передъ его глазами, и можетъ легко отличить часто видѣнный цвѣтъ отъ другихъ цвѣтовъ, едва отъ него отличающихся. Тутъ повтореніе не даетъ отдѣльныхъ воспріятій, не смотря на то, что въ тысячный разъ при видѣ яркозеленаго цвѣта, непременно дѣлается воспріятіе, какъ въ первый разъ. Изъ этого необходимо заключить, что образующееся каждый разъ одно и тоже воспріятіе соединяется съ тождественнымъ, до него существовавшимъ, воспріятіемъ. Отъ послѣдовательнаго соединенія этихъ отдѣльныхъ, но тождественныхъ воспріятій, съ каждымъ повтореніемъ увеличивается сумма матеріала и силы воспріятія. Этимъ объясняется, почему, не смотря на повтореніе, познаніе, получаемое отъ такого воспріятія, остается одно и тоже относительно количества и качества виѣшняго явленія, но дѣлается несрав-

ненно сильнѣе, какъ сила нашего познанія. Этимъ повтореніемъ обусловливается долговѣчность воспріятія. Такъ напр., если мы сорокъ лѣтъ тому назадъ часто имѣли предъ собою фіолетовый цвѣтъ, но съ тѣхъ поръ ни разу не видѣли этого цвѣта, тѣмъ не менѣе и сорокъ лѣтъ спустя можетъ возстать въ нашемъ познаніи этотъ цвѣтъ съ совершенной отчетливостью и силой, и, увидѣвши его, познаемъ какъ намъ знакомое явленіе. Люди, ослѣпшіе въ дѣтствѣ, и на старости ясно представляютъ себѣ солнечный свѣтъ и часто въ дѣтствѣ видѣнные цвѣта. Далѣе, частое повтореніе воспріятія дѣлаетъ его гораздо подвижнѣе для репродукціи памятью и т. п.

Отъ такого укрѣпленія психическихъ формаций нужно отличить самый процессъ ихъ питанія. Вышеизложенное укрѣпленіе формаций бываетъ только при повтореніи въ сознательномъ состояніи. Питаніе же ихъ, какъ и всѣхъ ячеекъ нашего тѣла, должно безпрестанно производиться въ дѣятельномъ и недѣятельномъ состояніи. Мы выше привели доказательства того, что эта пища получается изъ крови. Но какъ всякій органъ, вслѣдствіе дѣятельности, привлекаетъ съ себѣ болѣе питательныхъ соковъ и крѣпнетъ отъ усиленнаго питанія, а долгое его бездѣйствіе сопровождается уменьшеніемъ питанія и увяданіемъ органа (его атрофіей), такъ и психо-интеллектуальныя формации тѣмъ болѣе крѣпнутъ, чѣмъ чаще онѣ проявляютъ свою дѣятельность въ сознаніи. Добытое знаніе, по долго не возобновлявшееся въ памяти все труднѣе припоминается и, если оно не родилось особенно сильнымъ, то наконецъ его воспоминаніе дѣлается совершенно невозможнымъ, — оно умираетъ.

Въ 3-хъ. Изъ нашей теоріи объясняется почему не всѣ, а только нѣкоторые внѣшнія движенія переходятъ въ воспріятія.

Изъ развивающихся вообще въ мірѣ органическихъ зародышей множество гибнетъ, не находя надлежащихъ условій для своего развитія. Нѣкоторые изъ нихъ хотя и начинаютъ развиваться, но это развитіе иногда останавливается на половинѣ пути, вслѣдствіе какихъ нибудь неблагоприятныхъ вліяній. Только самое ничтожное меньшинство изъ образующихся зародышей доходитъ до развитія самостоятельно-организованныхъ особей. Такъ точно изъ цѣлага океана разнообразныхъ движеній внѣшняго міра, окружающаго существо, способное на психо-интеллектуальныя образованія, множество теряется, не сообщаясь вообще нервнымъ волокнамъ; другія, хотя побѣждаютъ инерцію нервной

матеріи волоконъ, но, или не доходятъ до образовательныхъ ячеекъ мозга, или въ послѣднихъ не находятъ условій для дальнѣйшаго развитія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ внѣшнія движенія, дѣйствующія на органы чувствъ, не организуясь въ нервной мозговой ячейкѣ въ интеллектуальную формацію, не достигнувъ порога познанія, возвращаются во внѣшній міръ, въ видѣ простыхъ рефлексовъ, или расходуются на другія внутреннія движенія, какъ напр., термическія, электрическія и другія. Только малѣйшая часть этихъ внѣшнихъ впечатлѣній, найдя, во время своего дѣйствія, способствующія къ тому условія, переходитъ, какъ мы выше сказали, въ организованныя ячейки, дѣлающіяся частью нашего организма, и дающія постоянно, во время своей дѣятельности, познаніе, вызвавшего каждое изъ нихъ внѣшняго движенія. Тѣ же внѣшнія движенія, которыя въ насъ не организуются, совершенно теряются для познанія, и, какъ бы они сильны ни были, мы ничего о нихъ не знаемъ, какъ будто они для насъ и не существовали.

Переходъ внѣшняго движенія въ познаніе обусловливается, кромѣ формы и силы внѣшняго толчка, и способностью нервной матеріи своимъ движеніемъ отвѣчать на внѣшнее движеніе этого рода и способностью самыхъ мозговыхъ ячеекъ выработать изъ этого матеріала интеллектуальныя формаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что множество внѣшнихъ движеній нами вовсе не познается, потому что наши природныя условія не могутъ воспринять эти движенія и организовать ихъ въ ячейки. Такъ доказана недоступность зрѣнію колебаній эфира, заходящихъ за опредѣленный предѣлъ скорости, и слуху — очень быстрыхъ сотрясеній воздуха. Другія внѣшнія движенія, не смотря на ихъ доступность для нашего познанія, теряются для него или вслѣдствіе истощенія формаціоннаго матеріала, или, когда сознаніе, во время вхожденія внѣшняго движенія въ мозгъ, занято другимъ дѣятельнымъ процессомъ, котораго вновь пришедшее движеніе не въ силахъ вытѣснить; или отъ бездѣйствія мозговыхъ ячеекъ, напр., во снѣ или обморокѣ и т. д., или же потому, что на то же нервное волокно или мозговую ячейку въ одно и то же время, или непосредственно одно за другимъ, подѣйствовала другая бѣльшая сила. Таеъ, и до сихъ поръ думаютъ, что днемъ нѣтъ ни одной звѣзды на горизонтѣ, потому что при солнечномъ сіяніи свѣтъ всѣхъ остальныхъ свѣтилъ нами не воспринимается.

Говоря языкомъ Дарвина, — мы должны замѣтить, что изъ всего

міра внѣшнихъ движеній, безпрестанно дѣйствующихъ на органы чувствъ человѣка, только сильнѣйшія и болѣе сродныя организму дѣлаются фактами познанія, т. е. что и между этими движеніями должна происходить вѣчная борьба за существованіе въ познаніи. Итакъ мы видимъ, что законъ, опредѣляющій источникъ нашего знанія, есть тотъ же законъ права сильнаго, которымъ дается возможность существованія во всемъ остальномъ мірѣ.

Въ 4-хъ. Изъ нашей теоріи мы убѣдились, что образовавшіяся воспріятія существуютъ въ насъ въ двоякомъ видѣ: въ дѣятельномъ (дающемъ познаніе внѣшняго движенія, его вызвавшего) и въ недѣятельномъ (потенціальномъ), не производящемъ никакой познавательной функціи.

Если мы станемъ наблюдать за дѣйствіемъ въ насъ или въ комънибудь другомъ родившагося воспріятія, то мы убѣдимся, что получаемое отъ него познаніе внѣшняго движенія продолжается недолго. Или оно, какъ всякое активное движеніе, само собою, постепенно ослабляясь, отъ встрѣчаемыхъ препятствій своему движенію, наконецъ прекращается, или вытѣсняется познаніемъ другаго, болѣе сильнаго воспріятія, съ появленіемъ котораго прежнее познаніе исчезаетъ изъ сознанія. Такъ, напр., если вы станете прислушиваться къ какому-нибудь звуку, и въ это время передъ вашими глазами засіяетъ необычайный свѣтъ, то вы перестанете сознать звукъ, а на мѣсто его въ васъ явится познаніе свѣта. Если въ то время, когда дитя восхищается красивымъ цвѣтомъ игрушки, вы заиграете на инструментѣ, то дитя, все превращаясь въ слухъ, роняетъ изъ рукъ поглощавшую до того все дѣтское вниманіе прекрасную игрушку. Спрашивается, куда дѣвалось то, что давало передъ тѣмъ познаніе свѣта или цвѣта, и куда въ свою очередь, по исчезновеніи изъ сознанія звука, дѣнется факторъ того познанія? Казалось бы, что, если воспріятіе въ сознаніи было, а теперь его нѣтъ, то значить и самый актъ, дающій то познаніе, былъ и исчезъ изъ организма. Если бы этотъ актъ былъ функціей нервныхъ ячеекъ мозга, какъ это почти всеми принимается, то оно иначе и не могло бы быть. Какъ слеза, функція слезной желѣзы, разъ выдѣленная, уже больше для организма не существуетъ, и другая капля слезы явится только тогда, когда желѣза снова приготовитъ ее изъ новаго матеріала, причемъ послѣдняя есть совершенно другая капля, не имѣющая никакой связи съ той, которая прежде скатилась, такъ и воспріятіе, разъ исчез-

нущее изъ познанія, могло бы только тогда снова сознаться, когда то же внѣшнее движеніе повторило бы свое прежнее впечатлѣніе на соотвѣтствующій органъ чувствъ. Но съ познаніемъ внѣшняго явленія бываетъ совершенно иначе: съ прекращеніемъ его сознанія не умираетъ самое сознаваемое. Несомнѣннымъ тому доказательствомъ служить то, что разъ бывшее познаніе внѣшняго явленія и затѣмъ прекратившееся можетъ, спустя болѣе или менѣе долгое время, опять появляться съ прежней силой въ познаніи, не смотря на то, что прежнее дѣйствіе внѣшняго движенія на органъ чувствъ съ тѣхъ поръ вовсе не возобновлялось. Такъ, напр., 20 лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ Парижѣ освѣщеніе Пале-Рояля — Друмондовымъ свѣтомъ (электрическое освѣщеніе), и съ тѣхъ поръ мнѣ ни разу не удалось видѣть электрическаго освѣщенія; при видѣ электрической машины со свѣчей Яблочкина, безъ всякаго ихъ освѣщенія, во мнѣ съ полною ясностью представился своеобразный электрическій свѣтъ, еще прежде его появленія въ настоящемъ опытѣ. Это прежде, 20 лѣтъ тому назадъ, пріобрѣтенное познаніе уже дало мнѣ теперь знать о свойствѣ и силѣ того свѣта, возобновленіе котораго на опытѣ снова ожидаетъ мое познаніе. Слѣдовательно, несомнѣнно, что прежде пріобрѣтенное мною познаніе и послѣ исчезновенія его изъ сознанія оставалось и жило во мнѣ, не смотря на то, что я и не подозрѣвалъ этого существованія, пока оно съ такой очевидностью не заявило о себѣ.

Изъ этого я могу только заключить, что носитель этого познанія есть не функція мозговой ячейки, съ окончаніемъ которой ея существованіе должно было, 20 лѣтъ тому назадъ, прекратиться, а организованная ячейка, живущая во мнѣ въ двухъ видахъ: въ сознательномъ и безсознательномъ состояніи. Пока эта формація (воспріятіе), во время своего зарожденія, имѣетъ много свободной активной силы, она даетъ знать о своемъ существованіи познаніемъ ея содержанія; но если эта активная сила израсходуется сознательнымъ движеніемъ или побѣдится другой силой болѣе энергичнаго воспріятія, то первое воспріятіе, теряя свою активную силу, не можетъ сознаваться и переходить въ пассивное, потенціальное состояніе, игнорируемое нашимъ сознаніемъ. Но если этой формаціи извнѣ сообщается новая активная сила, которая будетъ въ состояніи побѣдить ея инерцію, то она опять даетъ о себѣ знать познанію. Эта сила извнѣ можетъ прійти или въ видѣ свѣжей такой же формаціи и образующейся изъ такого же внѣш-

нито движенія, какъ она сама и сливающаяся съ нею; или же со стороны другой, но содержанію разнородной, формаци, съ которой она прежде соединилась въ группу, какъ въ прежнемъ примѣрѣ, воспріятіе электрическаго свѣта, 20 лѣтъ тому назадъ, соединилось съ представленіями электрической машины и углемъ. Повтореніе на опытъ, 20 лѣтъ спустя вида этихъ аппаратовъ внесло извнѣ въ мышленіе активную силу, вызвавшую къ дѣятельности прежде видѣнныхъ такихъ же аппаратовъ, но съ прибавленіемъ еще воспріятія видѣннаго тогда электрическаго свѣта, исходившаго изъ этого аппарата. Подъ вліяніемъ этого активного движенія, съ представленіемъ аппарата, сдѣлалось дѣятельнымъ давно жившее во мнѣ воспріятіе прежде видѣннаго свѣта. Даже простое раздраженіе мозгового вещества, имѣющаго связь съ покоющимся воспріятіемъ, какъ напр., приливъ крови, воспаленіе и т. п., въ условій вѣшняго опыта, можетъ вызвать къ дѣятельности давно забытое воспріятіе. Такъ напр. во снѣ приливъ или застой крови въ ухѣ или въ соотвѣтствующей части мозга вызываетъ къ дѣятельности прежде познанное воспріятіе звона, шума или стука. Этотъ переходъ живой организованной клѣтки, явно функціонировавшей, какъ бы въ состояніе смерти, т. е. въ состояніе, не имѣющее ни малѣйшаго признака живой функціи, и затѣмъ оживленіе этой клѣтки снова къ прежней дѣятельности—все это есть обычное явленіе въ природѣ. Такъ, анабіотическія существа, положенныя въ сухое и холодное пространство, могутъ тамъ оставаться столѣтіями безъ всякихъ признаковъ жизни. Но если на нихъ снова подѣйствуютъ теплота, влага и воздухъ, они опять оживаютъ *.

* Примѣч. Anabiosis Preyer'a (1872 г.) доказываетъ, что растительныя, животныя—эмбриональныя и развитыя организмы могутъ попадать въ состояніе совершенной безжизненности въ продолженіе многихъ лѣтъ, если ихъ подвергнуть лишенію важныхъ жизненныхъ условій; но затѣмъ, съ восстановленіемъ этихъ условій они могутъ ожить. Инфузоріи краснаго снѣга (des Rothen Schnees), нѣкоторыя насѣкомыя, особенно растительныя яйца, грибы (какъ напр. микрококки—бактеріи) могутъ долго сохранять свою жизненную способность при температурѣ ниже замерзанія воды. Дрожжи сохраняютъ способность размноженія (Keimfähig) при темпер.—113 (Schumacher 1874). Preyer* сохранялъ разнообразныя виды Макробиотовъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль въ совершенно безвоздушномъ пространствѣ, и потомъ опять приводилъ ихъ къ жизни.

* Professor Preyer in Jena. Die Hypothesen über den Ursprung des Lebens. Deutsche Rundschau. N. 7. 1875 г.

Въ 5-хъ. Въ своемъ мѣстѣ мы объяснили, почему, не смотря на то, что мы познаемъ собственно не внѣшнее явленіе, а нашу собственную организованную клѣточку, мы все-таки знаемъ, что это явленіе совершается не внутри нашей головы, а внѣ ея—во внѣшнемъ мірѣ.

На этомъ мы здѣсь не будемъ останавливаться, потому что будемъ говорить объ этомъ при изложеніи ученія о представленіяхъ. Но спрашивается, почему же, если прежнее воспріятіе оживаетъ въ насъ безъ дѣйствія на нашъ органъ чувствъ внѣшняго явленія, мы познаемъ не дѣйствующее, но только дѣйствовавшее на насъ внѣшнее явленіе, а когда это явленіе передъ органомъ чувствъ, то мы познаемъ его настоящее существованіе внѣ насъ? Другими словами, почему, вспоминая только воспріятіе, я не приписываю его настоящему внѣшнему явленію, находящемуся передъ моимъ органомъ чувствъ, а только прошедшему опыту? Если познаніе внѣшняго явленія дается только дѣятельностью интеллектуальной ячейки, то пришлось бы, какъ только во мнѣ такая формація дѣлается дѣятельной, познавать это явленіе, какъ и при началѣ ея возникновенія, т. е. существующимъ въ реальномъ мірѣ, а между тѣмъ мы познаемъ явленіе, когда находимся въ нормальномъ состояніи, только тогда существующимъ на опытѣ, когда дѣйствительно внѣшнее явленіе находится передъ органомъ чувствъ. По нашему мнѣнію, разница эта, вѣроятно, зависитъ отъ того, что въ послѣднемъ случаѣ въ соотвѣтствующемъ нервѣ и нервной ячейкѣ происходитъ активное движеніе, вызываемое продолжающимъ дѣйствовать въ то же время внѣшнимъ впечатлѣніемъ, и, вслѣдствіе этого, безпрестанно прибывающія волны этого движенія выражаются въ познаніи продолженіемъ внѣшняго дѣйствія; а въ первомъ случаѣ отсутствіе активнаго движенія въ нервѣ и мозговой ячейкѣ дѣлаетъ то, что прежде образовавшаяся формація даетъ только фактъ познанія внѣшняго явленія, не связывая его съ внѣшнимъ міромъ. Но иногда бываетъ и иначе. Такъ, если воспріятіе вызывается къ дѣятельности внутреннимъ раздраженіемъ, дѣйствующимъ вмѣстѣ на мозгъ и нервъ, какъ напр., при приливахъ крови къ головѣ и къ мозгу или отравленія крови, то возстающимъ въ фантазіи давно пережитымъ воспріятіямъ больные приписываютъ настоящую дѣйствительность. Такъ напр., представляющійся въ бреду огонь въ комнатѣ заставляетъ больного броситься изъ окна, чтобы спасти себя.

Наконецъ однимъ изъ главныхъ результатовъ нашего

предшествовавшего изслѣдованія — начала и зарожденія въ насъ силы познанія, состоитъ въ томъ, что элементарная форма нашего познанія есть собственно интуитивное знаніе т. е. не дѣлимое на составныя части. На основаніи цѣлага ряда фактовъ и логическихъ выводовъ мы были вынуждены принять, что каждое знаніе, называемое воспріятіемъ, есть функція отдѣльной единичной организованной ячейки *suī generis*. Такъ какъ таковая ячейка не можетъ разложиться на части безъ потери ея жизни, то и дѣятельность ея — воспріятіе должна представлять такой же простой фактъ въ психологіи, какъ ячейка въ живомъ тѣлѣ человѣка. Какъ организованная ячейка есть простѣйшій элементъ жизни, такъ и каждое воспріятіе есть неразлагающійся на свои части элементъ познанія.

Если внѣшніе предметы, казавшіеся намъ недѣлимыми и потому простыми элементами, какъ напр., нѣкоторыя химическія тѣла, оказались въ послѣдствіи сложными и подверглись анализу, то эта ошибка зависѣла только отъ нашего неумѣлаго метода разложенія, но воспріятія суть и всегда останутся простыми элементами нашего пониманія, потому что все, что ниже и проще во внѣшнемъ мірѣ явленія, дающаго воспріятія, намъ недоступно, и остается внѣ сферы нашего познанія.

Мы можемъ его вообразить, но знать никогда. Каждое возникновеніе въ познаніи человѣка такого элементарнаго интеллектуальнаго движенія онъ, наученный нѣкоторымъ опытомъ, переводитъ во внѣшній міръ и безъ всякаго колебанія, роковымъ образомъ, вѣритъ, что, если въ его познаніи образовалось такое движеніе (формація), то необходимо ему предшествовало соответствующее измѣненіе внѣ насъ: въ окружающемъ мірѣ или въ частяхъ нашего тѣла.

Если вслѣдъ за прикосновеніемъ нашего пальца къ предмету, въ насъ появится воспріятіе твердаго, или при дѣйствіи внѣшняго предмета на глазъ мы получаемъ воспріятіе краснаго цвѣта, то мы не сомнѣваемся, не ищемъ доказательствъ вѣрности познаннаго, а слѣпо вѣримъ, что внѣ насъ есть нѣчто твердое или красное. Мы увидимъ ниже, почему въ высшихъ сферахъ познанія требуются доказательства вѣрности сложнаго познанія. Воспріятіе же и ощущенія, какъ элементы, какъ простѣйшіе атрибуты, присущіе человѣческой природѣ, суть необходимыя организационныя не отдѣльныхъ только людей, а всего человѣческаго рода и остаются неизмѣнными частями нашего тѣла; никакая другая интеллектуальная сила не можетъ поколебать или уничтожить познаніе.

получаемое прямо через органы чувствъ. Воспріятія не нуждаются въ доказательствахъ, потому что они суть предѣль, которымъ кончаются наше знаніе и наша вѣра въ то, что это знаніе приноситъ.

Если въ нашемъ сознаніи работаетъ болѣзненное воспріятіе, даже если оно вызвано болѣзнію мозга или органа чувствъ, а не дѣйствительнымъ опытомъ, то вѣра съ такой же силой дается и этимъ болѣзненнымъ фантазмамъ. Хотя намъ наука показываетъ, что объективно каждое внѣшнее впечатлѣніе на тотъ или другой органъ чувствъ, не есть простое движеніе, а есть сумма работъ множества мелкихъ движеній, но въ воспріятіи всѣ эти многочисленныя мелкія движенія силой живой организациі соединяются въ одно единичное и нераздѣльное живое тѣло организованной ячейки и ея неразлагающуюся силу познанія воспріятія. Такъ, напр., движеніе воздуха, поражающее въ насъ элементарное воспріятіе звука, есть сумма волнообразныхъ движеній, содержащихъ неизмѣримое число движеній отдѣльныхъ частичекъ воздуха движущихся въ каждой волнѣ.

Съ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ явленій внѣшняго міра на органы чувствъ человѣка въ немъ развивается больше и больше воспріятій. Они также разнообразны въ качественномъ отношеніи, какъ разнообразенъ внѣшній міръ и насколько природа нашихъ органовъ чувствъ и мозга допускаетъ переходъ тѣхъ разнообразныхъ движеній въ познаніе. Эти воспріятія столько отличаются въ количественномъ отношеніи, сколько количественная разница внѣшнихъ движеній, опредѣленная Фехнеромъ въ его законѣ „пороговъ“, допускаетъ образованіе сходныхъ по качеству, но отличныхъ въ количественномъ отношеніи воспріятій. Начало познанія дитяти дается только одними воспріятіями. До 4 мѣсяцевъ отъ начала внѣ утробной жизни дитя не имѣетъ понятія опредѣленныхъ явленій, а только въ немъ пробуждается познаніе отдѣльныхъ явленій. Въ это время для будущей колоссальной психо-интеллектуальной постройки фабрикуются только одни кирпичи, изъ которыхъ будущая психо-интеллектуальная работа, внутри мозга совершающаяся, постепенно, съ развитіемъ большой силы и труда, строить, расширяетъ и возвышаетъ то великое зданіе, которое человѣкъ называетъ своимъ познаніемъ, умомъ и своимъ чувствомъ.

ГЛАВА IV.

Представленіе.

§ 1. Значеніе и образованіе представленій.

Природа, насколько мы ее можем познать, очень рѣдко состоитъ изъ отдѣльныхъ движеній, какъ они познаются нами посредствомъ единичныхъ воспріятій, но въ большинствѣ случаевъ, изъ многообразныхъ комбинацій этихъ движеній и силъ, соединенныхъ въ отдѣльныя группы, существующія вмѣстѣ, или какъ одинъ, или какъ нѣсколько объектовъ, въ данномъ пространствѣ; или же эти явленія соединяются въ извѣстной послѣдовательности во времени и слѣдуютъ другъ за другомъ съ большей или меньшей правильностью и законностью.

Въ первые мѣсяцы внѣутробной жизни ребенка въ его познаніи ничего не вырабатывается кромѣ воспріятія отдѣльныхъ явленій. Онъ познаетъ свѣтъ, звукъ, шумъ; но, существуютъ ли въ мірѣ предметы, ему совершенно неизвѣстно. При помощи дальнѣйшаго опыта — спустя 4, 5, или 6 мѣсяцевъ, онъ начинаетъ узнавать присутствіе предметовъ внѣ его. Этотъ опытъ расширяется постепенно въ его познаніи, и представляющійся ему внѣшній міръ начинаетъ мало по малу наполняться представленіями объектовъ и сочетаніями послѣдовательныхъ явленій, вызываемыхъ безпрестанными варіаціями внѣшняго опыта въ его воздѣйствіи на органы чувствъ ребенка. Съ первымъ появленіемъ въ познаніи дитяти отличія своего „я“, какъ объекта, существующаго отдѣльно отъ всего остального міра — не „я“, въ стремленіи ребенка къ познанію — послѣдняго, его собственное бытіе отступаетъ на задній планъ, и вся его интеллектуальная сила съ возрастающей пытливостью обращается ко всему его окружающему. Какъ анатомъ своимъ скальпелемъ раздѣляетъ объектъ изслѣдованія на его составныя части, такъ и дитя изъ каждаго отдѣльнаго предмета силой своихъ органовъ чувствъ воспринимаетъ одно явленіе за другимъ. Кто не знаетъ, съ какою жад-

ностью бросается ребенокъ на каждый новый предметъ, съ какимъ любопытствомъ разсматриваетъ его, прислушивается къ звукамъ издаваемымъ имъ, домаетъ его, чтобы узнать и то, что внутри предмета и вообще какъ можно больше свойствъ его. Ребенокъ не даетъ себѣ отчета въ этой любознательности точно такъ же, какъ и въ потребности къ пищѣ. Стремленіе къ познанію окружающаго міра есть такой же атрибутъ его организма, какъ голодъ и жажда. То и другое есть для него необходимый матеріалъ для успѣшнаго развитія организма. При помощи азотистыхъ и углеродистыхъ соединений заключающихся въ пищѣ, входящей черезъ ротъ, растетъ и живетъ вегетативная сфера, видимое его тѣло; а движенія явленій вѣшняго міра, входящія въ организмъ путемъ его органовъ чувствъ, даютъ ребенку матеріалъ для развитія и дифференцированія въ спеціальныя части его психо-интеллектуальнаго органа и, какъ его функцію, — расширяющагося круга познаній изъ вѣшняго міра. Такимъ образомъ въ дитяти мало по малу накаплиются представленія предметовъ, какъ-то: лицъ, его окружающихъ, домашнихъ животныхъ и пр. Съ большимъ и большимъ расширеніемъ круга наблюденія, представленія всѣхъ доступныхъ видовъ творчества, мало по малу, занимаютъ одно за другимъ мѣсто въ познаніи ребенка.

Но въ представленіяхъ вѣшнихъ объектовъ не заключается познанія отдѣльныхъ явленій, какъ въ воспріятіяхъ, но опредѣленная комбинація нѣсколькихъ вѣшнихъ явленій, совмѣстно существующихъ въ пространствѣ, или имѣющихъ временную послѣдовательность. Такъ напр., дитя съ появленіемъ въ его познаніи представленія какого нибудь вѣшняго объекта знаетъ, что въ этомъ объектѣ постоянно заключается одна и таже группа совмѣстно существующихъ явленій и представленіе даетъ ему понятіе не о случайности комбинаціи вѣшнихъ явленій въ данномъ объектѣ, а о законности. Это доказывается тѣмъ, что представляя данный объектъ въ воображеніи, ребенокъ приписываетъ ему атрибуты, содержащіяся въ представленіи, какъ необходимые его признаки; при повтореніи опыта надъ объектомъ дитя съ увѣренностію предугадываетъ и ищетъ въ немъ всѣ тѣ атрибуты, которые вызваны были прежде въ представленіи подобнымъ же объектомъ. Такъ, напр., дитя получаетъ представленіе о собацѣ, когда видитъ ея форму, глаза, носъ и т. н., когда оно осязаетъ ея шерсть, получаетъ ощущеніе ея пушистости, гладкости, цвѣта.

когда слышитъ ея лай, испытываетъ ея укушеніе и т. д. Слѣдовательно, зная о существованіи собаки, дитя знаетъ о цѣлой комбинаціи нѣсколькихъ воспріятій. Когда оно видитъ другую собаку, то ожидаетъ ея лая, даже само показываетъ, какъ эта собака лаетъ; будучи разъ ею укушенное, дитя боится приблизить къ ней свою руку. Если кто повернетъ ручку знакомой ребенку шарманки, то ребенокъ за первымъ звукомъ ожидаетъ другихъ, потому что онъ прежде слышалъ, какъ звуки слѣдовали другъ за другомъ, изъ той же шарманки, при прежнемъ опытѣ. Это доказываетъ, что дитя, въ представленіи изъ прежняго опыта уже знаетъ не отдѣльные звуки, а цѣлое слѣдованіе нѣсколькихъ звуковъ другъ за другомъ. Однако мы знаемъ, что единственный источникъ познаній внѣшняго міра, заключается въ отдѣльныхъ внѣшнихъ движеніяхъ, изъ которыхъ каждое входитъ въ организмъ чрезъ соотвѣтствующій ему органъ чувствъ и порождаетъ въ насъ отдѣльное воспріятіе. Въ силу этого невольно рождается вопросъ: если всѣ движенія внѣшняго міра, какъ простыя, такъ и сгруппированныя, познаются нами только отдѣльными явленіями посредствомъ разрозненныхъ органовъ нашихъ чувствъ, то откуда возникаетъ въ насъ познаніе комбинаціи и совмѣстнаго существованія нѣсколькихъ отдѣльныхъ явленій, откуда получается не только познаніе отдѣльныхъ комбинацій, но и вѣра, что такое существованіе совершенно законно, выражающееся въ томъ, что въ новомъ объектѣ, похожемъ на узнаанный посредствомъ прежняго опыта, мы съ вѣрой ожидаемъ встрѣтить тѣ же атрибуты, которые были нами прежде познаны въ сходномъ съ этимъ объектѣ. Какимъ образомъ, напр., во мнѣ существуетъ познаніе того или другаго единичнаго цвѣтка, имѣющаго тотъ или другой цвѣтъ, запахъ и форму и т. п., когда всякій отдѣльный атрибутъ этого цвѣтка пришелъ въ мое познаніе отдѣльными путями—чрезъ глаза, носъ, осязаніе и т. п. Органы чувствъ, разрознивъ такимъ образомъ всѣ явленія, соединенныя въ цвѣткѣ, не могли бы дать для моего познанія, не болѣе какъ только нѣсколько отдѣльныхъ воспріятій безъ связи, не смотря даже на то, что они находятся въ тѣсной комбинаціи въ реальномъ мірѣ. Однако послѣ изученія, посредствомъ органовъ чувствъ даннаго объекта, во мнѣ рождается познаніе цѣлой опредѣленной комбинаціи атрибутовъ, соединенныхъ въ одномъ объектѣ и повтореніе опыта постоянно убѣждаетъ, что познанной мною связи болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ реальная группировка въ объектѣ внѣшняго міра, изъ

котораго, какъ изъ своего носителя, исходятъ, тѣ атрибуты. Такъ обращаясь къ прежнему примѣру, если дитя разъ познало на опытѣ розу, то увидя снова другую розу даже издали, ребенокъ навѣрное знаетъ, что она также хорошо пахнетъ, какъ прежняя, что оно доказываетъ обонятельными движеніями носа и такъ же боится ея укола; опасаясь и съ ея стороны повторенія той же боли, какую оно почувствовало, взявъ въ руку розу во время прежняго опыта. Выше поднятый нами вопросъ разрѣшается закономъ природы нашего мышленія, съ которымъ читатель уже познакомился въ первой части этого сочиненія. Понявшаго законъ гласитъ, что *если нѣсколько воспріятій появляются въ дѣятельномъ состояніи въ нашемъ интеллектѣ въ одно и тоже время, или непосредственно слыдятъ другъ за другомъ, то между ними образуется тѣсная интеллектуальная связь*. Связь эта не случайна, и не распадается съ прекращеніемъ дѣйствія вѣшной комбинаціи на органы чувствъ, а, разъ образовавшись, остается жить въ организмѣ въ видѣ пріобрѣтенной такимъ образомъ комбинаціи болѣе или менѣе постоянно.

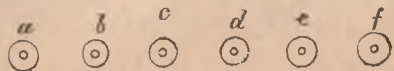
Если бы мы стали отдѣльно изучать каждое явленіе, входящее въ ту или другую комбинацію вѣшняго объекта, то изъ этого въ познаніи нашемъ никогда не образуется представленія объекта, въ которомъ тѣ отдѣльныя явленія познавались бы, какъ его атрибуты, а получится только познаніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ воспріятій безъ всякой связи. Для полученія внутренней связи этихъ явленій въ одной комбинаціи отвѣчающей вѣшному совмѣстному существованію, необходимо, чтобы предъ органами чувствъ наблюдателя былъ весь предметъ, и только въ этомъ случаѣ въ познаніи человѣка образуется внутреннее объединеніе воспріятій въ одномъ представленіи, отвѣчающемъ вѣшной комбинаціи явленій изучаемаго объекта.

Такъ, возьмемъ прежній примѣръ—собаку, при изученіи ея—отдѣльные ея атрибуты входятъ въ познаніе отдѣльными воспріятіями. Такъ, положимъ, сначала обратитъ вниманіе дитяти полученное имъ воспріятіе при осязаніи рукой шерсти собаки, ея пушистость и мягкость, затѣмъ воспріятіе цвѣта этой шерсти; осматривая подробнѣе собаку, дитя узнаетъ ея форму, черты ея морды, температуру носа, услышитъ ея лай, испытаетъ боль отъ ея укушенія и т. п. Но при познаніи всякаго новаго воспріятія отъ собаки оно убѣждается, что воспріятіе исхо-

дѣть изъ того же источника, изъ котораго онъ получилъ и прежнія воспріятія. Каждый разъ дѣтя убѣждается и получаетъ отъ той собаки и то, и другое, и третье явленіе, и потому воспріятія этихъ явленій, входящихъ вмѣстѣ въ познаніе, соединяются въ мышленіи въ одну комбинацію—представленіе о собакѣ. Еслибы вы никогда не показывали ребенку собаки, а представляли бы его органамъ чувствъ поочередно части собаки, которыя могутъ родить въ ребенкѣ отдѣльныя воспріятія, какъ напр., сегодня показали бы ему шерсть собаки, чрезъ нѣкоторое время ея носъ, доставили бы возможность слышать лай невидимой собаки и т. д., то ребенокъ имѣлъ бы много воспріятій отъ собаки, но ни въ какомъ случаѣ не самое представленіе о собакѣ, т. е. ребенокъ не имѣлъ бы никакого понятія о существованіи такого объекта, какимъ представляется собака. Такъ, если мы назовемъ отдѣльныя воспріятія, получаемыя отъ собаки, а, b, c, d, e, f, g, то въ послѣднемъ случаѣ познаніе ребенка обогатится вышепоименованными воспріятіями безъ всякой ихъ связи въ познаніи; въ первомъ же случаѣ мы находимъ у ребенка объединеніе всѣхъ узнанныхъ явленій въ одной собакѣ. Это соединеніе разныхъ воспріятій въ одномъ интеллектуальномъ сочетаніи познается не какъ представленіе группы разрозненныхъ воспріятій, а какъ представленіе одного объекта, котораго тѣ воспріятія суть только атрибуты. Эта комбинація можетъ получиться только путемъ внутренняго, интеллектуальнаго соединенія воспріятій, полученныхъ извнѣ разрозненными. Эта внутренняя связь обуславливается не явленіями внѣшняго объекта, а внутренней интеллектуальной соединительной работой, которая объединяетъ воспріятія этихъ явленій въ одинъ цѣльный и единичный актъ познанія. Это связывающее начало разрозненныхъ элементовъ образуется, какъ мы видѣли, въ силу закона природы нашего интеллекта, вслѣдствіе котораго въ интеллектѣ объединяется то, что проявляетъ въ немъ одновременно дѣятельность, или то, что въ своей дѣятельности непосредственно слѣдуетъ другъ за другомъ въ сознаніи. Эта связь, разъ соединивъ разрозненную группу воспріятій въ одно цѣльное и индивидуальное остается таковою навсегда, потому что при возобновленіи дѣятельности такого представленія оно развивается познаніе не отдѣльныхъ воспріятій, а цѣлаго объекта, котораго тѣ части суть только атрибуты.

Такъ, для ясности представимъ

себѣ схематически простую группу воспріятій отдѣльными ячейками α b c d e f

и т. п., а представлѣніе, образующееся изъ этихъ воспріятій, мы должны представить въ видѣ слѣдующей фигуры, гдѣ къ воспріятіямъ полученнымъ извнѣ, прибавляется въ самомъ интеллектѣ новое связующее начало въ видѣ организованной ячейки X, соединяющей всѣ отдѣльныя ячейки воспріятій въ одно цѣльное представлѣніе. Эта связывающая ячейка X не получается изъ внѣшняго опыта, а есть продуктъ внутренняго интеллектуальнаго творчества. Ею обуславливается то обстоятельство, что полученныя въ интеллектѣ отъ даннаго внѣшняго объекта, разрозненныя органами чувствъ воспріятія познаются, не какъ ихъ сумма, а какъ нѣчто большее, — какъ отдѣльный объектъ, котораго воспріятія суть только атрибуты. Точно также воспріятія, имѣющія непосредственную временную послѣдовательность, соединяются въ одно цѣлое; напр. слово, состоящее изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ слоговъ, познается какъ одно цѣлое. Такъ напр. если мы представимъ какое-нибудь внѣшнее явленіе подѣйствовавшее на органъ чувствъ буквой А, а его воспріятіе интеллектуальной ячейкой α затѣмъ непосредственно за нимъ слѣдовавшее внѣшнее явленіе буквой В, а воспріятіе послѣдняго внѣшняго явленія ячейкой β то въ интеллектѣ получится не только познаніе ячеекъ $\alpha + \beta$, а ячейка α соединится съ ячейкой β посредствомъ новаго звѣна. Эту связь схематически мы представимъ въ видѣ:

гдѣ ячейка γ есть внутренній интеллектуальный продуктъ обуславливающей эту связь и дающей не только познаніе бывшаго явленія **a** и **b**, но и познаніе что эти явленія соединены на опытѣ, какъ предыдущее и послѣдующее. При повтореніи на опытѣ перваго явленія А эта образовавшаяся интеллектуальная связь пришедшая въ дѣятельность даетъ знаніе, что за А послѣдуетъ В, хотя въ новомъ опытѣ этого еще не совершилось. Изъ этого мы видимъ, почему представлѣніе о послѣдовательной связи воспріятій относится къ суммѣ отдѣльныхъ воспріятій въ немъ содержащихся не только какъ цѣлое къ частямъ его составляющимъ, но какъ высшая интеллектуальная сила къ низшимъ, потому что связь воспріятій въ этомъ представлѣніи не простая, а есть первая степень дифференцированія элементарныхъ ячеекъ воспріятій въ болѣе сложную ткань — представлѣніе, признан-

наго не вѣдшимъ опытомъ, а силой интеллектуальной реакціи на послѣдовательность явленій этого опыта.

Эта интеллектуальная связь даетъ познаніе, не только одной суммы непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, но и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новое, не исходящее отъ нихъ познаніе, а именно— въ первомъ случаѣ, постоянного совмѣстнаго существованія данныхъ явленій въ данномъ объектѣ и въ данномъ пространствѣ, а во второмъ случаѣ, ихъ слѣдованіи во времени. Съ помощію этихъ соединеній воспріятій въ интеллектѣ въ одно болѣе сложное, интеллектуальное цѣлое, наше познаніе не только расширяется, но и занимаетъ высшую ступень. Ему открывается не только вѣдшій міръ, состоящій изъ однихъ разрозненныхъ явленій безъ связи и отношенія, но міръ этотъ начинаетъ наполняться отдѣльными объектами, въ которыхъ познается законность совмѣстнаго существованія опредѣленныхъ явленій, въ этомъ мірѣ начинаютъ познаваться и комбинаціи явленій, слѣдующихъ другъ за другомъ во времени, причѣмъ вполне признается закономъ эта послѣдовательность. Такъ какъ мы называемъ воспріятія элементарными интеллектуальными формаціями, то послѣднія мы предложили бы назвать интеллектуальными формаціями второй степени. Ихъ обыкновенно называютъ представленіями*.

Но если мы приняли, что соединеніе интеллектуальныхъ разрозненныхъ формацій, въ сложныя комбинаціи этихъ формацій въ пространствѣ и во времени, совершается путемъ интеллектуальнаго творчества, то спрашивается, въ чемъ состоитъ это творчество и чѣмъ оно мотивируется? Въ 3-й главѣ этого тома мы привели данныя микроскопическихъ изслѣдованій мозга, изъ которыхъ видно, что въ корковомъ веществѣ полушарій проходитъ непрерывный каналъ, болѣею частію образующійся изъ отростковъ нервныхъ ячеекъ этого корковаго вещества, и нервныхъ нитей, идущихъ къ этимъ ячейкамъ. На основаніи нашей теоріи мы приняли, что всякая вновь образующаяся въ нервной ячейкѣ мозговой коры психо-интеллектуальная

* Последнее названіе еще вполне носитъ на себѣ печать своего метафизическаго происхожденія, потому, что прежде, какъ болѣею частію и теперь, принимаютъ, что впечатлѣніе въ мозгу, вызванное извнѣ, представляется сознанію, какъ вѣдшей силѣ для его возрѣнія и въ его распоряженіе. Изъ сказаннаго мы видимъ, что это названіе не только не вѣрно, но вноситъ еще ложное пониманіе имъ опредѣляемаго, интеллектуальнаго факта, къ сожалѣнію, до случая общаго употребленія этого названія, мы вынуждены пока сохранить его.

формація, съ энергіей, полученной актомъ рожденія, входитъ въ сказанный каналъ мозговой коры, предназначенный для психо-интеллектуальной дѣятельности. Если внѣшнее движеніе, подѣйствовавшее на органъ чувствъ и принесенное въ нервную ячейку мозга, вызываетъ въ ней образованіе интеллектуальной формаціи, дающей относительное познаніе вызвавшего ее внѣшняго движенія, то тѣмъ болѣе внутреннее движеніе, вновь образовавшейся формаціи, вошедшей въ психо-интеллектуальный круговоротъ, сообщался нервному волокну или отростку нервной ячейки мозга, которыми окруженъ весь каналъ мозговой коры, должно вызвать въ соответствующей нервной мозговой ячейкѣ подобное же образованіе новой формаціи, какъ и внѣшнее движеніе. Мы знаемъ, что каждая психо-интеллектуальная формація даетъ только познаніе своего содержанія. Формація внѣшняго опыта поэтому даетъ познаніе внѣшняго вызвавшего его движенія и, какъ оно получается изъ периферическаго органа чувствъ и нерва, то познаніе процируетъ его во внѣшній міръ.

Формація же, обязанная своимъ происхожденіемъ внутреннему психо-интеллектуальному движенію, не проходитъ черезъ органы чувствъ и периферическіе нервы и не имѣетъ на опытѣ своего представителя, а потому и познаніе его намъ недоступно, по тѣмъ не менѣе его психо-интеллектуальная сила проявляется въ другомъ отношеніи. Такъ напр., если воспріятіе, пришедшее изъ внѣшняго міра **a** своимъ внутреннимъ появленіемъ въ дѣятельномъ состояніи въ психо-интеллектуальномъ круговоротѣ вызвало въ соответствующей мозговой ячейкѣ образованіе психической формаціи α , то эти двѣ формаціи внѣшняго и внутренняго происхожденія, вслѣдствіе закона совместной дѣятельности, (такъ какъ первая еще не успѣла кончить своей дѣятельности, когда послѣдняя явилась въ круговоротѣ) должны соединиться между собою

$$\textcircled{a} + \textcircled{\alpha}$$

Положимъ, что то-же повторилось и съ другими воспріятіями **b**, **d** и т. д., то вмѣстѣ съ ними въ дѣятельности получатся отдѣльныя связи

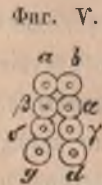
$$\textcircled{\alpha} + \textcircled{\alpha}, \quad \textcircled{b} + \textcircled{\beta}, \quad \textcircled{\gamma} + \textcircled{\gamma}$$

и т. д.

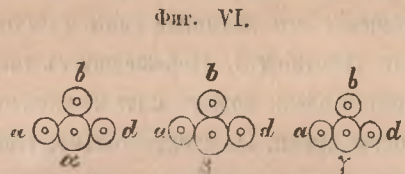
Подобно тому, какъ каждая особенная формація внѣшняго опыта представляетъ индивидуальную особенность, вслѣдствіе различія въ характерѣ внѣшнихъ движеній, дѣйствующихъ на различные органы

чувствъ и ихъ части, такъ и движенія эгихъ формацій при ихъ появле-
ніи—въ дѣятельности въ ихъ интеллектуальномъ круговоротѣ должны
отчасти отличаться другъ отъ друга, и потому формаціи α , β , γ , не
могутъ быть тождественны, и вслѣдствіе чего онѣ и не могутъ слиться
въ одну такую же формацію. Одно только есть между ними сродство, —
это ихъ особенность внутренняго психо-интеллектуальнаго движенія.

Эта особенность сближаетъ ихъ между собою до образованія одной ткани,
а такъ какъ каждая изъ нихъ, въ свою очередь, тѣсно соединенна съ
формаціей внѣшняго опыта ею вызванной къ существованію, то въ эту ткань
необходимо должны войти и формаціи внѣшняго опыта. Эту связь мы можемъ
представить въ видѣ слѣдующаго схематическаго изображенія: ф. V. Въ
предыдущей схемѣ см. ф. VI для

большой ясности мы представили
въ психическія ячейки внутрен-
няго происхожденія одной ячей-
кой X.

Такимъ образомъ можно себѣ представить первое дифференцирова-
ніе элементарныхъ воспріятій внѣшняго опыта въ формаціи 2-й степени.

Изъ сказаннаго мы можемъ вывести два заключенія: 1) Каждое
представленіе есть продуктъ организаціи нашего мозга, которому мате-
ріаломъ служатъ элементарныя интеллектуальныя формаціи (воспріятія)
добытыя при помощи внѣшняго опыта, а связующимъ началомъ этого
разрозненнаго матеріала служить продуктъ внутренняго интеллекту-
альнаго творчества. Каждое образовавшееся представленіе живетъ въ
человѣкѣ, какъ часть его собственнаго тѣла, но не какъ простая
организованная ячейка, а какъ организованное единичное тѣло, со-
стоящее изъ нѣсколькихъ ячеекъ. Если мы сравнимъ воспріятіе съ
одноклѣтчатымъ организмомъ, то увидимъ, что представленіе есть про-
дуктъ дифференцированія интуитивныхъ ячеекъ воспріятій и соединенія
нѣсколькихъ такихъ одноклѣтчатыхъ организмовъ въ одно цѣльное и
единичное существованіе, какъ индивидуумъ болѣе сложный и проду-
цирующій болшую работу т. е. болѣе обширное знаніе. Наконецъ
2) Наше познаніе внѣшняго міра дается только этими представ-
леніями, т. е. мы познаемъ не реальный объектъ, или отношеніе явленій
внѣшняго міра, а только дѣятельность нашихъ внутренниихъ представ-
леній и ихъ связей. Постараемся подтвердить сказанное фактами.

Что представленіе есть организованная часть тѣла, какъ и части другихъ вегетативныхъ органовъ тѣла, доказывается слѣдующими данными: 1) Представленія, какъ и воспріятія живутъ въ насъ въ двухъ видахъ: активномъ, и высшій видъ этой активности есть сознаніе, и въ потенціальномъ недѣятельномъ (т. е. когда представленіе не создается и не проявляетъ своего существованія какой-либо работой). Активное представленіе послѣ болѣе или менѣе долгой работы всегда переходитъ въ потенціальное состояніе. Последнее имѣетъ мѣсто или вслѣдствіе того, что интеллектуальная работа израсходовала свою активную силу, или передала ее другимъ, интеллектуальнымъ факторамъ, или вслѣдствіе побужденія дѣятельнаго представленія другой болѣе сильной, но несродной ему интеллектуальной силой, или вслѣдствіе разрѣшенія его активной силы и выхода ея наружу движеніемъ (словомъ или дѣйствіемъ). Перешедши въ такое потенціальное состояніе, каждое представленіе можетъ жить въ насъ въ такомъ состояніи болѣе или менѣе долгое время. Но стоитъ только, чтобы вновь сообщился извнѣ дѣятельный толчекъ такому потенціальному представленію и оно, даже послѣ многолѣтняго покоя можетъ возстать въ познаніи изъ состоянія, бывшаго до того времени безсознательнымъ, во всеоружіи прежней, давно образовавшейся, комбинаціи, какъ одно цѣльное и самостоятельное знаніе. Такъ напр., собака узнаетъ своего хозяина послѣ многолѣтней разлуки. Представленія, не повторявшіяся въ человѣкѣ съ дѣтства, могутъ возобновиться въ его памяти въ глубокой старости.

2) Представленіе, образовавшись въ насъ, занимаетъ мѣсто. Если въ сознаніи въ данный моментъ дѣйствуетъ представленіе, то другаго не можетъ быть, пока оно имъ не будетъ вытѣснено и не займетъ его мѣсто. Мы знаемъ, что есть предѣлъ для образованія подобныхъ комбинацій въ нашемъ познаніи вообще, т. е. есть извѣстный предѣлъ нашего знанія, за который человѣкъ не въ состояніи переступить. Такъ напр. человѣкъ, специально изучающій ботанику, не можетъ вмѣстѣ сохранять отчетливо и всѣ представленія въ области зоологіи, или химіи и т. п. Психо-интеллектуальная арена, на которой движутся дѣятельныя представленія, очень ограничена. Этимъ объясняется отрывочность нашего мышленія и невозможность познать сложный предметъ знанія разомъ, всецѣло, а только послѣдовательно—по частямъ, причемъ одна группа представленій слѣдуетъ послѣдовательно за другой.

3) Для репродукціи памятью представленія, и для мыслеваго те-

ченія потребується извѣстная продолжительность времени. Опыты, съ оцѣнкой очень малыхъ пространствъ времени, показали, что для воспроизведенія представленій вообще требуется времени больше, нежели на его образованіе.

4) Представленіе разъ образовавшееся, постоянно живетъ въ чело-вѣкѣ и будучи вызвано памятью изъ потенціального состоянія къ дѣятельности развиваетъ свою познавательную силу, какъ и послѣ его первоначального образованія. Это познаніе отвѣчаетъ объекту, впечатлѣнія котораго были источникомъ первоначального развитія представленія, хотя при возобновленіи дѣятельности представленія тотъ объектъ вовсе не существуетъ на опытѣ.

Слѣдовательно, разъ образовавшееся представленіе существуетъ въ познаніи отдѣльно, какъ самостоятельное цѣлое, не сливаясь и не смѣшиваясь съ другими познаніями опыта, до него и послѣ него развившимися и, силой своего познанія, оно всегда отвѣчаетъ только той отдѣльной комбинаціи явленій внѣшняго міра, которая на опытѣ была ея первоначальнымъ источникомъ. Это еще яснѣе доказывается тѣмъ, что съ уничтоженіемъ въ организмѣ какого либо представленія (если возобновленіе его въ дѣятельности дѣлается невозможнымъ) терлется и получающееся отъ него знаніе; съ ослабленіемъ одного какого-либо представленія затемняется также только знаніе, отъ него получающееся при возможномъ сохраненіи всего остального знанія, продуцируемаго другими сохранившимися представленіями.

§ 2. Условія для правильного развитія представленій и продуцируемаго ими познанія.

Намъ извѣстно, что познаніе, продуцируемое каждымъ представленіемъ о внѣшнемъ объектѣ, или о комбинаціи внѣшнихъ явленій, обусловливается только тѣми движеніями внѣшняго объекта, которыя успѣли превратиться въ интеллектъ въ воспріятія. Мы настолько познаемъ атрибуты каждаго предмета изъ опыта, насколько выработалось въ насъ воспріятій со стороны этого предмета; насколько всѣ его явленія (движенія), доступныя нашему познанію, успѣли соединиться въ его представленіи. Наше познаніе даннаго предмета бываетъ ясно настолько, насколько сильно каждое изъ вызванныхъ имъ воспріятій, насколько ими исчерпываются всѣ явленія (свойства) предмета, и насколько энергично они соединились во едино въ данномъ представленіи. Поэтому уже а priori можно заключить, что всякая комбинація

явленій внѣ насъ не можетъ вдругъ вызвать въ насъ такого представленія, въ которомъ содержались бы отчетливо и ясно для пониманія всѣ явленія комбинаціи. Въ данный моментъ наблюденія предмета одно изъ его явленій, на которомъ было болѣе сосредоточено вниманіе наблюдателя, вызоветъ ясное воспріятіе, другія же познаются менѣе ясно; нѣкоторыя явленія, хотя и вызываютъ образованіе воспріятій, но они могутъ быть до того слабы, что едва сознаются, хотя уже участвуютъ въ мышленіи, какъ часть представленія; наконецъ, нѣкоторыя явленія совсѣмъ не преобразовываются въ воспріятія.

При повтореніи наблюденія надъ тѣмъ же объектомъ, — прежнія слабо или вовсе несознающія воспріятія, вслѣдствіе увеличенія ихъ матеріала отъ сліянія прежняго представленія съ новымъ таковымъ-же при повтореніи опыта, могутъ перейти въ такія-же отчетливыя воспріятія, какимъ было первое. Въ свою очередь и слабѣйшія въ началѣ части представленія, отъ повторенія опыта дѣлаются сильнѣе и отчетливѣе и т. д. Такимъ образомъ, если бы мы хотѣли представить схему постепеннаго развитія представленія, то должны были бы прежде представить ограниченную поверхность съ едва обозначившимися контурами, съ одной только свѣтлой точкой, освѣщеніе же остальныхъ частей фигуры будетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше онѣ удаляются отъ свѣтлой точки къ краямъ фигуры. Послѣ каждаго повторенія наблюденія свѣтлыя точки увеличиваются и разясняются болѣе и болѣе темныя стороны перваго изображенія, пока не освѣтится вполне фигура и отчетливо не обозначатся ея границы.

Наблюденія за развитіемъ представленій вполне подтверждаютъ сказанное нами и *a posteriori*: 1) Если мы прослѣдимъ развитіе въ нашемъ собственномъ сознаніи какого нибудь представленія вновь изучаемаго предмета, то убѣдимся, что сначала мы получаемъ отъ предмета только общее впечатлѣніе. Предметъ весь въ общихъ контурахъ дѣлается намъ извѣстнымъ, а изъ явленій, составляющихъ его, ясно мы познаемъ только одно, или очень ограниченное число явленій. Чѣмъ чаще изслѣдуемъ мы этотъ предметъ, тѣмъ больше открывается нашему познанію, смотря по сложности предмета, новые признаки и отличія. Наконецъ, наступаетъ время, когда изученіе предмета исчерпывается вполне, т. е. человѣкъ убѣждается, что въ предметѣ нѣтъ болѣе недоступныхъ ему явленій. Но это время для отдѣльныхъ индивидовъ различно, смотря по степени умственнаго развитія наблюдателя, по цѣли, съ которой

изучается предметъ, по большей или меньшей любознательности наблюдателя и по умѣнью наблюдать т. е. открывать въ предметахъ болѣе или менѣе сокровенныя явленія природы. Такъ напр., если развитой человѣкъ, но не химикъ, будетъ разсматривать брилліантъ, то, какъ бы долго онъ его не разсматривалъ, онъ найдетъ въ немъ много явленій, соединяющихся повидимому въ одномъ ясномъ представленіи брилліанта, и онъ будетъ полагать, что предѣлъ познанія этого предмета исчерпывается этими явленіями. Но иначе отнесется любознательный химикъ къ изслѣдуемому предмету, онъ беретъ тотъ-же брилліантъ, подвергаетъ его вліянію очень высокой температуры, и вдругъ къ прежнему представленію прибавляются изумительныя для познанія новыя атрибуты: брилліантъ удобосгараемъ и постоянный составъ его есть углеродъ, тотъ-же самый, изъ котораго состоитъ неприглядный уголь, въ другихъ отношеніяхъ не имѣющій ничего общаго съ брилліантомъ.

Еще яснѣе подтверждается вышесказанное, если мы будемъ наблюдать непосредственно и объективно за развитіемъ одного и того-же представленія у дитяти по наружнымъ его проявленіямъ. Между 4 и 6 мѣсяцами у ребенка развивается поверхностное представленіе человѣка изъ общаго очертанія и движеній каждаго изъ окружающихъ его людей. Это мы видимъ изъ отношенія ребенка къ тому, кто его беретъ на руки, изъ его готовности отдать себя на руки, изъ прекращенія плача проснувагося ребенка при видѣ находящагося вблизи человѣка. Но, не смотря на готовность ребенка пойти къ кому-либо на руки, въ этомъ возрастѣ, вы не замѣчаете никакой разницы въ его отношеніи къ личностямъ, берущимъ его на руки. Кто бы его не взялъ, — для него все равно, лишь бы предметъ, взявшій его на руки, вызывалъ смутно сложившееся въ немъ представленіе человѣка. Но между 5 и 10 мѣсяцами въ познаніи ребенка совершается переворотъ. Хотя сначала онъ одинаково пойдетъ ко всякому на руки, однако вы вскорѣ замѣтите, что ребенокъ начинаетъ всматриваться въ лице взявшаго его. Спустя минуту послѣ такого наблюденія, ребенокъ начинаетъ гримасничать, а вскорѣ и кричать, если онъ остается на рукахъ у чужаго. Крикъ его прекращается только тогда, когда ребенка возьметъ человѣкъ, представленіе котораго ему знакомо. Проходитъ еще мѣсяцъ—и ребенокъ издали узнаетъ незнакомое ему лицо. Узнавъ по движенію этого лица желаніе войти съ нимъ въ близкое сношеніе, ребенокъ начинаетъ плакать. Очевидно, что въ представленіяхъ знакомыхъ ребенку

личностей сначала были только неясныя частныя представленія отдѣльныхъ чертъ лица. Такое представленіе не давало ребенку возможности отличать одного человѣка отъ другаго, потому что оно не содержало въ себѣ отличительныхъ чертъ каждаго изъ объектовъ представленій. Съ дальнѣйшимъ опытомъ представленіе каждаго лица уже успѣло выработать нѣкоторыя изъ этихъ отличительныхъ составныхъ частей. Отличіе знакомаго отъ чужаго, тогда сдѣлалось возможнымъ. Но такъ какъ и въ то время въ представленіяхъ заключаются только нѣкоторыя особенныя части, по которымъ одно представленіе отличается отъ другаго, то ребенку нужно долго всматриваться, пока новое представленіе не дастъ ему познанія чужой личности, т. е. личности, не имѣющей особенностей милаго ему человѣка. Но, когда представленіе пополняется воспріятіями большаго числа явленій, находящихся въ особѣ близкой, отличіе дѣлается возможнымъ въ болѣе скоромъ времени и на дальнѣйшемъ разстояніи. Такъ, ребенокъ между окружающими его личностями начинаетъ отличать свою кормилицу, сначала по лицу, затѣмъ издали и затѣмъ, не видя ее, — по голосу. Изъ этого очерка ясно видно, что у дитяти сначала образуются только общія, неопредѣленныя представленія, а потомъ они начинаютъ пополняться и выясняться новыми явленіями, постепенно получаемыми ребенкомъ при повтореніи наблюденій надъ предметами. Только этимъ путемъ представленіе дѣлается яснѣе и полезнѣе для познанія и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливѣе, т. е. границы его рѣзче отличаются въ познаніи отъ другихъ сходныхъ представленій и не позволяютъ смѣшивать объекты, сходные между собою, какъ это дѣлало дитя сначала.

Вслѣдствіе недостаточнаго развитія дѣтскихъ представленій, что зависитъ отъ кратковременности опыта, а, вѣроятно, также и отъ слабости организациі элементовъ представленій въ неокрѣпшихъ мозговыхъ ячейкахъ, они отличаются слабостью и неопредѣленностью содержанія. Дѣти смѣшиваютъ различныя объекты опыта, принимая часто одинъ объектъ за другой. До пятилѣтняго возраста игрушки съ самой грубой отдѣлкой удовлетворяютъ дѣтей не менѣе, чѣмъ сдѣланныя съ совершеннымъ искусствомъ и отчетливостью въ деталяхъ. Самый лучшій и естественный методъ рисованія есть тотъ, который, начиная съ самыхъ грубыхъ и общихъ очертаній предметовъ, переходитъ къ болѣе и болѣе подробнымъ штрихамъ и оттѣнкамъ для воспроизведенія отдѣльныхъ частей предметовъ. Исторія всѣхъ естественныхъ наукъ намъ доказы-

вѣсть, что развитіе каждой изъ нихъ составляетъ только продолженіе того-же самаго постепеннаго анализа, который начинается мысленною работою дитяти въ пеленкахъ, продолжается въ болѣе взрослыхъ лѣтахъ разсматриваніемъ червячковъ, птицъ, цвѣтковъ и другихъ предметовъ природы, и кончающихся результатами, находимыми при помощи ретортъ, микроскопа и телескопа серьезными учеными. Эта работа присуща природѣ нашего мышленія, какъ направленіе венозной крови къ сердцу есть атрибутъ законовъ нашего кровообращенія.

Всѣ лингвисты новѣйшаго времени пришли къ убѣжденію, что собственныя имена произошли отъ именъ видовъ (*Gattungsnamen*) Curtius * говоритъ: „несомнѣнно, что видовыя имена древнѣе именъ собственныхъ,“ а какъ имена суть только наружныя выраженія внутреннихъ интеллектуальныхъ формаций, какъ это видно будетъ ниже, то мы и съ этой стороны убѣждаемся, что развитіе нашихъ представленій, начинаясь изъ общихъ и неопредѣленныхъ очертаній, идетъ болѣе и болѣе къ частному развитію содержанія каждаго представленія и къ болѣе рѣзкому отличію его индивидуальности въ интеллектѣ отъ другихъ, а особенно отъ сходныхъ съ нимъ представленій.

Но сила и ясность познанія отдѣльныхъ объектовъ, какъ мы видѣли, зависитъ не только отъ силы воспріятій, содержащихся въ представленіи, но и отъ внутренняго творчества, съ помощью котораго эти отдѣльныя воспріятія соединяются въ интеллектѣ въ одно цѣлое интеллектуальное тѣло—представленіе. Сказанное вполне подтверждается съ одной стороны разницей въ прирожденныхъ и пріобрѣтенныхъ трудомъ индивидуальныхъ способностяхъ къ образованіямъ представленій, а съ другой—прямой зависимостью этихъ способностей отъ развитія мозга и отъ нормальнаго его питанія и развитія. У однихъ людей развитыя представленія бываютъ сильныя, у другихъ—слабыя. Подъ сильными представленіями, какъ уже извѣстно, мы разумѣемъ тѣ, которыя даютъ ясно и отчетливо познаніе внѣшняго объекта или отношенія объектовъ, тѣ, которыя долго живутъ въ насъ и очень легко переходятъ изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное. Слабыми представленіями мы называемъ тѣ, которыя вскорѣ послѣ образованія даютъ не ясное познаніе представляемаго ими предмета, и, перешедши въ безсознательное состояніе, воспоминаются съ трудомъ, или даже вовсе не вспоминаются, т. е.

* Curtius: Grundzuge der griechischen Etymologie. B. I. S. 198.

вскорѣ умирають. Кто не знаетъ, что изученіе предметовъ дѣтьми одного и того же возраста, при одной и той же обстановкѣ, часто даетъ огромную разницу въ результатахъ? Одни дѣти, не смотря на поразительное прилежаніе и вниманіе къ изучаемому, вскорѣ его забываютъ и, если имъ нужно при обдумываніи какого нибудь предмета припомнить представленія, выработанныя прежнимъ ученіемъ, то одни изъ представлений изучаемыхъ предметовъ вовсе не являются въ сознаніи, а другія, хотя и появляются, но медленно и съ трудомъ. Товарищи же этихъ дѣтей, не рѣдко, употребивъ менѣе времени на изученіе, долго спустя помнятъ все, и всѣ прежде выработанныя представленія, нужныя имъ для мысленной работы, въ случаѣ необходимости, являются въ сознаніи быстро и легко, живо работаютъ и даютъ блестящіе результаты. Philosophовъ, ораторовъ и поэтовъ нельзя создать уходомъ за ихъ умственнымъ развитіемъ. Ихъ собственная природа приноситъ съ собою на свѣтъ печать генія и таланта. Прямая зависимость качества представлений отъ устройства и состоянія мозга достаточно доказана. Анатомія доказала, что геніальность и талантъ проявлялись у людей съ большими и правильно развитыми мозгами, что люди, у которыхъ мозгъ малъ и неправильно развитъ, никогда не пользовались сильными и энергическими представленіями. Эта производительная сила мозга зависитъ, кромѣ индивидуальныхъ его качествъ, еще отъ возраста, а послѣ того, отъ нормального или патологическаго состоянія мозга. У очень молодыхъ дѣтей—до 4 или 5 лѣтъ производительная сила мозга очень слаба. Изъ всего запаса свѣжихъ представлений, живущихъ въ насъ съ дѣтства, все, бывшее съ нами до 4 лѣтъ, какъ бы для насъ не существуетъ. Даже трехъ-лѣтнее дитя, вполне свыкшись съ представленіемъ своего отца, послѣ двухъ или трехъ мѣсячной разлуки съ нимъ, встрѣчаетъ его, какъ чужаго, но чрезъ нѣсколько минутъ свиданія, возобновившіяся отъ наблюденія воспріятія отцовскихъ чертъ снова подкрѣпляютъ прежде ослабѣвшее представленіе, и оно становится опять сильнымъ, даже крѣпче прежняго.

Недолговѣчность представлений указаннаго возраста зависитъ отчасти отъ того, что творческая сила мозговыхъ ячеекъ еще недостаточно сильна, а еще больше отъ того, что представленія не успѣли окрѣпнуть въ этомъ возрастѣ вслѣдствіе недостаточности повторенія наблюденій надъ одними и тѣми-же предметами. Съ наступленіемъ пятилѣтняго возраста творчество мозга относительно образованія представлений вполне

крѣпнеть, и образующіяся отъ 5 до 14 лѣтняго возраста представленія суть самыя долговѣчныя и энергическія. Все, даже разъ пережитое опытомъ, въ этомъ возрастѣ, сохраняется въ насъ почти въ продолженіе всей жизни и такъ ясно воспроизводится въ нашей памяти, какъ ни одно изъ представленій, развившихся въ зрѣломъ возрастѣ. Педагоги всѣ согласны, что самое лучшее время для изученія предметовъ, требующихъ для усвоенія энергической памяти, такъ напр., языковъ есть возрастъ отъ 6—7 л. до 12. Послѣ сорока лѣтъ изученіе наизусть названій или незнакомаго языка дѣлается крайне затруднительнымъ. Со старостью, т. е. съ ослабленіемъ творческой силы интеллекта, представленія слабѣютъ. Люди въ глубокой старости, съ атрофіей мозга, или даже молодые при извѣстныхъ болѣзняхъ мозговой коры большихъ полушарій, совершенно забываютъ то, что непосредственно предъ тѣмъ видѣли или слышали.

§ 3. Еще другія условія вліяющія на ясность и силу представленій, и чѣмъ они характеризуются.

Изъ сказаннаго мы убѣдились, что увеличеніе объема представленій достигается изученіемъ предмета, т. е. углубленіемъ во всѣ, доступныя органамъ чувствъ, его явленія. Отчетливость познанія, развиваемаго каждымъ дѣятельнымъ представленіемъ, получается не только отъ полноты развитія каждаго воспріятія, входящаго въ составъ этого представленія, но и отъ постоянного мѣста, занимаемаго каждымъ изъ воспріятій въ общей интеллектуальной связи — въ представленіи. Такъ напр., въ представленіи „собака“ не только связаны вмѣстѣ воспріятія, вызванныя явленіями собаки, подѣйствовавшими на наши органы чувствъ, но каждое изъ нихъ сохраняетъ въ представленіи только ему принадлежащее мѣсто; такъ, каждый, въ которомъ выработалось представленіе о собакахъ, не будетъ искать ея хвоста возлѣ головы и т. п. Такъ и представленіе каждаго слова тогда только есть представленіе, имѣющее силу для познанія, когда каждая буква слова и удареніе находится на своемъ мѣстѣ, въ противномъ случаѣ связь его съ содержательнымъ представленіемъ, т. е. съ тѣмъ, котораго представленіе слова есть только символъ, не можетъ имѣть мѣста. Сила представленія дается энергіей воспріятій и психическаго творчества, соединяющаго воспріятія въ одно индивидуальное интеллектуальное тѣло.

Съ представленіемъ повторяется тоже самое, что и съ воспріятіями, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ. Если внѣшній объектъ разъ вызвалъ

представленіе, которое въ послѣдствіи перешло въ состояніе покоя, то съ возобновленіемъ на опытѣ того же объекта образуется опять новое представленіе, тождественное по содержанію съ первымъ, а вслѣдствіе закона слитія въ интеллектѣ тождественныхъ по содержанію интеллектуальныхъ формацій, послѣднее представленіе вызываетъ первое къ дѣятельности и сливается съ нимъ во едино. Слившееся представленіе, содержа въ себѣ вещество и силу двухъ тождественныхъ представлений, становится сильнѣе, чѣмъ оно было послѣ перваго опыта. Если полученное вновь представленіе отъ послѣдняго опыта неполно, тѣмъ не менѣе отъ слитія съ прежнимъ полнымъ, оно всетаки даетъ познаніе полного. Такъ напр., читая неразборчивую рукопись, вы по нѣсколькимъ буквамъ неразобраннаго слова угадываете его содержаніе только отъ слитія этихъ буквъ съ прежде выработаннымъ представленіемъ слова, въ составъ котораго тѣ буквы входили въ такомъ же порядкѣ. Если молнія освѣтитъ въ темную ночь на одно мгновеніе окрестность, то мы можемъ узнать нѣкоторые изъ освѣщенныхъ предметовъ, на которые въ тотъ моментъ случайно были устремлены наши глаза. Извѣстно изъ физиологіи, что продолжительность молніи такъ мала, что ея недостаточно, чтобы свѣтовое впечатлѣніе успѣло распространиться отъ глазнаго яблока къ нервнымъ центрамъ. Значитъ мгновенно освѣщенные предметы дали только нѣкоторыя части свѣтовыхъ воспріятій и познаніе освѣщенныхъ предметовъ получилось только отъ того, что эти частичныя воспріятія вызвали къ дѣятельности прежде существовавшія представленія освѣщенныхъ предметовъ и соединились съ ними. Опыты съ фонографомъ, произведенные въ здѣшнемъ Петербургскомъ физическомъ обществѣ, показали, что рѣчь, повторенная фонографомъ, очень ясно понимается тѣми, которые слышали оригинальную рѣчь, а люди, не слышавшіе послѣдней, ничего не могутъ понять изъ звуковъ фонографа. Способность быстрого и отчетливаго образованія представлений зависитъ не только отъ врожденныхъ свойствъ человѣка, но и отъ упражненія въ образованіи отчетливыхъ представлений вообще, или въ какой нибудь области опыта въ частности. Такъ человѣкъ, много занимавшійся красками и рисованіемъ, скорѣе другаго составитъ себѣ представленіе о комбинаціи цвѣтовъ и очертаній; живописецъ, разъ видѣвшій человѣка, можетъ нарисовать очень похожій портретъ его; слышавшій много музыкальныхъ произведеній, легче усвоитъ и сохранить мелодію, нежели человѣкъ, мало знакомый съ музыкою.

Не нужно смѣшивать въ этихъ случаяхъ способность образованія воспріятій съ талантомъ образованія представленій. Я видѣлъ даже взрослыхъ дѣтей, которыя довольно удовлетворительно изъ даннаго объекта могутъ составить себѣ отчетливыя воспріятія, т. е. вычитать его атрибуты, но затѣмъ представленіе, какъ цѣлое, у нихъ составлялось весьма смутное, и то послѣ значительнаго труда. Также точно взрослые неразвитые люди съ трудомъ могутъ вспомнить всѣ явленія много разъ ими видѣннаго объекта. Наконецъ, на силу представленія имѣеть вліяніе движеніе чувства, подъ которымъ оно образовалось. Такъ напр., въ дѣтской памяти свѣжѣе всѣхъ сохраняются пережитыя ими происшествія, или лица и предметы, съ которыми они познакомились среди торжественной обстановки, или среди волненія, вызваннаго тѣмъ опытомъ. Въ Америкѣ, говорятъ, землевладѣльцы сѣкутъ своихъ дѣтей на межахъ ихъ владѣній для того, чтобы они никогда ихъ не забывали.

Сила представленій проявляется во 1-хъ въ долговѣчности: чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ дольше живутъ въ насъ, слабыя же представленія скоро умираютъ или, какъ говорятъ, забываются. Всякій знаетъ, что бывають люди настолько счастливые, что, разъ увидя предметъ, они его навсегда сохраняють въ памяти, а другіе, напротивъ, скоро забываютъ. Всякій, кто хочетъ надолго сохранить въ себѣ представленіе, старается часто его повторять. Во 2-хъ, сила представленій проявляется въ способности ихъ къ репродукціи. Они при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ легко переходять изъ недѣятельнаго состоянія въ дѣятельное; слабыя же, для того, чтобы ихъ инерція побѣдилась и они опять пришли въ сознаніе, требуютъ большаго участія активной силы. Въ 3-хъ, эта сила, какъ мы видѣли, проявляется въ ясности познанія того, что содержится въ представленіи, такъ знаніе предмета не зависитъ отъ другой какой либо внѣшней силы, но есть проявленіе силы самого представленія. Каждый предметъ мы познаемъ настолько, насколько великъ объемъ представленія и его сила. Поэтому знаніе разнится въ одномъ и томъ же человѣкѣ не только въ областяхъ наблюдаемой природы, не только въ наукахъ, но и въ отдѣльныхъ объектахъ познанія. Многіе предметы познаются совершенно ясно при поверхностномъ знаніи другихъ предметовъ, съ ними рядомъ стоящихъ. Въ 4-хъ, сила представленія, кромѣ энергіи получаемаго отъ него познанія, обусловливается еще легкостью перехода своего во внѣшнее движеніе въ видѣ слова или сознательнаго дѣйствія.

§ 4. *Мы не познаемъ ни реальныхъ объектовъ внѣшняго міра въ пространствѣ, ни ихъ вещества, ни отношеній внѣшнихъ явленій во времени, а познаемъ только наши внутреннія представленія, ихъ комбинаціи и связи. Они суть источники нашего знанія и нашихъ заблужденій.*

Если единственный матеріалъ, получаемый изъ внѣшняго міра, изъ котораго образуются представленія, состоитъ изъ воспріятій, и помимо этой дороги ничто не можетъ извнѣ войти въ составъ представленія, то, само собою разумѣется, что познаніе, получаемое человѣкомъ изъ каждаго представленія, есть познаніе не внѣшняго объекта, а только движеній, исходящихъ изъ него, и преобразовавшихся въ воспріятія. Человѣкъ приписываетъ познаніе, получаемое отъ представленія, внѣшнему міру единственно потому, что онъ уже научился прежде приписывать свои воспріятія внѣшнимъ явленіямъ. Къ этому его приучаетъ опытъ, доказывающій, что его представленія мѣняются съ перемѣной его среды. Подъ вліяніемъ его окружающей среды и съ ея перемѣной въ немъ являются и исчезаютъ представленія, одни замѣняются другими. Соответствіе познанія, получаемаго отъ представленія, внѣшнимъ объектомъ, зависитъ, какъ мы знаемъ, отъ того, что каждое воспріятіе, т. е. каждая часть представленія, содержитъ логариемическое пропорціональное отношеніе къ внѣшнему движенію, его вызвавшему, и носитъ въ себѣ отпечатокъ формы этого движенія.

Причина, почему въ каждомъ представленіи содержится комбинація явленій, соединенныхъ во внѣшнемъ объектѣ, обусловливается, какъ мы знаемъ, не комбинаціей внѣшняго объекта, а независимо отъ нея, вслѣдствіе психо-интеллектуальнаго закона, силой котораго воспріятія, дѣйствующія вмѣстѣ въ одно время или въ непосредственной временной послѣдовательности соединяются между собою въ одну сложную, но единую формацію. Познаніе же мѣста каждаго явленія въ данной комбинаціи зависитъ отъ мѣста занятаго каждымъ воспріятіемъ въ представленіи, какъ части въ своемъ цѣломъ, и въ томъ порядкѣ, въ которомъ воспріятія слѣдуютъ въ познаніи другъ за другомъ; такъ одно явленіе, лежащее во внѣшнемъ объектѣ возлѣ другаго, вызоветъ необходимость, что воспріятія, получаемыя непосредственно другъ за другомъ, въ представленіи тоже уложатся одно возлѣ другаго. Слѣдовательно, познаніе внѣшняго совмѣстнаго существованія или слѣдованія явленій во времени есть только познаніе нашихъ субъективныхъ интеллекту-

альныхъ связей, а не внѣшняго реальнаго міра. Доказательствомъ этого служить то, что, если при изученіи предмета, вслѣдствіе котораго развивается представленіе, одно или нѣсколько явленій предмета ускользнули отъ перехода во внутреннія воспріятія, то они не входятъ въ представленіе, и мы познаемъ внѣшній объектъ безъ этихъ явленій. Подобнымъ же образомъ, если изъ слѣдующихъ другъ за другомъ явленій одно изъ нихъ не переходило въ воспріятіе, или каждое изъ нихъ хотя переходитъ въ воспріятіе, но не непосредственно другъ за другомъ, въ насъ не получается правильнаго познанія отношенія этихъ явленій. Къ счастью, опытъ показываетъ, что познаніе нашихъ внутреннихъ связей представленій, болѣе или менѣе отвѣчаетъ внѣшнимъ дѣйствительнымъ комбинаціямъ въ совмѣстномъ существованіи и слѣдованіи явленій. Если образовалась связь познанія въ слѣдованіи двухъ явленій, то вновь полученное познаніе перваго члена этой связи вызываетъ къ дѣятельности по случаю средства и первый членъ прежней связи, но какъ тотъ былъ соединенъ съ другимъ членомъ, то возобновленная дѣятельность втораго члена въ послѣдовательной связи съ первымъ, развиваетъ познаніе, что за этимъ первымъ долженъ послѣдовать на опытѣ второй и наоборотъ. Для ясности представимъ и этотъ процессъ символами. Если въ интеллектѣ дитяти опытъ породилъ послѣдовательную связь двухъ явленій $a + b$, находящуюся въ состояніи покоя, и, если, послѣ этого явленіе новаго опыта вызвало въ интеллектѣ дѣятельное воспріятіе a , то по средству оно должно соединиться съ a прежней связи $a + b$, отъ сліянія новаго воспріятія a съ прежнимъ въ интеллектѣ остается дѣятельнымъ только $a + b$, функція котораго есть познаніе, что за a должно слѣдовать на опытѣ b и наоборотъ, если новый опытъ даетъ только, второй членъ прежней связи b , то отъ сліянія его съ вторымъ членомъ прежней связи въ сознаніи явится $a + b$, т. е. познаніе, что явленію b должно было предшествовать явленіе a , непознанное въ новомъ опытѣ. Слѣдовательно, мы видимъ, что совершенно излишне принимать подобное знаніе, какъ выводъ изъ врожденной (Кантъ), или изъ пріобрѣтенной вѣры въ законность всего происходящаго въ природѣ (Милль). Мы видимъ, что данное познаніе не вытекаетъ изъ разсужденія, а самое сужденіе и знаніе есть слѣдствіе связи интеллектуальныхъ процессовъ на основаніи закона природы человѣческаго мышленія. Знаніе пріистекаетъ только отъ роковаго мыслеваго закона соединенія интеллектуальныхъ элементовъ; это намъ доказываютъ и отрица-

тельные результаты, т. е. заблужденія, вытекающія изъ этого закона. На основаніи его, только вполнѣ сродные элементы могутъ слиться въ одно. Такимъ образомъ, если въ человѣкѣ существовало представленіе, состоящее, положимъ, изъ 10 воспріятій, то новый объектъ опыта, изъ котораго онъ узнаеть только три заявленія, тождественныя 3-мъ элементамъ изъ прежней комбинаціи, и если новая комбинація при поверхностномъ изученіи не представляетъ ничего несроднаго элементамъ прежней, то между прежнимъ и новымъ представленіями непременно произойдетъ слитіе. Человѣкъ же поневолѣ приписываетъ новой, мало имъ изученной комбинаціи то, что даетъ его познанію прежде образовавшееся представленіе. Вотъ почему люди такъ часто, на основаніи нѣкоторыхъ только бросающихся въ глаза признаковъ, принимаютъ совершенно различные предметы за одно и то же; это случается отъ того, что имъ не удалось изучить въ новомъ объектѣ явленія, которыя заключаютъ въ себѣ черты, которыми новый объектъ рѣзко отличается отъ прежняго, сроднаго только въ нѣкоторыхъ признакахъ. Такъ дикій негръ съ портретомъ человѣка отождествляетъ и самого человѣка. Путешественники рассказываютъ, что такіе негры ни за что не соглашаются, чтобы съ нихъ рисовали портреты, опасаясь, что въ тотъ портретъ перейдетъ и душа негра, что повлечетъ за собою смерть послѣдняго. Такъ и наоборотъ, если въ объектѣ новаго опыта сначала замѣчается явленіе, отличное отъ содержащихся въ прежнемъ представленіи, съ которымъ оно можетъ быть тождественно всѣми остальными частями (воспріятіями), то, вслѣдствіе невозможности слитія представлений, послѣднее признается за новый объектъ опыта, отличный отъ прежняго, хотя нерѣдко бываетъ, что отличительное явленіе было только случайное, не имѣющее ничего общаго съ постоянной комбинаціей того объекта. Такъ напр. одно и то же животное, видоизмѣненное метаморфозами его развитія, признавалось въ каждомъ фазѣ этого развитія за отдѣльное и отличное по типу животное. Если на опытѣ разъ или нѣсколько разъ за явленіемъ *a* слѣдовало *b*, то человѣкъ напрасно можетъ ожидать этого слѣдованія и въ новомъ опытѣ; если прежде слѣдованіе было случайно, то за *a* вдругъ явится *x* и наоборотъ—явленію *b* будетъ предшествовать не *a*, а *y*. Только опытъ своихъ частыхъ ошибокъ развилъ въ образованномъ человѣкѣ силу мысли, которая предохранить его отъ слитія представлений объектовъ прежде, чѣмъ ихъ изученіе дастъ полное зна-

ніе ихъ свойствъ, а также научить его понимать различіе между законными и случайными слѣдованіями явленій въ природѣ.

Въ самомъ актѣ представленія, какъ отдѣльной индивидуальной формации, часто существующей въ интеллектѣ безъ связи съ другими представленіями, кроется источникъ неправильности въ нашемъ міровоззрѣніи. Такъ, мы знаемъ, что представленіе внѣшней комбинаціи явленій образовавшееся въ человѣкѣ есть организованная интеллектуальная единица, существующая отдѣльно отъ другихъ индивидуальных тѣлъ познанія. Поэтому понятно, что и познаніе, получаемое отъ него организмомъ, должно быть также отдѣльное и единичное, и внѣшній объектъ, которому отвѣчаетъ представленіе, тоже познается нами, какъ отдѣльное цѣлое, не состоящее въ связи съ другими предметами; между тѣмъ дальнѣйшее развитіе опыта и отвлеченныхъ силъ познанія убѣждаетъ насъ въ томъ, что вся вселенная есть неразрывное цѣлое и что всѣ силы, дѣйствующія въ природѣ, составляютъ непрерывную цѣпь одной и той же силы. Если міръ кажется намъ наполненнымъ отдѣльными предметами, если мы видимъ вездѣ множество отдѣльныхъ силъ, то мы этимъ недостаткомъ пониманія обязаны только природѣ нашихъ представленій, вырывающихъ частныя комбинаціи явленій изъ всего познаваемого міра и заставляющихъ насъ принимать эти частицы, какъ нѣчто цѣльное и отдѣльное.

§ 5. Познаніе вещественности реального міра.

Такъ какъ мы знаемъ, что всѣ явленія внѣшнихъ предметовъ, дѣйствующія на наши органы чувствъ, какъ источники познанія этихъ предметовъ, суть исключительно движенія, то и представленіе, если бы оно исключительно слагалось изъ познанія этихъ движеній или было-бы реакціей мозговыхъ ячеекъ на эти движенія, то оно должно было бы дать познаніе только однихъ движеній въ природѣ и ихъ комбинацій. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ. Познавая явленія въ комбинаціяхъ, существующихъ въ пространствѣ внѣ насъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ, что эти свойства явленій существуютъ въ каждомъ предметѣ не сами по себѣ, а кромѣ нихъ есть нѣчто, котораго эти свойства суть атрибуты и которое скрывается за ними, какъ ихъ источникъ. Говоря о движеніяхъ или дѣйствіяхъ, мы внутренне сознаемъ нѣчто движущееся или находящееся въ этомъ движеніи. Говоря о силѣ, въ нашемъ сознаніи неизбѣжно является познаніе вещества, продуцирующую эту силу. Если не изъ опыта, то откуда же

входитъ въ наше познаніе вѣра въ вещество, какъ неотъемлемую принадлежность каждаго объекта изъ познаваемого міра? Откуда берется наше убѣжденіе, что кромѣ группы свойствъ, познанной мною чрезъ органы чувствъ, существуетъ еще недоступный нашимъ органамъ чувствъ ихъ носитель, причемъ они суть только предикаты невѣдомаго субъекта? На какомъ основаніи познанныю группу внѣшнихъ движеній я непременно представляю себѣ въ пространствѣ?

Философы, признающіе, что только то дѣйствительно, что познается нашими органами чувствъ, совершенно отрицаютъ вещество въ реальномъ мірѣ, а его познаніе считаютъ самообманомъ, иллюзіей нашего познаванія. Шопенгауеръ безпрестанно повторяетъ, что „матерія есть истинная ложь“: *ἄλη ἀληθινὸν ψεῦδος*. Матерія, по его мнѣнію, есть чистое отвлеченіе (абстракція) мысли, а не предметъ иптуиціи (т. е. непосредственнаго познанія). По Шопенгауеру вещество есть абстракція отъ всякаго вида дѣйствія, т. е. то, что вообще дѣйствуетъ. Онъ хвалитъ Plotin'a и Iordano Bruno, поддерживавшихъ парадоксальный тезисъ, что матерія не вещественна. Метафизики, ставящіе познавательныя силы духа выше того, что намъ даютъ органы чувствъ, не сомнѣваются въ присутствіи въ реальномъ мірѣ, кромѣ движенія и вещества. Они называли это вещество, познаваемое безъ помощи опыта *entitas*, эссенціей, субстанціей, наконецъ, Эм. Кантъ назвалъ его „*Ding an sich*“, т. е. предметъ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности, но недоступный ни чувствамъ, ни пониманію, и познаніе реальнаго существованія предметовъ, по мнѣнію Канта, находится внѣ предѣловъ нашего пониманія. Онъ раздѣляетъ объекты относительно нашего знанія на *Phänomene*, т. е. фактическія явленія и *Noumene*, которыя суть „*Ding an sich*“ — совершенно недоступныя нашему пониманію, хотя форма ихъ познанія дана самыми законами нашего духа. Такъ Кантъ* говоритъ: „въ чистомъ разумѣ мы имѣемъ способность познанія, независимо отъ нашихъ органовъ чувствъ — способность чистыхъ понятій, о которыхъ сама критика заявила, что они вытекаютъ не изъ опыта. Каждое понятіе требуетъ предмета, которому оно отвѣчало, или который оно представляло бы. Ни одно изъ чистыхъ понятій не представляетъ предмета, доступнаго органамъ чувствъ. Если же таковое понятіе должно представ-

* Kuno Fischer. *Geschichte der Philosophie* p. 111 *Kant's Vernunftkritik* 2 Aufl. p. 436.

лать нѣчто опредѣленное, или должно имѣть объектъ, то это—можетъ быть только предметъ, недоступный органамъ чувствъ (Nicht sinnliches Ding). Такимъ образомъ найдено представленіе, которое ищется какъ первое условіе къ наукѣ „о недоступномъ чувствамъ (Uebersinnlichen). Также ясна способность, которая одна въ состояніи образовать такое представленіе. Предметы, недоступные органамъ чувствъ со стороны человѣческаго разума непонятны (nicht anschaulich), а только мыслимы или intelligible“....

Изъ послѣдователей Канта нѣкоторые принимали „Ding an sich“, какъ Grenzbegriff, т. е. находящагося за границей человѣческаго пониманія, а другіе критики все это ученіе реального существованія „An sich“ и „Ding an sich“ совершенно опровергали, какъ воображаемую величину не имѣющую никакого отношенія къ дѣйствительному и возможному существованію. Такимъ образомъ, мы видимъ, что тотъ великій Кантъ, который въ своей „критикѣ чистаго разума“ доказалъ, что міръ опыта есть продуктъ собственной дѣятельности человѣка, долженъ былъ прибѣгнуть къ противорѣчащимъ, безсодержательнымъ метафизическимъ приемамъ, чтобы объяснить присущее намъ познаніе вещества въ каждомъ предметѣ. Его (Канта) überempirisches (rein intelligibles Reich) есть безъ сомнѣнія для нашего познанія ничто. Liebmann* говоритъ: „das Ding an sich“ есть ничто иное какъ Unding—сочиняемое себѣ во снѣ исчерпаннымъ интеллектомъ, отвѣтъ придуманный для удовлетворенія неразрѣшимаго вопроса. Въ дѣйствительности же оно есть пустое и нескончаемое стремленіе къ какому нибудь фантастическому образу, кратковременному и лишнему формы, всегда уходящему отъ человѣческой любознательности, какъ яблоко удаляется отъ рта Тантала“.

Изъ вышеизложеннаго нами разбора представленій вытекаетъ, однако, очень ясно, свойство нашего познанія приписывать каждому внѣшнему предмету, независимо отъ познанныхъ его явленій черезъ органы чувствъ, и недоступное имъ вещество. Вопросъ, откуда является послѣднее познаніе, не мотивированное внѣшнимъ міромъ, прямо объясняется нашей теоріей, вовсе не прибѣгая къ метафизическому мудрствованію. Наши воспріятія и представленія, какъ нами принято, независимо отъ внѣшнихъ движеній, содержать еще и нервную матерію, —носительницу

* Liebmann, Kant und die Epigonen, Stuttgart 1865. p. 63.

этихъ движеній. Это вещество, выдѣлившееся изъ пищи и въ полость нервнаго канала и въ мозговья ячейки, вмѣстѣ съ движеніемъ, возбужденнымъ извнѣ, составляетъ матеріаль, изъ котораго образуются въ насъ воспріятія, а изъ нихъ уже представленія.

Слѣдовательно, въ составъ нашихъ интеллектуальныхъ формацій, какъ воспріятій, такъ и изъ нихъ образующихся представленій, кромѣ внѣшняго движенія, продолжающагося въ матеріи нервнаго волокна, входитъ еще и сама эта матерія. Но такъ какъ познаніе дается всѣмъ содержаніемъ представленія, то мы должны необходимо, кромѣ движенія, пришедшаго черезъ органы чувствъ, познавать и носителя этого движенія—нашу нервную матерію, роль которой начинается за предѣлами органовъ чувствъ и потому недоступно имъ. Но такъ какъ познаніе, получаемое отъ воспріятія, или представленія, мы всецѣло переносимъ на явленіе или объектъ внѣшняго міра, то роковымъ образомъ должны и имъ приписывать, кромѣ движенія, еще вещество, какъ носителя этого движенія. Вотъ почему такъ неотвязно съ каждымъ познаніемъ предмета, независимо отъ его свойствъ, связано и познаніе носителя этихъ свойствъ, въ предметѣ содержащемся. Опытъ не даетъ намъ никакого права утверждать, чтобы въ объектахъ внѣшняго міра было вещество, за познанными явленіями которыхъ находилось бы еще нѣчто не познанное, но существующее; но въ нашихъ представленіяхъ, какъ мы видѣли, должно существовать еще нѣчто, кромѣ полученнаго изъ движеній внѣшняго міра. Это нѣчто есть наша нервная матерія, она и есть, вѣроятно, причина познаваемаго нами вещества. Хотя прогрессъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ болѣе и болѣе доказываетъ, что главная причина дѣятельности и кажущагося существованія заключается не въ веществѣ, а въ силѣ, однако, несмотря на это, даже ученые, доказывающіе эти истины, не въ состояніи побѣдить свою интеллектуальную природу, чтобы въ своемъ познаніи совершенно отдѣлить силу отъ вещества. Это такъ же неизбежно, какъ то, что, не сомнѣваясь въ колоссальной величинѣ солнца, мы все таки видимъ его величиной съ блюдечко. Другими словами, если мы даже въ прогрессѣ нашего знанія дошли бы до реальныхъ познаній и могли бы узнать границу въ нашемъ познаніи реального, дѣйствительно внѣ насъ существующаго и субъективнаго познанія, вложеннаго туда нашей природой, то, очищая первое отъ послѣдняго, у насъ не останется никакого познанія, потому-что въ результатѣ мы

все-таки познаемъ не реальный, внѣшній міръ, только наши внутреннія реальныя представленія.

§ 6. Познаніе пространства, связей и отношеній внѣшнихъ явленій.

Такое же точно, какъ мы видѣли, отношеніе нашего познанія къ веществу должно содержаться и относительно пространства.

Мы выше привели доказательства того, что представленія внутри нашего интеллекта занимаютъ пространство, поэтому и въ познаніи этихъ представленій должно заключаться познаніе пространства. Если то, что намъ даетъ представленіе, мы переносимъ на его объектъ, то необходимо мы должны и его считать занимающимъ мѣсто въ пространствѣ. Вслѣдствіе закона, что воспріятія, непосредственно слѣдующія другъ за другомъ во времени, соединяются вмѣстѣ въ интеллектъ, познаніе, развиваемое этой связью, заставляетъ насъ принимать такое же отношеніе между воспріятыми внѣшними явленіями, но объ этомъ мы будемъ говорить подробно ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Изъ сказаннаго можно убѣдиться, что каждый человѣкъ носитъ познаваемый міръ въ своей собственной головѣ, что онъ познаетъ не міръ, а свои воспріятія, представленія и ихъ связи. Каждый человѣкъ настолько знаетъ міръ, насколько въ немъ выработалось представленій и насколько эти представленія содержатъ въ себѣ матеріала для познанія той части міра, которая въ каждой изъ нихъ заключается. Въ нашихъ представленіяхъ выражается природа нашего вида и въ этой природѣ — степень только ей доступнаго объективнаго знанія, подобно тому, какъ въ нашихъ мышцахъ — наша механическая сила. Съ какого бы пункта земнаго шара вы не собрали людей, начиная отъ самаго образованнаго европейца до дикаго обитателя Африки или Сандвичевыхъ острововъ, то вы найдете между ними несомнѣнную разницу въ пониманіи и мышленіи, а также и разницу въ разнообразіи, въ количествѣ и объемѣ представленій, о внѣшнемъ мірѣ, но все они одинаково представляютъ себѣ объективный внѣшній міръ, насколько въ нихъ опытомъ выработалось одинаковыхъ представленій. Если они сумѣютъ словами передать свои внутреннія интеллектуальные процессы, то все выскажутъ одинаковое мнѣніе о познанныхъ свойствахъ внѣшнихъ предметовъ. Такъ напр., все они найдутъ желѣзо твердымъ, тяжелымъ, раскаляющимся и т. п. Они все будутъ восхищаться блескомъ алмаза, его твердостью и пр. Все они

знають, что заря предшествуетъ восходу солнца. Относительно же тѣхъ областей природы, со стороны которыхъ на человѣка не подѣйствовалъ внѣшній опытъ, онъ остается безъ всякаго познанія, какъ зрящій человѣкъ всегда остается слѣпымъ относительно предметовъ, находящихся внѣ круга его зрѣнія.

§ 7. Ассоціація представленія.

Изслѣдованія, изложенныя въ 1-мъ томѣ, привели насъ къ познанію двухъ законовъ, господствующихъ во всемъ психо-интеллектуальномъ мірѣ. Эти законы суть: Первый. Всякая вновь образовавшаяся интеллектуальная формація стремится въ психо-интеллектуальномъ круговоротѣ къ соединенію съ однородными ей по содержанію и движенію формаціями, если онѣ находятся уже готовыми въ психо-интеллектуальномъ хранилищѣ, какъ продукты прежняго опыта, все равно, находятся ли послѣднія въ дѣятельномъ или не-дѣятельномъ состояніи. Въ послѣднемъ случаѣ, вновь образовавшаяся дѣятельная формація отыскиваетъ силой средства прежде образовавшееся въ интеллектуальномъ сосудѣ, и, давъ ему дѣятельный толчекъ, побѣждаетъ его инерцію и вызываетъ къ дѣятельности; затѣмъ, если не встрѣчается никакихъ препятствій, наступаетъ второй актъ—самое слитіе этихъ однородныхъ формацій.

Второй законъ состоитъ въ слѣдующемъ: формаціи, дѣйствующія одновременно въ интеллектъ или въ непрерывномъ слѣдованіи другъ за другомъ, соединяются между собою постоянной, неразрывной связью. Соединенныя такимъ образомъ формаціи живутъ въ насъ вмѣстѣ, какъ въ дѣятельномъ, такъ и въ не дѣятельномъ состояніи, какъ организованныя единичныя связи.

Этимъ законамъ, безъ сомнѣнія, должны подчиняться въ своихъ движеніяхъ воспріятія и представленія, какъ основы всего міра познанія. Благодаря второму закону, какъ мы выше видѣли, разрозненныя нашими органами чувствъ воспріятія явленій каждаго объекта вновь соединяются въ нашемъ интеллектѣ въ сложныя и единичныя силы познанія въ представленія. Въ силу этихъ же самыхъ законовъ, человѣкъ не только получаетъ познаніе сложныхъ комбинацій явленій въ про-

страствѣ и во времени, но всякое другое представленіе, вновь у него образовавшееся, притягиваетъ къ дѣятельности въ его интеллектѣ, изъ запаса прежняго опыта, сродныя ему представленія для совмѣстнаго развитія интеллектуальной силы познанія. Такимъ образомъ познаніе можетъ почерпаться не только изъ минутнаго опыта человѣка, но изъ всего, что имъ выработалось въ продолженіе всей жизни.

Эти принятые нами законы и совершающіеся въ силу ихъ процессы нашего мышленія, не только не стоятъ въ противорѣчїи съ другими законами и явленіями вселенной, но, напротивъ того, подтверждаются аналогичными явленіями въ органической и неорганической природѣ. Такъ, если мы растворимъ въ водѣ нѣсколько разнородныхъ солей, то ихъ частички не перепутаются между собою и не войдутъ въ несродныя соединенія, но, при кристаллизаціи этихъ солей, изъ общей смѣси раствора, отдѣльная частица каждаго вида соли непремѣнно найдетъ однородныя ей частицы и только соединившись съ ними образуетъ присутіе ея характеру кристаллы; изъ всей же смѣси выкристаллизуется столько разныхъ видовъ кристалловъ, сколько въ растворѣ было по своему содержанію различно кристаллизующихся солей. Также точно между живыми организмами; каждый индивидъ ищетъ и часто находитъ существо другаго пола того же самаго типа для полового совокупленія. Его стремленіе не останавливается ни дальностью разстоянія, ни опасностію при достиженіи цѣли, а между тѣмъ то же животное игнорируетъ, вблизи находящееся и безъ боя дающійся индивидъ другаго пола, хотя сходнаго, но не совершенно однороднаго типа.

Возьмемъ другой примѣръ. Если мы въ водѣ, находящейся въ продолговатомъ, герметически закрытомъ сосудѣ, растворимъ рядъ солей, среди которыхъ будетъ и углекислая известь, водный растворъ которой былъ полученъ насыщеніемъ углекислымъ газомъ подъ давленіемъ и охлажденіемъ, а на дно пустимъ желѣзныя опилки, то, съ возстановленіемъ равновѣсія, въ данной жидкости не будетъ замѣтно никакого дѣятельнаго движенія. Но если мы нальемъ въ него каплю сѣрной кислоты, то сейчасъ же замѣтимъ движеніе. Сѣрная кислота, имѣющая болѣе сродства съ известью, нежели угольная кислота, соединится съ первой, сдѣлавъ свободной угольную кислоту, которая поднимется кверху и произведетъ соотвѣтствующую ей работу, а сѣрнокислая известь, какъ нерастворимая въ водѣ, опустится на дно, но при этомъ находящіяся на днѣ сосуда частички желѣза останутся совершенно по-

койными. Но, если съ возстановленіемъ равновѣсія въ той жидкости мы вложимъ туда магнитъ, то желѣзные опилки придуть въ дѣйствіе при совершенномъ спокойствіи остальныхъ элементовъ смѣси.

Не видимъ ли мы повтореніе того же самаго процесса въ интеллектуальномъ хранилищѣ каждаго человѣка, гдѣ собрано все выработанное его опытомъ? Всякое дѣятельное воспріятіе или представленіе, войдя въ его разжиженную среду, гдѣ лежатъ покойно интеллектуальныя, прежде образовавшіяся, формаци, находитъ одно или нѣсколько тѣлъ, сродныхъ ему по содержанію. Отъ сообщеннаго толчка потенціальная сила этихъ тѣлъ переходитъ въ активную и вслѣдствіе этого они начинаютъ проявлять свою интеллектуальную дѣятельность, тогда какъ все несродное дѣятельному элементу продолжаетъ оставаться въ состояніи интеллектуальнаго бездѣйствія и покоя. Но между воспріятіями и представленіями, вызываемыми изъ потенціального состоянія, существуетъ въ этомъ отношеніи большая разница. Воспріятія, какъ однородныя элементарныя тѣла, могутъ вызваться къ дѣятельности только тогда, когда они тождественны съ вызывающимъ; но вслѣдствіе этого однородныя воспріятія сливаются между собою, и человѣкъ остается при прежнемъ знаніи прежде узнаннаго воспріятія; воспріятіе это сдѣлается только, какъ мы видѣли, отчетливѣе, но само знаніе отъ этого не можетъ расширяться. Воспріятія же несродныя не могутъ придти въ дѣятельность, потому что всѣ отдѣльно существующія воспріятія отличаются другъ отъ друга или содержаніемъ или силой или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Сказанное относится въ особенности къ воспріятіямъ различныхъ органовъ чувствъ, потому что между ихъ содержаніемъ нѣтъ ничего общаго; такъ напр. сладкій вкусъ никогда въ мышленіи не ассоціируется съ синимъ цвѣтомъ, запахъ розы съ тѣмъ или другимъ звукомъ и т. п. Скорѣе встрѣчается возможность, что дѣятельное воспріятіе вызываетъ къ дѣятельности другое, хотя отличное, въ количественномъ отношеніи, но сродное по характеру вызвавшихъ его движеній; такъ напр. при видѣ желтаго цвѣта можетъ возникнуть въ сознаніи оранжевый цвѣтъ, при звукѣ самой низкой ноты во время пѣнія можетъ возникнуть въ сознаніи прежде слышанная самая высокая и т. п. Существенная особенность представленій въ этомъ отношеніи сдѣлается понятной изъ нижеслѣдующаго. Намъ извѣстно, что число отдѣльныхъ, доступныхъ намъ явленій природы, выражающихся въ нашемъ познаніи отдѣльными, отличными другъ отъ друга воспріятіями, очень ограничено. Поражающее

же насъ разнообразіе природы и неисчислимыя виды ея предметовъ зависятъ только отъ разнообразныхъ комбинацій тѣхъ существующихъ въ ограниченномъ числѣ элементарныхъ явленій, которыя въ насъ существуютъ, какъ воспріятія. Ньютонъ въ своей биноміи весьма наглядно объяснилъ возможность съ помощію очень ограниченаго числа элементовъ образовать множество различныхъ комбинацій. Калейдоскопъ показываетъ, какъ незначительное число разноцвѣтныхъ камешковъ можетъ дать множество очень затѣливыхъ фигуръ, возникающихъ съ каждымъ измѣненіемъ положенія камешковъ. Но когда незначительное количество элементовъ образуетъ неисчислимое множество комбинацій, то одни и тѣже элементы должны часто встрѣчаться въ различныхъ комбинаціяхъ; вслѣдствіе этого одни и тѣже воспріятія должны входить въ составъ различныхъ представленій. Такъ, на примѣръ, если мы назовемъ наши воспріятія буквами — а, b, с, d, e, f, g, h, i, k, l, то изъ нихъ образуются всѣ неисчислимыя представленія, которыя даютъ намъ сумму познанія ви́шняго міра и своего собственнаго существованія. Мы можемъ ихъ выразить такими комбинаціями буквъ, которыми мы обозначили наши воспріятія, abdfg, bcehf, cbeighl, hlfbac, ikghcab, и такимъ образомъ мы можемъ дойти въ нашихъ комбинаціяхъ до безконечности. Такимъ образомъ, въ первыхъ двухъ представленіяхъ общія, т. е. однородныя воспріятія будутъ воспріятія b и f, между первымъ и 3-мъ a, b, f, g, между 2 и 3-мъ b, e, f, h, между 1-мъ и 5-мъ a, b, g, и т. д.

Каждый изъ элементовъ (воспріятій) пришедшаго въ дѣятельность представленія, вслѣдствіе извѣстнаго намъ закона, долженъ стремиться къ соединенію съ элементами сродными ему, находящимися въ потенциальномъ состояніи. Чѣмъ больше въ потенциальномъ представленіи общихъ съ появившемся въ дѣятельномъ состояніи элементовъ, или чѣмъ энергичнѣе и сильнѣе эти сродные элементы, тѣмъ скорѣе первыя вызываются послѣдними къ дѣятельности. Присутствіе и несродныхъ элементовъ между этими представленіями не мѣшаетъ этому переходу въ дѣятельность, потому что, когда часть приходитъ въ движеніе, она увлекаетъ въ движеніе и цѣлое. Такъ напр., паръ паровоза увлекаетъ въ своемъ движеніи паровозъ и всѣ вагоны съ нимъ связанныя. Разумѣется, что очень рѣдко дѣйствующее представленіе вызываетъ изъ потенциальнаго состоянія всѣ представленія, имѣющія съ нимъ сродные элементы. Если много такихъ, то этому противится тѣснота арены мы-

слительной дѣятельности и потому заставляетъ переходить въ дѣятельность тѣ изъ однородныхъ представленій, которыя имѣютъ наибольшее сродство, или тѣ, которыя очень живучи и энергичны въ своихъ движеніяхъ, для которыхъ требуется очень мало силы извнѣ, чтобы побѣдить ихъ инерцію. У людей съ слабо развитыми представленіями дѣйствующее представленіе обыкновенно вызываетъ къ дѣятельности изъ потенциальнаго состоянія мало другихъ представленій.

Изъ сказаннаго дѣлается понятной возможность утилизаціи запаса знанія, пріобрѣтаемаго человѣкомъ въ продолженіи всей его жизни. Нашей теоріей объясняется, почему появившееся въ познаніи одно дѣятельное представленіе должно вызвать къ дѣятельности изъ всего запаса интеллектуальныхъ формацій большее или меньшее количество другихъ представленій и собрать ихъ возлѣ себя, какъ одну законченную группу интеллектуальныхъ факторовъ. Съ другой стороны эта же теорія объясняетъ, почему всякая такая группа не можетъ состоять изъ случайнаго сбора представленій, а въ ней должны содержаться изъ всего запаса знанія только тѣ представленія, которыя больше, чѣмъ всѣ остальные, имѣютъ общаго въ интеллектуальномъ содержаніи съ представленіемъ, подавшимъ сигналъ къ мыслительной дѣятельности. Въ 3-хъ, изъ вышеизложеннаго мы поняли, почему представленія могутъ вызываться къ дѣятельности другими представленіемъ, сроднымъ съ первыми только отчасти, во всемъ же остальномъ имѣющимъ отличное отъ нихъ содержаніе. Поэтому въ возникшей такимъ образомъ группѣ представленій одни сродные элементы стремятся къ слитію; но такъ какъ представленія суть единичныя тѣла, то между представленіями могло-бы быть только полное слитіе, т. е. слитіе всего объема одного представленія со всѣмъ объемомъ другаго. Послѣднему препятствуютъ несродныя части каждаго представленія. Результатомъ этого бываетъ не слитіе представленій, а только сближеніе ихъ въ одну законченную группу, во имя большаго или меньшаго сродства ихъ содержанія.

Вторая причина группировки представленій, вызванныхъ къ дѣятельности изъ потенциальнаго состоянія однимъ дѣятельнымъ представленіемъ, или его связью, заключается во второмъ законѣ. Такъ, если дѣятельное представленіе найдетъ въ интеллектуальномъ запасѣ или ему совершенно однородное другое представленіе, или же сходное съ нимъ только отчасти, то оно должно вызвать его къ дѣятельности. Если же

послѣднее связалось въ прежнемъ опытѣ съ другими представленіями, потому что они познались вмѣстѣ въ пространствѣ, или въ непосредственной послѣдовательности, то за нимъ непременно въ дѣятельной группѣ должны явиться и тѣ представленія, съ которыми оно прежде вошло въ связь. Такимъ образомъ объясняется и второй способъ группировки представленій, гдѣ представленія выходятъ изъ запаса для совокупнаго участія въ дѣятельности, потому только, что были познаны опытомъ вмѣстѣ въ пространствѣ, или въ непосредственной временной послѣдовательности съ представленіемъ сходнымъ или тождественнымъ съ дѣятельнымъ представленіемъ. Такимъ образомъ и эта группировка приносить съ собою матеріалъ для познанія отношенія объектовъ въ пространствѣ или во времени изъ всего наличнаго запаса ихъ, добытаго прежде посредствомъ опыта.

Такъ положимъ, напр., что путешествующій по Рейну съ представленіемъ этой рѣки соединяетъ представленіе парохода, на которомъ онъ сидитъ, общество людей, среди котораго онъ находится, ихъ говоръ и т. п. Вслѣдъ за этимъ въ его познаніи неволью появляется какъ общее съ нимъ по содержанію представленія Волги, Днѣпра: онъ также большія и судоходныя рѣки, за нѣсколько лѣтъ изученныя тѣмъ же путешественникомъ, ѣздившимъ по нимъ тоже на пароходѣ. Прелестные, покрытые растительностію, паселенные берега Рейна съ ихъ историческими развалинами, неволью вызываютъ въ памяти пустынные и безлюдные берега Днѣпра, потому что ихъ представленіе позналось вмѣстѣ съ представленіемъ Днѣпра. Если путешественникъ выросъ возлѣ Днѣпра, то появляются въ познаніи и домъ, и воспоминанія дѣтства и т. п. Или же возьмемъ другой примѣръ. Вы увидѣли камень, и въ вашемъ познаніи возникаютъ представленія металловъ и рудъ, среди которыхъ находятся такіе же камни, его блескъ напоминаетъ вамъ блескъ брилліанта, форма его кристалловъ другіе камни подобной-же кристаллизаціи и т. п. Каждое изъ вызванныхъ такимъ образомъ представленій можетъ другою частію своего содержанія вызвать новый рядъ представленій; такъ напр., камень своею тяжестію можетъ напомнить про золото, послѣднее—представленіе способовъ его добыванія, Сибирь, каторжниковъ и т. д. Вновь появившіяся представленія вызываютъ представленія другихъ камней, сходныхъ съ ихъ вызвавшими,—тяжестію, удѣльнымъ вѣсомъ и т. п. Такимъ образомъ, мы наглядно убѣдились, какъ за однимъ дѣятельнымъ представленіемъ могутъ изъ

нашего интеллектуальнаго хранилища возникнуть цѣлые ряды представлений не только, повидимому, неизмѣющіе ничего общаго съ настоящимъ опытомъ, но даже уносящіе человѣка въ его мышленіи далеко изъ этого опыта, отъ Рейна къ пустыннымъ берегамъ Днѣпра, отъ зрѣлаго возраста къ днямъ его дѣтства и т. п. Что это собраніе не случайное, а законное, вытекающее изъ нашей интеллектуальной природы, — показываетъ согласіе въ мысляхъ, которое вызывалось въ человѣкѣ этимъ наплывомъ, и тѣмъ, что при одинаковыхъ условіяхъ у всякаго другаго, одинаково развитаго человѣка, возстанутъ изъ недѣятельнаго интеллекта тѣ-же самые ряды представлений. Физиологическій законъ понимается ясна, если поставитъ возлѣ него его измѣненіе, или отклоненіе въ сторону патологическими причинами, такъ напримѣръ, въ бреду сумасшедшаго слышится безпорядочная смѣна представлений, не имѣющихъ ничего общаго между собою и, какъ извѣстно, бредъ одного сумасшедшаго или больнаго не имѣетъ ничего общаго съ бредомъ другаго больнаго.

Такимъ образомъ мы видѣли, на какомъ основаніи въ нормальномъ состояніи интеллекта каждая возникающая въ нашемъ мышленіи, дѣятельная интеллектуальная формація, будь это воспріятіе или представленіе, зоветъ къ себѣ на помощь, для совмѣстной интеллектуальной работы, другое или цѣлую ихъ группу, въ силу ихъ сродства по содержанію, или потому, что послѣднія уже прежде встрѣчались на опытѣ въ пространствѣ или въ слѣдованіи во времени. Слѣдовательно, въ природѣ нашего мышленія лежитъ основа для усвоенія каждаго вновь образовавшаго представленія объекта опыта тѣмъ, что изъ прежде добытаго знанія собирается для совмѣстной дѣятельности съ новымъ представленіемъ все ему сродное по содержанію или по отношенію въ пространствѣ и во времени. Такую группировку представлений въ данный моментъ на дѣятельной аренѣ мышленія, называютъ ассоціаціею представлений.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что каждая группа ассоціированныхъ такимъ образомъ интеллектуальныхъ единицъ не можетъ быть безпорядочною, а совершается, на основаніи вышеизложенныхъ законовъ; далѣе каждая такая ассоціація должна на основаніи этихъ законовъ способствовать развитію познанія. Такимъ образомъ, отъ собранія въ познаніи нѣсколькихъ фактовъ, одновременно существующихъ во виѣшнемъ мірѣ, расширяется познаніе сосуществованія вообще въ природѣ; отъ

собранія нѣсколькихъ случаевъ непосредственнаго слѣдованія явленій увеличивается познаніе связи и отношенія явленій внѣшняго міра во времени. Отъ группировки нѣсколькихъ представленій, сродныхъ по содержанію, кругъ познанія, расширяется потому что мы узнаемъ содержаніе не отдѣльныхъ предметовъ, а общіе отличительные признаки цѣлыхъ группъ внѣшнихъ предметовъ.

При этомъ, послѣ изложенія законовъ ассоціаціи представленій, на основаніи нашей теоріи, невольно возникаютъ слѣдующіе вопросы: во 1) если дѣятельное представленіе есть причина ассоціаціи группы, то могла ли каждая часть его содержанія, т. е. каждое изъ воспріятій, въ немъ содержащихся, вызвать отдѣльную группу, сродную по содержанію съ этимъ воспріятіемъ. Слѣдствіемъ этого была-бы разнохарактерность собранной группы и потому бесплодность ея для интеллектуальной работы, стремящейся, въ каждый моментъ времени, усвоить одно только новое представленіе, или же группу однородныхъ, или наконецъ понять одно или только нѣсколько однородныхъ отношеній. Однако мы знаемъ, что на дѣлѣ, при нормальной интеллектуальной работѣ, группа представленій, собранныхъ въ данный моментъ, болѣе или менѣе однородна по содержанію, и вызывается не всѣми воспріятіями каждаго представленія, но одною только частью его содержанія, а другія части не принимаютъ въ тотъ моментъ участія въ ассоціаціи представленій. Далѣе, можетъ быть, что одно и тоже представленіе, вызвавшее разъ къ дѣятельности группу представленій, вслѣдствіе ихъ сродства съ одною частию его содержанія, въ другомъ случаѣ будетъ причиною совершенно иной группировки дѣятельныхъ представленій, вслѣдствіе того, что сила тяготѣнія перейдетъ на другую часть ея содержанія. Спрашивается, что именно обусловливаетъ въ данный моментъ ту, а не другую группировку? Такъ, если мы возьмемъ наши прежніе примѣры, то Рейнь могъ бы вызвать во мнѣ теченіе представленій совсѣмъ не сродное первому. Рейнь могъ возбудить во мнѣ представленіе перехода чрезъ него французовъ въ послѣднюю войну; затѣмъ представленіе о ихъ пораженіи, слѣдовавшаго за переходомъ а это представленіе въ свою очередь о Наполеонѣ III-мъ, какъ виновникѣ этого. Послѣднее вызвало бы представленіе о Наполеонѣ I-мъ и вредѣ, причиненномъ имъ и его преемниками Франціи и всему человѣчеству. Кристалль могъ своимъ блескомъ вызвать во мнѣ представленіе не только другихъ кристалловъ, но и брил-

ліантовъ, которые я видѣлъ на балу на знакомой мнѣ женщинѣ, женщина или балъ могли бы въ свою очередь вызвать новые ряды представлений, связанныхъ съ ними и т. п.

Болѣе глубокой анализъ всякой группировки представлений покажетъ намъ, что она всегда совершается на основаніи тѣхъ же, нами изложенныхъ, незыбимыхъ законовъ мышленія. Хотя волчокъ падаетъ то на одну, то на другую сторону, тѣмъ не менѣе каждое его паденіе не зависитъ каждый разъ отъ особенной воли рока, а есть ни что иное, какъ законный результатъ различной комбинаціи условий, сопровождающихъ его движеніе. Такъ на характеръ группы, вызванной представленіемъ, имѣетъ вліяніе во 1-хъ) преобладающая сила въ вызывающемъ къ дѣятельности представленіи одной изъ его составныхъ частей; во 2-хъ) количество болѣе или менѣе общаго содержанія и вслѣдствіе того большей или меньшей стремительной силы къ соединенію между представленіемъ, вызывающимъ группу къ дѣятельности, съ тѣми, которыя находятся въ потенциальномъ состояніи. Чѣмъ они сходятъ между собою, тѣмъ и репродукція въ этомъ направленіи болѣе обезпечена. Такъ напр., представленіе свѣтоваго спектра почти всегда вызываетъ представленіе радуги. Въ 3) изъ потенциальныхъ представлений, имѣющихъ общее содержаніе съ дѣятельнымъ, скорѣе возбуждятся тѣ къ дѣятельности, которыя сильнѣе, чаще репродуцировались. Такъ напр. въ людяхъ, различной профессіи, одно и то же представленіе вызоветъ разнородныя теченія представлений, потому что спеціальныя занятія людей, какъ намъ уже извѣстно, обусловливаютъ преобладающую силу однихъ группъ представлений надъ всѣми остальными. Такъ напр. у врача, блѣдная женщина вызоветъ представленіе о потерѣ крови; это, въ свою очередь, представленіе болѣзней, которыя сопровождаются потерей крови. Поэтъ съ блѣдностью лица женщины соединяетъ представленіе о страданіи ея отъ любви, отъ измѣны и т. п.

4) Если дѣятельный элементъ встрѣчаетъ въ интеллектѣ однородный ему элементъ, въ потенциальномъ состояніи, но связанный съ другими представленіями вслѣдствіе предшествовавшаго опыта, то непременно войдетъ въ группу вся связь, а если ихъ было нѣсколько, то сильнѣйшая изъ нихъ. 5) Если до ассоціаціи представлений, или во время ея, высшая интеллектуальная сила находится въ познаніи въ дѣятельномъ состояніи, то она побѣждаетъ слабѣйшія противныя ей теченія и допускаетъ движеніе только тѣхъ представлений, которыя своимъ содержаніемъ под-

ходить къ содержанію этой высшей интеллектуальной силы. Такъ напр. если во время разсматриванія научнаго объекта въ насъ господствуетъ желаніе разрѣшить имъ научный вопросъ, то побочныя теченія дѣлаются невозможными. 6) На направленіе теченій представленій имѣють огромное вліяніе чувства, волнующія въ данное время душу человѣка. Если человѣкъ находится подъ впечатлѣніемъ горя отъ потери близкаго человѣка, то все другое ему на умъ нейдетъ, кромѣ однихъ только представленій, подходящихъ къ его горю, каковы напр. представленіе смерти, или другія, находящіяся въ связи съ послѣднимъ напр., представленіе могилы, загробной жизни и т. д.; эти представленія непременно побѣдятъ всѣ остальные теченія, готовые, проявиться въ мышленіи. 7) Представленія опредѣленнаго содержанія, выработанныя въ человѣкѣ, которыя долго продудировали свою дѣятельность въ мышленіи, и вслѣдствіе истощенія перешли въ потенціальное состояніе, съ трудомъ принимаютъ участіе въ новыхъ группировкахъ представленій, пока силы ихъ не возстаноятся. Тогда гораздо легче собираются въ дѣятельную группу представленія менѣе сродныя прежней группѣ, потому что ихъ потенціальная сила долго не расходовалась. Такъ напр. Утомленному врачу въ минуты отдыха мучительно говорить о медицинѣ; серьезные люди, послѣ мыслеваго труда, любятъ музыку и развлеченія и т. п. 8) Наконецъ побудительнымъ стимуломъ къ направленію цѣлой группы, или послѣдовательнаго теченія представленій, могутъ быть не только представленія явившіяся извнѣ, но и самыя органы чувствъ, ихъ нервы или мозговая ткань. Такъ потемнѣніе прозрачныхъ срединъ глаза, которое своими контурами напоминаетъ знакомое представленіе, можетъ вызвать его къ дѣятельности, а за нимъ рядъ ему соотвѣтствующихъ представленій. Эта связь, вслѣдствіе постоянного присутствія причины, вызывающей представленіе во время бодрствованія, развивается очень сильно. Сначала больные жалуются на неотвязность этихъ представленій, но чѣмъ больше преобладаетъ въ мышленіи эта незаконная группа, тѣмъ болѣе она нарушаетъ равновѣсіе въ мышленіи до совершенной порчи его механизма, т. е. до сумасшествія. Съ развитіемъ сумасшествія больные уже не сомнѣваются, что безпрестанно стоящая предъ ними фигура есть чортъ и т. п. Звонъ въ ухахъ, галлюцинаціи почти всегда вызываютъ рядъ имъ соотвѣтствующихъ представленій, составляющій

содержаніе бреда, преслѣдующаго сумасшедшихъ. * Активная сила можетъ передаваться представленіямъ, независимо отъ органовъ чувствъ и психо-интеллектуальныхъ формацій. Этотъ толчекъ можетъ сообщиться и со стороны ячеекъ мозга, находящихся въ связи съ интеллектуальными формаціями и этимъ путемъ вызвать ихъ къ дѣятельности, а вслѣдъ за ними и соотвѣтствующіе имъ ряды представленій, какъ напр. это бываетъ во время приливовъ и воспаленій оболочекъ мозга, причеиъ всегда происходитъ измѣненіе питанія коркового вещества большихъ полушарій, а также во время отравленій спиртомъ, наркотическими средствами, особенно опиѣиъ и гашишомъ. Въ этихъ случаяхъ, такъ какъ раздраженіе выходитъ изъ многихъ мозговыхъ ячеекъ, при ассоціаціи представленій прежня законность невозможна, а одинъ рядъ представленій, вызванный изъ одной точки, перепутывается съ рядами, идущими съ другихъ мѣстъ. Беспорядочный бредъ, перескакивающій съ группы представленій одного содержанія на другую, неимѣющую ничего общаго съ предъидущей, характеризуетъ эту ненормальную ассоціацію представленій. Далѣе, каждое ощущеніе, вызванное измѣненіемъ въ тѣлѣ, если нѣтъ болѣе сильныхъ стимуловъ, можетъ вызвать въ свою очередь тоже ряды представленій. Такъ во снѣ руки, попавшія на грудь, своею тяжестью вызываютъ ощущеніе, за которымъ слѣдуютъ представленія душенія, разбойниковъ и т. п. Съ развитіемъ половой системы, раздраженіе нервовъ половыхъ органовъ вызываетъ

* Dumont изъ 120 слѣпыхъ, (не считая въ этомъ числѣ страдающихъ явнымъ пораженіемъ мозга), нашелъ, что 37 представляли разстройство въ психо-интеллектуальной сферѣ, выразившееся галлюцинаціями, ипохондріей, маніей и безуміемъ (démence) см. *Moniteur des hôpitaux* 1857 p. 215 et 265.

Boisson рассказываетъ про молодого человѣка, лишившагося разсудка вслѣдствіе катаракты, развившейся на обоихъ глазахъ. Удачная операція, возвратившая ему зрѣніе, восстановила его умственное состояніе, бывшее до того времени въ разстройствѣ. Luys (op. cit. p. 242) приводитъ случай, описанный Panschapp'омъ: у одной швеи, вслѣдствіе утомительной почной работы развился воспаленіе глазъ. Не смотря на это горькая пужда заставляла ее продолжать питье, у больной стало двоиться въ глазахъ (diplopia duplex), вслѣдствіе чего она видѣла свою руку, иглу и шовъ 4 раза, т. е. 4 руки, 4 иглы и 4 шва. Въ началѣ она очень хорошо понимала, отчего это происходитъ, но спустя нѣсколько дней, вслѣдствіе слабости и душевнаго волненія, она начала вѣрять, что она дѣйствительно дѣлала 4 шва разомъ и рассматривала этотъ фактъ, какъ чудо ниспосланное Богомъ, сжалившимся надъ ея бѣдственнымъ положеніемъ. Знаменитый психіатръ Baillarger описываетъ подобные случаи въ своемъ сочиненіи.

обычный рой представлений, который и дѣлается господствующимъ въ мышленіи юношескаго возраста. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что направленіе всякой группировки дѣятельныхъ представлений въ каждый моментъ мышленія есть результатъ комбинаціи нѣкоторыхъ причинъ.

Въ заключеніе мы должны добавить еще слѣдующее. Хотя мы видѣли, что вслѣдствіе законности въ группировкѣ представлений преобладающимъ характеромъ группы должна быть однохарактерность ея, однако къ каждой группѣ непремѣнно должны примѣшиваться и не подходящіе подъ общій строй дѣятели. Такъ мы уже видѣли, что представленіе, вызвавъ къ дѣятельности другое, сродное ему по содержанію, этимъ самымъ вызываетъ тоже къ дѣятельности и связи послѣдняго, хотя опѣ ни по содержанію, ни по сосуществованію, ни по послѣдовательности не могутъ имѣть ничего общаго съ характеромъ остальной въ то время дѣятельной, группы. Но эти неправильности устраняются поставленнымъ нами третьимъ психо-интеллектуальнымъ закономъ, *въ силу котораго преобладающая дѣятельная психо-интеллектуальная сила въ мышленіи связываетъ всѣ другія слабѣйшія, дѣйствующія въ тоже время, дѣятельности которыхъ несогласна съ направленіемъ первой.* А какъ сила сродныхъ представлений группы всегда будетъ превышать единичныя силы разнородныхъ представлений, случайно попавшихъ въ группу, то сила послѣднихъ будетъ парализована, и однородность группы останется ненарушенной.

§ 8. Смѣна рядовъ представлений.

Если мы прослѣдимъ за дѣятельностью одной и той же группы представлений отъ перваго появленія ея въ сознаніи, то увидимъ, что послѣ болѣе или менѣе долгаго времени эта группа непремѣнно исчезаетъ изъ сознанія и замѣняется другою. Сцена остается таже самая, но актеровъ мы находимъ совершенно другихъ, если занавѣсъ не совсѣмъ опускается, вслѣдствіе прекращенія мыслевой дѣятельности во снѣ. Но время продолжительности этой работы каждой дѣятельной группы бываетъ весьма различно, чѣмъ сильнѣе члены этой группы, тѣмъ ея работа продолжительнѣе. У маленькихъ дѣтей, или даже у взрослыхъ съ незначительнымъ развитіемъ интеллектуальной силы, особенно у идиотовъ и сумасшедшихъ, однаи таже группа представлений не можетъ остаться дѣятельной впродолженія даже короткаго времени. Уже Esquirol * призналъ

* Esquirol, t. I, p. 11.

невозможнымъ воспитывать идіотовъ, вслѣдствіе быстраго утомленія ихъ вниманія. Онъ рассказываетъ слѣдующее: „желая снять гипсовыя маски съ большаго количества сумасшедшихъ, я успѣлъ это сдѣлать у маніаковъ, даже у бѣсновавшихся (*furieux*) и у меланхоликовъ; но отъ идіотовъ я никакъ не могъ добиться, чтобы они держали глаза закрытыми въ продолженіи надлежащаго для того времени, не смотря на самое желаніе со стороны ихъ сдѣлать это. Такъ нѣкоторые изъ нихъ даже плакали о неудавшейся формировкѣ ихъ головы (*le moulage de leur tête*). Я нѣсколько разъ снова принимался за дѣло, но напрасно, они не могли оставаться въ данной имъ позѣ и держать глаза закрытыми болѣе одной или двухъ минутъ“. Сумасшедшіе съ атрофіей мозговой коры не могутъ поддерживать разговора болѣе нѣсколькихъ минутъ; ихъ представленія безпрестанно мѣняются и мысль безсвязно перескакиваетъ отъ одного предмета къ другому. Отличительный характеръ таковыхъ смѣнъ группъ представленій заключается въ быстротѣ, и потому смѣняющіяся группы, за неимѣніемъ времени для перехода большей части сродныхъ представленій изъ потенціального состоянія очень незначительны, какъ по количеству представленій, такъ и по объему и содержанію каждаго изъ нихъ. У нормальныхъ людей съ очень подвижными представленіями, какъ напр. у поэтовъ, одна группа быстро вызываетъ другую, по случаю большой подвижности представленій и способности ихъ входить между собою въ связи даже и при очень отдаленномъ между ними сходствѣ въ содержаніи. Тутъ ряды и группы представленій бывають очень значительны вслѣдствіе богатства фантазіи, т. е. очень подвижной натуры представленій, вслѣдствіе легкаго ихъ перехода въ дѣятельность и богатства опыта, т. е. запаса, откуда берутся представленія, какъ матеріаль для разнообразныхъ сочетаній, но вслѣдствіе относительно быстрой перемѣны группъ представленій они развивають обыкновенно только одностороннюю дѣятельность въ мышленіи. Ученый и мыслитель очень долго удерживаетъ одну и ту же группу представленій, которая только временно прерывается другими, чтобы опять занять свое прежнее мѣсто на аренѣ дѣятельности, потому что при научныхъ занятіяхъ нужно много времени, пока представленія богатыя своимъ содержаніемъ въ головѣ ученаго разовьютъ всестороннюю силу своего познанія.

Всѣ другія группы представленій, неимѣющія ничего общаго съ спеціальностію этого ученаго, очень не долго остаются дѣятельными и

легко смѣняются обычной ассоціаціей представлений не ученаго содержанія. Такъ люди, преданные наукѣ, или постоянно преслѣдующіе какую нибудь высшую идею, очень поверхностно судятъ объ обыкновенныхъ житейскихъ предметахъ. Человѣкъ, пораженный сильнымъ горемъ, очень долго и неотвязно преслѣдуется представленіями этого горя.

Спрашивается, отчего вообще мѣняются группы представлений, и отчего зависитъ разница во времени дѣятельности различныхъ группъ, не только у различныхъ людей, но даже у одного и того же человѣка, и что вызываетъ замѣну одной группы представлений другою во время мышленія; какая сила служить кормчимъ, мѣняющимъ теченіе нашихъ мыслей?

Намъ извѣстно, что польза для нашего познанія и для развитія нашей интеллектуальной силы получается отъ нашихъ психо-интеллектуальныхъ формацій вообще и представлений въ особенности только во время ихъ дѣятельности; какъ бы ни былъ богатъ при этомъ нашъ опытъ, но если его результаты лежатъ неподвижно въ психо-интеллектуальномъ хранилищѣ, то ихъ потенциальная сила есть мертвый капиталъ познанія, какъ будто не существующій для его носителя. Далѣе мы знаемъ, что поле для дѣятельности мыслевыхъ процессовъ очень ограничено. Изъ сказаннаго вытекаетъ необходимость смѣны, послѣ болѣе или менѣе продолжительной дѣятельности, каждой активной группы другой, когда предшествующая сослужила свою службу, т. е. когда каждая часть изъ выработаннаго опытомъ знанія, каждая отдѣльная группа представлений даннаго содержанія даетъ въ совмѣстномъ содѣйствіи свою посильную лепту для увеличенія пониманія и умственной силы вообще. Если представленія суть организованные въ насъ индивиды, составляющіе части цѣлаго человѣческаго организма съ присущей имъ интеллектуальной силой, то они въ маломъ должны относиться къ своей функціи, какъ весь организмъ относится къ продуцируемой имъ силѣ вообще. Естествоиспытатели принимаютъ, что воображаемый ими атомъ представляетъ въ себѣ относительно своей величины тѣже свойства, что и большія массы, какъ напр., вся земля. Такъ они утверждаютъ, что этотъ атомъ развиваетъ силу притяженія и отталкиванія, представляетъ полюсы и т. д. Тоже самое мы находимъ и въ мышленіи. Каждое представленіе, или однородная группа представлений находится въ такихъ-же условіяхъ относительно продуцируемой ими работы, какія представляетъ весь организмъ человѣка, не смотря на огромную разницу

между величиной послѣдняго и недоступными для глазъ малыми психоинтеллектуальными дѣятелями его мышленія. Каждый человѣческій индивидъ представляетъ большую или меньшую силу. Она зависитъ отъ условій зарожденія, его индивидуальности, питанія, возраста и т. п. Человѣкъ, произведшій физическую работу, если она истощитъ значительный запасъ потенциальной силы, полученный имъ изъ пищи, устаетъ; его работа дѣлается слабѣе и слабѣе, пока не наступитъ полное истощеніе силъ и окончательная невозможность работы. Если этотъ человѣкъ приметъ пищу и подождетъ, пока потенциальная сила снова не вступитъ въ органы и ткани, и снова не вознаградитъ потерю отъ механической работы, то онъ опять будетъ въ состояніи бодро работать, пока не потребуетъ абсолютный отдыхъ въ видѣ сна. Съ работой каждаго изъ представлений, или каждой совмѣстной группы представлений повторяется очевидно тоже самое. Интеллектуальная сила, продуцируемая представленіями, какъ мы уже знаемъ, обусловливается индивидуальностью каждаго изъ нихъ. Она зависитъ отъ развитія его составляющихъ воспріятій, отъ энергіи его образованія, отъ его питанія и т. п. Мы уже сказали, что дѣти и вообще люди съ слабой мыслевой дѣятельностью не въ состояніи долго удерживать въ себѣ одну и ту же мыслевую группу. Если дѣятельныя представленія данной группы ничтожны по содержанію и силѣ, то они въ короткій промежутокъ времени истощаютъ свой интеллектуальный запасъ и вслѣдствіе своей слабости легко замѣщаются другими. Вліяніе пищи на каждую мыслевую работу не подлежитъ сомнѣнію, голодъ ее парализуетъ, избытокъ питанія лишаетъ человѣка энергіи мысли, убиваетъ любознательность. Люди способные могутъ очень долго и энергично обдумывать одинъ и тотъ же предметъ, потому что, какъ мы уже знаемъ, у способныхъ натуръ вырабатываются энергическія мыслевыя формаціи. По мѣрѣ того, какъ представленіе работаетъ оно устаетъ. Чѣмъ сильнѣе представленіе, тѣмъ позже настаетъ утомленіе и прекращается его работа. Такъ прилежныя дѣти въ началѣ урока очень внимательны, но къ концу дѣлаются разсѣянными. Внѣшнія явленія и предметы окружающей ихъ среды въ началѣ урока ими не замѣчались, потому что сознательная и энергическая работа научныхъ представлений своей силой не допускала посторонней дѣятельности несродныхъ движеній въ познаніи; но по мѣрѣ ослабленія работы этихъ представлений, чуждыя внѣшнія явленія чрезъ органы чувствъ

мало по малу дѣлають брешы во вниманіи т. е. въ однородной дѣятельной группѣ представлений. Дѣти начинаютъ смотрѣть по сторонамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ о постороннихъ предметахъ. Но, какъ только вслѣдъ за этимъ утомленіемъ новая группа представлений замѣнитъ прежнюю напр., рассказанный учителемъ анекдотъ, или новое занятіе, или урокъ другаго мыслеваго содержанія сдѣлается предметомъ мышленія, — работа снова идетъ бойко, вниманіе на ней опять сосредоточивается и внѣшніе предметы больше не вызываютъ неподходящихъ къ занятію представлений.

Если ученику, прежде внимательному, когда онъ во время усталости начинаетъ разсѣиваться и скучать, дать, смотря по усталости, часъ, два или три отдыха, у него работа снова пойдетъ бойко. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ мышленіи взрослыхъ. Чѣмъ сильнѣе извѣстныя группы представлений, тѣмъ онѣ дольше не подвергаются усталости; такъ, ученые спеціалисты, обладающіе представленіями своей спеціальности, богатыми какъ содержаніемъ, такъ и сильными отъ частаго повторенія, могутъ непрерывно по нѣсколько часовъ обдумывать одинъ и тотъ же предметъ, не уставая и не мѣняя своего направленія мыслей, не смотря на шумъ, говоръ и др. явленія, ихъ окружающія. Но какъ поле для дѣятельности представлений очень мало, а всякій предметъ науки состоитъ изъ множества представлений, то они всѣ вмѣстѣ не могутъ помѣститься для совмѣстной дѣятельности, а потому ихъ отдѣльныя группы послѣдовательно, сообразно съ ихъ умственной связью, замѣняются въ мыслевой работѣ, пока всякая изъ нихъ отдѣльно не дастъ умственныхъ результатовъ, которые впослѣдствіи слагаются въ интеллектъ въ одно общее знаніе.

Послѣ того, какъ группы обычнаго мышленія каждаго человѣка, пребывая съ продолженіе дня въ дѣятельности, къ вечеру попеременно утомились, а органы чувствъ и нервная система, независимо отъ первыхъ, также истощили свои силы и не въ состояніи дать новыхъ стимуловъ для измѣненія направленія мышленія, является потребность сна. „Утро вечера мудренѣе“ выражаетъ всеми признанную истину, что мыслевая энергія дѣятельныхъ группъ представлений увеличивается послѣ сна, когда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ къ интеллектуальнымъ тѣламъ притекала пища съ потенціальной силой, которая не расходовалась во снѣ, вслѣдствіе недѣятельности мыслевой функціи. Такая же потребность сна является и при утомленіи одной только груп-

пы представленій или даже одного только воспріятія или представленія, когда на смѣну ему не являются новыя дѣятельныя представленія для поддержанія мыслевой работы. Такъ даже въ началѣ дня, когда мозгъ и органы чувствъ еще вовсе не успѣли утомиться, продолжительное занятіе однимъ и тѣмъ же, да притомъ скучнымъ предметомъ, одностороння, безсодержательная бесѣда, монотонная мелодія и т. п. вызываютъ ничѣмъ неудержимую зѣвоту и большую склонность ко сну. Гипнотическіе опыты основаны именно на произвольномъ сосредоточеніи вниманія на одномъ и томъ же внѣшнемъ явленіи, причемъ, если наступить истощеніе, ему соотвѣтствующаго воспріятія или представленія прежде, нежели явится въ мышленіи новая дѣятельная группа, то за этимъ истощеніемъ слѣдуетъ сонъ. Слѣдовательно работа, продуцируемая въ каждый данный моментъ мышленія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть функціей мозга, потому что тогда онъ долженъ былъ бы работать во время дѣйствія каждой мыслевой группы, и усталость его необходимо должна была бы повлечь за собою общую усталость всего мышленія. Мы видимъ наоборотъ, что каждое представленіе и однородная группа работает и устаетъ сама по себѣ, потому что, съ перемѣной работающей группы представленій прежняя усталость замѣняется энергической работой. Если эта перемѣна не послѣдуетъ, то неизбѣжно является истощеніе мыслевой функціи, несмотря на бодрое еще состояніе мозга и его органовъ чувствъ. Если бы эта мыслевая работа была только функціей мозга или происходила отъ одного только источника, то мыслевая работа должна была быть согласною во всѣхъ ея направленіяхъ, а тутъ мы видимъ совершенно противоположное: между различными группами представленій и ихъ теченіями существуетъ какъ бы борьба за существованіе на аренѣ дѣятельности въ мышленіи. Пока одна дѣйствующая группа сильна, другія оказываются безсильными ее побѣдить; но если первая успѣла истощиться и ослабѣть, или, если она слаба по природѣ, то легко побѣждается новымъ наплывомъ и вытѣсняется съ поля дѣйствія. Одна группа представленій можетъ побѣдиться другой и безъ истощенія со стороны побѣжденной группы интеллектуальныхъ силъ, а только вслѣдствіе того, что новая группа или ея предводитель сильнѣе той, которая находится въ дѣятельности. Какъ бы человѣкъ не былъ углубленъ въ свою думу, но какое нибудь внезапное или сильное внѣшнее явленіе, появившееся передъ органами чувствъ, какъ напр. необычайный предметъ, шумъ,

крикъ или чрезвычайное происшествіе вдругъ прерываетъ прежнюю думу и замѣняетъ ее новою.

Для того, чтобы избѣгнуть опасныхъ соперниковъ еще слабому научному теченію представленій учащагося, учитель старается, чтобы во время урока ничто не развлекало вниманія ученика — ни говоръ, ни предметы, обращающіе на себя вниманіе учащагося. Люди, желающіе избавиться отъ преслѣдующихъ ихъ непріятныхъ сочетаній мыслей, гдѣ всякій предметъ ихъ окружающей среды вызываетъ воспоминаніе ихъ горя, обиды и т. п., уѣзжаютъ путешествовать, чтобы новые предметы и новая обстановка съ перемѣной мѣста вытѣснили прежнюю группу представленій, сдѣлавшуюся обычной и дурно дѣйствующую на ихъ чувство*.

Итакъ мы видимъ, что причины перемѣны группъ представленій въ мышленіи суть слѣдующія:

1) Истощеніе интеллектуальной силы дѣйствующей группы работой, т. е. постоянной потерей активной силы, вслѣдствіе препятствій, встрѣчаемыхъ дѣятельными представленіями при ихъ движеніи, и потому, чѣмъ представленія дѣятельной группы сами по себѣ слабѣе, тѣмъ ихъ сила легче истощается и сами они побѣждаются другою.

* Изъ сказаннаго можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ: намъ извѣстно, что въ сознаніи въ данный моментъ можетъ сознаться одинъ только единичный процессъ, все равно, будь это воспріятіе или представленіе; поэтому, какимъ образомъ могутъ быть дѣятельными вмѣстѣ представленія въ цѣлой группѣ и какимъ образомъ при перемѣнѣ группировки дѣятельныхъ процессовъ, новое представленіе можетъ вытѣснить старую группу, тогда какъ, пока въ сознаніи работаетъ одно представленіе, туда не можетъ проникнуть новое, слѣдовательно поэтому и борьба невозможна? Но этотъ вопросъ можетъ только вытекать изъ непониманія разницы между дѣятельнымъ и сознательнымъ состояніемъ психо-интеллектуальныхъ формацій. Не всякое дѣятельное состояніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сознательное. Доказательство этого факта мы найдемъ при описаніи сознанія. Здѣсь достаточно только сказать, что всякая интеллектуальная формація непремѣнно образуется до ея сознанія, потому что мы сознаемъ не ея образованіе, а ея дѣятельность, и что сознаніе есть только высшая степень проявленія этой дѣятельности. То, что среди всей дѣятельной группы проявляетъ наибольшую дѣятельность, то въ данный моментъ сознается, и потому сознаніе можетъ быть только единичное, а мыслевая, несознанная дѣятельность въ это же время можетъ быть коллективною, состоящею изъ нѣсколькихъ силъ, потому что только она даетъ, какъ увидимъ ниже, результаты интеллектуальной работы, увеличивающіе наше познаніе. Далѣе мы увидимъ, что каждая вновь образовавшаяся интеллектуальная формація непремѣнно должна сознаться, т. е. проявить высшую степень дѣятельности, необходимой для сознанія, для того, чтобы эта формація сдѣлалась посто-

2) Дѣятельная группа можетъ вытѣсниться до истощенія запаса силъ, если какое нибудь новое явленіе или новая комбинація явленій, встрѣчающихся на опытѣ, очень сильно дѣйствуетъ или на наши органы чувствъ или на интеллектъ, или на чувство, или вслѣдствіе своей связи съ очень сильными представленіями, прежде въ насъ выработанными.

3) Одна мыслевая группа смѣняется другою потому, что силой первой вызывается изъ потенциальнаго состоянія рядъ новыхъ представленій, находящихся съ ней въ связи, но за неимѣніемъ мѣста въ сознаниі, слѣдующая группа продолжаетъ работу, начатую предъидущею только тогда, когда дѣятели первой группы уже кончили свою работу, т. е. дали интеллектуальный результатъ; такъ это бываетъ, какъ мы видѣли, при обдумываніи очень сложныхъ процессовъ, заключающихъ въ себѣ многочисленныя и объемистыя представленія, или же когда первая группа истощилась въ своей работѣ, не давъ никакого умственнаго приращенія, на подмогу является слѣдующая группа сроднаго содержанія.

4) Если среди мыслевой работы опредѣленнаго содержанія прорвалось въ дѣятельный токъ мышленія воспріятіе, или ощущеніе, или представленіе, которое иногда едва сознается, или можетъ и вовсе не сознаваться, но по своему средству съ прежде выработанной мыслию или съ чувствомъ, вызоветъ какую нибудь изъ этихъ высшихъ силъ къ дѣятельности, то дѣйствующая группа представленій можетъ связаться этой высшей интеллектуальной силой, появившеюся въ дѣятельности и замѣниться новой группой, вызванной той мыслию или чувствомъ.

Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не сознаются первоначальные мотивы, вызвавшіе такую мысль или такое чувство, думается, что человѣкъ своей собственной волей, помимо причинной связи, вызвалъ подъ вліяніемъ того желанія или чувства новое направленіе своего мышленія.

Вышесказанное достаточно доказываетъ нелѣпость подобныхъ метафизическихъ чудесъ, вызывающихъ силы безъ причины, являющіяся среди мышленія какъ внезапное *generatio equivoca*. На основаніи нашего ученія подобныя объясненія могутъ считаться совершенно отстра-

янной частью мыслеваго организма. Послѣ этого она можетъ перейти въ потенциальное безсознательное состояніе, а изъ него, вслѣдствіе полученнаго внѣшняго толчка, можетъ сдѣлаться снова сознательно или безсознательно дѣятельною. Впервые же образовавшаяся формація и не перешедшая вовсе въ сознаніе, дѣйствуетъ только пока сохраняетъ силу, полученную при своемъ образованіи; съ прекращеніемъ же ея она умираетъ для насъ.

ненными. Изъ вышесказаннаго мы убѣдились въ существованіи совершенно ясной и положительной законности, господствующей въ нормальной ассоціаціи нашихъ представлений, въ ихъ теченіи, въ проявленіи того или другаго содержанія представлений въ дѣятельномъ мышленіи, въ продолжительности дѣятельности каждой группы и въ замѣнѣ одной дѣятельной группы другою. Отъ непониманія этой законности все разнообразіе въ теченіи нашихъ мыслей, то кажется зависящимъ отъ случайностей, потому что безъ видимой причины оно направляется то въ ту, то въ другую сторону, то, по временамъ, кажется подчиненнымъ внѣшней силѣ, которую называютъ волей. Не очевидно ли, говорятъ психологи, что нельзя не видѣть огромной разницы между случайнымъ и беспорядочнымъ мышленіемъ и тѣмъ, которое направляется нашей волей? Подъ ея деспотическимъ вліяніемъ мы думаемъ объ одномъ и томъ же предметѣ долго: эта воля приостанавливаетъ существующую дѣятельную работу, и вноситъ на мѣсто прежняго новое содержаніе и направленіе нашего мышленія. „Фактъ вліянія воли на теченіе нашихъ представлений“, говоритъ Виндельбандъ *, „не подлежитъ сомнѣнію. Мы можемъ произвольно направлять и концентрировать наше вниманіе на воспріятіе опредѣленныхъ впечатлѣній, а также волей вызывать прежнія представленія въ сознаніе...“ „Въ произвольныхъ движеніяхъ, говоритъ онъ, мы имѣемъ предъ собою процессъ того перенесенія психической дѣятельности въ физическій міръ (на мышцы), которое до сихъ поръ насмѣхается надъ всякой человѣческой способностью объясненія. Но относительно вліянія воли на механизмъ представлений этого противорѣчія не существуетъ; тутъ психическая функція сознанный цѣли пользуется такими же психическими процессами“. (S. 271). „Послѣднее основаніе къ слитію (*Verschmelzung*) одинаковыхъ и сходныхъ представлений состоитъ въ сродствѣ соединенныхъ съ ними чувствъ. Что же такое эти чувства, вліяніе которыхъ на ходъ представлений несомнѣнно? Ничто иное, какъ формы и способъ возбужденія безсознательной воли („*des unbewussten Willens*“). Но тутъ же онъ прибавляетъ, что никогда не нужно забывать, что „несознанное представленіе“, „не сознанный чувство“ „несознанное стремленіе“, „намъ означаетъ незнакомое психическое состояніе,

* W. Windelband. Ueber den Einfluss des Willens auf das Denken. Vierteljahrsh. f. wissenschaftliche Philosophie 1878. 3. Heft. S. 266 und ff.

само по себѣ непонятное, по которое необходимо нужно принять на основаніи извѣстнаго числа фактовъ“ (280).

Такимъ образомъ, непонятная ассоціація представлений, передвиженіе ихъ, направленіе рядовъ и смѣна одного ряда другимъ объясняется совершенно непонятной волей и еще менѣе доступной пониманію бессознательной волей. Безъ сомнѣнія, эти процессы отъ теоріи сознательной и бессознательной воли ни на волосъ не сдѣлались яснѣе, и также подчиняются безпричинной и чудесной волѣ какъ вѣтры и громы подчинялись въ познаніи древнихъ грековъ Юпитеру и Перуну. Захочетъ воля—и повергнетъ направленіе мыслей въ одну сторону, желаніе измѣнится и она, какъ полководецъ, посылаетъ въ поле мышленія новые полки представлений и т. д.

Не только у цитированнаго автора, но и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ психологовъ, если мы не встрѣчаемъ у нихъ слѣпото примѣненія къ данному вопросу жалкихъ теорій Шопенгауера и Вагнера о „бессознательной волѣ“, то всѣ они принимаютъ: 1) двоякаго рода направленіе мышленія и 2) двоякое вниманіе: произвольное и механическое. Первое руководится силой одной воли, а послѣднее законами средства, противоположности и т. п. представлений. Эти теоріи напоминаютъ толкованіе выигрыша и проигрыша игроками, бросающими камни. Они не объясняютъ себѣ, что паденіе камня вверхъ поверхностью съ большимъ или меньшимъ количествомъ очковъ зависитъ отъ взаимнаго положенія камней въ стаканѣ предъ бросаніемъ, отъ силы сотрясенія стакана, отъ высоты полета при подбрасываніи, отъ поверхности стола, отъ гладкости, шероховатости, наклонности въ томъ мѣстѣ, куда упали камни и т. п. Игроки въ причинѣ паденія камней той или другой стороною всецѣло винятъ судьбу: выпало больше очковъ—значить, судьба желала осчастливить игрока, меньше—она его преслѣдуетъ.

Въ нашей теоріи всѣ движенія представлений стали ясными, и мы ни разу не имѣли надобности объяснять ихъ чудесами, или метафизическими сказками въ видѣ бессознательной воли. Изъ нашей теоріи объяснилось, что раздѣлять наше мышленіе и вниманіе на произвольное и произвольное нѣтъ никакого основанія. Мы видѣли, что ассоціаціи представлений, ихъ дѣятельные ряды, направленіе и смѣна обуславливаются только, преобладаніемъ въ данный моментъ мышленія одной изъ интеллектуальныхъ единицъ. Если изъ интеллектуальныхъ единицъ,

вновь пришедшихъ въ дѣятельность, какая либо одна сильнѣе той, которая до того заправляла мыслевымъ движеніемъ, то она ее вытѣсняетъ и занимаетъ ея мѣсто; это—борьба за существованіе на аренѣ дѣятельности. Если одно дѣятельное воспріятіе или представленіе, мало сознательное, начинаетъ мыслевую игру, то мы считаемъ происхожденіе этого начала случайнымъ потому что формація, давшая толчекъ къ возникновенію ряда представленій какъ мало сознательная, легко забывается. Если оно вызвало къ дѣятельности сильное представленіе, которое въ свою очередь вызвало къ дѣятельности такую же сильную группу, то источникъ первоначальнаго толчка совсѣмъ не сознается, и человѣкъ принимаетъ за начало дѣятельности данной мыслевой группы то представленіе, которое отчетливо созналось при своемъ появленіи.

Остановясь въ сознаніи на данной дѣятельной мыслевой группѣ, мы оттого часто не можемъ себѣ дать отчета, откуда пришло въ голову то, о чемъ мы только что думали. Одинъ точный анализъ психолога можетъ, и то не всегда, найти исходную точку этого мышленія. Такъ напр. сидя за работой, вдругъ на мѣсто прежнихъ мыслей ученаго содержанія во мнѣ являются мысли о путешествіи по желѣзной дорогѣ; затѣмъ воспоминаніе прежнихъ путешествій, лицъ, съ которыми я ѣздилъ. Откуда этотъ рой? Думалъ я совершенно о другомъ; мысль путешествія была отъ меня далеко. Не случайная ли это мечта? Нѣтъ. Въ то время когда я занимался, раздался свистъ фабричной паровой машины. Углубленный въ работу, я почти не созналъ этого свиста; представленія научныя утомились, ослабли, а ворвавшееся въ мое мышленіе воспріятіе свиста, среди окружающей тишины, оказалось сильнѣйшимъ въ данный моментъ и начало свою работу ассоціаціи.

Но кромѣ простыхъ представленій, въ насъ могутъ жить, какъ извѣстно, цѣлыя синтезы представленій, въ видѣ мыслей, идей. Содержаніе ихъ можетъ заключать извѣстныя цѣли и стремленія. Если какія нибудь изъ этихъ мыслей и идей вызовутся къ дѣятельности и будутъ сильнѣе *въ данный моментъ* продолжающагося мышленія, то работа мышленія пойдетъ по ихъ направленію. Сознательное ихъ стремленіе и цѣль намъ кажутся волей, потому что мы знаемъ только силу, а не носителей ея. Какъ я не зналъ сначала, что свистокъ машины былъ причиной моихъ мечтаній о путешествіи, такъ обыкновенно и тутъ не сознается та сила, которая вызвала къ дѣятельности эту мысль или идею, и она одна стоитъ въ нашемъ познаніи,

какъ причина даннаго мышленія, для которой какъ будто въ свою очередь нѣтъ причины, какъ чудо. Но мы уже убѣдились, что, какъ камень самъ собою не полетитъ въ воздухъ, такъ ни одна интеллектуальная единица безъ активной силы не двинется въ мышленіи, и не соберется ни одна группа представленій. Чѣмъ выше активная интеллектуальная сила, тѣмъ она дольше можетъ удерживать свои группы представленій въ дѣйствиіи и тѣмъ дольше можетъ противодѣйствовать на пору новыхъ свѣжихъ, но нисшихъ силъ, стремящихся вытѣснить ея группу. Но какъ бы человѣкъ ни хотѣлъ сосредоточить свое вниманіе на данномъ предметѣ, какъ бы онъ не старался поддержать извѣстный рядъ мыслей, если дѣятельная группа устала, такъ называемая, произвольная работа прекращается и ее замѣняетъ другая, идущая противъ направленія этой мыслевой воли. Неужели явленіе, не нуждающееся въ причинѣ, можетъ подвергаться такой тѣлесной слабости, которая называется усталостью? Наоборотъ, если какое нибудь представленіе въ человѣкѣ, возбужденное чувствомъ, развиваетъ чрезмѣрную силу, то никакая воля, никакія другія представленія не въ состояніи замѣнить ни его, ни его группы въ познаніи другимъ представленіемъ, или другой группой. Такъ напр., передъ глазами убійцы постоянно стоитъ окровавленная жертва, безпрестанно слышатся ея стоны и проклятія. Эта группа представленій не даетъ установиться психическому равновѣсію, лишаетъ убійцу сна, аппетита и спокойствія. Никакая воля, никакая молитва не можетъ надолго вытѣснить эту группу представленій изъ души убійцы: она, какъ стадо коршуновъ, неотвязно и часто до смерти клюетъ душу преступника и доводитъ его часто до покаянія или самоубійства.

Далѣе, мы видимъ, что одно, такъ называемое произвольное мышленіе, вытѣсняетъ другое и занимаетъ его мѣсто. Такъ напр., я сознательно занимаюсь обдумываніемъ плана какого нибудь сочиненія; но одно изъ представленій этого плана, напр. названіе болѣзни, напоминаетъ мнѣ опасно больнаго, котораго въ тотъ день я забылъ навѣстить и моя мысль посвящается больному. Что же эта борьба воли съ самой собой? Тогда нужно принять множество волей и столько, сколько интересовъ могутъ заставить человѣка думать и дѣйствовать. Въ то время, когда я думаю и готовъ дѣйствовать подъ вліяніемъ одного интереса, можетъ образоваться въ моемъ мышленіи дѣятельнымъ другой — сильнѣйшій, который, побѣдивъ первый, направитъ мысль и дѣйствія въ свою сторону.

Какъ бы такъ называемая воля—сознательная или бессознательная—не заставляла меня думать о какомъ нибудь предметѣ, но если придетъ голодъ, то также воля послѣдняго сдѣлается въ тотъ моментъ самой сильной волей, и я, и мои мысли будутъ исключительно посвящены добыванію пищи. Если какая нибудь неизвѣстная сила приходитъ въ соприкосновеніе и зависимость отъ извѣстной физической силы, то и неизвѣстная непременно должна быть физической, а не сверхъестественной силой.

Если мы даже сознательно прослѣдимъ вліяніе такъ называемой воли на ассоціацію, то убѣдимся при этомъ, что все совершается на основаніи нами изложенныхъ законовъ, безъ всякаго участія воли. Такъ напр. мнѣ для извѣстной цѣли понадобилось припомнить имя какого нибудь человѣка, причемъ подъ давленіемъ интеллектуальной силы, содержаніемъ которой въ данномъ случаѣ будетъ и цѣль узнать имя, повторяются всѣ приемы ассоціаціи. Сначала движется въ мышленіи представленіе человѣка, имя котораго ищется, съ цѣлью вызвать изъ потенциальнаго состоянія прежде образовавшееся представленіе человѣка, связаннаго съ представленіемъ его имени. Но если та связь была слаба, то она давно порвалась, и этимъ путемъ искомое имя мнѣ не дается; тогда стремленіе къ знанію имени начинаетъ ассоціировать первыя буквы, которыми начинаются имена, такъ какъ иногда первая буква можетъ вызвать къ дѣятельности и цѣлое имя, котораго она есть начало. Если это не помогаетъ—начинаютъ перебирать слоги, и такимъ образомъ подъ давленіемъ мысли о необходимости знать данное имя передвигаются всѣ слоги, какъ части представленія имени. Этотъ маневръ иногда даетъ познаніе забытаго имени. Но случается, что и это не помогаетъ, нерѣдко бываетъ даже, что то, что именно мы желаемъ припомнить, ни за что не припоминается во время, а послѣ, когда мысль, вызвавшая прежнюю ассоціацію, ослабѣетъ, явится другая группа представленій изъ другой области—имя всплываетъ въ сознаніи, какъ будто само собой.

Изъ сказаннаго мы видимъ во 1) что для направленія нашего мыслеваго движенія и для измѣненія этого направленія и замѣны одного ряда представленій другимъ достаточно однѣхъ нашихъ интеллектуальныхъ силъ, и онѣ не нуждаются въ другой силѣ, внѣ ихъ стоящей; во 2) если въ мышленіи безпрестанно одна группа представленій вытѣсняется другой, и вытѣсненная теперь, въ свою очередь можетъ опять

появиться въ дѣятельности и вытѣснить третью и т. д., то эти группы должны касаться другъ друга и находиться въ пространствѣ связанными вмѣстѣ, а слѣдовательно должны составлять части одного цѣлаго. Такъ мы видимъ, что не смотря на разнообразіе нашихъ представленій, на разрозненность ихъ группъ въ дѣятельности, всѣ выработавшіяся въ человѣкѣ представленія вмѣстѣ суть одно цѣлое, одинъ органъ, а каждое представленіе или группа представленій составляютъ только часть этого органа.

§ 9. Образование интеллектуальныхъ формацій 3-й степени, общихъ представленій.

Группировка и ассоціація нѣсколькихъ представленій для совмѣстной работы въ данный моментъ мышленія есть первый шагъ или стадій мыслевой работы, но не самая мыслевая работа. Подъ словомъ „мыслить“ разумѣется то дѣйствіе, когда сгруппированныя представленія стремятся образовать изъ себя новый процессъ не существовавшій до этой работы, процессъ, приносящій съ собою новое знаніе, въ его содержаніи заключающееся. Этотъ результатъ, какъ мы знаемъ его изъ перваго тома и еще больше убѣдимся въ слѣдующей главѣ, дается или ассимиляціей (усвоеніемъ) новаго частнаго факта познанія общимъ синтезомъ, до появленія его уже разившемся въ интеллектѣ; или же соединеніемъ нѣсколькихъ частныхъ представленій въ одно общее, т. е. процессомъ дифференцированія изъ ткани частныхъ представленій—высшей, новой части психического органа. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что послѣдній процессъ мышленія возможенъ въ то время, когда вмѣстѣ работаютъ нѣсколько частныхъ факторовъ мышленія, изъ которыхъ могъ бы образоваться синтезъ. Если въ организмѣ дѣятельно какъ цѣлое только одно представленіе, то, не смотря ни на его объемъ, ни на силу, ни на продолжительность его дѣятельности, кромѣ познанія того, что содержится въ представленіи, ничего новаго не получится. Это состояніе, отличное отъ мышленія, есть представленіе, т. е. продуцированіе того только знанія, которое содержится въ представленіи.

Психологи называютъ это словомъ: „представлять“. Но и при одной только ассоціаціи представленій, собственно говоря, мыслевая работа среди нихъ отсутствуетъ, когда каждый изъ факторовъ даетъ только то, что отъ него получилось-бы, если бы онъ дѣйствовалъ одинъ; въ такомъ случаѣ мы получаемъ только познаніе дѣятельности въ насъ не одного, а нѣсколькихъ представленій, что опять не даетъ никакого ум-

ственного приращенія. Если такая группа представленій смѣняется другой и третьей съ такою же дѣятельностью, приче́мъ, какъ частныя представленія, такъ и прежнія ихъ связи заявляютъ въ насъ только о своемъ существованіи, то отъ этого тоже не можетъ получиться никакого прироста для умственного органа. Это состояніе интеллектуальной дѣятельности, т. е., если ассоціація представленій и смѣна однихъ рядовъ другими совершается на основаніи вышеизложенныхъ нами психологическихъ законовъ, называется *мечтаніемъ*, а самый актъ — „мечтать“. Если же у человѣка ассоціація и смѣна группъ представленій совершается не на основаніи психологическихъ (физиологическихъ) законовъ, а развивается подъ вліяніемъ болѣзненныхъ условій — у больныхъ, или вслѣдствіе недѣятельности высшихъ познавательныхъ силъ, какъ напр., во снѣ, то эта работа дѣятельныхъ группъ представленій называется „бредомъ“.

Первый стадій настоящей мыслевой работы въ дѣятельной группѣ представленій проявляется стремленіемъ къ дифференцированію среди нихъ ткани, т. е. къ соединенію отдѣльныхъ представленій въ одно болѣе сложное психическое тѣло. Первые результаты этихъ соединеній суть первыя обогащенія или приростъ интеллекта, развившіяся независимо отъ внѣшняго опыта, а данный самой внутренней работой представленій во взаимномъ ихъ отношеніи другъ къ другу. Наши воспріятія и представленія суть атрибуты нашего типа; они одинаково образуются у всякаго человѣка, вслѣдствіе его природы и въ зависимости отъ нея. Съ первымъ шагомъ взаимной работы интеллектуальныхъ тѣлъ между собою и ея результатовъ начинается индивидуальная особенность въ познаніи. Если воспріятія и представленія есть видовой общечеловѣческой фундаментъ, то дальнѣйшая постройка на этомъ фундаментѣ есть дѣло индивидуальности каждаго внутренняго архитектора. Причина, почему одни дѣятельныя группы представленій смѣняются въ сознаніи другими безъ мыслевой работы, а другія производятъ большую или меньшую мыслевую работу, безъ сомнѣнія зависитъ прежде всего отъ энергіи и развиваемой интеллектуальной силы каждой дѣятельной группой въ данное время. Всякій знаетъ, что правильно мыслить можетъ только свѣжій не уставшій человѣкъ, а мечтать можетъ даже и самый разслабленный.

Посмотримъ, какимъ образомъ получаютъ простѣйшіе результаты мыслевой дѣятельности.

Находящіяся въ данной дѣятельной группѣ представленія, собравшіяся тамъ вслѣдствіе изложенныхъ въ предыдущихъ параграфахъ интеллектуальныхъ законовъ и развивающія достаточную интеллектуальную силу, стремятся именно вслѣдствіе однородности ихъ частей къ соединенію между собою, — *по закону слитія интеллектуальныхъ тѣлъ одного и того же содержанія*. Но этому соединенію мѣшаетъ то, что каждое изъ этихъ представленій, кромѣ однороднаго содержанія съ другими представленіями, въ остальныхъ частяхъ имѣетъ различное содержаніе, характеризующее каждое представленіе, какъ отдѣльную и самостоятельную особь. Благодаря, этимъ условіямъ, мѣшающимъ представленіямъ дѣятельной группы вполне слиться въ одно цѣлое, обезпечено дальнѣйшее индивидуально-интеллектуальное развитіе. Какъ прерванный токъ крови въ сосудѣ, вслѣдствіе запруженія этого сосуда въ одномъ мѣстѣ, часто восстанавливается силой организма съ помощью образованія новыхъ анастомозирующихъ сосудовъ (побочныхъ каналовъ, восстанавливающихъ прерванное кровообращеніе между частями сосуда, находящимися выше и ниже препятствія), такъ и однородныя силы каждаго изъ представленій данной группы, остановленныя въ своемъ стремленіи къ слитію другими разнородными частями каждаго изъ тѣхъ представленій, соединяются между собою также окольнымъ путемъ. Въ анатоміи и патологіи существуетъ безспорный законъ, гласящій, что всякая клѣточка организма, находящаяся въ возбужденной дѣятельности, расположена къ новообразованію, т. е. даетъ изъ себя новую ячейку или клѣточку (пролиферація). Такъ, если въ физиологической жизни какого нибудь органа или ткани въ данное время происходитъ возбужденная дѣятельность, то количество ячеекъ, составляющихъ тотъ органъ или его части, значительно умножается. Такъ напр. мышцы увеличиваются и крѣпнута отъ упражненія; матка во время беременности увеличивается въ нѣсколько разъ сравнительно съ нормальнымъ объемомъ ея. Анатоми-микроскопическія изслѣдованія доказали, что это увеличеніе всегда зависитъ отъ размноженія ячеекъ нормальной ткани органа. Микроскопическія изслѣдованія также подтвердили, что и патологическое раздраженіе въ каждой части тѣла также точно сопровождается размноженіемъ ячеекъ раздраженной части. Вирховъ доказалъ, что воспаленіе тканей всегда сопровождается патологическимъ размноженіемъ ячеекъ воспаленной части. Мозоль образуется отъ гиперплазіи ячеекъ кожицы, вызванной треніемъ и т. п. Какъ одно-

родныя части представлений дѣятельной группы, вслѣдствіе стремленія ихъ къ соединенію, должны находиться въ большемъ возбужденіи, нежели остальные разнородныя части представлений, и какъ эти возбужденныя части суть организованныя ячейки, то они также должны, на основаніи вышензложеннаго закона, умножиться, что и дѣлается путемъ раздвоенія ячейки, при чемъ изъ одной таковой ячейки, ячейки-матери образуются двѣ тождественныя ячейки. Такъ положимъ напр. что въ данный моментъ въ насъ дѣятельна группа, состоящая изъ 5 представлений: a, b, c, d, e, g, acfbdi, lbdega, fiaebd, laxbyd,
 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1
 въ каждомъ изъ этихъ представлений содержатся однородные всѣмъ элементы a, b, d. Если бы въ этихъ представленіяхъ не содержалось ничего болѣе, кромѣ этихъ a, b, d, то они безъ сомнѣнія, какъ тождественныя, непосредственно за началомъ дѣятельности соединились бы между собою въ одно общее a, b, d, могущее развить только прежнее познаніе, содержавшееся въ каждомъ отдѣльномъ a, b, d, еще до соединенія. Но въ первомъ представленіи мѣшаются слитію c, e, g, во второмъ i, f, c, въ третьемъ l, e, g, въ 4-мъ f, c, e, и въ 5-мъ l, x, y, какъ видимъ, содержащіяся въ представленіяхъ съ a, b, d, вмѣстѣ. Эти то разнородныя элементы не допускаютъ до слитія представлений. Но вслѣдствіе стремленія a, b, d, къ слитію, ихъ возбужденіе, какъ мы видѣли, должно вызвать ихъ раздвоеніе; такъ изъ каждаго представленія получатся a, b, d, какъ новообразованія—
 abcdeg, acfbdi, lbdega, fiaebd, laxbyd.
 a'b'd' a'b'd' b'd' a' a'b'd' a'b'd'.

На основаніи закона соединенія между собою мыслевыхъ формаций, въ одно и тоже время образующихся въ интеллектѣ или непосредственно другъ за другомъ дѣйствующихъ, каждое a, b, d, должно соединиться въ одно представленіе, а какъ всѣ 5 a, b, d, тождественны, то они должны-бы слиться въ одно общее тѣло, представляющее сумму однородныхъ признаковъ пяти отдѣльныхъ представлений. Мы, дѣйствительно, послѣ работы болѣе или менѣе однородной дѣятельной группы представлений, когда эта работа идетъ къ правильному развитію интеллектуальной силы, чрезъ нѣкоторое время находимъ въ самомъ интеллектѣ увеличеніе прежняго объема познанія. Это увеличеніе состоитъ въ томъ, что къ прежде бывшимъ въ интеллектѣ, въ началѣ работы представленіямъ отдѣльныхъ объектовъ виѣшняго міра, по окончаніи работы прибавляется новая сила, дающая болѣе обширное, чѣмъ

прежде познаніе, а именно: кромѣ познанія атрибутовъ отдѣльныхъ объектовъ опыта—познаніе признаковъ цѣлаго класса этихъ объектовъ. Анализируя это вновь развившееся знаніе, мы убѣждаемся, что оно состоитъ именно изъ тѣхъ сродныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ каждаго отдѣльнаго представленія дѣйствовавшей группы. Сохраненіе въ познаніи до того образовавшихся въ интеллектѣ частныхъ, отдѣльныхъ представленій, собравшихся въ дѣятельную группу для мыслевой работы, и прибавленіе къ нимъ новаго, въ которомъ заключаются части только общія каждому изъ представленій, ясно указываетъ, что вновь образовавшееся знаніе развилось не на счетъ стараго знанія, а изъ него, съ сохраненіемъ тѣхъ частныхъ элементовъ, изъ которыхъ развилось это общее знаніе, а потому анатомическіе субстраты этихъ частныхъ функций должны были тоже сохраниться, не смотря на образованіе изъ нихъ новаго. Такъ напр., если опытъ далъ мнѣ сначала нѣсколько отдѣльныхъ представленій различныхъ деревьевъ, напр. яблони, тополя, сосны, березы и т. п., и если какая-нибудь активная сила, напр. видъ новаго дерева—дуба, вызвала въ одну дѣятельную группу всѣ прежде выработанныя во мнѣ отдѣльныя представленія деревьевъ, то въ каждомъ изъ нихъ находятъ общія части, присущія каждому представленію дерева. Каждое изъ нихъ имѣетъ корень, стволъ, листья, кору, каждое изъ нихъ питается, растетъ, цвѣтетъ, вянетъ, умираетъ и т. д. Черезъ нѣкоторое время послѣ работы этой группы представленій, кромѣ отдѣльныхъ познаній каждаго дерева изъ внѣшняго опыта, во мнѣ является еще новое познаніе, полученное только какъ результатъ мыслевой работы частныхъ представленій деревьевъ.

Во мнѣ появилось представленіе дерева, въ которомъ нѣтъ ни опредѣленной формы, ни листьевъ, ни цвѣтовъ и плодовъ, ни познанія цвѣта и вида коры, и т. д., а только содержатся именно прежнія воспріятія представленій, которыя были сродны каждому изъ всей группы деревьевъ. Въ этомъ представленіи заключаются корень, кора, листья, стволъ и т. д. безъ тѣхъ воспріятій, которыми отличаются однѣ части отъ другихъ въ каждомъ деревѣ. Съ развитіемъ этого познанія чловѣкъ при видѣ дерева, съ которымъ онъ еще на опытѣ не познакомился, еще до спеціальнаго изученія его, какъ отдѣльнаго объекта, по нѣкоторымъ, поверхностно схваченнымъ признакамъ, уже рѣшаетъ, что этотъ объектъ принадлежитъ къ классу деревьевъ, потому что признаки новаго дерева соединяются, какъ однородные съ развившимся до того общимъ

представленіемъ дерева. Это представленіе мы называемъ общимъ именемъ „дерево“. Оно отличается отъ каждаго представленія дерева, познаннаго опытомъ, тѣмъ, что въ немъ нѣтъ воспріятій, отличающихся на опытѣ каждое дерево отъ другаго вида деревъ, но за то это общее представленіе сходно со всякимъ деревомъ тѣмъ, что всѣ части, въ немъ заключающіяся, находятся непремѣнно въ каждомъ деревѣ. Таковыя образованія, развившіяся изъ группы отдѣльныхъ однородныхъ представлений съ содержаніемъ признаковъ общихъ для всякаго изъ этихъ представлений называютъ „общими представленіями“ или простыми понятіями *. Насколько подобное общее представленіе расширяетъ наше познаніе видно изъ того, что познаніе такого общаго представленія дерева мы примѣняемъ и ко всякому другому, незнакомому намъ дереву, которое мы встрѣчаемъ на опытѣ. Такъ какъ каждое, вновь узнаваемое изъ опыта дерево, непремѣнно содержитъ воспріятія, заключающіяся въ общемъ представленіи, то вслѣдствіе средства, представленіе новаго вида дерева должно слиться съ общимъ содержаніемъ общаго представленія, потому что въ послѣднемъ нѣтъ отличнаго содержанія, которое могло бы помѣшать сказанному соединенію. Вслѣдствіе этого самое поверхностное знаніе новаго дерева вдругъ обогащается всѣмъ знаніемъ, приобрѣтеннымъ изъ многихъ видовъ дерева. Такъ напр., вида незнакомое дерево, безъ листьевъ зимою, я знаю, что на немъ непремѣнно лѣтомъ будутъ листья; хотя его корень въ землѣ, я не сомнѣваюсь, что корень существуетъ; я знаю, что это дерево будетъ цвѣсти, имѣть плоды и т. п.

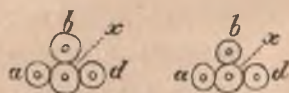
Вдумавшись однако поглубже въ вышесказанное, мы находимъ какъ будто два крупныхъ противорѣчія предполагаемому нами способу образованія общихъ представлений изъ частныхъ. Во 1-хъ спрашивается, отчего въ общемъ синтезѣ воспріятій, заключающихся въ каждомъ изъ представлений группы, не участвуютъ и тѣ, которыя по своему содержанію общи не всѣмъ, а только нѣкоторымъ представленіямъ данной группы, такъ какъ они должны были бы вслѣдствіе стремленія къ соединенію также раздвоиться и принять участіе въ образованіи общаго представленія. Такъ въ прежнемъ примѣрѣ изъ 5 пред-

* Лучше было бы его назвать формаціей 3-й степени, но для избѣжанія недоразумѣній и путаницы, вслѣдствіе привычки къ прежнимъ терминамъ, мы назовемъ его принятымъ названіемъ—общимъ представленіемъ или простымъ понятіемъ.

ставленій группы воспріятіе l входитъ въ содержаніе 3 представленій, i —двухъ представленій и т. д. Разумѣется, что если бы послѣднее имѣло мѣсто, то образовавшееся изъ частныхъ представленій не могло бы сдѣлаться общимъ представленіемъ для всего класса объектовъ, которыхъ представленія участвовали въ дѣятельной группѣ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ извѣстный намъ законъ, по которому сильнѣйшія движенія, развивающіяся въ дѣятельной мыслевой группѣ, всегда побѣждаютъ и парализуютъ слабѣйшія; а какъ стремленіе къ соединенію между общими элементами, повторяющимися въ дѣятельномъ мышленіи столько разъ, сколько всѣхъ представленій должно быть больше, нежели между однороднымъ содержаніемъ меньшаго числа представленій то соединеніе между послѣдними, побѣждаясь первыми не можетъ имѣть мѣста.

Во 2-хъ при образованіи общаго представленія изъ простыхъ представленій, мы приняли, что часть каждаго изъ представленій составляющихъ дѣятельную группу, состоя изъ общихъ всѣмъ представленіямъ воспріятій (какъ въ нашемъ примѣрѣ a b d), выдѣлившись (путемъ раздвоенія ячеекъ) изъ общей массы каждаго представленія, должна, на основаніи извѣстнаго намъ закона, соединиться въ одно цѣлое a , b , d . вмѣстѣ съ организованной связью, какъ мы видѣли при простыхъ представленіяхъ, соединяющей эти воспріятія воедино должно бы получиться, положимъ представленіе ¹⁰³схему которой представляетъ фиг. VII, гдѣ ячейка x образуетъ соединяющее звѣно всѣхъ одновременно появившихся въ дѣятельности воспріятій a , b , d . Слѣдовательно отъ слитія этихъ совершенно однородныхъ формацій должно повидимому получиться опять только частное представленіе, какъ результатъ работы цѣлой группы тоже частныхъ представленій. Функція, продуцируемая такимъ представленіемъ, должна бы поэтому состоять только въ познаніи сосуществованія явленій a , b , d . на опытѣ. Слѣдовательно на мѣсто большаго мы должны бы получить меньшее знаніе, знаніе объекта содержащаго только признаки a , b , d , т. е. меньшее число, нежели въ каждомъ представленіи, участвовавшемъ въ работѣ. Мѣжду тѣмъ мы выше убѣдились, что познаніе, даруемое человѣку развитіемъ въ немъ общаго представленія, несравненно высшаго объема, чѣмъ то, которое получается отъ простаго представленія, потому что

Фиг. VII.

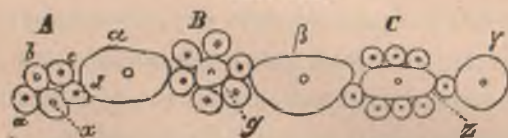

послѣднее даетъ познаніе сосуществованія явленій въ одномъ только объектѣ, а первое вмѣщаетъ въ себѣ познаніе опредѣленнаго сосуществованія явленій въ цѣломъ классѣ объектовъ и такимъ образомъ позволяетъ распространять знанія отъ разъ приобрѣтеннаго общаго представленія, отъ извѣстнаго объекта на неизвѣстные, заключающіе въ себѣ явленія сродныя съ содержаніемъ общаго представленія. Во 2) Простыя представленія суть продукты непосредственнаго опыта, и каждому изъ нихъ отвѣчаетъ объектъ во внѣшнемъ мірѣ, а общее представленіе есть произведеніе мыслевой работы, которому не отвѣчаетъ ни одинъ объектъ опыта, котораго мы и не ищемъ внѣ насъ, сознавая, что общее представленіе есть продуктъ внутренней мыслевой работы, и не внѣшняго опыта, подѣйствовавшаго на органы чувствъ. Далѣе мы знаемъ, что путемъ дифференцированія, когда одна ткань развивается изъ другой, то первая не можетъ быть похожей на послѣднюю и потому, такъ какъ общее представленіе развивается изъ группы частныхъ какъ новое и отличное отъ нихъ, и съ анатомической точки зрѣнія эти субстраты двоякаго рода познанія не могутъ быть одинаковыми, какъ мы и видѣли въ схематическомъ изображеніи.

Какъ мы должны были принять, что воспріятіе есть функція организованной ячейки, развившейся въ мозговой клѣточкѣ силой внѣшняго движенія, перешедшаго въ нервное волокно органа чувствъ, такъ, чтобы быть послѣдовательными, мы должны были также допустить, что и активное интеллектуальное движеніе, развившееся внутри интеллекта (въ мозгу), можетъ также, сообщившись внутреннему мозговому волокну, вызвать образованіе психической клѣточки въ соотвѣтствующей мозговой нервной ячейкѣ. Какъ функція первой состоитъ въ относительномъ познаніи внѣшняго явленія, такъ послѣдняя даетъ познаніе интеллектуальнаго напряженія. Какъ тамъ всякая качественная и количественная особенность внѣшняго движенія даетъ воспріятіе особенное, развивающее отличное отъ другихъ познаніе, такъ и каждое представленіе, сообщающее толчокъ нервной ячейкѣ своимъ внутреннимъ интеллектуальнымъ движеніемъ, должно тоже выразиться особенностію ея внутренней интеллектуальной формаціи, вызванной каждымъ особеннымъ толчкомъ. Такъ при непосредственномъ наблюденіи объекта опыта, каждое изъ воспріятій, разомъ появившихся въ мышленіи вызываетъ своимъ движеніемъ особую психическую формацію, которыя соединяють дѣятельныя воспріятія въ представленіе. Также точно при появленіи извнѣ

новаго дѣятельнаго процесса (все равно, воспріятія или представленія), въ интеллектѣ, когда въ сознаніи еще не успѣла кончиться дѣятельность предъидущаго такого же процесса, должно вызвать подобное же психическое движеніе, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, кончающееся образованіемъ психической формаціи внутренняго происхожденія, связывающее въ рядъ слѣдующія другъ за другомъ формаціи вѣдншаго опыта. Интеллектуальное напряженіе, получаемое отъ стремленія къ соединенію между собою цѣлыхъ представленій, должно быть въ количественномъ отношеніи гораздо сильнѣе напряженія, получающагося отъ дѣятельныхъ воспріятій, кромѣ того и качество внутреннихъ движеній каждаго изъ представленій группы, вслѣдствіе особенностей каждаго изъ нихъ, тоже должно быть различное; потому психическія формаціи, вызываемыя внутреннимъ движеніемъ каждаго представленія, должны быть отличны другъ отъ друга и большаго содержанія нежели таковыя, вызванныя воспріятіями, слѣдовательно способъ соединенія освободившихся воспріятій изъ каждаго изъ сходныхъ представленій долженъ отличаться отъ прежняго. Вслѣдствіе этого сказанное соединеніе не можетъ совершиться согласно схемѣ, принятой нами для частныхъ представленій. Придерживаясь прежняго примѣра, мы должны себя представить иначе схему соединенія въ общее представленіе. Положимъ, что первое представленіе движеніемъ своего стремленія къ соединенію съ другими въ интеллектѣ вызвало психическую формацію (внутренняго происхожденія) — α , второе — β , третье — γ , четвертое — δ , и т. д. Тогда a, b, c , каждаго представленія должно соединиться своей психиче-

Фиг. VIII.

ской связью на основаніи слѣдующей схемы, см. фиг. VIII. Полному и совершенному слитію этихъ однородныхъ фор-

маціи a, b, c , препятствуютъ разнородныя психическія формаціи, съ ними связанныя; а потому они соединяются между собою вслѣдствіе одновременности появленія въ дѣятельности не въ одну психическую формацію, а въ одну общую ткань болѣе сложную, нежели у простыхъ представленій, изъ которыхъ послѣдняя ткань образовалась.

Какъ общія представленія образуются не изъ вѣдншихъ явленій и ихъ комбинацій, а изъ готовыхъ представленій, т. е. изъ чисто интеллектуальныхъ формаціи, которымъ тѣ вѣдншія явленія служили только

материаломъ, и какъ эти общія представленія были вызваны не внѣшними, а чисто внутренними интеллектуальными движеніями, то само собою разумѣется, что эта интеллектуальная сила не имѣетъ себѣ соотвѣтственной во внѣшнемъ мірѣ и представить себѣ на опытѣ то, что содержится въ этомъ общемъ представленіи, нѣтъ никакой возможности. Такъ напр., мы можемъ себѣ представить каждый изъ видовъ познанныхъ деревьевъ, содержащихся въ частныхъ представленіяхъ, какъ тополь, иву, дубъ, но никакъ не можемъ себѣ представить дерево съ листьями безъ ихъ формы и цвѣта, съ корой, безъ какого либо отличительнаго качества этой коры и т. п., потому что въ природѣ такого дерева не существуетъ. Единственная связь интеллектуальной формаціи 3-й степени или общаго представленія съ внѣшнимъ міромъ есть не начало его, а окончаніе его внутренней интеллектуальной дѣятельности разрѣшеніемъ во внѣшній міръ звуковымъ движеніемъ — „словомъ“.

Общее представленіе, какъ и всякая интеллектуальная формація, какъ мы уже знаемъ, должна возратить внѣшнему міру остающееся излишнимъ отъ его работы активное движеніе. Если оно не переходитъ на мышечные нервы конечностей для совершенія дѣйствія, то переходитъ на нервныя волокна мышцъ органа рѣчи. Эти движенія формулируются съ упражненіемъ въ словѣ. Сознаніе дѣятельности въ человѣкѣ общаго представленія дается или дѣятельнымъ представленіемъ его символа — слова, или произнесеніемъ этого слова. Но это слово есть отдѣльное частное представленіе, тѣсно связанное съ общимъ, потому только, что оно обыкновенно слѣдуетъ за нимъ въ своей дѣятельности. Вслѣдствіе этой тѣсной связи, когда дѣятельно его общее представленіе, въ сознаніи является его слово и наоборотъ, стоитъ только познать слово (услышать или прочесть) и является познаніе, заключающееся въ общемъ представленіи. Доказательствомъ того, что эти интеллектуальныя формаціи суть отдѣльные интеллектуальные индивиды, только связанные между собою, служитъ то, во 1) что познаніе общаго представленія никакъ не дается его словомъ безъ развитія самаго общаго представленія. Если человѣкъ никогда не видѣлъ нѣсколько деревьевъ, то узнаваемое имъ слово „дерево“ нисколько не дастъ ему познанія атрибутовъ, общихъ всѣмъ деревьямъ. Во 2) Часто человѣкъ оперируетъ въ мышленіи общимъ представленіемъ и не знаетъ или не можетъ вспомнить его названія. Вы часто слышите отъ взрослыхъ дѣтей вопросъ: какъ называется то или другое, причемъ они описываютъ вамъ общія свойства

цѣлой группы предметовъ; такъ напр.,: „какъ называется то, въ чемъ отъ точки вода превращается въ парь, и этоть парь двигаетъ тяжесть?“ Въ этомъ выражено все, что входитъ въ познаніе локобиля, не смотря на то, что названія „локобиль“ не было въ познаніи. Въ 3) Это доказывается синонимами; такъ, одно и то же общее представленіе иногда бываетъ связано то съ однимъ, то съ нѣсколькими названіями; разъ оно дѣйствуетъ въ познаніи съ однимъ, въ другой разъ съ другимъ словомъ*.

* Обстоятельство, что человекъ не можетъ себѣ представить общаго представленія, какъ онъ себѣ представляетъ всякое частное, изъ котораго оно образовалось, очень понятное, какъ мы видѣли изъ нашей теоріи, было однако причиной отрицанія нѣкоторыми психологами присутствія въ нашемъ мышленіи общихъ представленій вообще. Вундтъ¹⁾ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи совершенно соглашается съ Беркелеемъ²⁾, что „нелѣпо требовать отъ нашего сознанія, чтобы оно себѣ изобразило представленіе трехъ-угольника, который былъ бы безъ прямыхъ, тупыхъ и другихъ угловъ, ни односторонній, ни разносторонній, чтобы этоть треугольникъ представлялъ все это и вмѣстѣ, и въ тоже время—ничего изъ всего этого“. На этомъ основаніи, по ученію Вундта, „понятіе (общее представленіе) въ мышленіи постоянно замѣщается только какимъ нибудь единичнымъ (простымъ) представленіемъ. Такъ какъ многія изъ единичныхъ представлений способны представлять изъ себя общее представленіе, то они могутъ случайно мѣняться, между тѣмъ понятіе, какъ таковое, постоянно остается“. Причина, почему одному изъ многихъ отдѣльныхъ представлений выпадаетъ честь разыгрывать роль понятія (общаго представленія), заключается въ связяхъ даннаго представленія съ данными той же группы. Такъ, чтобы изъ ряда отдѣльныхъ представлений $A, A_1, A_2, A_3...$ одно A сдѣлалось бы представителемъ всего ряда съ нимъ соединенныхъ представлений, необходимо, чтобы между A и остальными представленіями ряда была связь. Выборъ же отдѣльнаго представленія изъ цѣлой группы, однородной съ представителемъ понятія, по Вундту, зависитъ отъ дѣятельности воли, которую онъ вообще вынужденъ принять, какъ причину (Bedingung) всего логическаго мышленія. Эта воля опредѣляетъ, которому изъ группы отдѣльныхъ представлений оказать предпочтеніе (см. стр. 42 и 43). Далѣе Вундтъ говоритъ (стр. 43): „Разница, имѣющая мѣсто между познаніемъ (Apperception) индивидуальнаго и представителя понятія (общаго представленія—repräsentativen Vorstellung) въ сущности одна и таже, какъ между простымъ актомъ воли и актомъ выбора (Wahlacte). Простой актъ воли образуетъ дѣйствіе безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, а актъ выбора (der Wahlact) выбираетъ изъ нѣсколькихъ возможныхъ дѣйствій одно единственное, которое получаетъ преимущество по опредѣленнымъ причинамъ. При выборѣ вовсе не нужно, чтобы въ нашемъ сознаніи присутствовали представленія другихъ возможныхъ дѣйствій, но тутъ существенно только сознаніе, что возможно было бы другое дѣйствіе на мѣсто совершеннаго. Какъ мышленіе вообще, такъ и

¹⁾ W. Wundt. Logik. I. B. 1880. S. 40 und folg.

²⁾ Berkeley Abhandlungen über die Principien der menschlichen Erkenntniss Einleitung XXIII.

Если вышеизложенное соединеніе между дѣятельными представленіями одной группы въ одно общее представленіе невозможно, на томъ основаніи, что между ними не существуетъ по нѣскольку общихъ атрибутовъ, или эта связь въ общее представленіе уже совершилась предшествовавшей дѣятельной группой такихъ представленій, то мыслевой

начало образованія представленій принадлежитъ къ области произвольной духовной дѣятельности. Но это, конечно, не исключаетъ причинъ, въ силу которыхъ избраніе опредѣленнаго представителя — общее представленіе (*repräsentative Vorstellung*) изъ частныхъ представленій дѣлается и безъ участія нашей воли. Поэтому ихъ появленіе въ нашемъ мышленіи кажется случайнымъ. Обыкновенно представляются сильнѣйшія впечатлѣнія на органы чувствъ и изученныя ассоціаціи. Это произвольное вниманіе (*Apperception*) принимаетъ участіе въ сосредоточеніи на одномъ единичномъ представленіи, которое избирается какъ представитель всѣхъ остальныхъ: отъ ограниченія этого *Apperception* зависитъ то, что это избранное представленіе ни въ какомъ случаѣ не воспринимаетъ равномерно всѣ элементы, а только нѣкоторые опредѣленные, которые съ большею ясностью воспринимаются въ познаніи, какъ господствующіе элементы. Такъ напр., въ избранномъ представленіи (какъ представитель понятія) трехъугольника ступенчатая въ познаніи 3 стороны и другія свойства трехъугольника, а преимущество въ познаніи остается только за тремя углами, какъ будто мы ничего себѣ больше не представляемъ, какъ только одни эти углы, отдѣльно отъ фигуры, съ которой необходимо нужно ихъ представлять соединенными, чтобы понятіе вообще не уничтожилось. Однако опредѣленное мѣсто картины будетъ одновременно яснѣе освѣщено, нежели другія, то есть на это избранное мѣсто направится сильнѣйшая познавательная сила. *Wie das Denken überhaupt, so fallen demnach schon die Anfänge der Begriffsbildung in das Gebiet willkürlicher Geistesthätigkeiten. Dies schliesst dann aber freilich nicht aus, dass die Ursachen, aus denen eine bestimmte repräsentative Vorstellung gewählt wird, grossentheils ausserhalb unseres Willens liegen. Sie erscheinen darum auch für unser Denken als zufällige Anlässe. Die stärkeren Sinneseindrücke und die eingeübten Associationen werden in der Regel bevorzugt sein. Aber wie schon in der Concentration auf eine einzige Vorstellung welche als Stellvertreterin gewählt wird, die Apperception sich bethätigt, so kommt die eigenthümliche Beschränkung der Apperception weiterhin auch noch darin zur Geltung, dass sie die repräsentative Vorstellung keineswegs gleichmässig auffasst, sondern bestimmte Elemente derselben bevorzugt, welche nun als herrschende Elemente in grösserer Klarheit apperceptirt werden. So mögen z. B. in der repräsentativen Vorstellung eines Dreiecks die drei Seiten und alle andern Eigenschaften der Figur zurücktreten, um dem in dem Namen ausgedrückten Bild der drei Ecken den Vorrang im Bewusstsein zu lassen. Nicht als ob wir uns nun diese Ecken allein vorstellten, getrennt von der Figur, mit der sie nothwendig verbunden zu denken sind, wenn der Begriff nicht überhaupt zerstört werden soll. Wohl aber wird ein bestimmter Theil des Bildes gleichsam heller beleuchtet sein als die übrigen, d. h. es wird sich auf diesen bevorzugten Theil eine intensivere Apperceptionsthätigkeit richten. Wir haben also zwei auf einander folgende Stadien der apperceptiven Auswahl zu unterscheiden: das erste besteht in der*

дѣятельности въ этомъ направленіи не остается больше работы. Въ такихъ случаяхъ къ соединенію между дѣятельными представленіями можетъ явиться другая форма интеллектуальнаго движенія. Одно представленіе противопоставляется съ другимъ своимъ содержаніемъ, объемомъ, количествомъ и, если существуетъ къ ихъ соединенію то или другое основаніе (о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ), то оно образуетъ связь, соединяющую ихъ между собою. Эта интеллектуальная связь называется у логиковъ отношеніемъ (*Relatio*). Такъ напр., представленіе алмаза соединяется съ представленіемъ угля, вслѣдствіе ихъ общаго химическаго содержанія; азотъ и кислородъ—ихъ совмѣстнымъ присутствіемъ въ воздухѣ, представленіе мамонта съ представленіемъ кита, вслѣдствіе ихъ огромныхъ размѣровъ и т. п.

Въ данную группу представленій могутъ входить представленія и прошлаго и настоящаго опыта, и, наконецъ, представленія воображенія, каковымъ это представленіе можетъ быть въ будущемъ; слѣдовательно, это отношеніе можетъ выразить связь между представленіями, прежде познанными, или между представленіями настоящаго опыта съ таковыми прежняго, или между представленіями настоящаго опыта съ представленіями будущаго, созданнаго воображеніемъ, или между представленіями явленій, долженствующихъ появиться на опытѣ въ будущемъ.

Представленіе противопоставляется другому относительно его величины, сходства въ атрибутахъ, во времени и т. п. Такимъ образомъ при второй формѣ соединенія представленій мы достигаемъ тѣхъ же результатовъ, которые въ насъ получались, такъ сказать механически, безъ интеллектуальной работы, когда представленія соединялись между собою вслѣдствіе ихъ непосредственнаго слѣдованія другъ за другомъ въ познаніи, или вслѣдствіе ихъ совмѣстной дѣятельности въ пространствѣ. Но въ интеллектуальномъ отношеніи между этими двумя

Auswahl der repräsentativen Vorstellung, das zweite in der Auswahl der herrschenden Elemente oder des herrschenden Elementes dieser Vorstellung (S. 44).

Слѣдовательно изъ цѣлаго класса представленій воля избираетъ одно и возводитъ его въ чинъ представителя всего этого класса; но для этого она заставляетъ *die Apperception* въ этомъ представленіи замѣчать только нѣкоторыя части, а другія затемняетъ для своего собственнаго познанія. Вундтъ, отъ котораго мы были вправѣ меньше всего ожидать метафизики, къ сожалѣнію, доказалъ своимъ послѣднимъ сочиненіемъ 1880 года, что на мѣсто противодѣйствія метафизикѣ, онъ болѣе и болѣе побѣждается ею.

способами соединенія отдѣльныхъ мыслевыхъ элементовъ существуетъ огромная разница. Связи послѣдняго происхожденія совершенно случайныя, такъ сказать, механическія; тутъ все равно, какія бы ни были представленія или ихъ группы, какое бы ни существовало между ними отношеніе, онѣ соединяются потому только, что существуютъ вмѣстѣ или слѣдуютъ другъ за другомъ на опытѣ. Чѣмъ чаще онѣ повторяются вмѣстѣ, тѣмъ тѣснѣе дѣлается связь, а слѣдовательно тѣмъ больше мы ей вѣримъ; познаніе, основанное на этой связи, чисто эмпирическое и шаткое, потому что совершается не въ силѣ разумной причины. Если одно явленіе или группа ихъ во всемъ миѣ извѣстномъ опытѣ всегда была вмѣстѣ, или всегда слѣдовала, или предшествовала другому явленію или цѣлой группѣ, то во миѣ, вслѣдствіе этой связи, является увѣренность, что это всегда такъ и будетъ. Но увѣренность эта не всегда основательна. Одинъ новый случай, до сихъ поръ не встрѣчавшійся на опытѣ, если онъ противорѣчащаго свойства, можетъ разрушить прежнюю связь, происшедшую отъ эмпирическихъ связей на опытѣ, повторявшихся много тысячъ разъ. Если негръ постоянно видѣлъ только негровъ и не слыхивалъ о существованіи другихъ расъ, то, на основаніи этой случайной связи опыта, увидавъ бѣлаго человѣка, онъ считаетъ его не человѣкомъ, а духомъ; если ночь постоянно слѣдуетъ за днемъ, то, вслѣдствіе этой связи, я могъ бы считать первую причиной послѣдней. Совсѣмъ бываетъ другое, когда я знаю, что одно явленіе образуется изъ другаго, какъ слѣдствіе вытекаетъ изъ ея истинной причины, когда я знаю, что два предмета стоятъ другъ къ другу въ томъ или другомъ отношеніи вслѣдствіе сходства въ химическомъ ихъ составѣ или какого либо другаго сродства; если я знаю, что два или болѣе объектовъ существуютъ вмѣстѣ въ пространствѣ, потому что каждый изъ нихъ не можетъ существовать безъ другаго или безъ другихъ, — то это познаніе дается не случаемъ появленія представленій въ мышленіи; а результатомъ интеллектуальной работы, происшедшей между самими представителями.

§ 10. Разрѣшеніе представленій движеніями наружу.

Источникъ представленія, на основаніи нашей теоріи, есть, какъ мы знаемъ, съ одной стороны комбинація внѣшнихъ активныхъ явленій въ природѣ, исходящихъ изъ объектовъ познанія въ наши органы чувствъ, а съ другой — вещество съ потенціальной силой, которое работаетъ изъ крови (пищи) въ нервныхъ волокнахъ чувствитель-

ныхъ нервовъ, мозговыхъ ячеекъ, кромѣ того въ полостяхъ и каналахъ коркового вещества мозга, гдѣ вѣроятно находятся образовавшіеся психо-интеллектуальные элементы. Первая активная сила, пришедшая извнѣ въ видѣ воспріятій или представлений, переводитъ и часть второй (вещества, образовавшагося изъ пищи) изъ потенціального состоянія въ активное; а вновь образовавшееся представленіе приносить съ собою въ интеллектъ всю сумму этихъ силъ. Главный расходъ этой силы уходитъ сначала только на функцію познанія объекта каждаго представленія; или вполнѣдствіи кромѣ этой работы часть этой силы расходуется и на дальнѣйшее развитіе высшихъ отвлеченныхъ степеней познанія или формацій; или эта сила переводится въ потенціальное состояніе другой, болѣе могущественной, по ей несродной силой. Если вся эта сила, или часть ея, не израсходуется вышеизложенными путями, и, какъ сила она не можетъ потеряться, то ей остается единственный исходный путь разрѣшеніемъ ея наружу толчкомъ, сообщающимся черезъ двигательныя нервныя ячейки мозговой коры двигательному нервному аппарату. Это движеніе въ двигательныхъ нервныхъ волокнахъ, сообщаясь соотвѣтствующимъ мышцамъ, переводитъ потенціальную силу послѣднихъ въ активную. Слѣдствіемъ этого является мышечное сокращеніе, что и называется дѣйствіемъ или словомъ. Самая простая форма перехода силы представлений наружу, есть рефлекторная, выражающаяся въ мимикѣ, крикѣ и др. рефлекторныхъ движеніяхъ тѣла и конечностей. Другая форма, болѣе сложная, выражается въ органѣ рѣчи, пантомимѣ, письмѣ и наконецъ въ дѣйствіи, соотвѣтствующемъ содержанію представленія.

Разрѣшеніе представлений сложнымъ мышечнымъ движеніемъ, отвѣчающимъ содержанію представленія, дѣлается возможнымъ только тогда, когда въ познаніи до того успѣло выработаться представленіе этого сложнаго движенія. Вслѣдствіе этого у дитяти въ началѣ психо-интеллектуальной жизни разрѣшеніе это бываетъ только въ рефлективной формѣ. Мы уже знаемъ, какъ изъ ощущеній, вызываемыхъ въ познаніи сокращеніемъ мышцъ (мышечнымъ чувствомъ), при всякомъ движеніи какой бы то ни было группы, такъ называемыхъ произвольныхъ мышцъ, отъ связи этихъ ощущеній съ воспріятіями, полученными отъ движеній собственныхъ частей тѣла чрезъ зрѣніе и ослзаніе. Тоже самое бываетъ отъ соединенія звуковыхъ воспріятій нашего органа рѣчи, съ представленіями внѣшнихъ объектовъ когда послѣднія разрѣшаются мышечными сокращеніями этого органа, сопровождающимися болѣе или

менѣе артикулированными звуками, мало по малу развиваются въ насъ такія же комбинированныя интеллектуальныя формаціи, какъ и выше описанныя представленія, объектами которыхъ были виѣшніе предметы. Разница состоитъ только въ томъ, что матеріаль ихъ образованія лежитъ не въ виѣшнихъ объектахъ, а въ нашемъ собственномъ тѣлѣ, которое дѣлается такимъ образомъ объектомъ познанія. Представленіе объекта, разрѣшаясь, вслѣдствіе остающейся въ немъ неизрасходованной активной силы, движеніемъ наружу, вызываетъ такимъ образомъ съ помощью послѣдняго новое, постепенно совершенствующееся представленіе этого движенія, непосредственно слѣдующее въ познаніи за представленіемъ виѣшняго объекта, его вызвавшаго. Эти представленія называются двигательными, въ противоположность объективнымъ представленіямъ виѣшняго міра, или чисто субъективнымъ представленіемъ нашего собственнаго тѣла. Эти представленія развиваются въ насъ мало по малу, путемъ терпѣливаго и труднаго изученія. Изъ рефлексивныхъ движеній конечностей дитяти эти двигательныя представленія совершенствуются путемъ долгаго опыта, пока послѣдній не набредетъ на самыя цѣлесообразныя движенія, соответствующія тому или другому представленію или стремленію. Отъ рефлекторныхъ вскрикиваній ребенокъ переходитъ къ лепету, къ образованію слоговъ, а тамъ уже одинъ шагъ къ образованію словъ, представленіе которыхъ облегчается тѣмъ, что дитя слышитъ ихъ готовыми отъ окружающихъ. Но слово не есть простая реакція на чувственное раздраженіе, какъ напр. вскрикиваніе или стонъ есть простой безсознательный рефлексъ, вызванный болью. У дитяти мы замѣчаемъ потребность выразить свое представленіе объекта словомъ уже послѣ того, какъ то представленіе образовалось и въ немъ существовало. Даже проходитъ много времени между первымъ познаніемъ ребенка того или другаго объекта и стремленіемъ научиться выразить его словомъ; рефлекторный крикъ вызывается непосредственно за болью, безъ сознанія какого либо внутренняго напряженія, ему предшествовавшаго. Напротивъ для удержанія этого крика, какъ и другаго рефлекса требуется энергическое сознательное, психическое движеніе.

Для произнесенія слова прежде всего требуется дѣятельное состояніе—представленіе въ интеллектъ того слова и необходимо нужно активное психическое напряженіе, называемое волей, предшествующее самому произнесенію слова. Очень часто представленія развиваютъ дѣятельность

и сознаются безъ всякаго стремленія выразиться наружу словомъ; чѣмъ болѣе сосредоточивается интеллектуальная работа представленій въ мышленіи, тѣмъ рѣже они выражаются словами. Мудрецы молчаливы, болтливость есть принадлежность всѣхъ дѣтей и большинства женщинъ. Такъ какъ мы знаемъ, что представленія слѣдующія въ познаніи непосредственно другъ за другомъ необходимо должны соединиться, и связь ихъ дѣлается тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ чаще повторяется это слѣдованіе, то понятно, что каждое объективное или субъективное представленіе должно очень тѣсно связаться съ представленіемъ вызываемаго имъ движенія, потому что послѣднее очень часто непосредственно слѣдуетъ за предъидущимъ. Такъ напр. слово, выражающее объективное представленіе, появившееся въ сознаніи, непременно вызываетъ къ дѣятельности представленіе, символомъ котораго оно является; и наоборотъ, представленіе, сдѣлавшееся дѣятельнымъ, непременно сопровождается въ сознаніи представленіемъ его разрѣшенія наружу — словомъ или дѣйствіемъ, съ которымъ оно уже прежде соединилось. Если послѣднія часто не вызываютъ самыхъ движеній, соответствующихъ тѣмъ представленіямъ, то это зависитъ только отъ того, что сила представленія ушла на внутреннюю интеллектуальную работу, или другая дѣятельная интеллектуальная сила связала послѣднюю силу и не даетъ ей проявиться наружу. Сказанное подтверждается самымъ несомнѣннымъ образомъ наблюденіями, которыя каждый можетъ провѣрить. Такъ напр. первыя образующіяся у дѣтей представленія, когда у нихъ еще не началъ развиваться органъ слова, выражаются мимикой, движеніями конечностей, туловища и головы, рефлексорными вскрикиваніями. Затѣмъ начинается у всѣхъ дѣтей инстинктивный лепетъ, которымъ сопровождаются первыя образованія въ нихъ представленій. Только послѣ долгаго опыта и упражненія голосовыя движенія укладываются въ формы словъ. Глухонѣмые ограничиваются только мычаніемъ и отдѣльными звуками, которыми разрѣшаются ихъ представленія. Если ихъ научать выражаться знаками (эти движенія замѣняютъ имъ слова), то бредъ во снѣ такихъ людей воспроизводится для каждаго изъ дѣйствующихъ во снѣ представленій условными знаками, какъ говорящій проявляетъ свой бредъ наружу словами. Такіе случаи описаны у Бурдаха * и др.

* Burdach. Blicke in's Leben III, S. 12 и слѣд.

Примѣч. Вундтъ въ своемъ сочиненіи (Grundzüge der physiol. Psychologie Н. II. S. 477.) приводитъ описаніе одной дѣвицы Laura Bridgeman, родившейся глухо-нѣмой; въ концѣ втораго года жизни она ослѣпла.

Существованіе отдѣльныхъ объективныхъ представленій съ одной стороны, а съ другой отдѣльныхъ, имъ соотвѣтствующихъ двигательныхъ представленій, соединяющихся организованнымъ аппаратомъ между собою, несомнѣнно доказывается патологіей. Такъ описано множество случаевъ, которые и мною нерѣдко наблюдались, порчи этого аппарата, соединяющаго обарада представленій. Есть больные, сохраняющіе вполнѣ какъ свои объективныя представленія, такъ и представленія словъ, которыми они должны выражаться, но, не смотря на это они не могутъ сказать то, чего хотятъ. Иные сохраняютъ только возможность сказать два три слова, и въ стремленіи выразить свои представленія словомъ всегда бываютъ вынуждены употреблять одни и тѣже слова. Такъ я зналъ одного больного, который приходилъ въ отчаяніе вслѣдствіе того, что все, что онъ хотѣлъ сказать, выражалось только словами „Боже мой“, которые онъ безпрестанно повторялъ на различные манеры и съ соотвѣтствующей интонаціей, даже для того, чтобы выразить свое огорченіе по этому случаю. Если бы у больного не сохранились представленія настоящихъ словъ, соотвѣтствующихъ ихъ представленіямъ, то онъ не мучился бы невозможностью ихъ произнести. У другихъ больныхъ теряются и самыя представленія словъ, хотя имъ соотвѣтствующія объективныя представленія сохраняются больными. Эти больные, владѣя всѣми движеніями своихъ пальцевъ и писавшіе прежде очень бойко, не могутъ написать словъ, выражающихъ представленіе ихъ мыслей, — или совершенно теряютъ представленія словъ для разговора. Болѣзнь эта называется Афазіей (Aphasia). Патологическая анатомія доказала, что послѣднее состояніе всегда бываетъ въ связи съ разстройствомъ коркового вещества большихъ полушарій. По послѣднимъ изслѣдованіямъ Шарко аппаратъ для выраженія мыслей словами находится въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія.

а вполнѣдствіи отъ нагноительнаго процесса она потеряла обоняніе и вкусъ. Воспитываясь въ заведеніи для слѣпыхъ въ Массачусетъ, она изучила языкъ словъ на пальцахъ, и во снѣ всегда бредила, какъ повѣствуетъ ея воспитатель д-ръ Гове, языкомъ пальцевъ.

Послѣдніе физиологическіе опыты Гитцига и Нотнагеля въ Германіи и Fertier'a въ Англии (какъ мы видѣли выше), тоже несомнѣнно доказали вліяніе опредѣленныхъ мѣстъ коркового вещества большихъ полушарій на извѣстныя двигательныя представленія. Такъ напр., если у кролика въ одномъ только опредѣленномъ и очень ограниченномъ мѣстѣ разстраивали на одной сторонѣ передней части головного мозга маленькую частицу коркового вещества, то эта операція не влекла за собою паралича.

Изъ вышесказаннаго дѣлается яснымъ, что наружныя движенія, которыми сопровождается внутренняя мыслевая дѣятельность нашихъ представлений, не суть случайныя или навязанныя человѣку самостоятельной произвольной силой, а вытекаютъ изъ силы самихъ представлений и зависятъ отъ необходимости освободиться наружу отъ избытка свободной интеллектуальной силы. Въ нашей теоріи мы только подтвердимъ общій законъ всей животной экономіи, совершающейся съ очевидностію въ вегетативной сферѣ. Такъ напр. на основаніи этого закона избытокъ принятой пищи или часть неувоенная организмомъ, или продукты, остающіеся отъ питательнаго матеріала послѣ совершенія имъ круговорота питанія, непременно должны извергаться наружу въ видѣ выдѣлений и испражнений. Вышнія движенія входящія въ организмъ черезъ органы чувствъ представляютъ также питательный матеріалъ нашего познавательнаго органа и часть его тоже должна извергаться наружу въ видѣ такихъ же движеній. Одинокое заключеніе въ очень тѣсныхъ камерахъ, въ которомъ человѣкъ отчасти лишается возможности употреблять свои мышцы и свой органъ слова, очень часто, какъ несомнѣнно подтверждено статистикой, приводитъ къ разстройству ин-

Кроликъ исполняетъ даже всѣ сложныя движенія, но послѣднія бываютъ невѣрны: нога иногда становится при ходьбѣ криво. Если приводили конечность кролика въ неловкое для него положеніе, то онъ, по видимому, вовсе этого не сознавалъ и не старался привести ее въ надлежащее положеніе. При разстройствѣ другой сосѣдней части замѣчалась невозможность сдѣлать то или другое движеніе. Опыты разстройства на обоихъ полушаріяхъ соответствующихъ частей коркового вещества не удавались. Даже послѣ односторонняго разрушенія животное не жило болѣе 6 или 10 дней; но даже и этого времени было довольно, чтобы неправильности въ движеніи, вызванныя операцией, исчезли; по прошествіи этого срока движенія кролика становились такими же, какими они были до операциіи.

Считая пока невозможнымъ въ точности разяснить значеніе этихъ опытовъ, мы однако же ясно видимъ изъ нихъ, что, разрушая части коркового вещества, мы можемъ разрушить проводникъ мышечнаго ощущенія извѣстной части конечности и тѣмъ отнять у животнаго возможность составить себѣ представленіе о положеніи конечности.

Скорое возстановленіе неправильностей въ двигательныхъ представленіяхъ, видѣнныхъ при этихъ опытахъ, можетъ объясниться или викарирующимъ дѣйствіемъ другаго полушарія, или тѣмъ, что при этомъ разрушеніи уничтожались собственно не сами двигательныя представленія, а волокна, чрезъ которыя приходилъ къ нимъ образовательный матеріалъ для образованія мышечнаго ощущенія, или же тѣхъ волоконъ, чрезъ которыя двигательное представленіе разрѣшалось наружу мышечнымъ сокращеніемъ. Это тѣмъ болѣе возможно допустить, зная изъ опытовъ, изложенныхъ въ 1-й части, что при перерѣзываніи даже спиннаго мозга вскорѣ образовывались новые окольные пути для передачи прерванной иннервациіи.

теллектуальнаго механизма, какъ напр. прекращеніе выдѣленій кожи, задержаніе мочи и т. п. разстраиваютъ вегетативную сферу организма.

Только съ помощію опыта въ движеніяхъ и изъ нихъ составлен-ныхъ представленій приготавливаются цѣлесообразныя формы и комбинаціи въ нервныхъ проводникахъ, чрезъ которые освободившаяся интеллектуальная сила, превратившись въ механическую, можетъ быть вмѣстѣ полезна какъ достиженіе интеллектуальныхъ цѣлей, такъ и для выраженія наружу внутреннихъ интеллектуальныхъ состояній каждаго индивида. Въ послѣднемъ отношеніи важны: мимика, жестикуляція, пантомима, особенно слово въ разговорѣ и въ письмѣ. Въ нихъ заключается средство выразить свои интеллектуальныя движенія другимъ людямъ и быть понятому ими; въ нихъ содержится невидимый рычагъ, съ помощію котораго человѣкъ своею интеллектуальною силою можетъ приводить въ дѣйствіе, руководить и направлять интеллектъ и чувство другихъ людей, и, наконецъ, въ словѣ лежитъ средство, облегчающее процессъ мышленія представленіями, ихъ группировку, ассоціацію и теченіе. Работа представленій весьма облегчается ихъ слитіемъ со словомъ, которое и есть ихъ выраженіе, такъ какъ сознательно мы думаемъ большею частію только словами, а не представленіями объектовъ: подслѣднія дѣйствуютъ въ это время внѣ сознанія. Безъ слова, при группировкѣ ассоціаціи представленій, послѣднія должны были бы являться въ сознаніи или во всемъ объемѣ своемъ и содержаніи, или-же—по одиночкѣ. Послѣдствіемъ этого была бы непоимѣрная потеря во времени и пространствѣ. Работа самихъ процессовъ можетъ происходить, какъ мы знаемъ, и безъ сознанія этой работы. Для сознанія достаточно имѣть только символы — слова, выражающія собою участниковъ въ данной мыслевой работѣ и ея результатѣ.

Безсловесныя животныя и глухонѣмые отъ рожденія люди мыслятъ безъ словъ, но это мышленіе отличается своею медленностью и состоитъ только въ связи простыхъ представленій. Общія представленія, необходимо требующія для сознанія слова, для безсловесныхъ недоступны. Они не могутъ собрать и помѣстить въ своемъ сознаніи значительнаго количества представленій, работа ихъ мысли очень односторонняя и ограниченная; процессъ мышленія совершается въ нихъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ нормальномъ человѣкѣ. Но если работа представленій и ея интеллектуальныя результаты находятся въ такой зависимости отъ слова, то мы поймемъ всю важность примѣненія ска-

заннаго къ развитію слова и связи его съ представленіемъ, символомъ котораго оно должно быть.

Чѣмъ меньше количество развитыхъ въ человѣкѣ представленій, тѣмъ меньше у него словъ. Есть народы, у которыхъ весь языкъ состоитъ только изъ 200 или 300 словъ; языки европейскихъ народовъ имѣютъ до 15,000 словъ и болѣе. Я не говорю при этомъ о словахъ, какъ наименованіяхъ научныхъ предметовъ въ естественныхъ наукахъ. Количество послѣднихъ до того велико, что самый даровитый человѣкъ не въ состояніи запомнить всѣхъ терминовъ даже двухъ наукъ, обнимающихъ много объектовъ. Такъ напр. одному человѣку невозможно помнить всѣ термины зоологіи и ботаники, или зоологіи и химіи, или анатоміи и т. п.

Когда у дѣтей существуютъ еще представленія безъ рѣзко очерченныхъ границъ, влѣдствіе чего (представленія) смѣшиваются между собою въ познаніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ, или потому, одно и то же слово приписывается такими дѣтьми нѣсколькимъ предметамъ. Хотя у нормальнаго человѣка отсутствіе слова, какъ наименованія объекта опыта, указываетъ и на отсутствіе самаго представленія объекта, но за то наоборотъ знаніе человѣкомъ слова ничуть не доказываетъ присутствія въ немъ представленія объекта, соотвѣтствующаго тому слову. Оно можетъ познаться какъ отдѣльное представленіе опыта безъ связи съ предшествующимъ ему представленіемъ объекта, котораго оно собственно должно быть символомъ; поэтому, если бѣдность словъ у человѣка, или народа свидѣтельствуетъ о низкой ступени его умственнаго уровня, то богатый лексиконъ его словъ ни въ какомъ случаѣ не есть доказательство его высокаго умственнаго развитія. Изъ тысячи словъ, которымъ научается современный воспитанникъ, едва нѣсколько въ его познаніи связаны съ правильно развитыми представленіями тѣхъ явленій, которыхъ тѣ слова суть знаки.

Что касается до разрѣшеній представленій дѣятельностью, соотвѣтствующей ихъ содержанію, то, какъ мы уже видѣли, влѣдъ за самымъ интеллектуальнымъ представленіемъ слѣдуетъ сознаніе его двигательнаго представленія, а за нимъ самое движеніе. Какъ намъ уже извѣстно, что, чѣмъ чаще будутъ слѣдовать эти представленія непосредственно другъ за другомъ, тѣмъ тѣснѣе они будутъ связываться между собою, тѣмъ болѣе будетъ крѣпнуть каждая изъ силъ, входящихъ въ эту связь.

Чтобы представить себѣ вліяніе повторенія въ этой связи, нужно прослѣдить за работой, напр. учащагося играть на фортепьяно. Эта работа состоитъ въ томъ, что вслѣдъ за музыкальнымъ представленіемъ является двигательное представленіе, содержащее въ себѣ средство передачи внутренняго музыкальнаго движенія наружу и наконецъ слѣдуетъ и самое движеніе, т. е. ударъ по клавишамъ. Сначала много времени проходитъ въ слѣдованіи этихъ актовъ другъ за другомъ. Съ какимъ трудомъ приходится начинающему сообразить, какъ ударить и наконецъ выполнить ударъ. Сколько безпрестанныхъ ошибокъ и въ направленіи, и въ исполненіи самаго удара; сколько времени проходитъ между однимъ ударомъ и другимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ работы, пальцы быстро бѣгаютъ по клавишамъ, всякій ударъ отличается неимовѣрною отчетливостью и вѣрностью.

Тоже самое повторяется и при разрѣшеніи представлений дѣйствіями въ другихъ направленіяхъ. Пропорціонально повторенію связи устанавливается легкость и скорость, съ какой развивается въ познаніи связанный между собою рядъ представлений и заканчивается послѣднимъ актомъ — переходомъ во вѣншее движеніе.

Если же, напротивъ, представленіе, подлежащее разрѣшиться одной интеллектуальной работой, или интеллектуальной, соединенной съ мышечной вѣншей работой, не производитъ эту работу, вслѣдствіе своей вялости, то оно остается въ дѣятельномъ состояніи, пока силы его не израсходуются на внутреннія механическія движенія и на вѣншія автоматическія, какъ: зѣвота, безцѣльное хожденія, болтовня и т. п. Интеллектуальныя представленія, приучаясь къ подобному ненормальному израсходованію своей силы, мало по малу теряютъ свою энергію, теряютъ и способность производить полезную работу. Такіе люди дѣлаются не способными ни на умственный ни на физическій трудъ; типъ ихъ — Обломовъ у Гончарова.

§ 11. Представленіе о своей собственной личности.

Какъ въ половомъ инстинктѣ лежитъ причина размноженія и сохранения типа, такъ въ представленіи о своей собственной личности, образуемомъ въ интеллектѣ изъ воспріятій явленій собственнаго существованія, заключается залогъ самосохраненія каждой особи, носительницы этого представленія. Внѣ его нѣтъ самосохраненія; чѣмъ больше оно развито и связано съ высшими результатами мышленія, тѣмъ больше и разумнѣе достигается цѣль самосохраненія.

Въ первой части этого сочиненія мы уже познакомились съ развитіемъ этого представленія. Мы видѣли, что матеріаль для его образованія берется во 1-хъ, изъ атрибутовъ собственнаго тѣла, дѣйствующихъ на органы чувствъ и на познаніе человѣка, какъ и всякій другой объектъ внѣшняго міра; такъ напр. человѣкъ составляетъ себѣ представленіе своихъ рукъ, пальцевъ и другихъ частей тѣла — съ помощью зрѣнія, осязанія, какъ и представленія частей тѣла всѣхъ другихъ ему знакомыхъ людей; онъ составляетъ себѣ представленія своего голоса, произносимыхъ имъ словъ съ помощію слуха, точно такъ же, какъ и таковыя представленія—другихъ людей. Вслѣдствіе этого представленіе человѣка о самомъ себѣ есть въ сущности такое же, какъ и другія представленія внѣшнихъ объектовъ опыта въ его интеллектъ. Собственное существованіе дѣлается для человѣка такимъ же объектомъ познанія, какъ и всѣ другіе предметы во вселенной. Его самосознаніе есть только частный видъ сознанія вообще. Во 2) матеріаль, изъ котораго слагается представленіе своей собственной личности въ человѣкѣ состоитъ изъ собственныхъ ощущеній и чувствъ, которыми отличается въ познаніи это представленіе Я отъ представленийъ всѣхъ другихъ объектовъ—не Я; потому что всѣ ощущенія и чувства другихъ предметовъ человѣкомъ не сознаются; (объ этомъ видѣ самочувствія мы будемъ говорить при изложеніи чувствъ); въ 3) оно берется изъ матеріала своего собственнаго чувства и творчества, которыя человѣкъ влагаетъ въ познаніе внѣшнихъ предметовъ и всего сущаго. Такъ, въ каждомъ представленіи внѣшняго объекта, кромѣ воспріятій, — атрибутовъ этого объекта, заключаются и мышечныя ощущенія, возбуждаемыя въ наблюдателѣ напряженіемъ его мышцъ, напр. при обозрѣніи или осязаніи внѣшняго объекта. Представленіе этихъ объектовъ, какъ вещественныхъ, въ пространствѣ, и во времени, какъ мы уже знаемъ, есть познаніе, полученное не изъ объективнаго міра, а собственно принадлежащаго природѣ и интеллектуальному творчеству каждаго мыслящаго Я. Поэтому, представленіе о своей собственной личности въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ заключаетъ не только явленія собственнаго существованія, но и познаніе связи этого существованія со всѣмъ міромъ опыта.

Такимъ образомъ представленіе о самомъ себѣ въ каждой личности, — „я“ каждаго человѣка, не только несравненно богаче матеріаломъ всѣхъ другихъ представленийъ опыта, но и связью со всѣмъ осталь-

нимъ міромъ. Связь представленийъ объектовъ опыта между собою, какъ мы видѣли, довольно ограничена; „я“ же каждаго чело-вѣка связано со всѣми его представленіями опыта, потому что въ каждое изъ нихъ, въ видѣ составнаго матеріала, вошли и ощущенія мысленныхъ движеній этого „я“ при его обозрѣніи и ощупываніи, и представленія вещественности, пространства и времени, съ которыми неразрывно связаны всѣ наши познанія міра. Эта связь, какъ намъ уже извѣстно, не приходитъ извнѣ, а представляетъ творчество собственной души, которымъ связывается и приводится въ порядокъ то частное и отрывочное знаніе внѣшнихъ явленій, входящихъ черезъ органы чувствъ. Поэтому наше представленіе о самомъ себѣ, наше „я“, не только дѣлается господствующимъ надъ всѣми остальными представленіями интеллекта, по случаю его преобладающаго содержанія, но и вслѣдствіе его безпрестанной репродукціи на основаніи вышеизложенной связи этого „я“ со всѣми остальными представленіями опыта. Какое бы дѣятельное представленіе ни возникло въ познаніи, необходимые атрибуты этого представленія, какъ форма, вещественность, познаніе его въ пространствѣ и во времени, возникшіе отъ ощущеній собственныхъ движеній, отъ собственной нервной матеріи и вошедшія въ составъ этого представленія должны вызвать къ дѣятельности „я“ чело-вѣка, вслѣдствіе общности содержанія этого „я“ съ тѣми элементами представленія. На этомъ основаніи въ каждомъ дѣятельномъ процессѣ, какова бы содержанія ни была группа представленийъ, „я“ мыслящаго непремѣнно должно тоже принимать участіе въ мыслевой работѣ. Отъ того-то все, что ни дѣлается въ нашемъ интеллектѣ, сознается тамъ, какъ проистекающимъ отъ этого „я“.

Хотя въ душѣ каждаго чело-вѣка думается, чувствуется и дѣйствуется на основаніи непреложныхъ законовъ мышленія и чувства, гдѣ каждая формація сама собою производитъ свою работу, но тѣмъ не менѣе все это сознается, какъ будто я думаю, чувствую, дѣйствую только во имя и въ силу этого я. Какъ въ солнечной системѣ, хотя всѣ планеты движутся силой первоначальнаго толчка, но ихъ движеніе измѣняется и опредѣляется притяженіемъ каждой изъ нихъ преобладающей массой солнца, — такъ и среди психо-интеллектуальнаго движенія „я“ своей силой и содержаніемъ играетъ относительно другихъ представленийъ роль солнца. Первоначальная сила и направленіе всѣхъ представленийъ, проистекающая изъ ихъ собственнаго содержанія, измѣ-

няется и отклоняется силой этого „я“. Точно поставленное на рубежѣ познания, оно своимъ свѣтомъ освѣщаетъ всякое новое представленіе чужаго или своего міра. Польза самосохраненія только тѣмъ дѣлается дѣйствительною, что существо познаетъ не только самаго себя, но и противопоставляетъ свое „я“ всѣмъ явленіямъ и объектамъ внутренняго и внѣшняго міра, которые съ нимъ приходятъ въ связь и столкновение. Такъ какъ каждому познанію явленія и объекта внѣшняго міра непременно должно было предшествовать внѣшнее реальное движеніе, подѣйствовавшее на наши органы чувствъ, такъ и познаніе нашего внутренняго субъективнаго міра, нашего — я, должно вызываться такими же, внутри насъ происходящими, реальными движеніями, и потому объектъ нашего внутренняго духовнаго міра, нашего я такъ же долженъ быть реаленъ, какъ и объекты внѣшняго міра. Если бы нашъ духъ существовалъ въ насъ безъ реальныхъ движеній, то я для нашей организаціи было бы невозможно его познаніе, такъ какъ мы видѣли, что познаніе дается намъ только реальными движеніями.

Независимо отъ связей, которыя существуютъ въ каждомъ чловѣкѣ между представленіемъ его „я“ и другими представленіями объектовъ его опыта, это „я“ уже съ самаго начала своего появленія, какъ и всякое другое въ насъ дѣятельное представленіе, стремится къ соединенію съ другими, сродными съ нимъ по своему содержанію. Эти представленія могутъ быть по преимуществу только получены опытомъ отъ другихъ объектовъ, сродныхъ по атрибутамъ съ содержаніемъ „я“ чловѣка. Съ представленіемъ собственнаго существованія, мышленія, чувства и дѣйствія, можетъ связаться только представленіе сходное съ этими атрибутами, полученное отъ сходнаго объекта внѣшняго міра. Но такъ какъ эти послѣднія представленія, какъ и всѣ другія, развиваются и расширяются постепенно только съ продолженіемъ опыта и съ усовершенствованіемъ въ наблюденіи и пониманіи, то съ каждымъ возрастомъ ребенка, съ каждой ступеню его умственнаго прогресса, мѣняются или дополняются и представленія, которыя дитя дѣлаетъ себѣ объ окружающихъ и знакомыхъ ему личностяхъ. Чѣмъ моложе дитя, тѣмъ бѣднѣе содержаніемъ его собственное представленіе о самомъ себѣ; а какъ уже среди первыхъ образованій представленій его „я“ и окружающихъ находится много общаго, то дитя соединяетъ атрибуты знакомыхъ личностей съ представленіемъ своего собственнаго „я“. Это стремленіе

къ соединенію своего „я“ съ другими „я“ мѣняется и совершенствуется съ развитіемъ пониманія ребенка. Сначала ребенокъ охотно входитъ въ роль собаки, лошади; затѣмъ онъ превращается въ повара, кучера, офицера и постепенно восходитъ до высшихъ и высшихъ личностей его опыта и историческихъ знаменитостей. Это дѣлается тѣмъ легче, чѣмъ болѣе эти атрибуты удовлетворяютъ его чувству. Въ этомъ обстоятельстве заключаются причина огромнаго вліянія окружающихъ людей, ихъ разговоръ и дѣйствій на развитіе и направленіе мысли, чувства и дѣятельности каждой развивающейся личности. Эта ассоціація чужихъ мыслей, чувствъ, манеръ и дѣйствій дѣлается съ одной стороны подъ вліяніемъ чувства превосходства старшихъ, свободно говорящихъ и дѣйствующихъ, — надъ его личностью, слабой въ мышленіи и подчиненной другимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ; а съ другой, дитя пользуется готовымъ матеріаломъ, полученнымъ его наблюденіями отъ другихъ, вслѣдствіе недостатка собственнаго творчества.

Слѣдовательно, мы видимъ, что въ самой природѣ человѣка заключаются условія, въ силу которыхъ его представленіе о самомъ себѣ, если можно такъ выразиться, фальсифицируется съ самаго начала его развитія, потому что съ атрибутами его собственнаго „я“ соединяются и атрибуты, принадлежащіе другимъ личностямъ. Наконецъ, вслѣдствіе врожденной эгоистической особенности каждаго индивида, состоящей въ стремленіи возвысить свое „я“ надъ всѣмъ остальнымъ, — не я, и самое воображеніе принимаетъ тоже свое участіе въ постройкѣ представленія о самомъ себѣ. Оно часто влагаетъ туда атрибуты, или взятые отъ другихъ личностей, или вовсе не существующіе въ дѣйствительности и подавляетъ въ сознаніи все то, что не льститъ самолюбію личности, что ее принижаетъ передъ не „я“ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Такъ напр., въ древности сильные міра приписывали себѣ происхожденіе отъ боговъ, а теперь нѣкоторые аристократы считаютъ себя лучше другихъ не за личные заслуги, а потому, что ихъ родъ очень давно пользуется привилегіями. Древній мудрецъ очень наглядно выразилъ таковыя представленія о самомъ себѣ, представивъ каждаго человѣка съ двумя мѣшками — спереди и сзади; въ переднихъ, которые онъ постоянно видитъ, заключаются всѣ его достоинства и недостатки другихъ; а въ заднихъ, ему невидимыхъ, хранятся чужія достоинства и собственные грѣшки.

ГЛАВА V.

Уходъ за развитіемъ представленій, ихъ ассоціаціей и теченіемъ.

Изъ всего сказаннаго въ предыдущей главѣ мы вполне убѣдились, что представленія даютъ только знанія отдѣльныхъ объектовъ и силъ внѣшняго опыта. Ими ограничивается и кончается то, что собственно даетъ намъ весь внѣшній міръ опыта, какъ матеріалъ познанія. Слѣдовательно все наше отвлеченное мышленіе и его результаты, какъ-то: знаніе отношеній объектовъ и силъ всего міра другъ къ другу, ихъ отношеній къ самому познающему, знаніе законовъ, руководящихъ ими и нашимъ собственнымъ бытіемъ, все это суть продукты уже нашего собственного творчества, для котораго представленія служатъ только средствомъ. Съ ними оно начинается, ихъ объемомъ ограничивается сфера нашего отвлеченнаго мышленія; область природы, не дающая представленій, недоступна, какъ для реального, такъ и для отвлеченнаго познанія. Познакомившись въ этой главѣ съ представленіями и первыми актами болѣе сложнаго знанія, въ формѣ связей, соединеній и отношеній представленій, мы убѣдились, что послѣднія суть только результаты взаимной внутренней работы отдѣльныхъ представленій каждой данной дѣятельной группы. Слѣдовательно начало нашего отвлеченнаго познанія и мышленія дается не самими представленіями, какъ они существуютъ сами по себѣ, а есть результатъ ихъ взаимной дѣятельности, или интеллектуальной функціи. Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ цѣль, къ которой долженъ стремиться воспитатель, имѣющій въ виду развить по возможности, всестороннее, обширное, положительное знаніе и правильную интеллектуальную мыслевую функцію. Эта цѣль можетъ быть достигнута, если во 1-хъ развить въ воспитанникѣ наивозможно большее количество работниковъ, т. е.

представленій: они, какъ мы уже сказали, представляютъ фундаментъ интеллектуальнаго знанія; чѣмъ шире онъ заложенъ, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ вмѣстимости для будущаго пониманія міра опыта; во 2-хъ, заботиться, чтобы каждое изъ образовавшихся представленій достигло болѣе или менѣе лучшаго и совершеннаго развитія, потому что тѣмъ продуктивнѣе будетъ его работа въ группѣ и въ 3-хъ слѣдить за тѣмъ, чтобы первыя связи и соединенія представленій, отъ которыхъ зарождаются наши сужденія и заключенія о постоянныхъ признакахъ предметовъ, ихъ отношеніяхъ, причинахъ и слѣдствіяхъ, ихъ сходствѣ и различіи и т. д., какъ можно болѣе приближались къ дѣйствительнымъ отношеніямъ объектовъ. Безъ сомнѣнія, достиженіе этихъ цѣлей зависитъ отъ условій, которыя видоизмѣняются не только индивидуальными свойствами каждаго воспитанника, но и множествомъ соціальныхъ и другихъ отношеній.

1. Такъ какъ главная задача педагога состоитъ въ согласованіи своихъ воспитательныхъ приѣмовъ съ самой природой человѣческаго интеллекта и съ законами его развитія, то само собою разумѣется, что первая его забота должна состоять въ развитіи отдѣльныхъ представленій. Мнѣнія, сужденія бываютъ часто индивидуальными и потому подвергаются безпрестаннымъ измѣненіямъ, какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ въ одной и той же, подъ вліяніемъ различныхъ условій. Представленія же, какъ мы видѣли, суть видовые продукты и потому остаются постояннымъ приобрѣтеніемъ человѣка. Разница между представленіями однихъ и тѣхъ же объектовъ у различныхъ людей зависитъ только отъ неодинаковой степени наблюдательности и различной мозговой энергіи отдѣльныхъ индивидовъ. Эта разница — только количественная, какъ напр. различная степень мышечной силы у отдѣльныхъ личностей. Но если у всѣхъ людей были-бы одинаковыя условія, для наблюденія того или другаго объекта, то никто изъ нихъ не сталъ-бы спорить о знаніи представленій, развившихся отъ того или другаго объекта, потому что въ головѣ каждаго человѣка были-бы совершенно сходныя представленія объ объектахъ, которыя могли-бы дать только согласное знаніе. Поэтому первый реальный приѣмъ воспитателя есть стремленіе къ развитію сначала только отдѣльныхъ представленій внѣшнихъ объектовъ, безъ всякихъ сужденій о ихъ отношеніяхъ къ другимъ, какъ это обыкновенно дѣлается педагогами. При этомъ воспитатель долженъ прежде всего рѣшить вопросъ: насколько индивидуальныя способности воспитан-

ниба допускають это развитіе, какъ относительно количества представленій вообще, такъ и объема каждаго изъ нихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что количество интеллектуальной силы, развиваемой каждымъ индивидомъ, прежде всего предопредѣляется его индивидуальной врожденной организаціей, и что зайти за опредѣленную его границу нѣтъ возможности. Подобныя попытки приводятъ только къ извращенію интеллекта, а не къ его развитію. Мы видѣли, что интеллектуальная сила, энергія и живучесть представленій, кромѣ условій со стороны опыта, во многомъ зависятъ отъ индивидуальной способности мозговаго творчества. Всякій воспитатель на опытѣ находилъ несомнѣнныя доказательства, что однимъ дѣтямъ познаніе предметовъ дается очень легко, а съ другими, не смотря на ихъ прилежаніе, на всѣ представляемыя къ тому средства со стороны воспитателя, ученіе идетъ туго и наконецъ, дойдя до извѣстнаго предѣла, совсѣмъ перестаетъ двигаться впередъ. Насколько сказанное ясно и доступно для всякаго, настолько рѣдко и мало оно прилагается воспитателями на практикѣ. Тутъ рѣшается вопросъ программа, а не способности ученика, то, чего требуютъ отъ ученика, а не то, что онъ можетъ дать. Если паровой машинѣ въ скольконибудь силъ, дается работа по ея силѣ, то она съ нею отлично справится; если же работа превышаетъ, хотя немного, эту силу машины, то работы не будетъ никакой и въ добавокъ испортится сама машина. Въ этомъ обыкновенно обвиняють машиниста. Если отъ дитяти требуется непосильная интеллектуальная работа, то въ результатѣ не получается основательнаго знанія и его психическая машина портится, но педагогъ при этомъ остается невиновенъ, а обвиняется самъ ребенокъ, его незаслуженно наказываютъ и унижаютъ.

Какъ бы дитя ни было нравственно и проникнуто добрыми намѣреніями относительно своего ученія или, лучше сказать, — чѣмъ лучше и старательнѣе дитя, тѣмъ вреднѣе отзовется на немъ непосильная работа. Неповиманіе заданнаго, не смотря на прилежаніе, вызоветъ сначала стыдъ, потомъ горе. Дѣти ходятъ, какъ убитые, теряютъ вѣру въ себя и потому дѣлаются нерѣшительными, даже тамъ, гдѣ хватило бы ихъ умственныхъ способностей. Мало по малу развивается у нихъ зависть къ своимъ счастливымъ товарищамъ, затѣмъ озлобленіе противъ родителей, учителей и ученія и наконецъ они приходятъ въ отчаяніе, толкающее ихъ зачастую на ложныя житейскія дороги. Интеллектъ, загроможденный непосильными ему представленіями, останавливается въ своемъ раз-

витіи. Насильственно влагаемая въ него познанія, неусваиваясь имъ, парализуетъ и тѣ относительно малыя силы, которыя, безъ этого давленія, могли бы исправно работать. Многимъ людямъ хорошо понятое элементарное знаніе несравненно полезнѣе обширнаго курса ученія, котораго ихъ умственные силы не могутъ переварить. Первое всетаки даетъ полезное знаніе и относительное умственное развитіе, послѣднее же есть бесплодный матеріалъ, истощающій ненужной работой интеллектуальныя и вегетативныя силы воспитанника и дѣлающій его часто ни къ чему не способнымъ. Однако, къ несчастію дѣтей, умственная близорукость и самолюбіе ихъ родителей мѣшаетъ имъ дать надлежащую оцѣнку своему ребенку и понять вредъ непосильной работы. Они тутъ часто дѣлаютъ такой же ложный выводъ, какъ и въ діететикѣ: такъ какъ пища даетъ силу, то, думаютъ они чѣмъ болѣе кормить дитя, тѣмъ оно будетъ здоровѣе; такъ какъ ученье есть свѣтъ, то чѣмъ больше учить ребенка, тѣмъ оно будетъ умнѣе. Но какъ отъ пищи, несообразной съ силами пищеваренія, не смотря на ея качество, дѣти хвораютъ и умираютъ, такъ и отъ непосильнаго ученія и развиванія получаютъ тупые, бесполезные, а еще чаще вредные члены общества. Необходимо много природнаго такта, опыта, психологическихъ познаній, нужно серьезно и объективно всмотрѣться въ ребенка, чтобы на первыхъ же порахъ воспитанія или при дальнѣйшемъ ходѣ ученія приблизительно угадать тѣ предѣлы, до которыхъ онъ можетъ дойти въ своемъ развитіи. Сообразно съ этимъ воспитатель долженъ вести и развитіе самаго знанія. Еще больше нужно воспитателю честности и силы характера, чтобы открыть глаза ослѣпленнымъ родителямъ, доказывая имъ, что лучше быть честнымъ и образованнымъ переплетчикомъ, или столяромъ, нежели негоднымъ врачомъ, судьей и т. п. Природа дитяти часто даетъ себя знать уже на первыхъ порахъ ученія и умственнаго развитія. Способность дитяти, къ наблюденіямъ, къ образованію точныхъ представленій изъ наблюдаемыхъ предметовъ, способность отличать сходныя между собою представленія, удерживать въ памяти образовавшіяся, легкая ихъ репродукція и т. п., — все это будетъ манометромъ, указывающимъ опытному педагогу высоту, до которой онъ можетъ развивать интеллектуальныя силы въ томъ закрытомъ паровикѣ, который называютъ человѣческимъ интеллектомъ.

Здѣсь ему остается рѣшить вопросъ: какъ поступать при индивидуальной интеллектуальной слабости, на чемъ ограничить изученіе внѣшнихъ объектов? развить ли наибольшее, по мѣрѣ возможно-

сти, количество представлений, и только не доводить этого изучения далѣе, болѣе или менѣе, общаго развитія, т. е., дать въ каждомъ представленіи только главное, существенное, избѣгая подробностей при изученіи объектовъ; или экономить интеллектуальную силу воспитанника, не ослаблять ее, разсѣывая на большое простространство, а сосредоточить ее на изученіи хотя малаго количества представлений, но за то развить ихъ правильно и всесторонне? Первому предположенію противорѣчить то обстоятельство, что неполное и слабое представленіе даетъ недостаточное и ложное познаніе, а какъ отъ работы этихъ представлений будетъ зависѣть дальнѣйшая умственная работа воспитанника, его сужденія и заключенія, то подобное ограниченіе заключаетъ въ себѣ много опаснаго. Осуществленію-же другаго предположенія мѣшаетъ то обстоятельство, что знаніе одной группы объектовъ и ихъ отношеній и незнаніе всего остального развиваетъ односторонность знанія и нарушаетъ интеллектуальное равновѣсіе. Изъ вышесказаннаго мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Что касается до образованія простыхъ и единичныхъ представлений, то всѣ люди, независимо отъ индивидуальныхъ способностей, имѣютъ одинаковое право на ихъ всестороннее и элементарное развитіе. Исключая случаевъ болѣзненнаго состоянія органовъ чувствъ и мозговыхъ центровъ, почти всѣ дѣти способны къ правильному, болѣе или менѣе полному развитію элементарныхъ представлений всего міра опыта. 2) Другое дѣло, когда вопросъ касается содержанія отдѣльныхъ представлений, т. е., когда спрашивается, нужно-ли, не смотря ни на какое индивидуальное расположеніе, стремиться къ тому, чтобы всякое изъ развивающихся представлений было по возможности полно и научно? На этотъ вопросъ нужно рѣшительно отвѣтить отрицательно. Какъ бы ни былъ способенъ человѣкъ, все-таки нѣтъ никакой возможности довести и сотую долю существующихъ въ немъ представлений до совершеннаго развитія. Слѣдовательно и въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ многія представленія остаются даже у очень развитыхъ людей, въ рудиментарномъ состояніи, а еще большее число мало отъ него удаляется въ своемъ развитіи. Что же касается до вреда, получаемаго для познанія отъ неполныхъ и несовершенныхъ представлений, то онъ, если можно такъ выразиться, есть естественный недостатокъ нашего развитія, такъ какъ мы знаемъ, что всѣ представленія дѣт-

скаго возраста и новыя, даже у взрослыхъ, неполны и темны, а ихъ болѣе или менѣе полное развитіе совершается въ интеллектѣ постепенно, какъ въ организмѣ ростъ и развитіе всякой другой ткани, причеиъ пищей для этого развитія служатъ продолжающійся опытъ и усердное изученіе каждаго объекта представленія. Въ противодѣйствіи этому недостатку во всѣхъ такихъ случаяхъ педагогъ можетъ проявить въ полной силѣ свое умѣнье и свою дѣятельность. Это умѣнье будетъ состоять въ способности привести воспитанника къ тому, чтобы его представленія слагались изъ самыхъ существенныхъ атрибутовъ каждаго объекта, которые, даже при темныхъ мѣстахъ остальныхъ частей представленій, могли бы дать возможность не только познать объектъ, но и отличить его отъ другихъ, съ нимъ сходныхъ.

Сказанное мы можемъ резюмировать въ трехъ главныхъ положеніяхъ: педагогу должно: 1) развивать какъ можно большее число представленій вышняго опыта, отрывая всѣ стороны творчества любознательному изслѣдованію развивающагося челоуѣка. 2) Начиная съ самыхъ простыхъ и элементарныхъ представленій, подвигаться постепенно въ специализированіи знанія каждаго изъ объектовъ, руководствуясь въ этомъ прогрессѣ индивидуальными способностями учащагося, успѣхомъ въ ученіи и другими условіями. 3) При постепенномъ развитіи уже существующихъ представленій стараться, чтобы это развитіе было повсемѣстное, т. е. болѣе или менѣе касалось представленій всѣхъ областей опыта для сохраненія равновѣсія, чтобы всѣ органы чувствъ, по мѣрѣ ихъ познавательнаго значенія, принимали участіе въ обработкѣ матеріала для представленій. Бѣконъ сказалъ справедливо, что изученіе природы есть мать наукъ и потому должно поставить воспитанника лицомъ къ лицу со всѣми сторонами опыта.

Пусть дитя начинаетъ создавать свой міръ представленій съ окружающихъ людей, предметовъ комнатной обстановки, а затѣмъ пусть постепенно расширяется кругозоръ его познанія. Деревня съ ея растеніями, съ домашними животными, съ птицами, ихъ птенцами, физическія, атмосферныя явленія, развивающіяся передъ глазами ребенка во всей своей силѣ и импонирующей прелести, — все это представляетъ богатѣйшій источникъ полезнаго для развитія ребенка знакомства съ природой. Если вы думаете, что вашъ ребенокъ довольно освоился со всѣми объектами деревни, легко отличаетъ различные виды культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ, то, не дожидаясь усовер-

шенствованія въ этихъ познаніяхъ, перемѣните, если можете, декорацию природы, везите его къ морю, тамъ новый богатый и величественный источникъ откроется его любознательности. Величіе необъятной массы воды, ея измѣнчивыя движенія, волны и ревъ моря, буря и затишье, морскія раковины, черепахи, устрицы, рыбы и т. п. не только вызовутъ въ немъ представленія необъятнаго, представленіе новаго разнообразія творчества природы, но пріучатъ его къ самымъ поражающимъ переходамъ отъ необъятно-великаго къ незамѣтно-малому, отъ бурной и полной движенія стихіи къ ея полнѣйшему затишью и т. п. Посѣщайте съ вашимъ воспитанникомъ лѣсъ, пусть тамъ онъ пріучается изучать ростъ и жизнь деревьевъ, ихъ измѣненія во времени: и первую зелень листьевъ, и ихъ осеннюю желтизну, и ихъ вѣтви, покрытыя инеемъ. Возлѣ нихъ и на нихъ онъ найдетъ грибы и познакомится, хотя поверхностно, съ жизнію паразитовъ. Тамъ же, въ лѣсу, онъ найдетъ хлопотливую жизнь муравьевъ, пчелъ и множества другихъ насѣкомыхъ и звѣрей. И чѣмъ шире откроется природа познанію развивающагося человѣка, тѣмъ больше можно ожидать отъ его познанія.

Но, наставникъ, предоставьте при этомъ ребенка ему самому, пусть онъ одинъ вѣдается съ природой. Ребенокъ еще такъ недавно самъ принадлежалъ ея лону и потому его душа болѣе чутка къ ея голосу, нежели ваша, которая въ долгой борьбѣ съ нею успѣла сдѣлаться ей чуждой. Смотрите, съ какимъ наслажденіемъ изучаетъ ребенокъ природу, онъ точно видитъ въ каждомъ новомъ ея проявленіи что то родное и дорогое, которому невольно нужно радоваться, какъ будто это у него было отнято и теперь снова возвращается. Такъ ли вы наблюдаете природу, давно уже отъ нея удалившійся наставникъ? Молчите и наблюдайте, съ какимъ жаромъ и любовію вашъ воспитанникъ изучаетъ все его окружающее, все равно, жукъ ли это, бабочка или цвѣтокъ.

Пока время не пришло, не нарушайте наслажденія и свободы этой, изъ души исходящей, работы, вашими вынужденно менторскими указаніями. Забудьте о всякомъ методѣ наблюденія, о классификаціи предметовъ. Пусть ваше дитя ловитъ вездѣ, гдѣ только можетъ, свой первый матеріалъ, подобно тому, какъ птица собираетъ то, что ей нужно для гнѣзда. Вы, мать, учитесь у вашего ребенка и неутомимой дѣятельности и отсутствію той напущенной брезгливости, которую вы

сами проникнуты. Ребенокъ, съ удовольствіемъ берущій въ руки червяка, лягушку и съ жадностью наблюдающій за ихъ тѣломъ, за проявленіями ихъ движенія и жизни, говоритъ вамъ какъ философъ: „Naturalia non Sunt turpia“. Не останавливайте его, не заставляйте его бросать интересующій предметъ наблюденія и, что еще хуже, не заражайте его вашей неумѣстной боязнью того, что васъ боится. Вы этимъ становитесь между вашимъ ребенкомъ и будущимъ развитіемъ его знанія и ума. Дѣло наставника состоитъ только въ томъ, чтобы слѣдить за проявленіемъ въ познаніи ребенка представленія того или другаго объекта, чего легко достигнуть, потому что никто такъ охотно не дѣлится своимъ вновь прибрѣтеннымъ знаніемъ, какъ дитя. Приэтомъ воспитатель, разумѣется, въ началѣ не долженъ искать полноты представленія, а только того, чтобы каждое изъ нихъ ясно содержало въ себѣ познаніе существенныхъ частей каждаго объекта, того, что сильнѣе говорить органамъ чувствъ и рѣзче отличаетъ данное представленіе отъ всѣхъ другихъ. Еслибы этого не было, то дѣло воспитателя, обративъ вниманіе ребенка на желаемый пунктъ объекта, дождался того, чтобы представленіе наконецъ прибрѣло этотъ зародышъ будущаго знанія. Со стороны учителя, разумѣется, требуется глубокое всестороннее знаніе, чтобы умѣть выдѣлить существенное отъ менѣе важнаго. Подготовивъ этотъ, скажемъ, грубый матеріалъ, наставникъ долженъ предлагать ученику объекты для сравнительной оцѣнки ихъ сходства и различія, и притомъ сначала объекты совершенно различныя, а затѣмъ болѣе и болѣе сходныя. Представленія и съ незначительнымъ содержаніемъ, если они хорошо развились въ дитяти, даютъ ему возможность наблюдать даже тонкія отличія и самыя отдаленныя сходства, разумѣется, въ тѣхъ атрибутахъ, которые содержатся въ прибрѣтенныхъ имъ представленіяхъ. Кромѣ того, желаніе найти между объектами сходство или отличіе заставляеть ребенка еще внимательнѣе всматриваться въ предметы и этимъ еще болѣе изучать ихъ. Затѣмъ воспитатель долженъ осторожно перейти къ ознакомленію ребенка съ отношеніями объектовъ въ пространствѣ и во времени.

Въ деревнѣ, въ полѣ, въ лѣсу, у моря, кромѣ болѣе внимательнаго изученія отдѣльныхъ и разнообразныхъ объектовъ, ребенокъ изучаетъ ихъ во всѣхъ видахъ развитія относительно возраста и времени. По быстрому росту и увяданію растений и животныхъ онъ изу-

часть время; на открытых мѣстахъ и большихъ разстояніяхъ онъ познаетъ пространство, перспективу и различныя разстоянія между предметами. Съ переѣздомъ въ городъ въ головѣ ребенка рождаются представленія иного рода. Пространство для наблюденія суживается, но количество наблюдаемыхъ объектовъ и притомъ объектовъ весьма разнообразныхъ, не уменьшается, но такъ какъ эти объекты сложнѣе и изученіе ихъ требуетъ большаго опыта, то лучше начать съ болѣе доступныхъ уму ребенка явленій природы.

Послѣ всесторонняго, по возможности развитія по всѣмъ областямъ знанія элементарныхъ представленій, педагогъ приступаетъ къ дальнѣйшему развитію этихъ представленій, предоставляя больше и больше матеріала для увеличенія ихъ содержанія. Но и въ дѣлѣ совершенствованія представленій нужно также осторожно слѣдовать природному теченію развитія. Мы видѣли, что правильное представленіе никогда не образуется послѣ одного только обозрѣнія, а сначала представленіе имѣетъ только нѣкоторыя, ясно сознанія, точки и по мѣрѣ удаленія отъ этихъ точекъ познаніе этого представленія слабѣетъ, такъ что нужно достаточно опыта, чтобы внѣшній объектъ вызвалъ представленіе съ рѣзко очерченными границами на мѣсто тѣхъ неопредѣленныхъ контуровъ, которые имѣетъ представленіе при первоначальномъ знакомствѣ съ объектомъ.

Это долженъ имѣть въ виду педагогъ при дальнѣйшемъ ознакомленіи воспитанниковъ съ объектами познанія. Какъ живописецъ сначала кладетъ фонъ своего рисунка, а потомъ уже приступаетъ къ самой работѣ, и какъ, съ большимъ развитіемъ его работы, выступаютъ въ картинѣ одна за другой въ большемъ числѣ и съ большей отчетливостію ея детали, такъ и въ вашемъ воспитаникѣ отчетливость представленія растетъ только съ повтореніемъ опыта. Дайте время, чтобы сначала образовалась въ мышленіи общая канва представленія и потомъ, при повторительномъ изученіи предмета, слѣдите, какъ постепенно яснѣе и отчетливѣе возникаютъ въ сознаніи вашего воспитанника отдѣльныя воспріятія; тогда только считайте вашу задачу оконченной относительно изучаемаго предмета, когда ученикъ при анализѣ своего представленія будетъ въ состояніи передать вамъ всѣ ему доступныя и извѣстныя атрибуты объекта. Это дается только при старательныхъ повтореніяхъ наблюденій надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. У насъ въ школахъ, гимназіяхъ и даже университетахъ дѣлается совершенно противополо-

ложное. Учитель считаетъ свой долгъ совершенно исполненнымъ, если каждый предметъ своей науки по разу покажетъ учащимся и сообщитъ имъ его признаки и свойства. Этотъ приемъ дѣлается еще вреднѣе, когда въ продолженіе короткаго времени предлагается наблюденію дѣтей нѣсколько представленій, которыя по сходству смѣшиваются въ познаніи. Если мы убѣдились въ невозможности изъ одновременнаго наблюденія предмета разомъ создать одно отдѣльное и ясное представленіе, то понятно, что при наблюденіи большого количества предметовъ, явленія, характеризующія каждый изъ нихъ отдѣльно, смѣшиваются и перепутываются вмѣстѣ въ познаніи. Мы видѣли, что въ представленіи объекта собраны отдѣльные его признаки не въ видѣ беспорядочнаго конгломерата, а соединены между собою въ представленіи въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ они существуютъ и въ самомъ объектѣ опыта. Представленіе намъ даетъ не только познаніе объекта, но и познаніе расположенія его частей, порядка его развитія во времени. Поэтому мало довольствоваться только исчисленіемъ дѣтскими всѣхъ атрибутовъ предмета, но нужно слѣдить и за тѣмъ, правильно ли расположены въ представленіи воспитанника части объекта. Пока ребенокъ еще не научился рисовать, приходится ограничиваться изображеніями предметовъ, на которыхъ бы онъ показывалъ, расположеніе частей предмета, а затѣмъ онъ долженъ самъ изображать предметы; для начала достаточны и самыя грубыя приемы рисованія. Само собою разумѣется, что постепенное увеличеніе содержанія каждаго представленія должно дѣлаться только изъ матеріала, доступнаго пониманію воспитанника.

4. При началѣ систематическаго ученія, учителя, знакомя дѣтей съ предметомъ, не обращаютъ вниманія на степень предварительной подготовки ученика и силу его пониманія вообще. По мнѣнію такихъ педагоговъ обязанность ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы сообщить ученикамъ о предметѣ, что они сами знаютъ или что положено программой. Но непонятый ученикомъ признакъ представленія вмѣсто того, чтобы увеличить познавательную его силу, затемняетъ ее и тѣмъ ослабляетъ. Поэтому, чѣмъ моложе, или чѣмъ менѣе умственно развито дитя, тѣмъ элементарнѣе должны быть развиваемы въ немъ представленія, тѣмъ доступнѣе его пониманію каждый признакъ, заключающійся въ представленіи. Такъ напр., увеличится ли познаніе дитяти

о животномъ, когда вы ему скажете, что оно дышетъ легкими и что оно теплокровное, если ребенокъ никогда не видѣлъ легкихъ, не понимать, въ чемъ состоитъ процессъ дыханія, незнакомъ съ разницей въ температурѣ крови животныхъ и т. п. Каждое представленіе дитяти должно сначала состоять, какъ мы видѣли, изъ элементарнаго зерна, непосредственно полученнаго изъ опыта, около котораго новые отличительные признаки должны постепенно концентрироваться по мѣрѣ увеличенія объема опыта и укрѣпленія интеллекта. Вотъ почему очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что для элементарнаго ученія достаточно и поверхностно приготовленнаго учителя. Изъ сказаннаго мы видимъ напротивъ, что чѣмъ элементарнѣе должно быть ученіе, тѣмъ глубже долженъ быть анализъ отдѣльныхъ атрибутовъ знанія, со стороны воспитателя и тѣмъ больше и всестороннѣе долженъ онъ обнимать весь предметъ ученія, чтобы сдѣлать предлагаемое имъ своему ученику знаніе насущнымъ и удобусвояемымъ матеріаломъ.

5. Если въ представленіи внѣшняго объекта, вслѣдствіе недостаточности развитія, нѣкоторыя воспріятія предмета вовсе не содержатся, или, если и содержатся, то только въ очень слабой степени и границы каждаго представленія не опредѣлились въ познаніи рѣзко, то такое представленіе, при нѣкоторомъ сходствѣ содержанія съ другимъ, можетъ легко слиться и два различные объекта познаются однимъ представленіемъ. Такъ напр., дѣти соединяютъ представленія различныхъ животныхъ въ представленіи одного животнаго; у простолюдиновъ: знахарь, фельдшеръ и врачъ содержатся въ одномъ представленіи врачующаго и т. п. Далѣе, если предметъ, рассмотрѣнный разъ, далъ представленіе, состоящее изъ воспріятій только одной своей стороны, а въ другой разъ будетъ разсматриваться, безъ связи съ первымъ разомъ съ другой стороны, то явится новое представленіе, независящее отъ перваго и отъ него отличное. Слѣдствіемъ этого будетъ образованіе двухъ отличныхъ представленій, приписываемыхъ познаніемъ двумъ внѣшнимъ предметамъ, тогда какъ въ дѣйствительности—они оба отвѣчаютъ только одному предмету, который съ различныхъ сторонъ наблюденія представляетъ различные признаки. Подобныя представленія вызываютъ больше путаницы, нежели правильнаго пониманія. Изъ этого слѣдуетъ, что и самое элементарное представленіе объекта никогда не должно ограничиваться изученіемъ одной только стороны объ-

екта, а непременно всѣхъ частей вмѣстѣ, и притомъ необходимо въ каждой сторонѣ болѣе освѣтить признаки, отличающіе данный объектъ отъ другихъ.

6. Совмѣстное дѣйствіе атрибутовъ cadaго внѣшняго объекта на органы чувствъ обусловливаетъ, какъ намъ извѣстно, содержаніе и распределеніе частей cadaго представленія. Однако во время наблюденія того или другаго объекта могутъ дѣйствовать на органы чувствъ, кромѣ постоянныхъ атрибутовъ объекта, составляющихъ самый предметъ, и другія явленія, чуждыя природѣ объекта, а случайно съ нимъ соединившіяся. Такъ напр., ребенокъ, въ представленіи о своей собственной личности, соединяетъ и представленіе своего платья. Далѣе, если въ представленіи слѣдованія явленій другъ за другомъ во времени, на опытѣ за какимъ нибудь явленіемъ слѣдуетъ не то, которое въ природѣ есть дѣйствительно ему послѣдующее явленіе, а другое, случайное, то представленіе послѣдовательности образуется неправильное. Чѣмъ чаще воспроизводится эта неправильная комбинація внѣ насъ и внутри нашего мышленія, тѣмъ сильнѣе дѣлаются сложившіяся такимъ образомъ ложныя представленія единовременнаго существованія и послѣдовательности. Изъ этого вытекаетъ необходимость для воспитателей очищать, насколько это возможно, внѣшній матеріалъ познанаія отъ случайныхъ явленій, чтобы объекты изучались безъ ненужныхъ прибавленій, а изъ явленій, слѣдующихъ другъ за другомъ во времени, тѣ, которыя имѣютъ какую нибудь причинную связь. Если же невозможно избѣжать неправильныхъ комбинацій, то такимъ образомъ неправильно развившееся представленіе необходимо очистить надлежащимъ анализомъ отъ случайнаго, ему несвойственнаго матеріала, вредящаго пониманію. Опытные педагоги знаютъ, какъ трудно расторгнуть въ послѣдствіи связи, установившіяся въ мышленіи вышеизложеннымъ образомъ.

7. Другой источникъ ложныхъ представленій состоитъ въ томъ, что одинъ и тотъ же предметъ опыта можетъ въ различныхъ условіяхъ времени, пространства и состоянія представляться съ различными атрибутами. Такъ напр., вода или металлъ, подъ вліяніемъ различной температуры, представляются въ различныхъ видахъ, такъ же и метаморфозы въ развитіи многихъ видовъ животныхъ и растений дають различный видъ одному и тому же объекту. Разумѣется, что представленіе тогда только полно, когда оно составляется изъ соединенія отдѣльныхъ представленій всевозможныхъ измѣненій объекта въ пространствѣ и во времени,

при различныхъ условіяхъ. Такъ напр., при изученіи воды, нужно ее представить сначала въ видѣ льда, затѣмъ, возвышая температуру, постепенно приводить въ жидкое и, наконецъ, въ парообразное состояніе. Также точно при изученіи предмета, мѣняющагося во времени, лучше всего представить всѣ фазы его измѣненія. Такъ напр., дать сѣмяна растенія ребенку для посѣва и предоставить его наблюденію посѣянное, проходящее всѣ фазы произростанія, Для представленія развитія животныхъ во времени, очень полезно собрать нѣсколько личинокъ бабочекъ и, сохранивъ ихъ въ стекляномъ сосудѣ, предоставить наблюденію метаморфозы этого насѣкомаго. Кто видѣлъ наслажденіе, доставляемое дѣтямъ подобными наблюденіями, тотъ пойметъ всю ихъ пользу. Также точно въ высшей степени поучительны наблюденія за насѣдкой, за вылупленіемъ цыплятъ изъ яицъ и ихъ дальнѣйшей жизнью.

8. Для образованія представленій сложныхъ объектовъ, состоящихъ изъ соединенія многихъ отдѣльныхъ объектовъ въ одномъ, необходимо прежде знакомить воспитанника съ отдѣльными частями, вмѣстѣ составляющими весь сложный объектъ познанія, потомъ нужно дать ихъ связать воспитаннику въ одно цѣлое, а затѣмъ снова разобрать его на части. Если же предметъ опыта уже сложился изъ отдѣльныхъ частей, то съ помощію анализа должно добыть для изученія отдѣльныя его части, а потомъ приступить къ постройкѣ цѣлаго. Такъ напр., очень полезно давать маленькимъ дѣтямъ строить домъ изъ кубиковъ или кирпичиковъ; болѣе взрослымъ дѣтямъ очень полезно давать для изученія различные механизмы, восходя отъ простѣйшихъ до болѣе сложныхъ, причемъ лучше всего стремиться къ тому, чтобы дѣти сами находили нужную связь механизма, необходимую для приведенія его въ дѣйствіе. Такая работа сильно развиваетъ самостоятельную сообразительность дѣтей и удовлетворяя ихъ чувство счастливымъ результатомъ ихъ стараній толкаетъ ихъ болѣе и болѣе на путь самостоятельныхъ изслѣдованій и сужденій.

9. Для образованія яснаго представленія какогонибудь сложнаго объекта необходимо, еслиэто возможно, имѣть его въ продолженіе достаточнаго времени передъ органами чувствъ, чтобы всѣ его явленія одновременно дѣйствовали на нихъ. Но очень часто вмѣсто самаго объекта учащемуся представляютъ рисунокъ, модель или фигуру. Изъ этого въ ребенкѣ можетъ выработаться представленіе только изображенія, но ни въ какомъ случаѣ не представленіе самого объекта. Другое дѣло, если у

ребенка уже составилось представленіе дѣйствительнаго объекта, тогда изображеніе, давъ познанію нѣсколько общихъ свойствъ съ тѣмъ представленіемъ объекта, можетъ вызвать его изъ бездѣйствія къ дѣятельности, тѣмъ способствовать его укрѣпленію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать возможность мышленію имъ оперировать. Въ этомъ случаѣ въ мышленіи дѣйствуетъ не представленіе изображенія, а представленіе самаго предмета, относительно котораго первое есть только стимулъ, приводящій послѣднее въ дѣятельное состояніе. Если же на опытѣ дитя никогда не встрѣчало объекта, а видѣло только его изображеніе, то представленіе его относительно самаго объекта будетъ совершенно ложное. Въ этомъ представленіи будутъ противорѣчить дѣйствительности размѣры, перспектива и другія явленія объекта, которыя получаютъ мышечнымъ чувствомъ, осязаніемъ, вкусомъ обоняніемъ и т. п.

10. Выше мы видѣли, что способности правильно образовывать представленія должно предшествовать значительное развитіе воспріятій и физиологическое развитіе мозговыхъ ячеекъ. Такъ мы видѣли, что въ первые мѣсяцы жизни дитяти образуются только воспріятія, а не представленія. Затѣмъ образующіяся представленія очень слабы и неопредѣленны, поэтому скоро забываются, и сходные объекты мѣшались въ познаніи. Только съ шестилѣтняго возраста и до четырнадцати лѣтъ развивающіяся представленія сохраняютъ самую большую силу, долговѣчность и легче репродуцируются, нежели представленія, образующіяся во всѣхъ другихъ возрастахъ; все видѣнное и слышанное въ этомъ возрастѣ рѣдко забывается до глубокой старости. Вотъ почему до начала этого возраста допускаются только одни элементарныя представленія, самостоятельно ребенкомъ вездѣ добываемыя; всякое же серьезное ученіе раньше семи лѣтъ, во 1-хъ, бесполезно, потому что, несмотря на трудъ ребенка, даетъ самыя слабыя и не живучія представленія, во 2-хъ вредно, потому что большая часть содержанія научныхъ представленій недоступна пониманію въ этомъ возрастѣ и вызываетъ путаницу въ познаніи, мѣшаетъ окрѣпнуть производительной силѣ мозга вслѣдствіе непосильной работы. Такъ какъ до четырнадцатилѣтняго возраста еще невозможно исключительно заняться полнымъ развитіемъ познаній отдѣльныхъ объектовъ и ихъ связей, вытекающихъ изъ ихъ содержанія, а образовательная сила представленій, въ періодъ жизни отъ 6 до 14 лѣтняго возраста, самая производительная, то этотъ періодъ времени долженъ преимущественно выполняться, кромѣ посте-

пеннаго расширенія свѣдѣній о природѣ, еще изученіемъ представлений болѣе механическимъ путемъ, нежели пониманіемъ. Эти представленія не требуютъ дальнѣйшаго совершенствованія, какъ познаніе объектовъ реального существованія, а разъ выученныя — остаются въ такомъ же состояніи, но за то должны существовать въ насъ всю жизнь и легко репродуцироваться. Это — представленія словъ и оборотовъ рѣчи. Сюда принадлежитъ изученіе кромѣ своего языка еще и чужихъ языковъ, также хронологіи, однимъ словомъ того, что требуетъ одной механической памяти. Послѣ этого возраста, съ увеличеніемъ развитія интеллекта, дѣлается болѣе возможнымъ развитіе и сохраненіе представлений, соединенныхъ разумной связью отношеній, какъ-то: причинной связью, сходствомъ, общимъ происхожденіемъ и т. д.

11. Наблюдая за развитіемъ представлений у дѣвочекъ и сравнивая его съ таковыми у мальчиковъ подходящаго возраста, мы пришли къ тому убѣжденію, что полъ имѣетъ громадное значеніе уже на первыхъ порахъ умственного развитія. Мальчикъ ищетъ свои представленія вездѣ, во всѣхъ углахъ природы и не брезгаетъ ничѣмъ, чтобы узнать что-нибудь новое. Онъ охотно проводитъ годы среди животныхъ, безъ усталости копается въ землѣ, ему не надоѣдаетъ жизнь въ лѣсу и т. п. Дѣвочка больше всего обращаетъ свои органы чувствъ на то, что доставляетъ не только знаніе, но и удовольствіе. Въ своемъ опытѣ она меньше руководится потребностію ума, нежели чувства. Она любитъ цвѣты, собираетъ раковины и т. п. бездѣлушки, дѣйствующія пріятно на ея глазъ или обоняніе. Она проводитъ время со своими куклами, обшивая ихъ или убаюкивая и никакое внутреннее чувство не гонитъ ее, какъ мальчика, изъ дому искать новыхъ объектовъ познания.

Въ берлинской школьной статистикѣ Бартоломея (Bartholomaei), за 1873 годъ, доказывается цифрами, что дѣвочки, во всѣхъ классахъ представлений, которые подверглись изслѣдованію, исключая представлений, относящихся къ дому и семьѣ, стоятъ ниже мальчиковъ. Больше и отчетливѣе всего у дѣвочекъ развиваются представленія, соединенныя съ чувствомъ, какъ громъ, молнія и т. п. Насколько подобное вліяніе пола на образованіе представленія суживаетъ горизонтъ познанія женщины и насколько оно вноситъ въ самую основу мышленія женщины субъективности, объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы хотимъ только обратить вниманіе на разницу въ уходѣ за развитіемъ

представленій у дѣтей различнаго пола. Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что дѣвочку нужно отвлекать отъ ея мертвыхъ куколъ и стараться привлечь къ живой природѣ и ея естественнымъ объектамъ. Если чувства нерѣдко возвышаютъ женщину надъ мужчиной въ нравственномъ мѣрѣ, то недостатокъ въ познаніи реальнаго въ женщинѣ вноситъ насчетъ объективности субъективность въ мышленіе. Поэтому педагогу и приходится прежде всего бороться съ субъективными инстинктами дѣвочекъ. Для достиженія этой цѣли, я думаю, лучше всего, по возможности, воспитывать дѣтей различныхъ половъ до девятилѣтнаго возраста вмѣстѣ. Если съ развитіемъ половыхъ инстинктовъ мужчина зачастую подчиняется власти женщины, то въ раннемъ возрастѣ большею частію я замѣчалъ значительное преобладаніе мальчиковъ надъ дѣвочками. Послѣднія бѣгутъ за первыми и охотно принимаютъ участіе въ ихъ играхъ и занятіяхъ, которыя имъ были бы чужды безъ участія мальчиковъ.

12. Съ накопленіемъ большаго или меньшаго числа представленій въ ребенкѣ, начинается между ними работа, проявляющаяся въ формѣ простыхъ разсужденій. Простѣйшая форма состоитъ въ разчлененіи представленія на его составныя части; это — первоначальный внутренній анализъ. Онъ проявляется съ самаго начала дѣтскаго мышленія. Такъ дитя, познакомившееся съ розою, при видѣ ея, начинаетъ дѣлать носикомъ нюхательныя движенія, — значитъ: роза пахнетъ; при видѣ собаки ребенокъ кричитъ: „гавъ, гавъ“, — значитъ собака лаетъ. Потомъ являюся сужденія, выражающія совершившуюся связь послѣдовательныхъ явленій. Ребенокъ, видѣвшій зажатіе спички отъ тренія, найдя спичку, приноситъ ее взрослому и проситъ чиркнуть ею, зная, что за этимъ послѣдуетъ свѣтъ. Далѣе появляются взаимодействія между представленіями, дающее познаніе ихъ сходства и отличія и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, разумѣется, необходимо предоставить ребенка самому себѣ. Поученія маменокъ и нянекъ были бы смѣшны, если бы не были такъ вредны. Единственная активная помощь со стороны окружающихъ должна состоять только въ разумномъ предоставленіи наблюдательности ребенка новыхъ сочетаній на опытѣ. Впослѣдствіи, кромѣ случайныхъ связей представленій, совершающихся на томъ только основаніи, что ихъ объекты слѣдовали другъ за другомъ во времени или вмѣстѣ находились въ пространствѣ, начинаютъ образовываться связи разумныя, вслѣдствіе средства или причиннаго отношенія между

явленіями опыта. Послѣднія больше удовлетворяютъ интеллектуальное чувство (о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ), чѣмъ первыя, — и потому „отчего“ и „почему“ — дѣлаются обычными вопросами, съ которыми пытливый умъ ребенка обращается къ наставнику, какъ губки новорожденнаго къ груди матери. Обыкновенно на эти вопросы дѣтей отвѣчаютъ самыми глупыми отвѣтами для того только, „чтобы отвязаться“ или же „ученые педагоги“ совсѣмъ не отвѣчаютъ имъ, стараясь объяснить ребенку каждый частный случай общимъ закономъ, который совершенно непонятенъ дитяти, и потому оставляетъ его также неудовлетвореннымъ, какъ прежде, — до отвѣта, да еще вдобавокъ взволнованнымъ и огорошеннымъ полученіемъ куска „дерева на мѣсто хлѣба“. Въ этихъ случаяхъ благо разумному воспитателю остается только объяснять одинъ частный случай другимъ такимъ же частнымъ случаемъ, уже познаннымъ на опытѣ. Этимъ удовлетворяется ребенокъ, и этимъ путемъ въ немъ набирается частный матеріалъ, изъ котораго, въ свое время, при правильной эволюціи интеллектуальнаго органа, разовьется индукція, которая дастъ познаніе общаго закона. Поэтому необходимо при всякомъ новомъ познаніи факта возобновлять въ памяти дѣтей сходные частные случаи, прежде познанные и связывать новое съ прежнимъ знаніемъ, помогая природѣ въ ея стремленіи къ единству знанія.

13. Когда въ воспитанникѣ развился всесторонній фундаментъ мышленія, т. е. существуютъ уже порядочно подготовленные и хорошо развитыя представленія во всѣхъ областяхъ опыта, и разумныя связи между ними, тогда остается приступить къ развитію спеціальнаго знанія. Оно необходимо во 1-хъ потому, что человѣчествомъ выработано гораздо больше знанія, нежели можетъ обхватить даже гениальный умъ, слѣдовательно о всестороннемъ глубокомъ знаніи и думать нечего, а потому желающему идти дальше, по пути знанія, остается только спеціализироваться въ той или другой отрасли, такъ какъ человѣкъ можетъ развивать максимумъ своей интеллектуальной силы и умственно творить только въ той области представленій, которая развита больше другихъ и на счетъ другихъ, во 2-хъ, общество требуетъ для каждой спеціальной дѣятельности особенно для нея приготовленныхъ дѣятелей, и потому для противостоянія соперникамъ и пользы въ служеніи обществу каждый человѣкъ долженъ стремиться достигъ возможнаго совершенства въ одномъ изъ спеціальнахъ знаній. Что время для спеціальнаго развитія знанія можетъ наступить только по окончаніи общаго умственна-

го развитія, — это доказываетъ и фізіологія: она учитъ, что чѣмъ больше израсходуется потенциальной силы, вырабатываемой изъ пищи каждымъ индивидомъ, на развитіе и отправленіе одной части организма, тѣмъ меньше останется ея для другихъ. Этотъ законъ стоитъ твердо въ фізіологіи. Подъ него же мы можемъ подвести и отношеніе мозговыхъ функцій къ израсходованію потенциальной силы, вносимой въ него приливающейся въ мозгъ кровію: Такъ люди, пріучаемые съ дѣтства къ значительному продуцированію механической (мышечной) работы, оказываются очень слабыми въ развитіи представленій и умственной силы вообще, и наоборотъ: дѣти, черезчуръ учащіеся и мало работающіе мышцами, физически слабы и имѣютъ дряблыя мышцы. Сказанное относится не только къ различнымъ функціямъ мозга, но и къ отраслямъ одной и той же функціи и частямъ одного и того же органа. Опытъ насъ убѣждаетъ, что черезчуръ сильное развитіе одного рода представленій всегда бываетъ на счетъ силы и развитія представленій другаго рода. Такъ напр., художники, съ раннихъ лѣтъ посвятившіе себя ихъ спеціальному искусству, остаются на всю жизнь ограниченными людьми. Это фактъ, въ которомъ мы, къ сожалѣнію, ежедневно убѣждаемся, живя въ нашемъ обществѣ. Разумѣется это высказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ раньше начинается преимущественное развитіе одного класса представленій на счетъ другихъ. Если оно начинается тогда, когда уже успѣло развиться надлежащее количество правильно развитыхъ представленій въ различныхъ областяхъ опыта, то послѣднія остаются; но если оно дѣлается ранѣе, то другія необходимыя познанію представленія или вовсе не развиваются или остаются въ рудиментарномъ состояніи. Люди, которые слишкомъ рано начали спеціализироваться, обладаютъ въ области своей спеціальности очень сильно развитыми представленіями. Послѣднія безпрестанно и съ необыкновенной быстротой появляются въ сознаніи, легко вызываютъ соотвѣтствующую дѣятельность и работа этихъ представленій даетъ хорошіе результаты, но въ то же время всѣ другія образовавшіяся представленія нерѣдко находятся въ самомъ неразвитомъ состояніи, познаются темно и сужденія, вышедшія изъ ихъ взаимодѣйствія, бываютъ ложны и односторонни.

У всякаго человѣка, независимо отъ количества выработанныхъ имъ представленій, только извѣстная ограниченная ихъ группа поль-

зается преимущественной дѣятельностью въ мышленіи, вслѣдствіе частаго ихъ повторенія, а всѣ другія появляются въ сознаніи въ рѣдкихъ случаяхъ и то вслѣдствіе особенныхъ къ тому стимуловъ. Знакомство съ учеными, даже специалистами, въ большинствѣ случаевъ, убѣждаетъ насъ, что съ исключительнымъ развитіемъ специальности почти всегда соединяется и односторонность ума и отсутствіе не только творчества, но даже и правильнаго мышленія во всемъ, что выходитъ изъ области ихъ специальности. Понятно, что при слабости интеллектуальной силы, хотя специализація знанія и даетъ ей возможность проявить относительное maximum своей дѣятельности въ одномъ пунктѣ, за то она во всѣхъ другихъ падаетъ довольно низко, даже ниже прежняго, вслѣдствіе прекращенія въ тѣхъ областяхъ дѣятельности. Тоже самое происходитъ и въ другихъ отправленияхъ; такъ при преимущественной дѣятельности одной группы мышцъ, онѣ увеличиваются въ объемѣ и дѣлаются сильнѣе, а другія мышцы, мало или вовсе не принимающія участія въ обычной дѣятельности, атрофируются и теряютъ свою силу. Если безпрестанный ростъ человѣческаго знанія и развитіе отдѣльныхъ наукъ принесли несомнѣнную пользу для человѣчества вообще, то они отзывались въ нѣкоторомъ отношеніи вредно, по нашему мнѣнію, на индивидуальномъ умѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Для всесторонняго сужденія нынѣ мало одного, даже передоваго ума, а нужно ихъ нѣсколько. Изъ сказаннаго мы видимъ, какъ осторожно нужно относиться къ специализаціи знанія, не доводя его во всякомъ случаѣ ранѣе общаго развитія до тѣсныхъ границъ одной какой нибудь специальности. Что касается до средствъ для специализаціи, т. е. преимущественнаго развитія представленій и ихъ связей въ одной области знанія, то они вытекаютъ изъ изложеннаго нами при описаніи представленій. Въ этомъ отношеніи люди должны слѣдовать приѣмамъ, которые употребляютъ пчелами для развитія у себя матокъ. Изъ однихъ и тѣхъ же яицъ онѣ развиваютъ обыкновенныхъ рабочихъ пчелъ и матокъ; разница состоитъ только въ томъ, что для послѣднихъ онѣ только расширяютъ ячейки, гдѣ лежатъ яички и увеличиваютъ ихъ питаніе. Мы видѣли, что педагогъ долженъ дѣлать то же самое съ представленіями избранной специальности, — онѣ увеличиваетъ ихъ объемъ, влагая постепенно въ нихъ все больше и больше содержанія, выработаннаго наблюденіемъ и наукой, и улучшаетъ ихъ

питаніе и силу постепеннымъ повтореніемъ и взаимодействіемъ представлений всѣхъ группъ данной специальности.

Наконецъ остается рѣшить вопросъ: чѣмъ руководствоваться воспитателю или самому воспитывающемуся при выборѣ специальности? Кажется, что въ нашемъ отечествѣ ни въ одной области педагоги такъ не грѣшатъ родители и избирающіе себѣ карьеру юноши, какъ въ этомъ вопросѣ. Не талантъ къ извѣстной отрасли, не наклонность къ занятіямъ ею рѣшаютъ данный вопросъ, а чаще всего или слѣпой случай, или расчетъ, состоящій въ томъ, какая специальность представляетъ больше выгодъ, или гдѣ блистательнѣе карьера. Отчасти причиной этому служитъ бѣдность специальныхъ заведеній и варварское отношеніе вакансій въ этихъ заведеніяхъ къ количеству желающихъ поступить (приблизительно одно мѣсто на 8 или 10 желающихъ). Для нашихъ юношей чаще всего вопросъ идетъ не о выборѣ того или другаго спеціального заведенія, а о томъ, чтобы вообще попасть въ какое нибудь изъ нихъ. Мнѣ нерѣдко случалось видѣть молодыхъ людей, желавшихъ попасть въ университетъ на юридическій факультетъ, и вмѣсто того попадавшихъ въ медицинскую академію, а готовившіеся въ инженеры, дѣлались филологами и т. п. Кроме того, у насъ случайность въ избраніи специальности для окончанія своего воспитанія зависитъ отъ того, что никогда и никто изъ воспитателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не даетъ себѣ труда проштудировать спеціальныя способности каждаго изъ учащихся. Это совершенно не входитъ въ программу этихъ заведеній. Каждый изъ воспитанниковъ разсматривается тамъ только какъ субъектъ, долженствующій выучить наизусть извѣстное количество учебниковъ, и когда все это исполнено, тогда роль воспитателя кончается. Даютъ юношѣ аттестатъ зрѣлости, — этотъ *passé-partout*, и онъ идетъ дальше туда, куда судьба его занесетъ. Да еслибы даже родители и учителя захотѣли сдѣлать нужный діагностъ души юноши, чтобы узнать, къ чему она больше расположена, то очень мало у насъ нашлось бы такихъ, которые могли бы справиться съ заданной себѣ задачей. Для этого необходимо нужно знать психологію, умѣть заглядывать въ глубину человѣческой души и умѣть прислушиваться къ ея шопоту. А много ли у насъ такихъ не только родителей, но и педагоговъ, которые, я не скажу знаютъ психологію, но считаютъ ее вообще для себя полезной наукой? Наконецъ, причина неосмысленности въ выборѣ нашими молодыми людьми специальностей, за-

ключается и въ безобразной программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Мальчику нужно было столько учиться, что ему некогда было сознательно почувствовать—какое изъ занятій ему милѣе другихъ; постоянное изученіе древнихъ языковъ и грамматическихъ правилъ разумѣется не можетъ развить въ мальчикѣ наклонности къ одному какому нибудь предмету изъ его курса занятій, а скорѣе развиваетъ одно отвращеніе къ ученію, заключающееся болѣе въ механическомъ и трудномъ изученіи наизусть всевозможныхъ правилъ да формулъ безъ всякаго удовлетворенія интеллектуальнаго чувства. Благодаря этой сухой и мертвой системѣ преподаванія, у насъ въ гимназіяхъ дѣти трудятся для аттестата зрѣлости, въ университетахъ—юноши для диплома и взрослые—вездѣ для карьеры, а для истиннаго знанія въ нашемъ обширномъ отечествѣ нигдѣ нѣтъ уголка. У насъ вездѣ чиновники, начиная отъ департаментовъ до кафедръ включительно; людей, любящихъ науку и преданныхъ ей, можно сосчитать по пальцамъ, не смотря на то, что ихъ продуцируетъ 80-милліонное населеніе, имѣющее свои университеты около двухъсотъ лѣтъ.

Психологъ, всматриваясь въ проявленія умственнаго развитія каждаго воспитанника, даже ограниченнаго, большею частію могъ бы найти у однихъ уголокъ, гдѣ энергичнѣе дѣйствуетъ какая нибудь интеллектуальная сила, у другихъ, болѣе даровитыхъ—область, гдѣ теплится творческая искра.

Наблюдая за образованіемъ представленій у различныхъ дѣтей, не трудно замѣтить, что у нихъ образуется извѣстный классъ представленій скорѣе, чѣмъ всѣ другія; представленія этого класса легче вспоминаются. Въ одномъ воспитанникѣ группа интеллектуальныхъ представленій извѣстнаго содержанія работаетъ бойко, увлекая вмѣстѣ съ тѣмъ и его интеллектуальное чувство; онъ занимается даннымъ предметомъ съ удовольствіемъ, не замѣчая времени занятія; у того же самаго воспитанника другія группы представленій дѣйствуютъ вяло, даютъ мало интеллектуальныхъ результатовъ и эта работа, какъ несродная душѣ, сопровождается подавляющимъ чувствомъ скуки и быстрого утомленія. Оно отражается и на дыханіи зѣвотой, и на мыслевой дѣятельности, тормозящимъ образомъ, располагая учащагося ко сну и т. п. У нѣкоторыхъ, даже у большинства дѣтей, больше любви и способности къ реальнымъ предметамъ. Иные дѣти по цѣлымъ часамъ любятъ созерцать предметы природы, представляющіеся ихъ взорамъ

въ пространствѣ, какъ напр., ландшафты, стада, лѣсъ и т. п. Въ этомъ собраніи предметовъ въ пространствѣ иныхъ больше очаровываютъ комбинаціи цвѣтовъ, другихъ пластика и т. д. Въ дѣтскомъ возрастѣ больше всего скульпторовъ и живописцевъ. Другіе дѣти мало расположены къ комбинаціямъ въ пространствѣ, но за то любятъ донельзя сказки, рассказы, стихи и музыку, гдѣ представленія слѣдуютъ другъ за другомъ во времени. Очень часто дѣти сами не отдають себѣ отчета въ различныхъ чувствахъ, вызываемыхъ въ нихъ разнообразными занятіями и играми, еще менѣе можетъ педагогъ ожидать отъ нихъ отчета о томъ или другомъ чувствѣ, вызванномъ тѣмъ или другимъ занятіемъ. Наблюденіе за энергіей и увлеченіемъ во время работы и игры, за выраженіемъ глазъ и лица и т. п., раскроютъ наставнику дорогу для спеціальнаго развитія каждаго воспитанника.

Но если нѣкоторыя особенныя способности очень рѣзко выдаются съ самаго начала, такъ что и родители въ состояніи ихъ замѣтить, то пусть они не спѣшатъ ихъ спеціально развивать насчетъ другихъ, боясь упустить время. Если къ неравнымъ величинамъ вы прибавите равное, то онѣ останутся неравными и то, что прежде было больше, остается имъ и послѣ. Тоже самое относится и къ особенно выдающимся способностямъ. Сдѣлайте вашего ребенка сначала всесторонне-образованнымъ человѣкомъ, и тогда только онъ можетъ сдѣлаться дѣльнымъ и полезнымъ спеціалистомъ. Разумѣется, что и при общемъ развитіи воспитанника умный педагогъ безвредно можетъ ударять немного больше на занятія нѣкоторыми особенными предметами, но не ослабляя при этомъ гармоніи въ цѣломъ воспитаніи. Такъ ребенка, выказывающаго способности и любовь къ музыкѣ, нужно начать исподоволь знакомить съ этимъ искусствомъ съ раннихъ лѣтъ, напр. 8 или 9 лѣтъ.

Но если у молодого человѣка, съ достаточнымъ общимъ образованіемъ, явится разумное желаніе избрать опредѣленную спеціальность, то не противорѣчьте ему, не отговаривайте, выставляя на видъ большую пользу для кармана, или лучшую карьеру для честолюбія въ другой спеціальности. Этимъ вы дѣлаетесь врагами вашего воспитанника и всего общества. Только тотъ полезный и хорошій работникъ, который работаетъ то, къ чему имѣетъ влеченіе. Разумѣется, нельзя считать между желательными спеціальностями военную службу. Обыкновенно къ ней стремится молодежь во избѣжаніи усиленнаго умственнаго труда; въ этомъ случаѣ преобладаетъ или физическая сила, или увлеченіе блес-

комъ формы. Когда отечество въ опасности, то каждый дѣлается воинъ, чему способствуетъ и всеобщая рекрутская повинность.

Всякое основательное стремленіе молодого человѣка къ полезной специальности, если бы даже это было къ ремеслу, всегда должно быть свято для родителей. Человѣкъ, попавшій противъ своего желанія на ту или другую карьеру, остается безполезнымъ дѣятелемъ для общества и несчастнымъ для самого себя на всю свою жизнь.

Гризингеръ * говоритъ: „Одинъ нашъ знакомый дошелъ до сумашествія въслѣдствіе того, что онъ хотѣлъ быть пасторомъ, а долженъ былъ сдѣлаться мясникомъ“.

14. Изъ изложенія нашей теоріи представленій намъ уяснилась роль, которую среди нихъ играютъ представленія словъ. Мы видѣли, что, хотя каждое произнесенное слово порождается объективнымъ представленіемъ, до него изъ опыта образовавшимся, но представленіе слова есть только символъ объективнаго познанія, а не само познаніе. Мы видѣли, какъ представленія начинаютъ выражаться наружу сначала инстинктивнымъ лепетомъ дитяти, и, только послѣ долгаго труда, дѣти научаются произносить слова для обозначенія ими предметовъ ихъ опыта.

Слыша отъ взрослыхъ, какъ тѣ называютъ тотъ или другой предметъ, дѣти въ подражаніи старшимъ также начинаютъ съ даннымъ объектомъ соединять тоже самое слово. Этимъ путемъ дитя научается понимать старшихъ и выказывать окружающимъ представленія, въ то время дѣятельныя въ ихъ сознаніи. Съ какимъ трудомъ дается ребенку изученіе каждаго слова и умѣнья его произнести, — извѣстно каждому.

Изъ сказаннаго ясно, что одна изъ наисущественнѣйшихъ заботъ воспитателя должна состоять въ томъ, чтобы каждому правильно развитому представленію отвѣчало положительное слово; это слово такъ же рѣзко должно отличаться отъ другихъ словъ, какъ и то представленіе, котораго оно есть символъ, отличается отъ представленій другихъ объектовъ. Слово, обозначающее два или три различныхъ объекта, мѣшаетъ интеллектуальной работѣ и запутываетъ ее. Можетъ случиться, что, въслѣдствіе принадлежности одного слова нѣсколькимъ представленіямъ различныхъ объектовъ, всѣ эти представленія даннымъ словомъ призовутся къ дѣятельности. Когда это слово является выраженіемъ чужой мысли, то приходится догадываться, какое изъ однозначущихъ

* Op. citat. p. 53.

представленій соединилъ въ своемъ мышленіи съ тѣмъ словомъ говорившій или писавшій. Также точно вредно, когда одно и тоже представленіе имѣетъ 2—3 названія, потому что они напрасно занимаютъ мѣсто въ тѣсномъ и безъ того интеллектуальномъ вмѣстилищѣ и при мышленіи вводятъ на дѣятельную арену совершенно излишніе члены, мѣшающіе работѣ. Однако, болѣе для удовлетворенія эстетическаго чувства, нежели для умственной потребности, человѣку приходится знать нѣсколько названій одного и тогоже объекта, одного и того-же отношенія между объектами. Такъ напр. въ беллетристикѣ, въ краснорѣчїи нужно ради красоты слога избѣгать близкаго повторенія одного и тогоже слова и потому при необходимости повторенія въ мышленіи одного и того же объекта, по требованію идеи красоты, избираются различныя названія одного и того же предмета или положенія. Также точно поэтъ, стѣсняясь условіями ритма и размѣра, по необходимости долженъ прибѣгать часто къ обозначенію одного и того же то однимъ, то другимъ названіемъ. Но изученіе этихъ различныхъ наименованій одного и тогоже мыслеваго процесса необходимо отложить на тотъ періодъ, когда представленія объектовъ и ихъ связи со словомъ успѣютъ окрѣпнуть въ интеллектѣ и войти въ постоянную связь съ опредѣленнымъ словомъ; тогда уже можно соединять ихъ и съ другими однозначущими названіями. Прежде нужно работать для пользы пониманія, и когда она обезпечена, то можно заняться красотой языка.

Мы знаемъ теперь, что каждое слово является только дополнительнымъ членомъ каждаго изъ объективныхъ представленій или отношеній между ними въ мыслевой связи, вся же интеллектуальная основа, т. е. познаніе опыта, заключается не въ немъ, а только въ самомъ членѣ, т. е. въ представленіяхъ самаго объекта, или въ представленіяхъ отношенія между объектами. Тѣмъ не менѣе слово само по себѣ есть также дѣятельное представленіе, безъ отношенія къ дѣятельности того, котораго оно есть знакъ. Сочетаніе звуковъ или буквъ, составляющихъ слово, мышечное чувство при его произношеніи или удареніи, воспрїятія слуха при произношеніи или зрѣнія при письмѣ или чтеніи, — все это вмѣстѣ вызываетъ въ познаніи представленіе слова. Къ несчастію люди этотъ символъ интеллектуальной силы часто принимаютъ за самую силу и думаютъ поучать, давая дѣтямъ на мѣсто объектовъ и связей явленій опыта одни слова и фразы. Эти люди на мѣсто познанія реальнаго опыта даютъ своимъ питомцамъ познаніе однихъ пустыхъ звуковъ и знаковъ.

Только тогда слово полезно, когда ему предшествуетъ и съ нимъ связывается въ мышленіи точное объективное представленіе со всѣмъ своимъ матеріаломъ и силой. Поэтому не спѣшите, маменьки, учить вашихъ дѣтей болтать слова и не радуйтесь ихъ бессмысленной болтовнѣ. Это воспитаніе хорошо для попугаевъ, но для умственного развитія вашего ребенка — очень вредно. Говорить, какъ и ходить, научится всякое нормальное дитя само собою; то и другое вытекаетъ изъ его природы и нужно, чтобы эти процессы развивались естественнымъ образомъ а, чтобы представленію слова предшествовало въ познаніе то, чего это слово есть знакъ или внѣшнее выраженіе.

Словами выражаются не только явленія и объекты, но и всѣ возможныя связи и отношенія предметовъ знанія. Въ грамматическихъ формахъ языка каждаго народа выражается познаніе этихъ связей и отношеній, и общихъ законовъ вышедшихъ изъ частныхъ связей. Каждый народъ имѣетъ не только свою особенную исторію и языкъ, но и отличный отъ другихъ народовъ складъ мыслей и потому особенную, его отличающую, своеобразность въ оборотахъ рѣчи. Мы выше нашли объясненіе этой отличительной черты каждаго народа. Мы видѣли, что для каждаго человѣка весь міръ его познанія состоитъ изъ представленій и ихъ связей, которыя живутъ въ его головѣ и добыты имъ изъ его собственнаго опыта. Слѣдовательно, чѣмъ разнообразнѣе будетъ міръ опыта, тѣмъ отличительнѣе и міровоззрѣніе человѣка и разнообразнѣе обороты его рѣчи. Такъ каждая страна обитаемая тѣмъ или другимъ народомъ, кладетъ свой, болѣе или менѣе рѣзкій, отпечатокъ въ складъ ума и рѣчи не только отдѣльныхъ индивидовъ, но и цѣлаго народа, обитающаго ту страну. Народныя преданія, миѣы и легенды также точно, какъ міровоззрѣніе и складъ рѣчи, носятъ вездѣ народный отпечатокъ. Это характерная особенность каждаго народа вызывается особенностію климатическихъ и географическихъ условій страны, имъ обитаемой, ея флоры и фауны. Также вліяютъ на эту своеобразность средства пропитанія и способы удовлетворенія насущныхъ потребностей народа, т. е. отношенія къ нему природы и отношенія людей той страны другъ къ другу, къ власти и т. п.

Усваивая себѣ съ дѣтства языкъ своего народа, человѣкъ этимъ пріобрѣтаетъ интеллектуальную народную форму, въ которую укладывается складъ его обыденнаго мышленія. Въ типичности народной рѣчи высказывается и отличительная особенность національнаго ума. Поэтому

человѣку, не желающему отчуждаться отъ своего народа, необходимо начать съ изученія своего собственнаго языка.

Этимъ пріобщается дитя къ своему народу, какъ часть къ своему цѣлому. Нѣтъ сильнѣе и выше связи для соединенія индивидовъ въ одно цѣлое, какъ эта интеллектуальная связь. Многіе неосновательно думаютъ, что народность дается костюмомъ, обычаями, кровію или религіей. Одинъ складъ мысли и одно направленіе чувства представляютъ крѣпчайшій цементъ, соединяющій всѣхъ членовъ общества въ цѣлое; эта мысль и чувство проявляются въ обществѣ только силой слова; поэтому для народной связи необходима одна рѣчь.

Само собою разумѣется, что для того, чтобы пріучить воспитанника мыслить на своемъ родномъ языкѣ, необходимо, чтобы всѣ науки (исключая чужихъ языковъ) излагались на этомъ языкѣ. Обыкновеніе многихъ русскихъ родителей отдавать своихъ дѣтей въ нѣмецкія гимназіи или въ французскіе пансіоны, гдѣ науки преподаются на иностранномъ языкѣ, положительно вредно въ національномъ отношеніи. Даже въ заведеніяхъ, гдѣ преподается все на русскомъ языкѣ, необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый изъ учителей зналъ отлично русскій языкъ, какъ для правильнаго изложенія предмета, такъ и для исправленія неправильныхъ выраженій ученика. Такъ напр., только учитель математики можетъ слѣдить за правильностію выраженій учениками ихъ понятій о количествахъ и количественныхъ отношеніяхъ. Никто не можетъ такъ легко и такъ часто проводить паралель и дѣлать сравненія способа выраженій и различныхъ формъ роднаго языка съ чужимъ, какъ преподаватель того чужаго языка и т. п. Достаточно сказаннаго, чтобы понять, что всякій учитель и воспитатель, начиная съ низшихъ — элементарныхъ школъ до университетовъ включительно, долженъ въ совершенствѣ владѣть народнымъ языкомъ, на которомъ излагаетъ свой предметъ. Присутствіе между учителями иностранцевъ, говорящихъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, есть безъ сомнѣнія большое зло, которое, къ сожалѣнію, покажѣсть неизбѣжно, вслѣдствіе недостатка въ своихъ собственныхъ, хорошо подготовленныхъ учителяхъ.

Родной языкъ cadaго человѣка входитъ, такъ сказать, въ его плоть и кровь и потому мало допускаетъ учащагося къ объективному изученію роднаго языка, чтобы сдѣлать его орудіемъ для лучшаго выраженія своихъ интеллектуальныхъ процессовъ; вслѣдствіе этого впо-

слѣдствіи, послѣ подлежащаго усвоенія своего языка, дѣляется нужнымъ изучать и чужіе языки. Больше объективности для изученія языка представляютъ древніе языки. Гартманъ¹⁾ въ этомъ отношеніи правъ, сказавъ: „Wenn wir an der Muttersprache sprechen lernen, an den modernen fremden Sprachen, Sprachen lernen, so lernen wir doch einzig und allein an einer todten classischen Sprache, Sprache.“ (Если мы на родномъ языкѣ учимся *говорить*, — изученіемъ живыхъ языковъ научаемся *языкамъ*, — то мы только изъ мертваго классическаго языка изучаемъ *собственно языкъ*). Но разумѣется, что для этой цѣли совершенно достаточно изученія одного изъ мертвыхъ классическихъ языковъ. Изученіе же новѣйшихъ языковъ необходимо для другой цѣли — а именно, чтобы быть въ состояніи вполне слѣдить за общечеловѣческимъ развитіемъ мысли и познанія. Для этого разумѣется необходимо изученіе по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ новѣйшихъ языковъ передовыхъ народовъ, не какъ объектъ изученія, а большею частію только какъ средство для пониманія того, что пишется учеными и мыслителями на тѣхъ языкахъ.

Изученіе нѣсколькихъ языковъ несомнѣнно мѣшаетъ правильно-му развитію реального знанія, во 1-хъ тѣмъ, что обременяетъ интеллектуальную сокровищницу массой представленій словъ, которыя занимаютъ и безъ того ограниченное мѣсто нашего интеллекта и тѣмъ оставляютъ мало мѣста для представленій объектовъ реального знанія и ихъ связей. Во 2-хъ тѣмъ, что на это изученіе уходитъ большая часть времени воспитанниковъ, такъ что по неволѣ приходится ихъ очень рано разлучить съ природой, усаживая за книги и тетради. Знаніе языка, какъ средства правильно выражать свое мышленіе, и знаніе языковъ для того, чтобы слѣдить за прогрессомъ знанія, сдѣлалось въ настоящее время насущной потребностью всякаго цивилизованнаго человѣка вообще, а въ особенности русскаго желающаго не отставать отъ прогресса науки. Эта тяжкая необходимость къ несчастію громче всего заявляетъ свой голосъ среди нашего общества. Причина этого, безъ сомнѣнія, кроется въ 1-хъ въ томъ, что у насъ, на нашемъ языкѣ и нашими учеными и писателями очень мало сдѣлано и дѣляется для науки, а потому намъ приходится получать ее изъ вторыхъ рукъ и гдѣ попало, а во 2-хъ, русскихъ людей высшаго круга (не въ смыслѣ интеллигенціи) заставляютъ часто при-

¹⁾ Eduard von Hartman, zur Reform des höheren Schulwesens, Berlin, 1875. S. 48.

легко изучать чужіе языки мода и просто желаніе похвастаться знаніемъ языковъ, которыми наша аристократія пользуется для замаскированія постыдной умственной пустоты и недостатка истиннаго знанія. За границей дѣйствительно одинаково удивляются какъ безукоризненному произношенію и свободному выраженію нашего бомонда на нѣсколькихъ языкахъ, такъ и недостатку логики въ мысляхъ и круглому ихъ невѣжеству во всемъ, что называется наукой. Среди Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ мнѣ случалось встрѣчать геніальныхъ и талантливыхъ людей, сослужившихъ большую службу наукъ и всему человѣчеству, которые въ тоже время кромѣ своего и классическаго языка, или вовсе не знаютъ ни одного иностраннаго нарѣчія, или, хотя хорошо понимаютъ иностранный языкъ, но выражаются на немъ съ величайшимъ трудомъ. У насъ почти каждый молодой человѣкъ фешэнабельнаго круга свободно выражается, кромѣ своего, на 2 или 3 иностранныхъ языкахъ. Вредъ отъ бесполезнаго изученія языковъ только для языковъ до того очевиденъ для всякаго разумнаго человѣка, что мы считаемъ излишнимъ болѣе распространяться объ этомъ предметѣ.

Но человѣкъ, вынужденный терять время на изученіе чужихъ языковъ съ полезною цѣлю, можетъ только въ будущемъ надѣяться на эмансипацію отъ этой ужасной потери времени, когда возвысится уровень нашего собственнаго народнаго умственнаго творчества или по крайней мѣрѣ, пока у насъ не разовьется общество добросовѣстныхъ и знающихъ переводчиковъ, которое бы вырвало изъ рукъ аферистовъ и невѣждъ привилегію уродовать мысли и ученія иностранныхъ писателей. Долго еще нужно ждать, пока высшій интеллектъ сдѣлается *единымъ* пастыремъ человѣчества и лучшій изъ языковъ всѣхъ народовъ единственнымъ языкомъ человѣчества, а пока придется намъ однимъ зломъ выкупать другое и на счетъ правильнаго реальнаго знанія давать нашимъ дѣтямъ преимущественно слова, слова и слова. Педагоги, во всякомъ случаѣ, уменьшать тягость дани, которую приходится платить каждому интеллигентному русскому передовымъ націямъ, если вдумаются поглубже въ цѣль изученія чужихъ языковъ. Если изученіе одного изъ классическихъ языковъ важно для языковѣднія вообще, то понятно, что этотъ языкъ долженъ изучаться со всею тщательностью, со всѣми тонкостями грамматики и синтаксиса. При изученіи же новыхъ языковъ это — лишняя и дорого стоящая роскошь. Мы вовсе не должны изучать французскій языкъ настолько, чтобы французъ насъ принималъ за француза, нѣ-

мецъ — за нѣмца, англичанинъ — за англичанина, (къ чему обыкновенно стремятся тщеславные родители), а достаточно будетъ знанія этихъ языковъ настолько, чтобы свободно понимать чужихъ авторовъ. Всякій, изучавшій иностранные языки, пойметъ всю разницу въ потерѣ времени и въ трудѣ, которая получается отъ преслѣдованія этихъ различныхъ цѣлей. А эту экономію труда и времени можно употребить на пользу развитія реального знанія.

15) Если лучшіе умственные результаты, получаемые отъ дѣятельности каждой изъ группъ представленій, являются отъ взаимодействія всѣхъ работниковъ, т. е. представленій, составляющихъ всю группу даннаго содержанія, или отъ противопоставленія каждой стороны всякаго дѣятельнаго представленія всѣмъ частямъ другихъ представленій, то понятно, что результатъ работы данной группы представленій будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ ихъ работа дольше продолжается; а времени потребуется тѣмъ больше, чѣмъ богаче содержаніемъ каждое представленіе въ отдѣльности и вся группа вмѣстѣ. Опытъ нашъ въ этомъ несомнѣнно убѣждаетъ, что доказываютъ обыкновенное выраженіе: „скороснѣжная работа“, „это — плодъ долгаго и всесторонняго обдумыванія“; „этотъ предметъ по своей сложности требуетъ долгаго времени для своего рѣшенія“ и пр. Въ предъидущей главѣ мы подробно разсмотрѣли условія, отъ которыхъ зависитъ большая или меньшая продолжительность работы каждой мыслевой группы. Мы знаемъ, какія причины способствуютъ прекращенію ея дѣятельности и замѣнѣ ея другой дѣятельной группой. Главное условіе, какъ мы видѣли, продолжительной и энергической работы каждой группы есть сила самихъ членовъ группы — представленій и энергія чувства соединившагося съ извѣстнымъ рядомъ представленій. Но о послѣднемъ мы будемъ говорить въ 3 томѣ при изложеніи вліянія чувства на наше мышленіе. Правда, что продолжительность процесса мышленія можетъ зависѣть наоборотъ и — отъ слабости представленій, и интеллектуальнаго творчества, но тутъ время теряется не на дѣйствительную работу группы представленій, а на ихъ репродукцію, потому что слабыя представленія или совсѣмъ не репродуцируются, или совершаютъ этотъ процессъ очень медленно; продолжительность эта можетъ зависѣть и отъ медленности образованія самихъ связей. Хотя энергія этихъ образованій, зависящая отъ индивидуальныхъ причинъ, можетъ относительно скорѣе совершить каждое интеллектуальное движеніе (такъ напр. говорятъ:

„быстрый умъ“, т. е. человѣкъ быстро понимаетъ изучаемый предметъ), но это понятіе быстроты относительное, оно означаетъ, что одинъ скорѣе дѣлаетъ данную интеллектуальную работу, чѣмъ другой; впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что воспитатель долженъ стремиться къ этой скорости. Главная цѣль его состоитъ преимущественно въ стремленіи къ всесторонней интеллектуальной работѣ представленій, чтобы среди данныхъ теченій не входили не соотвѣтствующіе имъ ряды другихъ представленій, а затѣмъ онъ долженъ предоставить время обдумыванія самой интеллектуальной природѣ воспитанника. Въ случаѣ утомленія необходимо предоставлять временный отдыхъ и развлеченіе.

Но среди условій, удерживающихъ группу въ работѣ, мы видѣли и такія, которыя собственно не заключаются въ самой дѣятельной группѣ представленій. Такъ, мы видѣли, что подъ вліяніемъ мысли или чувства извѣстная дѣятельная группа можетъ дольше продолжать свою работу или наоборотъ, когда эта группа еще готова продолжать свою работу, то посторонняя ей мысль или чувство могутъ замѣнить ее новой группой другаго направленія представленій. Такъ напр., какъ бы я ни усталъ заниматься извѣстнымъ мыслевымъ трудомъ, но представленіе, что его необходимо кончить къ сроку, въ связи съ представленіемъ невыгоды въ томъ случаѣ, если работа не поспѣетъ, заставляетъ продолжать эту работу, не смотря на усталость. Но хотя побуждающая причина въ этихъ случаяхъ, тоже составляетъ интеллектуальную силу, однако послѣдняя дѣйствительно стоитъ внѣ группы представленій, обрабатывающихъ извѣстный интеллектуальный результатъ. Понятно, что эта интеллектуальная сила, стоящая внѣ круга представленій дѣятельной группы, при своей преобладающей силѣ надъ послѣдней можетъ заправлять дѣятельностію всей группы. Если направленіе высшей интеллектуальной силы одновременно дѣйствующей въ интеллектѣ съ данной группой представленій согласно съ направленіемъ послѣдней, то первая своей силой можетъ поддерживать и продлить данную интеллектуальную работу, если-же сила этой внѣшней единицы противоположнаго или вообще другаго направленія, то она можетъ связать существующее интеллектуальное движеніе въ данной группѣ представленій и замѣнить его другой группой, своимъ содержаніемъ сродной этой высшей интеллектуальной силѣ. Поэтому, хотя педагогъ не долженъ упускать изъ виду, что естественная сила, дающая энергическую и всестороннюю работу, заключается только въ дѣятель-

ныхъ представленіяхъ, содержащихъ познавательную силу, но тѣмъ не менѣе, какъ противодѣйствіе другимъ побочнымъ силамъ, вліяющимъ на ходъ интеллектуальной работы, онъ долженъ развить въ воспитанникѣ такія, которыя всегда готовы поддерживать энергію въ дѣятельности желанной группы представлений и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовать вліянію другихъ побочныхъ интеллектуальныхъ силъ, враждебныхъ желанной работѣ представлений. Эти внѣшнія силы должны состоять въ сознаніи своего долга относительно пріобрѣтенія познанія, въ сознаніи пользы и преимущества познанія передъ невѣжествомъ, въ легкой степени чувства собственного достоинства, чтобы не занимать одно изъ послѣднихъ мѣстъ между товарищами; это разумѣется должно развиваться не въ смыслѣ тщеславія. Но такія внѣшнія интеллектуальныя силы должны только поддерживать энергію, а не побуждать усталость интеллектуальныхъ тѣлъ. При первыхъ признакахъ умственного утомленія должны прекращаться занятія, даже если бы подъ вліяніемъ этихъ постороннихъ силъ еще продолжалось желаніе заниматься. Усталые работники даютъ плохую работу. Къ несчастью, это вліяніе мыслей, идей и чувствъ, не имѣющихъ прямого средства и отношенія съ содержаніемъ дѣятельной группы, а дѣйствующихъ на данную дѣятельную мыслевую группу, какъ внѣшній стимулъ для сосредоточенія на работѣ данной группы или для того, чтобы замѣнить ее другою, ввело въ заблужденіе психологовъ, приписывающихъ это вліяніе волѣ. Такъ, Гербартъ, Бенъ, Вундтъ и др. раздѣляютъ вниманіе на произвольное и произвольное. Это заблужденіе внесло въ педагогику самый обильный источникъ вредныхъ пріемовъ при ученіи и воспитаніи дѣтей, каковы напр.: наказаніе, застрачиваніе дѣтей, общаніе наградъ и самыя награды, употребляемыя педагогами только для того, чтобы увеличить вниманіе дѣтей и приковать ихъ „волю“ къ извѣстному труду.

Но дурные результаты этихъ пріемовъ наглядно доказали ихъ ошибочность, непримѣнимость въ дѣлѣ воспитанія и ложности психологическаго пониманія, котораго эти мѣры были послѣдствіемъ. Сколько было исписано бумаги педагогами для разъясненія, какимъ образомъ приковывать вниманіе дѣтей къ ученію. Для нѣкоторыхъ это былъ философскій камень педагогики, съ открытіемъ котораго изъ каждаго ученика можно было бы сдѣлать совершенство въ знаніи. Сказанное, кажется, довольно ясно обнаружило и заблужденіе психологовъ и должно указать

дорогу педагогамъ, что не въ, а въ силѣ и совершенствѣ самихъ представленій, принимающихъ участіе въ мыслевой работѣ, нужно искать источникъ силы познанія, развиваемой этими представленіями; вниманіе есть только проявленіе энергіи этой дѣятельности. Отсюда слѣдуетъ, что самаго вниманія можно ожидать отъ дѣтей только пропорціонально силѣ и развитію представленій, участвующихъ въ данной мыслевой работѣ. Сосредоточить вниманіе ребенка до 5 лѣтъ надъ предметомъ требующимъ соображенія и разсужденія такъ-же возможно, какъ заставить говорить новорожденнаго. Также точно если на мѣсто представленій съ ихъ содержаніемъ даются дѣтямъ одни слова, безъ всякаго интеллектуальнаго содержанія, или представленія не полныя, а съ общими только контурами, смѣшивающіяся и перепутывающіяся между собою, то они не могутъ продуцировать интеллектуальной работы, удовлетворяющей познавательное чувство, и, не смотря ни на какіе внѣшніе стимулы, не можетъ быть надлежащаго вниманія. Внѣшніе стимулы, съ цѣлю дѣйствовать только на волю, не прибавляютъ знанія, но деморализируютъ самое стремленіе къ знанію. Человѣкъ отучается находить удовлетвореніе мыслеваго труда его интеллектуальной работы въ самомъ результатѣ этого труда, а ищетъ его внѣ для полученія награды, или избѣжанія наказанія. Такъ какъ время продолжительности репродукціи и самой работы представленій зависитъ отъ индивидуальныхъ условій и отъ степени развитія представленій, то само собою разумѣется, что а priori никогда нельзя опредѣлить времени, которое понадобится для усвоенія данной группы представленій. Отъ такта учителя будетъ зависѣть не опредѣлять этого времени по продолжительности своего собственнаго мышленія и назначать одного и тогоже времени для нѣсколькихъ учениковъ вмѣстѣ, а вникнуть въ условія мыслевой работы каждаго изъ учащихся. Если это невозможно напр. при большемъ количествѣ учениковъ вмѣстѣ учащихся, то нужно сообразоваться съ силами слабѣйшихъ, если ихъ невозможно отдѣлить отъ лучшихъ учениковъ. Отъ этого умѣнья будетъ зависѣть оцѣнка времени, по истеченіи котораго нужно замѣнить усталую группу представленій новой или дать болѣе полный и продолжительный отдыхъ мыслевой дѣятельности. Не произволь и не внѣшняя причина даютъ то или другое направленіе мыслей и замѣняютъ одно представленіе другимъ, а, какъ мы уже видѣли, строгая законность, господствующая въ интеллектуальныхъ силахъ. Одинъ радъ

представленій тѣмъ чаще слѣдуетъ за другимъ, чѣмъ тѣснѣе возстановилась связь между ними.

Еще задолго до нашего времени гениальный умъ Спинозы понималъ вліяніе этихъ связей на человѣческія чувства и дѣйствія. Такъ, въ своей этикѣ онъ говоритъ: „если мы станемъ часто вдумываться въ свойственную человѣку несправедливость, то убѣдимся, что лучшее средство для побѣжденія ненависти заключается не въ ненависти, а въ любви и великодушіи. Если между образомъ несправедливости съ одной стороны и любовью и великодушіемъ съ другой установится такая связь, то, какъ только намъ будетъ сдѣлана несправедливость, любовь и великодушіе представятся нашему уму“.

16. Изложивъ въ предъидущей главѣ законы репродукціи представленій и ихъ ассоціаціи въ дѣятельныхъ группахъ и теченіе рядовъ представленій, условій направленія и измѣненія этихъ рядовъ и теченій, на основаніи нашего ученія, мы позволяемъ себѣ думать, что ясностью и наглядностью представленія этихъ процессовъ мы дали возможность педагогамъ самостоятельно лучше и созпательнѣе примѣнить выводы изъ этого ученія къ уходу за правильнымъ развитіемъ ассоціаціи и теченія представленій, нежели это позволяютъ другія психологическія теоріи. Но, имѣя въ виду всю важность этихъ процессовъ какъ для полученія какъ можно большей интеллектуальной пользы отъ мышленія, такъ и для укрѣпленія его въ надлежащемъ направленіи и для будущаго развитія характера, мы позволимъ себѣ вкратцѣ привести нѣкоторыя правила для ухода, вытекающія съ логической необходимостью изъ всего выше объ этомъ сказаннаго.

А. Результатъ умственной работы каждой дѣятельной группы представленій зависитъ отъ качества и количества отдѣльныхъ ея работниковъ, т. е. представленій. Поэтому, само собой понятно, а) чѣмъ полнѣе каждое изъ представленій, т. е. заключаетъ большее содержаніе всѣхъ явленій представляемаго имъ объекта, тѣмъ результаты его работы будутъ плодотворнѣе, потому что этимъ представленіе даетъ больше сторонъ для противопоставленія другимъ и вслѣдствіе этого увеличиваются шансы для образованія новыхъ интеллектуальныхъ связей между этими представленіями. б) Чѣмъ большее число различныхъ воспріятій входитъ въ составъ представленія, тѣмъ больше представляется возможности для вызванія его изъ потенціальнаго состоянія къ дѣятельному, т. е. къ участію его въ интеллектуальной работѣ и его укрѣпленію, такъ

какъ мы знаемъ, что при всякой репродукціи укрѣпляется представленіе. с) Чѣмъ большее число представлений принимаетъ участіе въ дѣятельной мыслевой группѣ, тѣмъ богаче опытомъ мыслевой матеріалъ, тѣмъ плодотворнѣе результаты данной мыслевой группы.

В. Изъ вышеизложеннаго намъ стало понятно значеніе и слѣдствіе преимущественнаго развитія и дѣятельности однихъ связей и теченій представлений на счетъ другихъ, значеніе какъ для нашего пониманія, такъ и для привычнаго содержанія и направленія нашего мышленія и дѣятельности, насколько характеръ, выражающійся той или другой дѣятельностью, зависитъ отъ преобладающаго направленія мышленія. Мы знаемъ, что связью представлений внутри насъ опредѣляется наше знаніе отношеній предметовъ внѣшняго міра другъ къ другу и къ нашей собственной личности, что мы однако познаемъ собственно только внутри насъ развившіяся связи представлений, а не дѣйствительныя внѣшнія отношенія объектовъ и явленій, хотя и приписываемъ первыя послѣднимъ. Чѣмъ чаще внѣшний опытъ порождалъ въ мышленіи одну и ту же связь, тѣмъ она дѣлается могущественнѣе въ интеллектъ и тѣмъ большей вѣрой она пользуется въ познаніи. Всякое новое явленіе, мѣняющее разъ укоренившееся представленіе, или вновь познанное отношеніе объектовъ опыта, противорѣчащее прежде окрѣпшей связи, часто побѣждается послѣднею и потому не достигаетъ вѣры въ душѣ человѣка. Поэтому почти каждое открытіе или новая идея въ наукѣ, сопровождаются борьбой новыхъ мнѣній со старыми. Когда въ наукѣ человѣческой геній впервые заявилъ свое открытіе, что земля вертится, то противъ этого возстали не только невѣжды, но и умные и ученые люди того времени. Несомнѣнное опроверженіе этого ученія они находили въ томъ, что, при обращеніи земли, антиподамъ приходилось бы непременно стоять головой внизъ, и вслѣдствіе этого они должны бы пасть съ земли.

Главнымъ противникомъ и тормазомъ на пути прогресса была и будетъ рутина, т. е. трудность побѣжденія разъ установившихся связей представлений новыми. Также точно, если извѣстные ряды представлений чаще другихъ появляются въ сознаніи, то укрѣпляясь съ каждымъ повтореніемъ болѣе и болѣе, насчетъ другихъ рядовъ, они дѣлаются преобладающими въ мышленіи человѣка; поэтому замѣна ихъ другими, равноправными рядами, но другаго содержанія, дѣлается все труднѣе и труднѣе. Значеніе этого психо-интеллектуальнаго закона вполне обна-

ружится если мы вспомнимъ, что разъ окрѣпшія представленія не разрозненные, а дѣйствующія цѣлой группой или рядомъ опредѣленнаго содержанія, опредѣляютъ преимущественное направленіе мыслей и развиваютъ преобладающую дѣятельность, соотвѣтствующую содержанию мыслеваго результата той ненормально окрѣпшей односторонней группы представленій, однимъ словомъ, развиваютъ психо-интеллектуальную особенность личности, какъ особенную черту ея характера. Для эмансипаціи мышленія отъ этого вреднаго деспотизма, пзвнутри челоуѣка дѣйствующаго, необходимо нужно педагогу обратить особенное вниманіе во 1) на разницу между разумной связью представленій и случайной. Имѣя въ виду, что всякая привычная связь представленій и односторонность въ направленіи мышленія тѣмъ сильнѣе крѣпнетъ, на счетъ другихъ интеллектуальныхъ связей и движеній, чѣмъ раньше она начинается, педагогъ, для противодѣйствія этому, неизмѣнно долженъ развивать сначала всестороннія связи, насколько допускаетъ умственное развитіе дитяти, и никогда не допускать преимущественнаго укрѣпленія въ познаніи частныхъ связей до болѣе или менѣе правильнаго развитія всестороннихъ. Если-же необходимо допустить укорененіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, то это надо дѣлать съ величайшей осторожностью, да и то тогда только, когда развивается свободной доступъ въ познаніе новымъ интеллектуальнымъ силамъ и когда при этомъ сохраняется равновѣсіе между всѣми частями познанія.

2) Однако при дальнѣйшемъ развитіи мышленія, неизбежно однѣ группы представленій, вслѣдствіе разныхъ условій опыта, индивидуальности, воспитанія и случайностей, дѣлаются самыми частными гостями арены психо-интеллектуальной дѣятельности, другія тамъ рѣже появляются, а большая часть очень рѣдко или почти никогда не выходятъ изъ потенціальнаго состоянія. Для противодѣйствія этому неотвратимому злу необходимъ величайшій тактъ со стороны воспитателя. Воспитатель долженъ распредѣлять, смотря по степени важности, — какіе изъ окрѣпшихъ рядовъ представленій нужно чаще вызывать въ дѣятельности, какіе рѣже, и наконецъ онъ долженъ умѣть удерживать въ бездѣятельности бесполезные или вредные ряды представленій. Это легче всего для педагога, когда онъ имѣетъ дѣло еще съ дѣвственной, такъ сказать, душой воспитанника, когда вся психо-интеллектуальная постройка совершается съ самого начала подъ его контролемъ.

3) Если же педагогъ встрѣчаетъ уже готовыя одностороннія связи, то ему остается прибѣгнуть, если можно такъ выразиться, къ разслабленію этихъ связей. Это достигается тѣмъ, что представленія, входящія въ неправильныя связи, такъ сказать, воспитатель старается отрывать другъ отъ друга, знакомя воспитанника съ новыми сочетаніями опыта, въ которыхъ объектъ даннаго представленія встрѣчается въ связи съ другими объектами, и вълѣдствіе тогоже эмпиризма развиваетъ новыя связи, болѣе правильныя и болѣе отвѣчающія дѣйствительности. Но будетъ еще лучше, если воспитатель заставитъ каждый изъ членовъ эмпирической связи входить съ другими представленіями въ интеллектуальныя связи. Этимъ достигается подвижность членовъ связи и готовность ихъ входить въ новыя интеллектуальныя комбинаціи, когда къ тому представится случай. Кромѣ того педагогу предоставляется другая возможность помочь злу—развитіемъ преобладающей силы въ рядахъ болѣе полезныхъ и, если обычная связь до того развившаяся вредна, то онъ долженъ искать имъ противодѣйствіе въ развитіи связей противныхъ по направленію и содержанію послѣдней. Такъ врачъ-гимнастъ при одностороннемъ искривленіи позвоночнаго столба развиваетъ большую силу въ мышцахъ на сторонѣ противоположной искривленію.

Подтвержденіе нашихъ словъ мы увидимъ, если сравнимъ разницу въ концепціи какойнибудь новой комбинаціи, противорѣчащей прежде развившейся связи представленій у культурнаго и неразвитаго чловѣка. Никакіе доводы не могутъ убѣдить невѣжду повѣрить тому, что противорѣчить уже давно установившейся въ немъ вѣрѣ въ то напр., что понедѣльникъ или пятница не суть тяжелые дни; образованный чловѣкъ привывшій къ разнообразнымъ комбинаціямъ и разъединеніямъ прежнихъ комбинацій, если бы даже по традиціи прежде вѣрилъ, что понедѣльникъ есть тяжелый день, то вскорѣ, когда онъ часто будетъ встрѣчать на опытѣ дѣла, начатыя въ понедѣльникъ и благополучно кончившіяся, въ немъ эта новая связь поколеблетъ прежнюю, и онъ признаетъ, что вѣра въ несчастіе, приносимое понедѣльникомъ, есть глупый предразсудокъ. Невѣжа же, разъ забравшій себѣ въ голову, что понедѣльникъ несчастный день, никогда не обращаетъ вниманіе на случаи, противорѣчащіе его вѣрѣ. Вліяніе на мышленіе и характеръ привычныхъ связей и односторонняго направленія въ мышленіи дѣлается яснымъ, если вникнемъ въ біографію отдѣльныхъ личностей. Такія біографіи насъ убѣдятъ, что каждая особенность въ складѣ ума,

въ характерѣ, вѣрованіяхъ и дѣятельности каждаго человѣка зависитъ именно отъ случайно установившейся съ дѣтства связи между тѣми или другими представленіями и отъ преимущественнаго господства въ его интеллектѣ тѣхъ или другихъ рядовъ представленій, окрѣпшихъ подъ вліяніемъ частаго повторенія или поддерживаемыхъ въ дѣятельномъ состояніи чувствами человѣка. Для подтвержденія сказаннаго возьмемъ нѣсколько примѣровъ: богатый купецъ не даетъ ничего сыну или по своей скупости, или изъ боязни, чтобы деньги не избаловали его; но видъ кутящихъ товарищей, рассказы про ихъ удовольствія, уже готовятъ господствующія связи его представленій и преобладающее направленіе его мыслей. Чѣмъ труднѣе достигнуть этихъ удовольствій, тѣмъ больше они дѣлаются предметомъ его помысловъ и стремленій; но для ихъ удовлетворенія нужны деньги. Представленіе денегъ, которыхъ нѣтъ, безпрестанно соединяется съ представленіемъ удовольствій, кутежей, которые очень заманчивы и желательны. Эти ряды представленій дѣлаются обычными дѣятелями его мышленія. Желанныя удовольствія не могутъ прійти на умъ безъ того, чтобы и деньги, какъ средство для ихъ полученія, непосредственно за ними не возникали въ сознаніи. А какъ, вслѣдствіе отсутствія правильнаго ученія и высшихъ интересовъ въ интеллектѣ такого молодца, другіе ряды болѣе энергичныхъ связей представленій не развиваются, то сказанный рядъ, безпрестанно повторяясь въ сознаніи, вслѣдствіе этого болѣе и болѣе крѣпнеть. Этотъ сынокъ, сдѣлавшись впоследствии обладателемъ отцовскихъ капиталовъ, непременно дѣлается самымъ безумнымъ расточителемъ. Никакіе доводы, ни представленія угрожающей бѣдности и горя не помогутъ удержать его отъ мотовства. Установившаяся связь сильнѣе ихъ; она роковымъ образомъ влечетъ купца къ раззоренію.

Возьмемъ другой примѣръ: купецъ даетъ своему сыну деньги, но, чтобы удержать его отъ расточительности, съ дѣтства вовлекаетъ его въ спекуляцію полученными деньгами. Представленія денегъ у этого мальчика ассоціируются съ представленіями барыша. Послѣдній, удовлетворяя его чувство, занимаетъ помыслы мальчика; но какъ этотъ барышъ выражается деньгами, то барышъ и деньги дѣлаются въ своей связи господствующими въ мышленіи, они руководятъ его стремленіями и дѣятельностію. Если эта ассоціація удержится, то всѣ помыслы будущаго купца будутъ направлены къ наживѣ и обогащенію; а какъ

всякій расходъ уменьшаетъ капиталъ, то купецъ роковымъ образомъ дѣлается скрягой. Для такого человѣка деньги — все, ему дороги деньги ради денегъ. Не смотря на милліоны, онъ отказываетъ себѣ не только въ удовольствіяхъ, но не рѣдко и въ необходимомъ. Любостыжаніе побѣждаетъ во немъ и чувство справедливости къ людямъ и самое состраданіе. Что заставляетъ этого человѣка жертвовать совершенно доступными ему удовольствіями, комфортомъ, страдать и дѣйствовать въ ущербъ всѣхъ своихъ выгодъ и собственнаго здоровья? Что дѣлаетъ его безжалостнымъ къ чужимъ слезамъ, горю и хладнокровнымъ къ всеобщему презрѣнію? Опять единственно только съ дѣтства укрупнившаяся связь представлений.

Игрушки нашихъ дѣвочекъ — куклы, наряды, зеркала; занятіе же состоитъ въ одѣваніи и обшиваніи куколъ. Вслѣдствіе этого наряды связываются съ жизнью и существованіемъ женщины; законы моды порабащаютъ ее. Разорвите эту связь, дайте дѣвочкѣ другіе идеалы: женщинъ возвышенныхъ, одѣвающихся очень скромно, но отличныхъ матерей, разумныхъ дѣятелей на общественномъ поприщѣ и т. п., — и повѣрьте, что изъ вашей дѣвочки выйдетъ женщина совершенно другаго закала.

Теорія о вліяніи воли, стоящей внѣ представлений, на направленіе мыслей человѣка и вслѣдствіе того на его стремленія и дѣйствія ввели въ заблужденіе педагоговъ и юристовъ. Педагоги, желая исправить ложное направленіе мыслей и имъ обусловливаемую дѣятельность, на основаніе той теоріи, обращаются къ этой всемогущей волѣ, и то увѣщаніями, то прижѣрами, правоученіями и наконецъ разнообразными наказаніями стараются принудить волю отказаться отъ выбора дурныхъ дѣятельныхъ представлений и замѣнить ихъ другой группой болѣе нравственнаго или утилитарнаго содержанія. Однако результаты такихъ педагогическихъ приѣмовъ на практикѣ оказались, вообще, бесполезными. Если въ общихъ выводахъ многіе педагоги еще обманываютъ себя въ этомъ отношеніи, какъ гомеопаты въ леченіи больныхъ, то никто изъ нихъ не въ состояніи отрицать, что чѣмъ болѣе укоренилось въ душѣ воспитанника извѣстное вредное направленіе мыслей, чѣмъ больше времени прошло съ тѣхъ поръ какъ сложился въ немъ тотъ или другой порочный нравъ, чѣмъ больше извѣстная группа представлений находитъ себѣ опоры въ чувствѣ человѣка, тѣмъ труднѣе справиться съ этимъ привычнымъ направленіемъ помысловъ и искоренить дурные

поступки изъ нихъ истекающіе. Наконецъ не мало такихъ молодыхъ людей, отъ которыхъ многіе воспитатели, испробовавъ всѣ сказанные приемы педагогіи, совершенно отказываются какъ отъ неисправимыхъ, предоставляя ихъ во вредъ имъ и обществу на произволь судьбы. Я не сомнѣваюсь, что ни одинъ разумный юристъ, положи руку на сердце, не станетъ утверждать, что тюрьма или каторга нравственно исправили бы хотя одного преступника. Рѣдко повторяющіеся преступленія послѣ этихъ наказаній нисколько не доказываютъ поднятія нравственнаго уровня прежнихъ преступниковъ. Придавленный человѣкъ, потерявшій, вслѣдствіе тюремной жизни, энергію, часто дѣлается неспособенъ на повтореніе преступленія, совершеннаго имъ прежде при живой психо-интеллектуальной силѣ. Но загляните въ его душу и вы убѣдитесь, что тамъ также черно, какъ было прежде, если не болѣе. При сохраненіи энергіи у такихъ людей и при способствующихъ къ тому условіяхъ рецидивизмъ преступленій принадлежитъ далеко не къ исключеніямъ. Колонія малолѣтнихъ преступниковъ даетъ сказанному самыя вѣскія доказательства. Бывшій директоръ этой колоніи г. Резинеръ мнѣ разсказывалъ, что дурныя привычки нѣкоторыхъ дѣтей, за которыя они были сосланы въ колонію, часто не могутъ никакими средствами искорениться. Во время усовѣщеванія и нравственнаго на нихъ воздѣйствія нѣкоторые очевидно растрогиваются, въ нихъ замѣтно даже, какъ будто раскаяніе, но черезъ короткое время прежнія наклонности, роковымъ образомъ, снова возвращаются. Мальчики карманщики нарываютъ вытаскивать изъ кармана у своего же воспитателя. Многіе изъ нихъ сами сознаются, что ожидаютъ съ нетерпѣніемъ своего освобожденія для того, чтобы снова приняться за свой преступный промыселъ. Если вы прослѣдите за біографіей такого мальчика, то въ большинствѣ случаевъ узнаете слѣдующее: жилъ онъ въ бѣдности, страдалъ отъ лишений или неудовлетворенныхъ желаній. Стремленіе выйти изъ этого положенія вдругъ находитъ свое примѣненіе въ наставленіи старшаго — воровать изъ кармановъ. Удачно совершенная кража вдругъ дала воронку средство къ удовлетворенію своихъ желаній, сдѣлалась источникомъ его наслажденій. Съ израсходованіемъ украденнаго, почти единственнымъ помысломъ такого мальчика дѣлаются представленія новаго случая воровства изъ кармана. Съ удачнымъ повтореніемъ послѣдняго, представленія карманнаго воровства до того укрѣпляются, что часто никакіе доводы, никакія опасенія въ будущемъ не могутъ ихъ побѣдить.

Если подъ вліяніемъ стыда и убѣжденій наставника, эти представленія замолкаютъ на время въ душѣ воришки, то по прекращеніи воздѣйствія на нихъ рядовъ, враждебныхъ имъ по направленію, прежде укоренившіяся въ немъ представленія, какъ самыя сильныя, снова берутъ верхъ въ мышленіи и дѣлаются господствующими. Если же мальчуганъ, совершивъ впервые кражу, попадется на первыхъ порахъ, и за этимъ въ немъ вызовется стыдъ и страхъ наказанія, то нравственный начала оказываются сильнѣе группы представленій вызвавшихъ воровство, потому что слѣдующее за нимъ подавляющее чувство дѣлается враждебнымъ повторенію и господству этой группы представленій. Въ этихъ случаяхъ искреннее раскаяніе общается въ дѣйствительности предохраненіе отъ повторенія проступка. Отчего воля въ послѣднемъ случаѣ такъ мягка и уступчива, а въ первомъ такъ зла и непреклонна? Отъ того, что причина въ этихъ случаяхъ есть не воля, фактомъ, созданный воображеніемъ метафизиковъ, а непобѣдимая сила болѣе другихъ укоренившася ряда представленій. Чѣмъ равномернѣе распредѣлена сила между отдѣльными группами факторовъ различнаго содержанія, тѣмъ возможнѣе ихъ взаимное противодѣйствіе, оказываемое другъ другу, недопускающее до исключительнаго укрѣпленія одной изъ этихъ группъ; чѣмъ больше развилось въ человѣкѣ группъ представленій нравственнаго содержанія, тѣмъ дѣлается труднѣе укрѣпиться помысламъ съ безнравственной тенденціей. Эта борьба безсознательна, и роковымъ образомъ рѣшается побѣда между борящимися только силами, причемъ вмѣшательство третьей силы въ видѣ свободной воли невозможно. Подъ вліяніемъ случайныхъ условій, ослабляющихъ одну группу или укрѣпляющихъ другую, дѣлается возможной побѣда то одной, то другой группы. Чѣмъ болѣе укрѣпилась одна или нѣсколько группъ извѣстнаго содержанія представленій, насчетъ другихъ группъ другаго содержанія, тѣмъ болѣе за ними обезпечивается возможность повторенія и господства въ мышленіи и разрѣшенія ихъ согласными съ ихъ содержаніемъ поступками. Хорошо, если преобладающая сила принадлежитъ представленіямъ, толкающимъ человѣка къ полезной дѣятельности и къ нравственнымъ поступкамъ. Если же она развивается въ группахъ противоположнаго характера, то результаты неизбѣжно должны быть тоже противоположныя. Въ послѣднемъ случаѣ педагогъ имѣетъ дѣло не съ злой волей, а съ ненормально окрѣпшими представленіями. Этой болѣзненно ненормальной и односторонней силѣ интеллекта педагогъ долженъ противо-

поставить такую же силу, но противоположнаго содержанія. Изъ воспитателя психолога онъ долженъ превратиться въ педагога-психіатра. Привычный приливъ крови къ какой нибудь важной части тѣла, вызывающій гипертрофію той части, не лечится заговариваньемъ, или общими успокоительными средствами. Дѣльный врачъ стремится ослабить возбужденность больной части и вызвать въ другой области менѣе значительное раздраженіе, чтобы противодѣйствовать болѣе вредному. Въ сказанныхъ случаяхъ педагогъ также долженъ лечить, а не морализировать и не наказывать.

Вышеуказанная метафизика въ психологіи внесла такую же путаницу въ понятія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ уголовного права о вѣняемости или невѣняемости преступниковъ. Къ первому разряду они причисляютъ людей съ злой волей, т. е. такихъ, гдѣ воля существовала въ выборѣ, но она остановилась на преступномъ намѣреніи проявившемся въ совершенномъ преступленіи. Невѣняемыми считаютъ юристы людей, у которыхъ воля лишилась свободы выбора вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія въ психо-интеллектуальномъ механизмѣ. Для разъясненія этого вопроса возьмемъ вышеприведенный примѣръ скряги милліонера. Подъ вліяніемъ сказаннаго воспитанія онъ отказывается себѣ не только въ удовольствіяхъ, но и въ необходимомъ. Онъ ѣстъ малопитательную и дурную пищу, въ болѣзни онъ изъ скупости не обращается къ врачу, рискуя страдать и умереть несвоевременно. Самое ужасное горе ближняго не въ состояніи побудить его подать помощь несчастному, сопряженную съ самымъ ничтожнымъ для него расходомъ. И въ тоже самое время этотъ человѣкъ судитъ вполне здраво во всѣхъ дѣлахъ, не сопряженныхъ съ его интересомъ, онъ даже развиваетъ нерѣдко большую смѣтливость въ дѣлѣ увеличенія своего капитала. Если онъ мыслитъ и дѣйствуетъ на основаніи своей воли, то какъ объяснить ея двойственность: во всѣхъ областяхъ мышленія она дѣйствуетъ болѣе или менѣе правильно, въ дѣлѣ же денежнаго интереса она заставляетъ скрягу думать и дѣйствовать во вредъ себѣ и своему обществу. Очевидно, что изъ всѣхъ мыслевыхъ факторовъ одна только группа представленій, независимо отъ всѣхъ другихъ силъ разума, подчинила себѣ человѣка и сдѣлала его скрягой, дѣйствующій во вредъ и на гибель своей собственной личности. Тутъ о злой волѣ не можетъ быть рѣчи, потому что никто не врагъ самому себѣ, а скряга, дѣйствующій наперекоръ разсудку, побуждающій свои

естественныя стремленія къ удовольствіямъ и самосохраненію, подчиняется, безъ сомнѣнія, частной роковой силѣ, дѣйствующей въ немъ независимо отъ другихъ психо-интеллектуальныхъ силъ въ немъ развившихся.

Если прослѣдить за психо-интеллектуальнымъ процессомъ преступника съ самаго начала появленія въ немъ преступнаго замысла, то дѣлается яснымъ, что сила послѣдняго сначала небольшая, съ повтореніемъ той-же самой думы растетъ, постепенно увеличиваясь. Если человѣку пришла мысль обокрасть или убить другаго для поправленія своихъ обстоятельствъ, то сначала эту мысль встрѣчаетъ сильная душевная буря. Противъ такого намѣренія возстаютъ нравственныя правила человѣка, до того усвоенныя, представленія опасности и наказанія за совершенное преступленіе и т. п. Но, по мѣрѣ повторенія въ мысленіи того замысла, его душевные противники болѣе и болѣе слабѣютъ, и представленія того преступнаго намѣренія, все чаще и чаще повторяясь въ мысленіи дѣлаются болѣе и болѣе господствующими въ душѣ несчастнаго. Наконецъ приходитъ время, когда сила этихъ представленій дѣлается непобѣдимой, преступныя мысли, даже на перекорь усиліямъ ихъ носителя ничѣмъ не могутъ выгнаться изъ головы. Въ этихъ случаяхъ при совершеніи преступленія, преступникъ дѣйствуетъ какъ невольное только орудіе внутренней, въ его душѣ господствующей силы. Въ одностороннемъ помѣшательствѣ мы видимъ повтореніе того же самаго процесса. Сначала, вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ условій со стороны высшаго міра или нервной системы человѣка, въ его интеллектъ часто появляется въ дѣятельности одна и таже группа представленій, не соответствующихъ дѣйствительнымъ явленіямъ опыта. Первое время представленія дѣйствительнаго опыта противодѣйствуютъ болѣзненно-возбужденнымъ представленіямъ; вслѣдствіе этого вѣра въ истину послѣднихъ нерѣдко смѣняется сомнѣніемъ. Но если вслѣдствіе ненормальныхъ условій болѣзненная группа представленій, все чаще и чаще повторяется, то она сдѣлавшись сильнѣйшею, вполне поработочаетъ вѣру человѣка. Такъ напр., сначала является въ познаніи группа представленій о враждебности окружающихъ людей. Эти представленія вызываютъ къ дѣятельности представленія средствъ, которыми та враждебность можетъ проявиться, какъ отравы или убійство. Сначала эти подозрѣнія бываютъ только скоропроходящими и побѣждаются представленіями заботливости и расположенія окружающихъ, неспособности ихъ на преступленіе.

Но, по мѣрѣ повторенія первой группы и ея усиленія въ интеллектѣ, противныя ей представленія, относительно, все болѣе и болѣе слабѣютъ и наконецъ совершенно вытѣсняются. Дома больной отказывается отъ пищи и дѣлается врагомъ того, кто захочетъ разувѣрить его въ неосновательности его подозрѣній. Этотъ же больной, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, можетъ сохранить полную логичность мышленія. Тоже самое повторяется у людей, у которыхъ, вслѣдствіе незначительной потери развивается представленіе полного раззоренія, не смотря на то, что ихъ богатство вполне сохранно. Люди, у которыхъ постепенно укрѣпляется въ мышленіи группа представлений побуждающая ихъ на убійство безъ всякаго эгоистическаго и логическаго мотива, переживаютъ сначала ту же внутреннюю борьбу. Подъ конецъ эта группа представлений начинаетъ до того деспотически господствовать въ интеллектѣ больного, что онъ теряетъ сонъ и аппетитъ, пока не совершитъ задуманнаго преступленія. Во всѣхъ приведенныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ кроется одна общая причина, ненормальное преобладаніе въ психо-интеллектуальномъ мірѣ чловѣка группы представлений опредѣленнаго содержанія надъ другими. Различная степень этого преобладанія зависитъ отъ степени силы, развиваемой ненормально преобладающей группой представлений и отъ энергіи чувства, поддерживающаго это преобладаніе. Если это ненормальное вліяніе односторонней группы представлений еще не рѣзко выдѣляется изъ фізіологической нормы, то въ проступкахъ такихъ людей видятъ порочность, юристъ признаетъ ихъ виновными; если же эта ненормальная сила преобладающей группы обостряется даже до подавленія логическаго хода мышленія и до противодѣйствія представленіямъ прямо приходящимъ изъ опыта, то такихъ людей признаютъ помѣшанными, и относительно совершенныхъ преступлений юристъ считаетъ ихъ невмѣняемыми. Но изъ сказаннаго видно, что всѣ подобные случаи суть только различныя степени одной и той же болѣзни, подлежащія психіатріи, и исправленіе ихъ сводится къ леченію. Различныя результаты въ помыслахъ и поступкахъ такихъ больныхъ зависятъ только отъ различнаго содержанія господствующей группы представлений. Чѣмъ меньше развито въ чловѣкѣ другихъ сильныхъ группъ представлений, способныхъ оспаривать то одностороннее господство, тѣмъ легче оно развивается. У неразвитаго чловѣка преступныя мысли легко укрѣпляются за недостаткомъ противодѣйствующей нравственной и разумной силы. Невѣжество есть мать пре-

ступленій. У развитаго человѣка борьба между разнообразными группами представлений предохраняетъ отъ черезъ чуръ сильнаго преобладанія одной изъ нихъ. Безъ сомнѣнія изъ числа замышляемыхъ преступленій несравненно большее число предотвращается этой борьбой, а только меньшая ихъ часть приводится въ исполненіе.

Изъ сказаннаго дѣлается яснымъ вся нераціональность приѣмовъ, при исправленіи вреднаго направленія помысловъ и поступковъ, еще и въ настоящее время практикуемыхъ педагогами и юристами. Мы видѣли, что единственнымъ средствомъ прекращенія такого ненормальнаго психо-интеллектуальнаго состоянія можетъ служить только ослабленіе ненормально окрѣпшей и вредной группы представленія, усиленіе на ея счетъ другихъ группъ представлений противоположнаго характера. Для этого исправляющій долженъ ревностно слѣдить, чтобы вредная группа представлений, насколько возможно, не имѣла ни времени, ни возможности появляться въ интеллектѣ, а при ея появленіи вызывать другія представленія, съ цѣлю ея вытѣсненія изъ мышленія. Вотъ въ общихъ чертахъ средства вытекающія изъ нашей теоріи для борьбы съ сказаннымъ патологическимъ одностороннимъ преобладаніемъ нашихъ представлений.

Въ легкихъ случаяхъ, т. е. когда извѣстная группа представлений порочнаго содержанія еще не успѣла значительно окрѣпнуть, но уже вызвало дурные помыслы и поступки, достаточно на первыхъ порахъ съ одной стороны соединить эту группу представлений съ мучительными и неприятными чувствами, какъ стыдомъ, лишеніемъ желаемаго и т. п. Съ другой—возобновлять въ мыслевой дѣятельности группы представлений противоположнаго содержанія, соединяя ихъ для вящаго укрѣпленія съ пріятными чувствами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дурное направленіе мыслей и поступковъ сильно укрѣпилось въ мышленіи, управленіе рядами представлений, появляющихся въ мышленіи, должно быть предоставлено не исправляемому, а исправляющему. Послѣдній долженъ стремиться къ тому, чтобы одинъ рядъ представлений смѣнялся другимъ собственнымъ стимуломъ воспитателя, не оставляя, кромѣ необходимаго времени для сна и отдыха, даже малаго времени для самостоятельнаго мышленія испорченнаго воспитанника. Для этого такіе ненормальные и вредные обществу люди должны собираться въ отдѣльныхъ заведеніяхъ, гдѣ все время ихъ бдѣнія должно быть занято, съ короткими промежутками для отдыха (въ 10 или 15 ми-

нужь) не чисто механическими занятіями, допускающими самостоятельное мышленіе, а требующими неослабнаго вниманія и не допускающими, по мѣрѣ возможности, появленія побочныхъ представленій въ мышленіи. Такъ напр., рано утромъ по пробужденіи вслѣдъ за молитвой должна начаться работа. Послѣдняя должна быть такого только содержанія, что можетъ идти не иначе, какъ при полной внимательности работника, какъ работа у машины, требующая безпрестаннаго сосредоточенія вниманія, наборка шрифта для печатанія, изученіе игры на музыкальномъ инструментѣ и т. п. Такая работа должна смѣняться чтеніемъ евангелія или другихъ нравственныхъ и интересныхъ книгъ. При этомъ читать должно непремѣнно въ слухъ, заставляя воспитанниковъ, отъ времени отъ времени, разсуждать о прочитанномъ. Кромѣ этихъ и другія подобныя занятія должны, съ малыми промежутками времени, смѣнять другъ друга до обѣда и сна. Во время ѣды должны продолжаться громкія сужденія о читанномъ съ участіемъ въ нихъ почти всѣхъ воспитанниковъ. Для того, чтобы каждый изъ нихъ слѣдилъ со вниманіемъ за нитью разговора, воспитатель долженъ неожиданно заставлять продолжать разговоръ то того, то другаго изъ воспитанниковъ. Въ промежуткахъ между занятіями нужно предоставлять достаточно времени для гимнастики и игръ, требующихъ сосредоточеннаго вниманія. Для сна должно доставляться *minimum* времени, полагающійся для здоровыхъ людей соотвѣтствующаго возраста, приблизительно, отъ 5 до 7 часовъ въ сутки. Если наказаніе можетъ исправлять укоренившіяся дурныя наклонности, то въ такомъ психіатрическомъ леченіи лежитъ вмѣстѣ столько неприятнаго и тяжкаго, что, по мѣрѣ возможности, воспитанники безпрекословнымъ исполненіемъ приказаній будутъ стараться поскорѣе избавиться отъ него и будутъ бояться возврата въ заведеніе. Кромѣ того предоставленіе большого комфорта, нѣкоторыхъ удовольствій и дозволеніе видѣться съ родными послужитъ наградою для послушныхъ воспитанниковъ и будетъ поддерживать дисциплину. Смотря по степени порчи воспитанника, послѣ его пребыванія въ заведеніи впродолженіе года, двухъ и болѣе онъ можетъ быть подвергнутъ испытанію, чтобы убѣдиться насколько въ немъ ослабѣла сила вредно направленныхъ представленій. Неисправимые могутъ навсегда оставаться въ заведеніи; гдѣ они изолируются отъ общества, которому могутъ приносить вредъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ содержаніе окупается полезной работой, производимой ими въ заведеніи. Таковъ мой планъ

для искорененія окрѣпшихъ въ душѣ людей, особенно дѣтей дурныхъ помысловъ и стремленій къ вреднымъ поступкамъ.

Если мы обратимся къ тому, что нынѣ практикуется у педагоговъ и юристовъ, то мы увидимъ совершенно противоположное. Отъ дурныхъ дѣтей родители и воспитатели отворачиваются или запираютъ въ карцеръ. Взрослыхъ власти сажаютъ въ тюрьмы. Тамъ предоставленныя самимъ себѣ, окрѣпшія вредныя представленія работаютъ еще сильнѣе, чѣмъ на свободѣ, потому что ихъ даже на время не вытѣсняють обыкновенныя житейскія представленія. Какъ тюрьма, такъ и карцеръ никого не исправили. Тюрьмы всеми признанны за академіи преступленій, изъ которыхъ каждый преступникъ выходитъ если не съ большей энергіей, то съ большимъ стремленіемъ къ преступнымъ дѣяніямъ... Рабочій домъ, тюрьма и каторга, монотонная и механическая работа не только даетъ возможность работать воображенію, но въ этой работѣ находится даже утѣшеніе и удовлетвореніе праздно остающемуся мышленію. Въ образахъ, создающихся въ это время, въ головѣ такого испорченнаго человѣка являются, какъ самыя сильныя, прежнія преступныя представленія. Слѣдовательно, въ пріемахъ, какъ педагоговъ, такъ и юристовъ, ничего не находится для исцѣленія зла, но за то есть много для его усиленія и укорененія. Они развращаютъ, а не наводятъ на путь истины. Въ тюрьмахъ страдаютъ несчастные, живя непроизводительно насчетъ общества. Выпущенные на свободу по истеченіи срока ихъ наказанія они возвращаются въ то же общество еще болѣе испорченными и вредными, нежели тогда, когда они были взяты изъ него. Главная идея руководимая этими пріемами состоитъ не въ излеченіи психической болѣзни, а въ мести и въ наказаніи за содѣланное зло. Идея недостойная современнаго человѣчества и противная требованіямъ цивилизованнаго общества отъ педагоги и правосудія.

Не „око за око“ оно нынѣ требуетъ, а огражденіе его отъ дурныхъ членовъ, исправленія, по мѣрѣ возможности, несчастныхъ и возвращенія ихъ обществу, ни какъ раскаянныхъ преступниковъ, а какъ излеченныхъ отъ психо-интеллектуальной болѣзни.

Все іезуитское воспитаніе основывалось на укрѣпленіи съ дѣтства въ своихъ воспитанникахъ опредѣленнаго направленія ассоціацій представленій, отвѣчающихъ опредѣленнымъ цѣлямъ. Эти интеллектуальныя связи превращались въ опытныхъ рукахъ тѣхъ учителей въ могучіе пути для ума, изъ которыхъ впоследствии удавалось вырваться

только особенно одареннымъ личностямъ. Вотъ почему говорятъ, что руки, держащія школу общества, вмѣстѣ съ тѣмъ держатъ не только будущее знаніе этого общества, но его характеръ, нравственность и его будущую исторію. Такими руками должны быть чистѣйшія руки общества; головы, управляющія школой, должны быть свѣтлѣйшими головами народа.

17) Наконецъ, педагогъ долженъ имѣть въ виду одну опасную односторонность въ направленіи мышленія, вытекающую изъ самой природы развивающагося человѣка. Я говорю о половомъ развитіи. Безпрестанное возбужденіе мозга наплывомъ новыхъ половыхъ ощущеній вызываетъ скоро цѣлую группу представленій, которая дѣлается обычнымъ мыслевымъ направленіемъ. Непрерывающееся и неудовлетворенное возбужденіе половыхъ органовъ постоянно призываетъ и возбуждаетъ къ дѣятельности въ мышленіи новые и повые ряды представленій эротическаго содержанія. Безсодержательныя половыя ощущенія соединяются съ представленіями образовъ, создаваемыхъ энергическимъ юношескимъ воображеніемъ. Привлекательность этихъ образовъ дѣлаетъ ихъ самыми пріятными и потому самыми частыми дѣятелями мышленія. Къ несчастію, это теченіе представленій и ихъ связи часто поддерживаются праздностію ума, чтеніемъ романовъ и примѣрами съ стороны взрослыхъ. Не мало нужно педагогу умѣнья и такта, чтобы противодѣйствовать этому направленію юношескихъ мыслей. Серьезныя занятія, смѣняющія другъ друга, гимнастическія упражненія, интересныя группы научныхъ и эстетическихъ представленій, созданіе высшихъ нравственныхъ идеаловъ, — все это должно постоянно бороться съ половымъ направленіемъ представленій. Если удастся первымъ предоставлять постоянно побѣду въ мышленіи и выполнять ими все время его свободной работы, то, благодаря этому, эротическія представленія, не имѣя ни времени, ни мѣста въ мышленіи, должны будутъ слабѣть, уступая мѣсто болѣе разумнымъ дѣятелямъ. Съ цѣлію отвлеченія крови отъ половыхъ органовъ очень полезна и мышечная дѣятельность, какъ гимнастика или другой физическій трудъ. Усталому отъ умственнаго и физическаго труда человѣку хочется спать. Одна праздность болѣе всего поддерживаетъ эротическое направленіе мыслей.

18) При изложеніи развитія въ человѣкѣ его представленія о самомъ себѣ мы видѣли, что это представленіе, въ дѣтствѣ бѣдное аттри-

бугами своей собственной силы и дѣятельности, стремится присвоивать себѣ болѣе богатые атрибуты другихъ людей. Всякая личность сильнѣйшая, нежели дитя, умѣющая дѣлать то, что оно не въ состояніи сдѣлать, возводится имъ въ идеалъ. Присвоивъ себѣ атрибуты той или другой личности, дитя старается подражать своему идеалу и дѣйствіями. Такимъ образомъ, природная склонность человѣка къ подражанію, можетъ быть, унаслѣдованная отъ обезьяны, получаетъ новый толчекъ изъ опыта. Чѣмъ моложе дитя, т. е. чѣмъ меньше развились дѣйствительные атрибуты его „я“, тѣмъ болѣе оно подражаетъ старшимъ. Такъ какъ дитя приписываетъ себѣ тѣ свойства старшихъ, которыя ему импонируютъ, т. е. пріятно дѣйствуютъ на его чувство, то присвоеніе себѣ различныхъ атрибутовъ, взятыхъ отъ другихъ личностей, обуславливается степенью умственного развитія дитяти, его возрастомъ, этическими возрѣвіями. Такъ, маленькія дѣти представляютъ себя кучерами, поварами, офицерами и т. п. Одни изъ нихъ также усердно рубятъ изъ бумаги котлетки, какъ другія рубятъ все и вся направо и налево, стрѣляютъ и убиваютъ воображаемыхъ враговъ. Всмотритесь въ этихъ дѣтей и вы увидите, что они не съ меньшимъ убѣжденіемъ и жаромъ исполняютъ свои воображаемыя обязанности, какъ настоящіе повара и воины. Изученіе исторіи приноситъ имъ новыя идеалы. Въ каждомъ классѣ учебныхъ заведеній находятся свои Александры Македонскіе, Ганнибалы, Гракхи и т. п. Но всѣ представленія, взятая отъ другихъ личностей, разъ соединившись съ „я“ дитяти, оставляютъ болѣе или меньшій слѣдъ на его будущемъ характерѣ. Чѣмъ чаще повторяются эти связи, чѣмъ болѣе связуемыя представленія исходятъ отъ людей болѣе близкихъ и импонирующихъ, тѣмъ глубже ихъ вліяніе. Этого достаточно, чтобы показать необходимость величайшей осторожности и обдуманности въ словахъ и поступкахъ людей, съ которыми дѣти приходятъ въ тѣсное отношеніе. Эта осторожность должна соблюдаться не только относительно того, что говорится съ дѣтми и дѣлается съ ними, но и вообще что говорится и дѣлается въ ихъ присутствіи. При дѣтяхъ должно обращать строгое вниманіе на слова и поступки въ сношеніяхъ съ людьми различныхъ слоевъ общества и съ животными.

Родители и наставники! Дѣти изучаютъ васъ не только какъ всѣ остальные предметы въ мірѣ, какъ ихъ игрушки, — но и какъ свое бу-

дущее, свою собственную будущую силу, объективно имъ представляемую вами въ настоящемъ. Они наблюдаютъ за вами со всей силой дѣтскаго любопытства; но не думайте, что только тогда, когда вы имъ проповѣдуете и ихъ учите,—иѣтъ, тогда вы дѣйствуете на ихъ чувство, и изученіе васъ, какъ объекта, отъ того страдаетъ. Но когда вы забываете присутствіе вашихъ дѣтей и проявляете ваши нормальныя мысли и чувства, тогда вы дѣлаетесь для нихъ истинными объектами изученія. Представленіе, добытое этимъ наблюденіемъ ребенка, входитъ въ его плоть и кровь, потому что оно исходитъ отъ самыхъ близкихъ ему людей, сочетается съ его „я“ и приготовляетъ направленіе его будущаго мышленія и дѣйствія, т. е. характера. Что вы посѣете, то ваше дитя и пожнетъ. Вотъ почему прежде, нежели вы возьмете на себя великую обязанность поучать дѣтей, старайтесь объективно изучить самихъ себя и условія вашей домашней жизни. Только тогда оставьте ихъ при себѣ, когда вы можете быть увѣрены, что въ другомъ мѣстѣ, куда вы ихъ можете помѣстить, не ожидаютъ вашихъ дѣтей лучшіе идеалы и примѣры для указанія имъ грядущаго пути въ жизни.

Воспитатель долженъ стремиться къ тому, чтобы дѣтскія представленія мало по малу очищались отъ чуждаго и недѣйствительнаго. Въ каждое представленіе человѣка о самомъ себѣ, какъ существенное, должно входить только то, что природа вложила въ человѣка, какъ представителя нашего типа, со всеми его способностями и недостатками. *Homo sum et nihil humanum a me alienum puto*. Всѣ же индивидуальныя атрибуты, пріобрѣтеніе которыхъ зависитъ отъ случайныхъ условій, хорошіе или дурные, должны содержаться въ этомъ представленіи не какъ существенныя, владущіе отличительную грань этой личности отъ всѣхъ другихъ. Пусть каждый знаетъ, что все пріобрѣтенное имъ хорошее проистекаетъ не отъ его самостоятельной воли, не отъ его индивидуальныхъ качествъ, а большею частью отъ условій общества, среди котораго онъ живетъ и которыя способствовали преимущественному пріобрѣтенію отличающихъ его отъ другихъ особей качествъ. Для того, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ возможность всю жизнь учиться или предаваться тому или другому искусству, или развить свои чувства до высокой степени нравственности, нужно, чтобы десятки людей безъ всякаго ученія въ потѣ лица всю жизнь работали за плугомъ, посвящали все свое время мышечному труду. Поэтому внушайте

воспитанникамъ, чтобы они не приписывали себѣ всецѣло пріобрѣтенныя ими отличительныя способности въ знаніи, искусствѣ и нравственности, и не думали хвалиться ими предъ другими и ставить свою личность выше тѣхъ другихъ, даже невѣждъ и безнравственныхъ, которымъ въ сущности они обязаны большею частію всеѣмъ, чѣмъ они гордятся. Пусть также и ихъ собственные недостатки и пороки не вызываютъ въ нихъ отчаянія и презрѣнія къ своей собственной личности. Пусть они уважаютъ достоинства и ненавидятъ пороки, отдѣляя ихъ отъ представленія своей или другихъ личностей, какъ случайную, несущественную принадлежность человѣка, какъ продуктъ современнаго общества, среди котораго они живутъ. Тогда представленіе о самомъ себѣ не вызоветъ своимъ содержаніемъ ни стремленія стоять выше другихъ, ни презрѣнія и ненависти къ другимъ, ни самоуниженія и самоуничтоженія, а напротивъ явится въ нихъ представленіе человѣка о самомъ себѣ, не отличающееся своимъ существеннымъ содержаніемъ отъ представленій другихъ людей; оно будетъ способствовать къ слятію этихъ представленій, какъ однородныхъ въ интеллектѣ, и тѣмъ положить начало, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, любви къ человѣчеству и стремленію соединиться съ нимъ подобно тому, какъ маленькая часть съ однороднымъ себѣ цѣлымъ, въ которомъ разнородность есть только случайная и несущественная.

Что же дѣлаете вы, родители, особенно знатные родители? Съ первымъ познаніемъ ребенка о своемъ существованіи и отличіи его „я“ отъ остального свѣта, вы влагаеете туда свою отраву. Вы говорите вашему ребенку, что онъ красивѣе, богаче или умнѣе другихъ. Чтобы не унижить воображаемаго достоинства вашего ребенка, вы отрываете его отъ игры съ дѣтьми бѣдныхъ родителей-труженниковъ, внушая ему, что ему какъ князю или дворянину неприлично играть съ дѣтьми ремесленника или музыканта и т. п. И дѣйствительно ваше дитя, которое съ врожденной любовью человѣка къ человѣку сначала съ восторгомъ видѣлось и играло съ дѣтьми плебеевъ, не сознавая ни малѣйшей разницы между ими и собою, мало по малу, благодаря вашимъ внушеніямъ, начинаетъ отличать себя отъ другихъ, считать себя лучше, чѣмъ другихъ и, идя этой дорогой, оно ограничиваетъ свою любовь любовью только своей собственной личности, въ ней только вашъ воспитанникъ находитъ достойное уваженія, все остальное, ниже его стоящее,

считается чужимъ и заслуживающимъ лишь большаго или меньшаго презрѣнія. Плодъ этого воспитанія чувствуется вездѣ въ нашемъ обществѣ, какъ его разлагающее начало, какъ причина ненависти и презрѣнія, которымъ взаимно награждаютъ другъ друга всѣ, даже, такъ называемые, интеллигентные члены нашего общества; отъ него является и племенная ненависть не только къ другимъ народамъ, но и между племенами, обитающими наше отечество, между членами одной великой семьи, сила которой заключается только въ единеніи и общемъ согласіи.

ГЛАВА VI.

Эмпирическое мышленіе.

§ I. Сила мысли. Она вытекаетъ изъ законовъ психоинтеллектуальной природы человѣка. Въ чемъ состоятъ эти законы.

Между всѣми силами міра, доступными нашему опыту, есть одна самая могучая; она называется мыслию человѣка.

Не сметря на то, что аппаратъ, продуцирующій эту силу, — мозгъ, такъ малъ, что всякій носитель мысли можетъ спрятать его въ своихъ рукахъ, тѣмъ не менѣе человѣческій умъ подчиняетъ себѣ почти всѣ силы природы. Онъ употребляетъ стихіи, химическія и механическія силы для своей пользы, онъ указываетъ рѣкамъ ихъ русло, соединяетъ моря, уничтожаетъ горы, скалы, онъ вызываетъ условія для образованія электрическаго тока, направляетъ его для своихъ цѣлей. Однимъ словомъ, эта ничтожная въ количественномъ отношеніи сила повелѣваетъ колоссальными движеніями, милліонной части которыхъ нерѣдко было бы достаточно для уничтоженія существованія нѣсколькихъ сотенъ тысячъ носителей человѣческой всемогущей мысли, если бы они не защищались и не вдохновлялись силою ея. Въ своемъ могуществѣ умъ человѣка противопоставляетъ себя всему порядку вселенной. Вездѣ, вѣдь его, въ мірѣ господствуетъ самымъ деспотическимъ образомъ право силы; только его единый голосъ впервые провозгласилъ право справедливости, какъ высшее и единственное право. Съ тѣхъ поръ все, что дѣлается въ мірѣ, во имя этого великаго начала, есть дѣло творчества человѣческаго ума.

Создавъ въ своемъ интеллектѣ картину вселенной изъ дѣйствующихъ на мозгъ внѣшнихъ движеній, ту картину, которую каждый называетъ внѣшнимъ міромъ, познавъ, по мѣрѣ своей индивидуальной способности, отношенія явленій и объектовъ въ природѣ, умъ человѣческій

мало по малу вырабатываетъ познаніе единства и постоянства силы, представляющей въ многообразныхъ формахъ и какъ одну изъ этихъ формъ свое собственное бытіе и его положеніе во всемъ мірозданіи. Психо-интеллектуальное творчество, какъ будто не довольное существующимъ, реальнымъ міромъ познанія, творитъ изъ элементовъ, данныхъ дѣйствительнымъ опытомъ, силой воображенія, несуществующіе образы, идеи и новый идеальный міръ.

Оба они, какъ реальный, такъ и идеальный міры уживаются вмѣстѣ въ душѣ человѣка. Въ первомъ выражается міръ, насколько онъ воспринимается познаніемъ изъ дѣйствительности, а въ послѣднемъ—другой несуществующій міръ, какъ онъ долженъ бы быть согласно съ стремленіями чувства, или съ правдой, открывшейся уму человѣка.

Но откуда берется эта сила? гдѣ матеріаль, изъ котораго она создается и какіе стимулы являются побудителями мыслевой работы, продуцирующей эту силу?

Въ предыдущихъ главахъ мы познакомились съ интуитивными и элементарными факторами мышленія, ихъ дѣятельностію и результатами ея для познанія. Мы видѣли, что воспріятія даютъ познаніе отдѣльныхъ внѣшнихъ, ихъ вызвавшихъ явленій, а представленіями познаются комбинаціи этихъ явленій въ пространствѣ и въ слѣдованіи ихъ во времени. На основаніи нашей теоріи мы видѣли, что образованіе элементарныхъ интеллектуальныхъ ячеекъ, ихъ дифференцированіе въ болѣе сложные интеллектуальные факторы и функція этихъ организованныхъ элементовъ представляютъ собою такіе же естественные біологическіе процессы, какъ отправленія всѣхъ другихъ ячеекъ и тканей въ организмѣ, функція ячеекъ грудной железы даетъ молоко, функція же интеллектуальной ячейки и ея комбинаціи продуцируетъ знаніе того, что вложено въ каждую изъ нихъ внѣшнимъ опытомъ, ихъ создавшимъ, и творчествомъ мозговой ячейки. Интеллектуальная работа въ этихъ предѣлахъ есть видовая, т. е. она есть свойство всякаго индивида человѣчества. У дикаго жителя африканскихъ степей или индуса, какъ и у самаго образованнаго человѣка, воспріятія и представленія образуются по тѣмъ же законамъ и проявляются тождественной формой познанія. По сочетаніямъ воспріятій и представленій въ пространствѣ и во времени сначала всѣ люди одинаково познаютъ отношенія явленій и предметовъ. Для всѣхъ ночь слѣдуетъ за днемъ, для всѣхъ солнце свѣтитъ и грѣетъ. Всѣ люди въ

каждомъ предметѣ, кромѣ его свойствъ, познаютъ и вещество, въ движеніи видятъ силу. Если въ ихъ опытѣ два явленія или предмета слѣдовали другъ за другомъ, то они при вторичномъ явленіи перваго въ новомъ опытѣ, роковымъ образомъ ожидаютъ явленія и другаго, прежде слѣдовавшаго за нимъ.

Но существуетъ колоссальная разница между этимъ видовымъ мышленіемъ, присущимъ каждому человѣку и міромъ болѣе сложнаго, отвлеченнаго мышленія и познанія каждаго отдѣльнаго человѣка. Эти крайнія точки человѣческаго мышленія раздѣляются огромной восходящей лѣстницей, въ которой каждая слѣдующая ступень богаче предшествующей ей мыслевой силой и широтою познанія.

Знакомство съ количественной и качественной разницей мыслевой работы и ея результатами среди человѣчества въ различныхъ его классахъ, низкая проба этой работы въ массѣ человѣчества нынѣ и въ продолженіи всего историческаго времени, невысокій ея уровень даже въ болѣе интеллигентныхъ слояхъ общества и рѣдкое явленіе среди человѣчества лицъ, силой своего ума подвигающихъ эту работу впередъ, могло бы породить мнѣніе, что природѣ человѣческаго вида принадлежитъ только мышленіе первоначальныхъ степеней. Творчество же высшей мысли есть удѣлъ только избранныхъ, исключительныхъ личностей, вырабатывающихся изъ человѣческаго вида, какъ новый будущій типъ, подобно тому, какъ, можетъ быть, первобытный человѣкъ прежде постепенно переобразовался изъ обезьяны и выдѣлился изъ ея вида. Но ближайшее знакомство съ объективными явленіями нашего мышленія убѣдило насъ, что одинъ и тотъ же источникъ развитія ума лежитъ въ основахъ природы всего человѣческаго вида; что высшее умственное развитіе не есть новое насажденіе, не свойственное обыкновенной человѣческой природѣ, а только плодъ правильнаго хода развитія его мозга и природныхъ свойствъ въ психоинтеллектуальной сферѣ; низкая же ступень умственнаго развитія массы человѣчества настоящаго времени зависитъ или отъ ненормальной приостановки въ ходѣ этого развитія, или по причинѣ отклоненія его въ сторону вызваннаго субъективными и другими побочными обстоятельствами. Но прежде, нежели мы обратимся къ разбору этихъ обстоятельствъ, постараемся найти источникъ и причину, подвигающую мыслевую работу и постепенно развивающую ее отъ интуитивнаго состоянія до высшихъ и высшихъ степеней.

Уже давно въ философіи высказано было мнѣніе, что наше мышленіе обусловливается стремленіемъ къ соединенію во едино разрозненнаго знанія, получаемаго нами изъ опыта. Еще Платонъ часто повторялъ въ своихъ сочиненіяхъ, что философская работа состоитъ въ томъ, чтобы видѣть единичность во множественномъ и множественное въ единичномъ. Напрасно, говоритъ Шопенгауеръ, будемъ принимать съ Кантомъ, что есть „синтетическая единичность въ аперцепціи“, „я“, которое соединяетъ разрозненное познаніе во едино. Этотъ соединяющій принципъ самъ по себѣ неизвѣстенъ: это большая тайна. Что же онъ въ сущности?—Воля*.

Изъ сказаннаго выше и еще больше изъ содержанія этой главы мы убѣдимся, что наше познаніе идетъ отъ частнаго къ общему, т. е. сила познаванія растетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе разрозненныхъ элементовъ познаванія соединилось въ одну цѣлую интеллектуальную силу. Если у насъ на мѣсто нѣсколькихъ отдѣльныхъ интеллектуальныхъ связей образовалась болѣе общая связь, въ которую первыя войдутъ только какъ части, то наше познаніе расширяется и наше стремленіе къ нему удовлетворяется. Это чувство удовлетворенія выражается вѣрой въ обобщенное знаніе. Но эта вѣра рождается не реальной истиной заключающейся въ обобщеніи, а вытекаетъ только изъ согласія самого процесса обобщенія съ требованіями нашей природы. Но всякое обобщеніе (соединеніе разрозненнаго частнаго знанія въ общее) тогда только развиваетъ свободно свою познавательную силу и возбуждаетъ чувство вѣры въ эту силу, когда ему не противодѣйствуетъ какое либо другое ему противное обобщеніе, изъ такого же частнаго матеріала опыта сложившееся. Съ появленіемъ послѣдней ослабляется или уничтожается сила предшествующей и теряется вѣра въ нее. Такимъ образомъ человѣкъ переходитъ отъ одного убѣжденія, какъ и отъ одного обмана знанія, къ другому. Главная причина этого состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что природа человѣка въ сущности вовсе не стремится къ обобщенію познанія для знанія и не удовлетворяется самой истиной, какъ думаютъ философы, а все обобщеніе нашего знанія есть только результатъ стремленія человѣческой природы къ соединенію разрозненныхъ элементовъ вообще въ организмъ и интеллектуальнаго матеріала въ особенности. Въ этомъ соединеніи разрозненнаго можетъ содержаться дѣйствительная истина, или ложь, но пока эта связь не разрушается въ познаніи

* Die Welt als Wille. t. II. 15.

другой связью, ей довѣряютъ какъ истинѣ, потому только, что она соединила разрозненное въ единое и цѣлое. Это цѣлое живетъ и дѣйствуетъ въ познаніи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе частныхъ элементовъ опыта соединилось въ одномъ обобщеніи, или, говоря нашимъ языкомъ, насколько интеллектуальная матерія развивающаяся въ мозгу то знаніе и ту вѣру въ него находится на высшей степени дифференцированія интеллектуальной ткани. Слѣдовательно стремленіе человѣка къ истинѣ и познанію, суть по нашему ученію не дѣло воли, а только внѣшнее выраженіе природнаго внутренняго стремленія его интеллектуальныхъ организованныхъ элементовъ къ дальнѣйшему дифференцированію. Какъ постепенное укрѣпленіе нашего скелета получается развивающимся дифференцированіемъ его костной ткани изъ первоначальной хрящевой и соединительной ткани, такъ и расширеніе познанія получается тѣмъ же закономъ дифференцированія. Человѣкъ можетъ ставить себѣ цѣлюю ему извѣстную, но первоначальной природѣ человѣка истина неизвѣстна. Одна неразсуждающая природа инстинктивно влечетъ его къ знанію, какъ жаждущаго къ источнику.

Объясненія причины этого стремленія не зачѣмъ искать въ темнотѣ метафизической ночи; не зачѣмъ прибѣгать и къ принципамъ безсознательной воли, а для ея познанія постараемся лучше проникнуть въ самую природу человѣка и поищемъ, не найдемъ ли мы въ общихъ законахъ, управляющихъ явленіями жизни организма объясненія того роковаго стремленія разрозненныхъ интеллектуальныхъ элементовъ къ постоянному образованію новыхъ связей, къ той безпрепятственной мыслевой дѣятельности, результатомъ которой является наше отвлеченное знаніе, обнимающее цѣлыя области, цѣлыя законы реальнаго опыта. Приступимъ къ дѣлу.

Наблюдая за развитіемъ человѣка съ самаго его зародыша и въ дальнѣйшей его жизни, мы убѣждаемся, что „всѣ разрозненныя части, изъ которыхъ первоначально образуется организмъ, послѣдовательно стремятся къ соединенію въ одно неразрывное цѣлое.

Во время развитія зародыша, части, сначала отдѣльно развивающіяся, впоследствии сливаются вмѣстѣ. Такъ напр. обѣ половины зѣва и губъ, развиваясь съ каждой стороны, встрѣчаются въ серединѣ и соединяются въ одно небо и въ одну губу. Волчья пасть и заячья губа суть послѣдствія неудавшагося соединенія, вслѣдствіе ненормальныхъ

условій развитія. Также точно соединяются обѣ половины живота, промежности и т. д.

Окостенѣніе черепа, исходя изъ различныхъ точекъ, не имѣя времени для соединенія до родовъ, продолжаетъ процессъ соединенія и послѣ, пока весь черепъ, состоящій сначала изъ разрозненныхъ костныхъ островковъ, соединенныхъ фиброзной тканью не превратится въ сплошную костяную коробку.

Даже у взрослого человѣка, если какое нибудь насиліе разъединитъ части его тѣла, то въ ячейкахъ разъединенныхъ частей и кровеносныхъ сосудахъ начинается энергическая работа соединенія, оно совершается быстро и непосредственно, если однородныя клѣточки непосредственно соприкасаются съ однородными. Это называютъ въ хирургіи заживленіемъ *per primam intentionem*. Если же разъединенныя части удалены другъ отъ друга, или соприкасающіяся разъединенныя ячейки не однородны, то онѣ тѣмъ не менѣе соединяются посредственно, т. е. изъ разъединенныхъ тканей образуется новая ткань (рубцовая) соединяющая разрозненные *. Подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить при изслѣдованіи чувства.

Мы видѣли выше, что у дитяти первое обращеніе вниманія на внѣшній міръ вызывается пустотой познанія, чувствомъ интеллектуальнаго голода. Мозгъ совершенно такъ-же, какъ и всякій другой органъ требуетъ работы, такъ напр. пустой желудокъ требуетъ пищи, не подвижная мышца требуетъ сокращенія. Неудовлетвореніе этой потребности въ дѣятельности каждаго органа въ тѣлѣ вызываетъ подавляющее чув-

* Примѣч. Чтобы опять не подать повода невѣжественнымъ критикамъ, о которыхъ говорили выше, насмѣшкамъ надъ моею теоріей, мы должны здѣсь объяснить, что причина остающихся не сросшимися впродолженіи всей жизни, естественныхъ отверстій, какъ рта, влагалища и др. зависитъ только оттого, что они покрыты слизистой оболочкой съ слоемъ эпителия противодѣйствующимъ сращенію. Уничтоженіе этой оболочки влечетъ за собою немедленное сращеніе этихъ отверстій, такъ мы видимъ это частное или полное зарощеніе нормальныхъ отверстій въ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе язвъ, ожога, пострадала слизистая оболочка, ихъ покрывающая. Также точно кожа, поверхностный слой кожи (*Epidermis*) защищаютъ близъ лежащія части отъ ихъ природнаго стремленія къ срастанію. Такъ напр. послѣ ожога руки, если пальцы искусственно не разъединяются, они срастаются. Кажется Дифенбахъ первый предложилъ и выполнилъ на дѣлѣ идею обшивать слизистой оболочкой, взятой изъ другихъ частей, оперированныя отверстія, которыя онъ хотѣлъ предохранить отъ сращенія и этимъ цѣль его была вполнѣ достигнута и методъ его навсегда остался состояніемъ хирургіи.

ство, для избавленія отъ котораго человѣкъ самъ ищетъ матеріала для работы его дѣятельныхъ органовъ. Какъ своимъ ротикомъ новорожденный, подъ давленіемъ чувства голода, ищетъ соска матери, такъ ребенокъ подъ вліяніемъ подобнаго же ощущенія обращается своими органами чувствъ во внѣшній міръ опыта.

Однако, какъ намъ извѣстно, первые элементы познанія, вслѣдствіе природы нашихъ органовъ чувствъ и нервной системы, получаютъ разрозненными и отдѣльными другъ отъ друга ячейками, поэтому съ накопленіемъ ихъ въ душѣ между ними должно произойти такое же стремленіе къ соединенію, какъ и между разрозненными ячейками въ другихъ частяхъ тѣла. Это стремленіе къ соединенію до его удовлетворенія, вызываетъ въ человѣкѣ чувство напряженія. Въ немъ заключается, по нашему мнѣнію стимулъ, вызывающій дѣятельность данныхъ интеллектуальныхъ формацій въ стремленіи слиться въ одно цѣлое. Если бы наши представленія были однородны, то они, вслѣдствіе этого стремленія, вскорѣ соединились бы между собою во едино, какъ это сдѣлали костяныя ячейки черепа, клѣточки покрововъ тѣла и т. п.; но образовавшись большею частію изъ различныхъ внѣшнихъ движеній и ихъ разнообразныхъ комбинацій, воспріятія и представленія, вслѣдствіе разнороднаго содержанія не могутъ непосредственно соединиться между собою. Но мы знаемъ, что невозможность непосредственнаго соединенія разрозненныхъ частей организма не останавливаетъ ихъ дальнѣйшаго стремленія къ соединенію. Такъ мы знаемъ, что даже насильственно раздѣленные части тканей организма стремятся къ соединенію, не смотря на разстояніе находящееся между ними и на разнородность этихъ раздѣленныхъ тканей. Такъ напр. послѣ глубокихъ раненій, раздѣленные части кожи, не имѣя возможности соединиться между собою сростаются съ мышцами, костію и т. п. Въ такихъ случаяхъ невозможность непосредственнаго соединенія разрозненнаго замѣняется новымъ творчествомъ ячеекъ разрозненныхъ мѣсть тканей, съ помощію котораго образуется новая ткань, до того не существовавшая въ организмѣ, соединяющая разрозненное въ одно цѣлое. Эту ткань въ медицинѣ называютъ рубцовой тканью.

Анализъ мыслевой работы убѣдилъ насъ, что она состоитъ въ томъ же стремленіи къ соединенію разрозненныхъ и разнородныхъ интеллектуальныхъ элементовъ въ одно цѣлое. Какъ разрозненные ткани въ другихъ областяхъ тѣла, остаются навсегда разрозненными, когда вслѣд-

стве, дряблости и маложизненности, онъ не могутъ развить изъ себя грануляцій для образованія рубцовой ткани, какъ отъ неправильнаго сопоставленія разрозненныхъ частей соединеніе рубцовой тканью дѣлается неправильнымъ и вредно отзывается на дѣятельности соединенныхъ тканей, такъ и мыслевая работа слабыхъ интеллектуальныхъ формаций не даетъ никакихъ мыслевыхъ результатовъ, а съ другой стороны, ненормальныя вліянія на эту работу вызываютъ неправильныя соединенія. Только при энергіи интуитивныхъ интеллектуальныхъ элементовъ и при правильномъ ихъ развитіи и сопоставленіи получаются съ помощію ихъ творчества правильныя интеллектуальныя синтезы.

Трудность и копотливость этой мыслевой работы доказываютъ тысячелѣтія труда и соотвѣтствующая ему относительная незначительность его результата. Неутомимость труда объясняется невозможностью удовлетворенія чувства, которое могло бы тогда только придти въ равновѣсіекогда всѣ разрозненные элементы познанія соединились бы въ одно цѣлое. Но такъ какъ мы теперь очень далеки отъ этого и вѣроятно такое стремленіе никогда не достигнетъ удовлетворенія, то въ душѣ человѣка разъ загорѣвшійся подъ давленіемъ чувства огонь любознательности и мышленія можетъ согласно съ вышними обстоятельствами, то тлѣть, то вспламеняться, озаряя новыя области знанія, но потухнуть онъ никогда не можетъ, потому что весталкою этого священнаго огня является неизмѣнное чувство человѣческаго типа, которое, пока въ немъ живутъ нервы и мозгъ някогда умереть не можетъ. Люди въ своемъ мышленіи обыкновенно пользуются кромѣ интуитивныхъ, уже готовыми соединеніями полученными въ наслѣдство отъ предковъ или отъ другихъ людей, которыхъ тѣ соединенія получили какъ результатъ ихъ мыслевой дѣятельности. Эти синтезы могутъ быть ложныя и безъ критики, и повѣрки преименно передаваться однимъ поколѣніемъ другому. Одни только геніальныя умы творятъ новыя, положительныя связи и передаютъ ихъ, какъ полезный даръ всему человѣчеству и какъ наслѣдство всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ.

Но если причина мышленія есть общеловѣческая, вытекающая изъ природы cadaго человѣка, то невольно рождается вопросъ: откуда же эта огромная разница между людьми не только въ умѣ и познаніяхъ, въ способности пониманія и творчества, но даже въ стремленіяхъ къ познанію? *)

*) Шопенгауеръ справедливо говоритъ, что интеллектуальная разница

Но для того, чтобы отвѣтить на предложенный нами вопросъ, нужно прежде познакомиться со всѣми фазами умственного развитія, къ чему мы теперь и приступимъ.

§ 2. Два вида мыслевыхъ работниковъ; различные результаты, получающіеся отъ работы каждаго изъ нихъ. Единичныя формаціи и интеллектуальныя связи въ видѣ отдѣльныхъ особей. Сложныя представленія въ пространствѣ и во времени и образованіе изъ нихъ высшихъ формацій. Польза отъ этого для мышленія.

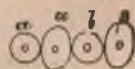
Всякая работа мышленія совершается исключительно только дѣятельными интеллектуальными (интуитивными или сложными) формаціями, какъ работниками; рнѣ ихъ мы ничего не знаемъ, что могло-бы дать какое нибудь знаніе. Изъ предъидущихъ главъ намъ стало извѣстно, что сложныя формаціи образуются въ интеллектѣ въ двухъ главныхъ видахъ: 1) Однѣ одиночныя тѣла, какъ воспріятія и представленія частныя и общія. Какъ бы разнообразно ни было содержаніе послѣднихъ, они всегда существуютъ въ интеллектѣ какъ самостоятельныя единичныя особи съ ограниченными предѣлами, каждая изъ такихъ формацій живетъ и дѣйствуетъ какъ самостоятельная интеллектуальная единица, съ нарушеніемъ ея цѣлости прекращается и функція ея. 2) Соединенія второго рода представляютъ только связи двухъ или болѣе отдѣльныхъ интеллектуальныхъ единицъ. Каждый изъ членовъ такого соединенія, несмотря на интеллектуальную связь, соединяющую его въ одномъ цѣломъ съ другими интеллектуальными членами, сохраняетъ свою индивидуальную самостоятельность. Въ предъидущей главѣ мы представили слѣдующія схемы этихъ

двухъ видовъ работниковъ: для перваго см. фиг. А. Тутъ мы видимъ, что ячейка X, представляетъ собственно внутреннюю интеллектуальную формацію, связывающую между собою всѣ болѣе или менѣе сложныя остальные части формаціи, представленныя здѣсь въ видѣ ячеекъ а, в, с, d, e. Схема 2-го вида друга. Въ 1 фиг. В мы видимъ послѣдовательную связь воспріятій опыта а, в, соединенныхъ между собою внутренними интеллектуальными ячейками α, β...

Фиг. А.

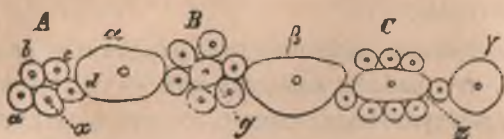

Фиг. В.

между людьми гораздо большая, нежели отличія въ общественномъ положеніи, чинахъ, кастахъ. Сравнивая умъ съ аристократіей, онъ говоритъ, что изъ одного дворянина по уму рождается тысячу плебеевъ, миллионъ изъ одного князя: самое большое число образуетъ „сволочь“.

Въ 2-й фиг. В мы видимъ болѣе сложныя формаціи А, В, С, изъ которыхъ связана каждая въ одно цѣлое внутренними интел-

Фиг. В₂

лектуальными ячейками, образующимися, какъ мы знаемъ не изъ внѣшняго опыта, а изъ внутреннихъ интеллектуальныхъ движеній x, y, z . Въ эти болѣе или менѣе сложныя формаціи соединяются между собою въ послѣдовательный рядъ съ помощью этихъ внутреннихъ интеллектуальныхъ ячеекъ α, β, γ и т. п. Но при этомъ каждое звено цѣпи можетъ и самостоятельно развивать ему присущее знаніе. Вся же цѣпь даетъ познаніе послѣдовательности этихъ познанныхъ явленій.

Какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, группировка такихъ дѣятелей для мыслевой работы обусловливается однородностію ихъ характера, т. е. тождественностію большей или меньшей части ихъ содержанія, или связію въ опытѣ въ пространствѣ или во времени и потому въ дѣятельной группѣ мышленія участниками могутъ быть: или только дѣятели перваго или втораго вида, или тѣ и другіе, причѣмъ въ дѣятельной мыслевой группѣ преобладаетъ одинъ родъ мыслевыхъ дѣятелей надъ другимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вслѣдствіе различнаго характера этихъ двухъ видовъ мыслевыхъ факторовъ, работа и ея результаты должны получиться различныя.

1) Единичные работники стремятся къ единичному результату ихъ мыслевой дѣятельности. Въ предъидущей главѣ мы уже познакомились съ первымъ продуктомъ этой работы, который мы назвали интеллектуальной формаціей 3-й степени, такъ называемымъ общимъ представленіемъ или простымъ понятіемъ. Тамъ мы видѣли, какъ отъ совмѣстной работы группы отдѣльныхъ представленій, имѣвшихъ только нѣсколько общихъ частей содержанія (признаковъ) рождалось новое, тоже единичное, интеллектуальное тѣло, содержаніе котораго состояло только изъ тѣхъ одинаковыхъ частей, которыя были общими для всѣхъ представленій группы. Познаніе, получаемое отъ него, какъ и отъ всѣхъ другихъ интеллектуальныхъ формацій, можетъ быть только выраженіемъ его содержанія, т. е. не представленій, его создавшихъ, а только тѣхъ признаковъ, которые общи для всѣхъ представленій группы, изъ которыхъ оно образовалось. Тутъ въ общемъ сое-

динилось не все частное, стремившееся къ соединенію, а только та часть каждаго изъ частныхъ дѣятелей, которая могла соединиться на основаніи намъ извѣстныхъ законовъ. Психологи называютъ эту мыслевую работу абстракціей (отвлеченіемъ) вслѣдствіе предположенія внѣшней силы, выбирающей сходное изъ несходнаго и соединяющей первое вмѣстѣ въ одно знаніе. Такъ напр. Bain *) называетъ эту операцію «отождествляющею (Jdentifie) извѣстное число различныхъ предметовъ какой нибудь общей чертой».

Этотъ результатъ интеллектуальной работы, по нашему, формація 3-й степени, можетъ а) расширяться въ объемъ или б) возвыситься еще дальше путемъ интеллектуальнаго дифференцированія. Первое имѣетъ мѣсто, когда внѣшній объектъ чрезчуръ распространенный въ пространствѣ или во времени, вслѣдствіе ограниченности нашихъ органовъ чувства и мѣста въ познаніи, не можетъ дать разомъ органамъ чувствъ и познанію всѣ признаки, ему присущіе на всемъ его пространствѣ, или во всемъ протяженіи его времени. Поэтому представленія, по необходимости, образуются не изъ всѣхъ явленій даннаго объекта, а только изъ каждой его отдѣльныхъ частей, которая въ данное время или въ данномъ пространствѣ подѣйствуетъ на органы чувствъ. Такъ, на примѣръ, представленіе о человѣкѣ даетъ только частичное познаніе его, когда оно образуется изъ объекта взрослого человѣка, потому что каждый его возрастъ имѣетъ особенныя атрибуты, и представленія каждаго его возраста будутъ значительно отличаться другъ отъ друга, хотя и будутъ имѣть общіе признаки. Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о человѣкѣ, нужно прослѣдить всѣ его измѣненія во времени. Такъ сначала познакомиться съ зачатіемъ его, съ развитіемъ зародыша, первичнымъ и вторичнымъ его дѣтствомъ, съ зрѣлымъ возрастомъ, періодомъ увяданія, дряхлостію, и наконецъ съ процессомъ его разложенія послѣ смерти. Точно также, живя на берегу рѣки, человѣкъ, для составленія себѣ понятія о всей рѣкѣ, долженъ соединить между собою цѣлый рядъ представленій рѣки на различныхъ мѣстахъ ея протяженія, истоковъ ея, откуда она беретъ начало, ея устья, куда она впадаетъ, въ море или въ озеро. Только послѣдовательный рядъ опытовъ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ въ различныхъ видахъ его существованія даетъ цѣлый рядъ представленій, соединяющихся въ одно

*) Alexandre Bain. Les sens et l'intelligence 1874, p. 469

протяжное цѣлое представленіе, отвѣчающее всѣмъ видамъ объекта. Если человѣкъ своимъ опытомъ не прослѣдилъ непосредственный переходъ объекта изъ одного состоянія въ другое, то онъ принимаетъ одинъ и тотъ же объектъ въ каждомъ его измѣненномъ видѣ за отдѣльный объектъ опыта. Такъ человѣкъ, не знакомый съ развитіемъ бабочки, принимаетъ ея личинку и куколку за отличныя отъ нея существа. Человѣкъ, жившій постоянно на Волгѣ и попавъ помимо ея протяженія къ ея истокамъ, никакъ не будетъ знать, что это начало его родной рѣки. Только непосредственность въ слѣдованіи этихъ частныхъ представлений одного и того же объекта на опытѣ даетъ цѣльность представленія всего объекта, сливагося въ интеллектѣ въ одно цѣлое изъ его отдѣльныхъ частей. Тѣснота дѣятельной арены мышленій дѣлаетъ въ группѣ невозможнымъ собраніе нѣсколькихъ такихъ цѣльныхъ представлений изъ опыта, какъ напр. рѣки Волги, Днѣпра, Рейна, Роны и т. п., или представлений всѣхъ возрастовъ отдѣльныхъ личностей, какъ Петра, Ивана, Семена и т. д. Для того, чтобы образовать изъ этихъ частныхъ, но сложныхъ представлений одно общее, отдѣльные виды представлений, имѣющіе больше сроднаго содержанія, собираются въ особенныя дѣятельныя группы для образованія изъ своихъ частныхъ — формацію 3-й степени, какъ напр. общее представленіе дѣтства, молодости, старости и т. п. Всѣ эти отдѣльныя общія представленія, слѣдующія другъ за другомъ во времени, соединяются въ одну общую цѣльную формацію 3-й степени, представляющую человѣка во всѣхъ его возрастахъ.

Послѣ того, какъ однородныя группы представлений, составляющихъ части одного какого либо вида сложныхъ объектовъ въ пространствѣ или во времени, выработаетъ свою общую формацію 3-й степени, она удобнѣе можетъ помѣститься для дѣятельности въ мышленіи, нежели отдѣльныя представленія вмѣстѣ взятыя, изъ которыхъ произошло то общее представленіе.

Размышляя о переиѣнахъ происшедшихъ въ знакомомъ человѣкѣ отъ его рожденія до возмужалости и старости, или о знакомой рѣкѣ съ ея берегами отъ ея истоковъ по всему протяженію до ея впаденія въ море, мы вынуждены думать объ этомъ въ нѣсколько слѣдующихъ другъ за другомъ періодовъ времени, потому что протяженіе этой вереницы слѣдующихъ другъ за другомъ представлений не можетъ разомъ уложиться во виѣстилицѣ, имѣющемся для дѣятелей мыслевой группы. Знаніе, полученное отъ этого опыта, не можетъ служить для дальнѣйшаго разви-

тія познанія, потому что мы знаемъ, что для умственной работы данной группы представленій, дающей приростъ познанія, необходимо чтобы факторы этой работы участвовали въ ней всѣмъ своимъ содержаніемъ. Этому помогаютъ общія представленія, какъ напр. вышеприведенныя представленія о возрастахъ человѣка вообще, объ истокахъ, протяженіи и устьѣ рѣки вообще и т. п. вслѣдствіе меньшаго пространства ими занимаемаго могутъ быть одновременно дѣятельны въ познаніи и развивать интеллектуальную функцію разомъ въ одной дѣятельной мыслевой группѣ. Такъ напр., когда мы думаемъ о молодости, по образованіи ея общаго представленія, послѣднее развиваеть въ интеллектѣ всѣ атрибуты этого возраста, причемъ вовсе дѣлается излишнимъ припоминаніе частныхъ признаковъ молодости знакомыхъ: Петра, Надежды и другихъ, молодость которыхъ была въ свое время доступна опыту. Также точно, если я составилъ себѣ общее представленіе о развитіи зародыша, то увидя на пожилomъ даже человѣкѣ „заячью губу“ или „волчью пасть“, во мнѣ непременно родится знаніе того, что каждая изъ этихъ уродливостей есть остатокъ атрибутовъ зародыша, хотя мнѣ невозможно было слѣдовать за развитіемъ этого человѣка во время его зародышной жизни; точно также, видя рѣку я знаю, что у нея есть истокъ, откуда начинается ея теченіе и т. д.

Если въ данномъ интеллектѣ успѣло образоваться нѣсколько средних по содержанію формацій 3-й степени—общихъ представленій, то съ помощію сказаннаго дифференцированія изъ каждой группы дѣятельныхъ такихъ формацій 3 степени образуется новое интеллектуальное тѣло, содержащее только общіе признаки присущіе всей этой группѣ. Такъ напр. изъ общихъ представленій всѣхъ видовъ деревьевъ образуется формація 4-й степени, которая выражается на нашемъ языкѣ словомъ „дерево“; такимъ же образомъ изъ различныхъ видовъ кустарниковъ формація 4-й степени „кустарникъ“; изъ различныхъ видовъ цвѣтовъ „цвѣтокъ“; изъ различныхъ растений живущихъ въ водѣ „водоросль“, „грибъ“ и т. п. Въ свою очередь каждая изъ этихъ формацій 4-й степени, сдѣлавшись дѣятельною, можетъ вызывать къ дѣятельности и остальные той же группы, вслѣдствіе общности ихъ содержанія. Сродные элементы этихъ формацій 4-й степени, также должны стремиться къ соединенію, какъ мы видѣли это при

группировкѣ простыхъ представлений, имѣвшихъ нѣкоторую общую часть содержанія между всѣми членами группы. На основаніи предположеннаго нами закона, о которомъ мы говорили при образованіи формаций 3-й степени, сродныя интеллектуальныя ячейки, содержащіяся въ каждой изъ этихъ формаций 4-й степени, вслѣдствіе своего тяготѣнія другъ къ другу, выдѣляются изъ общихъ тѣль раздвоеніемъ, и вновь раздвоившіяся интеллектуальныя ячейки, неустойчивыя несродными элементами ихъ общихъ интеллектуальныхъ тѣль, соединяются, вслѣдствіе одновременнаго ихъ появленія въ мыслевой дѣятельности, въ одну высшую формацию, которую мы назовемъ формацию 5-й степени. Оно выражается словомъ «растеніе». Такъ напримѣръ, въ каждомъ изъ членовъ дѣятельной группы названныхъ формаций 4-й степени, находятся нѣкоторыя представленія общія всѣмъ членамъ, какъ напримѣръ представленіе корня, растительной ячейки, представленіе питанія, дыханія, общія для каждаго изъ видовъ растеній, содержащихся въ этихъ формаціяхъ 4-й степени и т. п. Но зато въ формации 5-й степени не будутъ содержаться тѣ представленія, которыя отличали каждую изъ формаций 4-й степени, совокупно дѣйствовавшихъ въ данной группѣ другъ отъ друга. Содержаніемъ формации „растеніе“ будутъ одни только общіе атрибуты каждаго растенія вообще. Изъ сказаннаго видно, что каждая высшая формация относится ко всѣмъ низшимъ, какъ общее къ частному, потому что каждая изъ такихъ формаций низшей степени можетъ соединиться съ высшей ея формацией, вслѣдствіе однородности содержанія, не встрѣчая въ послѣдней ничего несроднаго. Такимъ же порядкомъ изъ отдѣльныхъ однородныхъ группъ представленія животныхъ 2-й степени развиваются сначала формации 3-ей степени: человекъ, обезьяна, лошадь, жукъ, пчела, орелъ, фазанъ и т. п. Болѣе сродныя изъ этихъ формаций 3-ей степени, собравшись въ дѣятельныя группы, производятъ формации 4-ой степени, которыя выражаются словами: „млекопитающія животныя“, „птицы“, „насекомыя“, „гады“, и т. п. Дѣятельная группа этихъ формаций 4-ой степени при дальнѣйшей мыслевой работѣ родитъ формацию 5-ой степени, содержащую только общіе признаки всѣхъ видовъ животныхъ, какъ ихъ развитіе, рожденіе, питаніе, дыханіе, размноженіе, движеніе и т. п. Оно выражается словомъ „животное“. Точно также образуется формация 5-ой степени „минераль“ и т. п. Однородные элементы формаций 5-ой

степени, при дальнѣйшемъ развитіи интеллектуальной работы, могутъ, въ свою очередь, соединить такимъ же образомъ элементы, присущіе каждой изъ этихъ формацій въ одну общую формацію 6-ой степени, въ которой содержатся одни только общіе признаки однородныхъ формацій 5-й степени. Такъ напр. животное и растение имѣютъ много общаго, какъ развитіе изъ кѣлочекъ и ростъ путемъ размноженія кѣлочекъ, размноженіе путемъ оплодотворенія, необходимость воспріятія извнѣ элементовъ для своего существованія, рожденіе и смерть и т. п. Эта послѣдняя формація выражается словомъ „органическое существо“. Въ матеріалѣ, изъ котораго образовалась каждая изъ такихъ формацій, заключается причина ея отличія въ познаніи отъ другихъ подобныхъ формацій. Это отлічіе въ познаніи не дается тѣмъ, что какая нибудь вышняя и чуждая этимъ формаціямъ сила ихъ сравниваетъ и отличаетъ, а только тѣмъ, что каждая изъ формацій, вслѣдствіе особенности ея содержанія, развиваетъ своеобразную функцію, т. е. познаніе въ интеллектъ и въ этой своеобразности заключается условіе отличія каждой изъ нихъ отъ другихъ формацій, образовавшихся изъ другаго матеріала опыта. Пока такія формаціи дѣйствуютъ въ интеллектъ отдѣльно и независимо другъ отъ друга, собственно не получается познанія ихъ отличія. Послѣднее дается только совмѣстнымъ дѣйствіемъ въ интеллектъ этихъ формацій; тогда атрибуты, отталкивающіе ихъ другъ отъ друга, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ и познаніе ихъ отличія. Такъ напр. формація 6-й степени „неорганическая природа“ сама по себѣ даетъ только положительное знаніе, а его отличіе отъ таковой же формаціи „органическое существо“ получается отъ сопоставленія этихъ двухъ формацій. Если бы въ формаціи 6-й степени „органическое существо“ не содержались атрибуты его происхожденія изъ кѣлочекъ, зависимость его существованія отъ окружающей среды, рожденія, жизни и смерти и т. п., то другая формація „неорганическая природа“ носила бы не отрицательное названіе, а другое положительное, отвѣчающее его содержанію. Это отрицательное названіе доказываетъ только, что прежде до нея образовалась другая, содержащая атрибуты, не находящіеся въ формаціи „неорганическая природа“, и что отличіе ихъ получилось только отъ совмѣстной ихъ дѣятельности въ интеллектъ. Вслѣдствіе разнороднаго содержанія, формаціи однѣхъ и тѣхъ же высшихъ степеней существуютъ въ мышленіи, какъ отдѣльныя интеллектуальныя силы, обнимая каждая, вслѣдствіе своего содержанія, особенный обширный

классъ познанныхъ отдѣльныхъ предметовъ, которымъ содержаніе позволяетъ соединиться съ этой высшей интеллектуальной силой. Описанная интеллектуальная работа, какъ мы знаемъ, пользовалась со стороны опыта единственно только воспріятіями и ихъ комбинаціями въ пространствѣ и во времени. Всѣ добытые изъ этого матеріала результаты высшей интеллектуальной работы получаютъ только съ помощію внутренняго дальнѣйшаго дифференцированія организованной интеллектуальной ткани, первоначально образовавшейся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ внѣшняго опыта. Во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ ничего объективнаго, отвѣчающаго этимъ продуктамъ мыслевой работы. Въ природѣ нашего опыта все существующее имѣетъ индивидуальный характеръ и все, кромѣ признаковъ сходныхъ съ другими предметами, имѣетъ атрибуты, ему только свойственные, отличающіе его отъ другихъ сходныхъ съ нимъ индивидовъ. Насколько путемъ такого дифференцированія постепенно увеличивается познаніе человѣка, насколько расширяется его способность мышленія и средство для дальнѣйшаго интеллектуальнаго развитія, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго: 1) Съ помощію общей формаціи мы получаемъ познаніе общихъ свойствъ большаго или меньшаго класса предметовъ опыта. Этотъ видъ мыслевой силы помогаетъ человѣку мало по малу осваиваться съ разнообразіемъ его окружающаго творчества. Съ каждымъ обобщеніемъ хаосъ его отдѣльныхъ представленій уменьшается тѣмъ, что познаніе общихъ атрибутовъ многихъ разнородныхъ представленій соединяются въ одномъ интеллектуальномъ тѣлѣ, функціями котораго развиваетъ это познаніе. Такимъ образомъ развивается то, что называютъ классификаціей. Этимъ путемъ человѣкъ, соединивъ сначала отдѣльныя, но сходныя представленія въ одинъ классъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ обобщенія соединяетъ нѣсколько такихъ сходныхъ классовъ въ одинъ общій ихъ всѣхъ содержащій и т. д.

Человѣкъ, которому предстоитъ имѣть дѣло съ классификаціей многихъ разнообразныхъ и беспорядочно перемѣшанныхъ предметовъ во внѣшнемъ мірѣ, инстинктивно слѣдуетъ его естественному, интеллектуальному пути дифференцированія; такъ первая его забота состоитъ въ томъ, чтобы сортировать всѣ эти предметы по ихъ нѣкоторымъ сходнымъ признакамъ. При этомъ онъ прежде соединяетъ въ отдѣльныя группы болѣе сходные предметы, а затѣмъ находя и между отдѣльными группами общіе признаки, онъ соединяетъ ихъ по этимъ признакамъ въ

общіе классы и т. д. Во 2-хъ, если въ интеллектѣ дѣятельна формація высшей степени, то, по закону сродства ея содержанія съ таковымъ всѣхъ низшихъ формацій, вошедшихъ въ ея составъ, — эта формація высшей степени можетъ дать толчокъ къ дѣятельности, болѣе или менѣе, всему классу частныхъ формацій, имѣющимъ съ нимъ общіе признаки. Такимъ образомъ интеллекту открывается возможность при мышленіи о томъ или другомъ классѣ предметовъ, разомъ сгруппировать въ мышленіи вмѣстѣ всѣ данные опыта въ этой области, что какъ намъ извѣстно обезпечиваетъ всесторонность данной мыслевой работы. Въ 3-хъ, и наоборотъ, если предметъ опыта вызвалъ въ интеллектѣ образование новой формаціи, и если послѣдняя имѣетъ нѣкоторые общіе атрибуты съ прежде образовавшейся формаціей высшей степени, то первая вызываетъ послѣднюю къ дѣятельности и вслѣдствіе закона сродства между ними послѣдуетъ соединеніе и потому все, что интеллектъ вложилъ въ высшую формацію, дѣлается достояніемъ низшей, впервые пришедшей изъ опыта. Такъ напр., если изъ различныхъ видовъ двукопытныхъ животныхъ у человѣка развилаь высшая формація этого класса, то въ послѣднюю необходимо должны войти атрибуты общіе всѣмъ индивидамъ этого класса, а именно: они траволдны и пережовываютъ жвачку. При встрѣчѣ животнаго во время путешествія, дотолѣ невиданнаго, но съ раздвоенными копытами, человѣкъ, благодаря той высшей формаціи, знаетъ, что и это животное питается тоже только растеніями, что оно тоже пережовываетъ жвачку. Человѣкъ, въ которомъ развился общее представленіе рѣвки, увидя новую рѣвку гдѣ нибудь на ея протяженіи, не сомнѣвается, что она начинается гдѣ нибудь изъ ключей или отъ таянія снѣговъ, что она впадаетъ куда нибудь въ бѣльшій резервуаръ воды.

Для большей очевидности расширенія знанія, получаемаго вышеописаннымъ путемъ обобщенія, мы приведемъ примѣръ изъ нашего собственнаго опыта. Во время посѣщенія мною клиники покойнаго профессора Траубе въ Берлинѣ, въ 1860 — 1861 годахъ, туда привезли большого почти въ безсознательномъ состояніи, съ сильной одышкой и кашлемъ, безпрестанно отхаркивавшаго черную мокроту такого особеннаго вида, который никогда не встрѣчался на практикѣ даже у опытнаго Траубе. Микроскопическое изслѣдованіе мокроты доказало, что она преимущественно состояла изъ обугленныхъ растительныхъ ячеекъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что этотъ боль-

ной впродолженіи многихъ лѣтъ работаль на угольномъ заводѣ, и, вдыхая постоянно угольныя частички, переполнилъ ими свои бронхи до мельчайшихъ изъ раздѣленій. Такимъ образомъ одинъ только признакъ, отличающій растительную клѣточку отъ животной, вызваль къ дѣятельности обобщеніе растенія и разъяснилъ для пониманія одинъ изъ темнѣйшихъ и небывалыхъ случаевъ въ медицинскомъ опытѣ.

§ 3. Результаты работы втораго вида — сложныхъ интеллектуальныхъ тѣлъ, состоящихъ изъ послѣдовательной связи индивидуально-самостоятельныхъ формацій. Частная и общая индукція. Польза ихъ для познанія.

II) Если въ интеллектуальной работѣ принимаютъ участіе не единичныя отдѣльныя тѣла, а интеллектуальныя связи представленій, то и результатъ ихъ дифференцированія, или соединенія въ болѣе и болѣе высшія формаціи, всегда будетъ сложной. Въ немъ будетъ содержаться не какъ въ первомъ случаѣ познаніе одного субъекта или цѣлаго класса субъектовъ съ свойственными имъ предикатами, вытекающими изъ самаго содержанія сложной формаціи, какъ напр., металлъ тяжелъ, плавится и т. п.; животное дышетъ, принимаетъ пищу, свободно движется и т. п., — а познаніе того, что данный субъектъ, или однородный классъ субъектовъ соединенъ или не соединенъ съ новымъ атрибутомъ (явленіемъ или представленіемъ), не заключающемся въ содержаніи этого субъекта; такъ напр., магнитъ притягиваетъ желѣзо, брошенное яблоко падаетъ на землю и т. д. Уже каждая единичная такая связь распространяетъ знаніе не только частное, т. е. что извѣстный субъектъ соединенъ или не соединенъ съ даннымъ предикатомъ, но это знаніе распространяется и на каждого члена связи, вновь получающагося изъ опыта, если бы даже послѣдній не далъ другаго члена прежде образовавшейся связи. Это распространеніе знанія, какъ мы приняли, есть слѣдствіе закона соединенія въ интеллектъ сродныхъ по содержанію формацій въ одну. Если изъ опыта во мнѣ образовалась связь, что желѣзо вблизи магнита притягивается къ нему и соединяется съ нимъ, то впослѣдствіи видъ другаго магнита вызоветъ къ дѣятельности прежде образовавшееся представленіе магнита; но такъ какъ съ послѣднимъ соединилось прежде представленіе атрибута притягиванія къ нему желѣза, то, вслѣдствіе слитія, въ силу однородности содержанія представленія магнита новаго опыта съ прежнимъ уже связаннымъ съ атрибутомъ притягиванія желѣза, связь прежняго опыта дѣлается

связью и для новаго представленія магнита, не смотря на то, что новый опытъ вовсе не показалъ, что и послѣдній магнитъ имѣетъ свойство притягивать желѣзо. Если мы изобразимъ представленіе магнита формацией А, т. е. соединимъ ее съ атрибутомъ притягиванія желѣза, названнаго нами здѣсь У, то представленіе новаго опыта, однороднаго по содержанію съ представленіемъ А, должно съ нимъ соединиться въ одно представленіе, и въ мышленіи останется дѣятельною прежняя связь А съ атрибутомъ У, т. е. развивающая знаніе, что магнитъ притягиваетъ желѣзо. Тутъ не зачѣмъ прибѣгать къ метафизическимъ объясненіямъ такихъ процессовъ произвольными разсужденіями и заключеніями. Этотъ процессъ совершается въ интеллектъ совершенно механически и естественно безъ всякаго активнаго вмѣшательства другою разсуждающей и заключающей силы. Дитя 10 или 12 мѣсяцевъ, увидѣвъ разъ пламя, полученное треніемъ спички, при видѣ ея, вслѣдствіе сказаннаго процесса, знаетъ, что отъ ея тренія получится снова пріятное для него пламя. Не зная причины появленія пламени, дитя также будетъ ожидать, что и треніе спички безъ головки дастъ пламя, потому что въ его поверхностномъ представленіи спички еще не выработалось представленія головки, смазанной горючимъ веществомъ, и въ его познаніи еще нѣтъ понятія, что не спичка, а треніе фосфора даетъ пламя. Изъ сказаннаго мы видимъ, что это познаніе получается настолько, насколько въ человѣкѣ соединились представленія въ ихъ предшествовавшемъ слѣдованіи на опытѣ. Однако такого рода связи образуются только случайно, вслѣдствіе того, что на опытѣ одно явленіе непосредственно слѣдовало за другимъ, такъ и въ вышеприведенномъ примѣрѣ связь между представленіемъ спички, ея треніемъ и пламенемъ образовалось не вслѣдствіе разумныхъ доводовъ, а только послѣдствіе ихъ непосредственнаго слѣдованія другъ за другомъ во время прежняго опыта. Если треніе спички безъ головки не даетъ въ новомъ случаѣ огня, то прежняя вѣра ребенка въ слѣдованіе за треніемъ спички пламени пошатнется, и послѣ двухъ или трехъ такихъ отрицательныхъ опытовъ ребенокъ перестанетъ просить о треніи спички.

Если взрослый человѣкъ былъ разъ свидѣтелемъ взрыва пороха отъ искры и ужасныхъ послѣдствій этого взрыва, то появленіе человѣка съ горящимъ углемъ на мѣстѣ, гдѣ хранится порохъ, не только вызоветъ прежнее полученное знаніе возможности взрыва, но возобновленная прежняя связь въ мышленіи вызоветъ въ ея носитель и ужасъ, который

выразится въ его положеніи и дрожаніи тѣла, въ расширенныхъ зрачкахъ, біеніи сердца и т. п. Слѣдовательно мы видимъ, что тутъ получилось не только простое знаніе, а кромѣ того и дѣйствіе того, что дало знаніе еще и на чувство, отразившееся во всемъ организмѣ. Въ настоящемъ опытѣ не было ни взрыва и никакого несчастія, слѣдовательно результатъ полученный изъ прежняго опыта и болѣе или менѣе значительное время не проявлявшій никакого дѣйствія, съ призывомъ вновь къ дѣятельности, при видѣ пороха и горящаго угля не только развилъ познаніе опасности, но и потрясъ весь организмъ. Такое непосредственное и сильное дѣйствіе на организмъ безъ вліянія внѣшней активной силы могло только возникнуть въ самомъ организмѣ, выразиться какъ проявленіе его внутренней, до того существовавшей силы. Она дается связью, прежде развившейся изъ опыта, безъ нее никакая бессознательная воля, ни врожденный умъ не вызовутъ въ человѣкѣ ни знанія опасности, ни чувства страха, ни потрясенія всего организма. Ребенокъ, не знающій изъ опыта отношенія искры къ пороху, будетъ со смѣхомъ держать надъ нимъ раскаленный уголь. Если простой опытъ не вызвалъ бы послѣдовательной связи между представленіемъ пороха и взрыва его отъ искры, то при видѣ пороха и взрыва не получилось бы никакого знанія отношенія между этими объектами. Такъ напр. если бы дитя или дикій даже слышали взрывъ, и до того видѣли порохъ то въ ихъ мышленіи могли бы вовсе не соединиться представленіе пороха съ взрывомъ, какъ познаніе причины и слѣдствія, т. е. не образовалось бы связи, потому что сильное впечатлѣніе взрыва у дитяти подавило бы дѣятельность слабого представленія пороха и осталось бы только познаніе отдѣльнаго представленія взрыва, у дикаго же взрывъ могъ бы соединиться съ представленіемъ гнѣва его фетиша за неисполненный обѣтъ и т. п. Въ обоихъ случаяхъ дитя и дикій безъ боязни приблизили бы огонь къ пороху. Слѣдовательно мы видимъ, что расширеніе человѣческаго познанія образуется и безъ обобщенія или отвлеченія, а только соединеніемъ элементовъ, непосредственно полученныхъ изъ опыта, съ прежде образовавшеюся связью представленій въ послѣдовательный рядъ. Этотъ психологическій процессъ называютъ въ психологіяхъ и логикахъ разсужденіемъ съ помощію перехода отъ одной частной индукціи на другую.

Если связь, разъ полученная изъ опыта, при повтореніи, снова слѣдуетъ въ такой же послѣдовательности, то вновь образовавшаяся

связь вызываетъ изъ дѣятельности связь предшествовавшаго опыта, и онѣ, вслѣдствіе своей однородности, соединяются. Но мы знаемъ, что чѣмъ болѣе однородныхъ элементовъ соединяются въ интеллектѣ вслѣдствіе повторенія ихъ на опытѣ, тѣмъ болѣе увеличивается матеріаль всей связи, и тѣмъ могущественнѣе дѣлается ея интеллектуальная сила, а потому и повторяющееся слѣдованіе явленій на опытѣ должно укрѣпить вѣру въ это слѣдованіе. Мы дѣйствительно видимъ, что чѣмъ чаще передъ нами повторяется одно и то же отношеніе между внѣшними объектами или явленіями, тѣмъ больше мы вѣримъ этой послѣдовательности. Когда послѣ этого явится на опытѣ первый членъ связи, мы не сомнѣваемся, что за нимъ послѣдуетъ второй и т. д. Или наоборотъ: если мы на опытѣ увидимъ 2-й или 3-й члены связи, то чѣмъ чаще повторялась связь, тѣмъ тверже бываетъ убѣжденіе, что имъ непременно предшествовали 1-й или 1-й и 2-й члены предъидущихъ связей. Этимъ эмпирическимъ путемъ работы нашего мышленія готовится наше знаніе причины и слѣдствія прежде, нежели человѣкъ имѣетъ понятіе о томъ, что такое причина и что такое слѣдствіе. Если на опытѣ всегда за однимъ явленіемъ слѣдовало другое, то, какъ ребенокъ, дикій человѣкъ, такъ и очень образованный, при появленіи перваго члена ожидаетъ втораго и т. д.

Если же однажды или нѣсколько разъ получалось на опытѣ одно и то же слѣдованіе, но за тѣмъ, хотя бы одинъ разъ за первымъ членомъ слѣдовалъ не второй членъ прежняго опыта, а другой; то, вновь образовавшаяся связь, силой своего познанія, непременно вызываетъ прежнюю связь, вслѣдствіе общности одного или двухъ членовъ связи. При такой группировкѣ дѣятелей мышленія одна сила знанія противодѣйствуетъ другой, т. е. новая послѣдовательная связь будетъ противодѣйствовать прежде образовавшейся связи. Но какъ послѣдняя чаще повторявшаяся на опытѣ сильнѣе той, которая разъ только образовалась, то это противодѣйствіе въ мышленіи все-таки кончится побѣдой сильнѣйшей и познаніе человѣка ей подчинится; онъ будетъ ожидать слѣдованія согласно укоренившейся въ немъ связи, хотя съ меньшей вѣрой, вслѣдствіе бывшаго противодѣйствія. Если же необычная связь, противорѣчащая установившейся нѣсколько разъ, повторилась, то сила вѣрихъ связей ослабляется вслѣдствіе ихъ противодѣйствія, и человѣкъ не знаетъ, повторится ли та или другая послѣдовательность явленій, т. е. является сомнѣніе.

Чувство полной вѣры вызывается только тогда развившейся послѣдовательной связью въ интеллектѣ, когда ей не противодѣйствуетъ связь другаго слѣдованія въ тѣхъ же явленіяхъ. Если на опытѣ постоянно узнается одно и то же слѣдованіе между двумя явленіями, то эта связь укрѣпляется въ познаніи и пользуется чувствомъ полной вѣры. Связь, гдѣ съ субъектомъ постоянно остается связаннымъ одинъ и тотъ же предикатъ, принимается за истину; ее называютъ эмпирической индукціей. Если дальнѣйшій опытъ порождаетъ во мнѣ многія другія подобныя связи, и если въ нихъ разные субъекты имѣютъ одинъ и тотъ же предикатъ, то эти связи, вслѣдствіе однородности ихъ втораго члена, соединяются въ мышленіи въ одну дѣятельную группу. Такъ какъ второй членъ связи (предикатъ) одинъ и тотъ же у каждаго изъ членовъ группы, то всѣ частныя одинаковые предикаты стремятся къ соединенію между собою во едино. Но, этому соединенію мѣшаетъ какъ намъ извѣстно, разнородность перваго члена каждой частной связи группы. Вслѣдствіе этого между представленіями, составляющими въ каждой связи первый членъ группы или субъектъ, начинается работа для взаимнаго соединенія. Но какъ эти члены суть отдѣльныя представленія, то, если въ ихъ содержаніи находятся средныя элементы, общіе всѣмъ представленіямъ или субъектамъ частныхъ связей, то послѣдніе должны выдѣлиться и, какъ мы видѣли при образованіи общихъ представленій, войти въ формацію высшей степени. Тогда предикатъ каждаго отдѣльнаго субъекта частной индукціи дѣлается предикатомъ цѣлаго класса, большаго или меньшаго, смотря по тому, какое обобщеніе образовалось третьей, четвертой или пятой степени. Такъ напр., если весь прошедшій и настоящій опытъ даютъ мнѣ связь каждаго изъ людей моего опыта съ предикатомъ смерти и такъ какъ я не знаю ни одного безсмертнаго человѣка, и какъ изъ всѣхъ людей, жившихъ задолго до меня, нѣтъ ни одного въ живыхъ, то во мнѣ рождается вѣра въ истину, что всякій человѣкъ смертенъ, и я, и всѣ вмѣстѣ со мною живущіе. Посредствомъ обобщенія, множество частныхъ истинъ соединились въ одну общую; то, что я считалъ истиннымъ относительно отдѣльныхъ личностей, я, вслѣдствіе этого соединенія, считаю несомнѣннымъ относительно всего класса, всѣхъ людей. А такъ какъ въ образовавшейся связи „человѣкъ смертенъ“ въ представленіи „человѣкъ“ не заключается, ни атрибутовъ его нахожденія въ пространствѣ или во времени, ни его положенія въ обществѣ, то это обоб-

щеніе порождаетъ во мнѣ вѣру, что смертны всѣ, имѣющіе атрибуты, содержащіеся въ представленіи „человѣкъ“, не только люди прошлаго и настоящаго, но и будущаго времени, пока будетъ существовать прошедшій и настоящій порядокъ вещей.

Такъ же точно какъ во мнѣ образовалась изъ опыта путемъ синтеза индукція—„человѣкъ смертенъ“, можетъ образоваться такая же индукція—„лошадь смертна“, „слонъ смертенъ“ и т. п. Эти обобщенія, соединенныя въ одну группу путемъ ассоціаціи, даютъ еще болѣе общую связь субъекта съ предикатомъ: „всякое животное смертно“. Изучая растенія, я убѣждаюсь, что увиданіе каждаго есть тоже смерть, и что „всѣ растенія умираютъ“. Такимъ образомъ рождаются двѣ общія индукціи: всѣ животныя смертны; всѣ растенія смертны. Въ этихъ двухъ связяхъ послѣдовательные члены— „смертны“ тождественны, но между животнымъ и растеніемъ есть большая разница въ содержаніи, почему прямое соединеніе этихъ двухъ индукцій невозможно. А такъ какъ всякое органическое существо животное или растеніе рождается тѣмъ или другимъ способомъ (изъ яйца, или клѣточки, или почки), и актъ рожденія есть непремѣнный признакъ всего, что живетъ органическою жизнію, то рожденіе—этотъ атрибутъ общій какъ животнымъ, такъ и растеніямъ, выдѣлившись изъ первыхъ членовъ высшихъ формацій, соединяется воедино и такимъ образомъ тѣ высшія индукціи соединяются въ болѣе высшую— „все рождающееся— смертно“.

Собственно говоря, мой опытъ прошедшаго и настоящаго, какъ бы онъ обширенъ ни былъ, не даетъ мнѣ никакого разумнаго права заключать о будущемъ. Откуда во мнѣ увѣренность, что никогда не можетъ родиться вѣчное существо, или между тѣми, которые теперь живутъ, ктонибудь не останется вѣчно жить? Это была бы тогда несомнѣнная истина, когда бы все до меня родившееся виѣстѣ со мною умерло и болѣе не родилось; а тогда некому было бы убѣдиться въ этой истинѣ. Однако мы всѣ непрекословно вѣримъ въ то, что все рождающееся должно умереть. Это происходитъ отъ того, что эта вѣра дается не произвольными сужденіями и умствованіями, а роковымъ образомъ вытекаетъ изъ силы, образовавшейся въ насъ путемъ дифференцированія обобщенія частныхъ интеллектуальныхъ связей въ одну общую. Эта вѣра вытекаетъ изъ развитія присущаго нашей природѣ, изъ силы, развиваемой содержаніемъ индукціи и ея членовъ. Степень же этой силы, выражающейся въ вѣрѣ, обуславливается тѣмъ, что

образование этой индукции шло отъ частнаго и намъ извѣстнаго, доступнаго нашимъ органамъ чувствъ — къ общему, и тѣмъ, что на опытѣ ничто не противорѣчитъ и никогда не противорѣчило ея связи.

Пошатнуть такое интеллектуальное зданіе можно только разрушивши фундаментъ, т. е. если бы опытъ породилъ во мнѣ хотя одну частную связь, противорѣчающую всему этому великому зданію обобщенія; но пока этого не будетъ, ничто не можетъ поколебать во мнѣ вѣры въ эту истину. Если бы кто нибудь вздумалъ передать мнѣ такую же истину, похожую на полученную путемъ вышеизложеннаго образования индукции, но помимо моего собственнаго опыта, то эта истина можетъ возбудить во мнѣ сомнѣніе, или я могу допустить только возможность ея, но никогда не дамъ ей абсолютной вѣры. Дитя, мало видѣвшее мертвыхъ, или никогда не видѣвшее мертвыхъ дѣтей и не слыхавшее прежде объ ихъ смерти, никогда не повѣритъ, что и оно когда нибудь умретъ, какъ бы его ни увѣряли въ этомъ. Дикіе люди не вѣрятъ въ свою смерть, а думаютъ только, что ихъ существо мѣняетъ оболочку и вѣчно живетъ въ томъ или другомъ видѣ.

Такимъ образомъ, путемъ соединенія интеллектуальныхъ послѣдовательныхъ связей и съ помощію акта дифференціи изъ связей предикатовъ съ частными субъектами порождаются связи цѣлыхъ классовъ субъектовъ съ тѣмъ или другимъ атрибутомъ. Этимъ путемъ эмпирическое познаніе человѣка расширяется; на мѣсто частныхъ истинъ онъ получаетъ общія. Польза этого послѣдняго для пониманія и сужденія, можетъ выразиться въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ:

1) Каждая индукція удовлетворяетъ естественному стремленію въ человѣческомъ органѣ мышленія, какъ и во всемъ его тѣлѣ къ соединенію между собою его отдѣльныхъ ячеекъ, слѣдовательно это обобщеніе есть атрибутъ природы человѣка вообще и его интеллектуальныхъ формаций въ особенности.

2) Если человѣкъ съ помощію опыта узналъ много частныхъ истинъ, то всѣ онѣ, сливаясь въ одну общую индукцію, дѣйствуютъ въ познаніи не только какъ сумма отдѣльныхъ интеллектуальныхъ силъ, изъ которыхъ это общее сложилось, но, сдѣлавшись господствующей силой въ мышленіи, индукція распространяетъ содержаніе своей силы познанія и на новые случаи опыта, свойства которыхъ безъ существующей индукции остались бы неизвѣстными или сомнительными. Это происходитъ или отъ того, что а) представленіе новаго опыта своими призна-

ками сродно съ общимъ субъектомъ общей индукціи и потому оно съ нимъ соединяется и тогда предикатъ общаго дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ предикатомъ и этого частнаго, полученнаго изъ новаго опыта. Напр. если во мнѣ уже образовалась индукція — „все рождающееся смертно“, то при видѣ рождающагося ребенка я не сомнѣваюсь, что онъ непременно долженъ умереть. Или б) если изъ связи, полученной отъ непосредственнаго опыта, вторая часть однородна съ таковой частью общей индукціи, а первая часть — субъектъ, непознанное представленіе, то, вслѣдствіе этого, — стремленіемъ къ соединенію между первыми членами частной и общей индукціи, возбуждается мыслевая дѣятельность. Вслѣдствіе этой дѣятельности представленіе субъекта частной индукціи противопоставляется всѣми сторонами своего содержанія съ представленіемъ субъекта общей индукціи. Если при этомъ въ первомъ окажутся атрибуты послѣдняго, то они соединяются между собою и получится вѣра, что однородный предикатъ принадлежитъ и однороднымъ субъектамъ. Такъ, если бы я нашелъ предметъ невиданной формы, цвѣта и т. д., но который притягиваетъ желѣзо, то познаніе отъ соединенія свойства незнакомаго предмета съ предикатомъ уже образовавшейся индукціи — „магнитъ притягиваетъ желѣзо“ невольно рождаетъ во мнѣ мысль, что вѣроятно и незнакомый предметъ тоже долженъ принадлежать къ діаманитнымъ тѣламъ. Сознательно я мотивирую эту вѣру тѣмъ, что незнакомый предметъ притягиветъ желѣзо, а въ дѣйствительности она проистекаетъ отъ того, что представленіе притягиванія желѣза преимущественно соединилось съ представленіемъ магнита. Такимъ образомъ познаніе общей истины содержитъ въ себѣ познавательную силу и для всѣхъ частныхъ случаевъ одинаковаго съ общимъ содержанія.

Распространеніе познанія этимъ путемъ отъ общаго на частное называется дедуктивнымъ мышленіемъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

3) Соединеніе большого количества частныхъ индукцій въ одномъ законѣ, или въ одной индукціи представляетъ огромную экономію въ пространствѣ, занимаемомъ интеллектуальными связями на аренѣ дѣятельнаго мышленія; кромѣ того не менѣе сбереженія времени въ продолженіи мыслеваго процесса. Когда я думаю напр. о свойствѣ цѣлаго класса предметовъ, то мнѣ незачѣмъ припоминать всѣ частныя элементы и связи, входящія своимъ содержаніемъ въ этотъ классъ. При этой индукціи, я пользуюсь всей силой познанія этихъ отдѣльныхъ связей, не прибѣгая

въ моей памяти къ каждой изъ нихъ отдѣльно поочереды для того чтобы ихъ вызвать изъ потенціального въ дѣятельное состояніе.

4) Прецедесъ припоминанія знанія, или вызовъ для мыслевой работы частныхъ однородныхъ индукцій изъ потенціального состоянія въ дѣятельную группу безъ общаго синтеза, совершается медленно, причеиъ одно частное должно вызывать въ свою очередь другое, и съ большимъ трудомъ, потому что нѣкоторыя частныя формаціи и ихъ связи, вслѣдствіе ихъ слабости, требуютъ большаго толчка для побужденія ихъ инерціи, нежели можетъ дать сила частной формаціи. Общая же индукція, вслѣдствіе своей преобладающей въ интеллектѣ силы, пришедши въ дѣятельное состояніе легко вызываетъ къ такой-же дѣятельности всѣ частныя и однородныя индукціи, изъ которыхъ она образовалась, потому что предикаты частныхъ индукцій имѣютъ однородное содержаніе съ предикатомъ этой общей индукціи. Убѣдиться въ истинѣ нашихъ словъ очень легко. Мы безпрестанно видимъ въ жизни, что чѣмъ умственнo развитѣе человекъ, тѣмъ онъ легче припоминаетъ всѣ отдѣльные случаи своего познанія. Невѣжды обыкновенно съ трудомъ припоминаютъ отношенія имъ вполне извѣстныя. Дѣти и неразвитые люди, легко сохраняющія въ памяти частныя механическія сочетанія между предшествующими и послѣдующими явленіями познанія, или отдѣльныя представленія, съ большимъ трудомъ группируютъ эти частныя случаи въ мышленіи; обыкновенно эта ассоціація бываетъ у нихъ очень не полна, потому что нѣкоторыя частныя формаціи сродныя группѣ по содержанію, часто остаются въ потенціальномъ состояніи.

§ 4. Дедукція.

Такъ какъ въ предѣлахъ высшей общей индукціи кончается все знаніе человека въ данномъ направленіи, и за этими предѣлами для него уже нѣтъ большаго знанія, потому что индукція собственно и есть источникъ и предѣлъ каждаго отдѣльнаго знанія; то въра, получаемая отъ высшей индукціи, никакимъ другимъ знаніемъ не ограниченное и не оспариваемое, дѣлается безпредѣльною, какъ и въра въ интуитивное знаніе, которое дается непосредственно чрезъ органы чувствъ. Послѣднее также остается безусловной для насъ истиной, потому что оно вытекаетъ изъ нашей природы, за предѣлами которой нѣтъ болѣе элементарнаго знанія, чтобы вступить въ борьбу съ фактами, полученными непосредственно черезъ органы чувствъ. Эта интеллектуаль-

ная функція составляет крайній предѣлъ, которымъ начинается наше знаніе, какъ индукція наивысшей степени есть послѣдняя граница; которою кончается наше пониманіе. Вѣра въ содержаніе каждой высшей индукціи есть не плодъ разсужденія, а положительное чувство удовлетворенія, вызываемое въ организмъ соединеніемъ частныхъ элементовъ знанія въ одно общее цѣлое; и чѣмъ болѣе индукція отвѣчаетъ этому обобщенію, т. е., чѣмъ больше она содержитъ въ себѣ частныхъ случаевъ, тѣмъ больше мы ей вѣримъ, т. е. тѣмъ съ большей силой она усваиваетъ въ свое обобщеніе всякій новый ей сродный случай изъ опыта. Какъ всякій процессъ, происходящій въ нашемъ организмѣ, вызываетъ положительное чувство, если онъ отвѣчаетъ требованіямъ нашей природы, то это чувство должно сопровождать также и индукцію, отвѣчающую высшему стремленію организма къ соединенію разрозненнаго. Это положительное чувство, или чувство удовлетворенія, выражается въ сознаніи различно, смотря по качеству требованія организмомъ удовлетворенія. Такъ чувство утоленія жажды отличается отъ чувства удовлетворенія голода; совершенно особенно въ своемъ проявленіи чувство полового удовлетворенія. Въ интеллектуальной области совершившійся актъ соединенія разрозненныхъ формацій выражается чувствомъ вѣры.

Въ общей индукціи содержится, какъ мы видѣли, не только рещесть частнаго опыта, съ которымъ можетъ опять соединиться частное, какъ думаетъ Милль, но актомъ обобщенія порождается еще большая познавательная сила, нежели она была до того обобщенія во всѣхъ частныхъ связяхъ вмѣстѣ, изъ которыхъ образовалось общее. Это доказывается тѣмъ, что знаніе этого общаго распространяется не только на все частное, что уже извѣстно изъ опыта и содержится въ общемъ, но и на все частное, дотолѣ неизвѣстное, но которое, вслѣдствіе нѣкоторыхъ однородныхъ признаковъ, можетъ соединиться съ общей индукціей. Вслѣдствіе такого соединенія не только истина общей индукціи дѣлается достояніемъ этого частнаго, до того неизвѣстнаго случая, но вѣра, что этому частному случаю принадлежитъ атрибутъ цѣлаго класса, растетъ по мѣрѣ того, какъ возвышается въ синтезѣ индукція съ которой тотъ частный случай соединился.

Процессъ распространенія общей истины на частный случай опыта называется дедукціей. Вслѣдствіе этого соединенія предикатъ общаго субъекта дѣлается непременно предикатомъ частнаго. Въ психологіи и логикѣ говорятъ, что основаніе ученія о дедукціи, т. е. о силлогизмахъ есть

аксіома „dictum de omni et nullo“. Другими словами: все что можно утверждать или отрицать о цѣломъ классе, можно утверждать или отрицать отдѣльно о каждомъ, содержащемся въ томъ классѣ:

„Въ основѣ каждаго силлогизма“, говоритъ Милль¹⁾, „мы находимъ два основныхъ процесса, очень похожіе на математическія аксіомы: 1-й составляетъ принципъ утвердительнаго силлогизма и гласитъ: двѣ вещи связанныя съ такою же самою третьею вещью, связаны между собою; 2-й принципъ отрицательнаго силлогизма говоритъ, что вещь, соединенная съ другою вещью, съ которой (последней) третья вещь не можетъ быть связанной, тоже не можетъ быть связана съ последней“.

Милль и съ нимъ всѣ логики ошибочно думаютъ, что основной типъ процесса заключенія состоитъ изъ слѣдующихъ составныхъ частей: „извѣстныя отдѣльныя имѣютъ данный атрибутъ; отдѣльныя или отдѣльное похожи на прежнія извѣстными другими атрибутами; оттого онѣ сходны съ ними и въ данномъ атрибутѣ“.

„Для надлежащаго силлогизма, говоритъ Милль, необходимо, чтобы онъ состоялъ изъ трехъ, а не болѣе положеній, а именно: заключенія, или положенія, которое требуется доказать и двухъ другихъ положеній, которыя его доказываютъ и называются вмѣстѣ съ тѣмъ передними посылками“.²⁾

„Верхняя посылка, которая всегда бываетъ (универсальною), общо, выражаетъ, что всѣ вещи, имѣющія извѣстный атрибутъ (или атрибуты), при этомъ имѣютъ или не имѣютъ извѣстный другой атрибутъ (или атрибуты). Нижняя посылка выражаетъ, что вещь, или группа вещей, которыя составляютъ субъектъ этого предложенія, имѣетъ или не имѣетъ выше-названный атрибутъ, и заключеніе изъ того есть то, что онѣ имѣютъ или не имѣютъ второй атрибутъ, такъ напр:

	Всѣ люди смертны;
	Сократъ человѣкъ,
слѣдовательно	Сократъ смертенъ“. ³⁾

Изъ сказаннаго въ предыдущихъ главахъ мы убѣдились, что всѣ интеллектуальныя движенія, совершающіяся въ человѣкѣ, состоятъ или въ образованіи изъ опыта новыхъ формаций, или въ стремленіи ихъ къ

¹⁾ Op. cit. t. 1. p. 184 etc.

²⁾ Op. citat. t. 1 p. 170.

³⁾ Op. cit. t. 1 p. 183 и 184.

соединенію и наконецъ въ самомъ соединеніи. Думать, стремиться къ пониманію или доказательству познанаго заключается въ передвиженіи въ мышленіи интеллектуальныхъ комбинацій, которыя стремятся къ слитію или къ соединенію между собою посредствомъ интеллектуальныхъ связей. Если связываемыя въ интеллектъ формаціи не сложны, если онѣ состоятъ изъ воспріятій, или ощущеній, или представлений это мыслевое передвиженіе можетъ совершаться безъ словъ, какъ напр. въ мышленіи маленькихъ дѣтей, глухонѣмыхъ и животныхъ. Но если интеллектуальныя соединенія образуются не изъ непосредственныхъ произведеній опыта, а суть высшія комбинаціи, образовавшіяся только силой интеллекта, и такъ какъ онѣ вельдствие этого не имѣютъ отвѣчающихъ имъ объектовъ въ природѣ, то ихъ сознательное передвиженіе возможно только, когда они сопровождаются представленіями словъ въ сознаніи. Безъ нихъ высшее мышленіе невозможно. Намъ кажется, что мы думаемъ словами, потому что изъ всей мыслевой работы сознаемъ только передвиженіе словъ, какъ символовъ той дѣйствительной мыслевой работы, которая объективно происходитъ въ интеллектѣ. Мышленіе можетъ дать интеллектуальные результаты только тогда, когда работаютъ самыя мыслевыя формаціи, а не ихъ знаки—слова. Такое сознательное интеллектуальное движеніе представлений словъ въ связи называютъ разсужденіемъ, а изображеніе его наружу словами, устно или письменно, называютъ предложеніемъ.

Въ словахъ однако заключается только наружная форма мысли, а не самая мысль. Такимъ образомъ разсужденія содержатъ въ себѣ или движенія, стремищіяся къ соединенію мыслевыхъ элементовъ, или познаніе совершившагося ихъ слитія или невозможности слитія. Предложенія высказываютъ или сомнѣніе, или утвердительную, или отрицательную увѣренность.

Изъ нашей теоріи намъ однако сдѣлалось яснымъ, что познаніе получаемое нами силой индукціи или дедукціи, пріобрѣтается не тѣми путями, которые намъ представляются сознаніемъ и въ логикахъ. Если мы вѣримъ, что атрибутъ принадлежитъ частному случаю опыта, потому что онъ принадлежитъ большому или меньшему классу, единицу или часть котораго это частное составляетъ, то эта вѣра не вытекаетъ изъ аксіомы, а, наоборотъ, аксіома, (что все, что можно утверждать или отрицать о цѣломъ классѣ, можно утверждать или отрицать отдѣльно о каждой единицѣ этого класса), есть выраженіе или слѣдствіе нашего есте-

ственного хода мышления. Если въ мышленіи уже образовалась положительная или отрицательная связь (общаго) класса обладающаго извѣстными атрибутами съ другимъ атрибутомъ или атрибутами, если формація новаго объекта опыта своимъ содержаніемъ соединится съ формаціей цѣлаго класса, то тѣмъ вѣра, принадлежащая цѣлому классу, о принадлежности или непринадлежности ему даннаго атрибута непременно перейдетъ и на частное и сдѣлается его вѣрой безъ постороннихъ доказательствъ. Результатомъ этого соединенія является аксіома, т. е. вѣра, не допускающая отрицанія, потому что сама она вытекаетъ изъ естественнаго хода нашего мышленія и законовъ соединенія его разрозненныхъ элементовъ. Природа сама себя отрицать не можетъ. Если у дитяти еще не образовались общія индукціи, то связь новаго представленія съ частной индукціей даетъ ему вѣру не менѣе абсолютную, чѣмъ самый полный актъ дедукціи. Если дитя разъ испытало боль отъ удара розги, то, при видѣ розги вновь, оно также крѣпко вѣритъ, что ударъ ея снова вызоветъ боль, какъ ученый вѣритъ тому, что организованная клѣточка непременно происходитъ отъ такой же клѣточки. Какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ одна и таже причина вѣры—соединеніе разрозненныхъ интеллектуальныхъ элементовъ. *Всякая интеллектуальная связь, хотя бы это была только разъ образовавшаяся, вызываетъ вѣру, когда она въ данномъ направленіи есть сильнѣйшая. Знаніе и вѣра вытекаютъ изъ образовавшейся интеллектуальной связи, а не связь образуется вслѣдствіе вѣры*, какъ думаютъ логики и психологи. Ошибочное пониманіе логиками процесса человѣческаго сужденія зависитъ отъ того, что они не поняли разницы между дѣйствительными мыслевыми процессами, порождающими знаніе, но совершающимися безсознательно, съ сознательными движеніями символовъ этихъ процессовъ въ видѣ сужденій, выражающихся словами и предложеніями.

До образованія опредѣленной интеллектуальной связи не можетъ быть ни индукціи, ни дедукціи. Процессъ же этой связи совершается безсознательно; сознается только готовая связь, когда она сдѣлалась свершившимся фактомъ. Если идея абсолютной истины въ человѣкѣ успѣла развиться, то, для удовлетворенія этой идеи, человѣкъ, получивъ въ сознаніи результатъ безсознательнаго сужденія стремится провѣрить его съ сознаніемъ. Дѣти и малоразвитые люди, у которыхъ идея абсолютной истины вовсе не развилась, вѣрятъ безъ доказа-

тельствъ и вовсе не выказываютъ потребности провѣрить при помощи доказательствъ то, чему они вѣрятъ. Если съ дальнѣйшимъ опытомъ и убѣжденіемъ, что то, чему прежде вѣрилось, часто оказывалось ошибочнымъ, въ человѣкѣ на ряду съ сознаниемъ своихъ заблужденій, разовьется индукція абсолютной истины, то онъ требуетъ объективныхъ фактовъ познанія, для доказательства того, что инстинктивная вѣра заслуживетъ объективной вѣры. Подъ давленіемъ этой идеи, уже готовый результатъ бессознательной связи разлагается на его составныя части, и тогда только сознается и объективный матеріалъ, послужившій для образованія той связи. При этомъ распаденіи цѣлаго на части изъ общей связи сначала получается менѣе общая, въ ней содержащаяся; послѣдняя въ свою очередь сама распадается на ближайшія части и т. д., пока процессъ разложенія, переходя отъ общаго къ частному, дойдетъ до конца, т. е. до интуитивныхъ воспріятій и представленій. При этомъ въ мышленіи сознательно совершается путь обратный тому, который бессознательно образовался отъ постепеннаго соединенія частныхъ элементовъ въ болѣе общіе. Этотъ обратный первому путь мышленія приводитъ отъ общаго къ частному и называется анализомъ.

Если же въ человѣкѣ, подъ давленіемъ идеи абсолютной истины, явилось стремленіе только понять, почему онъ частному приписалъ то, что знаетъ объ общемъ, ему остается только отдѣлить отъ существующей уже въ его интеллектѣ связи частнаго съ общимъ—частное, и потомъ сознательно прослѣдить связь. При этомъ онъ идетъ въ сознаниіи путемъ обратнымъ прежнему психо-интеллектуальному, объективному процессу, т. е. сначала сознаетъ общее, потомъ частное, подъ конецъ ихъ соединеніе. Эта форма получается обыкновенно въ видѣ сужденій, потому что въ сознаниіи не могутъ помѣститься самыя интеллектуальныя тѣла, а помѣщаются только ихъ символы въ видѣ предложеній или сужденій, выраженныхъ словами.

Въ заключеніи силлогизма выражается новый актъ, независимо отъ общаго и частнаго, какъ нѣчто отъ нихъ отдѣльное, которое въ объективномъ психологическомъ процессѣ, совершенно лишнее и не можетъ заключаться въ немъ, такъ какъ новое знаніе, называемое логиками заключеніемъ, есть ничто иное, какъ результатъ слитія общаго съ частнымъ. Послѣдній же членъ силлогизма въ логикѣ—заключеніе представляетъ только переводъ въ сознаніе совершившейся прежде связи.

Во избѣжаніе позторенія мы просимъ читателя обратиться къ I-му

тому этого сочиненія, къ главѣ „механика интеллектуальныхъ движеній“ особенно отъ стр. 261 до 273, гдѣ мы старались выяснить отношеніе объективнаго процесса мышленія къ формамъ сужденій, описываемыхъ въ логикахъ, и разницу между ними. Изъ всего, что мы узнали въ этомъ отношеніи, можно вывести слѣдующія данныя:

а) *Всякое увеличеніе человѣческаго знанія, полученнаго эмпирическимъ путемъ, черезъ органы чувствъ, дается только постепеннымъ соединеніемъ разрозненныхъ интеллектуальныхъ формацій путемъ синтеза, отдельныхъ формацій въ болѣе сложныя формаціи, частныхъ связей въ болѣе общія индукціи, причемъ каждый синтезъ высшей степеніи не только обнимаетъ собою всѣ низшія, изъ которыхъ онъ образовался, но даетъ болѣе знанія, нежели вся сумма всѣхъ составныхъ частей, въ него вошедшихъ.* Даже наши воспріятія и ощущенія, получающіяся въ интеллектѣ въ самой простой интуитивной формѣ, какъ неразлагающіяся на части организованная ячейка, тѣмъ не менѣе каждая изъ этихъ ячеекъ образуется изъ соединенія множества малѣйшихъ частичныхъ движеній, изъ которыхъ состояло вышнее движеніе, послужившее матеріаломъ для ея образованія, такъ напр. всякое слуховое воспріятіе получается отъ суммы волнообразныхъ движеній частичекъ воздуха, мускульное ощущеніе отъ сокращенія множества частичекъ мышцы и т. п.

б) Соединеніе воспріятій въ представленіи даетъ не только знаніе всей суммы соединившихся воспріятій, т. е. не только познаніе всѣхъ явленій (признаковъ) объекта, вызвавшего представленіе, но еще плюсъ познаніе ихъ сосуществованія, познаніе распредѣленія и мѣста каждой части объекта. Чѣмъ болѣе эти представленія соединяются въ формаціи высшихъ степеней, тѣмъ болѣе мы получаемъ познанія общихъ признаковъ сосуществованія данныхъ атрибутовъ въ обширнѣйшихъ классахъ объектовъ опыта.

в) Изъ послѣдовательной связи двухъ интеллектуальныхъ формацій получается, кромѣ познанія членовъ связи, еще познаніе ихъ послѣдовательности.

г) Если изъ опыта образуется нѣсколько связей, изъ которыхъ въ каждой второй членъ одинъ и тотъ же, а первые члены имѣютъ общее содержаніе въ видѣ сходныхъ признаковъ или атрибутовъ, то цѣлая

группа частныхъ индукцій соединяется въ одну общую индукцію. Тогда, на мѣсто познанія частныхъ соединеній субъектовъ съ предикатами, мы познаемъ принадлежность атрибута или атрибутовъ цѣлому классу объектовъ.

е) Не смотря на то, что знаніе этого отношенія цѣлаго класса къ атрибуту, вытекаетъ только изъ соединенія частныхъ знаній опыта, тѣмъ не менѣе знаніе продуцируемое такой общей индукціей не только распространяется на частные случаи, изъ которыхъ образовалась та индукція, но и на все и не вошедшее въ его составъ, но имѣющее общій атрибутъ или атрибуты съ субъектомъ общей индукціи. Въ такомъ случаѣ первое ассимилируется послѣднею, — и потому атрибутъ общаго, такимъ образомъ, *de facto* дѣлается и атрибутомъ частнаго. Но ошибочно думаютъ, что этотъ процессъ мышленія идетъ отъ общаго къ частному, — напротивъ, онъ вытекаетъ изъ такой же связи или ассимиляціи частнаго опыта общей связью. Разница состоитъ въ томъ, что, для полученія знанія путемъ общей индукціи, необходима совмѣстная работа болѣе частныхъ индукцій, изъ которыхъ, какъ мы знаемъ, вырабатывается та общая, а для распространенія знанія готовой индукціи на новый частный случай опыта, который не принималъ участія въ общемъ синтезѣ, требуется только слитія послѣдняго съ готовымъ синтезомъ послѣ его образованія, подобно тому, какъ опоздавшій путникъ догоняетъ свое общество и соединяется съ нимъ. Въ сущности же этотъ процессъ одинъ и тотъ же. Такимъ образомъ, и новый случай, вслѣдствіе опыта однородный по содержанію съ готовымъ синтезомъ, получаетъ и свою долю познанія вслѣдствіе слитія съ нимъ.

Изъ сказаннаго видно, что 1) процессъ дедукціи есть въ сущности процессъ развитія знанія путемъ связи, вслѣдствіе которой частный случай опыта приобрѣтаетъ знаніе, принадлежащее не его содержанію, а уже готовой, прежде образовавшейся индукціи.

Если новый частный случай опыта не имѣетъ настолько сроднаго содержанія съ образовавшейся до того, соотвѣтствующей общей индукціей, чтобы съ нею соединиться, то какъ тотъ, такъ и другая остаются разрозненными, и познаніе общей высшей индукціи не распространяется на данный частный случай. Но если послѣдній по своему содержанію соединится съ существующей индукціей, частной или низшей, смотря по степени обобщенія, но которая въ свою очередь, по своему содержанію можетъ слиться съ той высшей индукціей, то и новый частный слу-

чай съ помощью этого посредствующаго члена соединяется съ нею, и атрибутъ ея дѣлается и его достояніемъ. Такъ, напр., если во мнѣ существуетъ индукція: А есть В, то новая связь въ познаніи—С есть D никакъ не можетъ съ нею соединиться. Этому препятствуетъ различное ихъ содержаніе. Но если „С есть D соединится съ другой связью В есть С, то при помощи такого соединенія частная индукція „С есть D“ связывается и съ „А есть В“, вслѣдствіе общаго содержанія, В, служащей связью. Такимъ образомъ, знаніе, содержащееся въ индукціи „А есть В“, переходитъ и на „С есть D“. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ соединяются не оба члена, а только одинъ, и вслѣдствіе этого является не полная связь, а только сближеніе не соединившихся членовъ, а потому знаніе, которое получено этимъ путемъ, есть только приблизительное; оно не внушаетъ полной вѣры, а принимается только въ видѣ предположенія. Когда же путемъ обобщенія сольются и другіе члены связей между собою, то слитіе дѣлается полнымъ и познаніе одной болѣе общей связи дѣлается достояніемъ той частной связи, которая при помощи ея слилась съ первой. Логики говорятъ:

а есть b,

b есть с,

с есть d,

слѣдовательно а есть d.

Такое посредственное соединеніе между элементами познанія въ логикѣ называется дедуктивной цѣпью. Изъ этого процесса вытекаютъ всѣ дедуктивныя науки, въ которыхъ съ помощью признаковъ частные случаи соединяются съ общими научными законами. Въ этихъ случаяхъ незнакомое, вновь полученное изъ опыта, вызываетъ сначала одной частью своего содержанія къ дѣятельности все, съ нимъ сродное для своей ассимиляціи, т. е. для соединенія въ общую связь. Если въ данной группѣ нѣтъ ни общей индукціи, ни частныхъ связей, съ которыми оно могло бы соединиться, новая связь вызываетъ изъ потенциальнаго состоянія новую группу представленій и связей къ дѣятельности при помощи другой части своего содержанія. Это повторяется до тѣхъ поръ, пока въ послѣдней группѣ не найдется элемента или синтеза, сроднаго по содержанію съ тѣмъ фактомъ, который стремится ассимилировать мыслевая работа. Войдя такимъ образомъ въ новую комбинацію, какъ часть синтеза, эта новая связь можетъ войти вмѣстѣ съ своими другими составными частями въ другую болѣе общую связь, и, та-

кимъ образомъ, непопятый сначала фактъ опыта дѣлается, вслѣдствіе увеличивающагося синтеза, болѣе и болѣе доступнымъ пониманію.

Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ познаніе получается путемъ соединенія частнаго съ общимъ, и не понятное прежде явленіе, вслѣдствіе своей изолированности въ мышленіи, съ развитіемъ связей, дѣлается понятнѣе и наконецъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ познаніи.

f) Изъ сказаннаго дѣлается также понятнымъ, что и дедуктивная связь вноситъ также новое частное знаніе. Хотя съ образованіемъ общей индукціи рождается вѣра, что развиваемое ею знаніе есть истина для всего класса отношеній, сродныхъ той индукціи, даже и для тѣхъ частныхъ случаевъ, которые еще не встрѣчались въ опытѣ, однако эта вѣра, собственно говоря, не есть абсолютная, а вызывается только тѣмъ, что за предѣломъ частныхъ случаевъ опыта, соединившихся въ общую интеллектуальную силу нѣтъ знанія, и потому человѣкъ какъ будто допускаетъ, что его знаніе есть абсолютное, всеобъемлющее. Но если опытъ приноситъ въ сознаніе новый фактъ, еще не бывшій при образованіи общей индукціи, то отъ слитія вслѣдствіе сходства этого новаго неизвѣстнаго частнаго случая съ извѣстнымъ общимъ познаніемъ, послѣднее *de facto* расширяется, потому что этимъ актомъ соединенія, знаніе содержащееся въ общей индукціи, дѣлается достояніемъ этого новаго случая опыта, до того не бывшаго въ нашемъ познаніи.

g) Сила знанія каждаго обобщенія не содержитъ въ себѣ общую интеллектуальную силу познанія вообще, а только спеціальную, распространяющуюся исключительно только на ту область опыта, которая обнимается содержаніемъ даннаго синтеза.

h) Отрицательные атрибуты суть такія же интеллектуальныя формации, какъ и положительныя, потому что они рождаются изъ отношенія явленій и объектовъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и потому что ихъ соединенія въ интеллектъ даютъ такое же знаніе, какъ и индукціи положительныхъ истинъ. Такъ, напр., если я, соединяя поочередно всѣ виды масла (жировъ) съ водой, вскій разъ вижу, что они не смѣшиваются, а остаются разъединенными при всѣхъ термическихъ и др. состояніяхъ воды и масла, то во мнѣ рождается индукція: масло не растворяется въ водѣ. При этомъ познаніе отношенія жировъ къ водѣ зависитъ отъ обобщенія частыхъ связей интеллектуальныхъ формаций, вызванныхъ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ каждаго вида жировъ къ водѣ.

ж) Мы видѣли, что хотя логика не выражаетъ нашихъ дѣйствительныхъ процессовъ и законовъ мышленія, и что логика не есть, собственно говоря, наука учащая правильно думать, какъ предполагать до сихъ поръ, но тѣмъ не менѣе она даетъ формы, въ которыя человѣкъ можетъ вылить черезъ свое сознаніе содержаніе въ немъ образовавшихся обобщеній, и этимъ путемъ можетъ контролировать вѣрность уже совершившагося факта соединенія и его согласіе или несогласіе съ другими сознанными результатами интеллектуальныхъ обобщеній, имѣющими родственное отношеніе къ образовавшейся связи. Въ случаѣ неправильно происшедшей связи, которая узнается въ переводѣ объективнаго интеллектуальнаго процесса въ логическую форму и ея сопоставленіи въ интеллектъ съ господствующими, прежде образовавшимися обобщеніями одинаковаго содержанія, обыкновенно вызываются къ дѣятельности интеллектуальныя силы, бывшія во время образованія прежней связи въ недѣятельномъ состояніи и съ ихъ помощью начинается вновь работа разрушенія неправильной связи или, лучше сказать, не согласной съ данными, которыя выработаны синтезомъ, существующимъ въ мышленіи.

Мы убѣдились, что вѣра въ знаніе, получаемое отъ обобщенія, не есть выраженіе абсолютной истины этого обобщенія, а дается отчасти самымъ фактомъ соединенія частныхъ элементовъ интеллекта въ одно цѣлое, удовлетворяющаго стремленію природы, и отчасти свойствомъ интеллектуальнаго матеріала, лежащаго въ основаніи каждаго даннаго синтеза. Такъ какъ абсолютную ничѣмъ не оспариваемую вѣру въ человѣкѣ порождаютъ только его интуитивныя формации, непосредственно получаемыя черезъ органы чувствъ изъ опыта, то эта вѣра и съ своей стороны проходитъ чрезъ все обобщеніе. Оно вызываетъ вѣру не только однимъ процессомъ соединенія частнаго въ общее, но и матеріаломъ, служащимъ для соединенія, и потому болѣе вѣрится только тѣмъ сообщеніямъ, которыя идутъ изъ опыта, или же, когда при ихъ разборѣ можно постепенно привести ихъ къ интуитивнымъ познаніямъ, полученнымъ черезъ органы чувствъ. Отсюда дѣлается ясно, что всякое обобщеніе тогда только пользуется вѣрой и помогаетъ распространенію знанія, когда оно имѣетъ свои корни въ непосредственномъ знаніи изъ опыта. Всякое же обобщеніе, матеріаль котораго не получился черезъ органы чувствъ, не можетъ пользоваться вѣрой, и потому вызываетъ или чувство отрицанія, или сомнѣнія, или правдоподобности, послѣднее является только

въ томъ случаѣ, если оно имѣеть какое нибудь сродство съ другими истинами, добытыми изъ опыта. Если готовые обобщенія принимаются въ вѣру, независимо отъ данныхъ опыта, или даже ему противорѣчація, то вѣра развивается не со стороны интеллекта, а, чувства, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и потому они имѣють скорѣе отрицательное, нежели положительное вліяніе на знаніе.

5. Наше первобытное или эмпирическое мышленіе, о которомъ мы только что говорили даетъ въ результатѣ, какъ истины, такъ и заблужденія.

Путемъ постепеннаго синтеза разрозненныхъ интеллектуальныхъ формаций, добытыхъ непосредственно изъ опыта, росла сила мысли и болѣе и болѣе расширялось знаніе человѣка. Въмѣстѣ съ этимъ, принося свое знаніе къ дѣйствительности и провѣряя его на опытѣ, всякій мыслящій убѣждается, что существующему въ немъ познанію комбинацій и отношеній явленій и предметовъ внѣшняго міра большею частію отвѣчаютъ дѣйствительныя комбинаціи и отношенія, существующія во вселенной. Человѣкъ, который находился прежде въ рабской зависимости отъ внѣшнихъ силъ, съ увеличивающимся знаніемъ мало по малу сталъ не только въ состояніи защищаться отъ нихъ, но и подчинять ихъ себѣ и пользоваться ими для своего благополучія. Этимъ укрѣплялась еще больше естественная вѣра человѣка въ силу своей мысли, въ значеніе своего познанія и еще больше подстрекалась его интеллектуальная работа въ стремленіи къ отысканію новыхъ законовъ, управляющихъ явленіями вселенной, т. е. къ расширенію и увеличенію своего интеллектуальнаго снѣтза. Съ большимъ развитіемъ формаций высшихъ степеней, прежній хаосъ въ познаніи внѣшнихъ объектовъ началъ приходить въ порядокъ, съ помощію классификаціи множество разнообразныхъ предметовъ по общимъ, имъ принадлежащимъ признакамъ, соединились въ классы. Невозможность изученія всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ внѣшняго міра, до образованія общихъ понятій, съ ихъ помощію сдѣлалось доступнымъ знанію, потому что человѣкъ съ познаніемъ отличительныхъ признаковъ цѣлыхъ классовъ, пріобрѣталь вмѣстѣ съ нимъ и познаніе всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, подходящихъ къ этимъ классамъ по своимъ признакамъ. Съ развитіемъ въ интеллектѣ общихъ индукцій, человѣкъ началъ познавать законность въ явленіяхъ природы и подчинять частныя отношенія объектовъ опыта общимъ законамъ. Изъ познанія отношенія людей другъ къ другу,

въ населяемому ими земному шару и продуктамъ природы, необходимымъ для существованія, родилась идея человѣческаго права, т. е. равенства передъ закономъ, управляющимъ обществомъ, и равенства въ пользованіи дарами природы, необходимыми для правильного человѣческаго развитія и существованія. Чѣмъ больше сознаніе этой законности проникаетъ въ общество, тѣмъ легче и нормальнѣе становится тамъ жизнь, тѣмъ правильнѣе становятся взаимныя отношенія членовъ этого общества. Но если несомнѣнно, что человѣчество путемъ своего естественнаго мышленія и постепеннаго развитія интеллектуальнаго синтеза все болѣе и болѣе обогащалось силой познанія, то тѣмъ не менѣе вѣрно, что это же эмпирическое мышленіе внесло въ міровозрѣніе человѣка не мало заблужденій и предразсудковъ. Исторія развитія человѣческаго знанія вообще (науки), его культуры и нравственности не оставляютъ нивакого сомнѣнія въ сказанномъ. Люди однако вѣрили и вѣрятъ въ развившіяся въ ихъ интеллектѣ понятія и законы, истинные и ложные, если они пользуются преобладающей силой въ интеллектѣ. Причина этому, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что въ самомъ интеллектѣ нѣтъ мѣрила для объективной истины. Вѣра вызывается въ человѣкѣ, какъ мы видѣли, не абсолютной истиной, отвѣчающей дѣйствительнымъ отношеніямъ, а есть ни что иное, какъ реакція въ чувствѣ той или другой связи, установившейся въ интеллектѣ и приобрѣтшей въ немъ силу, вслѣдствіе отсутствія противодѣйствія со стороны другихъ связей. Это доказывается тѣмъ, что съ образованіемъ въ послѣдствіи новыхъ синтезовъ, противорѣчащихъ господствовавшимъ ранѣе, прежняя вѣра теряется, ея центръ тяжести переносится на вновь образовавшееся сильнѣйшее обобщеніе, дающее знаніе другое, или даже противоположное тому, что прежде пользовалось полной вѣрой. Развѣнчанная вчера истина сегодня стоитъ въ познаніи, какъ заблужденіе или ложь, и вѣроятно тому, что мы считаемъ истиной сегодня, въ будущемъ угрожаетъ та же участь. Ошибочныя мнѣнія и ученія, безпрестанно исправляемыя и замѣняемыя другими, противоположныя мнѣнія ученыхъ, часто высказываемыя объ одномъ и томъ же предметѣ, подтверждаютъ сказанное. Еще рѣзче бросаются въ глаза противорѣчія въ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ въ соціальныхъ, такъ называемыхъ нравственныхъ и отвлеченныхъ наукахъ, въ идеяхъ, господствующихъ въ данное время во всемъ интеллигентномъ обществѣ, или только въ той или другой его области.

Въ кровопролитныхъ войнахъ, поднятыхъ такими заблужденіями, каждая враждовавшая сторона дѣйствовала во имя несомнѣнной для нея истины. Нерѣдко только горькій опытъ давалъ возможность человѣку отличить истину отъ заблужденія, когда цѣлымъ рядомъ человѣческаго горя и испытаній доказывалась ложность послѣднихъ и необходимость замѣнить ихъ новой вѣрой. Наконецъ, съ паденіемъ одного заблужденія, выросло въ той же или въ другой области познанія нѣсколько новыхъ. Отличіе истины отъ лжи, трудно дается человѣку, потому что въ его душѣ обѣ онѣ не только наравнѣ пользовались вѣрой, но истина еще труднѣе вкоренялась, вслѣдствіе своего медленнаго развитія и необходимости правильной ея постройки. Исторія показываетъ намъ печальное шествіе человѣчества отъ одного заблужденія къ другому и горькую расплату за каждое изъ нихъ. Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ заблужденій и предрасудковъ, развившихся обычнымъ путемъ разсужденія, только тонкой струйкой вытекала рѣчка чистаго разума. При обзорѣннн всей этой пестрой смѣси въ мировоззрѣніяхъ не только отдѣльныхъ личностей, но и всего, даже передоваго общества, гдѣ одна какая нибудь истина мѣшается съ многими предрасудками, ложными идеями, гдѣ объективное знаніе перемѣшано съ кажущимся и фантастическимъ, идущимъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, невольно рождается вопросъ: можетъ ли быть, чтобы изъ одного и того же источника вытекала грязь и вмѣстѣ чистая, какъ кристалль, вода? Можетъ ли одна и таже мыслевая работа продуцировать истину и ложь, и можетъ ли, добытое этой работой, познаніе, одной рукой спасать человѣчество изъ одной бѣды, чтобы другою повергать его въ новую? Результаты изученія, какъ отравленій отдѣльныхъ органовъ, такъ и жизни всего организма доказали несомнѣнно то, что неправильности въ развитіи и болѣзни суть не новыя насажденія, а только отклоненія отъ нормы естественныхъ законовъ развитія или фізіологическихъ отравленій, что патологія есть только извращенная, вслѣдствіе ненормальныхъ условій, фізіологія, что рождающіеся монстры суть только индивиды, въ которыхъ развитіе организма, вслѣдствіе побочныхъ условій, отклонилось въ сторону. Одинъ и тотъ же органъ, который служитъ для поддержанія жизни, вслѣдствіе неправильныхъ условій, можетъ быть причиной болѣзни или смерти организма. Такъ, напр., легкія, вдыхающія съ воздухомъ столь необходимый для жизни кислородъ, могутъ вмѣстѣ съ

нимъ передать крови міазмы или другія заразы, отъ которыхъ организмъ можетъ погибнуть. Но мыслевая работа есть такая же функція организма, какъ всякая другая; неправильныя обстоятельства, совращающія эту работу въ сторону, также должны дать, на мѣсто правильного развитія—уродство, на мѣсто истины—ложь, вмѣсто знанія—заблужденія и предрасудки.

Иногда, какъ мы уже знаемъ, элементарныя силы познанія (воспріятія и представленія) образуются неправильно, иногда связи этихъ формацій вызываются не родствомъ ихъ по содержанію, непостояннымъ сосуществованіемъ въ пространствѣ или слѣдованіемъ ихъ въ нашемъ опытѣ, а искусственно случайными сочетаніями, или формаціи соединяются между собою въ интеллектъ, независимо отъ опыта. Всякая функція организма въ своемъ органѣ и его силѣ содержитъ условія для удовлетворенія требованій организма. Такъ напр. желудокъ перевариваетъ пищу въ количествѣ, необходимомъ для питанія организма, легкія вводятъ въ экономію организма надлежащее количество кислорода и выводятъ изъ него не нужную угольную кислоту и т. п. Работа же мышленія въ самой себѣ содержитъ условія, вслѣдствіе которыхъ потребность организма никогда не можетъ вполне удовлетвориться, потому что она не можетъ совершать полного соединенія всего частнаго знанія въ одно общее цѣлое; это соединеніе требуемое природой не дается не только каждому отдѣльному индивиду, но даже усиліямъ всего прошлаго и настоящаго человѣчества, и выполненіе этой задачи едва-ли будетъ подъ силу всему нашему виду въ будущемъ. Разъединенные элементы нашего знанія силой своей природы всегда стремятся къ соединенію; а если оно невозможно при помощи правильнаго развитія мышленія, то совершается болѣе или менѣе ненормальнымъ путемъ. Такъ, напр., какъ мы уже сказали, насильственно разъединенныя части тѣла, не могущія прямо сростись, вслѣдствіе удаленія другъ отъ друга краевъ ранъ, соединяются рубцовой тканью. Она большею частію приноситъ огромную пользу организму своею связью разрозненнаго, но она приноситъ нерѣдко изуродованіе соединенныхъ частей. Такъ рубецъ часто производитъ вредное давленіе на сосѣдніе органы, сосуды и нервы, но эти послѣдствія ни въ какомъ случаѣ не останавливаютъ этого соединенія и оно совершается въ силу природной необходимости. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ соединеніи разрозненныхъ интеллектуальныхъ тѣлъ, когда невозможенъ чисто объективный синтезъ, исключительно добытый путемъ дѣйстви-

тельнаго опыта, безъ вмѣшательства другихъ соединяющихъ силъ. Эти послѣднія суть чувства и воображеніе человѣка. Силой первыхъ получаются синтезы, отвѣчающіе не дѣйствительнымъ внѣшнимъ отношеніямъ, а внутреннимъ эмоціямъ, волнующимъ человѣка во время синтеза. Эти субъективныя связи большею частію бывають въ противорѣчій съ объективнымъ міромъ. Спиноза сказалъ: „*mentis decreta nihil sunt praeter ipsos appetitus*“, т. е. чувства и стремленія заправляютъ рѣшеніями ума. „Глазъ человѣческаго пониманія“, сказалъ Беконъ Веруламскій, „не сухой глазъ, но увлажненный страстію и волей: человѣкъ всегда тому вѣритъ, что онъ предпочитаетъ“.

Но для того, чтобы лучше обнять вліяніе чувства на наше пониманіе, нужно прежде познакомиться съ тѣмъ, что такое чувство, и потому мы будемъ говорить объ этомъ послѣ изложенія нашей теоріи чувства, а теперь займемся изученіемъ вліянія воображенія на пониманіе.

ГЛАВА VII.

Роль воображенія въ мышленіи.

Правильное развитіе нашего эмпирическаго мышленія, какъ мы видѣли выше, прямо вытекаетъ изъ опыта. Отдѣльныя интеллектуальныя формаціи порожденныя воздѣйствіемъ явленій внѣшняго міра соединяются между собою въ общіе синтезы или потому, что между составными частями первыхъ существовало сродство содержанія, вложеннаго въ нихъ одинаковыми движеніями внѣшняго опыта ихъ породившими, или же потому, что эти формаціи получались изъ опыта въ познаніи отчасти въ порядкѣ сосуществованія въ пространствѣ, отчасти же въ порядкѣ слѣдованія во времени. Въ этихъ условіяхъ заключалась причина, почему результаты мыслевой работы этихъ формацій являвшіеся въ видѣ ихъ синтезовъ и комбинацій содержатъ въ себѣ познаніе какъ общности свойствъ, существующей между предметами опыта, такъ и отношенія между внѣшними предметами въ пространствѣ и во времени. Примѣненіе этихъ познаній къ явленіямъ внѣшняго міра болѣе и болѣе убѣждаетъ человѣка, что между первыми и послѣдними есть дѣйствительное соотношеніе; что, вѣря въ свое знаніе, человѣкъ правильно дѣйствуетъ, и благодаря этому-то знанію онъ пользуется богатствами природы, защищается отъ вредныхъ силъ и нерѣдко даже подчиняетъ ихъ себѣ.

Но мыслевыя формаціи въ своихъ интеллектуальныхъ комбинаціяхъ не всегда руководятся тѣмъ, что происходитъ въ дѣйствительномъ опытѣ. Онѣ нерѣдко, собираясь въ дѣятельныя группы, своимъ собственнымъ стремленіемъ къ соединенію входятъ въ комбинаціи и связи безъ всякаго стимула со стороны опыта. Въ такомъ случаѣ эти сочетанія совершаются въ интеллектѣ независимо, и даже наперекоръ тому, что совершается передъ органами чувствъ. Отсюда видно, что послѣднія комбинаціи отвѣчаютъ не внѣшней дѣйствительности, а внутреннимъ условіямъ самихъ интеллектуальныхъ формацій, такъ сказать, наибольшей или наименьшей силѣ стремленія ихъ къ образованію связей. Эта-то способность самостоятельнаго сочетанія элементовъ мышленія въ связи, независимо отъ дѣйствительнаго опыта, называется воображеніемъ, фантазіей. До сихъ поръ мы однако видѣли, что связь между интеллектуальными формаціями вызывалась всегда условіями и отношеніями объектовъ и явленій внѣшняго опыта; поэтому теперь слѣдуетъ разъяснить, от-

куда может явиться связующая внутренняя интеллектуальная сила
 и каково воздѣйствіе на интеллектъ внѣшняго міра?

Мы выше убѣдились, что, для образованія первыхъ представленій и ихъ частныхъ связей въ пространствѣ или во времени, необходимо воздѣйствіе явленій внѣшняго міра на органы чувствъ. Но когда такіа формаціи и ихъ связи уже существуютъ въ интеллектѣ, то, собравшись въ дѣятельную мыслевую группу онѣ стремятся къ соединенію и самое соединеніе совершается силой интеллектуальныхъ формацій, совершенно независимо отъ внѣшняго опыта. Различные результаты этихъ соединеній будутъ обуславливаться особенностію содержанія каждой дѣятельной группы. Мы знаемъ, что каждое дѣятельное представленіе можетъ вызывать каждой частью своего содержанія сродную ему (по содержанію-же) группу изъ потенціального состоянія къ совмѣстной дѣятельности. Причина-же, почему въ данный моментъ мыслевой дѣятельности вызывается изъ потенціального состоянія группа, сродная одной части содержанія представленія а не другой, эта причина обуславливается, какъ мы знаемъ, иногда абсолютнымъ преобладаніемъ одной стороны содержанія представленія надъ другими, а иногда только временнымъ преобладаніемъ; послѣднее-же является или вслѣдствіе укрѣпленія одной части содержанія, тѣмъ или другимъ субъективнымъ движеніемъ, или-же вслѣдствіе ослабленія другихъ частей, (напр. отъ предшествовавшей работы, причемъ часть, оставшаяся неослабленной, естественно дѣлается сильнѣйшей). Въ этихъ случаяхъ одно и то же представленіе, въ различные моменты своей дѣятельности, можетъ составлять вокругъ себя различныя дѣятельныя группы. Далѣе мы знаемъ, что если представленіе или связь настоящаго внѣшняго опыта вызвала въ интеллектѣ къ дѣятельности болѣе сильное представленіе или синтезъ прежняго опыта, то, вслѣдствіе преобладающей дѣятельности въ интеллектѣ одной изъ послѣднихъ формацій будетъ вызвана изъ потенціального состоянія сродная группа сильнѣйшей, а не первоначально появившейся слабѣйшей формаціи. Въ такомъ случаѣ опытъ данной минуты будетъ только посредственнымъ стимуломъ къ дѣятельности группы формацій прежняго опыта, которыя не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ. И такъ, мы видимъ, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ вызывать мыслевую дѣятельность въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и кромѣ того, — что эта дѣятельность можетъ вовсе не отвѣчать настоящему опыту. Но всякій разъ, какъ только соберется дѣятельная группа фор-

мацій, между отдѣльными факторами этой группы непременно начинается стремленіе къ соединенію, независимо отъ первоначальнаго стимула, вызвавшаго эту группу къ дѣятельности. При этомъ на образующіеся синтезы неимѣетъ никакого вліянія вопросъ, — принадлежать ли частные элементы, входящіе въ нихъ, къ настоящему опыту или къ прошедшему. Если въ данномъ ограниченномъ пространствѣ собраны дѣятельныя химическія силы, то онѣ будутъ дѣйствовать другъ на друга, или прямо соединяясь между собою, или болѣе сродная вытѣснить изъ существующей химической связи слабѣйшую и менѣе сродную силу и займетъ ея мѣсто. Результаты соединенія такихъ химическихъ силъ будутъ совершенно независимы отъ происхожденія самихъ силъ, отъ того: были ли онѣ введены извнѣ, или образовались въ самой смѣси. Слѣдовательно мы видимъ, что различныя комбинаціи существующихъ формацій и синтезовъ возможны и безъ вліянія непосредственнаго опыта. Но между интеллектуальными связями, вызванными подъ руководствомъ реального опыта, и между комбинаціями и произведеніями воображенія въ дѣятельной группѣ представленій, неотвѣчающихъ дѣйствительности, есть огромная разница. Во время обыкновеннаго эмпирическаго мышленія человѣкъ, если можно такъ выразиться, не отрываетъ своихъ органовъ чувствъ отъ реального міра, а напротивъ онъ старается безпрестанно подрѣплять мыслевую работу новыми фактами, которые получаютъ изъ продолжающагося опыта. Внутренняя-же мыслевая работа, подъ вліяніемъ воображенія, хотя и совершается такими-же интеллектуальными формаціями, полученными, какъ предшествовавшія, въ свое время изъ опыта, но самыя сочетанія этихъ формацій въ новыя комбинаціи образуются независимо отъ опыта, безъ всякаго содѣйствія и контроля со стороны органовъ чувствъ. Поэтому связь элементовъ въ пространствѣ и во времени, образовавшаяся силой воображенія, отличается отъ факторовъ, дающихъ познаніе сосуществованія въ пространствѣ и слѣдованія во времени соединившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ дѣйствительнаго опыта. Познаніе, развиваемое синтезами перваго рода не отвѣчаетъ дѣйствительности, а нерѣдко даже противорѣчитъ тѣмъ отношеніямъ, которыя происходятъ въ природѣ.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что воображеніе не можетъ создать только матеріала для своихъ комбинацій, и что единственнымъ источникомъ этого матеріала навсегда остается воздѣйствіе на органы

чувствъ вѣшняго опыта; но когда въ интеллектѣ накопится достаточное количество такого интуитивнаго матеріала, воображеніе можетъ строить изъ него всѣ синтезы, начиная отъ самыхъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ. Когда такой синтезъ воображенія образовался, то если, въ интеллектѣ не встрѣчается противодѣйствія со стороны болѣе сильныхъ синтезовъ дѣйствительнаго опыта, этотъ синтезъ представляетъ собой дифференцированную ткань, существующую вполне реально въ интеллектѣ, точно также какъ и тѣ синтезы, которые непосредственно вытекаютъ изъ дѣйствительности и потому такія комбинаціи воображенія развиваютъ въ головѣ ихъ носителя такое-же знаніе и такое-же чувство вѣры въ это знаніе, какъ и комбинаціи и синтезы, сложившіеся подъ вліяніемъ дѣйствительнаго опыта. Для образовъ, созидаемыхъ фантазіей, опасными соперниками являются только связи, противорѣчащія имъ, развившіеся изъ дѣйствительнаго опыта, потому что представленія и ихъ связи, полученныя черезъ органы чувствъ, при нормальномъ состояніи интеллекта, болѣе отвѣчаютъ потребностямъ его природы и, слѣдовательно, сильнѣе укрѣпляются въ интеллектѣ и больше внушаютъ вѣры, чѣмъ комбинаціи, образовавшіяся помимо нашихъ органовъ чувствъ. Такъ, человѣкъ, взволнованный страшнымъ сновидѣніемъ, проснувшись прислушивается къ тому, что происходитъ вокругъ него, протираетъ глаза, чтобы видѣть все окружающее, и только, послѣ вступленія въ дѣятельность его органовъ чувствъ, онъ убѣждается въ недѣйствительности тяжелыхъ грезъ и безпричинности его страха. Но если въ данной области интеллекта нѣтъ интеллектуальныхъ объективныхъ синтезовъ, то замѣняющіе ихъ продукты фантазіи, не имѣя соперниковъ, остаются сильными и ничто не оспариваетъ ни вызываемаго ими познанія, ни чувства вѣры въ это познаніе.

Такъ какъ необходимымъ матеріаломъ для образовъ, созидаемыхъ воображеніемъ, все таки служитъ добытое изъ опыта, то само собою разумѣется, что чѣмъ этотъ матеріалъ богаче и обширнѣе во всѣхъ областяхъ опыта, тѣмъ больше канвы и средствъ для работы фантазіи и тѣмъ болѣе представляется возможности для разнообразія и для высоты ея творчества.

Полученныя силой воображенія, соединенія интеллектуальныхъ формацій рѣзко отличаются отъ прежде разсмотрѣнныхъ нами продуктовъ эмпирическаго мышленія, вызваннаго дѣйствительнымъ опытомъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ заключается познаніе недѣй-

ствительнаго міра, а міра новаго, фантастическаго, несуществующаго въ дѣйствительности. Однако такая эмансипація творчества воображенія отъ внѣшняго міра въ сущности есть только кажущаяся; продукты этого творчества, нося на себѣ печать своеобразности и отличія отъ всего дѣйствительнаго, существующаго внѣ насъ, принимаются людьми за нѣчто новое, вылившееся изъ ихъ собственной души, ими созданное. Но вѣдь наше воображеніе есть только архитекторъ, а отнюдь не творецъ; оно только перетасовываетъ и соединяетъ матеріалъ уже готовый, полученный изъ опыта. Какъ бы чуденъ ни былъ образъ воображенія, но, разложивши его на составныя части, мы увидимся, что всѣ элементы, его составляющіе, суть безъ исключенія наши представленія и связи, родившіяся изъ реальнаго опыта. Никогда не создало бы воображеніе крылатаго и летающаго амура, если бы въ мышленіи не было представленія ребенка и крыльевъ птицъ, которыми онъ совершаетъ свой полетъ. Воображеніе грековъ, олицетворивъ силы природы въ божественныя особи, всетаки было вынуждено населить Олимпъ человѣческими существами. Нельзя не согласиться съ Локкомъ, сказавшимъ, что „власть человѣка въ маленькомъ мірѣ его пониманія такова-же, какова и въ большомъ мірѣ существующихъ вещей, гдѣ человѣкъ можетъ творить только изъ даннаго уже природою матеріала, но не можетъ ни разрушать, ни создавать ни одного атома“. Мы принимаемъ слѣдующіе виды работы фантазіи: а) когда воображеніе оперируетъ надъ элементами, непосредственно взятыми изъ опыта, при этомъ оно видоизмѣняетъ эти элементы, соединяя элементы одного момента опыта съ представленіями, взятыми изъ другаго; или на мѣсто одной части представленія, взятаго изъ дѣйствительнаго опыта, ставитъ другую, принадлежащую представленію атрибута другаго объекта опыта. Такъ напр. представленіе дьявола въ видѣ человѣка съ рогами, хвостомъ и т. п., представленіе Центавра, у котораго верхняя половина туловища человѣческая, а нижняя лошадиная, или принятіе бѣлаго предмета въ ночной темнотѣ за привидѣніе и т. д. Сюда относятся и предметы творчества въ поэзіи, литературѣ, скульптурѣ и живописи, гдѣ цѣлый характеръ, картина или образъ, сочетается изъ чертъ, намѣченныхъ въ различныхъ особяхъ, но соединяющихся въ одно цѣлое подъ влияніемъ той или другой идеи. Или б) воображеніе оперируетъ только отрицательно, соединивъ свое представленіе не изъ всего матеріала объекта, а только изъ нѣкоторой части его. Такъ мы можемъ представить въ нашемъ во-

ображеніи домъ безъ фундамента, человѣка, не принадлежащаго никакому полу, слѣдствіе безъ причины, недѣлимую частицу (атомъ), мышленіе и чувство безъ матеріальнаго источника и т. п. с) Воображеніе не измѣняетъ самыхъ элементовъ, полученныхъ изъ опыта, а только соединяетъ ихъ своей силой, замѣняя ту связь, которая должна была-бы получиться изъ отношенія полученныхъ представленій изъ даннаго опыта—связью, взятою изъ отношенія другихъ представлений изъ другаго опыта. Такъ напр. раскаты грома представляются слѣдствіемъ ѣзды по небу колесницы; представленіе молніи сочетается съ представленіемъ извѣстнаго существа (Перуна), бросающаго огненные стрѣлы и т. п. d) Когда силой воображенія представленія противопоставляются другъ другу всѣми сторонами ихъ содержанія, даже такими, которыя въ реальномъ опытѣ не вызывались отношеніями объектовъ. Отъ этого получаютъ новыя познанія отношеній представлений, не вызванныя опытомъ, а только работой воображенія.

Но такъ какъ человѣку дорого познаніе дѣйствительныхъ отношеній предметовъ и дѣйствительныхъ законовъ, управляющихъ этими отношеніями, а не воображаемыхъ, то значеніе работы воображенія и ея результаты зависятъ не только отъ условій, среди которыхъ совершается эта работа, или отъ энергіи интеллектуальныхъ формацій въ ихъ стремленіи къ соединенію, или отъ творчества воображенія, соединяющаго ихъ въ стройные образы и картины,—но и отъ отношенія продуктовъ этого творчества къ истинному разуму, т. е. къ познанію дѣйствительныхъ отношеній предметовъ и законовъ, управляющихъ этими отношеніями. Синтезы дѣйствительнаго опыта уживаются въ интеллектъ вмѣстѣ съ созданіями воображенія, но послѣднія, для пользы знанія, должны подчиняться первымъ и во всякомъ случаѣ не должны противодѣйствовать имъ. Отсюда дѣлается понятнымъ, что чѣмъ больше развита въ человѣкѣ умственная сила и чѣмъ она энергичнѣе вступаетъ въ борьбу съ силами воображенія, тѣмъ безвреднѣе вліяніе послѣдняго на познаніе дѣйствительности. При недостаточномъ развитіи умственныхъ силъ и реальнаго знанія или при ослабленіи этихъ силъ, синтезы воображенія господствуютъ въ познаніи и даютъ человѣку, на мѣсто истиннаго знанія—ложное. Такъ люди, вслѣдствіе безпрестанной борьбы съ нуждой и постояннаго направленія всѣхъ ихъ помысловъ только въ ограниченную сторону—удовлетворенія ихъ насущнымъ потребностямъ, часто не имѣютъ ни времени, ни охоты для изученія природы и для обдумыванія ея явленій; у другихъ

людей, которые почти всё свои силы, вырабатываемые организмомъ, расходуютъ на мышечный трудъ, остается этой силы слишкомъ мало для мыслевой работы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ разрозненные представленія опыта соединяются болѣе легкимъ, искусственнымъ путемъ воображенія, не требующимъ ни серьезной работы мысли, ни провѣрки на опытѣ. Все, соединенное фантазіей однажды въ досужей головѣ, передается однимъ индивидомъ другому, однимъ поколѣніемъ слѣдующему, смѣняющему его. При отсутствіи знанія дѣйствительныхъ отношеній предметовъ, при ничтожной мыслевой дѣятельности, ложныя связи фантазіи не встрѣчаютъ въ интеллектѣ никакого отпора и дѣлаются въ головѣ такихъ людей источникомъ познанія и вѣры. Почти все міровоззрѣніе невѣжественныхъ людей соткано силой фантазіи. Чѣмъ меньше развитъ человѣкъ умственно, чѣмъ скуднѣе его опытъ, тѣмъ бѣднѣе вообще его міръ фантазіи и тѣмъ грубѣе и безмысленнѣе ея образы.

Но какъ бы мало ни интересовался человѣкъ окружающимъ его міромъ, онъ по неволѣ долженъ познавать самого себя, различныя состоянія своихъ собственныхъ нервовъ и чувствъ. Эти познанія роковымъ образомъ развиваютъ въ немъ опытъ его собственнаго существованія. При недостаточности познанія внѣшняго міра, матеріаломъ и цементомъ для связей и комбинацій воображенія является собственное „я“ человѣка, насколько выработалось въ немъ представленіе объ этомъ „я“. Для этого служатъ большею частью всё познанныя или воображаемые атрибуты выработавшагося въ немъ представленія по отношенію къ самому себѣ, связи и отношенія его собственнаго „я“ къ окружающему міру, къ его объектамъ и явленіямъ.

Такъ какъ человѣкъ передъ каждымъ своимъ дѣйствіемъ сознаетъ напряженіе иннерваціи, предшествующее внутри его интеллекта внѣшнему дѣйствію, и ощущаетъ мышечное чувство, вызываемое мускульнымъ сокращеніемъ во время дѣйствія, то это представленіе своего усилія, для достиженія той или другой цѣли, онъ переноситъ и на всё ему извѣстныя дѣйствія въ природѣ, приписывая ихъ усиліямъ и цѣлямъ другихъ объектовъ, которые какъ-бы вызываютъ то или другое дѣйствіе, служа ихъ причиной. Такъ прежніе и настоящіе ученые, при непониманіи причины какого нибудь дѣйствія, соединяютъ его съ представленіемъ силы, вызывающей это дѣйствіе, напр. Аристотель объяснял паденіе тѣлъ присутствіемъ въ этихъ тѣлахъ бросающей силы; еще и теперь существуетъ сила жизни, сила химическаго средства, сила притя-

гательная и отталкивательная. При незнаніи на опытъ объекта, уси-
ліямъ котораго можно было-бы приписать извѣстное дѣйствіе, мало раз-
витые люди создаютъ ихъ образы своимъ воображеніемъ. Для этого во-
ображеніе отбрасываетъ отъ представленія человѣка его тѣлесность и
представленія фантазіи дѣлаются бестѣлесными, невидимыми духами.
Такимъ образомъ закрывается дорога инстинктивному стремленію чело-
вѣ какъ познанію истинной причины изъ дѣйствительнаго опыта. Создавъ
представленіе, недоступное органамъ чувствъ, воображеніе вступаетъ
такимъ образомъ въ борьбу съ самой интеллектуальной природой чело-
вѣка, развивая вѣру въ то, чего невозможно допустить для естественнаго
хода мышленія. Въ представленіяхъ этихъ духовъ сгущены атри-
буты человѣка, а иногда и атрибуты извѣстныхъ животныхъ, какъ
напр. крылья, хвосты, рога и т. п. Такія представленія дѣйствуютъ и
влияютъ на человѣка: то посылаютъ онѣ ему голодь, то обильную жатву,
то поджигаютъ его жилище, то поражаютъ болѣзнями; но въ нихъ нѣтъ
тѣлесности, онѣ невидимы, неосвязаемы и т. п. Эти духи являются обык-
новенно въ то время, когда органы чувствъ дѣйствуютъ слабо, какъ
напр. въ ночной темнотѣ, при чемъ воображеніе помѣщаетъ свои про-
изведенія въ мѣстахъ, вовсе недоступныхъ органамъ чувствъ, (напр.
въ заоблачныхъ мірахъ, на солнцѣ или на планетахъ). Такимъ обра-
зомъ противодѣйствіе представленій дѣйствительнаго опыта созданіямъ
воображенія устраняется совершенно, если опытъ не укажетъ на дѣй-
ствительную причину, доступную органамъ чувствъ, и этимъ вытѣснитъ
изъ познанія воображаемую причину.

Чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ больше порабощается
этими воображаемыми духами и тѣмъ болѣе трепещетъ предъ ними.
Кругомъ него въ темнотѣ кишатъ эти силы, какъ причины всего, что съ
нимъ только случается и переживается. Эти духи ловятъ его за руки и
платье, манятъ въ лѣса и рѣку и обманомъ лишаютъ жизни. Есть
между ними и такіе, которые служатъ фантасту, помогаютъ творить
даже то, что недоступно обыкновенному человѣку, они вызываютъ ему
для бесѣды духовъ, переселившихся въ вѣчность и т. п. Эти синтезы
воображенія не только пріобрѣтаютъ господство въ психо-интеллек-
туальномъ мірѣ людей съ неразвитымъ умомъ или съ недостаткомъ ре-
ального знанія, какъ у дѣтей и невѣждъ, но нерѣдко являются у
людей, умственно развитыхъ и даже ученыхъ. Къ этому располагаетъ:
а) черезчуръ одностороннее направленіе мыслей и учености, нарушаю-

щее равновѣсіе въ психо-интеллектуальномъ мірѣ, при чемъ не культивированныя его области, для поддержанія равновѣсія, творять синтезы фантазіи. b) Болѣзненная распатанность нервной системы вообще и мозга въ особенности, съ субъективнымъ возбужденіемъ, при чемъ въ интеллектъ не хватаетъ ни энергіи, ни достаточнаго количества вниманія и терпѣнія для правильной работы мышленія, которая сопровождается всегда контролемъ органовъ чувствъ и законовъ, добытыхъ изъ реального знанія. Къ этой группѣ принадлежатъ люди, истощенные развратомъ или ослабляющими болѣзнями (у женщинъ въ половой сферѣ), или рожденныя съ слабой, чрезчуръ впечатлительной нервной системой. c) Люди, перенесшіе въ дѣйствительной жизни или внезапныя сильныя потрясенія, или тѣ, у которыхъ вся жизнь протекаетъ среди мучительныхъ и тягостныхъ впечатлѣній. Подъ вліяніемъ такихъ условій дѣйствительный міръ не только перестаетъ удовлетворять человѣка, но всѣ явленія и отношенія этого міра дѣлаются человѣку настолько тягостными, что онъ, отвернувшись отъ дѣйствительности, ищетъ своими помыслами удовлетворенія въ сверхъестественномъ, въ образахъ фантазіи, отличныхъ отъ дѣйствительности. Такъ объясняютъ историки происхожденіе фанатизма и мистицизма, характеризующихъ средніе вѣка; то же самое откроетъ психологическій анализъ души каждаго изъ нашихъ современныхъ умственно развитыхъ мистиковъ и спиритуалистовъ. Когда образы и комбинаціи фантазіи достигаютъ высшей степени развитія своей силы въ интеллектъ, то они не только вызываютъ интеллектуальныя формаціи и связи реального міра изъ потенціального состоянія, для совмѣстной фантастической работы, но своими движеніями сообщаютъ свои толчки центральнымъ окончаніямъ нервовъ органовъ чувствъ. Съ участіемъ послѣднихъ, образы и сочетанія фантазіи проецируются во внѣшній міръ и являются иллюзіи и галлюцинаціи.

Мы объяснили въ своемъ мѣстѣ причину, почему одні и тѣ же воспріятія и представленія, при воздѣйствіи ихъ объектовъ внѣшняго міра на органы чувствъ, даютъ познаніе настоящаго опыта; а когда эти-же самыя формаціи и ихъ комбинаціи возбуждаются изъ потенціального состоянія къ дѣятельности, безъ участія органовъ чувствъ, то онѣ даютъ только познаніе содержанія этихъ формацій и ихъ связей, безъ всякаго отношенія къ настоящему опыту. Мы объяснили это тѣмъ, что въ первомъ случаѣ съ дѣятельностію формаціи въ интеллектъ совпадаетъ и дѣятельное движеніе въ нервныхъ волокнахъ, вызванное и продолжающееся

подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Пока это движеніе въ нервныхъ волокнахъ продолжается, дѣятельныя представленія и ихъ связи находятся подъ постояннымъ вліяніемъ толчковъ, получающихся изъ периферіи, и потому, на основаніи опыта, человѣкъ въ этихъ случаяхъ познаетъ не только содержаніе этихъ формацій, но и внѣшнее существованіе ихъ объектовъ. Хотя формаціи и синтезы воображенія, при наивысшемъ развитіи ихъ энергіи, возбуждаютъ нервныя волокна органовъ чувствъ не съ периферіи, а напротивъ въ самомъ мозгу, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе фізіологическаго закона, названнаго эксцентрическимъ, это возбужденіе всетаки заставляетъ познаніе помѣщать объекты своихъ образовъ передъ органами чувствъ и вѣрить имъ, какъ реальнымъ объектамъ опыта, и отношеніямъ ихъ, какъ будто происходящимъ въ дѣйствительности. Такіе фантасты слышатъ отчетливо сказанныя имъ на ухо слова, если эти слова, будутъ содержать выраженія ихъ болѣзненныхъ грезъ, видятъ воображаемыя фігуры, созданныя ихъ фантазіей. Если психо-интеллектуальная система нѣсколькихъ людей одинаково болѣзненно настроена, то галлюцинаціи одного человѣка раздѣляются и другими личностями одинаковаго настроенія. Такъ галлюцинація Петра-пустынника нашла миллионы людей, ей повѣрившихъ, и человѣчество заплатило морями своей крови за этотъ бредъ фанатика. Спириты слышатъ и чувствуютъ, какъ духи сотрясаютъ скамьи и дома. Собранные вмѣстѣ, въ обществѣ они видятъ руку духа, принадлежавшую личности, которая за тысячу лѣтъ тому назадъ истлѣла въ землѣ. Они слѣдятъ за ея движеніями и чувствуютъ прикосновеніе ея къ собственному тѣлу.

У всякаго изъ людей съ сложившимся фантастическимъ міровоззрѣніемъ, начиная отъ фетишизма до спиритизма, подъ давленіемъ страха и зависимости отъ силъ и духовъ, стоящихъ внѣ закона, собственное „я“ умалается до крайности и занимаетъ послѣднее и самое ничтожное мѣсто въ міровоззрѣніи мистика. Отъ такой фантазіи нечего ожидать обновленія и идеальнаго возвышенія личности. Придавливая и уничтожая человѣка, такая фантазія создаетъ рабовъ, готовыхъ пресмыкаться передъ каждой силой, все равно, будетъ-ли она воображаемой, или дѣйствительной. Кромѣ этого, подобныя созданія фантазій парализуютъ естественную любознательность человѣка и его инстинктивное стремленіе развить путемъ опыта свое познаніе, т. е. находятъ объективныя причины явленій. Такая фантазія создаетъ

связь, соединяющую все разрозненное въ познаніи и, подкупая своей всеобъемлющей полнотой любознательность, неудовлетворенную развитіемъ реального познанія, заставляетъ ее довольствоваться воображаемой причиной или причинами, управляющими вселенной. Люди, неспособные ни на правильное мышленіе, ни на творчество воображенія, получаютъ отъ другихъ готовые продукты фантазіи и этимъ ограничивается ихъ духовная жизнь. Въ ихъ интеллектѣ, при отсутствіи силы критики и истинныхъ познаній, эти фантазіи играютъ роль дѣйствительнаго знанія. Ими завершаютъ такіе люди свое міровозрѣніе, изъ нихъ истекаютъ ихъ нравственные принципы. Эти образы, сотканные паутиной фантазіи, передавались и передаются отъ одного поколѣнія другому, и чѣмъ дольше они живутъ въ чловѣкѣ и раздѣляются его обществомъ, тѣмъ болѣе они укореняются, тѣмъ деспотичнѣе руководятъ мышленіемъ и пониманіемъ чловѣка, тѣмъ сильнѣе противопоставляются образамъ и истинамъ, полученнымъ отъ изученія реального міра. Самую удобную почву, для развитія и укрѣпленія такихъ сочетаній фантазіи, представляетъ дѣтскій возрастъ, или низшая ступень умственнаго развитія народовъ, гдѣ интеллектуальная сила еще слаба и опытъ дѣйствительнаго едва доступенъ. Тутъ связи воображенія, легко достающіяся познанію, замѣняютъ реальныя познанія, требующія серьезнаго мыслеваго труда и опыта.

Но не одна нужда и невозможность умственнаго развитія мѣшаютъ истинному познанію, заставляя людей, довольствоваться обманчивыми образами фантазіи; тоже самое мы нерѣдко встрѣчаемъ и у людей, пользующихся излишествомъ земныхъ благъ. Дурное воспитаніе и излишнее удовлетвореніе чувственности заставляютъ людей отворачиваться отъ изученія природы и исканія истины. Среди рудиментарныхъ представленій о природѣ и ея законахъ, среди узкаго міровозрѣнія у такихъ людей растетъ и развивается одно только—сила ихъ животнаго „я“. Этому способствуютъ жизнь богатая, полная безпрестанными чувственными наслажденіями. Въ игрѣ фантазіи такихъ людей на первомъ планѣ стоитъ „я“ самой личности, а все остальное,—природа и чловѣчество, дополняетъ только картину, какъ нѣчто придаточное, несущественное. Такъ воспитывались прежніе деспоты. Сотни тысячъ людей, даже миліоны, съ спокойною совѣстью приносились ими въ жертву своему тщеславію или ради ихъ собственной безопасности. Сознаніе чловѣческаго права и дѣйствительнаго достоинства еще меньше могло вырости изъ такого источника фантазіи.

Въ болѣзненномъ состояніи эти два вида грубой человѣческой фантазіи проявляются еще рѣзче. Такъ, въ психіатріи извѣстна параличная форма помѣшательства. Первый періодъ этой болѣзни анатомически выражается приливами крови и воспалениями въ мозгу и его кортикальномъ веществѣ; второй, напротивъ, жировымъ распаденіемъ клѣточекъ коркового вещества и подавленіемъ питанія мозга вообще. Въ продолженіи обоихъ періодовъ больные мало обращаютъ вниманія на внѣшній міръ; продолжается только одно ихъ самочувствіе, которое и дѣлается основой ихъ болѣзненного воображенія. Излишекъ питанія и возбужденія мозговыхъ ячеекъ, нервныхъ волоконъ и самаго представленія „я“, при отсутствіи вниманія къ внѣшнему міру, въ первомъ періодѣ болѣзни окружаютъ это „я“ цѣлымъ ореоломъ величія. Такое фантастическое „я“ больного ничуть не похоже на „я“ того-же человѣка до его болѣзни. Вѣчно нуждавшійся бѣдняга превращается въ Креза и щедро разсыпаетъ свои воображаемые милліоны; всѣхъ боявшійся горемыка вдругъ превращается въ императора, короля и гордо носитъ свою голову, повелѣвая, награждая пріятныхъ ему людей и жестоко наказывая ослушниковъ; это такъ называемая манія величія (*Manie de grandeur*). Во второмъ періодѣ, съ подавленіемъ дѣятельности мозга и интеллектуальной функціи, представленія внѣшняго міра почти перестаютъ дѣйствовать, одно только „я“ черпаетъ изъ сознанія своей немощи атрибуты своего безсилія и ничтожества. Такъ напр., бывшій деспотъ или вліятельный человѣкъ въ нормальномъ состояніи то воображаетъ себя въ этомъ періодѣ болѣзни свиньей и потому ползаетъ и хрюкаетъ, опасаясь побоевъ, то дрожитъ и боится приставленнаго къ нему слуги или безсильнаго ребенка.

Если въ душѣ человѣка разъ уже успѣли вкорениться съ дѣтства ложныя произведенія фантазіи, то они могутъ жить въ немъ даже и тогда, когда серьезнымъ изученіемъ пріобрѣтаются изъ опыта познанія истинныхъ причинъ явленій и ихъ дѣйствительныхъ отношеній, которыя по существу вполне противорѣчатъ прежде развившимся синтезамъ воображенія.

Однако, съ развитіемъ такихъ противоположныхъ силъ въ познаніи, между ними необходимо должна происходить борьба. Кто не испыталъ этой борьбы въ своей собственной душѣ! Ученый и мыслитель въ ночной темнотѣ, на кладбищѣ чувствуетъ свое учащенное сердцебіеніе, не смотря на то, что разумъ въ эти минуты не вноситъ ничего безпокойнаго

въ его душу. Въ этомъ ненормальномъ сердцебіеніи отзывается уже давно умолкнувшій голосъ образовъ изъ сказокъ няни съ страшными картинами вставанія душъ и мертвецовъ изъ своихъ могилъ. Такъ, Сократъ опасался изученія физическихъ явленій и астрономіи, опасаясь возбудить гнѣвъ боговъ вмѣшательствомъ въ ихъ дѣла.

Въ борьбѣ, между силой истиннаго знанія и синтезами воображенія въ интеллектъ, побѣда обуславливается не большей или меньшей вѣрностью мыслевыхъ связей и синтезовъ относительно дѣйствительнаго опыта, а силой, которую успѣла приобрѣсть та или другая, противоположная ей связь въ интеллектъ человѣка. Эта побѣждающая сила можетъ быть или абсолютной, или только временной, вслѣдствіе случайныхъ условій. Если нерѣдко развившіеся объективные синтезы и продуцируемая ими сила реального знанія предметовъ и законовъ ихъ отношеній въ природѣ и оказываются сильнѣе и заставляютъ замолкнуть въ душѣ ложный голосъ фантазіи, вводящій въ заблужденіе, то первые до тѣхъ поръ только сохраниютъ свой перевѣсъ, пока не ослабѣютъ ихъ силы сравнительно съ послѣдней, или пока синтезы фантазіи не станутъ сильнѣе первыхъ. Но безсиліе прежде развитыхъ лжевѣрованій и заблужденій, вызванныхъ синтезами воображенія въ борьбѣ съ вновь развившимся истиннымъ знаніемъ, которое выразилось прекращеніемъ вліянія первыхъ на мышленіе человѣка, не доказываетъ, что синтезы воображенія, прежде жившіе и проявлявшіе въ душѣ свою дѣятельность, умерли и уничтожились. Побѣждающая сила истиннаго разума въ этихъ случаяхъ только парализуетъ силу синтезовъ воображенія въ интеллектъ; но и побѣжденная она продолжаетъ жить въ человѣкѣ, какъ часть его психоинтеллектуального органа; это доказывается тѣмъ, что при обстоятельствахъ, ослабляющихъ разумъ человѣка, какъ напр., болѣзнь, душевное потрясеніе, или глубокая старость, — послѣдняя, требующая для своей дѣятельности гораздо меньше интеллектуальной силы, нежели первые, освободившись отъ своего прежняго тормазы — истиннаго разума, вслѣдствіе его ослабленія, начинаетъ снова проявлять свою прежнюю силу въ познаніи. Сброшенный было и осмѣянный кумиръ снова возстановляется и внушаетъ страхъ и раболѣпіе. Ньютонъ, потрясенный сильнымъ горемъ въ глубокой старости, началъ писать апокалипсисъ. Также наоборотъ, при болѣзненномъ возбужденіи фантазіи, перевѣсъ ея силы побѣждаетъ до того не ослабѣвшій разумъ. Такъ нерѣдко разумъ человѣка

долго борется съ галлюцинаціей, признавая ея ложность, но подъ конецъ разумъ падаетъ въ неровной борьбѣ и безумная галлюцинація часто овладѣваетъ всѣмъ интеллектомъ.

Изъ вышесказаннаго мы видѣли, что стимулъ, вызывающій соединеніе интеллектуальныхъ элементовъ силой фантазіи, заключается въ невозможности этихъ разрозненныхъ элементовъ соединиться путемъ нормального мышленія, образующаго свои синтезы подъ давленіемъ реального опыта. Но эта невозможность образованія эмпирическихъ синтезовъ, содержащихъ познаніе дѣйствительнаго и объективнаго міра можетъ обусловливаться совершенно различными мотивами и состояніями психо-интеллектуальной сферы человѣка.

Такъ она обусловливается во 1) недостаткомъ объективнаго интеллектуальнаго матеріала для образованія синтезовъ, отвѣчающихъ дѣйствительности: а) при абсолютной слабости интеллектуальной функціи человѣка, вслѣдствіе которой у него недостаетъ вниманія и терпѣнія всматриваться своими органами чувствъ въ міръ опыта, какъ напр. у людей, слабоумныхъ отъ природы; б) вслѣдствіе направленія съ дѣтства дѣятельности организма въ мышечную сторону, при чемъ опытъ и объективное изученіе природы совершенно не культивируются, и формаціи, полученныя черезъ органы чувствъ, остаются слабыми и разрозненными, и с) вслѣдствіе преобладанія стремленія къ чувственности у человѣка, при легкомъ удовлетвореніи этой чувствительности, при чемъ онъ, какъ сытое животное, не интересуется внѣшнимъ міромъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ работа воображенія ограничивается только низшими формаціями, при чемъ онѣ самобытно вступаютъ въ связи, противныя дѣйствительности, или эти связи принимаются у такихъ людей уже готовыми отъ другихъ, господствуя въ слабомъ интеллектѣ, за неимѣніемъ объективныхъ синтезовъ, и пользуясь полной вѣрой.

Во 2) когда человѣкъ высшаго развитія, обладая всѣми выработанными синтезама объективнаго мышленія въ данной области и при совершенной своей способности къ опыту, не можетъ понять причинной связи, соединяющей всѣ явленія той области, потому что нѣкоторыя части опыта, вслѣдствіе недоступности объективному изученію, не допускаютъ реального познанія. Въ этихъ случаяхъ самыя высшія формаціи, представляющія рубежъ положительнаго человѣческаго знанія, помогаютъ соединенію разрозненнаго во едино силой воображенія, не нуждающагося въ объективномъ опытѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ

разрозненность мыслевыхъ элементовъ, независимо отъ ихъ содержанія, дѣйствуетъ одинаково на чувство, понуждая воображеніе черезъ его посредство пополнять недостающія связи своими собственными. Тутъ продукты воображенія, не смотря на ихъ содержаніе, одинаковымъ образомъ удовлетворяютъ нуждающихся въ нихъ какъ невѣжду, такъ и ученаго мыслителя, и именно тѣмъ, что прекращаютъ мыслевую разрозненность, неудовлетворяющую чувство, и, хотя искусственно, восстанавливаютъ нарушенное равновѣсіе. Но такъ какъ эта связь порождается не дѣйствительнымъ опытомъ и не правильной мыслевой работой, то она и не даетъ дѣйствительнаго знанія, а одно только фиктивное. Разница въ послѣдствіяхъ такого знанія въ процессѣ мышленія и пониманія зависитъ отъ того, принимаетъ-ли *разумъ* участіе, при образованіи синтезовъ воображенія, въ дѣятельной интеллектуальной группѣ, т. е., подчиняется ли работа воображенія высшимъ интеллектуальнымъ объективнымъ синтезамъ, развившимся до того въ интеллектѣ, путемъ правильнаго мышленія, или работа воображенія совершается безъ всякаго содѣйствія послѣднихъ силъ, вслѣдствіе ихъ неразвитія или въ состоянн ихъ подавленія. Въ первомъ случаѣ произведенія фантазіи, подъ контролемъ силы разума и положительнаго знанія, познаются только возможными, гадательными или фиктивными образами; если же воображеніе работаетъ свободно, безъ этого контроля, то и связи воображенія порождаютъ такую же вѣру, какъ и всякая другая истинная интеллектуальная связь, и вслѣдствіе этого человѣкъ на каждомъ шагу вводится въ заблужденіе своей фантазіей.

Въ 3) когда человѣкъ, утомленный и разочарованный дѣйствительностью, сознательно отвращивается отъ нея, и въ образахъ и сочетаніяхъ воображенія онъ ищетъ большаго удовлетворенія своимъ идеальнымъ стремленіямъ.

Въ 4) когда реальная мыслевая работа дѣлается невозможной: а) вслѣдствіе недѣятельнаго состоянія всѣхъ наличныхъ реальныхъ синтезовъ, прежде выработанныхъ, или при совершенномъ ихъ отсутствіи, какъ у дѣтей и малоумныхъ и б) при недѣятельности органовъ чувствъ, т. е., когда познаніе дѣйствительнаго міра, вслѣдствіе прекращенія перцепціи, дѣлается невозможнымъ, какъ напр. во снѣ, при подавленнн нормальной интеллектуальной функціи болѣзненнымъ измѣненіемъ кровообращенія и питанія мозга или его отравленія вошедшими

въ него вмѣстѣ съ кровію ядовитыми элементами, каковы опій, гашишъ и т. п. Michea, Van Swieten и др. цитируютъ много примѣровъ вдохновенія обыкновенныхъ людей поэтическимъ даромъ творчества во время лихорадочнаго бреда или маниакальнаго приступа, тогда какъ въ нормальномъ состояніи у этихъ людей эта способность совершенно терялась. У Тассо во время припадковъ сумасшествія, которыми онъ нерѣдко страдалъ, творчество было несравненно богаче, чѣмъ тогда, когда онъ былъ въ нормальномъ состояніи.

Огромная разница между работой фантазіи въ слабомъ и сильномъ интеллектѣ состоитъ въ томъ, что первый удовлетворяется этой работой и дѣлаетъ ее своей силой познанія, а второй, т. е. интеллектъ мыслителя и ученаго, старается провѣрить, если возможно, путемъ опыта, образовавшуюся въ немъ творчествомъ воображенія связь. Въ мыслителѣ и ученомъ на пути ихъ стремленія къ познанію истины только тогда приходится на помощь творчество воображенія, когда для человѣческаго ума дѣлается уже невозможнымъ идти дальше правильнымъ путемъ опыта и эмпирическаго мышленія. Это образованіе силой воображенія новыхъ комбинацій и синтезовъ дается совмѣстной работой въ мышленіи разрозненныхъ элементовъ познанія, стремящихся къ соединенію съ готовыми реальными синтезами другихъ элементовъ, но сродныхъ съ первыми по содержанію. Внутренней работой воображенія связь послѣднихъ синтезовъ, добытая путемъ опыта, соединяетъ первые въ такой-же синтезъ, независимо отъ опыта. Этотъ способъ соединенія силой воображенія, причемъ познанныя отношенія объектовъ приписываются сроднымъ объектомъ съ неизвѣстными отношеніями называется аналогіей. Разъ эта связь возстановилась, — ученый, вѣря только дѣйствительному знанію, стремится подвергнуть опыту эту гадательную связь, съ цѣлью ея подкрѣпленія или уничтоженія. Такимъ образомъ, человечество съ помощью воображенія обогатилось множествомъ открытій, развившихъ положительное знаніе. Возьмемъ слѣдующій поразительный примѣръ, подтверждающій только что сказанное. Громъ и молнія, съ перваго появленія мышленія, возбуждали пытливость челоѣка. Эти явленія поражали его умъ величіемъ своего проявленія, его чувство потрясающимъ эффектомъ и нерѣдко приносимой ими гибелью, умерщвляя людей и сожигая ихъ жилища. Безъ сомнѣнія, во всякое время люди старались познать эти явленія, найти ихъ причину. Но, недоступные прямому опыту, онѣ были недосыгаемы для реального знанія. Остает-

лось только восполнить пробѣлъ знанія воображеніемъ. Въ вѣрова-
ніяхъ не только прежнихъ, но и настоящихъ людей, мы встрѣчаемъ
различныя произведенія фантазіи, которыми объясняются и понимаются
эти явленія. Такъ, громъ объясняется ѣздой боговъ по небесамъ въ ко-
лесницахъ, а молнія — метаніемъ Перуномъ раскаленныхъ стрѣлъ и т. п.
Только съ XVIII столѣтія эти явленія твердо соединились между собою
силой воображенія ученаго мыслителя. Безъ сомнѣнія, что въ головѣ
этого мыслителя связью могло служить не представленіе темнаго царства
духовъ, а представленія, полученныя изъ научнаго опыта. Этотъ ученый
былъ Франклинъ. Явленія грома и молніи возбудили къ дѣятельности
въ его мысленіи явленія треска и искры, получаемыя при разряженіи
электрической машины. Не смотря на огромную количественную разницу
между этими двумя группами явленій, въ нихъ было много сходнаго.
Въ этой группѣ, вслѣдствіе однородности двухъ соединенныхъ эле-
ментовъ, извѣстная связь одной группы явилась связью другой, и слѣд-
ствіемъ этого была не вѣра, что громъ и молнія суть также проявленія
электричества, какъ трескъ и искра, наблюдаемые при разряженіи элек-
трической машины, — а предположеніе, потому что въ душѣ, привычной
къ реальнымъ связямъ опыта, связь воображенія безъ провѣрки не воз-
буждаетъ вѣры. Для ученаго одинъ только опытъ могъ превратить
связь фантазіи въ реальную связь, заслуживающую вѣры. Изслѣдованіе
тучъ предъ грозю доказало присутствіе въ нихъ электричества, проти-
воположнаго электричеству земли. Опытъ показалъ, что вначалѣ вполне
достаточно изолирующаго воздуха для того, чтобы это электричество
не соединилось; но при большемъ насыщеніи тучъ электричествомъ, эта
преграда побѣждается и оба противоположныхъ электричества соеди-
няются при явленіяхъ грома и молніи. Такимъ образомъ связь вообра-
женія перешла въ реальную связь знанія. Послѣдствіемъ такого пере-
хода явилась возможность управлять этой страшной силой природы,
примѣняя къ ней знаніе, вынесенное человѣкомъ изъ изслѣдованія
свойствъ электричества и электрической машины. Такъ, люди начали
устанавливать громоотводы, избѣгать во время грозы сильнаго воздуш-
наго движенія, стали стараться устранять всѣ условія, притягиваю-
щія къ предмету электрическое теченіе. Для полученія этой связи
необходимо было не только множество вѣковъ человѣческой жизни, и
не только была нужна гениальная голова, въ которой по одному лишь
слабому средству содержанія и слѣдованія соединились въ одной дѣя-

тельной ассоціаціи двѣ послѣдовательныя группы двухъ явленій, и въ которой уже существующая связь одной группы соединила силой воображенія другую до того разрозненную группу представленій; но для того, чтобы этотъ интеллектуальный процессъ могъ совершиться въ головѣ Франклина, необходимо нужно было, чтобы прежде наука выработала знаніе электричества и создала электрическую машину, безъ которой не могла бы появиться связь, объясняющая явленія бывшія раньше совершенно недоступными уму человѣка.

Возьмемъ другой примѣръ работы научнаго воображенія. Въ наукѣ выработалась изъ реальнаго опыта индукція, гласящая что: прозрачныя и удобосгораемыя тѣла имѣютъ атрибутъ сильнаго преломленія свѣтовыхъ лучей. Съ перестановкой членовъ этой индукціи получается слѣдующее знаніе: тѣла, очень сильно преломляющія лучи свѣта, состоятъ преимущественно изъ удобосгораемыхъ веществъ. Никому никогда не приходило въ голову, что алмазъ можетъ горѣть. Въ геніальномъ интеллектѣ Ньютона представленіе алмаза, соединеннаго съ атрибутомъ сильнѣйшаго преломленія лучей свѣта, вызвало къ дѣятельности вышеприведенную индукцію. Между этимъ общимъ синтезомъ и представленіемъ алмаза съ атрибутомъ сильной преломляемости свѣтовыхъ лучей произошло соединеніе вслѣдствіе однородности атрибутовъ. Воображеніе соединило алмазъ съ другой частію общей индукціи, т. е. съ атрибутомъ удобосгораемости. Это соединеніе дало Ньютону предположеніе, что и алмазъ долженъ быть удобосгораемъ. Опытъ подтвердилъ подобное предположеніе и показалъ изумленному міру странный фактъ, что алмазъ и уголь суть по содержанію родные братья.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что воображеніе служитъ какъ источникомъ заблужденій и суевѣрій, преграждающихъ путь къ реальному знанію, такъ и проводникомъ человѣческому генію на пути открытій и расширенія истиннаго знанія. Эта разница въ результатахъ воображенія зависитъ только отъ отношенія работы воображенія къ развившимся силамъ дѣйствительнаго знанія, а слѣдовательно и отъ различной силы вѣры, проявляемой въ познаніи этими связями различнаго происхожденія.

II) До сихъ поръ мы видѣли, какъ у человѣка, стоящаго лицомъ къ лицу съ природой, отдѣльные элементы познанія, полученные отъ нея черезъ посредство органовъ чувствъ, сочетались въ мышленіи силой фантазіи, будучи не въ состояніи соединиться путемъ дѣйствительнаго

опыта. Кромѣ этихъ видовъ работы человѣческаго воображенія, есть еще одинъ ея видъ, который можно назвать работой свободной фантазіи. Какъ будто эманципируясь отъ дѣйствительнаго опыта и познанныхъ законовъ бытія и творчества въ природѣ, свободная фантазія творитъ свой новый фантастическій міръ. Въ первыхъ случаяхъ воображеніе соединяло разрозненное знаніе дѣйствительнаго опыта, стремясь узнать истину реального существованія. Ея творчество, за невозможностію познать истину, представляло только суррогатъ этой истины. Послѣдняя-же работа воображенія, хотя совершается тѣми же самыми интеллектуальными интуитивными формаціями, взятыми изъ опыта, но комбинаціи такой фантазіи создаются уже безъ контроля органовъ чувствъ и законовъ, управляющихъ явленіями въ дѣйствительности; онѣ являются независимо отъ послѣднихъ, и даже часто создаются, какъ будто наперекоръ, съ полнымъ сознаніемъ разлада между этими комбинаціями творчества фантазіи и дѣйствительностію. При такой работѣ фантазіи, человѣкъ входитъ, такъ сказать, въ нутро самого себя, и передъ духовнымъ окомъ фантазера опускается завѣсъ, закрывающій отъ него весь дѣйствительный міръ. Результаты этой работы такъ-же точно, какъ и въ предъидущихъ случаяхъ, будутъ различны по своему качеству и отношенію къ дѣйствительному знанію. Эта разница будетъ зависѣть не только отъ свободы самого творчества фантазіи, но также и отъ возможности взаимодѣйствія ея готовыхъ образовъ съ силами чистаго разума, насколько они выдерживаютъ его критику и будетъ обуславливаться степенью развитія и дѣятельности высшихъ умственныхъ силъ въ каждомъ фантазирующемъ индивидѣ. Только послѣ удовлетворительнаго взаимодѣйствія продуктовъ фантазіи съ разумомъ и послѣ освѣщенія ихъ истиннымъ знаніемъ, эти продукты занимаютъ принадлежащее имъ мѣсто въ интеллектѣ и могутъ принести огромную пользу; безъ этого освѣщенія неразумныя связи фантазіи пріобрѣтаютъ господство въ сознаніи и возбуждаютъ, не смотря на свое противорѣчіе дѣйствительности, такую же вѣру, какъ и познаніе опыта, вводя въ заблужденіе ихъ носителя.

Такъ, во снѣ, когда покоятся органы чувствъ и прежде выработанныя силы познанія, сновидѣнія познаются человѣкомъ точно такъ, какъ будто онъ переживаетъ ихъ въ дѣйствительности. Согласно своему содержанію онѣ то заставляютъ его страдать и трепетать, то радоваться, то кричать и даже дѣйствовать (соннабулы). Съ пробужденіемъ воз-

вращается опытъ дѣйствительнаго, и сновидѣніе со всѣмъ его дѣйствіемъ на душу человѣка исчезаетъ, какъ мракъ съ первыми лучами восходящаго солнца.

Но когда познаніе дѣйствительности дѣлается невозможнымъ, вслѣдствіе болѣзни мозга, или расстройства аперцепціи, когда прежняя сила познанія, добытая опытомъ, подавлена или измѣнена болѣзною, то бредъ продолжается также на яву. Больные бѣгутъ и спасаются отъ воображаемаго преслѣдованія; нерѣдко, подъ вліяніемъ страха, они бросаются изъ окна, страдаютъ и плачутъ отъ воображаемаго несчастія, гордятся величіемъ, созданнымъ ихъ фантазіей. Эта работа воображенія называется въ психіатріи бредомъ (*delirium, phantasmata*). Такое болѣзненное воображеніе не только соединяетъ въ больномъ интеллектъ представленія въ цѣлые ряды съ необыкновенной быстротой, безпорядочно и непослѣдовательно, и не только смѣняетъ безпорядочно одни другими, но даже создаетъ представленія внѣшнихъ объектовъ, которыхъ или нѣтъ въ данномъ только опытѣ или которые вообще не существуютъ въ природѣ. Это такъ называемыя галлюцинаціи. Передъ глазами то возстаетъ тотъ или другой образъ, то, несмотря на полнѣйшую тишину, слышатся громкіе и ясные голоса, произносящіе отдѣльныя слова или цѣлыя фразы. Въ началѣ появленія такихъ галлюцинацій, когда сила разума и познанія дѣйствительнаго опыта еще неослаблена, больные сами сознаютъ, что преслѣдующія ихъ галлюцинаціи не реальны; но мало по малу, съ подавленіемъ разума и познавательной силы и при учащенномъ повтореніи этихъ галлюцинацій, послѣднія дѣлаются преобладающими въ познаніи, и больной вѣритъ имъ, какъ мы вѣримъ въ то, что дѣйствительно узнаемъ изъ опыта съ помощью органовъ чувствъ. Мать преспокойно убиваетъ своихъ дѣтей, подчиняясь слышимому ея приказу Бога, требующаго этой жертвы; фантастъ бросается въ воду, видя тамъ прекрасное существо, манящее его къ себѣ. Въ другихъ случаяхъ болѣзненная фантазія не создаетъ всего образа, а только видоизмѣняетъ представленія дѣйствительнаго объекта опыта. Такъ, одинъ больной жаловался мнѣ, что на улицѣ ему люди часто показываютъ языкъ. Бѣлые предметы въ ночной темнотѣ фантазеры принимаютъ за привидѣнія, горѣніе фосфора на могилахъ — за души умершихъ и т. п. Такіе продукты фантазіи, въ которыя она влагаетъ только свою часть, соединяющуюся съ представленіями дѣйствительности называются иллюзіей.

Когда, вслѣдствіе недостатка въ умственномъ развитіи, представленія объектовъ и ихъ отношеній въ дѣйствительномъ опытѣ не собираются въ дѣятельныя группы для правильной совмѣстной работы, то недостатокъ связей между разрозненными элементами замѣняется готовыми продуктами фантазіи, эти послѣдніе играютъ точно такую же роль въ мышленіи, какъ и интеллектуальныя связи, порожденныя дѣйствительнымъ опытомъ. У такихъ людей не смотря на дѣйствія всѣхъ ихъ органовъ чувствъ и при полной возможности перцепціи, комбинація воображенія, сложившаяся самостоятельно или полученная готовою изъ устъ другихъ людей, или изъ книгъ, вызываетъ вѣру наравнѣ съ тѣмъ, что познается изъ дѣйствительнаго опыта, хотя-бы здѣсь являлось полное противорѣчіе тому, что познается органами чувствъ. Наблюдая за рассказами дѣтей, всякій убѣдится, что они очень часто смѣшиваютъ созданія своей собственной фантазіи, или заимствованное ими отъ другихъ съ дѣйствительно пережитымъ. Дѣти, которымъ читали про охоту на дикихъ звѣрей, рассказывали мнѣ потомъ, какъ они сами охотились въ лѣсу и убили волка и т. п. Бенеке ¹⁾ приводитъ рассказъ извѣстнаго философа и врача S. B. Erhard'a, что онъ до 7-го года очень часто смѣшивалъ съ воспоминаніями дѣйствительности свои сновидѣнія; часто онъ сильно спорилъ съ своими родителями, рассказывая имъ о посѣщеніи извѣстныхъ лицъ, или увѣряя въ томъ или другомъ событіи, которыя ему только пригрезились во снѣ. Подобное рассказываетъ Фейербахъ ²⁾ объ извѣстномъ Каспарѣ Гаузерѣ, что онъ свои сновидѣнія не признавалъ сначала таковыми, а передавалъ ихъ учителю, какъ дѣйствительно случившееся, и только впоследствии научился отличать сновидѣнія отъ дѣйствительности. Мнѣ нерѣдко случалось присутствовать при наказаніяхъ дѣтей за ложь, когда эти маленькіе поэты съ вѣрой и убѣжденіемъ выдавали свои грезы за дѣйствительность.

Изъ только что сказаннаго дѣлается понятнымъ, почему дѣтскій возрастъ представляетъ такую плодородную ниву, на которой все фантастическое и чудесное глубоко пускаетъ свои корни. Полученныя отъ другихъ синтезы фантазіи, укрѣпившись въ дѣтской душѣ еще до развитія ума и положительныхъ знаній, впоследствии мѣшаютъ этому

¹⁾ Fr. Ed. Beneke. Erziehungs und Unterrichts-Lehre S. 100 J. 1864.

²⁾ Kasper Hauser. Beispiel eines Verbrechens am Seelenleben des Menschen J. 1832. S. 92.

развитію и уродуютъ его. Если даже въ послѣдствіе въ такомъ чело-
вѣкѣ положительныя знанія при помощи правильной культуры ума
могутъ достигнуть извѣстной степени развитія, то укоренившіяся въ
нихъ съ дѣтства фантастическія вѣрованія, оставаясь болѣе сильны-
ми въ интеллектѣ дѣлаются могучимъ рычагомъ, который направляетъ
міровозрѣніемъ и пониманіемъ такого человѣка въ продолженіи всей его
будущей жизни. Съ этой силой не могутъ въ послѣдствіи справиться не
только дѣйствительные факты опыта, опровергающіе созданія фантазіи,
но и доказательства и несомнѣнныя истины науки ясныя, какъ день, для
нормальнаго мышленія, если только онѣ идутъ въ разрѣзъ съ тѣми вѣро-
ваніями. Вотъ почему такъ ревниво оберегаютъ свое право на воспитаніе
дѣтей католическое духовенство и всѣ партіи, стремящіяся привить дѣт-
ской душѣ то, что противно здравому мышленію и что вообще не выдер-
живаетъ критики. Пути, налагаемые такими педагогами съ дѣтства на
пониманіе и познаніе воспитанниковъ болѣею частію тормозятъ ихъ
до смерти; только отъ природы могучей интеллектуальной силѣ удастся
разорвать эти оковы и получить свободу нормальнаго мышленія и объ-
ективнаго пониманія.

Нерѣдко, даже очень развитые члены нашего общества, въ слѣдствіе
своего неправильнаго воспитанія, на каждомъ шагу поражаютъ здрава-
го наблюдателя этимъ незаконнымъ сожительствомъ развитаго ума и
правильныхъ научныхъ познаній съ самыми нелѣпыми образами бессмы-
сленной фантазіи, которые оспариваютъ другъ у друга вѣру ихъ носи-
теля. Очень часты случаи, гдѣ первые совершенно побѣждаютъ послѣд-
ніе и личность въ періодѣ полнаго умственнаго развитія не представля-
етъ ни малѣйшихъ признаковъ суевѣрія и предрасудковъ; но въ послѣд-
ствіи ослабленіе высшихъ мыслевыхъ силъ, какъ это обыкновенно бы-
ваетъ послѣ тяжелой болѣзни, послѣ психическаго потрясенія, или отъ
старости, случается часто, что прежніе образы фантазіи, освободившись
отъ своего законнаго повелителя, снова заявляютъ себя съ полной силой
въ мышленіи и характерѣ человѣка. Сказанное должно убѣдить воспи-
тателя, что охраненіе души воспитанника отъ подобныхъ продуктовъ во-
ображенія не менѣе важно, какъ и самое развитіе разума и знанія. Пред-
расудки и предвзятая идеи фантазіи точатъ, какъ червь, самый ко-
рень разума. Каждый дѣльный педагогъ согласится съ тѣмъ, что и са-
мый не блестящій умъ, самыя посредственныя познанія, не изуродован-
ныя предрасудками и заблужденіями, дадутъ гораздо лучше результа-

ты, нежели богатія умственныя способности и обширное знаніе, находящіяся въ постоянной борьбѣ съ предрасудками навязанными еще съ дѣтства, съ идеалами фантазіи, чуждыми опыта и дѣйствительности, которыя живутъ въ одной и той же душѣ и безпрестанно оспариваютъ другъ у друга вѣру ихъ носителя.

Люди не развитые, съ слабой интеллектуальной функціей, вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, какъ дѣти, безпрестанно смѣшиваютъ въ своемъ познаніи дѣйствительность съ кажущимся.

Совершенно другое происходитъ, когда работа свободной фантазіи совершается подъ контролемъ разума, или, что тоже, подъ давленіемъ синтезовъ, развившихся изъ дѣйствительнаго опыта жизни и наукъ. Тогда послѣдніе остаются господствующими хозяевами въ мышленіи, пользующимися вѣрой; сочетанія же и продукты фантазіи допускаются этими синтезами только для существованія въ опредѣленномъ мѣстѣ и то лишь настолько, насколько отъ этого не будетъ страдать истинное знаніе и пониманіе, и насколько эти продукты фантазіи удовлетворяютъ интеллектуальному чувству въ его стремленіи къ созданію полного міровоззрѣнія, невозможнаго при настоящемъ состояніи положительнаго знанія человѣчества.

Кромѣ того, такъ какъ идеальныя стремленія человѣчества ко всему нравственному и прекрасному не удовлетворяются дѣйствительностью, гдѣ духовная слабость человѣка не допускаетъ его до идеальной высоты и гдѣ къ истинно-прекрасному безпрестанно примѣшивается пошлое и некрасивое, то только одно творчество воображенія въ состояніи удовлетворить возвышеннымъ потребностямъ человѣческой души. Оно творитъ цѣльныя, идеальныя образы и идеи чисто нравственныя, отрываетъ прекрасное отъ пошлаго, сочетавшееся въ дѣйствительной природѣ во многихъ предметахъ и личностяхъ и соединяетъ прекрасное въ цѣльныя творенія, тщательно очищая ихъ отъ того, что оскорбляетъ въ человѣкѣ эстетическое и нравственное чувство. Хотя разумъ и познаетъ фиктивность этого творчества и хотя онъ могъ бы силой своей критики разбить въ прахъ эти произведенія фантазіи, но пораженный величіемъ этихъ произведеній и благотворнымъ вліяніемъ ихъ на душу, страдающую отъ несовершенства дѣйствительности, разумъ скромно умолкаетъ передъ этими произведеніями и даетъ имъ полную свободу дѣйствія, пока онъ остается въ своей настоящей роли и не туманять познаніе истины. Но такъ какъ разумъ и знаніе—эти регуляторы

воображенія, представляютъ въ каждой личности различную силу, какъ по объему, развитію, такъ и по направленію и такъ какъ сила творчества воображенія зависитъ отъ совершенно-индивидуальныхъ психо-интеллектуальныхъ условий, то дѣлается понятнымъ, что произведенія фантазіи должны давать разнообразныя индивидуальныя разницы какъ въ качествѣ творчества, такъ и въ силѣ ихъ вліянія на душу человѣка и на его міровоззрѣніе.

Воображеніе въ своемъ свободномъ синтезѣ, удовлетворяя болѣе, чѣмъ сама дѣйствительность высшимъ человѣческимъ чувствамъ, интеллектуальному, или этическому, или эстетическому, находитъ въ чувствѣ не только защитника своего бытія, но и безпрестаннаго стимула къ новой работѣ фантазіи. Это творчество, овеществляясь и олицетворяясь въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ и поэзіи, служитъ для развитаго человѣка неисчерпаемымъ источникомъ эстетическихъ и этическихъ наслажденій. Свободное творчество поэта создаетъ характеры, отношенія людей и картины природы, пользуясь при этомъ только матеріаломъ, прямо дѣйствующимъ на то или другое чувство, и выпуская все то, что могло бы ослабить нужный эффектъ. Музыка представляетъ поразительный примѣръ творчества воображенія. Октава содержитъ всего шесть тоновъ и два полутона и весь богатый міръ музыкальныхъ мелодій и гармоній, такъ пріятно волнующихъ или сильно потрясающихъ человѣческую душу, родится только отъ разнообразныхъ комбинацій этого незначительнаго числа звуковыхъ элементовъ силой всемогущей фантазіи. Этическое чувство возвышенной души напрасно ищетъ удовлетворенія даже и въ лучшихъ классахъ общества. Вся жизнь прошедшаго и настоящаго общества представляетъ собою тотъ неприглядный видъ амальгамы, гдѣ порокъ и добродѣтель, великодушіе и эгоизмъ, идеальность и возмутительный цинизмъ до того тѣсно перемѣшались между собою, что почти ни въ одной личности самый тонкій анализъ не въ состояніи отдѣлить другъ отъ друга эти противоположныя элементы, такъ тѣсно перепутавшіеся въ душѣ современнаго человѣка. Въ одномъ и томъ же лицѣ высокая добродѣтель очень часто сочетается съ признаками эгоизма и порочности, и нерѣдко, что кажется высоко-нравственнымъ, вытекаетъ изъ грязнаго источника эгоизма. Только одно воображеніе въ состояніи выбрать свой матеріалъ изъ этой хаотической смѣси. Изъ многихъ нравственныхъ чертъ, разбросанныхъ въ отдѣльных членахъ общества, воображеніе творитъ нравственныя идеалы,

блещущіе своей безукоризненной чистотой и возвышающіе душу стремленіемъ къ обновленію и соединенію съ тѣми высокими идеалами.

Фантазія создаетъ образъ порока во всей его отвратительной наготѣ и тѣмъ внушаетъ къ нему ничѣмъ неподкупаемое отвращеніе. Предугадывая его источники, отношенія и послѣдствія, недоступныя простому наблюденію, творчество фантазіи воспроизводитъ ихъ передъ глазами читателя и тѣмъ внушаетъ боязнь и опасеніе ко всему, что стоитъ близко къ этому пороку и родственно ему.

Воображеніе знакомитъ человѣка съ тѣмъ лучшимъ міромъ, котораго онъ напрасно ищетъ въ дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіемъ въ душѣ одного міра съ другимъ порождаетъ въ человѣкѣ недовольство существующимъ, т. е. его пессимизмъ. Въ произведеніяхъ фантазіи душа, разочарованная реальнымъ міромъ, ищетъ отдохновенія и подкрѣпленія силъ для дальнѣйшей борьбы и труда. Есть личности, одаренныя энергіей воображенія и сильными идеальными стремленіями. Эти люди почти постоянно живутъ опьяняющими продуктами воображенія и также неохотно нисходятъ въ своихъ думахъ на дѣйствительную почву, какъ и опіофагъ, мучительно пробуждается отъ сладкихъ грезъ, навѣянныхъ опіемъ.

Но если внѣшняя дѣйствительность, часто не отвѣчаетъ твореніямъ фантазіи, то изъ этого никакъ нельзя заключать о фиктивности самыхъ образовъ и синтезовъ воображенія въ нашей душѣ, какъ это дѣлаютъ философы и психологи. Наша теорія поучаетъ, что синтезы и образы воображенія въ насъ живутъ также реально, какъ и разившіеся изъ дѣйствительнаго опыта. Разница между ними, какъ мы видѣли, не существенная и не отличающаяся свойствами каждаго рода этихъ синтезовъ въ интеллектѣ. Она состоитъ не въ нихъ, а только въ отношеніяхъ этихъ синтезовъ къ дѣйствительности при ихъ зарожденіи и послѣ ихъ образованія, когда тѣ и другія интеллектуальныя связи начинаютъ примѣняться съ помощію нашихъ органовъ чувствъ къ объективному внѣшнему опыту, или когда эти синтезы приходятъ во взаимодействіе съ высшими психическими силами, съ законами бытія, развитыми въ душѣ объективнымъ мышленіемъ. Интеллектуальная-же реальность синтезовъ фантазіи, какъ частей психо-интеллектуальнаго органа, доказывается тѣмъ, что они живутъ въ насъ и проявляютъ свою силу въ борьбѣ съ положительнымъ знаніемъ. Приведенные силой послѣдняго къ бездѣйствію, они остаются жить въ насъ въ бессознательномъ состоя-

ни и, съ ослабленіемъ ихъ подавляющей силы, черезъ нѣсколько лѣтъ они снова начинаютъ проявлять свою силу. Синтезы воображенія такъ же, какъ и дѣйствительнаго опыта, приводятъ въ движеніе наши чувства, вызываютъ дѣйствія и направляютъ ихъ нерѣдко наперекоръ велѣнію разума не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но иногда опредѣляютъ теченіе жизни и исторію даже цѣлыхъ народовъ. Многіе историческіе перевороты и потрясенія въ жизни народовъ вызывались нерѣдко только одними произведеніями фантазіи. Появляясь то въ формѣ религіозныхъ вѣрованій, или мистическихъ галлюцинацій, то подъ видомъ стремленія къ идеаламъ, созданнымъ фантазіей, эти незаконныя дѣти человѣческаго мышленія дѣлаются двигателями войнъ, междоусобій и угнетенія. Воображеніе больше разума до сихъ поръ управляло жизнію человѣчества и еще долго будутъ господствовать, вопреки законамъ дѣйствительности и убѣжденіямъ человѣческаго разума.

Наконецъ, изученіе природы во всѣхъ ея проявленіяхъ и областяхъ даетъ намъ только разрозненные факты безъ полной связи всѣхъ частей знанія въ одно цѣлое. Каждая наука имѣетъ свои пробѣлы, не пополненные опытомъ, которые, дѣйствуя на интеллектуальное чувство человѣка, вынуждаютъ его восполнить эти пробѣлы силой воображенія, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ это невозможно, сдѣлать путемъ реального опыта. Къ этой-же силѣ воображенія, какъ мы видѣли, наука прибѣгаетъ еще для того, чтобы черезъ пропасть неизвѣстности перейти снова на твердую, реальную почву знанія. Но подобная работа воображенія тогда только бываетъ правильною и полезною, когда она не только не игнорируетъ опытъ, но ищетъ возможную поддержку и подтвержденіе во всѣхъ выработанныхъ законахъ, управляющихъ дѣйствительнымъ опытомъ; когда ни одинъ фактъ опыта не противорѣчитъ данному творчеству научнаго воображенія; когда соединяющая работа воображенія начинается тамъ, гдѣ кончается возможность этого соединенія разрозненнаго, дѣйствительнымъ опытомъ. Воображеніе, имѣя возможность начать свою игру на каждой ступени человѣческаго знанія, нерѣдко является камнемъ преткновенія на пути, ведущемъ къ отысканію истины. Нерѣдко недостатокъ энергіи правильной работы мышленія и научнаго изслѣдованія, недостатокъ положительнаго знанія и расположеніе къ фантазіи заставляли многихъ ученыхъ черезчуръ скоро заканчивать свою работу легкимъ трудомъ воображенія. Вся исторія наукъ и философіи свидѣтельствуешь о многихъ крушеніяхъ, которыя претерпѣвали искатели

истины, приходя въ соприкосновеніе съ тѣмъ подводнымъ камнемъ человѣческаго интеллекта, который называется фантазіей. Вредъ, приносимый ею познанію истины, обратно пропорціоналенъ пройденной дорогѣ объективнаго мышленія, гдѣ началась работа воображенія. Только тамъ, въ концѣ дороги объективнаго изслѣдованія, гдѣ познавательная сила, выработанная всѣмъ человѣчествомъ, оставляетъ изслѣдователя, только тамъ воображеніе оказывается полезнымъ. Когда такое творчество воображенія не находитъ противорѣчія со стороны истиннаго знанія, тогда оно уживается съ остальными синтезами психо-интеллектуальнаго міра. Дальнѣйшая участь такого творчества фантазіи бываетъ двоякая: подтвердившись фактами дальнѣйшаго опыта, оно или переходитъ въ положительное знаніе; или рушится подъ давленіемъ новыхъ фактовъ познанія, противорѣчащихъ этому зданію воображенія.

Съ появленіемъ ученія Локка, а отчасти и какъ реакція на нелѣпныя, противорѣчащія опыту и законамъ знанія, спекулятивныя бредни метафизиковъ и доктринеровъ, — между учеными стало распространяться одностороннее убѣжденіе, что человѣческій разумъ долженъ признавать только то, что прямо доступно органамъ чувствъ и что непосредственно добывается изъ опыта, а все остальное, что дается воображеніемъ, это все есть ложь и приводитъ къ заблужденіямъ. Односторонность этого убѣжденія прямо противорѣчитъ фактамъ положительной пользы творчества воображенія въ наукѣ и идетъ совершенно въ разрѣзъ съ человѣческой интеллектуальной природой. Она не находитъ себѣ покоя, пока разрозненное въ ней знаніе не соединится между собой тѣмъ или другимъ способомъ и потому она не допускаетъ терпѣливо ждать, пока недоступное настоящему опыту разъяснится положительнымъ опытомъ; поэтому разрозненное знаніе, не соединенное путемъ дѣйствительнаго опыта всегда сочеталось и будетъ связываться силой человѣческаго воображенія. Этотъ ложный взглядъ на значеніе творчества воображенія проистекалъ отъ смѣшенія дѣйствительно-вредныхъ бредней съ тѣмъ творчествомъ фантазіи, которое созидалось при полномъ освѣщеніи разума и реальнаго знанія. Мы надѣемся, что сказанное нами выше, рѣзко раздѣлило въ познаніи эти виды фантазіи и доказало пользу разумаго творчества воображенія. Идеалисты наоборотъ утверждали, что знаніе, полученное чрезъ наши органы чувствъ, обманчиво, ложно и не отвѣчаетъ дѣйствительности. Опыту они про-

тивопоставляли силу чистаго разума человѣка считая эту силу независимую отъ опыта.

Но такъ какъ помимо вѣшняго опыта у насъ нѣтъ дѣйствительнаго знанія, то они считали произведенія фантазіи результатами, полученными изъ нутря человѣка, точно также какъ выводы разума и ихъ связи они стремились противопоставить даннымъ науки, выдавая ложныя идеи за истину, мистическія вѣрованія и сочетанія спекуляціи за правду, прибѣгая въ своихъ доказательствахъ къ софизмамъ, къ кажущимся только доказательствамъ, взятымъ на прокатъ изъ другихъ областей человѣческаго знанія, притягивая эти доказательства за волосы, какъ невольныхъ свидѣтелей. Но насколько такіе продукты фантазіи вредятъ человѣческому познанію дѣйствительности, настолько разумное воображеніе нерѣдко является піонеромъ науки, поднимающимъ человѣческую мысль на своихъ крыльяхъ на ту высоту, которой она не могла достигъ путемъ непосредственнаго опыта. Работа воображенія, переставляя элементы познанія различнымъ образомъ и формируя ихъ въ разнообразныя сочетанія, въ которыхъ они никогда не встрѣчаются въ природѣ, даетъ интеллекту новыя положенія и возможныя отношенія объектовъ опыта. Такъ напр. Ньютонъ въ своей биноміи далъ намъ плодотворный примѣръ дѣятельности воображенія. Оперируя пезначительнымъ количествомъ символовъ, онъ переходилъ отъ одного сочетанія къ другому, получая одно новое заключеніе за другимъ. При каждой новой связи рождается особенное интеллектуальное сочетаніе, которое путемъ творчества рождаетъ новыя выводы и заключенія. До Коперника въ познаніи чело- вѣчества земля съ своими четырьмя углами стояла неподвижно, а солнце восходило и текло въ его опытѣ къ своему закату. Въ воображеніи Коперника представленія солнца, земли и всѣхъ планетъ сочетались инымъ путемъ, нежели у всѣхъ людей до него. Представленіе солнца остановилось, (*sta sol, de moveare*), а завертѣлась въ интеллектѣ вокругъ солнца представленія земли и всѣхъ планетъ въ законномъ порядкѣ. Эта новая комбинація представленийъ небесныхъ тѣлъ въ Коперниковомъ воображеніи мало по малу стала подкрѣпляться фактами дѣйствительнаго знанія. Открытіе Галилеемъ измѣнчивости свѣтовыхъ фигуръ (фазъ) Меркурія, Венеры и Марса, опытъ Фуке и многія другія открытія превратили образъ фантазіи въ дѣйствительное знаніе, и усомниться нынѣ въ этомъ знаніи можетъ только невѣжда или

сумасшедшій. Сочетать представленіе качающейся лампы съ законами движенія маятника и съ измѣреніемъ времени могло только гениальное воображеніе Галилея. Отъ соединенія представленія падающаго яблока съ представленіями двигающихся небесныхъ тѣлъ въ воображеніи Ньютона созданъ законъ тяготѣнія, который сдѣлалъ понятной причину движенія планетъ и далъ возможность вѣрнаго исчисленія времени ихъ прохожденія. Кантъ и Лапласъ независимо другъ отъ друга пришли, силой своего воображенія, почти къ одному и тому же представленію происхожденія солнечной системы. Тиндаль ¹⁾ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Кантъ и Лапласъ были въ состояніи придти умозрительнымъ путемъ къ заключенію, что всѣ тѣла, образующія солнечную систему, составляли нѣкогда лишь извѣстную часть одной общей громадной массы; что туманная разрѣженная матерія предшествовала въ своемъ появленіи сгущенной; что съ теченіемъ вѣковъ эта масса мало по малу теряла свою теплоту, причѣмъ пары все болѣе и болѣе сгущались, переходили въ капельно-жидкое состояніе, а вещества, отторгавшіяся отъ общаго сфероида массы, концентрировались въ отдѣльныя планеты и что наконецъ главная центральная часть огнепаго облака постепенно пришла сама собою къ величинѣ и плотности нашего солнца. Сама земля носить на себѣ очевидные слѣды дѣйствія огня. Кромѣ того, эта гипотеза въ наше время подтверждается спектральнымъ анализомъ, доказывающимъ тождество химическаго состава земли и солнца.“ Не сила-ли комбинаціи воображенія гнала Колумба отыскивать новыя земли? Можно было - бы привести еще множество подобныхъ доказательствъ, но мы думаемъ, что и этихъ примѣровъ будетъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ пользѣ, приносимой для науки раціональной работой воображенія.

Если, наконецъ, продукты опыта связаны творчествомъ воображенія въ отдѣльныя округленныя формы пониманія и наукъ, то разьединенность этихъ интеллектуальныхъ областей между собою вызываетъ высшія мыслевыя силы на новую работу соединенія всего частнаго матеріала въ одно цѣльное знаніе. Каждая высшая интеллектуальная натура не довольствуется только знаніемъ своего непосредственнаго опыта, а стремится къ объясненію начала всего существующаго, къ установленію общаго закона, заправляющаго всѣми частными зако-

¹⁾ Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ (Рѣчь, произнесенная въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ).

нами. Человѣкъ хочетъ получить такое знаніе, изъ котораго исходили-бы знанія всей вселенной, знанія, которыя бы, подобно цѣпи, были въ непрерывной связи отъ перваго звѣна до послѣдняго. Человѣкъ стремится къ познанію не только начала перваго движенія бытія, его настоящаго, но также и его будущаго, его цѣли. Между результатами фактовъ, добытыхъ объективнымъ знаніемъ и подобнымъ идеальнымъ стремленіемъ человѣческой природы, лежитъ еще цѣлая непроходимая пропасть, но такъ какъ потребность полного міровоззрѣнія въ высоко развитомъ человѣкѣ слишкомъ велика, то воображеніе и созидаетъ свой фантастическій замокъ, въ которомъ неутолимая мыслевая работа находитъ хотя временный отдыхъ.

Это зданіе или цѣликомъ создается изъ продуктовъ фантазій, причемъ цементомъ ему служатъ мистическія вдохновенія, какъ напр. въ религіи Будды, Магомета, въ мифологіи и мн. др., или же кака-нибудь общая предвзятая идея принимается за истину чистаго разума. Эти идеи бывають обыкновенно результатами перехода фантазій изъ реальнаго знанія въ міръ недоступный опыту. Такая фантастическая идея воспроизводится доктринерами въ индукцію, изъ которой дедуцируется все частное, существующее въ дѣйствительности. Эта спекулятивная философія старается основами дѣйствительнаго знанія украсить и придать видъ солидности своему фантастическому зданію, которое, спустя нѣсколько времени, рушится и замѣняется новымъ. Всякая философская спекуляція, какъ результатъ соединенія всего разрозненнаго, познанаго человѣкомъ изъ опыта въ одно цѣльное міровоззрѣніе, успокаиваетъ на время пытливость высшаго ума, точно также какъ и религіозно-мистическое зданіе фантазій даетъ и неразвитому человѣку точку опоры, съ помощію которой въ его внутреннемъ мірѣ восстанавливается равновѣсіе. Въ этомъ отношеніи религію и философію можно вполне назвать родными сестрами.

Результаты несбыточнаго стремленія человѣческой природы къ соединенію всѣхъ разрозненныхъ интеллектуальныхъ формаций опыта въ общій и цѣльный синтезъ, обнимающій весь міръ опыта, кончается суррогатомъ этого соединенія, съ помощію творчества фантазій. Исходя изъ различныхъ точекъ отправленія, оно выражается въ формѣ религіозной или философской, и поэтому какъ философія, такъ и религія всегда будутъ необходимы человѣчеству, пока дѣйствительное знаніе

человѣка недойдетъ до совершенства, т. е. до пониманія причины всѣхъ причинъ.

До сихъ поръ вся исторія развитія чельвѣчества показываетъ намъ, что едва успѣетъ пасть одно міровоззрѣніе, какъ уже оно замѣняется новымъ. Человѣкъ, съ богатымъ знаніемъ, съ энергіей интеллектуальной функціи, привычный къ разумному познанію причинъ, ищетъ устоя своей мыслевой работы въ филосовской системѣ. Индивиды, въ которыхъ чувство развито насчетъ разума, въ которыхъ съ дѣтства укоренилась привычка довольствоваться готовыми связями, полученными отъ другихъ безъ критики и изслѣдованія ихъ дѣйствительности, — довольствуются однимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Пока существуетъ чельвѣчскій видъ, религія и философія останутся его вѣчными атрибутами, потому что естественныя преграды, останавливающія чельвѣчество на пути къ всезнанію, суть также его неотъемлемыя принадлежности. Главная задача такого чельвѣческаго творчества воображенія должна состоять въ слѣдующемъ: каждое новое всеобъемлющее зданіе должно строиться на фундаментъ изъ всего матеріала реального знанія и пониманія истинныхъ нравственныхъ началъ, долженствующихъ руководить чельвѣчествомъ; всякое новое пріобрѣтеніе чельвѣческаго ума и знанія, всякій прогрессъ въ нравственномъ чувствѣ, — должны находить себѣ въ этомъ творчествѣ фантазіи свое мѣсто. Это зданіе тогда относительно прочно, когда новые факты наукъ и начала гуманности и справедливости не противорѣчатъ и не подкапываются подъ него, такъ какъ это подкапываніе влечетъ за собою ослабленіе вѣры, вызываемой творчествомъ, и потребность въ постройкѣ новаго зданія, которое-бы послужило средствомъ для возстановленія равновѣсія, нарушеннаго этой потерей вѣры.

Познакомившись съ работой воображенія и съ разнообразіемъ его творчества въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, невольно рождается вопросъ: откуда берется эта сила воображенія, подъ какими условіями она растетъ и понижается? Отчего у однихъ людей эта сила вовсе не проявляется, или если и проявляется, то очень мало, а у другихъ ея едва хватаетъ на нелѣпыя бредни подъ вліяніемъ того или другаго чувства, или на бессмысленное броженіе мыслевыхъ элементовъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ или другихъ условій, болѣзненно возбуждающихъ мозгъ? Наконецъ, отчего у нѣкоторыхъ, только избранныхъ, воображеніе создаетъ великіе образы, поражаетъ душу величіемъ

и глубиной своего творчества или въ области разума, или въ области нравственнаго или прекраснаго? Какая огромная градація въ произведеніяхъ фантазіи, начиная отъ суетвѣрія невѣжды и фанатика, отъ бреда пьянаго и больнаго до великихъ произведеній творчества, отгѣченныхъ печатью генія?

Всматриваясь въ различные результаты работы воображенія, мы убѣждаемся, что количественная и качественная разница между ними зависитъ: отъ количественной и качественной разницы работниковъ воображенія, подъ которыми мы разумѣмъ развившіяся въ интеллектѣ человѣка формаціи и синтеза дѣйствительнаго опыта. Отъ силы и энергіи этихъ работниковъ зависитъ ихъ стремленіе къ соединенію, отъ интенсивности вліянія на эту работу чувства, преобладающаго въ человѣкѣ, группирующаго сродныя ему представленія въ дѣятельности и возбуждающаго эту дѣятельность, а съ другой стороны отъ вліянія силы разума, т. е. выработавшихся въ интеллектѣ законовъ бытія, которые своимъ противодѣйствіемъ недопускають, чтобы въ интеллектѣ появились сочетанія воображенія, противорѣчація этимъ законамъ.

Болѣзненная работа воображенія, вызываемая измѣненіемъ питанія мозговыхъ ячеекъ, одинаково возможна у всякаго человѣка. Такъ, одинаково безпорядоченъ бредъ у даровитаго человѣка и у лишеннаго всякихъ талантовъ, у ученаго и у невѣжды. Разница состоитъ только въ существующемъ въ каждой головѣ интеллектуальномъ матеріалѣ, въ болѣшемъ развитіи тѣхъ или другихъ интеллектуальныхъ формаціи, изъ которыхъ воображеніемъ слагаются образы и сочетаются представленія. Въ болѣзненномъ бредѣ и снѣ ремесленника возстають ряды представленій его ремесла; адвокату грезятся его процессы, ученому — объекты его научныхъ занятій. Хотя въ этихъ случаяхъ раздраженіе распространяется на весь мозгъ, — напр. при отравленіи крови, — но это раздраженіе, передаваясь изъ мозговыхъ ячеекъ интеллектуальнымъ формаціямъ, вызываетъ къ дѣятельности только сильнѣйшія между этими формаціями, такъ какъ онѣ легче другихъ переходятъ въ дѣятельное состояніе. Тоже самое мы видимъ и въ нормальномъ творествѣ воображенія. Каждый творитъ только въ той области, представленія которой успѣли въ немъ развиться, окрѣпнуть отъ навыка, и силой мышленія дифференцироваться насчетъ другихъ областей опыта. Такъ напр., музыкантъ способенъ къ творчеству только въ мірѣ звуковъ;

скульпторъ соединяетъ въ одно твореніе представленія пластики и т. п. Этимъ вполне подтверждается наше мнѣніе, что какова-бы ни была работа воображенія, она всегда остается только работой отдѣльныхъ интеллектуальныхъ формаций, соединяющихся между собою, а не есть слѣдствіе сознательной или безсознательной воли, извнѣ направляемой на матеріаль, изъ котораго создаются комбинаціи воображенія.

Какъ извѣстно, каждая группа элементовъ, приходя въ различныя сочетанія между собою, даетъ множество самыхъ разнообразныхъ комбинацій. Эти комбинаціи каждой группы данныхъ элементовъ будутъ отличаться другъ отъ друга настолько, насколько отличны сами элементы, ихъ образующіе, и будутъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ больше число элементовъ въ группѣ, и тѣмъ сложнѣе, чѣмъ больше содержанія въ каждомъ элементѣ, участвующемъ въ образованіи комбинаціи. Поэтому чѣмъ больше развилось сильныхъ представленій въ каждой личности, чѣмъ болѣе между ними разнообразія и чѣмъ высшую степень развитія представляютъ собою формации, принимающія участіе въ работѣ воображенія, тѣмъ разнообразнѣе и выше становится творчество и тѣмъ замѣтнѣе на немъ печать особенности и самобытности.

Какъ намъ извѣстно, сила представленій дается частымъ повтореніемъ ихъ въ дѣятельности, но кромѣ того, энергія этихъ представленій, независимо отъ повторенія ихъ, зависитъ еще отъ врожденныхъ условій, какъ-то: отъ устройства органовъ чувствъ и самаго мозга, т. е. отъ ячеекъ, изъ которыхъ образуются формации и связи, и съ помощію которыхъ онѣ дифференцируются въ сложные синтезы. Однѣ врожденныя способности, будучи предоставлены самимъ себѣ, безъ необходимаго воспитанія не даютъ надлежащаго творчества; невѣжественные классы не производятъ геніевъ, также точно не подлежитъ сомнѣнію, что это творчество не создается и самымъ лучшимъ воспитаніемъ, если въ человѣкѣ нѣтъ врожденныхъ качествъ. Геніи рождаются, но не воспитываются. Чѣмъ большее количество энергіи въ образовавшихся формаціяхъ обусловливается этимъ двойственнымъ началомъ, т. е. индивидуальностію и воспитаніемъ, тѣмъ сильнѣе должно въ нихъ проявляться стремленіе къ соединенію между собою. По этой-то причинѣ у даровитыхъ личностей, особенно у геніевъ, благодаря чрезвычайной притягательной силѣ формаций, образуются соединенія этихъ формаций, даже вслѣдствіе самаго отдаленнаго ихъ сродства, между тѣмъ, какъ до этого сочетанія тѣ-же самыя формации жили разрозненными

въ мозгахъ всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Но было бы неправильно думать, что сочетанія воображенія, эманципируясь отъ внѣшняго опыта, образуются совершенно случайно. Какъ бы ни были положены на клавиши фортепьяно пальцы, они извлекаютъ изъ инструмента звуки, и присутствіе или отсутствіе пріятности въ этихъ звукахъ, разумѣется, будетъ зависѣть отъ того, случайно-ли были затронуты клавиши, или на основаніи извѣстныхъ музыкальныхъ правилъ гармоніи. При разумной работѣ воображенія мыслевыя формаціи вызываютъ другъ друга въ дѣятельныя группы, вслѣдствіе общности ихъ содержанія, точно также, какъ и при нормальной мыслевой дѣятельности. Разница зависитъ только отъ того, что при объективномъ мышленіи каждая взаимная постановка формацій другъ къ другу обуславливается только отношеніемъ ихъ объектовъ во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому съ помощію этого мышленія человѣкъ познаетъ только тѣ отношенія и причины явленій, которыя совершались передъ его органами чувствъ. При работѣ воображенія представленія и формаціи самобытно, безъ внѣшняго импульса приходятъ въ различное взаимодействіе другъ съ другомъ, силой собственной энергіи становятся, по очередно, другъ къ другу всѣми сторонами ихъ содержанія. Вслѣдствіе этого связь, невозможная при отношеніи объектовъ опыта, дѣлается возможной, когда формаціи придутъ въ другое положеніе и когда онѣ воздѣйствуютъ другъ на друга тѣми частями своего содержанія, которыя на опытѣ не приходили въ взаимное отношеніе. Такимъ образомъ получается нерѣдко правильное сочетаніе, отвѣчающее будущему непознанному раньше, опыту что доказывается тѣмъ, что когда люди начинаютъ анализировать геніальное открытіе, доказанное впоследствии на опытѣ, — всѣмъ это сочетаніе кажется обыкновеннымъ и всякій болѣе или менѣе удивляется, какъ эта же самая идея прежде не приходила ему въ голову.

Вліяніе устройства передней части мозга и его ячеекъ на творчество воображенія доказывается съ одной стороны тѣмъ, что люди, подарившіе человѣчеству многими открытіями и богатые творчествомъ, имѣютъ значительно развитую переднюю часть черепа и большихъ полушарій. Съ другой стороны малоголовые, идіоты, или люди подверженные страданіямъ мозга съ характеромъ подавленія его дѣятельности и питанія ячеекъ коркового вещества, какъ напр. въ послѣднемъ періодѣ сумашествія, при размягченіи мозга, въ глубокой старости и т. п.,

такіе люди совершенно теряють силу воображенія. Гризингеръ *) слѣдующимъ образомъ описываетъ воображеніе въ высшихъ степеняхъ психическаго извращенія. „Неспособность понять виѣтъ нѣсколько представлений и ихъ сравнить все болѣе и болѣе увеличивается, и на мѣсто возможнаго, въ болѣе легкихъ формахъ помѣшательства, разнообразія несвязныхъ и разорванныхъ представлений, мало по малу наступаетъ совершенное отсутствіе картинъ и мыслей. Изъ впечатлѣній органовъ чувствъ ничего не вырабатывается; память почти совершенно потухаетъ, и не только забывается то, что дѣлалось за минуту раньше, но исчезаетъ изъ памяти и вся прежняя жизнь больнаго, не оставляя ни малѣйшаго воспоминанія“.

Вліяніе на работу воображенія въ каждомъ индивидѣ количества формаций, принимающихъ участіе въ той работѣ, вліяніе ихъ разнообразія, сложности и энергіи болѣе всего доказывается въ творчествѣ воображенія, присущемъ каждому возрасту человѣка. Дѣти въ первые 3 года, имѣя очень мало элементовъ для составленія изъ нихъ комбинацій, при недостаточности развитія формаций, почти вовсе не работаютъ воображеніемъ. По мѣрѣ накопленія и развитія интеллектуальныхъ формаций расширяется эта работа и дѣлается господствующею въ психо-интеллектѣ, пока наконецъ она не встрѣчаетъ болѣе и болѣе препятствія со стороны высшей интеллектуальной силы, выработавшейся изъ дѣйствительнаго опыта. Съ 4 или 5 лѣтъ, съ постоянно увеличивающимся единичнымъ опытомъ и при недостаткѣ дѣйствительнаго знанія, сила воображенія дѣлается преобладающей въ мышленіи. Съ дальнѣйшимъ и постепеннымъ развитіемъ положительнаго знанія воображеніе обуздывается все болѣе и болѣе. Въ юношескомъ возрастѣ энергія и силы разрозненныхъ интеллектуальныхъ формаций въ своемъ стремленіи къ работѣ, не находя исхода въ правильномъ развитіи дѣйствительнаго знанія, сочетаются силой воображенія. Такому сочетанію въ этомъ возрастѣ способствуетъ развившееся половое чувство, такъ какъ подъ его давленіемъ затрудняется объективное отношеніе къ изученію природы. Вызывая безпрестанно эротическія представленія, стимулирующіяся неудовлетвореннымъ чувствомъ, половое чувство поддерживаетъ работу воображенія среди этихъ представлений. Только объективное изученіе природы и науки, поддерживаемое чувствомъ любознательности, въ состояніи бо-

*) W. Griesinger. Die Pathologie und Therapie der Psychischen Krankheiten. 1861. S. 350.

роться и противодѣйствовать эротической работѣ воображенія въ этомъ возрастѣ.

Внѣ этой области юношеское воображеніе не плодотворно. Истинное творчество развивается только въ зрѣломъ человѣкѣ, когда юношескія страсти понемногу совсѣмъ улягутся и когда объективное изученіе природы и мыслевая работа принесетъ съ собою опытъ дѣйствительной жизни и развитое знаніе положительныхъ законовъ, управляющихъ міромъ. Когда воображеніе вполне подчиняется этимъ силамъ и его работа совершается подъ ихъ господствомъ, тогда его творчество дѣлается плодотворнымъ. Съ началомъ зрѣлости человѣка начинается лучшій періодъ его творчества, потому что въ этомъ возрастѣ развитіе формаций и ихъ энергіи достигаетъ высшаго развитія. Кто въ этомъ возрастѣ не создалъ ничего выдающагося, въ областѣ поэзіи, искусствъ и литературы, тотъ навѣрное ничего не сдѣлаетъ на склонѣ своихъ лѣтъ. Кажущееся исключеніе представляетъ собою область высшаго творчества въ наукахъ и философіи. Творчество въ этихъ областяхъ начинается довольно поздно и нерѣдко сохраняется до глубокой старости. Это кажущееся исключеніе зависитъ отъ того, что высшія психо-интеллектуальныя силы, какъ двигатели научнаго и философскаго творчества, развиваются въ человѣкѣ, какъ мы увидимъ ниже, гораздо позже тѣхъ интуитивныхъ и низшихъ степеней связей формаций, дѣятельность которыхъ вполне достаточна для поэзіи, изящной литературы и искусствъ. Отъ того первые еще остаются молодыми и полными энергіи, когда послѣднія уже успѣли состариться. Доказательствомъ сказанному могутъ служить многіе примѣры древнихъ философовъ, а также гениальныхъ ученыхъ и мыслителей нашего времени. Величайшія творенія въ области научнаго и философскаго мышленія большею частію исходятъ отъ людей въ преклонныхъ лѣтахъ, какъ напр. у Бюффона, Конта, Вольтера, Дарвина и мн. друг. Люди, у которыхъ культура знанія и мыслевая работа не развили высшихъ синтезовъ и психо-интеллектуальныхъ силъ, скоро отживаютъ свой умственный вѣкъ, и работа воображенія въ нихъ мало по малу умираетъ. Также точно и высшіе умы въ глубокой старости, когда мозговые ячейки и психо-интеллектуальный органъ атрофируются, вслѣдствіе недостатка питанія, теряютъ тогда силу воображенія. Нѣкоторое время они еще живутъ прежде образовавшимися синтезами, но мало по малу и эти атрофируются въ свою очередь и умираютъ. Тогда остается одинъ непосредственный опытъ, формации котораго также скоро уми-

раютъ и потому не могутъ собираться въ дѣятельныя группы. Съ прекращеніемъ работы воображенія дѣйствительная жизнь, лишенная иллюзій, которыми ее украшало воображеніе, дѣлается тяжелой для чувства человѣка, представляется во всей своей реальной неприглядности. Глубокой старикъ жлетъ смерти безъ страха и нерѣдко даже съ нетерпѣніемъ.

Польза и вредъ, приносимые человѣчеству эмпирическимъ мышленіемъ.

Мыслевая работа, предоставленная самой себѣ, т. е. неимѣющая путеводной нити и внутренняго контроля въ самомъ познаніи абсолютной и объективной истины, такъ какъ послѣдняя, какъ мы видѣли, не есть врожденный атрибутъ человѣческой души,—эта свободная работа даетъ въ мышленіи каждаго человѣка интеллектуальныя связи и синтезы, функція которыхъ развиваетъ познаніе ихъ содержанія. Но такъ какъ это содержаніе и синтезы могутъ быть или чисто объективнаго происхожденія или они сложились, болѣе или менѣе независимо отъ дѣйствительности, а силой фантазій и чувства, то, смотря по происхожденію, они могутъ дать какъ большую или меньшую долю знанія, пониманія, такъ и заблужденій и предрасудковъ. Это, если можно такъ выразиться, примитивное мышленіе человѣка называется эмпирическимъ. Изъ одного и того же источника (опыта) каждый человѣкъ получаетъ и ложь и истину, потому что содержаніе и свойство образовавшихся въ немъ интеллектуальныхъ связей и синтезовъ зависятъ не только отъ воздѣйствія объективнаго опыта и законныхъ отношеній его явленій и объектовъ на органы чувствъ человѣка, но а) отъ случайныхъ комбинацій вѣшнихъ явленій въ пространствѣ и во времени, не имѣющихъ ничего законнаго и постояннаго. Кромѣ того б) ненормальные результаты эмпирическаго мышленія, т. е. связи и синтезы, не отвѣчающіе дѣйствительности, помимо вліянія случайностей дѣйствующаго на человѣка вѣшняго опыта, зависятъ еще и отъ измѣнчиваго устоя внутренняго психо-интеллектуальнаго состоянія мыслящаго, такъ какъ подъ вліяніемъ этого состоянія образуются и слагаются въ психо-интеллектуальныя комбинаціи воспріятія, полученныя изъ вѣшняго опыта. Воспріятіе представленій извнѣ, ихъ сознаніе, ассоціація, продолжительность дѣятельности каждой группы представленій, смѣна ея другой и т. п. въ эмпирическомъ мыслителѣ во многихъ случаяхъ находятся подъ вліяніемъ того или

другаго чувства, возникающаго въ немъ или подъ вліяніемъ условій внутренняго состоянія его тѣла, или его психическаго настроенія. Участие же воображенія въ мышленіи и его вліяніе на результаты мыслевой работы, какъ мы видѣли, бываетъ различно не только въ различныхъ индивидахъ, но и въ одномъ и томъ же человѣкѣ въ различное время его мыслевой дѣятельности. Вотъ условія, отъ которыхъ зависитъ воспріятіе и усвоеніе того, что даетъ опытъ и обработка этого матеріала въ синтезы въ примитивно-эмпирическомъ мышленіи. Однако, не смотря на такія шаткія основы, мыслевая работа, развивающаяся вмѣстѣ съ опытомъ всего человѣчества, безспорно приносила и приноситъ ему все большую и большую пользу. Горизонтъ познанія природы, знакомство съ большимъ количествомъ ея объектовъ и ихъ отношеній между собою постепенно расширялся. Факты опыта большею частію убѣждали, что опредѣленнымъ внѣшнимъ явленіямъ всегда отвѣчаютъ опредѣленные внутренніе знаки-воспріятія, что данныя отношенія объектовъ всегда вызываютъ опредѣленные же связи представленій, и что, наоборотъ, опредѣленнымъ воспріятіямъ и ихъ связямъ отвѣчаютъ въ природѣ опредѣленные явленія и ихъ отношенія; эти обстоятельства порождаютъ частныя индукціи отдѣльныхъ законностей въ природѣ, а эти частныя индукціи въ послѣдствіи слагаются въ одну общую индукцію той законности, которая господствуетъ во всемъ мірозданіи. Представленіе одного и того же объекта, съ одними и тѣми же признаками въ каждомъ опытѣ, дало познаніе постоянства ихъ существованія въ одномъ предметѣ или въ цѣлой группѣ предметовъ. При какихъ бы условіяхъ, въ какое бы время и въ какомъ бы пространствѣ ни повторились представленія одного объекта или группы многихъ однородныхъ объектовъ, въ человѣкѣ всегда рождается вѣра, что онъ непременно встрѣтитъ въ нихъ существующими все тѣ же атрибуты, которые были при объектахъ прежняго опыта. Въ большинствѣ случаевъ эта вѣра оправдывалась; когда же общія представленія и понятія, образовавшіяся изъ отдѣльныхъ группъ того или другаго сроднаго вида представленій, могли служить общими схемами познанія, тогда и разнородное знаніе соединялось съ помощью ихъ въ одну общую связь: человѣкъ научился классифицировать. Если образовавшіяся этимъ путемъ общія представленія, вслѣдствіе неточности и неумѣлости наблюденія предметовъ, были невѣрны, то онѣ тѣмъ не менѣе могли служить для водворенія извѣстнаго порядка въ томъ хаосѣ, который представлялъ пер-

воначальный міръ познанія, и въ которомъ всѣ отдѣльныя представленія перепутывались между собою, не находя ни надлежащаго мѣста, ни связи въ познаніи. Эти понятія съ своей стороны способствовали дальнѣйшему развитію интеллекта соединеніемъ большаго запаса частнаго и разрозненнаго опыта въ единичныя интеллектуальныя формаціи, если только это было возможно при односторонности формацій. О пользѣ интеллектуальныхъ индуктивныхъ синтезовъ мы уже говорили выше. Уже у греческихъ мыслителей встрѣчаются правильныя индукціи; такъ школа Аристотеля дала общія истины для выводовъ математики и формальной логики. Эти общія истины были, безъ сомнѣнія, индукціями, потому что дедуктивные выводы, какъ намъ извѣстно, невозможны безъ существованія въ мысляхъ общей индукціи, соединеніемъ съ которой понимаются и доказываются частные случаи. Такимъ образомъ мало по малу развилось познаніе причины и слѣдствія, стремленіе познать причину всякаго незнакомаго явленія изъ опыта и чувство удовлетворенія, получаемаго отъ этого познанія.

Но польза, приносимая человѣку естественной или эмпирической работой его мышленія, польза, въ которой онъ часто убѣждался при примѣненіи добытыхъ этой работой результатовъ къ жизни и въ его отношеніяхъ къ окружающей природѣ,—эта польза заставляла его относиться съ одинаковой вѣрой ко всему, что получалось имъ изъ этого же интеллектуальнаго источника. Къ несчастію, въ человѣкѣ такъ же, какъ образовались истинныя интеллектуальныя синтезы и правильныя индукціи,—точно такъ же слагаются въ немъ и ложныя интеллектуальныя синтезы и неправильныя частныя индукціи, которыя также дифференцируются, какъ и правильныя въ общіе законы, вызывающіе въ ихъ носителяхъ такую же сильную вѣру, какъ и законы, порожденные дѣйствительнымъ опытомъ и постоянными соотношеніями его явленій. Вѣра, какъ мы видѣли, есть только психическая реакція, вызываемая сильнѣйшимъ факторомъ мышленія въ дѣятельности. Согласно-ли содержаніе этого фактора съ дѣйствительнымъ вѣдѣніемъ или нѣтъ,—для реакціи совершенно безразлично. Ложныя индукціи и синтезы, если они сильно развиваются въ интеллектѣ, также заставляютъ познавать и вѣрить ложнымъ соотношеніямъ явленій, ложнымъ атрибутамъ объектовъ, подобно тому какъ истинныя синтезы даютъ познанія дѣйствительныхъ явленій и законовъ, дѣйствующихъ въ природѣ.

Обстоятельства, извращающія мыслевую работу и вызывающія ложное познаніе.

1) Мы уже выше познакомились съ условіями, вслѣдствіе которыхъ интеллектуальные связи и синтезы образуются неправильно, т. е. не изъ постоянныхъ сосуществованій и законныхъ слѣдованій въ природѣ, которыя поэтому вводятъ носителя этихъ связей въ заблужденіе и ложное пониманіе явленій природы и жизненныхъ отношеній. Такъ какъ количествомъ образовавшихся представленій въ данномъ человѣкѣ опредѣляется его познаніе міра, а связями этихъ представленій и ихъ дифференцированіемъ въ синтезы опредѣляется познаніе отношеній объектовъ опыта и законовъ, управляющихъ этими отношеніями, то на недостаточность, ограниченность и, вслѣдствіе этого, на неправильность мышленія и познаванія имѣетъ вліяніе не только качественно измѣненныя представленія и неправильность связей, но и количественный ихъ недостатокъ. Послѣдній дѣйствуетъ одинаково вредно — зависитъ ли онъ отъ того, что вообще мало синтезовъ развилось въ интеллектъ; или хотя они и развились, но трудно выходятъ изъ потенциальнаго состоянія и потому не принимаютъ участія въ мыслевой работѣ. Самое важное здѣсь заключается въ неправильности образованія элементарнаго матеріала нашего познанія, какъ воспріятія и представленія. Это происходитъ а) отъ неумѣлости вообще наблюдать явленія и объекты дѣйствительнаго міра и ихъ соотношенія; б) отъ поверхностности наблюденія объективной природы, зависящая отъ сознательнаго недовѣрія къ органамъ чувствъ; это недовѣріе проповѣдуется преимущественно школой Платона, или с) вслѣдствіи изученія міра подъ вліяніемъ предвзятыхъ идей, при чемъ силой этихъ общихъ, хотя и ложныхъ, синтезовъ парализуются всѣ интеллектуальныя связи получаемыя изъ дѣйствительнаго міра, теченія противнаго дѣйствію тѣхъ общихъ идей; d) неправильность наблюденія зависитъ отъ волненія наблюдателя подъ вліяніемъ того или другаго чувства и отъ смѣшенія представленій дѣйствительныхъ объектовъ съ продуктами фантазіи. Вслѣдствіе этого интуитивные элементы мышленія получались не чистыми продуктами объективнаго опыта.

2) Соединенія подобныхъ неправильныхъ интеллектуальныхъ элементовъ работой мышленія въ связи и синтезы могутъ дать только ложное знаніе, идущее въ разладъ съ реальнымъ міромъ, потому что раз-

мѣщеніе представленій въ дѣятельныхъ группахъ мышленія не отвѣчало общности дѣйствительныхъ признаковъ, представляемыхъ ими высшихъ объектовъ; связи ихъ не согласовались съ дѣйствительными отношеніями, существующими въ познаваемомъ мірѣ. Уже Бэконъ утверждалъ, что дурныя представленія служатъ главнымъ препятствіемъ къ образованію правильныхъ индукцій: „*Notiones temere a rebus abstractis*“. Вслѣдствіе дурнаго или поверхностнаго наблюденія, представленія объектовъ или совсѣмъ не содержали въ себѣ нѣкоторыхъ существенныхъ признаковъ дѣйствительныхъ объектовъ, или эти существенные признаки соединялись въ одно представленіе съ случайными атрибутами, вовсе не принадлежащими предмету, или же, наконецъ, въ ихъ содержаніе влягалось чувствомъ и воображеніемъ то, что въ дѣйствительности не существуетъ. Образовавшіяся изъ такихъ представленій понятія ложны, и потому классификація ихъ силой предметовъ дѣлается неправильной: къ одному классу часто причислялись предметы, не имѣющіе почти ничего общаго между собою, однородные предметы раздѣлялись на различныя группы. Познаніе нѣсколькихъ частныхъ отношеній сходныхъ представленій на опытѣ соединялось въ одну скороспѣлую общую индукцію, и такая индукція считалась истиной, которая примѣнялась не только относительно этихъ частныхъ случаевъ, но и ко всѣмъ остальнымъ сходнымъ съ ними, — безъ всякой критики и контроля опыта. Если одинъ какой нибудь предметъ и другой похожій на него имѣютъ одинъ общій атрибутъ, то въ обыкновенномъ мышленіи этого вполне достаточно, чтобы приписать этотъ атрибутъ всему классу, имѣющему средство съ тѣми предметами опыта, хотя бы послѣднихъ было только три или четыре, а весь классъ содержалъ бы нѣсколько милліоновъ объектовъ. Если за однимъ явленіемъ нѣсколько разъ послѣдовало другое, то, соединившись въ индукцію, эти одинакіе случаи вызываютъ въ человѣкѣ вѣру, что всегда за первымъ явленіемъ будетъ слѣдовать таковое-же послѣдующее, что слѣдовательно это послѣдующее невозможно безъ предъидущаго и т. д.. Эти, такъ называемыя *inductiones per enumerationem simplicem*, суть преимущественно ложные источники людской вѣры и убѣжденій, встрѣчающихся даже и въ образованномъ обществѣ.

3) Если работа мышленія совершается подъ вліяніемъ чувства, то въ мыслевую работу входитъ изъ опыта не только одно согласное съ господствующимъ чувствомъ, но кромѣ того, подъ его давленіемъ объек-

тивныя мыслевыя связи и индукціи, выработанныя прежде въ познаніи, или получаемыя изъ настоящаго опыта, но противорѣчащія господствующему чувству парализуются и не допускаются до участія въ данной работѣ мышленія; такимъ образомъ субъективныя синтезы, т. е. образовавшіеся подъ давленіемъ того или другаго чувства, всегда односторонни, потому что составляющій ихъ матеріалъ можетъ быть только согласный съ содержаніемъ господствующаго чувства.

При изложеніи чувства читатель узнаетъ причину этой односторонности, вносимой чувствомъ въ соединительную работу мышленія, и его вліяніе на результаты этой работы, а покажѣтъ мы заносимъ здѣсь только фактъ субъективныхъ индукцій, какъ обильный источникъ человѣческихъ лжеученій и заблужденій. Субъективныя связи такъ сильны, что какъ бы ни были очевидны противорѣчащіе имъ факты объективнаго знанія, послѣдніе нерѣдко остаются безсильными въ борьбѣ съ чувствомъ, господствующимъ въ душѣ человѣка.

Религіозный и суевѣрный страхъ въ продолженіе многихъ столѣтій держалъ въ своихъ оковахъ человѣческую здравую мысль, противопоставляя ей свои вѣрованія. Древніе греки, и даже самъ Сократъ, боялись изучать физическія явленія природы, чтобъ этимъ не навлечь на себя гнѣва боговъ. Какая гигантская борьба съ предрасудками своего времени должна была произойти въ душѣ Весалія, стремившагося къ реальному знанію, прежде нежели онъ рѣшился воткнуть свой скальпель въ трупъ человѣка! Какъ прежде эти субъективныя индукціи порождали вѣру въ оракуловъ, въ астрологію, такъ и теперь поражаются вѣрованія въ предсказанія, гаданія, спиритизмъ и т. п.

4) Мы знаемъ, что чѣмъ выше ступень дифференцірованія правильнаго синтеза, тѣмъ обширнѣе область познанія, освѣщаемая этимъ синтезомъ; но если такіе синтезы развиваются, не придерживаясь дѣйствительнаго опыта, причемъ высшая ступень дифференцірованія не представляетъ постепеннаго перехода отъ частнаго извѣстнаго къ болѣе общему неизвѣстному, то тѣмъ больше становится захватываемое ими поле ложнаго пониманія и выводовъ. Какъ мы видѣли при описаніи дѣятельности воображенія, часто изъ самаго незначительнаго числа конкретныхъ фактовъ, связанныхъ между собою не дѣйствительностію, а воображеніемъ, мыслители, безъ всякой постепенности въ развитіи, скачками разомъ переходили къ самымъ высокимъ обобщеніямъ. Эти ложныя индукціи являлись подъ видомъ пред-

взятыхъ идей (какъ ихъ называли „идей чистаго разума“) и вдохновенія. Такимъ образомъ создавались философскія ученія. Исходя изъ ихъ идей, какъ признанныхъ уже истинъ, мыслители старались подвести подъ нихъ всѣ частные случаи опыта. Но такъ какъ эти связи не вытекали изъ дѣйствительности, то всѣ подобныя философскія ученія при первомъ столкновеніи съ объективными фактами опыта встрѣчались вездѣ противорѣчія и разрушались. Хотя такія философскія ученія читались и читаются съ удовольствіемъ интеллигентными людьми, такъ какъ въ нихъ, независимо отъ дѣйствительнаго, проявляется сила и глубина человѣческой мысли и остроумія, но подведеніе подъ эти чисто абстрактныя философскія идеи частные случаи дѣйствительной жизни приводило и приводитъ къ ложнымъ выводамъ и заблужденіямъ. Сюда принадлежатъ не только творенія древнихъ философовъ, какъ софистовъ, эпикурейцевъ и друг., но и всѣхъ шедшихъ по ихъ пути философовъ вплоть до нашего времени, каковы: Фихте, Гегель, Шопенгауеръ, Гартманнъ и многіе другіе. Точно такъ же какъ нелѣпо мириться съ жалкой дѣйствительностію вслѣдствіе идеи Гегеля: „Was ist, dass ist vernünftig“, также безрадсудно накидывать на всю жизнь черный покровъ пессимизма Шопенгауера и, отвернувшись отъ жизни, стремиться къ смерти и уничтоженію жизни на землѣ, наперекоръ злой безсознательной волѣ, которая заставляетъ человѣка жить во вредъ живущимъ. Не только въ спекулятивной философіи, но и во всѣхъ наукахъ до XVII в., отчасти и до настоящаго времени, всякій учитель, имѣлъ свою теорію на всякій частный случай его предмета изученія. Научные выводы, собственно говоря, не вытекали изъ самаго содержанія предмета, а рождались изъ предвзятыхъ идей и субъективныхъ взглядовъ учителей и потому часто противорѣчили другъ другу. Если представлялась въ наукѣ группа непонятныхъ явленій, то, вмѣсто изученія ихъ причины на опытѣ, ученые ставили воображаемую силу для объясненія причины недоступныхъ пониманію фактовъ. Такъ, греки въ своей міеологіи олицетворяли непонятныя имъ явленія природы въ видѣ того или другаго божества. Эта сила обрабатывала въ ихъ познаніи все то, что въ нее впадало ихъ собственное воображеніе. Напр., сила, дающая жизнь (*vis vitalis*), лечащая болѣзни (*vis medicatrix naturae*), природа представлялась съ атрибутами человѣка, даже съ его страхомъ; такъ, напр., *horror vacui* еще недавно существовало въ физикѣ, какъ объясненіе непонятныхъ явленій давленія воздуха и т. п.

Не только въ метафизикѣ, но и въ строго-научныхъ ученіяхъ о психологіи, даже и нынѣ почти безъ исключенія господствуетъ, независимо отъ одной силы, продуцируемой факторами познанія, которые развиваются изъ опыта, еще другая сила, стоящая внѣ элементовъ опытнаго знанія и заправляющая ими, т. е., сила мыслящая, сравнивающая и отличающая, эта сила выбираетъ между фактами познанія все подходящее ей, отдѣляетъ и отвлекаетъ одно отъ другаго. Въ самыхъ лучшихъ психологіяхъ нашего времени, какъ у Вэна, Гербардта, Вундта и пр. мы находимъ силу воли, являющуюся въ душѣ человѣка самостоятельно, какъ чудо, заставляющую его думать и поступать такъ или иначе, вполне безпричинно, по своему произволу, а не вслѣдствіе неизмѣнной законности, существующей вездѣ въ природѣ. Эта сила воли на основаніи тѣхъ ученій рождается въ головѣ человѣка, хотя законъ сохраненія силы доказываетъ намъ, что вся сила вселенной постоянна и неизмѣнна въ своемъ количествѣ. Одинъ видъ силы переходитъ въ другую форму, но ничто изъ нея не теряется и ни откуда не можетъ прибавиться къ ней ни одной вновь зарождающейся силы.

Человѣческая мысль, не сознавая истиннаго источника своей силы, стремилась стать выше опыта и подчинить его законы своимъ случайно развившимся воззрѣніямъ и своему пониманію. Не смотря на гигантскія усилія ума многихъ гениальныхъ мыслителей, трудившихся въ этомъ смыслѣ, ихъ творенія распались въ прахъ отъ перваго прикосновенія съ опытомъ. Но философы, не понимая значенія опыта для знанія вообще, не теряли вѣры въ свои умозрѣнія. Съ паденіемъ одного ученія, человѣческій умъ создавалъ новое, пока и это ученіе не постигала подобная же участь. Наконецъ наученный долгимъ опытомъ частаго паденія и непроизводительности отвлеченныхъ теорій, чуждыхъ въ своемъ происхожденіи опыта, представители современной интеллигенціи, вслѣдствіе произшедшей въ нихъ реакціи, вовсе потеряли вѣру въ отвлеченныя умозрѣнія и стали вѣрить только въ данныя непосредственнаго опыта. Но думая, что человѣкъ тогда только можетъ твердо стоять на ногахъ въ области познанія, когда онъ держится обѣими руками за факты непосредственнаго опыта, ученые впали въ другую крайность. Люди стали больше вѣровать въ свои органы чувствъ (сенсуалисты) и считали только то истиннымъ, что получается изъ непосредственнаго опыта путемъ этихъ органовъ чувствъ. Ученые и мыслители раздѣли-

лись на специальных наблюдателей, и, как на часовой фабрике, одни рабочие готовят колеса, другие штифтики, третьи пружины, и т. д., точно также каждая группа специалистов доставляла знанию исключительно только свои специальные продукты. Къ сожалѣнiю на фабрике добыванiя положительныхъ знанiй еще не умѣютъ готовить всѣ части, нужныя для сложения полного и стройнаго механизма. Поэтому въ наукѣ накоплялось много мелкихъ фактовъ, которые оставались разрозненными; всякій специалистъ дѣлаетъ свои односторонние выводы, независимо отъ выводовъ другихъ специалистовъ, и этимъ былъ внесенъ новый источникъ односторонняго пониманiя. Такое состоянiе продолжается обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не явится какой-нибудь талантливый отступникъ, вышедшiй изъ ряда сенсуалистовъ. Твердо вѣря въ факты непосредственнаго опыта, его умъ, неудовлетворенный этой разрозненностью, соединяетъ всѣ разрозненные части въ одинъ механизмъ, дополняя при этомъ недостающее положительное знанiе своимъ собственнымъ творчествомъ. Подобныя соединенiя встрѣчали и всегда встрѣчаютъ сильнѣйшую оппозицію со стороны чистыхъ сенсуалистовъ и реалистовъ. Опасаясь заблужденiй, они стали отрещиваться отъ всякаго творчества мысли, не понимая, что интеллектуальная связь, соединяющая всѣ приобретенные факты опыта въ одно цѣлое, только этимъ и дѣлаетъ возможнымъ пользованiе этими фактами для ихъ пониманiя въ связи и примѣненiи и, что эта связь и есть итогъ, подводимый гениемъ человека знанию, приобретенному къ данному времени человечествомъ. Только ограниченные люди могли смѣшивать подобное созданiе творчества съ ученiями, вовсе отрицавшими опытъ или относившимися къ нему съ пренебреженiемъ. Къ несчастiю, эта ограниченность, удерживающая ученыхъ отъ обобщенiй, считалась достоинствомъ и предоставляла въ ихъ распоряженiе кафедры. Большею частiю на эти кафедры попадали люди съ развитыми органами чувствъ, наблюдательностью, упорствомъ и терпѣнiемъ, но безъ интеллектуальной силы творчества. Проводя годы надъ микроскопическими изслѣдованiями или надъ химическимъ анализомъ, такiе ученые были, безспорно, очень полезны наукѣ, но только какъ чернорабочiе, готовящiе одинъ сырой материалъ для полезной постройки. Двигать же науку съ помощью этого материала могло только гениальное творчество. Несомнѣнно, что было бы лучше, если бы всякая

область изслѣдованія представляла непрерывную цѣпь положительных фактовъ; но такъ какъ это до сихъ поръ еще недоступно человѣческому уму, то необходимо для возможнаго пониманія выполнять пробѣлы каждой науки воображеніемъ настолько, насколько эта связь нужна для соединенія разрозненныхъ положительныхъ знаній, а также настолько, чтобы въ ней всѣ данные факты, представляли одно гармоническое цѣлое безъ всякаго пропуска.

5) Вліятельная причина неправильнаго мышленія заключается въ томъ, что на долю cadaго человѣка выпадаетъ необходимость жить болѣе или менѣе чужимъ умомъ. Они живутъ готовыми связями и синтезами, сложившимися или въ интеллектѣ другихъ людей, или живущихъ въ народѣ, какъ преданія предшествовавшихъ поколѣній или наконецъ, явившимся подъ видомъ религіозныхъ вѣрованій и откровеній. Такія, такъ называемыя правила мудрости, получаясь готовыми, безъ всякаго труда ихъ синтетической постройки, и нерѣдко остающіяся жить въ человѣкѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ критикой и анализомъ, тѣмъ не менѣе развиваютъ познавательную силу и играютъ болѣе или менѣе видную роль въ результатахъ мыслевой работы. Чѣмъ слабѣе врожденная интеллектуальная сила человѣка, тѣмъ меньше онъ расположенъ къ самостоятельной интеллектуальной работѣ; а чѣмъ менѣе развивается интеллектуальная функція, тѣмъ больше господствуютъ въ умѣ человѣка эти насажденные и гадательныя силы познанія. Но кромѣ того, какъ бы ни былъ даровитъ умственно человѣкъ и какъ бы энергически не работала въ немъ мысль, онъ все-таки не въ состояніи критически обдумать и провѣрить всѣ области его знанія и вѣрованія. Поэтому въ психо-интеллектуальномъ органѣ cadaго человѣка находится большее или меньшее число уголковъ, занятыхъ этой темной интеллектуальной массой чужихъ мыслей и вѣрованій. Но эти конечные результаты; какъ формы безъ содержанія, далеко стоящіе отъ непосредственнаго опыта органовъ чувствъ, сами по себѣ не могутъ вызвать вѣры въ ихъ истинность, дѣйствуя на ряду съ силами положительнаго знанія, правильно развившимися въ интеллектѣ. При отсутствіи же послѣднихъ первыя господствуютъ и пользуются полной вѣрой. Эта вѣра однако увеличивается искусственнымъ образомъ насчетъ положительнаго знанія, вслѣдствіе безпрестаннаго повторенія родителями, учителями и членами общества, среди котораго живетъ человѣкъ, готовыхъ идей и положеній взятыхъ на вѣру. Этимъ путемъ безпрестаннаго повторенія закрѣпляются и

въ душѣ интеллигентныхъ людей навязанныя другими идеи изъ всѣхъ областей знанія. Поэтому ни геній, ни обширное знаніе не въ состояніи совершенно вырвать человѣка изъ интеллектуальной среды его общества, изъ укоренившихся въ немъ понятій и вѣрованій. Въ его душѣ всегда останутся корни, неразрывно связывающіе его интеллектъ не только съ современнымъ ему обществомъ, но съ предшествовавшими поколѣніями настолько, насколько его слѣды сохранились въ настоящемъ обществѣ. „Всякій человѣкъ есть сынъ своего времени“.

6) Кромѣ этого источника вѣры въ безсодержательныя связи эта вѣра приобрѣтается еще тѣмъ, что полученная готовая связь образовалась въ интеллектѣ человѣка, внушающаго довѣріе силой его ума и познанія. Отсюда проистекаетъ вліяніе силы авторитетовъ въ человѣческомъ мышленіи. Если человѣкъ въ данномъ случаѣ, не обладая въ извѣстной области положительнымъ знаніемъ, не имѣетъ возможности приобрѣсти его правильнымъ путемъ синтеза отъ интуитивныхъ элементовъ опыта, то онъ, безъ сомнѣнія, предпочтетъ скорѣе занять готовый результатъ у человѣка, извѣстнаго своимъ знаніемъ въ данной области, нежели остаться въ этомъ отношеніи безъ всякаго руководства.

Къ сожалѣнію, эта условная необходимость въ исключительныхъ случаяхъ пользоваться чужимъ умомъ, подъ вліяніемъ раболѣпія и преклоненія предъ славой извѣстныхъ въ наукѣ личностей, вызвало требованіе абсолютнаго подчиненія людямъ, успѣвшимъ убѣдить другихъ въ своемъ умѣ и знаніяхъ. Мнѣнія извѣстныхъ ученыхъ и моралистовъ безгранично господствовали во времена среднихъ вѣковъ, даже до XVIII вѣка. Ихъ изрѣченія признавались общими истинами, подъ которыя подводились все частныя случаи и опровергались мнѣнія, несогласныя съ ними. Если неизвѣстный еще въ наукѣ человѣкъ, усердно работая надъ какой нибудь отраслью знанія, достигалъ совершенно иныхъ выводовъ, чѣмъ тѣ, какіе были получены до него, людьми съ авторитетомъ, то эти новыя выводы отвергались, какъ дерзость и узурпація признаннаго за другимъ права. Громадный вредъ приносимый авторитетами въ наукахъ философіи, этикѣ и искусствахъ безспорно стѣснялъ самостоятельное изслѣдованіе и творчество и тѣмъ служилъ тормазомъ прогрессу. Только въ концѣ XVII столѣтія появилась чувствительная реакція противъ абсолютнаго господства авторитетовъ. Но эта реакція на ненормальное состояніе, какъ и всякая другая, вызвала черезчуръ большое отклоненіе въ противоположную сторону. Она породила идею

равноправности всѣхъ людей въ наукѣ и въ умственныхъ вопросахъ. Люди бездарные и лишенные всякаго таланта отнынѣ смѣло вступаютъ въ борьбу съ гениями; едва начинающій наблюдатель противопоставляетъ, не краснѣя, свои наблюденія и свои ограниченные выводы результатамъ многолѣтняго опыта и безспорнаго таланта. Вслѣдствіе такого наплыва непризванныхъ въ наукѣ и искусствахъ дѣятелей, каждая область изслѣдованія человѣческаго ума и знанія стала представлять, какъ говорится, бочку дегтю, въ которой находится ложка меду. Работъ и наблюденій появилось множество; но чтобы найти въ ихъ массѣ труды истинныхъ адептовъ науки, нужно потерять на знакомство съ неумѣлыми наблюденіями и бездарными ихъ толкованіями во сто разъ болѣе времени, нежели потребовалось бы для изученія и знакомства со всѣмъ истинно полезнымъ и даровитымъ. Прежде была бѣда отъ деспотизма авторитетовъ, а съ уничтоженіемъ ихъ явилось новое горе — желаніе каждаго быть авторитетомъ. Исцѣленіе отъ этого современнаго зла можетъ ожидать только въ далекомъ будущемъ, когда оцѣнка творчества и ума перестанетъ быть привилегіей исключительныхъ только личностей, а сдѣлается общественнымъ достояніемъ. Тогда не одни привилегированные жрецы науки и искусствъ, не терпящіе ничего новаго и выдающагося, а цѣлое общество съумѣетъ оцѣнить истинное творчество, составляющее пріобрѣтеніе всего человѣчества, и отличить отъ напускнаго, навѣяннаго личнымъ тщеславіемъ. Въ настоящее же время есть одна только возможность очищенія литературы отъ вреднаго матеріала. Этотъ способъ состоитъ въ выборѣ особенныхъ жюри по каждой спеціальности для рѣшенія — какія работы подлежатъ уничтоженію и какія могутъ оставаться полезными пріобрѣтеніями науки. Въ высшую инстанцію такого судилища должны входить жюри повсѣмъ подходящимъ спеціальностямъ и по философіи, и туда же могутъ поступать аппеляціи на рѣшенія спеціалистовъ. Такое предложеніе уже сдѣлано Ог. Контомъ относительно всѣхъ сочиненій вообще.

7) Логика съ своей стороны ограничила развитіе и свободу движенія человѣческой мысли своими мертвыми и неизмѣнными формами. Она болѣе была тормазомъ для развитія человѣческаго ума, чѣмъ принесла пользы своими правилами логическаго мышленія. Выше мы убѣдились въ ложности того мнѣнія, что въ логическихъ формахъ выражается объективный ходъ и фазы развитія человѣческаго мышленія. Мысль человѣка и знаніе развиваются, какъ намъ извѣстно, отъ

связей частнаго въ общее и переходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Силлогизмъ-же логики заставлялъ человѣка идти въ сознаниі обратнымъ путемъ отъ общаго синтеза къ частному его содержанію. Какъ въ мышленіи, направляемомъ по логическимъ путямъ часто за формами не вполнѣ сознають интеллектуальное содержаніе, вложенное въ эти формы, такъ, нерѣдко, если обобщенія, составляющія верхнюю посылку силлогизма, бываютъ сомнительнаго качества,—и всѣ частные случаи, соединяющіеся съ ложной верхней посылкой, чаще всего вводятъ въ заблужденія. Софизмы и круговыя доказательства (*circulus vitiosus*) и теперь господствуютъ въ человѣческомъ мышленіи и даже въ научныхъ трактатахъ. Такъ какъ логическая мыслевая игра выражается въ сознаниі связями только однѣхъ словъ въ предложеніяхъ, или посылкахъ, то это позволяетъ каждому ловкому болтуну пользоваться въ рѣчахъ логическими фразами, не содержащими никакого положительнаго знанія, отвѣчающаго этимъ фразамъ. Чѣмъ общество бѣднѣе познаніями и умственнымъ развитіемъ, тѣмъ легче и довѣрчивѣе оно попадаетъ на удочку подобныхъ фразеровъ-ораторовъ или писателей и, увлеченное логическими формами, вѣритъ тому, что на самомъ дѣлѣ противорѣчитъ истинѣ; такіе люди подъ золотой оболочкой логической формы глотаютъ пилюли, содержащія, на мѣсто лекарства, ядъ. Чѣмъ меньше слова выражаютъ представленія дѣйствительныхъ объектовъ и предложенія, выраженные словами, обозначаютъ истинныя отношенія объектовъ и явленій, предшествовавшія этимъ словамъ и фразамъ въ познаніи, тѣмъ легче онѣ смѣшиваются, и слова считаются равносильными положительному знанію, хотя эти слова суть только символы познанія. Въ собранной мыслевой дѣятельной группѣ, формациі, бѣдная содержаніемъ изъ опыта, замѣняются представленіями словъ, принимающихъ участіе въ работѣ мышленія, на мѣсто силъ опыта, которыя должны содержаться въ представленіяхъ и ихъ связяхъ. Въ результатѣ такой работы, разумѣется, не получается прироста знанія, а только увеличиваются безсодержательныя фразы, затемняющія всякое знаніе. Такъ, еще Сократъ думалъ, что „всѣ слова первоначально должны были по возможности совершенно выражать истинную суть ими опредѣляемыхъ предметовъ“ *.

Аристотель, отождествляя виды, опредѣляемые словами, съ видами

* См. Alb. Lange, *Geschichte des Materialismus*. 1. T. S. 178.

существованія, былъ введенъ въ заблужденіе авторитетомъ языка *. Схоластическая философія получила свое начало въ этомъ мутномъ смѣшеніи словъ съ сущностью предметов **. Хотя въ новѣйшее время сравнительное изученіе различныхъ языковъ и происхожденія словъ, доказало претерпѣваемыя словами измѣненія и борьбу словъ между собою за существованіе, при чемъ одни слова вытѣсняются другими, хотя это изученіе и показало истинное значеніе словъ, совершенно отличное отъ продуктовъ опыта, которыхъ онѣ суть только символы, но тѣмъ не менѣе у людей, бѣдныхъ интеллектуальнымъ содержаніемъ, мыслевая работа ограничивается преимущественно одними словами. Изученіе словъ и фразъ классическихъ и другихъ языковъ сдѣлалось основой воспитанія нашего юношества и потому нечего удивляться, что у насъ слова замѣняютъ дѣло, а фразы — истинное знаніе.

8) Безспорно, что если мышечная система у взрослого человѣка постоянно производитъ мало работы, то она постепенно слабѣетъ, а вслѣдствіе этого мышцы дѣлаются дряблыми, работа ихъ малосильною. Такіе люди, встрѣчаясь въ жизни съ необходимостію усиленнаго напряженія ихъ мускуловъ, даже при полномъ сознаніи этой необходимости, цѣною огромныхъ жертвъ и лишней отказываются отъ усиленной работы, именно потому, что ослабѣвшія мышцы воздѣйствіемъ своего плохого питанія на нервы, вызываютъ бессознательное отвращеніе къ непосильному труду. Опытъ показываетъ, что эта мышечная слабость наследуется дѣтьми отъ своихъ родителей и молодое поколѣніе также мало въ состояніи продуцировать мышечный трудъ и также боится усиленной работы, какъ и его производители. То же самое мы видимъ въ интеллектуальной функціи. — Она также слабѣетъ отъ недостатка мыслевой дѣятельности и эта слабость преимущественно переходитъ изъ рода въ родъ. Такіе люди способны только на низшую интеллектуальную функцію. Ихъ синтезы ограничиваются низшими степенями, а именно: частными соединеніями представленій непосредственнаго опыта и мыслевая работа нейдетъ дальше сопоставле-

* Ibidem, p. 159.

** Интересный примѣръ приводитъ Ланге изъ Прантля (Prantl. Gesch. d. Logik. Bd. 1. S. 17 u. f. (Aut. 75) о Fredegisus'ѣ, ученикѣ Alcuin'a, который въ эпистолѣ, посвященной Карлу Великому, „de Nihilo et tenebris“ доказывалъ, что „ничто“, изъ котораго Богъ создалъ свѣтъ, должно было быть существующей вещью на томъ простомъ основаніи, что каждое слово непременно относится къ какой нибудь вещи.

ніа этихъ частныхъ связей и индукцій въ дѣятельныхъ мыслевыхъ группахъ. Образование выспихъ синтезовъ и правильныхъ обобщеній не подь силу такому уму и, потому всякая такая работа вызываетъ отвращеніе. Если въ жизни необходимость приписать такому человѣку потребность обобщенія, то, за отсутствіемъ интеллектуальной силы, которая была бы въ состояніи собрать и удержать въ дѣятельной мыслевой группѣ всѣ необходимыя частныя случаи, — многія изъ нихъ, образовавшіяся въ той личности раньше, остаются въ потенциальномъ состояніи, а только чаще повторяющіяся случаи принимаютъ участіе въ работѣ; изъ этихъ то случаевъ, изъ односторонняго и недостаточнаго матеріала и образуется обобщеніе. Все то изъ опыта, что могло бы противодѣйствовать такому обобщенію, при этомъ не подаетъ въ мышленіи своего голоса, вслѣдствіе слабости и апатіи мало-развитой интеллектуальности а также вслѣдствіе невозможности сосредоточить свое вниманіе долго на одномъ и томъ же предметѣ. Такого слабаго ума нерѣдко бываетъ вполне достаточно для житейскаго благополучія отдѣльныхъ личностей. Нерѣдко умѣлое сопоставленіе частныхъ случаевъ опыта, даетъ въ обыденной жизни хорошіе плоды для практическихъ выводовъ жизни. Треволненія и условія жизни, безпрестанно мѣняющіяся, не даютъ возможности мысленно углубляться въ каждый жизненный вопросъ. Удачный выводъ и ловкое примѣненіе одного частнаго случая къ другому создаютъ такъ называемыхъ искусныхъ дѣльцевъ. Такое сопоставленіе частныхъ отношеній, ограничивающееся только нижними этажами психо-интеллектуальнаго міра, можетъ дать остроумные выводы, колкіе каламбуры, ловкіе плутовскіе аферы. Люди обладающіе этой способностью, пользуются въ извѣстномъ обществѣ даже репутаціей очень умныхъ и талантливыхъ людей. Умъ такого рода не приноситъ никакой пользы обществу и человѣчеству, а только отдѣльнымъ личностямъ. Когда интеллектуальное безсиліе и апатія дѣлаются достояніемъ цѣлаго общества или народа, когда онъ въ своей совокушной мыслевой дѣятельности, съ своими передовыми людьми во главѣ, оказывается недорослимъ до умѣнія образовывать правильные высшіе синтезы, то этотъ народъ быстро подвигается по наклонной плоскости къ своему разложенію. Историческія условія, какъ то: недостаточная интеллектуальная культура народныхъ массъ, стѣсненіе проявленія свободной мысли и отсутствіе возможности обсуждать всѣмъ обществомъ его интересы, — вызываютъ народную интеллектуальную слабость. Она проявляется

тѣмъ рѣзче и тѣмъ упорнѣе противопоставляется всякому направленному противъ нея усилію, чѣмъ болѣе поколѣній даннаго народа подвергались условіямъ, которыя мѣшали его правильному умственному развитію. Такой недостатокъ тѣмъ менѣе сознается народомъ, ему подверженнымъ, чѣмъ меньше развитъ народный умъ. Съ отсутствіемъ этого сознанія всегда связано довольство своимъ печальнымъ настоящимъ. Литераторы, прекрасно описывающіе природу, ловко подхватывающіе частныя психологическія явленія, — резонеры и остряки, далѣе художники, вѣрно передающіе непосредственныя наблюденія природы, аферисты и т. п. — всѣ эти люди представляются въ народномъ самосознаніи достаточными интеллектуальными продуктами. Ими гордится народъ, не понимая, что ихъ творчество есть продуктъ непосредственнаго опыта, что для жизни народа недостаточно одного этого. Общественная жизнь слагающаяся изъ функцій множества отдѣльныхъ индивидовъ и частныхъ условій, требуетъ высшихъ обобщеній, которыя охватывали бы все частное вмѣстѣ и давали бы познаніе отношеній всѣхъ частичекъ этого цѣлаго другъ къ другу и cadaго изъ нихъ ко всему цѣлому. Одно знаніе атрибутовъ частныхъ объектовъ и ихъ единичныхъ отношеній, представляетъ вмѣстѣ также мало общественныхъ устоевъ, какъ домъ, сложенный изъ камней, не укрѣпленныхъ между собою цементомъ, Отъ всякаго современнаго народа жизнь требуетъ не суммы индивидуальной мелкой интеллектуальной работы, а видовую мыслевую работу, въ которой бы выражалась интеллектуальная сила всего народа, какъ одного цѣлаго. Эта сила должна творить высшіе синтезы, обобщенія заправляющіе жизнью и поступками всего народа. Въ этомъ цѣломъ должны теряться частныя индивидуальныя требованія. Народъ, не достигшій такого развитія довольствуется романами, легендами и частными скандалами. Памфлетисты и авторы пасквилей дѣлаются князьями въ литературѣ, ловкіе говоруны и интриганы занимаютъ каеедры. Подъ ихъ циническимъ господствомъ отдѣльныя вешышки истиннаго ума и творчества, проявляющіяся среди народа, гложутъ болѣе и болѣе и, народъ съ каждымъ днемъ все скорѣе подвигается къ своему паденію. Такое состояніе не есть народный недостатокъ, а роковое бѣдствіе; въ немъ содержится приговоръ общеннаго бѣдствія и рабства. Патріотизмъ среди подобнаго общества долженъ преимущественно проявляться въ поднятїи умственнаго уровня народа изъ нисшихъ ступеней индивидуальнаго мышленія до

высшаго видоваго мышленія, — изъ эгоистической буржуазной морали, ограждающей только личность каждаго имущаго, — до идеальной морали, заботящейся о возможномъ благосостояніи всѣхъ членовъ общества. Не смотря на чрезвычайныя условія, не задерживаясь частыми неудачами и жертвами. каждый передовой человекъ такого общества долженъ по мѣрѣ своихъ силъ неустанно будить народный умъ и безпрестанно поддерживать въ его болѣе развитыхъ членахъ, насколько это возможно, высшую интеллектуальную дѣятельность.

ГЛАВА VIII.

Развитіе видовыхъ психо-интеллектуальныхъ синтезовъ на основаніи законовъ правильнаго метода.

§ 1. Отличіе психо-интеллектуальной организаціи отъ другихъ тканей и органовъ человѣческаго тѣла и причина этого отличія.

Изъ вышесказаннаго мы убѣдились въ рѣзкомъ отличіи развитія мыслеваго организма человекъ отъ образованія всѣхъ остальныхъ тканей и органовъ тѣла. Последнее, повинаясь положительнымъ законамъ типа, даетъ въ результатъ тождественность тканей и органовъ тѣла у всѣхъ здоровыхъ людей. Такъ, напр., нервы, мозгъ, сердце, кровь, печень и т. п. совершенно одинаковы у всѣхъ людей. Если и встрѣчаются отклоненія отъ нормы, то они ничтожны и больше всего касаются количества вещества, изъ котораго образуются эти части, а не качества ихъ. Другое дѣло представляетъ психо-интеллектуальное развитіе человекъ, разсмотрѣнное нами доселѣ. Міровоззрѣніе, вѣра и убѣжденіе каждаго человекъ также различны, какъ его лицо. Причина такого явленія заключается въ томъ, что образованіе представленій и интеллектуальныхъ связей, дающихъ познаніе и міровоззрѣніе, зависитъ отъ случайныхъ условій: отъ опыта, въ какомъ видѣ онъ представлялся наблюдателю; отъ случаевъ сосуществованія явленій въ предметахъ и слѣдованія во времени, какъ они встрѣчались въ реальномъ мірѣ, подлежавшемъ наблюденію каждаго человекъ; отъ индивидуальнаго умѣнія наблюдать и отличать дѣйствительное отъ случайнаго, т. е. отъ объективнаго качества представленій и ихъ связей; далѣе, отъ разницы въ каждомъ человекѣ количества пред-

ставленій, образовавшихся въ немъ изъ опыта. Одни ограничиваются только представленіями непосредственно окружающей природы и еще тѣми, которыя нужны имъ только для поддержанія ихъ существованія. Другіе стараются изучить природу во всѣхъ ея проявленіяхъ. Между этими двумя крайностями находится множество переходныхъ ступеней, представляемыхъ различными классами и видами человѣчества. Это индивидуальное различіе зависитъ и отъ степени энергіи интеллектуальной работы каждаго отдѣльнаго человѣка и отъ большаго или меньшаго участія въ этой работѣ воображенія и чувства. Затѣмъ эта индивидуальная разница зависитъ и отъ количества и качества интеллектуальныхъ связей, образовавшихся изъ потраченной на нихъ мыслевой работы и изъ полученныхъ изъ той работы результатовъ. Одни люди ограничиваются только связями, непосредственно полученными изъ опыта, другіе идутъ дальше въ работѣ интеллектуальнаго соединенія, третьи поднимаются еще выше и наконецъ весьма немногіе обладаютъ полнымъ развитіемъ большей части существующихъ индукцій, какъ результатомъ ихъ мыслеваго труда. Наконецъ, эти связи и синтезы у однихъ людей преимущественно отвѣчаютъ дѣйствительному опыту, а у другихъ они суть плодъ воображенія и насажденнаго чувствами вѣрованія.

Мы знаемъ изъ опыта, что чѣмъ больше количество элементовъ, случайно комбинирующихся, тѣмъ разнообразнѣе получаются комбинаціи. Какъ въ колѣдоскопѣ каждое новое движеніе его цвѣтныхъ камешковъ даетъ новую фигуру, такъ въ каждомъ человѣкѣ измѣненная комбинація вышеизложенныхъ элементовъ подъ тѣми или другими случайными условіями даетъ особое міросозерцаніе, отличное отъ міросозерцанія другаго человѣка въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Интуитивныя же познанія, правильно образующіяся, на основаніи общихъ и непреложныхъ законовъ человѣческой природы, даютъ въ каждомъ индивидѣ одно и то же познаніе и потому соединяютъ все человѣчество одной вѣрой. Здоровый человѣкъ, независимо отъ его умственнаго развитія, не будетъ считать красный цвѣтъ зеленымъ и не приметъ собаку за слона; всякій одинаково, на основаніи своихъ наблюденій не сомнѣвается, что за зимой слѣдуетъ весна и за ночью день и т. п. Совсѣмъ другое происходитъ тамъ, гдѣ міровоззрѣніе человѣка дается высшими интеллектуальными связями, развивающимися въ немъ. Оно видоизмѣняется настолько, насколько различно въ каж-

домъ человѣкъ количество синтезовъ и качество ихъ, обусловливаемое способомъ соединенія интуитивнаго знанія въ тѣ общія связи и сочетанія. Случайный опытъ и эмпирическое мышленіе, какъ мы выше видѣли, обусловливаютъ особенность и своеобразность каждаго индивида въ этомъ отношеніи. Эти высшіе синтезы могутъ вовсе не развиваться въ извѣстныхъ индивидахъ и тогда личности, въ которыхъ интеллектуальное развитіе остановилось на первыхъ интуитивныхъ ступеняхъ мышленія, будутъ мало отличаться между собою въ пониманіи, точно такъ же какъ и индивиды животныхъ одного и того же типа. Но если интеллектуальный органъ развился въ большей степени, то отъ вышеизложенныхъ случайностей эмпиризма непрѣнно каждый органъ представляетъ большую или меньшую степень разнообразія. Поэтому-то, хотя одна и та же природа и жизнь служитъ единственнымъ источникомъ познанія для всѣхъ людей, все таки нельзя найти ни одного такого положенія въ соціальной жизни, философіи, политикѣ, воспитаніи и даже въ индуктивныхъ наукахъ (до XVII вѣка только), въ которомъ бы каждый человѣкъ не имѣлъ своего собственнаго мнѣнія, отличнаго отъ мнѣній другихъ; каждый вѣритъ своему мнѣнію подобно тому, какъ каждый чувствуетъ только свой собственный голодь. Но если это разнообразіе зависитъ только отъ случайностей опыта и отъ условій, среди которыхъ мыслить человѣкъ, то спрашивается: невозможно ли освободить умственное развитіе каждаго человѣка отъ этихъ вредныхъ случайностей и подчинить послѣднія общимъ законамъ? Если однѣ и тѣ же явленія понимаются отдѣльными личностями различно, то несомнѣнно, что или всѣ ложно понимаютъ эти явленія, или одинъ только изъ нихъ знаетъ истину. Поэтому человѣчество въ своемъ стремленіи къ познанію истины должно искать знанія, недопускающаго противорѣчія. Посмотримъ, насколько доступно человѣку такое знаніе.

§ 2. Начало научнаго метода.

Въ предшествующемъ изложеніи мы познакомились съ самобытнымъ развитіемъ человѣческаго ума и знанія. Мы видѣли, какъ мыслевая работа, свиваетъ каждому человѣку его индивидуальный психоинтеллектуальный вѣнецъ, сообразно тому количеству силы, которое человѣкъ израсходуетъ на эту работу въ продолженіи жизни изъ общаго своего запаса силъ и соразмѣрно количеству и качеству матеріала, добытаго имъ изъ опыта. Въ этомъ вѣницѣ истина обыкновенно пере-

плетається съ ложью, знаніе—съ заблужденіемъ и предрасудками. Въ преобладаніи въ этомъ вѣнцѣ того или другаго элемента заключается причина индивидуальной разницы каждой личности въ умѣ, познаніяхъ, поступкахъ и вообще въ характерѣ и міровоззрѣніи. Но въ индивидуальной разницѣ въ свою очередь заключается причина разногласія мыслящихъ людей въ пониманіи и знаніи всего существующаго. Были понимающіе и знающіе люди, но не было точно выработанныхъ законовъ пониманія. Каждый классъ людей, связанный между собою общностью эгоистическихъ интересовъ или невѣжествомъ, общимъ источникомъ суевѣрія или страха, понималъ по своему законы, управляющіе какъ природой, такъ и соціальными и политическими отношеніями. Законовъ объективной науки, т. е. такой, которая своими фактами убѣждала бы всякаго, способнаго ихъ понять, почти не было, (исключая математическихъ аксіомъ) другими словами: въ познаніи выражались не объективные факты знанія, а случайно сложившееся міровоззрѣніе стремилось подвести дѣйствительность подъ свои формы познанія. Въ этомъ случаѣ факты сами по себѣ были только пассивнымъ матеріаломъ, которымъ спекуляція и доктринерство, распоряжались также самовластно, какъ скульпторъ глиной, формируя изъ нея любой желаемый имъ образъ.

Если состояніе общежитейскаго смысла и пониманія отвлеченныхъ отношеній между людьми и людей къ другимъ силамъ еще и теперь находится въ такомъ же эмпирически шаткомъ состояніи, за то въ естественныхъ наукахъ уже съ XVII вѣка совершился ерутой поворотъ къ лучшему, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени человѣчеству даются все лучшіе и чистѣйшіе результаты познанія. Въ головахъ нѣкоторыхъ гениальныхъ людей того вѣка появился новый синтезъ, до того или вовсе несуществовавшій, или бывшій только въ видѣ частныхъ индукцій. Этотъ общій синтезъ образовался постепенно накоплавшимся изъ міра познанія матеріаломъ. Въ каждой области человѣческаго знанія возникали частныя индукціи познанія—разницы дѣйствительно объективнаго и положительнаго знанія отъ кажущагося, въ которомъ главную роль играетъ субъективность и случайныя сочетанія воображенія. Наконецъ изъ этихъ частныхъ индукцій образовался общій синтезъ, дававшій познаніе положительнаго пониманія, отличнаго отъ гадательнаго и не провѣреннаго. Подъ вліяніемъ этого синтеза и отличія человѣкъ въ своемъ стремленіи къ истинѣ нашелъ наконецъ настоящую къ ней дорогу. Съ той поры сочетаніе разрозненныхъ элементовъ въ

нѣкоторыхъ областяхъ знанія стало руководствоваться и контролироваться этой внутренней, вновь объявившейся интеллектуальной силой. Въ ней заключалось прежде всего убѣжденіе, что только объективный опытъ можетъ назваться источникомъ нашего истиннаго знанія, и потому, подъ ея давленіемъ, наблюденія внѣшней природы сдѣлались точными и всесторонними. Послѣ убѣжденія на опытѣ, что фальсификація знанія часто зависитъ отъ чувства и воображенія, явилось стремленіе видѣть въ наблюдаемомъ только то, что объективно существовало въ дѣйствительности, ревниво охраняя его отъ всего субъективнаго и фантастическаго. Ученые обратились къ точнымъ и тщательнымъ наблюденіямъ. Съ тѣхъ поръ исторія наукъ намъ представляетъ цѣлый рядъ точныхъ наблюденій и вмѣстѣ съ тѣмъ открытій новыхъ средствъ для расширенія и улучшенія способности человѣка изучать природу своими органами чувствъ даже тамъ, гдѣ безъ этихъ вспомогательныхъ средствъ изученіе было недоступно для человѣческаго наблюденія. Весацій началъ анатомировать человѣческое тѣло и изучать его части и органы; Мальпигій (Malpighi) сталъ заниматься анатоміей растеній. Гюгенсъ (Huygens) усовершенствовалъ телескопы, примѣнилъ маятникъ къ часамъ; Leuwenhoeck открылъ микроскопъ; Ленеъ—стетоскопъ; другіе ученые придумали офтальмоскопы, ларингоскопы и т. п...

Не имѣя возможности всегда наблюдать искомое въ природѣ въ полной чистотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы эманципироваться отъ случайнаго вмѣшательства побочныхъ явленій, маскирующихъ постоянное отношеніе между изучаемыми явленіями, ученые стали прибѣгать къ опытамъ. Съ помощію экспериментальнаго метода ученые искусственно вызывали опредѣленные отношенія и состоянія предметовъ и исключали изъ круга наблюденія тѣ элементы, которые въ природѣ всегда встрѣчались смѣшанными и которые мѣшали точности наблюденія. Такимъ образомъ начали получаться чистыя познанія сосуществованія и слѣдованія во времени, причины и слѣдствія. Торичелли открываетъ, что воздухъ имѣетъ вѣсъ, Гарвей находитъ законы кровообращенія. Физіологи начинаютъ изучать жизнь на основаніи опытовъ (надъ преступниками) и вивисекціями надъ животными. Подъ давленіемъ этихъ новыхъ открытій, разомъ завоевавшихъ вѣру всѣхъ безпристрастныхъ ученыхъ своей очевидностію, подтверждавшеюся органами чувствъ каждаго наблюдателя и опытомъ, тѣ связи, которыя до того уже пользовались правомъ гражданства въ видѣ предвзятыхъ идей, вѣрованій или научныхъ

теорій, ослабѣвали и разлагались на свои составныя части (анализъ). Послѣ этого начали провѣрять и очищать интуитивный объективный матеріалъ отъ субъективной и другихъ примѣсей. Прежде сложившіяся связи провѣрялись объективнымъ наблюденіемъ и опытомъ. Съ результатами вліянія новой силы познанія наука какъ будто переродилась. Одно открытіе слѣдовало за другимъ. Законы, добытые такимъ путемъ, какъ исходящіе прямо изъ опыта, сдѣлались достояніемъ объективнаго знанія всего человѣчества. Это видовое знаніе не допускаетъ противорѣчій или противоположныхъ мнѣній ни у кого, исключая только развѣ тѣхъ людей, которые были ослѣплены прежними вѣрованіями, или тѣхъ, которые имѣли глаза и уши, но не хотѣли ни видѣть, ни слышать. Обладая такими законами, ученые не только могли объяснять всѣ прошедшіе и настоящіе частные случаи, содержащіеся въ добытыхъ этимъ путемъ общихъ законахъ, но и предсказывать будущее, когда долженъ появиться такой частный случай, (напримѣръ, предсказаніе солнечнаго и др. затмѣній, предсказаніе заболѣванія и его признаковъ отъ изученныхъ вредныхъ вліяній на организмъ, предсказаніе исходовъ болѣзней и т. п.).

Герою сказаннаго переворота въ наукѣ признавъ почти всеми, хотя и не совсѣмъ справедливо, Бэконъ Веруламскій * на томъ основаніи, что онъ первый указалъ на необходимость индукціи для положительнаго знанія и далъ правильный методъ для образованія истинныхъ индукцій, независимо отъ случайности. Но исторія философіи и наукъ показываетъ, что высказанные Бэкономъ въ его сочиненіяхъ общее начало и принципъ метода уже существовали до него въ XVI вѣкѣ, хотя только какъ частныя разрозненныя индукціи, руководившія болѣе или менѣе сознательно нѣкоторыми спеціальными изслѣдованіями ученыхъ. Эти частныя индукціи еще до Бэкона начали соединяться въ одну общую индукцію, выражавшую въ сознаніи потребность метода для наблюденія и образованія научныхъ законовъ. Такъ, Сопсіо или Асопсіо ** написалъ въ XVI вѣкѣ маленькое сочиненіе на латинскомъ

* Онъ родился въ 1561 г., умеръ въ 1626 г. Его главныя сочиненія: *De dignitate et augmentis scientiarum*. anno 1605 г., *Novum organum scientiarum*. anno 1620. Сочиненія о нравственности: *sermones fideles*.

** Итальянскій инженеръ, нашедшій въ Англіи въ 1567 г., убѣжище отъ преслѣдованія паперовъ за переходъ въ реформатскую вѣру и за сочиненіе, направленное противъ католицизма „*Stratagème de Satan*“. Смотри: *Histoire comparée des systèmes de philosophie*. Par I. M. de Jerando 2 ed. T. II p. 3 et suiv. an 1847.

языкъ о методѣ, которое мало обратило на себя вниманія и вскорѣ было почти всѣми забыто, не смотря на новостъ для того времени изложенныхъ въ немъ мыслей о необходимости и пользѣ метода для человѣческаго ума *.

Изъ этого мы видимъ, что еще до Бэкона среди высшаго человѣчества находилась въ процессѣ полного развитія новая интеллектуальная сила, заявившая энергическое противодѣйствіе случайному приобрѣтенію знанія и стремившаяся оградить всякій новый проростъ знанія контролемъ правильнаго метода. Это выражалось особенно въ самомъ примѣненіи его на практикѣ, при изслѣдованіи специальныхъ областей знанія нѣкоторыми учеными, предшественниками и современниками Бэкона, на которыхъ сочиненія послѣдняго не могли имѣть никакого вліянія. Такъ, уже до него въ медицинѣ изученіе анатоміи и стремленіе объясненія болѣзней путемъ объективныхъ знаній достигло значительной степени (Vesalius, Fabricio d'Aequapendente, Severino, Gilbert и многіе другіе). Выше всѣхъ въ этомъ отношеніи сталъ Галилей **, современникъ Бэкона; независимо отъ послѣдняго онъ примѣнялъ въ своихъ наблюденіяхъ на практикѣ тотъ точный методъ, о теоріи котораго мечталъ Бэконъ. Галилей объявилъ войну метафизикѣ въ области физики. Его наблюденія отличались чистотой въ своей объективности и строгостью экспериментальнаго метода. „Философія“, говорилъ онъ, „начертана въ природѣ: эта великая книга написана математическими знаками“. Его наблюденія и опыты относительно законовъ паденія тѣлъ, произведенные въ 1602 г., представляютъ примѣръ строгой точности и совершенства въ наблюденіи и опытѣ. Будучи гениальнымъ наблюдателемъ, Галилей вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ огромную пользу творчества воображенія для науки, если только это творчество не выходитъ изъ законныхъ границъ. Такъ, напр., колебанія висячей лампы въ Пизанскомъ соборѣ натолкнули Галилея съ помощью воображенія на законы

* Сопсіо говоритъ слѣдующее: на 30 лѣтъ, посвященныхъ изученію, не много будетъ пожертвовать 20 лѣтъ на приобрѣтеніе истинныхъ и хорошихъ методовъ. Методъ есть прямое средство какъ для изслѣдованія истины и узнанія предметовъ, такъ и для передачи этого знанія, когда оно приобрѣтено“. Отыскивая инструменты, болѣе подходящіе человѣческому уму, онъ стремится прежде всего опредѣлить, въ чемъ состоитъ знаніе предметовъ? Онъ опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: „мы имѣемъ полное знаніе предмета тогда, когда мы знаемъ, что такое этотъ предметъ, его причины и послѣдствія и т. д.“ De Methodo §§ 1, 3 и 6.

** Галилей родился въ Пизѣ въ 1564 г., а умеръ въ 1642 г.

маятника, которыми гениальный ученый и воспользовался для измѣренія времени. Открытіемъ измѣняющихся свѣтовыхъ фигуръ (фазъ) Меркурія, Венеры и Марса онъ подтвердилъ систему Коперника и сдѣлалъ несомнѣннымъ движеніе планетъ вокругъ солнца и ихъ освѣщеніе солнцемъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что правильный путь къ чистому опыту и объективной мыслевой обработкѣ матеріала, полученнаго изъ наблюденія, былъ ясно намѣченъ еще до Бэкона. Послѣднему принадлежитъ только честь соединенія всѣхъ частныхъ индукцій, развившихся во многихъ спеціальныхъ областяхъ знанія въ одинъ общій отвлеченный принципъ метода пріобрѣтенія знанія. Съ тѣхъ поръ всѣ положительныя изслѣдованія пошли по этой общей дорогѣ, и міръ удивился, сравнивая результаты положительнаго знанія, полученные этимъ путемъ въ кратчайшій періодъ времени, съ тѣмъ сомнительнымъ знаніемъ, которое получалось прежними учеными, впродолженіи всей интеллектуальной жизни человѣчества; когда мысль человѣка шла ощупью по дорогѣ изслѣдованія и мышленія, не имѣя опоры въ сказанномъ методѣ. Блестательные результаты, данные правильнымъ методомъ въ положительныхъ наукахъ, вызвали реакцію и въ области спекулятивнаго мышленія. Сначала Нитѣ въ Англии, затѣмъ Кантъ въ Германіи и Контъ (Comte) во Франціи ввели методъ критицизма и въ отвлеченномъ мышленіи. Прежнія синтетическія философскія формы, въ которыхъ представлялся намъ ви́шній и внутренній (психическій) міръ силой критики этихъ гениальныхъ людей разрушались и разлагались до самыхъ послѣднихъ интуитивныхъ элементовъ, и ложность ихъ апіористической постройки доказывалась, приходя въ соприкосновеніе съ опытомъ и законами положительнаго знанія. Вслѣдствіе этого, общія апіористическія (субъективныя или мистическія) воззрѣнія перестали служить основаніемъ для положеній въ соціальныхъ наукахъ, ихъ мѣсто заняли факты, полученные изъ наблюденій и статистики. Тамъ, гдѣ прежде не смѣли и думать объ опытахъ, экспериментальный методъ открылъ поразительныя и въ высшей степени поучительныя данныя. Такъ, въ психологіи явился цѣлый рядъ наблюденій и опытовъ надъ психическими явленіями людей и животныхъ. При этомъ испытуемыя существа приводились въ различныя психическія положенія и подвергались тѣмъ или другимъ, ви́шнимъ и внутреннимъ вліяніямъ. Опыты надъ образованіями воспріятій у людей, опредѣленія условій ихъ количественной разни-

цы, нужнаго времени для образованія, воспріятій, отношеніе и зависимость этихъ воспріятій отъ вѣдшихъ явленій, — условій, при которыхъ мы получаемъ чрезъ наши органы чувствъ ложныя воспріятія, и т. п. изслѣдованія, о которыхъ мы говорили въ I томѣ, — породили цѣлую науку — психофизику. Первая уже дала цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что психическія явленія, насколько онѣ доступны наблюденію и опыту, подчиняются точнымъ и положительнымъ законамъ. Эти факты убѣдили, что наше сознаніе не только не есть внутреннее око, какъ думали прежде, — око, въ которомъ отражается внутренній психическій міръ, но, что путемъ сознанія, человѣкъ не получаетъ ни малѣйшаго понятія объ объективныхъ психическихъ процессахъ, съ помощью которыхъ въ немъ развивается знаніе. Путемъ критицизма сдѣлалось яснымъ, что философы, прислушивавшіеся къ голосу своего сознанія для постройки психологическихъ теорій, впадали на каждомъ шагу въ грубыя ошибки. Критика психологіи доказала, что все наше дѣйствительное знаніе происходитъ изъ одного только источника, — органовъ чувствъ. Изученіе психическихъ явленій животныхъ открыло и въ ихъ душѣ свойства сродныя человѣческой душѣ, а съ познаніемъ этихъ свойствъ, намъ стала яснѣе и наша собственная психическая жизнь. Какъ въ положительныхъ и естественныхъ наукахъ, такъ и въ психологіи, благодаря методу и критикѣ, одно открытіе слѣдуетъ за другимъ и обогащаетъ человѣчество фактами знанія, въ которыхъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ усумниться не можетъ. Періодъ вліянія этихъ новыхъ силъ на человѣческое мышленіе еще такъ коротокъ, а результаты этого вліянія уже такъ богаты, что границы будущихъ открытій не могутъ не казаться намъ безпредѣльными.

§ 3. Происхожденіе психической силы, породившей правильный методъ и критицизмъ.

Невольно рождается вопросъ: откуда взялась эта новая сила познанія, озарившая умъ человѣка? Отчего столько тысячелѣтій она составляла человѣчество ждать себя? Отвѣты на эти вопросы мы найдемъ, если примемъ, на основаніи нижеизложенныхъ фактовъ, что, кромѣ получаемого нами познанія явленій и движеній вѣшняго міра съ помощью нашихъ органовъ чувствъ и периферическихъ чувствительныхъ нервовъ, въ человѣкѣ существуютъ еще и способности опыта внутреннихъ, происходящихъ въ немъ психическихъ явленій, т. е. даръ познанаія его собственныхъ внутреннихъ психо-интеллектуальныхъ движеній. Мы знаемъ,

что внѣшнія движенія, сообщаясь черезъ периферическіе нервы органовъ чувствъ мозгу, вызываютъ въ его ячейкахъ образованіе интеллектуальныхъ ячеекъ; развитіемъ активной силы каждой изъ послѣднихъ получается познаніе того, извнѣ пришедшаго движенія, благодаря которому она образовалась. Причина каждого изъ такихъ познаній заключалась во внѣшнемъ движеніи, въ нервномъ волокнѣ и мозговой ячейкѣ съ ихъ матеріей, которая переноситъ извнѣ въ мозгъ и перерабатываютъ внѣшнее движеніе въ силу познанія. Но активная сила интеллектуальныхъ ячеекъ, порождающая сказанное познаніе, есть само по себѣ также движеніе, хотя и внутреннее, психическое. Поэтому, если послѣднее встрѣчается въ свою очередь въ районѣ своей дѣятельности аппаратъ, воспринимающій толчекъ этого движенія и перерабатывающій его, въ формацию, на подобіе аппарата, вырабатывающаго познанія внѣшнихъ движеній, т. е. если въ мозгу найдутся внутреннія нервныя волокна, начинающіяся и кончающіяся въ немъ, способныя воспринять и это внутреннее психическое движеніе, и если эти волокна соединены съ соответствующими мозговыми ячейками, въ которыхъ ихъ матерія въ активномъ движеніи можетъ переобразовываться въ психическія формации, то каждое дѣятельное внутреннее движеніе интеллектуальной формации, сообщая свой толчекъ такому волокну, вызываетъ въ веществѣ содержимомъ въ этомъ волокнѣ движеніе. Это вещество, будучи въ движеніи, прійдя въ соответствующую мозговую ячейку, можетъ также преобразоваться въ психическую ячейку, подобно тому, какъ внѣшнее движеніе переобразовалось въ интеллектуальную ячейку или формацию *. Но какъ функція каждой психо-интеллектуальной ячейки состоитъ въ развитіи познанія своего содержанія, то какъ интеллектуальная формация даетъ познаніе внѣшняго движенія, ее породившаго, такъ отъ психической формации получается познаніе внутренняго движенія той интеллектуальной формации. Функція этихъ психическихъ формаций будетъ состоять не въ познаніи явленій внѣшняго опыта, а только своего внутренняго психическаго міра.

Въ такомъ случаѣ природа нашего интеллекта даетъ намъ не только возможность относительнаго познанія явленій и ихъ комбинацій, кото-

* Для отличія формаций, порожденныхъ внѣшними движеніями отъ образующихся вслѣдствіе внутреннихъ движеній въ психо-интеллектуальномъ аппаратѣ, мы называемъ первыя интеллектуальными формациями или ячейками, а послѣднія психическими формациями или ячейками.

рия встрѣчаются намъ во внѣшнемъ мірѣ и въ нашемъ собственномъ тѣлѣ, но и такое же познаніе самаго процесса этого познания. Предполагаемое нами существованіе такого аппарата подтверждается во 1) анатоміей мозга, доказывающей, что въ мозгу находится множество нервныхъ волоконъ, соединенныхъ съ мозговыми ячейками, начинающихся и кончающихся въ мозгу; слѣдовательно они не находятся въ связи съ внѣшнимъ міромъ, и потому могутъ воспринимать однѣ только внутреннія движенія, совершающіяся въ самомъ мозгу *), но отнюдь не тѣ, которыя совершаются внѣ мозга. 2) Всѣ данныя науки безспорно свидѣтельствуютъ, что только внѣшній опытъ есть единственный источникъ нашего знанія, и безъ него вообще невозможно никакое знаніе. Между тѣмъ въ насъ вырабатывается цѣлая область такъ называемаго отвлеченнаго знанія, которое никакимъ образомъ не получается изъ непосредственнаго опыта путемъ нашихъ органовъ чувствъ, напр. познаніе вещественности, сходства и отличія, времени и пространства, причины и слѣдствія и т. п. Спрашивается: откуда берутся эти познанія?—Принять съ Кантомъ прирожденность человѣку отвлеченныхъ знаній, то это значить допустить противорѣчіе тому, что выработала наука. Гельмгольцъ совершенно правъ, утверждая, что „ложное ученіе Канта о врожденныхъ формахъ познанія, какъ простыхъ, не разлагающихся болѣе психическихъ явленійхъ, съ помощью которыхъ человѣкъ познаетъ: пространство, время и т. п. вытекло изъ недостаточнаго развитія знанія въ кантовское время въ областяхъ математики и фізіологіи органовъ чувствъ“. Если эти отвлеченныя силы познанія были бы прирожденными, то онѣ должны были бы быть одинаковы во всѣхъ людяхъ и заявить себя съ самаго начала существованія каждаго человѣка въ отдѣльности и всего человѣчества вообще, а между тѣмъ мы ниже увидимъ, что потребовалось много тысячелѣтій, пока эти отвлеченныя познанія, идя такимъ же путемъ дифференцированія и постояннаго развитія, дошли, наконецъ, до познанія общихъ законовъ, общаго изъ частнаго, какъ это мы видѣли и въ развитіи эмпирическаго знанія. Ниже, при описаніи развитія каждаго познанія изъ психическихъ, отвлечен-

* „Волокнистые элементы мозга“, говоритъ Вундтъ (*Grundzüge der physiol. Psychologie*. 1. H. S. 28), „отчасти суть продолженія периферическихъ нервовъ въ мозгу, отчасти они въ самомъ мозгу соединяютъ между собой различныя группы нервныхъ ячеекъ, и эти соединяющіяся волокна проходятъ въ сѣромъ веществѣ мозга“. (Слѣдовательно тамъ, гдѣ развивается психо-интеллектуальная сила).

ныхъ силъ, мы убѣдимся въ вѣрности сказаннаго. Поэтому, если отвлеченное знаніе безъ эмпирическаго не есть знаніе и, если оно не можетъ развиться и существовать безъ послѣдняго, то оно должно отъ него зависѣть. Если отвлеченное мышленіе достигло настоящаго своего развитія послѣ тысячелѣтнихъ трудовъ эмпирической работы, и если наконецъ въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и во всемъ человѣчествѣ сила и степень развитія отвлеченнаго знанія пропорціональны эмпирическому наблюденію и мышленію, причемъ послѣднее всегда предшествуетъ первому, — то остается только допустить, что отвлеченное знаніе получается изъ эмпирическаго, порождается имъ и потому тоже есть продуктъ внѣшняго опыта, хотя и посредственный.

3) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ насъ развивается познаніе, не только внѣшняго міра и нашего тѣла, но еще и нашихъ психическихъ движеній. Такъ, напр., мы не только познаемъ содержаніе дѣятельныхъ представленій и ихъ символовъ — словъ, въ ихъ слѣдованіи другъ за другомъ въ мышленіи, но познаемъ и самое слѣдованіе; мы знаемъ, когда мысль течетъ въ насъ плавно, и когда представленія ассоціируются съ трудомъ и препятствіями; съ появленіемъ объекта въ нашемъ опытѣ, мы познаемъ не только присутствіе этого объекта, но, съ его исчезновеніемъ мы познаемъ, что предметъ былъ и что теперь его больше нѣтъ. Если мы узнали, что предметъ состоитъ изъ такихъ-то атрибутовъ, то въ насъ существуетъ познаніе не только всѣхъ этихъ свойствъ въ одномъ представленіи, но и необходимости ихъ сосуществованія, и если мы не замѣчаемъ въ подобномъ объектѣ, при новомъ опытѣ, одного изъ ему присущихъ свойствъ, — мы ищемъ его. Если мы не найдемъ этого свойства въ объектѣ, то отрицаемъ самый предметъ, какъ объектъ нашего прежняго опыта, и именно вслѣдствіе отсутствія въ немъ того атрибута, сосуществованіе котораго въ связи съ другими находится въ нашемъ познаніи. 4) Мы видѣли, что въ составъ представленій нашихъ движеній входятъ, какъ образовательный матеріалъ, не только воспріятія, полученныя отъ вида этихъ движеній, не только ощущенія, вызываемыя въ насъ мышечнымъ сокращеніемъ, но и познаніе силы инерваціи, предшествовавшей въ нашей душѣ каждому отдѣльному движенію, при чемъ матеріаломъ для такого познанія могло служить только внутреннее движеніе, происходящее въ самомъ психоинтеллектуальномъ органѣ. Только, благодаря познанію напряженія силы, предшествующей въ психоинтеллектуальномъ аппаратѣ всякому

сознательному движенію въ человѣкѣ, съ помощью опыта развивается познаніе: какое напряженіе внутренней инервации должно развиваться всякій разъ, чтобы быть въ состояніи отвѣчать силѣ и объему даннаго движенія, которое имѣется въ виду. Всѣ тонкости въ движеніяхъ виртуозовъ, то, что называютъ не только отчетливой и бѣглою игрой, а *душей* игры, всѣ повышенія и пониженія голоса ораторами и т. п. — все это зависитъ отъ примѣси къ физическому механизму чисто психической силы, происходящей отъ степени развитія этого внутренняго познанія. Что это познаніе не дается самымъ мышечнымъ движеніемъ или движеніемъ въ периферическомъ нервѣ, доказывается тѣмъ, что люди съ парализованными конечностями, стараясь привести ихъ въ движеніе, познаютъ свое неимовѣрное усиліе, не смотря на то, что этимъ усиліемъ не вызывается ни малѣйшаго движенія ни въ одномъ двигательномъ нервномъ волокнѣ, ни въ одной фибрѣ мышцы.

§ 4. Психическія формаціи и ихъ синтезы. Отличіе ихъ отъ интеллектуальныхъ формацій и ихъ связей.

Изъ сказаннаго мы видѣли, что представленія, вызванныя объектами и явленіями внѣшняго опыта, не заканчиваютъ собою акта познанія, вызваннаго движеніемъ этого внѣшняго опыта. Эти представленія своимъ активнымъ движеніемъ въ интеллектѣ дѣлаются въ свою очередь объектами познанія, потому что ихъ движенія вызываютъ въ соотвѣтствующихъ ячейкахъ мозга образованіе такихъ же организованныхъ формацій, дающихъ познаніе внутренняго движенія въ интеллектѣ самыхъ представлений. Такъ какъ, вслѣдъ за появленіемъ въ дѣятельности интеллектуальной формаціи внѣшняго опыта, изъ ея движенія образуется психическая формація, то обѣ онѣ, на основаніи извѣстнаго намъ закона, должны тѣсно соединяться между собой и послѣдняя составляетъ непосредственное продолженіе и дополненіе первой. Психологи принимаютъ это слѣдствіе и продолженіе реального знанія за чисто отвлеченное знаніе, безъ всякой связи съ внѣшнимъ міромъ, изъ котораго въ дѣйствительности это знаніе выросло, подобно тому, какъ вѣтви дерева вырастаютъ изъ его корня, хотя послѣдній находится въ землѣ, а первыя развиваются въ воздухѣ и между ними находится стволъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у людей также, какъ и у животныхъ, кромѣ знанія, получаемаго непосредственно через органы чувствъ, есть еще и такое, которое не приходитъ этой дорогой, какъ напр. знаніе силы, бытія и небытія, времени, пространства, причины,

количества и т. п. Что эти познанія не получаютъ прямо изъ внѣшняго опыта, кромѣ вышесказаннаго, доказывается еще и тѣмъ, что веѣ синтезы внѣшняго опыта, какой бы высокой степени они ни были, всегда обратно могутъ разложиться путемъ анализа на болѣе и болѣе частныя интеллектуальныя соединенія. Путемъ разложенія этого обобщенія мы непременно дойдемъ до простаго единичнаго представленія и до интуитивныхъ воспріятій, которыя служили первоначальными элементами всей постройки даннаго синтеза. Всѣ эти элементы отвѣчаютъ объектамъ внѣшняго опыта, послужившимъ матеріаломъ для ихъ образованія. Но психическія познанія движеній нашего внутренняго интеллектуальнаго міра не разлагаются на интуитивныя представленія внѣшняго опыта, потому что они образовались не изъ него; представить же себѣ объекты нашего внутренняго мышленія мы не можемъ, потому что познаніе ихъ получается нами не черезъ органы чувствъ. Возможность реального пониманія отвлеченнаго дается, во первыхъ, или тѣмъ представленіемъ опыта, которое вызвало его первоначальное образованіе своимъ движеніемъ и которое соединилось съ нимъ, какъ съ непосредственнымъ продолженіемъ его развитія, подобно тому, какъ одна часть тѣла неразрывно связывается съ другой частью, развившейся изъ первой; или же, во вторыхъ, когда это отвлеченное знаніе не интуитивное, а сложное, и когда для его сознанія необходимо соединить его съ какимъ нибудь представленіемъ внѣшняго опыта, которое не имѣетъ собственно ничего общаго съ отвлеченнымъ знаніемъ и служить только символомъ, съ помощью котораго это отвлеченное знаніе реализуется. Этими символами служатъ или слова, или другія представленія, взятая изъ опыта. Такъ напр. древніе представляли время въ видѣ несочныхъ часовъ, силу въ видѣ льва и т. д. Но невозможность представленія этихъ психическихъ формацій самихъ по себѣ въ сознаніи и была именно причиной непониманія и ихъ происхожденія, и ихъ роли въ мышленіи, и реальности ихъ существованія, какъ психическихъ формацій, т. е. какъ частей организма, помимо сознанія. Поэтому ихъ принимали или за отвлеченныя силы, не принадлежащія тѣлу и пришедшія не изъ опыта, а свыше, или же только за врожденныя формы нашей познавательной природы, которыя пополнялись представленіями дѣйствительнаго міра, а сами по себѣ не имѣли никакого содержанія. Введенные въ заблужденіе сознаніемъ, недающимъ объективнаго знанія создаваемого, философы не поняли всего

значенія психо-интеллектуальной силы, получаемой человѣкомъ отъ внутренней мыслевой работы. Ея содержаніе составляютъ не движенія внѣшняго міра, а внутреннія движенія факторовъ своего собственнаго интеллекта. Такъ какъ каждая формація даетъ только знаніе своего собственнаго содержанія, то съ помощію первой силы мы познаемъ внѣшнія движенія, а вторая даетъ познаніе внутреннихъ движеній, недоступныхъ органамъ чувствъ. Какъ интеллектуальныя, такъ и психическія формаціи первоначально могутъ быть только простыми клѣточками т. е. элементарными. Накопляющійся опытъ этихъ послѣднихъ движеній даетъ возможность обобщенія или синтезовъ частныхъ психическихъ элементовъ, путемъ дифференцированія, въ общіе субстраты, продуцирующіе все болышую и отвлеченнѣйшую силу познанія. Пока эта психическая сила остается разрозненной въ видѣ отдѣльныхъ частныхъ силъ, тѣсно соединенныхъ съ эмпирическими, интеллектуальными представленіями внѣшняго опыта, онѣ сами по себѣ не имѣютъ преобладающаго вліянія на интеллектуальныя движенія, но отдѣлившись отъ эмпирическихъ интеллектуальныхъ силъ и соединившись путемъ дифференцированія въ сложныя, чисто-психическія синтезы, онѣ дѣлаются господствующими, какъ продуктъ высшаго и позднѣйшаго дифференцированія психо-интеллектуальной ткани. Эти синтезы, насколько они успѣли развиваться въ каждомъ человѣкѣ, опредѣляютъ его отвлеченное міровоззрѣніе. Сила, какъ мы знаемъ, не можетъ вытекать изъ пустой формы, а есть неизбѣжный атрибутъ вещества; слѣдовательно и новая психическая сила должна была, въ свою очередь, получиться отъ вновь развившагося психического вещества. Въ живой природѣ всего органическаго міра мы знаемъ только одно вещество, дающее живую органическую силу; это вещество есть организованная клѣточка и образованія, развившіяся въ нея. Эта психическая, такъ называемая, отвлеченная сила, должна, какъ и все познанія интеллекта, вырости изъ организма, т. е. изъ клѣточки.

Мы уже видѣли, что органъ нашего эмпирическаго знанія созданъ изъ интеллектуальной ячейки, но такъ какъ психическое знаніе есть только дальнѣйшее развитіе перваго знанія, то его органической субстратъ долженъ получиться путемъ дифференцированія изъ ткани перваго; слѣдовательно начало и источникъ психической силы долженъ заключаться въ клѣточкахъ, дающихъ эмпирическое познаніе внѣшней силы. Мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что зародыши знанія психическихъ

движеній и отношеній получаются изъ познанія вѣшняго міра, и что они слѣдуютъ въ познаніи вскорѣ за этимъ познаніемъ. Такъ, элементарное знаніе психическихъ движеній, безъ малѣйшаго сознанія ихъ происхожденія и отношенія, мы встрѣчаемъ даже у животныхъ, дѣтей и дикихъ народовъ. Напр., познаніе силы, мы видимъ очень ясно въ дѣйствіяхъ животныхъ. При своихъ скачкахъ съ одной скалы на другую, при своемъ нападеніи на живую добычу, животное съ удивительною точностью соразмѣряетъ заранѣе силу прыжка для своего нападенія. Оно смѣло бросается на слабѣйшее животное и бѣжитъ отъ сильнѣйшаго. У животныхъ мы также встрѣчаемъ и познаніе времени. Такъ, напр., перелетныя птицы знаютъ время своего отлета; при совокувленіи онѣ рассчитываютъ, чтобы къ извѣстному времени ихъ птенцы могли принять участіе въ общемъ перекочеваніи. Собака, вѣрно рассчитываетъ время, приближенія къ ней разгнѣваннаго хозяина,—если онъ далекъ, то собака уходитъ медленно; въ противномъ случаѣ она убѣгаетъ очень скоро и т. д... Представленіе пространства, мы встрѣчаемъ не только у взрослыхъ животныхъ, но даже и у молодыхъ, такъ напр. цыплята, недавно вылупившіеся изъ яйца, съ точностью опредѣляютъ разстояніе зерна и, при клеваніи, прямо ищутъ его. Новорожденный, подъ вліяніемъ голода, ищетъ груди движеніями рта въ пространствѣ. То обстоятельство, что за однимъ явленіемъ непременно послѣдуетъ другое, (когда это слѣдованіе уже позналось разъ на опытѣ), это знаютъ даже животныя и дѣти. Такъ, напр., охотничья собака, неподвижно ожидаетъ выстрѣла. Дитя, которое обыкновенно кладутъ на подушку для кормленія грудью, прекращаетъ свой крикъ отъ голода, какъ только его положить на подушку, прежде нежели оно прикоснулось къ груди и пр...

Но подобное знаніе есть непосредственное слѣдствіе природы мышленія и образуется въ насъ непосредственно вслѣдъ за образованіемъ представленій вѣшняго опыта и ихъ связей, точно также какъ наши интуитивныя воспріятія даются непосредственнымъ воздѣйствіемъ на органы чувствъ вѣшнихъ движеній. Отъ того эти интуитивныя психическія знанія неразлучны съ представленіями тѣхъ вѣшнихъ движеній, которыя ихъ вызвали. Такъ, низкое умственное развитіе даетъ познаніе силы только самого себя или какого нибудь другаго объекта, но не силы вообще; познается зерно въ пространствѣ, но не самое пространство; вѣрится, что за извѣстнымъ явленіемъ слѣдуетъ другое, потому что въ прежнемъ опытѣ эти явленія уже слѣдовали другъ за

другомъ, но нѣтъ познанія причины и слѣдствія и т. д. Невозможность представить себѣ эти познанія психическихъ состояній отдѣльными отъ представлений внѣшняго опыта безъ слова, (служащаго ихъ символомъ), доказываетъ невозможность существованія этого знанія, какъ самостоятельной силы, у животныхъ и неразвитыхъ людей. Что эта высшая психическая сила получается только постепеннымъ развитіемъ изъ интуитивнаго матеріала, это доказываетъ еще и то, что на языкѣ дикихъ людей, какъ свидѣтельствуя ученые, посвятившіе себя ихъ изученію, нѣтъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій. На постепенное развитіе этой силы и на очищеніе ея отъ элементовъ эмпирическаго опыта указываетъ разница въ пониманіи однихъ и тѣхъ же наименованій отвлеченныхъ познаній въ различныхъ классахъ, даже въ цивилизованномъ обществѣ, напр. то, что разумѣется подъ словами — причина, слѣдствіе, сила и т. п., совершенно различно понимается большинствомъ народа, полуобразованными и интеллигентными людьми. Но, чтобы получить ясное представленіе о постепенномъ развитіи чисто психическаго субстрата и его силы отвлеченнаго познанія, изъ психическаго интуитивнаго матеріала мы подчинимъ и этотъ процессъ нашей теоріи целулярнаго психическаго развитія и посмотримъ, какимъ образомъ, на основаніи этой теоріи, можно себѣ представить образованіе въ насъ нашихъ высшихъ отвлеченныхъ познаній.

§ 5. Познаніе силы.

Познаніе каждой личностью силы вообще и своей собственной въ особенности первоначально вытекаетъ изъ ея внутренняго психическаго творчества. Наблюдая за развитіемъ животныхъ и дѣтей, мы убѣждаемся, что это познаніе вначалѣ слабо и что оно совершенствуется съ дальнѣйшимъ опытомъ. Такъ, птицы сначала не могутъ соразмѣрять своего внутренняго напряженія силы съ потребностью полета; движенія дѣтей и походка ихъ сначала очень неправильны отъ неумѣнья употребить силу, точно отвѣчающую необходимому движенію. Ребенокъ, напр., въ своей походкѣ то слишкомъ высоко закидываетъ ножку, то слишкомъ далеко, то едва поднимаетъ ее отъ земли, то тащитъ по землѣ, то дѣлаетъ очень малые шаги и пр. Съ дальнѣйшимъ опытомъ человекъ и животное совершенствуются болѣе и болѣе въ познаніи, какую долю внутренняго усилія должно употребить для точнаго выполненія того или другаго движенія. Съ укрѣпленіемъ связи представленій опредѣленныхъ движеній, съ представленіемъ потребнаго на

каждое изъ нихъ внутренняго напряженія, при частомъ повтореніи опредѣленныхъ движеній, эти психо-интеллектуальные процессы слѣдуютъ съ такой скоростію другъ за другомъ въ дѣятельности, что сознание ихъ, требующее опредѣленнаго времени, дѣлается невозможнымъ. Эти движенія на такой степени развитія совершаются безсознательно, какъ будто автоматически. Человѣкъ, направляя свои шаги къ опредѣленной цѣли, можетъ въ это время думать о предметахъ, совершенно постороннихъ хожденію, не сознавая при этомъ ни одного изъ актовъ, совершающихся въ немъ процессомъ хожденія. Спрашивается: откуда берется интуитивное, сначала несовершенное, познаніе силы и какъ оно впоследствии совершенствуется? Изъ нашей теоріи мы знаемъ, что, если интеллектуальныя формаціи содержатъ въ себѣ свободную активную силу, оставшуюся неизрасходованной на внутреннюю интеллектуальную работу, или на развитіе теплоты, то эта свободная сила стремится выйти наружу. Путь для этого выхода изъ психо-интеллектуальной дѣятельной арены представляютъ двигательныя мозговья ячейки и двигательныя нервныя волокна, идущія отъ коркового вещества мозга къ полосатымъ тѣламъ, передающія эту силу мышцамъ, съ которыми послѣднія связаны спинными и периферическими двигательными волокнами. Этимъ толчкомъ потенціальная сила мышцъ переводится въ активную, т. е. въ мышечное сокращеніе. Слѣдовательно, внутренній переходъ изъ психической сферы къ двигательнымъ ячейкамъ, къ нервнымъ волокнамъ и ихъ мышцамъ непремѣнно долженъ состоять изъ активнаго внутренняго движенія, совершающагося въ самомъ мыслевомъ круговоротѣ, потому что механическая сила можетъ только быть продолженіемъ такой же реальной силы.

Это психическое движеніе психо-интеллектуальной формаціи, стремящейся разрядиться наружу движеніемъ, еще до прихода въ сообщеніе съ ячейками двигательнаго аппарата, который и находится внѣ психо-интеллектуальнаго аппарата (*lobus praefrontalis*—Гитцигъ, Феріеръ и др.), можетъ въ каналѣ, при своемъ движеніи, сообщить толчокъ психическому внутреннему волокну, кончающемуся въ нервной недвигательной ячейкѣ мозговой коры. Этимъ толчкомъ передается только малѣйшая частица свободной силы формаціи, какъ напр. свѣтъ, распространяющійся во внѣшней средѣ, только малѣйшей частію своего движенія касается зрительной оболочки. Это движеніе въ внутреннемъ нервномъ мозговомъ волокнѣ, увлекаетъ съ собою его нервную

матерію въ соотвѣтствующую мозговую ячейку мозговой коры, и въ эту ячейку волокно вливаетъ свое содержимое. Изъ пришедшей такимъ образомъ въ ту мозговую ячейку нервной матеріи, съ сообщеннымъ ей активнымъ движеніемъ двигающейся формаціи, образовательной силой ячейки мозговой коры образуется новая психическая формація. Функція этой психической формаціи, точно также какъ и интеллектуальной, состоитъ въ познаніи ея содержанія, т. е. активного движенія, изъ котораго оно образовалось, какъ напр. каждое свѣтовое воспріятіе даетъ познаніе силы, количество и качество вѣшняго свѣтоваго впечатлѣнія, вызвавшаго это воспріятіе, такъ точно новая психическая формація даетъ познаніе характера и силы напряженія психического движенія формаціи до разрѣшенія его вѣшнимъ движеніемъ.

Для воспріятія психического движенія могутъ существовать спеціальныя нервныя ячейки въ мозговой корѣ съ ихъ отростками и волокнами, кончающимися въ сѣтяхъ психо-интеллектуальнаго канала, какъ нервныя волокна въ специфическихъ вѣшнихъ органахъ чувствъ; или же активное движеніе формаціи, при своемъ стремленіи разрядиться наружу, можетъ своимъ движеніемъ вызвать одинаковыя формаціи въ нѣкоторыхъ ячейкахъ мозговой коры, которыя по однородности своего содержанія сливаются въ одно сознаніе даннаго психического напряженія.

Такимъ образомъ, животное получаетъ познаніе совершающагося въ его душѣ внутренняго напряженія передъ всякимъ сознательнымъ дѣйствіемъ. А такъ какъ непосредственно за познаніемъ внутренняго психического движенія слѣдуетъ само вѣшнее дѣйствіе, то первая психическая ячейка соединяется съ представленіемъ самаго вѣшняго движенія, вызваннаго этимъ внутреннимъ движеніемъ. Мышечныя сокращенія, которыми разрѣшается каждое психическое напряженіе, различны по объему, т. е. по количеству мышцъ, принимающихъ участіе въ данномъ движеніи, по различнымъ группамъ мышцъ, приводимымъ при каждомъ сознательномъ дѣйствіи въ сокращеніе. Поэтому для отчетливаго сознательнаго вѣшняго дѣйствія недостаточно одной только передачи психического толчка мышечнымъ нервамъ. Для этого необходимо, чтобы психическая сила направлялась каждый разъ къ тому двигательному аппарату въ мозговой корѣ, который вызываетъ опредѣленное, соотвѣтствующее ему движеніе, т. е. чтобы энергія внутренняго напряженія соотвѣтствовала бы какъ требующейся энергіи, такъ и количест-

ву и качеству мускульной работы для совершенія желаемого дѣйствія; накопецъ, чтобы сами мышцы въ точной опредѣленной комбинаціи приучились дружно и согласно отвѣчать на психическіе импульсы. Всякій знаетъ, какъ трудно и неправильно выполняются сначала эти движенія дѣтьми, пока постепеннымъ и труднымъ упражненіемъ не достигается искусство точнаго выполненія сознательныхъ движеній. Также точно и вполнѣ пріобрѣтенное умѣнье выражать словами свои мысли и совершать сознательныя дѣйствія, при порчѣ мозгового механизма, въ различныхъ болѣзняхъ ткани мозга, способность правильнаго выраженія наружу внутреннихъ психо-интеллектуальныхъ процессовъ или нарушается временно, или теряется навсегда: отъ затрудненія рѣчи до полной афазіи, отъ неловкихъ движеній до полной потери способности мышечнаго сокращенія. Эти больные часто ясно сознаютъ внутреннее напряженіе, ими продуцируемое для совершенія опредѣленнаго, ими желаемого движенія, но убѣждаются, что это напряженіе теряется втунѣ, т. е. расходуется не на мышечныя цѣлесообразныя движенія, а на другія.

Для совершенія правильнаго сознательнаго движенія необходима правильная и непрерывная связь психо-интеллектуальныхъ процессовъ, которая съ каждымъ повтореніемъ дѣлается все тѣснѣе и быстрѣ протекаетъ въ своемъ дѣйствіи. Прежде всего внутренняя формація, стремящаяся къ разрѣшенію внѣшнимъ дѣйствіемъ, должна быть сильнѣйшей между дѣятельными факторами даннаго психо-интеллектуальнаго движенія, или результатомъ предшествовавшей психо-интеллектуальной работы; вслѣдъ за нею возбуждается къ дѣйствію представленіе требующагося дѣйствія для удовлетворенія напряженія съ разрѣшеніемъ наружу. Подъ давленіемъ этого стремленія дѣлается дѣятельнымъ и представленіе количества напряженія, нужнаго для исполненія такого дѣйствія, а вслѣдъ за нимъ совершается самое дѣйствіе. Этотъ рядъ заканчивается образованіемъ объективнаго представленія самаго совершившагося дѣйствія. Согласіе сего послѣдняго съ психо-интеллектуальнымъ направленіемъ перваго члена этой цѣпи заканчиваетъ данный процессъ возстановленіемъ до того нарушеннаго психо-интеллектуальнаго равновѣсія. Каждый членъ этой цѣпи, для правильнаго развитія своей психо-интеллектуальной работы, для его повторенія и разрѣшенія, требуетъ напряженія всей цѣпи членовъ. Связь же между всѣми членами этой цѣпи укрѣпляется тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ

чаще совершается въ психо-интеллектуальномъ круговоротѣ ихъ непосредственное слѣдованіе. Такимъ образомъ, частымъ повтореніемъ дѣятельности послѣдовательной связи между познаніемъ нужнаго для опредѣленнаго дѣйствія напряженія и представленіемъ слѣдующаго за нимъ дѣйствія, достигается съ помощію частаго упражненія точность и отчетливость въ самыхъ сложныхъ дѣйствіяхъ, требующихъ сначала огромнаго труда для изученія и выполненія. Эта быстрота и отчетливость въ выполненіи поражаетъ насъ не только у людей, какъ напр., у балетныхъ танцовщицъ, у акробатовъ, виртуозовъ и т. п., но также и у животныхъ, въ ихъ борьбѣ съ врагами. Въ рефлекторныхъ движеніяхъ нѣтъ познанія усилія, предшествующаго мышечному дѣйствію потому, что во 1) рефлекторныя движенія вызываются не представленіями, а неорганизованными первыми движеніями; во 2) эти движенія исходятъ не изъ психической сферы, гдѣ возможны образованія психическихъ формацій познанія, а въ спинномъ мозгу и въ частяхъ мозга, не имѣющихъ ячеекъ для образованія формацій познанія; въ 3) еще и отъ того, что быстрота перехода внутренняго нервнаго движенія въ наружное, при рефлекссахъ, не допускаетъ перехода его въ сознаніе*. Послѣднее доказывается и тѣмъ, что, если вслѣдствіе сильнаго навыка переходъ психическаго напряженія въ мышечное сокращеніе дѣлается черезчуръ быстро, человѣкъ машинально совершаетъ свои дѣйствія, вовсе не сознавая усилія, предшествующаго каждому дѣйствію; такъ напр., мы не сознаемъ усилія, употребляемаго при обыкновенной ходьбѣ; виртуозы на различныхъ инструментахъ, пѣвцы и ораторы также не даютъ себѣ отчета въ усилія, предшествующемъ каждому ихъ отдѣльному звуковому движенію. Но это познаніе внутренняго психическаго напряженія, о которомъ мы только что говорили, есть психическое интуитивное, потому что оно не различно съ представленіемъ самаго объективнаго, внѣшняго движенія, которымъ оно разрѣшается. Примѣненіе этого знанія къ дѣйствіямъ, имѣющимъ совершиться въ будущемъ, дается только перенесеніемъ частной связи между психической формаціей, полученной отъ внутренняго напряженія, съ представленіемъ дѣйствительнаго движенія, добытаго изъ опыта, на вновь предстоящее движеніе. Если животному или человѣку предстоитъ сдѣлать то или другое движеніе, которое имъ уже было разъ исполнено, то представленіе этого дѣйствія вызываетъ

* Exner нашелъ, что необходимое время для рефлекса равняется 0", 0662 до 0", 0578. (Pflüger's Arch. VIII. 1874. S. 526).

къ дѣятельности и его *antecedens*, т. е. первый членъ связи, состоящій изъ познанія напряженія, нужнаго для того дѣйствія. Но эта интуитивная связь не даетъ познанія силы вообще, а только усилія потребнаго для опредѣленнаго частнаго движенія. Только съ значительнымъ накопленіемъ этого интуитивнаго, частнаго знанія, послѣ частаго повторенія различныхъ сознательныхъ дѣйствій, формаціи, дающія познанія частныхъ психическихъ напряженій, предшествовавшихъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, мало по малу стремятся къ соединенію въ одну психическую связь, вслѣдствіе однородности своего содержанія. Но пока каждая психическая формація связана съ интеллектуальнымъ представленіемъ каждаго соотвѣтствующаго ему частнаго движенія, это соединеніе невозможно; ему мѣшаетъ разнородность послѣднихъ представленій, тѣсно связанныхъ съ психическими формаціями. Однако, съ большимъ накопленіемъ подобныхъ частныхъ связей, сумма такихъ однородныхъ психическихъ формацій дѣлается въ мышленіи преобладающей, (если только онѣ соберутся въ дѣятельной группѣ), надъ разнородными интеллектуальными представленіями внѣшнихъ мышечныхъ движеній. Подъ напоромъ преобладающаго стремленія къ соединенію этихъ психическихъ ячеекъ (какъ мы выше видѣли въ своемъ мѣстѣ) каждая изъ нихъ выдѣляется съ помощью раздвоенія изъ прежней связи, въ которой онѣ состояли съ представленіемъ внѣшняго движенія, и, образуя группы, всѣ первые члены тѣхъ частныхъ связей, своимъ однороднымъ содержаніемъ, соединяются въ одну общую психическую формацію. Эта формація даетъ познаніе усилія или силы вообще безъ всякаго отношенія къ реальному міру. Для большей ясности мы представимъ этотъ отвлеченный процессъ знаками, какъ мы это и прежде дѣлали при объясненіи образованія интеллектуальныхъ синтезовъ. Если мы назовемъ познаніе психическаго напряженія для вызова опредѣленнаго внѣшняго движенія буквою А, представленіе же самаго дѣйствія, совершившагося вслѣдствіе этого напряженія буквою а, то получимъ связь $A + a$; для другаго дѣйствія—познаніе предшествовашаго психическаго усилія назовемъ В, а представленіе совершившагося дѣйствія b, тогда получимъ $B + b$; такимъ же образомъ для другихъ движеній получимъ $C + c$, $D + d$ и т. д.

Если сознается потребность совершить дѣйствіе b, то оно вызываетъ изъ недѣятельнаго состоянія прежде образовавшагося связь $B + b$; вслѣдствіе однородности представленія дѣйствія, долженствующаго совершиться съ послѣднимъ членомъ прежней связи, т. е. съ тѣмъ же дѣй-

ствіемъ, в совершившимся уже прежде. Между послѣдними представленіями происходитъ слитіе, а вслѣдствіе этого и для будущаго дѣйствія является психическое познаніе В, т. е. внутренняго усилія, потребнаго для выполненія новаго такого же дѣйствія—b и т. п. Но это есть только переносъ знанія прежде образовавшейся частной связи на новый частный случай. Если же какая нибудь изъ этихъ связей, вслѣдствіе однородности членовъ, вызоветъ къ дѣятельности всю познанную группу вышеизложенныхъ связей изъ всего предшествовавшего опыта, какъ: $A+a$, $B+b$, $C+c$, $D+d$ и т. п., то А, В, С, D, имѣющія одно общее содержаніе, которое состоитъ только изъ движенія психическаго напряженія, вслѣдствіе этой однородности должны стремиться къ соединенію между собою. Хотя и вторые члены каждой связи, т. е. представленія различныхъ мышечныхъ движеній a, b, c, d, тоже имѣютъ нѣкоторыя сродныя стороны въ своемъ содержаніи, какъ напр. мышечное чувство, измѣненіе положенія двигающагося члена въ пространствѣ и т. д., но за то они и болѣе разнородны по содержанію, нежели первые; такъ, представленія различныхъ движеній совершенно различны по формѣ, по результату, по качеству и количеству мышцъ, принимающихъ въ нихъ участіе и т. д. Всѣ же психическія формаціи А, В, С, D состоятъ только изъ одного содержанія и могутъ розниться между собою только въ количественномъ отношеніи, а потому и стремленіе къ соединенію между ними будетъ больше, нежели стремленіе къ соединенію между представленіями a, b, c, d. Слѣдовательно въ группѣ: $A+a$, $B+b$, $C+c$, $D+d$, вслѣдствіе большаго возбужденія первыхъ членовъ каждой связи, получится ихъ раздвоеніе $\frac{A+a}{A}$, $\frac{B+b}{B}$, $\frac{C+c}{C}$, $\frac{D+d}{D}$. Между А, В, С, D можетъ быть только количественная разница, которая можетъ не войти въ общее соединеніе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, однородныхъ А, В, С, D. Слѣдствіемъ ихъ слитія между собою можетъ сначала получиться психическое тѣло ABCD, дающее познаніе одного только психическаго напряженія, предшествующаго каждому сознательному движенію, какого бы оно свойства не было. Назовемъ этотъ вновь образовавшійся психическій синтезъ буквою ω . Функція этого синтеза, какъ и всякой другой психической формаціи, можетъ состоять только въ развитіи познанія своего собственнаго содержанія, слѣдовательно и синтезъ ω даетъ только познаніе своей силы вообще. Такъ какъ въ его составъ не вошла количественная разница между

частными психическими напряжениями, то и познание его не даетъ познания этой разницы. Если же послѣ развитія, путемъ дифференцированія общаго синтеза ω , въ той группѣ частныхъ связей, изъ которой развилось ω , продолжается мыслевая работа, тогда и представленія каждаго частнаго дѣйствія, (какъ a, b, c, d), вслѣдствіе своего однороднаго содержанія, тоже стремятся въ соединенію въ одну общую формацию. Съ образованіемъ ω эта сила дѣлается преобладающею въ интеллектуальномъ движеніи и однородные элементы, присущіе всѣмъ представленіямъ a, b, c, d , соединятся тоже между собою въ общій синтезъ, который мы назовемъ Z . Этотъ синтезъ даетъ познание сознательнаго движенія или дѣйствія вообще. Такимъ образомъ мы, на мѣсто группы многихъ частныхъ соединеній въ познаніи $A+a, B+b, C+c, D+d\dots$, получимъ связь двухъ общихъ познаній $\omega + Z$, гдѣ въ первомъ членѣ будетъ заключаться общее содержаніе всѣхъ первыхъ членовъ частной группы, и во второмъ— всѣхъ вторыхъ членовъ. Эта связь двухъ обобщенныхъ синтезовъ продуцируетъ знаніе: вслѣдъ за сознаннымъ усиліемъ (ω) слѣдуетъ сознанное дѣйствіе (Z) или, наоборотъ, если произошло сознанное дѣйствіе (Z), то ему непременно предшествовало внутренне усиліе (ω). Но если въ послѣдствіи человѣкъ познаетъ различныя дѣйствія, принадлежащія не его личности, а другимъ предметамъ, которые не находятся съ нею въ связи и предъ дѣйствіемъ которыхъ онъ не сознаетъ и не дѣлаетъ никакого усилія, то онъ переноситъ познание своего внутренняго усилія для совершенія дѣйствія (ω) и на чуждые ему предметы, производящія движеніе. Изъ накопленнаго такимъ образомъ матеріала могутъ образоваться новыя дѣятельныя группы, изъ которыхъ въ свою очередь развиваются познанія силъ внѣшнихъ объектовъ, кромѣ ω , какъ познанія собственной силы вообще. Такъ напр. эти новыя синтезы даютъ познание силы вѣтра, назовемъ его ψ , познание силы огня — β , силы воды — δ и т. п. Вышедшее изъ этой группы обобщеніе будетъ заключать въ себѣ только атрибутъ силы, независимой отъ собственной личности, или отъ другаго спеціальнаго объекта опыта. Эта связь возможна только въ человѣческомъ мозгу. Съ ея образованіемъ человѣкъ начинаетъ примѣнять это знаніе, возникшее внутри его, и къ внѣшнему опыту. Тамъ, гдѣ человѣкъ видитъ въ природѣ покой, тамъ онъ отрицаетъ силу; гдѣ видитъ движеніе въ пространствѣ и смѣну явленій, онъ соединяетъ съ ними свое познание силы и предполагаетъ, что каждому движенію необходимо должно

предшествовать усиліе подобно тому, какъ его сознательному дѣйствію въ его сознаніи всегда предшествуетъ познаніе усилія. Такимъ образомъ, какъ дедукція общаго понятія о силѣ, явились теологическія, метафизическія и др. объясненія частныхъ силъ, заправляющихъ вселенной, пока, наконецъ, методическое изученіе закона причинности и слѣдствія, (какъ мы увидимъ это ниже), не очистило самое понятіе о силѣ отъ его мистическихъ и метафизическихъ плевель и не выяснило окончательно понятія о силѣ, выраженное Фехнеромъ въ слѣдующихъ словахъ: * „сила для физики есть вообще ничто иное, какъ вспомогательное выраженіе (Hilfsausdruck) для выраженія законовъ равновѣсія и движенія, всякое ясное пониманіе физической силы приводитъ къ тому. Мы говоримъ о законахъ силы; но всматриваясь пристальнѣе, мы находимъ, что это только законы равновѣсія и движенія имѣющіе значеніе, какъ противопоставленіе матеріи“.

Но такъ какъ формации познанія всякаго психическаго напряженія, предшествующаго дѣйствію совершенно тождественны по качеству своего содержанія и отличаются только въ количественномъ отношеніи, то мы познаемъ не качественную разницу силы, а только количественную, — мы познаемъ слабѣйшую и сильнѣйшую силы. Для образованія отдѣльныхъ формаций познанія этого напряженія, отличающихся другъ отъ друга только въ количественномъ отношеніи, вѣроятно существуютъ такіе же пороги, какіе нашель Фехнеръ для воспріятій внѣшняго движенія. Мы не сознаемъ разницы нашихъ усилій, когда она ничтожна; но когда эти усилія отличаются извѣстной суммой напряженія, то мы отличаемъ сильнѣйшее отъ слабѣйшаго. Къ несчастію, опыты Фехнера въ этомъ случаѣ непримѣнны, потому что психическія движенія недоступны прямому экспериментальному методу. Во всякомъ случаѣ, съ нарастаніемъ въ опытѣ формаций познанія различнаго количества нашего психическаго напряженія, образуются отдѣльныя формации различныхъ степеней, давая одинъ изъ образовательныхъ элементовъ для высшей психической формации — понятія о количествѣ вообще.

§ 6. Психическое понятіе о вещественности.

Понятіе о вещественности развивается только изъ внутренняго психическаго движенія. Изъ внѣшняго міра чрезъ наши органы

* Цитир. Lange Geschichte des Material. 2. В. 1875 г. s. 218 и 219.

чувствъ, какъ намъ извѣстно изъ прежнихъ изслѣдованій, входятъ въ мозгъ однѣ только движенія. Какъ бы старательно мы ни изучали всякій предметъ опыта нашими органами чувствъ, мы изъ него не можемъ добыть ничего, кромѣ явленій движенія, въ видѣ свѣтоваго эфира, теплорода, сотрясенія воздуха (звука), противодѣйствія при осязаніи и т. п. Слѣдовательно, познаніе, получаемое изъ каждаго отдѣльнаго предмета опыта, могло бы только быть познаніемъ явленій движенія, конгломерата отдѣльныхъ силъ скомбинированныхъ въ каждомъ отдѣльномъ объектѣ опыта. Но не смотря на то, мы знаемъ и безусловно вѣримъ, что въ каждомъ предметѣ, кромѣ узнанныхъ черезъ наши органы чувствъ явленій, есть еще нѣчто постоянное, занимающее мѣсто въ пространствѣ, которое мы называемъ веществомъ. Явленія въ каждомъ предметѣ, какъ говоритъ нашъ опытъ, мѣняются, но одно въ немъ остается неизмѣннымъ, пока предметъ существуетъ, это — его вещество, носитель его свойствъ и измѣнчивыхъ явленій.

Такъ какъ вещество по нашей психической природѣ мы познаемъ въ каждомъ объектѣ нашего опыта, то всѣ явленія и свойства каждаго предмета мы приводимъ въ связь съ этимъ веществомъ; намъ вѣрится, что есть сила (движеніе), но непременно есть и вещество, какъ носитель или причина этой силы, а такъ какъ каждый объектъ мы познаемъ, какъ внѣшнее движеніе или какъ комбинацію этихъ движеній, безъ чего познаніе предмета немислимо, то отсюда проистекаетъ вѣра, что „нѣтъ силы безъ матеріи и нѣтъ матеріи безъ силы“. Такъ какъ это вещество каждаго объекта остается неизмѣннымъ въ нашемъ познаніи при перемѣнахъ явленій объекта, познаваемыхъ черезъ наши органы чувствъ, то мы это постоянное вещество въ каждомъ предметѣ считаемъ субъектомъ, а каждое явленіе или свойство предмета — предикатомъ этого субъекта. Непониманіе происхожденія познанія вещественности заставляеть даже современныхъ психологовъ признавать, что это происхожденіе есть только гипотетическое понятіе, лишенное реальности, или врожденная пустая форма, гдѣ помещаются въ познаніи представленія опыта. Еще менѣе выдерживаютъ критики объясненія происхожденія въ насъ понятія вещественности изъ внѣшняго опыта. Такъ напр., Фехнеръ * объясняетъ происхожденіе вещественности изъ чувства осязанія. При этомъ онъ опускаетъ совершенно изъ виду, что познаніе осязаемости получается только отъ силы

* Atomenlehre. 2 Aufl. S. 105 und folg.

противодѣйствія, которую представляютъ нашимъ пальцамъ осязаемые предметы, и потому есть только познаніе силы, а не вещества; далѣе, что предметы внѣшняго опыта, вовсе не подлежащіе осязанію, какъ-то: солнце, луна и т. п., мы точно также можемъ только представить себѣ вещественными предметами. Какъ бы научный анализъ предметовъ нашего опыта ни открывалъ въ нихъ большее или меньшее количество силъ, т. е. явленій движенія, не будучи при этомъ въ состояніи указать на малѣйшій признакъ вещества, онъ все-таки не можетъ пошатнуть нашу вѣру въ то, что, кромѣ узнанныхъ движеній и силъ, есть еще въ каждомъ предметѣ нѣчто постоянное, къ которому эти силы относятся только какъ предикаты къ субъекту и которое есть носитель этихъ силъ.

Если всякому познаваемому свойству объекта необходимо отвѣчать внѣ насъ объективное движеніе, и если познанія, добытыя этимъ путемъ, пользуются нашей полной вѣрой и обусловливаются реальнымъ образованіемъ въ насъ интеллектуальныхъ формацій, дающихъ эту вѣру, то и наше безотчетное и неизблемое убѣжденіе присутствія въ каждомъ предметѣ, кромѣ этихъ явленій — вещества не можетъ въ свою очередь тоже не зависѣть отъ реальной причины. Если знаніе, дающее вѣру въ вещественность каждаго объекта опыта, получается нашими органами чувствъ не извнѣ, то оно необходимо должно вызваться реальной, внутренней причиной нашего внутренняго психического бытія.

Мы уже выше убѣдились, (см. въ этомъ томѣ стр. 95 до 99) что только наша теорія можетъ представить требуемое объясненіе реальнаго происхожденія этого интуитивнаго знанія. Мы знаемъ, что функція каждаго представленія состоитъ, прежде всего, въ развитіи сознанія всего своего содержанія; но такъ какъ каждое представленіе есть организованная формація, образовавшаяся изъ содержимаго нервныхъ волоконъ и ячеекъ, которое въ свою очередь образовалось изъ пищи, то, если этотъ образовательный матеріалъ есть по своей сущности вещество, и сложившееся изъ этого матеріала представленіе тоже необходимо должно состоять изъ вещества. Поэтому эта часть содержанія каждаго представленія, полученнаго изнутри организма, должна проявиться дѣятельностію его сознанія, точно также какъ и извнѣ полученныя движенія представляемаго объекта, вошедшія въ составъ представленія, какъ свойства и явленія каждаго такого объекта. Отсюда дѣлается понятнымъ, почему познанію вещества каждаго объекта отвѣчаетъ реальное вещество самаго представленія, хотя не внѣшнее, а внутреннее, по-

чему человѣкъ никогда не можетъ освободиться отъ необходимости познавать въ каждомъ объектѣ его представленія, кромѣ внѣшнихъ его явленій, также еще—и вещество, такъ какъ онъ познаетъ не внѣшній объектъ, а свое внутреннее представленіе; въ послѣднемъ онъ сознаетъ вещество, и потому, приписывая свое внутреннее познаніе представленія внѣшнему объекту, онъ не сомнѣвается, что и вънемъ есть точно также вещество, какъ и другія свойства, познанныя черезъ органы чувствъ. Изъ вида, представляемаго животными, когда они разрываютъ и жуютъ свою пищу и т. п., очевидно, что и онѣ знаютъ, что эта пища представляетъ, кромѣ своихъ свойствъ, еще вещество. Но у нихъ, какъ и у людей, стоящихъ на низкой умственной степени, познаніе вещественности есть частное и неразлучно связанное съ другими свойствами предмета, находящимися въ представленіи. Только съ большимъ накопленіемъ матеріала этотъ психическій элементъ вещественности, присущій каждому представленію, начинаетъ отдѣляться отъ другихъ эмпирическихъ составныхъ частей представленія посредствомъ раздвоенія, какъ мы видѣли это и при образованіи психическаго синтеза силы. Соединеніе этихъ однородныхъ элементовъ въ одну высшую психическую формацію даетъ познаніе вещественности. Съ познаніемъ вещественности, какъ общаго понятія, человѣкъ противопоставляетъ его силѣ. Послѣдняя, безпрестанно мѣняющаяся и переходящая изъ одного вида въ другой, соединяется въ его познаніи неразлучно съ неизмѣннымъ веществомъ. Въ этой связи вещество познается какъ главное и неизмѣнное, какъ *antecedens*, которое, какъ причина, развиваетъ силу, какъ свое слѣдствіе. Поэтому въ познаніи человѣка сила происходитъ отъ матеріи. Онъ не можетъ себѣ представить вещества, не продуцирующаго явленій или силу, такъ же точно какъ и силу, развивающуюся безъ вещества.

§ 7. Познаніе мыслевыхъ движеній.

Каждое дѣятельное представленіе, при своемъ появленіи на аренѣ мышленія, независимо отъ развитія познанія своего содержанія, дѣлается, въ свою очередь, объектомъ познанія тѣмъ, что своимъ движеніемъ въ психо-интеллектуальномъ каналѣ, которое сообщается центральнымъ волокнамъ того канала, вызываетъ въ нервной ячейкѣ корковаго вещества, какъ мы уже видѣли, образованіе новой психической формаціи; эта формація даетъ познаніе объ активномъ движеніи каждой интеллектуальной формаціи въ мышленіи. Съ переходомъ же дѣя-

тельной до того интеллектуальной формации въ потенціальное состояніе прекращается дѣятельность и психической формации, дававшей познаніе о его существованіи. Это дѣлается также, какъ и при познаваніи движеній внѣшняго міра, подѣйствовавшихъ на насъ, какъ напр. свѣтящееся тѣло, внесенное въ темную комнату, вызываетъ познаніе присутствія движенія свѣта; съ удаленіемъ этого свѣтящагося объекта комната опять дѣлается темною и прежнее познаніе исчезаетъ. Если дѣятельныя представленія слѣдуютъ въ мышленіи другъ за другомъ въ видѣ цѣлага непрерывнаго ряда, то движеніе каждаго изъ этихъ представленій порождаетъ психическую формацию и такимъ образомъ рядъ дѣятельныхъ интеллектуальныхъ представленій, протекающихъ въ мышленіи, сопровождается другимъ высшимъ рядомъ психическихъ формаций, какъ спутниковъ перваго ряда, ими вызванныхъ. Такимъ образомъ получается не только познаніе, развиваемое въ интеллектѣ дѣятельными, образовавшимися извнѣ, представленіями, но кромѣ того и познаніе движенія этихъ самыхъ представленій. Мы не только знаемъ содержаніе нашихъ мыслей, но и познаемъ самый процессъ нашего мышленія; мы знаемъ, быстро или медленно происходитъ въ насъ теченіе нашихъ представленій, независимо отъ ихъ содержанія, намъ дѣлается извѣстной затрудненіе и пріостановка въ нашемъ мыслевомъ движеніи; или наоборотъ мы познаемъ усиленный напоръ мыслей, когда ряды представленій возстаютъ изъ недѣятельнаго состоянія разомъ съ такой быстротой и въ такомъ количествѣ, что онѣ съ трудомъ могутъ двигаться на аренѣ мыслевой дѣятельности. На такое состояніе часто жалуются больные, находящіеся въ психически возбужденномъ состояніи.

Мы должны были принять, что движеніе представленія, когда его объектъ во внѣшнемъ мірѣ продолжаетъ еще дѣйствовать на органы чувствъ, должно отличаться отъ движенія представленія, возобновленнаго въ познаніи только какъ результатъ прежняго опыта. Психическія формации, вызванныя этими разнородными интеллектуальными движеніями, въ этомъ отношеніи тоже должны быть различны. Такъ, напр., если сильнѣйшее движеніе представленія, котораго объектъ еще дѣйствуетъ на органы чувствъ, вызоветъ психическую формацию А, какъ познаніе этого внутренняго движенія, то движеніе такого представленія, только возобновленнаго памятью, вызоветъ слабѣйшую психическую формацию а, отличную отъ первой. Соединеніе многихъ А въ

одинъ психическій синтезъ дастъ познаніе мыслеваго движенія, вызваннаго реальными предметами настоящаго опыта, а синтезъ многихъ а даетъ познаніе мыслеваго движенія безъ реального воздѣйствія внѣшнихъ объектовъ, совершающагося силой памяти. Если появленіе въ нашемъ мышленіи мыслей и рядовъ представленій вызвало только памятью, то онѣ сохраняютъ порядокъ и законность внѣшняго опыта. Мы познаемъ существованіе и теченіе въ насъ этого мыслеваго движенія, являющагося безъ активнаго вмѣшательства въ него нашей собственной личности и совершающагося въ насъ также законно и такимъ же роковымъ образомъ, какъ волны слѣдуютъ другъ за другомъ въ жидкости ограниченнаго пространства, гдѣ нарушилось равновѣсіе. Если же какая нибудь мысль, идея или чувство своей силой нарушаютъ это законное теченіе, вызывая изъ потенциальнаго состоянія къ дѣятельности представленія, которыя нарушаютъ порядокъ, выработанный внѣшнимъ опытомъ, то эта новая сила вызываетъ познаніе не дѣйствительнаго, а фантастическаго движенія, мышленія совершающагося въ насъ. Мы сознаемъ, что работаемъ воображеніемъ, а не данными, развитыми въ своихъ связяхъ и отношеніяхъ реальнымъ опытомъ.

Съ измѣненіемъ объектовъ опыта измѣняются и ихъ представленія, а также и познаніе движенія послѣднихъ. Представленія объектовъ, находящихся передъ органами чувствъ, вызываютъ постоянно одно и тоже психическое познаніе движенія одного и того же представленія. Послѣднія частныя психическія формаціи, соединяясь по средству содержанія въ одно общее психическое понятіе, даютъ познанія постоянства въ природѣ. Синтезъ первыхъ частныхъ психическихъ формацій даетъ познаніе непостоянства и измѣнчивости. Такъ какъ всякое мыслевое движеніе вызываетъ психическое познаніе этого движенія, то съ прекращеніемъ перваго и послѣднее не можетъ имѣть мѣста; отсюда въ первомъ случаѣ рождается познаніе совершающагося въ насъ мышленія, а въ послѣднемъ это познаніе отсутствуетъ. Положеніе Декарта „*Cogito ergo sum*“ неправильно, потому что человѣкъ можетъ существовать не только не мысля, но и не сознавая какого либо мыслеваго движенія, въ немъ происходящаго. Человѣку, находящемуся въ средѣ, лишенной свѣта, кажется, что онъ познаетъ темноту, хотя тутъ происходитъ только отрицательный процессъ, т. е. познаніе отсутствія свѣта. Положительное знаніе дается только впечатлѣніемъ на органы чувствъ или на общее чувствилище (*Sensorium*) положительнаго дви-

женія. Переходъ отъ такого положительнаго знанія къ покойному состоянію сознанія, не возбуждаемаго активнымъ движеніемъ, даетъ сознаніе покоя. Отъ противопоставленія такого сознанія покоя сознанію соотвѣтствующаго ему движенія получается отрицательное знаніе отсутствія того движенія. Такъ, мы познаемъ не только дѣятельный процессъ нашего мышленія, но и большую или меньшую недѣятельность мыслевой функціи, бытіе и не существованіе и т. п.

§ 8. Понятіе о сосуществованіи.

Если въ одно и тоже время въ мышленіи дѣлаются дѣятельными нѣсколько пришедшихъ изъ опыта воспріятій или представленій, то каждое изъ нихъ своимъ собственнымъ интеллектуальнымъ движеніемъ вызываетъ отдѣльную психическую формацію и, какъ функцію послѣдней—познаніе появленія дѣятельнаго фактора въ мышленіи, вызваннаго ее своимъ движеніемъ. Такимъ образомъ, каждая изъ появившихся вмѣстѣ въ мышленіи дѣятельныхъ формацій изъ внѣшняго опыта, своимъ внутреннимъ движеніемъ вызоветъ психическую формацію этого интеллектуальнаго движенія. Если внѣшній объектъ состоитъ, положимъ, изъ пяти различныхъ атрибутовъ или движеній a, b, c, d, e , то каждое изъ нихъ, перешедши въ интеллектъ, вызоветъ тамъ воспріятіе, такъ напр. внѣшнее движеніе a перейдетъ въ воспріятіе a' , внѣшнее движеніе b — въ воспріятіе b' и т. д., такъ что атрибутамъ внѣшняго объекта a, b, c, d, e будутъ отвѣчать интеллектуальныя формаціи первой степени a', b', c', d', e' . Каждое изъ послѣднихъ вызываетъ своимъ движеніемъ въ психо-интеллектуальномъ каналѣ психическую формацію и соединяется съ нею, но такъ какъ содержаніе каждой психической формаціи будетъ одно и тоже, а именно—интеллектуальное движеніе формаціи первой степени, то онѣ будутъ однородны и похожи другъ на друга. Если мы назовемъ психическую формацію, вызванную движеніемъ каждаго воспріятія, A , то получимъ въ мышленіи, намѣсто прежней группы, слѣдующую $a'A, b'A, c'A, d'A, e'A$.

Всѣ эти однородные A стремятся къ соединенію, вслѣдствіе ихъ однородности, но полное соединеніе не возможно, по случаю связи каждаго изъ нихъ съ неоднородными a', b', c', d', e' и т. п. Тогда, при отсутствіи высшаго психическаго творчества, дѣлается только сплоченіе всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ вмѣстѣ, вслѣдствіе стремленія къ соединенію между собою всѣхъ A . Результатъ этого сплоченія мы можемъ

представить въ видѣ слѣдующей схемы: $a'A + b'A + c'A + d'A$ или же отъ слитія всѣхъ однородныхъ A въ одно A получается сложная формація гдѣ это A соединяетъ всѣ частныя воспріятія опыта, одновременно дѣйствующія въ интеллектѣ. Такимъ образомъ психическія формаціи служатъ цементомъ къ соединенію въ одно сложное психическое тѣло группы воспріятій, исходящихъ изъ одного и того же внѣшняго объекта, потому что онѣ болѣе или менѣе одновременно дѣятельны. То же самое, что мы сказали здѣсь о воспріятіяхъ, вмѣстѣ входящихъ въ токъ мышленія, это же относится и къ представленіямъ, если нѣсколько ихъ вызвано существующими вмѣстѣ на опытѣ предметами и одновременно дѣйствующими на органы чувствъ.

Отсюда, по нашему мнѣнію, и дѣлается вполне понятнымъ загадочный законъ соединенія во едино всѣхъ интеллектуальныхъ формацій опыта, дѣйствующихъ въ одно и то же время въ психо-интеллектуальномъ органѣ. Помимо этого, остается совершенно непонятнымъ, почему разрозненныя воспріятія, получаемыя изъ объекта при его изученіи чрезъ различные органы чувствъ, соединяются въ интеллектѣ въ одно цѣлое представленіе всего объекта, какъ цѣлаго, въ которомъ эти воспріятія познаются только, какъ атрибуты того цѣлаго объекта. Этимъ также объясняется, почему предметы, вмѣстѣ видимые въ пространствѣ, не только познаются, какъ сумма отдѣльныхъ предметовъ, но какъ цѣльная картина, въ которой эти предметы познаются сосуществующими въ опредѣленномъ порядкѣ и отношеніи. Съ исчезновеніемъ изъ сознанія такой видѣнной картины или группы предметовъ, если она черезъ нѣкоторое время вновь возстаетъ въ памяти, то память не дастъ однихъ только отдѣльныхъ образовъ видѣнныхъ объектовъ, а представляетъ всю ихъ совокупность и соотношеніе другъ къ другу въ пространствѣ. Такъ напр. видъ голубятни можетъ вызвать въ памяти старика всю картину усадьбы, гдѣ прошло его дѣтство и среди которой стояла голубятня, схожая съ только что видѣнной, при чемъ всѣ отдѣльныя зданія и деревья усадьбы появляются въ сознаніи полной картиной, съ совершенно правильнымъ отношеніемъ всѣхъ ея предметовъ, какъ они, въ своей совокупности, прежде познались на опытѣ. Наше объясненіе и дѣлаетъ яснымъ, почему въ познаніи, получаемомъ отъ представленія, содержится не только сумма отдѣльныхъ воспріятій или представленій, его составляющихъ, но и познаніе существованія ихъ отношенія другъ къ другу въ пространствѣ въ томъ порядкѣ, какъ

представлялись они органамъ чувствъ на опытѣ. Такъ наприм. представленіе видѣнной брошки не только удерживаетъ вмѣстѣ золотую оправу и всѣ драгоцѣнные ея камни, но и сохраняетъ для каждаго камня то мѣсто, въ которое онъ первоначально былъ вложенъ рукой ювелира. Изъ этого мы видимъ, что съ содержаніемъ представленій, образовавшихся изъ отдѣльныхъ движеній внѣшняго опыта, еще тѣсно соединяется и познаніе воздѣйствія отдѣльныхъ движеній, составляющихъ части представленія на нашъ внутренній психическій міръ, и что познаніе, приписываемое нами внѣшнему міру, есть въ сущности сложный результатъ нашего внѣшняго и внутренняго опыта. Очень часто, увидя знакомый предметъ, мы находимъ въ немъ перемѣну, хотя долго или даже вовсе не можемъ объяснить, въ чемъ именно состоитъ эта перемѣна. Очевидно, что познаніе перемѣны въ объемѣ сначала вызывается не тѣмъ или другимъ измѣненіемъ въ одномъ изъ атрибутовъ объекта, а цѣлостію впечатлѣнія представленія на нашу душу. Какъ изъ простаго соединенія химическихъ элементомъ, изъ которыхъ состоитъ органическое тѣло, никакимъ образомъ не можетъ образоваться самое органическое тѣло, если это соединеніе не произошло отъ силы органической ячейки, такъ точно и воспріятія, отдѣльно полученныя изъ опыта ни въ какомъ случаѣ не войдутъ въ тѣсную связь интеллектуальнаго существованія, какъ цѣлаго и индивидуальнаго, безъ помощи этого внутренняго психически организованнаго цемента. Мы себѣ представляемъ эту связь, какъ организованную ткань, въ которой ячейки, вызванныя движеніями внѣшняго опыта, соединяются между собою съ помощію ячеекъ, образовавшихся силой внутренняго движенія психо-интеллектуальныхъ дѣятелей. Поэтому, съ познаніемъ атрибутовъ внѣшняго опыта, въ насъ соединяются и познаніе внутренняго сосуществованія, и познаніе порядка сосуществованія, формацій этого внѣшняго опыта. Но такъ какъ формаціи внѣшняго и внутренняго опыта, вызваннаго атрибутами одного объекта или группой нѣсколькихъ объектовъ, тѣсно связываются между собою, и такъ какъ мы все знаніе, продуцируемое каждымъ представленіемъ или ихъ группой, приписываемъ внѣшнимъ объектамъ, то и все знаніе, полученное отъ соединенія внѣшняго и внутренняго опыта мы приписываемъ одному только внѣшнему міру. Съ прекращеніемъ воздѣйствія внѣшняго объекта или группы объектовъ на органы чувствъ и съ прекращеніемъ сознанія ихъ представленій, все знаніе, вложенное въ нихъ движеніями извнѣ и изнутри нашей души, прекращается. Но что субстратъ этого знанія въ

насъ продолжаетъ жить и послѣ прекращенія его сознанія, это доказывается тѣмъ, что одно какое нибудь дѣятельное воспріятіе, сродное по своему движенію даже одной только части прежде образовавшагося представленія, вызываетъ снова къ дѣятельности все прежнее представленіе развивая своей функціей полное знаніе не только сосуществованія элементовъ, изъ которыхъ образовалось все представленіе, но и порядокъ и мѣсто каждаго изъ этихъ элементовъ. На этомъ основаніи не только человѣкъ, но и многія животныя, разъ познавши группу атрибутовъ какого нибудь объекта въ одномъ представленіи, при новой встрѣчѣ съ нимъ, вѣрятъ, что и въ немъ также можно найти сосуществующими всѣ остальные атрибуты въ томъ-же самомъ порядкѣ, въ какомъ они сложились въ представленіи объекта, образовавшагося изъ прежняго опыта. Такъ напр. бѣлки, обезьяны и другія животныя разгрызаютъ орѣхи съ полной вѣрой найти въ ихъ срединѣ питательное зерно. Если же одинъ изъ атрибутовъ прежде образовавшагося представленія не находится въ новомъ объектѣ опыта во всемъ остальномъ, похожемъ на прежній, то животное ищетъ этотъ атрибутъ, потому что прежде образовавшееся представленіе даетъ увѣренность, что ненаходимый атрибутъ новаго объекта долженъ въ немъ существовать какъ существуетъ въ представленіи такого-же объекта. Мы выше сказали, что на низшей, ступени психическаго творчества при недостаточности большаго накопленія матеріала внутренняго психическаго опыта, въ представленіяхъ внѣшняго опыта тѣсно смѣшивается интеллектуальное знаніе внѣшнихъ движеній съ психическимъ знаніемъ внутренняго движенія носителей этого знанія—въ одно представленіе, которое служитъ субстратомъ познанія частнаго сосуществованія извѣстныхъ атрибутовъ внѣшняго опыта. У человѣка, съ накопленіемъ психическаго матеріала, соединявшаго только разрозненные элементы познанія внѣшняго опыта, и съ развитіемъ психическаго творчества, эти психическія формаціи, существующія въ каждомъ представленіи, вслѣдствіе своего сродства другъ съ другомъ, стремятся къ соединенію между собою; но встрѣтивъ препятствіе къ этому соединенію со стороны интеллектуальныхъ формацій внѣшняго опыта, онѣ, по извѣстной уже намъ причинѣ, отдѣляются отъ послѣднихъ путемъ раздвоенія ихъ формацій. Полученныя путемъ этого раздвоенія психическія формаціи дѣлаются свободными и соединяются между собою въ одно общее психическое тѣло, которое даетъ понятіе законности, сосуществованія въ мі-

рѣ, т. е. познаніе, что есть атрибуты, которые необходимо должны существовать вмѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ въ объектѣ для того, чтобы онъ существовалъ, какъ данный объектъ опыта.

Но, вслѣдствіе неумѣлаго эмпирическаго наблюденія, съ существенными атрибутами объекта нерѣдко вмѣстѣ наблюдались и случайные, входившіе въ составъ одного представленія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ также существенные атрибуты объектовъ упускались изъ виду и не входили въ составъ ихъ представленія; въ такомъ случаѣ не только получались неправильныя представленія объектовъ, но и неправильное знаніе сосуществованія. Дальнѣйшій опытъ и точнѣйшее изслѣдованіе предметовъ часто открывали противорѣчія общему закону и такимъ образомъ наталкивали человѣка на болѣе тщательное наблюденіе внѣшняго міра и на научный опытный методъ его изслѣдованія. Люди, болѣе одаренные и болѣе стремящіеся къ познанію истины, чтобы убѣдиться въ существенныхъ атрибутахъ того или другаго предмета, старались получить эти предметы соединеніемъ ихъ физическихъ составныхъ частей въ одинъ цѣльный объектъ; для этого ученые или соединяютъ воедино извѣстные химическіе элементы, изъ которыхъ состоятъ тѣ объекты, согласно анализу, или дѣлаютъ опыты, при чемъ отнимаютъ тотъ или другой составной элементъ отъ объекта и затѣмъ наблюдаютъ за возможностью или невозможностью дальнѣйшаго существованія того объекта безъ извѣстнаго атрибута. Такимъ образомъ возникло, кромѣ познанія законности сосуществованія, еще и познаніе случайности сосуществованія, мѣшающей правильному познанію объектовъ.

§ 9. Понятіе о сходствѣ и различіи.

Грудныя дѣти и животныя познаютъ въ интуитивномъ видѣ сходство и различіе предметовъ, что выражается тѣмъ, что онѣ принимаютъ предметъ неизвѣстный за знакомый, если между обоими предметами есть большее или меньшее число общихъ признаковъ. Такъ напр. дитя, которое уже стало дичиться чужихъ, идетъ съ радостью, какъ къ своему отцу, къ человѣку, на него похожему, напр. бородой и ея цвѣтомъ, очками и т. п. Но послѣ долгаго всматриванія въ обманувшее его лице, дитя начинаетъ его пугаться и подымаетъ сильный крикъ съ несомнѣннымъ выраженіемъ страха. Значитъ, это дитя не только познаетъ сходство, но и различіе между предметами. Расплывчивость контуровъ не только дѣтскихъ, но и представленій неразвитыхъ лю-

дей, какъ намъ извѣстно, бываетъ причиною слитія новаго представленія съ прежнимъ, даже не тождественнымъ, если только выдающіяся черты будутъ одинаковы. Чѣмъ болѣе специализируется въ головѣ каждаго человѣка каждое изъ представленій вообще, или изъ какой нибудь извѣстной области, т. е., чѣмъ болѣе каждый частный атрибутъ объекта опыта находитъ свое мѣсто въ соответствующемъ представленіи, тѣмъ скорѣе и легче отличаются даже совершенно сходные предметы опыта, представляющіе едва уловимыя отличія.

Слѣдовательно, дитя приняло чужаго за своего отца не потому, что оно нашло между ними сходство, а смѣшало въ познаніи одного съ другимъ по причинѣ сродства представленія ихъ. Съ болѣе же внимательнымъ всматриваніемъ въ лице чужаго человѣка, его новое представленіе получило добавочные элементы, отличные отъ части содержанія прежде выработаннаго представленія отца. Съ тѣхъ поръ эти представленія болѣе не могли слиться воедино, а въ своей дѣятельности противопоставились другъ другу, какъ два различныя представленія, что послужило для познанія разницы между объектами этихъ представленій.

Мы находимъ большее или меньшее сходство между предметами, когда они имѣютъ большее или меньшее число сходныхъ атрибутовъ; мы находимъ ихъ различными, когда между ними нѣтъ ни одного сходнаго свойства или ихъ очень мало. Мы находимъ предметы тождественными или вполне равными, хотя въ природѣ этого тождества не можетъ быть, потому что каждый предметъ существуетъ самъ по себѣ и при особенныхъ его окружающихъ условіяхъ. Такъ напр., говорятъ два тождественныхъ случая болѣзни, если признаки, намъ доступные совершенно похожи; или говорятъ, что прошлое и нынѣшнее лѣто совершенно тождественны, потому что или были ежедневные дожди, или постоянно ясная погода и т. п. Но болѣзни не могутъ быть тождественны, развиваясь въ двухъ отдѣльныхъ и хотя чѣмъ нибудь различныхъ организамахъ; прошлое лѣто не можетъ быть тождественнымъ съ настоящимъ, потому что первое уже не существовало, когда началось второе. Каждый предметъ, состоя изъ множества атомовъ и разнообразныхъ элементовъ, не можетъ совершенно также сложиться, какъ тотъ предметъ, который намъ кажется тождественнымъ; всякій предметъ имѣетъ свое пространство, свое особенное отношеніе къ землѣ, къ атмосферѣ, и потому абсолютнаго тождества нѣтъ въ природѣ. Мы не только принимаемъ равенство отвлеченныхъ чиселъ $x=x$, но и безпре-

станно на опытѣ вѣримъ въ равенство и тождество реальныхъ предметовъ. Изъ этого мы видимъ, что не внѣшній опытъ даетъ намъ познание сходства и отличія, а представленія, въ насъ самихъ выработавшіяся и ихъ противопоставленіе другъ другу въ интеллектѣ; также видимъ, что это познание есть слѣдствіе нашей внутренней психической работы, вызванной взаимодѣйствіемъ представленій, и изъ него добытое знаніе. Мы знаемъ, что сродные интеллектуальные элементы стремятся въ интеллектѣ къ слитію между собою воедино. Поэтому, если въ мышленіи дѣятельны въ одно и тоже время два представленія, содержащія общіе имъ обоимъ элементы, то эти представленія будутъ стремиться къ слитію; чѣмъ болѣе общаго между ними содержанія, тѣмъ сильнѣе это взаимное притяженіе. Движенія, вызванныя этимъ стремленіемъ къ соединенію, передавая свой толчокъ внутреннимъ мозговымъ волокнамъ, какъ намъ извѣстно, вызываютъ образованіе соотвѣтствующей этому толчку психической формаціи, содержащейся которой будетъ это движеніе. Эта вновь образовавшаяся психическая формація, родившаяся отъ стремленія къ соединенію двухъ представленій, соединяетъ ихъ вмѣстѣ. Функція этой психической формаціи есть познание сходства, а такъ какъ она соединяетъ два представленія, то вся связь вмѣстѣ даетъ познание сходства одного представленія А съ другимъ представленіемъ В. Такъ какъ это движеніе стремленія къ соединенію отличается въ различныхъ степеняхъ сходства только большей или меньшей силой, то въ насъ и рождается только познание количественной разницы сходства. Мы говоримъ, что предметы между собою сходны, или очень сходны, или сходны, какъ двѣ капли воды. Если же содержаніе двухъ представленій тождественно, то они сливаются между собою въ одно представленіе. Познание внутренняго движенія, вызваннаго слитіемъ въ интеллектѣ двухъ представленій во едино есть наше познание тождества. Такъ какъ въ каждомъ представленіи не могутъ содержаться всѣ свойства каждаго внѣшняго предмета, отчасти по недостаточности нашихъ органовъ чувствъ, анализа и вообще нашихъ познавательныхъ способностей, то нѣкоторыя отличительныя явленія предметовъ для насъ теряются, и потому мы можемъ получить два совершенно однороднаго содержанія представленія двухъ въ дѣйствительнъ эти различныхъ объектовъ. Отсюда наша вѣра въ тождественность и въ равенство предметовъ истекаетъ отъ отно-

сительнаго содержанія нашихъ представленій, а не дѣйствительныхъ свойствъ реальныхъ объектовъ.

Но такъ какъ отъ наблюдательной способности, отъ повторенія опыта и интеллектуальной силы зависятъ болѣе или менѣе полное содержаніе выработанныхъ представленій относительно ихъ объектовъ опыта, то въ этой разницѣ взаимодействующихъ другъ на друга представленій заключается причина, почему представленія у однихъ людей, въ которыхъ отличающіе признаки не успѣли выработаться, сливаются и вызываютъ вѣру въ ихъ тождественность, а другіе люди, эти же самые объекты, которыхъ представленія болѣе развились, считаютъ различными. Если въ познаніи находятся дѣятельныя представленія, которыя при сближеніи, вслѣдствіе разнородности элементовъ, отталкиваются другъ отъ друга, то это движеніе даетъ познаніе отличія объектовъ тѣхъ представленій. Что это познаніе дается не внѣшнимъ опытомъ, а внутреннимъ движеніемъ представленій, обусловливаемыхъ ихъ содержаніемъ, доказывается тѣмъ, что наше познаніе разницы часто бываетъ ошибочнымъ и что съ опытомъ—лучше разившіяся представленія начинаютъ притягиваться между собою, вызывая познаніе сходства, тогда какъ при прежнемъ составѣ представленій ихъ объекты считались совершенно различными. Такъ напр., рѣдкіе предметы казались настолько различными, какъ алмазь и уголь. Химическое изслѣдованіе (сожиганіе) перваго показало, что онъ, какъ и уголь состоитъ изъ углерода. Познаніе этаго сходства вызвало попытки изъ углерода приготовить алмазы.

Частныя психическія формаціи, вызванныя притяженіемъ отдѣльныхъ представленій между собою, ихъ слитіемъ или отталкиваніемъ, соединяясь путемъ дифференцированія въ чисто психическую ткань, отдѣляются, такимъ образомъ, отъ тѣхъ, гдѣ частныя субстраты познанія сходства и отличія находились въ связи съ частными представленіями реального опыта, который вызванъ ихъ движеніями. Путемъ этого дифференцированія получается общее отвлеченное знаніе сходства, тождества и отличія, независимо отъ объектовъ внѣшняго міра.

Изъ сказаннаго мы убѣдились, что познаніе отношенія между предметами, въ смыслѣ ихъ сходства и отличія и ихъ тождества, намъ дается не изъ внѣшняго опыта, изъ котораго мы получаемъ только представленія отдѣльныхъ явленій, а есть продуктъ нашего внутреннего психическаго творчества, который не всегда отвѣчаетъ дѣй-

ствительнымъ отношеніямъ объектовъ внѣшняго міра, и потому несправедливы тѣ психологи, которые дѣлаютъ познаніе этихъ отношеній краеугольнымъ камнемъ мышленія и познанаія. Такъ напр., Бень* говоритъ: „первое дѣйствіе интеллекта или мысли есть отличіе, чувство разницы, съ помощью котораго мы узнаемъ, что одно чувство сильнѣе другаго, что два чувства не одного и того же вида. Другой фактъ есть сходство, чувство согласія, тѣсно соединенное съ первымъ во всѣхъ мыслевыхъ операціяхъ“.

Вышеизложенное также ясно указываетъ на заблужденіе психологовъ, видящихъ въ познаніи сходства и отличія самостоятельную душевную силу, стоящую внѣ сравниваемого. Эта сила, какъ судья, сравниваетъ предметы и даетъ оцѣнку ихъ сходства или отличія.

ГЛАВА IX.

§ 1. Психическія индукціи вообще.

Выше мы познакомились съ однимъ видомъ дифференцірованія психо-интеллектуальной ткани. Онъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что изъ данной группы одновременно дѣятельныхъ психо-интеллектуальныхъ формацій выделяются элементы, общіе всѣмъ членамъ группы, которые, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ одну общую и новую психическую формацію. Каждая такая общая формація, собираясь въ дѣятельныя группы съ другими такими же сродными общими, можетъ въ свою очередь сдѣлаться матеріаломъ для высшаго дифференцірованія, относительно котораго всѣ члены такой группы дѣлаются частными элементами. При этомъ количество выделяемыхъ изъ дѣятельной группы общихъ всѣмъ членамъ формацій, для образованія новой, должно дѣлаться все меньше и меньше, пропорціонально степени обобщенія. Мы видѣли, что наконецъ въ высшихъ продуктахъ такого дифференцірованія уже вовсе болѣе не находятся элементы, пришедшіе черезъ органы чувствъ изъ внѣшняго міра, а только тѣ психическія формаціи, которыя были вызваны движеніями послѣднихъ въ самомъ интеллектѣ. Какъ бы ни былъ обширенъ объемъ формаціи всѣхъ степеней такого дифференцірованія, она всегда остается единичной и нераздѣльной, какъ всякая самостоятельная особь.

* Alexandre Bain. Les sens et l'intelligence. Paris 1874, p. 4.

Какъ намъ извѣстно, что каждая формація продуцируетъ знаніе только своего собственнаго содержанія, то какой бы степени обобщенія ни была такая формація, она можетъ только дать познанія атрибутовъ, въ ней содержащихся, т. е. общихъ атрибутовъ большаго или меньшаго класса объектовъ, или психическихъ движеній, изъ представлений которыхъ она дифференцировалась. Но мы знаемъ, что, начиная съ элементарныхъ до высшихъ степеней, формаціи, кромѣ отдѣльнаго и самостоятельнаго существованія въ интеллектъ еще входятъ въ послѣдовательныя связи между собою, и разъ такая связь образовалась между формаціями, то она остается болѣе или менѣе постоянной. Такія связи, собираясь въ дѣятельныя группы, не могутъ дать при дифференцированіи, какъ выше видѣли, единичныя только формаціи, а частныя связи должны соединиться въ общія связи формацій. Первый видъ дифференцированія, представляя единичное тѣло, существуетъ и функционируетъ, какъ одинъ индивидъ. Дѣятельность одной только части или развитіе одной только стороны познанія, содержащагося въ данной формаціи, при недѣятельности остальнаго ея содержанія, также невозможна, какъ самостоятельная жизнь части или половины тѣла какого либо индивида, при недѣятельности или прекращеніи жизненныхъ функций во всѣхъ остальныхъ частяхъ организма. Во второмъ же видѣ дифференцированія каждый членъ связи самобытно существуетъ и продуцируетъ знаніе своего содержанія. Самая же связь даетъ только познаніе отношенія познаннаго атрибута или атрибутовъ одного члена къ одному или нѣсколькимъ атрибутамъ другого члена.

Для того, чтобы намъ сдѣлалось яснымъ происхожденіе продуктовъ дифференцированія этого втораго вида, мы должны припомнить изложенный нами законъ, господствующій во всемъ мышленіи, который гласитъ: если одна формація въ мышленіи непосредственно слѣдуетъ за другой, то онѣ соединяются не въ одну, а въ рядъ отдѣльныхъ формацій, соединенныхъ между собою. Если такіе ряды соединенныхъ формацій въ послѣдствіи перестаютъ быть дѣятельными, то ихъ связь неразрывно сохраняется и въ потенціальномъ состояніи. Стоитъ только вспомнить или увидѣть на опытѣ одно явленіе таковой связи, то въ памяти всплываетъ и связавшееся съ нимъ другое явленіе, прежде за нимъ слѣдовавшее или ему предшествовавшее на опытѣ.

На основаніи нашей теоріи, мы представляемъ себѣ этотъ процессъ

соединенія слѣдующимъ образомъ: положимъ, что явленіе или объектъ внѣшняго міра вызываетъ представленіе a , то послѣднее своимъ движеніемъ въ интеллектѣ образуетъ психическую формацію A . Эти двѣ формаціи, вслѣдствіе непосредственнаго слѣдованія, соединяются вмѣстѣ и образуется aA . Если вслѣдъ затѣмъ другой объектъ внѣшняго опыта вызвалъ новое представленіе b , пока еще aA не успѣло перейти въ потенциальное состояніе, то aA соединяется съ b ; движеніе въ интеллектѣ b должно вызвать, въ свою очередь, такую же психическую формацію, какую вызвало представленіе a . Если мы назовемъ эту формацію A' , то получится связь $aA + bA'$. Однородныя по содержанію A и A' , стремясь къ соединенію, будутъ удерживать въ связи и a и b , хотя послѣднія совсѣмъ не сродны между собою по содержанію. Если на опытѣ уже образовалась такая связь и перешла въ потенциальное состояніе, то, съ появленіемъ предъ органами чувствъ прежняго перваго объекта связи, въ интеллектѣ, какъ прежде, образуется aA , одинаковое по содержанію съ первымъ членомъ прежней связи. Вслѣдствіе этого aA новаго опыта вызоветъ изъ недѣятельнаго состоянія однородное съ нимъ aA прежняго опыта, а какъ послѣдняя находится въ связи съ bA' , то сдѣлается дѣятельною вся прежняя связь $aA + bA'$ и вновь повторенное представленіе aA . При слитіи послѣдняго aA съ первымъ членомъ прежней психо-интеллектуальной связи, въ полученномъ новомъ соединеніи $2aA + bA'$ нарушается равновѣсіе, потому что первый членъ сдѣлался вдвое сильнѣе втораго. Пока новый опытъ не дастъ bA' для соединенія со вторымъ членомъ прежняго опыта, нарушенное равновѣсіе вызоветъ напряженіе, вслѣдствіе стремленія къ соединенію и втораго члена прежней связи. Сила этого напряженія образуетъ новую психическую формацію, которая даетъ знаніе, отвѣчающее этому напряженію; назовемъ ее $У$. Если наконецъ появится въ данномъ опытѣ объектъ втораго члена прежней интеллектуальной связи b и вызоветъ психическую формацію A' , то соединеніемъ съ прежней связью втораго члена возстановится равновѣсіе въ мысленомъ движеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится напряженіе.

При этомъ однако прежняя связь $aA + bA'$ обогатится новымъ приростомъ, а именно— $aA + y + bA'$, т. е., кромѣ познанія слѣдованія другъ за другомъ данныхъ опытомъ явленій, появится еще относительное познаніе напряженія нашей души, предшествовавшее появленію этого слѣдованія. Если повторяющійся опытъ дастъ много такихъ

однородныхъ рядовъ, то психическія формаціи однихъ и тѣхъ же членовъ каждаго ряда, вслѣдствіе своего однороднаго психическаго содержанія, выдѣляясь изъ своего соединенія въ тѣхъ рядахъ съ интеллектуальными (эмпирическими) формаціями, соединяются въ общій рядъ формацій и составляютъ между собою рядъ однихъ только психическихъ формацій, т. е. $A \text{ --- } y \text{ --- } B$. Въ этой психической связи заключается познаніе законности слѣдованія явленій другъ за другомъ, независимо отъ содержанія этихъ явленій.

Первый видъ психо-интеллектуальнаго дифференцированія въ чисто психическія формаціи мы назвали формаціями высшихъ степеней или ихъ называютъ отвлеченными понятіями; второй видъ, въ которомъ соединяются въ ряды самостоятельныя формаціи, могущія существовать и функціонировать отдѣльно, называютъ индукціями. Первые даютъ только познаніе общихъ атрибутовъ большихъ или меньшихъ классовъ объектовъ, а послѣднія — познаніе отношеній этихъ классовъ. А такъ какъ отношенія объектовъ опыта другъ къ другу видоизмѣняются, то и слѣдованіе представленій въ интеллектѣ разнообразится. Каждый видъ этого слѣдованія вызываетъ въ душѣ различныя реакціи, выражающіяся въ образованіи особенныхъ психическихъ формацій, соотвѣтственно воздѣйствію каждаго вида отношенія. Разсмотримъ важнѣйшія изъ нихъ.

§ 2. Индукція познанія пространства.

Неотъемлемый атрибутъ каждаго представленія внѣшняго объекта въ нашемъ познаніи есть какъ его вещественность, такъ и его существованіе въ пространствѣ. Не смотря на то, что познаніе всего міра нашего опыта есть только результатъ функціи представленій, внутри насъ живущихъ, этотъ разнообразный міръ мы все-таки познаемъ существующимъ внѣ насъ — въ пространствѣ. Ни одинъ объектъ, познанный нами изъ опыта, мы не въ состояніи представить себѣ внѣ пространства. Однако, какъ намъ извѣстно, элементы для познанія пространства не получаютъ чрезъ органы чувствъ, этотъ единственный путь воздѣйствія на нашъ интеллектъ внѣшнихъ явленій опыта. Изъ этого мы должны заключить, что источникъ этого познанія долженъ находиться внутри насъ и есть продуктъ нашего собственнаго психическаго творчества. Такъ какъ познаніе пространства каждаго объекта получается въ самомъ началѣ опыта, съ познаніемъ атрибу-

товъ этого объекта, то съ формаціями, вызванными въ интеллектъ воздѣйствіемъ со стороны внѣшняго объекта на наши органы чувствъ, должны вмѣстѣ или въ непрерывномъ слѣдованіи развиваться формаціи, дающія познаніе пространства. Такъ какъ послѣднія вызываются не внѣшними движеніями, то ихъ источникомъ должны быть внутреннія психическія движенія; а какъ познаніе пространства развивается вслѣдъ за познаніемъ признаковъ каждаго объекта и неразрывно съ ними соединяется, то источникомъ того психическаго движенія должны быть формаціи, образующіяся изъ внѣшняго опыта.

Однако обращеніе человѣка и животныхъ во внѣшній міръ или къ объектамъ находящимся въ пространствѣ, не всегда есть слѣдствіе одного познанія, развиваемаго представленіемъ тѣхъ объектовъ. Въ природѣ существуютъ несомнѣнные случаи, въ которыхъ обращеніе въ пространство совершается даже до образованія представленій, безъ всякаго познанія предметовъ, искомымъ въ пространствѣ. Мы можемъ назвать этотъ видъ обращенія въ пространство стихійнымъ или, какъ его называютъ, инстинктивнымъ. Источники для питанія и поддержанія тѣла находятся внѣ организма, и для удовлетворенія этимъ потребностямъ, выражающимся въ чувствѣ голода или жажды, тѣло стихійно обращается къ внѣшнему міру, безъ всякаго его познанія. Такъ, новорожденный ребенокъ, при закрытыхъ глазахъ, ищетъ въ пространствѣ своего питанія. Только что вылупившаяся на морскомъ берегу морская черепаха идетъ въ море не потому, чтобы она знала, что на извѣстномъ пространствѣ есть нужная ей морская вода, а потому что тѣло черепахи роковымъ образомъ притягивается родной ей стихіей. Въ этомъ обращеніи во внѣшнее пространство — также мало психическаго, какъ въ обращеніи растенія къ солнцу и въ притягиваніи жельза магнитомъ. Другое дѣло — познаніе пространства, которое дается только опытомъ и психическимъ творчествомъ. Существующія философскія объясненія происхожденія въ насъ познанія пространства никого не удовлетворяютъ. Даже великій Кантъ внесъ въ это ученіе много затемняющаго и метафизическаго. Такъ какъ познаніе времени и пространства не дается намъ явленіями реальнаго опыта и такъ какъ мы ничего не можемъ познать изъ внѣшняго міра безъ того, чтобы мы себѣ не представили, что оно существуетъ въ извѣстное время и находится въ извѣстномъ мѣстѣ, то онъ считалъ познанія времени и пространства врожденными формами познанія. Кантъ не только принималъ, что

общая форма познанія пространства врожденна чловѣку, но что она заключаетъ въ себѣ извѣстныя представленія, находящіяся въ чловѣкѣ еще до всякаго опыта. Эти врожденныя формы познанія, по Канту, выражаются въ геометрическихъ аксіомахъ *. Это ученіе Канта опровергнуто не только философами послѣдняго времени, какъ Милемъ и другими, но вызвало протестъ при самомъ его появленіи. Еще задолго до Канта Newton во введеніи къ соч. „Principia“, говорить: „Fundatur ** igitur Geometria in praxi mechanica et nihil aliud est quam mechanicae universalis pars illa, quae artem mensurandi accurate proponit ac demonstrat“.

Самые выдающіеся психолого-фізіологи, какъ Гельмгольцъ и др. доказали, что познаніе пространства развивается въ чловѣкѣ путемъ опыта. Здѣсь не мѣсто приводить данныя, опровергающія теорію Канта, мы ограничимся только выводами Гельмгольца изъ его критики этой теоріи ***. Они суть слѣдующіе: 1) Эта гипотеза Канта (о прирожденности познанія пространства) ничѣмъ не доказана. 2) Она совершенно излишняя, потому что ничего не объясняетъ въ нашемъ реальномъ мірѣ представленій, что могло бы объясниться и безъ ея помощи. 3) Гипотеза, совсѣмъ не примѣнимая для объясненія нашего знанія дѣйствительнаго міра.

Одно только, повидимому, даетъ кажущееся подтвержденіе теоріи прирожденности познанія пространства, это — обнаруживающееся у только что родившихся животныхъ твердое знаніе пространства въ ихъ передвиженіяхъ, въ исканіи пищи. Только что вылупившійся изъ яйца цыпленокъ мѣтко клюетъ зерно и пьетъ воду. Гельмгольцъ говоритъ (op. cit. p. 3). „Чѣмъ менѣе одарены психически животныя, тѣмъ скорѣе

* Эти аксіомы, по Гельмгольцу, могутъ быть разсматриваемы въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Между двумя пунктами возможна только одна кратчайшая линія (прямая).

2) Черезъ всякіе три пункта можно провести плоскость (Ebene). Каждая поверхность есть плоскость, въ которой каждая прямая линія совершенно помѣщается, когда она совпадаетъ съ двумя пунктами той плоскости.

3) Черезъ каждый пунктъ можно провести только одну линію, параллельную данной прямой линіи. Параллельны суть двѣ прямыя линіи, лежащія въ той же плоскости и не пересѣкающіяся ни на какомъ разстояніи.

** Цитированное Гельмгольцемъ въ вышеприведенномъ сочиненіи на стр. 67.

*** Н. Helmholtz. Die Thatsachen in der Wahrnehmung. 1879. S. 67.

они научаются тому, чему они вообще могут научиться. Чѣмъ тѣснѣе пути, по которымъ должны идти мысли животнаго, тѣмъ легче оно ихъ находить. Новорожденное человѣческое дитя очень неловко въ видѣніи; ему нужно нѣсколько дней, чтобы научиться узнавать направленіе, съ помощію зрѣнія, по которому оно должно повернуть головку, чтобы достать до груди матери. Молодые животныя во всякомъ случаѣ независимѣе отъ индивидуальнаго опыта, нежели человѣческое дитя. Вопросъ-же о томъ, что руководить этимъ инстинктомъ животныхъ—прямое-ли унаслѣдованіе отъ своихъ производителей извѣстныхъ круговъ представленій; или же оно зависитъ только отъ чувствъ удовольствія или неудовольствія (*Lust und Unlust*) или моторной потребности, соединяющіяся съ извѣстными агрегатами воспріятій и ощущеній,—объ этомъ опредѣленнаго мы ничего не знаемъ“. На основаніи нашей теоріи, мы должны принять, что у животныхъ съ очень тѣснымъ кругомъ представленій, прямо касающихся однихъ только насущныхъ, потребностей, послѣднія отъ постоянного повторенія, безъ потери своей силы въ борьбѣ за существованіе съ другими представленіями, должны больше и больше укрѣпляться и воплощаться. Только этимъ путемъ мы можемъ себя объяснить врожденные инстинкты нѣкоторыхъ животныхъ проявляющіе свое наследственное знаніе и въ другихъ областяхъ, помимо познанія пространства. Такъ напр., не учать пчелу строить свои ячейки съ математической точностію ея родители и предшественники; эта наука также не развивается постепеннымъ усовершенствованіемъ на опытѣ, потому что эта постройка съ самаго начала проявляется съ полной точностію и искусствомъ. Таковыя представленія, вслѣдствіе большаго ихъ воплощенія, дѣлаются уже частію всего вида животнаго, не требующаго индивидуальной выработки. Таковыя представленія передаются путемъ наследства, какъ и другія части тѣла, напр. клювъ, жало и т. п., представляющія необходимый атрибутъ того или другаго животнаго вида. У человѣка это унаслѣдованіе въ такой рѣзкой формѣ невозможно, по случаю огромнаго разнообразія и большаго количества его представленій и вслѣдствіе ихъ относительно-рѣдкаго воспроизведенія въ дѣятельномъ состояніи. Тутъ психическая сила каждаго индивида не израсходуется вся на маленькую только группу представленій, а должна дѣлиться болѣе или менѣе и на факторовъ высшаго мышленія и чувства, поэтому представленія и ихъ связи нѣ человѣкѣ, слабо воплотившіяся, могутъ

передаваться по наслѣдству въ общихъ только контурахъ, какъ расположенія къ тому или другому знанію, но не какъ самое знаніе.

Однако Гельмгольцъ* (въ фізіологической оптикѣ), такъ логично опровергая ученіе Канта о врожденности познанія пространства, самъ прибѣгаетъ къ приемамъ метафизиковъ для объясненія происхожденія этого познанія изъ опыта. Онъ принимаетъ, что чувственныя впечатлѣнія, вызываемыя той или другой стороной пространственнаго видѣнія, вызываютъ въ началѣ въ ребенкѣ разсужденія и какъ ихъ результаты несознанныя умозаключенія *unbewusste Schlüsse*. Эти-то безсознательныя заключенія развиваютъ въ ребенкѣ познаніе о величинѣ, тѣлесности, направленіи, удаленіи предметовъ и прочихъ пространственныхъ признаковъ видимыхъ объектовъ. Гельмгольцъ объясняетъ развитіе познанія поля зрѣнія передвиженіемъ глазъ во время обозрѣнія картинъ тѣмъ, что различнымъ мѣстамъ на зрительной оболочкѣ отвѣчаетъ какая нибудь разница въ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ на зрительной оболочкѣ, причемъ эти впечатлѣнія остаются равными въ качественномъ отношеніи. Мы ниже убѣдимся, что познаніе пространства объектовъ развивается съ самымъ изученіемъ объектовъ и совершенствуется съ продолженіемъ этого изученія въ такое еще раннее время, когда о какихъ нибудь разсужденіяхъ ребенка не можетъ быть и рѣчи. Мы увидимъ, что само развившееся въ насъ представленіе даетъ познаніе о его пространственныхъ признакахъ, какъ и о всѣхъ его остальныхъ атрибутахъ, при чемъ всякія умозаключенія дѣлаются излишними и объясненія ими познанія пространства вносятъ въ психологію не мѣнѣе сумбура, какъ и сама трансцендентальная теорія Канта, противъ которой такъ сильно вооружается гениальный Гельмгольцъ.

Гербертъ объясняетъ познаніе пространства изъ вышшаго опыта различными свѣтовыми ощущеніями, получаемыми при различныхъ движеніяхъ глазъ во время обзора предметовъ. Лотце принимаетъ ощущенія движеній глазъ за знаки мѣстности. Другіе фізіологи приписываютъ зрительной оболочкѣ врожденную способность—переносить (проектировать) подѣйствовавшія на нее впечатлѣнія наружу, по направленію опредѣленныхъ прямыхъ линій, при чемъ направленіе впадающихъ свѣтовыхъ лучей разсматривается этими фізіологами, какъ тѣ линіи (*Visirlinien*), по которымъ правильно совершается помѣщеніе впечат-

* Helmholtz, Handbuch der physiologischen Optik. (въ энциклопедіи физики Картена). Populäre wissenschaftliche Vorträge.

тлѣній въ пространствѣ. Однако слѣпо-рожденные съ помощію опыта и осязанія составляютъ себѣ точное понятіе о пространствѣ и въ своихъ мысляхъ локализируютъ всѣ предметы опыта въ пространствѣ, какъ и зрячіе, поэтому совершенно излишне видѣть въ одной зрительной оболочкѣ и мышечныхъ ощущеніяхъ, при обозрѣваніи и ощупываніи предметовъ, главный источникъ познанія пространства.

Только знакомство съ развитіемъ первыхъ признаковъ познанія пространства въ человѣкѣ можетъ бросить свѣтъ и на источникъ этого познанія. Мы уже сказали, что движенія новорожденного, съ помощію которыхъ онъ ищетъ пищи поворачиваніемъ головки и рта вокругъ себя, не вытекаютъ изъ какого либо сужденія или познанія. Въ это время, кромѣ источника питанія ребенокъ больше ничего не ищетъ въ пространствѣ. Въ первые дни послѣ рожденія пламя свѣчи держимой передъ глазами, очевидно вызываетъ въ немъ реакцію, но ребенокъ не фиксируетъ пламени, и когда вы его унесете, или поставите въ другое мѣсто, онъ не дѣлаетъ никакихъ движеній глазами, чтобы опять получить исчезнувшее впечатлѣніе свѣта. Это приходитъ только со временемъ. Когда свѣчка поставлена сбоку и если, при случайномъ поворотѣ глаза, получается большее впечатлѣніе свѣтовыхъ лучей, тогда ощущеніе движенія глаза соединяется съ впечатлѣніемъ болѣе полного свѣта. Эта связь не даетъ познанія пространства, а только слѣдованія за опредѣленнымъ движеніемъ глаза полного свѣтоваго ощущенія. Если ребенка уносятъ отъ свѣчки, и вслѣдствіе этого пріятное впечатлѣніе свѣта уменьшается, то прежняя связь заставляетъ его ворочать глазками, пока онъ опять увидитъ пламя; если ребенокъ лежитъ и свѣчка носится по комнатѣ, то онъ мало по малу научается слѣдить глазами за пламенемъ. Всякій, кто наблюдалъ за дѣтьми въ это время, знаетъ, какъ неловки и нецѣлесообразны сначала эти движенія глазъ ребенка; онъ только мало по малу дѣлаются точнѣе и цѣлесообразнѣе. Фиксировать глазками свѣтящіеся предметы * ребенокъ научается обыкновенно только послѣ шестинедѣльнаго опыта. Дѣти до этого возраста нерѣдко возбуждаютъ у неопытныхъ родителей опасенія косо-глазія. Но умѣнье находить предметы въ полѣ зрѣнія движеніями своихъ глазъ, фиксировать ихъ и слѣдить за ихъ передвиженіями не истекаетъ отъ познанія пространства, какъ выводъ сужденій или без-

* Фиксировать глаза значитъ направлять ихъ такъ, чтобы продолженія ихъ осей пересѣкались на обозрѣваемомъ предметѣ.

сознательныхъ заключеній ребенка. Онъ тогда также, какъ и до того не имѣетъ собственно понятія о пространствѣ, внѣ его находящемся. Только образовавшіяся въ немъ различныя связи опредѣленныхъ ощущеній движеній глаза, съ болѣе или менѣе опредѣленными зрительными ощущеніями и представленіями, заставляють ребенка двигать глазами при обзорѣни поля зрѣнія и научають его болѣе или менѣе цѣлесообразнымъ движеніямъ, потому что съ представленіями послѣднихъ соединяются болѣе ясныя и отчетливыя впечатлѣнія, болѣе удовлетворяющія ребенка, потому что болѣе отвѣчаютъ его природѣ. Но если объектъ, видѣнный ребенкомъ, при томъ или другомъ движеніи глазъ, вдругъ исчезнетъ изъ его поля зрѣнія, такъ напр. унесутъ изъ комнаты свѣчку, то, не смотря на всѣ возможныя движенія его глазъ, онъ болѣе не получаетъ впечатлѣнія предмета. Эти ощущенія собственныхъ движеній остаются въ его познаніи безъ слѣдованія за ними другаго члена прежней связи зрительнаго ощущенія. Этотъ первый только членъ связи, полученный изъ новаго опыта, соединившись въ интеллектъ со всей связью двухъ членовъ прежняго опыта, гдѣ за такимъ движеніемъ слѣдовало зрительное впечатлѣніе, развивають познаніе должствующаго наступить зрительнаго ощущенія, но въ настоящемъ опытѣ отсутствующаго. Такъ какъ ребенокъ не можетъ вызвать втораго члена своими собственными движеніями, то онъ ищетъ его глазами внѣ его. Обобщеніе отдѣльныхъ представленій своихъ собственныхъ движеній, безъ слѣдованія за ними зрительнаго или осязательнаго представленія на опытѣ, даетъ познаніе различныхъ собственныхъ движеній глазъ и пальцевъ, вовсе не вызывающихъ ни зрительныхъ, ни осязательныхъ воспріятій. Это начало развитія познанія отличія своего я, отъ другаго, находящагося за предѣлами этого я, — не я, существующаго независимо отъ перваго.

Познаніе о пространствѣ, получаемое черезъ органъ осязанія, развивается такимъ же точно образомъ, какъ и зрѣніемъ. Около 2 мѣсяцевъ послѣ рожденія ребенокъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ обнять или взять какой нибудь предметъ въ пространствѣ. Движенія его ручекъ только рефлекторныя и механическія. Но съ подобными движеніями иногда соединяются осязательныя впечатлѣнія. Такъ напримѣръ во время кормленія пальчики ребенка въ движеніи осязають мягкую и гладкую грудь, съ удаленіемъ пальчиковъ отъ груди — впечатлѣніе исчезаетъ, съ приведеніемъ ручки въ прежнее по-

ложене и прежнее впечатлѣніе снова сознается. Такъ постепенно ребенокъ научается, съ помощію движеній своихъ ручекъ, осязать предметы и брать ихъ руками. Эти движенія, сначала неловкія и нецѣлесообразныя, совершенствуются болѣе и болѣе путемъ опыта. Слѣдовательно мы видимъ, что познаніе объектовъ въ пространствѣ есть дѣло постепеннаго, эмпирически-интеллектуальнаго развитія, а не врожденный атрибутъ нашей души. Въ 1-мъ томѣ мы привели примѣръ, что взрослые слѣпорожденные люди послѣ операций, возстановившей ихъ зрѣніе, сначала чувствовали, что внѣшніе объекты касаются ихъ зрительной оболочки. Описанны случаи, доказывающіе, что таковыя же люди, съ возстановленіемъ зрѣнія послѣ операціи, не могутъ отличить зрѣніемъ одну форму предмета отъ другой, какъ напр. кругъ отъ квадрата, прежде нежели они изслѣдуютъ предметы осязаніемъ*.

Если мы прослѣдимъ у взрослого, за дальнѣйшимъ развитіемъ познанія пространства вообще и каждаго предмета въ пространствѣ въ особенности то мы убѣдимся, что элементами этого познанія служатъ сознанныя собственныя движенія непремѣнно въ соединеніи съ воспріятіями, получаемыми извнѣ черезъ органы чувствъ. Такъ напр. если человѣкъ, находясь въ какомъ нибудь мѣстѣ видитъ и осязаетъ данные предметы, то, по удаленіи его отъ этого мѣста прежняя картина, до того имъ познаваемая или мѣняется, т. е. онъ видитъ или осязаетъ новые предметы, или совершенно исчезаетъ изъ его познанія. Если человѣкъ возвратится обратно къ прежнему мѣсту, то его опыту снова представляются прежніе предметы и т. д. Эти частныя опыты вызываютъ связи различныхъ представленій внѣшняго міра съ представленіями передвиженія самого наблюдателя. При этомъ каждый членъ этой связи познается самостоятельно и независимо отъ другаго члена. Отсюда рождается отличіе познанія своего собственного я отъ цѣлаго міра объектовъ — не я. Познанія движенія собственного тѣла неразлучны съ самою личностію, потому что вызываются внутренней, въ ней возникающей причиною. Познанія же другаго члена связи — объектовъ внѣшняго міра, независимы отъ самой личности, а обусловливаются только тѣми объектами и отношеніемъ къ нимъ нашей личности. Отсюда рождается познаніе двухъ міровъ: одного малаго (Mikrokosmos), ограничивающагося самою познающей личностію и другаго, разнообразнаго міра объек-

* Dufour, (Lausanne), Bulletin de la société médicale de la Suisse Romande, 1876, цитир. Гельмгольцемъ.

товъ (Макрокосмос), находящагося внѣ этой личности въ пространствѣ. Пока познаніе объектовъ въ пространствѣ остается неизмѣннымъ, пока наши органы чувствъ находятся передъ этимъ объектомъ, то мы получаемъ познаніе постоянства и неподвижности въ пространствѣ. Если же предметъ внѣшняго міра двигается, не смотря на покойное состояніе органовъ чувствъ, и если, находясь въ области нашего поля зрѣнія или осязанія, онъ исчезаетъ отсюда, независимо отъ насъ, и если мы должны дѣлать движенія нашимъ тѣломъ или органами чувствъ для того, чтобы удержать данный объектъ въ полѣ нашего опыта, то всѣ эти измѣнчивыя связи представленій съ нашимъ я даютъ познаніе подвижности объектовъ въ пространствѣ.

Если мы психологически станемъ анализировать развивающійся въ насъ процессъ познанія каждаго объекта въ пространствѣ, то мы увидимъ, что онъ состоитъ изъ слѣдующихъ моментовъ:

1) При осязаніи предметовъ мы водимъ по нимъ пальцами. Если предметъ малъ, то однимъ только пальцемъ, если онъ великъ, то мы ощущаемъ его разомъ всѣми пальцами одной руки или обѣихъ рукъ. При осязаніи мы переходимъ послѣдовательно отъ одной точки или части поверхности предмета къ другой, пока въ каждомъ направленіи не кончается предѣлъ осязаемаго предмета. При этомъ осязаніи мы двигаемъ нашими пальцами въ трехъ направленіяхъ, согласно механизму движенія нашихъ рукъ: а) въ горизонтальномъ, б) въ вертикальномъ, сверху внизъ и снизу вверхъ и с) поводимъ руками спереди назадъ и сзади напередъ. При этихъ осязательныхъ изслѣдованіяхъ должна происходить цѣлая масса сложныхъ психологическихъ процессовъ, соединяющихся въ одномъ цѣльномъ представленіи съ атрибутами осязаемаго объекта. Прежде всего является познаніе требующейся иннервационной силы для производства опредѣленнаго мускульнаго движенія, необходимаго для акта зрѣнія или осязанія, назовемъ формацію, дающую познаніе этого напряженія А, затѣмъ мышечное сокращеніе, вызванное этой иннервацией, даетъ познаніе мышечнаго чувства, назовемъ его α , затѣмъ идетъ воспріятіе, получаемое чрезъ осязательный или зрительный нервъ отъ самого осязаемаго или обозрѣваемаго предмета, назовемъ его а. Но такъ какъ этотъ рядъ формацій А α а образуется при каждомъ отдѣльномъ осязаніи или зрительномъ движеніи глаза всякой отдѣльной части объекта, то мы получимъ болѣе или ме-

нѣе огромный рядъ такихъ соединенныхъ формацій, которыя въ интеллектѣ вмѣстѣ даютъ познаніе пространства объекта.

При изложеніи образованія представленій, мы видѣли, почему представленіе объекта даетъ не только сумму познанныхъ атрибутовъ каждаго объекта, но и правильнаго отношенія каждой изъ частей, составляющихъ объектъ. Это познаніе можетъ только происходить изъ того, что и въ самомъ представленіи воспріятія расположены въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ дѣйствуетъ на наши органы чувствъ объектъ атрибутами его частей. Мы видѣли, что причина закрѣпленія каждаго воспріятія въ представленіи, въ мѣстѣ, отвѣчающемъ таковому внѣшняго объекта, заключается въ психическихъ формаціяхъ, вызываемыхъ движеніями въ интеллектѣ возникающихъ воспріятій внѣшняго опыта. При изученіи предмета въ пространствѣ мы должны принять тоже самое. Изученіе это строго послѣдовательное, т. е. мы при этомъ послѣдовательно переходимъ пальцами или зрѣніемъ отъ одной части изучаемаго объекта къ другой, пока въ данномъ изслѣдуемомъ направленіи не кончится предѣлъ осязаемаго или обозрѣваемаго предмета.

Такимъ образомъ, при осязаніи или обозрѣніи предмета въ одномъ направленіи, мы получимъ цѣлый рядъ: $A\alpha$ —1— A,α , b —1— A,α , c и т. д. причемъ A и α , какъ атрибуты нашихъ движеній въ одномъ и томъ-же направленіи, однородны. Они отличаются только въ количественномъ отношеніи, что зависятъ отъ большаго или меньшаго разстоянія осязательныхъ или обозрѣвательныхъ движеній въ данномъ направленіи. Эту количественную разницу въ каждомъ послѣдующемъ членѣ мы отмѣтили цифрами 2, 3 и т. п. Это—то количественное отличіе данныхъ психическихъ формацій $A\alpha$, при каждомъ отдѣльномъ актѣ осязанія или обозрѣнія, будетъ причиной того, что, находясь между каждыми отдѣльными воспріятіями осязаемаго или обозрѣваемаго объекта, онѣ удерживаютъ каждую формацію, полученную изъ того объекта въ опредѣленномъ мѣстѣ, соотвѣтственно размѣру осязательнаго или зрительнаго движенія въ данной поверхности. Формаціи-же, вызываемыя психическими напряженіями для обозрѣнія и осязанія предмета въ различныхъ направленіяхъ должны отличаться другъ отъ друга, а также и формація, дающая познаніе мышечнаго чувства, должна тоже въ этихъ случаяхъ отличаться отъ предыдущей α , потому что здѣсь движенія при обозрѣніи и ощупываніи различныхъ поверхностей различны и

вводятся въ дѣйствіе различныя группы мышцъ. Если положимъ первое на мѣсто A , будетъ B , а второе на мѣсто α будетъ β , то, при обзорѣ или осязаніи предмета въ другомъ направленіи, мы получимъ нѣсколько отличный рядъ отъ предыдущаго, такъ напр. $V_3\alpha - I - V_2\beta_2b - I - V_3\beta_3c - I - V_1\beta_1d$ и т. д. Назовемъ формацію, дающую познаніе психическаго напряженія при изслѣдованіи предмета въ 3 -мъ направленіи, C , а мышечнаго чувства γ , то мы получимъ третій рядъ: $C_1\gamma_1a - I - C_2\gamma_2b - I - C_3\gamma_3d - I - C_4\gamma_4e$ и т. д.

Такъ какъ этими поверхностями ограничиваются наши обзорѣвательныя и осязательныя движенія, то, по окончаніи изученія этимъ путемъ объекта, мы получимъ 3 отличные ряда, соединенныхъ въ одномъ представленіи. Но какъ познаніе каждаго ряда отвѣчаетъ одной изъ поверхностей, по которой двигались наши глаза и пальцы, то воспріятія, полученные отъ обзорѣнія или осязанія объекта съ помощію сказанныхъ психическихъ формацій, будутъ познаваться въ трехъ различныхъ измѣреніяхъ.

Такъ какъ соединеніе формацій въ одно представленіе обусловливается непосредственнымъ слѣдованіемъ дѣятельныхъ формацій въ интеллектъ и сродствомъ формацій по содержанію, то представленіе объекта въ пространствѣ должно состоять изъ трехъ непрерывныхъ, но различныхъ рядовъ. При правильномъ обзорѣніи или осязаніи предметовъ мы послѣдовательно переходимъ отъ одного пункта изслѣдуемаго предмета къ другому, поэтому въ представленіи располагаются въ томъ же порядкѣ и воспріятія познаваемого объекта. Но, какъ мы видѣли первые два члена каждой отдѣльной связи, образовавшейся при каждомъ частномъ обзорѣвательномъ или осязательномъ движеніи различны, смотря по поверхности, въ которой совершались тѣ движенія, то и ряды въ каждомъ представленіи объекта въ пространствѣ должны соединиться въ три отличныя группы, — сообразно характеру движеній глаза или пальца въ различныхъ измѣреніяхъ. Поэтому въ каждомъ такомъ представленіи мы получимъ три ряда связей, отвѣчающихъ тремъ различнымъ направленіямъ движеній органовъ зрѣнія и осязанія:

$$\begin{array}{l}
 \text{1-й рядъ} \\
 \times A_1\alpha a + A_2\alpha_2 b + A_3\alpha_3 c + A_4\alpha_4 d \text{ и т. д.} \\
 \text{и т. д.} \\
 \text{2-й рядъ} \\
 \times B_1\beta a + B_2\beta_2 b + B_3\beta_3 c + B_4\beta_4 d \\
 \text{и т. д.} \\
 \text{3-й рядъ} \\
 \times C_1\gamma a + C_2\gamma_2 b + C_3\gamma_3 c + C_4\gamma_4 d \text{ и т. д.}
 \end{array}$$

Изъ этой схемы мы видимъ, что каждый рядъ будетъ отвѣчать познаніямъ многихъ мышечныхъ движеній и съ каждымъ изъ нихъ соединеннымъ зрительнымъ или осязательнымъ воспріятіемъ въ одной только изъ трехъ поверхностей. Такимъ образомъ, каждое представленіе объекта, по окончаніи его обозрѣнія или ощупыванія, или того и другаго вмѣстѣ, составитя изъ трехъ рядовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, вслѣдствіе одновременной и послѣдовательной дѣятельности этихъ частныхъ факторовъ въ интеллектъ. Эти три ряда представленія опыта дадутъ познаніе его пространства въ трехъ перпендикулярныхъ другъ другу направленіяхъ. Въ связяхъ же каждаго ряда первые два члена каждой частной связи отличаются другъ отъ друга только въ количественномъ отношеніи и потому они дадутъ только познаніе болѣе близкаго и болѣе дальняго разстоянія каждой части объектовъ или разстоянія и проекціи объектовъ въ перспективѣ. Если такіа частныя представленія, состояція изъ трехъ рядовъ, станутъ совмѣстно, цѣлой группой развиваться въ интеллектъ мыслевую функцію, то изъ этихъ частныхъ, путемъ дифференцированія, получается общая сложная формація. Такъ какъ въ каждое изъ частныхъ представленій необходимо входятъ первые два члена каждой отдѣльной связи и расположеніе въ трехъ рядахъ, то всѣ частныя $A\alpha$, $B\beta$, $C\gamma$ соединяются въ общую формацію, составляющую первый членъ общей связи $A\alpha + B\beta + C\gamma$; всѣ же отдѣльныя представленія частей объекта, получаемыхъ чрезъ ося-

заніе или черезъ зрѣніе, какъ въ нашей схемѣ a, b, c, d и т. д.; могутъ соединиться въ общую формацію, состоящую изъ вѣшняго бытія — общаго атрибута всѣхъ объектовъ опыта, назовемъ его (\ddot{U}) . Такимъ образомъ, какъ высшій результатъ мыслевой работы изъ частнаго матеріала изученія отдѣльныхъ объектовъ въ пространствѣ, мы получаемъ слѣдующее обобщеніе: $(A\alpha + B\beta + C\gamma) + (\ddot{U})$. Это высшее обобщеніе, какъ видно, состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей: члены первой составляютъ наши психическія формаціи, образовавшіяся отъ напряженія иннерваціи, предшествующаго обозрѣвательному или осязательному движенію, и изъ мышечнаго ощущенія, вызваннаго каждымъ изъ такихъ движеній. Если эту часть мы назовемъ субъективною или психическою, то вторую часть, представляемую (\ddot{U}) , мы должны назвать объективною или интеллектуальною, потому что матеріалъ, изъ котораго она сложилась, состоитъ изъ воспріятій, получаемыхъ отъ воздѣйствія вѣшняго объекта.

Познаніе, развиваемое этой обобщенной психо-интеллектуальною связью, должно состоять въ слѣдующемъ:

1) Все, что имѣетъ атрибутъ (\ddot{U}) , т. е. познается изъ опыта или правильнѣе — доступно нашимъ органамъ чувствъ, должно имѣть и атрибуты $A\alpha + B\beta + C\gamma$ и т. д., т. е. должно занимать пространство въ трехъ перпендикулярныхъ другъ другу направленіяхъ. Вслѣдствіе этого мы не можемъ себѣ представить какой нибудь объектъ опыта внѣ пространства. Въ познаніи, развиваемомъ этой обобщенной связью, объясняется аксіома нашего мышленія, гласящая, что въ пространствѣ, занимаемомъ однимъ предметомъ, не можетъ вмѣститься и другой предметъ.

2) Вышеизложенная психо-интеллектуальная связь не можетъ соединиться съ частными случаями нашего опыта, не имѣющими атрибутовъ, содержащихся въ первой части этой связи. Явленія и объекты нашего познанія, недоступные прямому изслѣдованію нашихъ органовъ чувствъ, ихъ осязанію и обозрѣнію, познаются нами внѣ пространства, какъ напр. наша душа, наши мысли, идеи и чувства.

Въ 1-мъ томѣ этого сочиненія въ V-ой главѣ, мы привели доказательства тому, что наши представленія занимаютъ въ интеллектѣ пространство. Гельмгольцъ * совершенно правъ, говоря: „если бы въ насъ были врожденны познанія локализациі, (какъ принима-

* Die Thatsachen in der Wahrnehmung S. 49.

еть Бантъ), для нашихъ органовъ, снабженныхъ осязательными ощущеніями, то мы должны были бы ожидать такого же познанія локализациі для гортани (Kehlkopf), какъ и для рукъ. Въ дѣйствительности же наше знаніе формы, величины и движенія нашихъ собственныхъ органовъ въ насъ развиты настолько, насколько мы ихъ можемъ видѣть и осязать“.

3) Изъ полученнаго нами обобщенія дѣлается яснымъ, почему, если въ частномъ случаѣ съ первымъ членомъ соединяется неправильно второй членъ, — общая индукція, вслѣдствіе ея соединенія съ частной (по средству содержанія), должна развивать ложное познаніе относительно локализациі въ пространствѣ этого частнаго случая. Такъ, напр., болѣе или менѣе усиленное сердцебиеніе вызывается многими чувствами, волнующими человѣка. Ощущеніе и осязаніе бьющагося сердца соединяется, (вслѣдствіе непосредственнаго слѣдованія), съ познаніемъ чувства, и потому люди, до настоящаго времени, свои чувства локализируютъ въ сердцѣ, хотя въ немъ, кромѣ крови, ничего не содержится.

4) Изъ сказаннаго обобщенія получается познаніе, что съ пространствомъ соединенъ атрибутъ объекта. Отсюда мы можемъ себѣ только вообразить пространство безъ его выполняющихъ объектовъ, какъ недѣлимый атомъ, какъ зданіе безъ фундамента, но реальнымъ образомъ мы этого понять не можемъ. Отсюда уже прежніе ученые заявляли о „hoger vacuï“. Нашъ міръ реального познанія кончается пространствомъ объектовъ; пустаго же пространства представить мы не можемъ, потому что оно не дается намъ вышесказанной психической индукціей.

5) Мы иначе себѣ представить не можемъ пространства, какъ въ трехъ измѣреніяхъ, какъ оно заключается въ каждомъ представленіи объекта. Такъ какъ это психо-интеллектуальное обобщеніе образовалось изъ реального опыта, то это познаніе иначе быть не можетъ, потому что наши движенія, при изслѣдованіи пространства, возможны только въ тѣхъ трехъ направленіяхъ. Изъ этого мы видимъ, что наше познаніе пространства, во первыхъ, не есть врожденное, данное намъ, независимо отъ опыта, а обусловливается самимъ опытомъ и устройствомъ органовъ чувствъ въ ихъ примѣненіи къ изученію внѣшняго міра. Во вторыхъ, — что оно не есть собственно познаніе дѣйствительнаго объективнаго пространства, а, вытекая изъ нашей природы, обусловливается нашей способностью изслѣдовать предметы въ простран-

ствѣ въ трехъ только направленіяхъ. Если-бы человѣкъ могъ иначе двигать своими глазами и руками, то и наше познаніе о пространствѣ предметовъ было бы вѣроятно также другое. Съ помощію аналитической геометріи нѣкоторые ученые, цитируемые Гельмгольцемъ, работали въ этомъ направленіи, какъ Gauss въ 1828 году, нашъ гениальный соотечественникъ Лобачевскій * въ 1829 и 1840 году Riemann, Beltrami и Lipschitz поставили себѣ задачей доказать, что наше понятіе о пространствѣ будетъ правильнѣе, если мы себѣ представимъ пространственныя отношенія въ математическихъ пространствахъ (Räumen) добытыхъ математически—аналитическимъ методомъ. Но это отвлеченное, воображаемое знаніе не въ состояніи побѣдить того знанія пространства, которое вытекаетъ непосредственно изъ природы нашего опыта.

§ 3. Психическая индукція времени.

Познаніе времени есть также продуктъ опыта внутреннихъ движеній нашей психической жизни, а не внѣшняго опыта. Мы познаемъ теченіе времени и при отсутствіи всякаго впечатлѣнія на органы чувствъ, вслѣдствіе одной только внутренней дѣятельности нашихъ мыслевыхъ процессовъ. Когда послѣдняя прекращается, — теряется и познаніе времени, такъ, наприм., во снѣ, въ обморокѣ, въ состояніи сомнабулизма. Наше субъективное измѣреніе времени, однако, не даетъ вѣрнаго мѣрила не только послѣдовательнаго теченія явленій во внѣшей природѣ, но даже и самаго теченія нашихъ внутреннихъ психо-интеллектуальныхъ процессовъ. Голосъ народа говорить, что иной часъ кажется намъ вѣчностью и наоборотъ—долгіе часы проходятъ незамѣтно для насъ во времени. Слѣдовательно, познаніе времени и его различной длины сначала не получается извнѣ, не обусловливается объективнымъ теченіемъ психическихъ явленій, а дается субъективнымъ опытомъ душевной жизни. Отъ того Эммануилъ Кантъ принималъ двѣ врожденныя, трансценден-

* Гельмгольцъ говоритъ слѣдующее о г. Лобачевскомъ (см. op. citat стр. 24). „Нужно замѣтить, что Лобачевскій уже въ 1829 и 1840 годахъ написалъ геометрію, въ которой онъ безъ постулатовъ о параллельныхъ линіяхъ (Parallelenatz) провелъ ее на пути обыкновеннаго синтетическаго нагляднаго метода. Его изслѣдованія находятся въ совершенномъ согласіи съ соотвѣствующими отдѣлами новыхъ аналитическихъ изслѣдованій“. Это гениальное сочиненіе нашего соотечественника не только осталось неизвѣстнымъ нашей публикѣ, но, какъ мнѣ передавали, послѣ его выхода въ свѣтъ подверглось осмѣянію со стороны нашихъ доморощенныхъ и официальныхъ „ученыхъ и критиковъ“.

тальныя формы воззрѣній пространства — для внѣшняго опыта, и времени — для внутренняго міра человѣка.

Шопенгауеръ * говоритъ; „законъ инерціи доказываетъ идеальность времени. Если тѣло разъ получило движеніе, то никакое время не можетъ его ни прекратить, ни уменьшить; оно будетъ безконечно, безъ реакціи физическихъ причинъ. Такъ точно и покойно лежащее тѣло остается вѣчно въ покой, если физическія причины его не приведутъ въ движеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что время не есть нѣчто находящееся въ соприкосновеніи съ предметами, а что оба они суть разнороднаго характера, и что реальность, принадлежащая тѣламъ, не должна быть приписываема времени, которое абсолютно трансцендентально-идеально, т. е. что имѣетъ свой источникъ не въ предметахъ, а въ познающемъ субъектѣ“. Шопенгауеръ, не находя источника познанія времени въ реальныхъ предметахъ внѣшняго опыта, несправедливо выводитъ изъ этого заключеніе, что время трансцендентально-идеально, т. е. не реального происхожденія.

Силою фактовъ мы вынуждены были признать, что и нашъ внутренній психическій міръ также реаленъ, какъ и объекты внѣшняго опыта. Если мы выше убѣдились, что мы познаемъ не реальность самихъ объектовъ, а только представленія, вызванныя этими объектами, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнали, что эти представленія въ нашей душѣ имѣютъ такое же реальное существованіе, какъ внѣ насъ объекты, ихъ вызвавшіе. Съ такимъ же правомъ, съ какимъ мы называемъ движенія внѣшнихъ объектовъ, перешедшія черезъ наши органы чувствъ въ познаніе реальными, мы должны признать и познаніе дѣйствительныхъ, внутри насъ происходящихъ движеній нашихъ интеллектуальныхъ факторовъ тоже реальнымъ. Познаніе послѣднихъ также отвѣчаетъ дѣйствительности нашихъ психическихъ движеній, какъ и представленія внѣшняго опыта выражаютъ собою въ познаніи дѣйствительныя движенія внѣшняго міра.

Познаніе времени есть неотъемлемая сила нашей души и потому не можетъ точно также, какъ и всякая другая сила организма, не имѣть реальной почвы. Субстратъ, проявляющій въ насъ эту силу, долженъ быть такой же, какъ для проявленія всѣхъ другихъ функцій организма, т. е. долженъ состоять изъ организованныхъ ячеекъ. Мы тогда только

* Arth. Schopenhauer, Parerga und Paralipomena 2 Bd. S. 541. J. 1862 г.

можемъ себѣ представить реальный источникъ познанія, когда явленія этого источника пришли въ познаніе черезъ органы чувствъ, а такъ какъ наши психо-интеллектуальныя движенія, изъ которыхъ развивается познаніе времени входятъ въ познаніе, помимо органовъ чувствъ, то и происхожденіе этого познанія и самое время кажется нереальнымъ, отвлеченнымъ и развивающимся не изъ реального опыта, а врожденнымъ и трансцендентальнымъ. Вундтъ * слѣдующимъ образомъ объясняетъ познаніе времени: „Оно возникаетъ отъ слѣдованія другъ за другомъ различныхъ представленій, изъ которыхъ каждое отдѣльное остается въ распоряженіи сознанія, когда новое въ него входитъ. Но суть представленія времени состоятъ не столько въ дѣйствительной репродукціи представленій, сколько въ представленіи, что они могутъ быть репродуцированы“.

Но, слѣдя за развитіемъ познанія времени, мы увидимъ различныя степени этого постепеннаго развитія. Вначалѣ оно родится въ интеллектѣ въ связи съ представленіями вышшаго опыта, слѣдующими другъ за другомъ. Это познаніе времени не дается разсужденіемъ и неразрывно связано въ познаніи съ послѣдовательною связью представленій явленій, слѣдовавшихъ другъ за другомъ на опытѣ. Такъ, грудной ребенокъ, зная, что, вслѣдъ за положеніемъ его на подушку вблизи кормилицы, слѣдуетъ его кормленіе грудью, выказываетъ величайшее нетерпѣніе, когда кормилица замѣшкается. Познаніе времени бываетъ не только у дикихъ людей, но и у животныхъ. Птицы и другія животныя, свивая свои гнѣзда, а также и запасы пищи на зиму, знаютъ будущее, а перелетныя птицы, возвращаясь лѣтомъ на прежнія мѣста, знаютъ прошедшее и т. п.

Но въ этомъ фазисѣ развитія познается не время, а только протяженіе между слѣдованіемъ одного явленія за другимъ въ сознаніи. Только съ высшимъ развитіемъ мышленія, у человѣка образуется наконецъ познаніе времени, какъ отвлеченный законъ слѣдованія явленій въ природѣ. Развитіе этого знанія объясняется, на основаніи нашей теоріи, процессомъ дифференцированія, съ помощію котораго развиваются субстраты нашихъ психическихъ силъ вообще. Изъ сказаннаго понятно, что первоначальное познаніе времени дѣлается возможнымъ только тогда, когда въ интеллектѣ уже существуетъ, прежде образовавшаяся изъ опыта послѣдовательная связь двухъ или нѣсколькихъ представленій, перешедшая

* Grundzüge der Physiol. Psych. 2 B. S. 681 und folg.

въ потенціальное состояніе. Начало же познанія слѣдованія явленій во времени дается только повтореніемъ на опытѣ того, что заключается въ первомъ членѣ связи прежняго опыта, перешедшей въ потенціальное состояніе. Такъ, напримѣръ, если въ первомъ опытѣ изъ внѣшняго объекта образовалось представленіе a , вызвавшее своимъ движеніемъ психическую формацію A , и если вслѣдъ за тѣмъ объектомъ слѣдовалъ на опытѣ другой объектъ съ представленіемъ его въ интеллектѣ b , тоже дополнившимся психической формаціей A' , то мы получимъ связь $aA + bA'$. Въ этой первоначальной связи нѣтъ ни малѣйшаго матеріала для познанія времени, а только познаніе, что за a на опытѣ слѣдуетъ b . Но если эта связь перешла въ потенціальное состояніе и новый опытъ вызываетъ снова представленіе aA , то послѣднее, вслѣдствіе своего сродства съ первымъ членомъ первой потенціальной связи $aA + bA'$, вызываетъ, разумѣется, всю ту связь къ дѣятельности и мы получимъ $aA + bA$ прежняго опыта и aA новаго опыта въ дѣятельномъ состояніи. Слитіемъ первыхъ членовъ, вслѣдствіе однородности ихъ содержанія получится: $2aA + bA'$ этимъ нарушается равновѣсіе связи преобладаніемъ перваго удвоеннаго члена. Это нарушенное равновѣсіе вызываетъ напряженіе къ слитію и втораго члена прежняго опыта съ такимъ же представленіемъ новаго опыта. Изъ этого внутренняго напряженія рождается новая психическая формація, которую мы назовемъ y . Она должна дать познаніе во 1-хъ психическаго напряженія, протекающаго между слитіемъ aA первыхъ двухъ членовъ и появленіемъ на опытѣ новаго bA . Эта функція y вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ познаніе, что за первымъ явленіемъ новаго опыта должно слѣдовать другое явленіе такое же, какое въ прежнемъ опытѣ слѣдовало за такимъ же первымъ явленіемъ; во 2-хъ, такъ какъ слѣдованіе втораго члена новаго опыта можетъ наступить или непосредственно за первымъ членомъ, или разстояніе между этимъ слѣдованіемъ будетъ болѣе или менѣе велико, то и выраженіе напряженія между слѣдованіемъ — y будетъ различнаго протяженія, какъ y , y^2 , y^3 и т. д. Сначала опыта y , появляющійся между слѣдующими другъ за другомъ представленіями, даетъ познаніе разстоянія между слѣдованіемъ данныхъ явленій опыта. Это частное познаніе времени, полученное на мѣсто первоначальной связи слѣдовавшихъ представленій $aA + bA'$; дается новой формулой $2aA + y + 2bA'$ заключающей всѣ элементы для познанія времени, протекшаго между двумя данными явленіями, а именно — психическое познаніе соединенія первыхъ членовъ даетъ познаніе начала времени,

y даетъ познаніе протяженія времени, а соединеніе послѣднихъ членовъ между собою даетъ познаніе окончанія времени. Познаніе напряженія, получаемого отъ психической формаціи *y*, отдѣляя первое представленіе отъ втораго, даетъ знать, что первое есть предшествующее, а другое — послѣдующее относительно ихъ средняго члена, т. е. познанія протяженія времени. Поэтому мы познаемъ одно только теченіе времени впередъ. Если мы хотимъ себѣ представить прошедшее время, то мы только анализируемъ уже совершившееся соединеніе представлений, при чемъ представленіе напряженія, протекавшее между этимъ и другимъ соединеніемъ, вовсе не познается или слабо всплываетъ къ дѣятельности. Поэтому время, казавшееся намъ безконечнымъ, когда мы его переживали, въ воспоминаніи почти не ощущается. Точное познаніе теченія во времени представлений прошлаго опыта мы получаемъ только измѣреніемъ этого теченія реальными способами, какъ съ помощію часовъ, дней, лѣтъ и т. п. или же, приводя эти явленія въ отношеніе къ событіямъ, между которыми протекавшія представленія очень намъ извѣстны и пережитое между ихъ слѣдованіемъ психическое напряженіе еще свѣжо. Противопоставленіе въ интеллектъ такихъ частныхъ индукцій, гдѣ среднимъ звѣномъ между слѣдованіемъ есть y^1 , y^2 , y^3 и т. д., даетъ познаніе количественной разницы между слѣдованіемъ, т. е. даетъ познаніе различнаго протяженія времени. Такъ какъ количественная разница каждаго *y* можетъ обусловливаться какъ большимъ или меньшимъ протяженіемъ напряженія, такъ и самой его энергіей, то, если, подъ вліяніемъ чувства и другихъ условій напряженіе, въ ожиданіи слѣдованія, очень натянуто, — получается *y* болѣе въ количественномъ отношеніи, нежели онъ получится при такомъ же разстояніи между слѣдованіемъ, когда напряженіе не очень сильно. Отсюда вытекаютъ наши субъективныя ошибки въ оцѣнкѣ времени, по одному только внутреннему психическому акту.

Теченіе въ нашемъ мышленіи нашихъ представлений, мыслей и идеосвершается также послѣдовательно, другъ за другомъ, какъ и явленій во внѣшнемъ опытѣ. Въ мышленіи чѣмъ быстрѣе одинъ факторъ слѣдуетъ за другимъ, тѣмъ меньше протяженіе напряженія и тѣмъ короче познаваемое время. Чѣмъ медленнѣе представленія слѣдуютъ другъ за другомъ, чѣмъ больше протяженіе напряженія между ними, тѣмъ продолжительнѣе намъ кажется время мышленія. Мы незнаемъ времени и не испытываемъ скуки, когда у насъ представленія плавно слѣдуютъ другъ за другомъ въ познаніи. Такъ, заговорившись въ увлекатель-

ной бесѣдѣ, мы не вѣримъ нашимъ часамъ. Ожиданіе дорогаго человѣка намъ кажется безконечнымъ, если оно замедляется даже на одинъ только часъ; извѣстность долженствующей наступить опасности для чести или жизни безконечно удлинняетъ человѣку время ожиданія. Человѣкъ, приговоренный наканунѣ къ смертной казни, переживаетъ въ одну ночь десятки лѣтъ страданій, что доказываетъ сѣдина и преждевременныя морщины появляющіяся на молодыхъ страдальцахъ, находящихся въ такомъ положеніи въ продолженіе самаго короткаго времени. Жизнь несчастныхъ кажется имъ несравненно длиннѣе, нежели она протекаетъ въ познаніи счастливыхъ. Время жизни измѣряется не годами, а переходомъ отъ одного опасенія и несчастія къ другому. Такъ какъ источникомъ для познанія времени представляется слѣдованіе представленій и психическая реакція напряженія, протекающаго между этимъ слѣдованіемъ, то, для развитія въ насъ познанія теченія времени, достаточно слѣдованія однихъ представленій внѣшняго опыта и изъ нихъ образовавшихся формацій, безъ всякаго слѣдованія передъ органами чувствъ явленій во внѣшнемъ мірѣ. При мышленіи въ насъ является субъективное познаніе времени и безъ всякаго участія нашихъ органовъ чувствъ.

Съ частымъ повтореніемъ опыта частныхъ связей времени, гдѣ психическія формаціи еще тѣсно связаны съ интеллектуальными представленіями опыта, съ накопленіемъ этихъ связей въ интеллектъ, между ними, какъ мы видѣли прежде, начинается высшій процессъ мыслеваго творчества, съ помощію котораго частныя психическія индукціи времени дифференцируются въ общую индукцію и тѣмъ послѣдняя очищается отъ элементовъ эмпирическаго опыта. Такъ, напр. если изъ опыта накопилось много связей, напр.: $2aA + y + 2bA'$, $2cA + y + 2dA'$, $2pA + y + 2qA'$ и т. п.; то, вслѣдствіе намъ извѣстныхъ законовъ, если таковыя группы собираются для совмѣстной дѣятельности, изъ всей группы частныхъ индукцій образуется одна общая. Въ частныхъ воспріятіяхъ первыхъ членовъ частныхъ индукцій, какъ эмпирическихъ — a , c , p , такъ и психическихъ A , есть общій атрибутъ, это — то, что они суть познанныя явленія опыта, и поэтому они соединяются въ одну общую формацію, назовемъ ее Φ , такимъ же актомъ всѣ частныя послѣдовательные члены изъ опыта сливаются въ одно, вслѣдствіе ихъ общаго атрибута — познанія не только, ихъ слѣдованія, но и совершившагося соединенія, какъ конца напряженія, вызывающаго чувство удовлетворенія —

возстановленіемъ интеллектуальнаго равновѣсія. Назовемъ этотъ сплетъ буквою Z . Такимъ образомъ совершившаяся обобщенная индукція можетъ выразиться формулой $\Psi + y + Z$. Въ этой формулѣ получается чисто отвлеченное познаніе времени — его пачала Ψ , его протяженія y и его окончанія Z , безъ всякаго отношенія къ частнымъ случаямъ эмпирическаго опыта. Изъ сказаннаго дѣлается понятнымъ, почему интуитивное познаніе времени, соединенное съ послѣдовательнымъ теченіемъ представленій реального опыта, не требующее высшаго психическаго творчества, есть удѣлъ многихъ животныхъ и людей находящихся, на нисшей степени развитія, а отвлеченное познаніе времени, какъ законъ регулирующий теченіе явленій во вселенной, дается только высшей психической способностью творчества. Эта психическая связь не даетъ познанія, что извѣстное явленіе въ большой или кратчайшій срокъ слѣдуетъ за другимъ извѣстнымъ явленіемъ, а общую психическую связь вообще представленій послѣдовательно протекающихъ въ познанія. Это обобщенное знаніе дѣлается силой нашей души при изученіи явленій природы; съ ея помощію мы предугадываемъ будущее и въ прошедшемъ ищемъ указанія для настоящаго. Съ развитіемъ въ человѣкѣ познанія абсолютнаго времени, онъ убѣдился, что это познаніе вытекаетъ изъ субъективнаго источника. Фактами, изъ которыхъ сложилось то убѣжденіе служили какъ потеря для нашего познанія протекшаго времени, во время остановки нашего сознательнаго мышленія (какъ во снѣ, въ обморокѣ и т. п.), такъ и несоотвѣтствія нашей внутренней оцѣнки времени его объективному теченію между слѣдующими другъ за другомъ явленіями въ природѣ. Это заставило человѣка искать истинное познаніе теченія времени, независимо отъ своихъ собственныхъ субъективныхъ психическихъ теченій. Въ древнее время по кажущемуся движенію солнца люди измѣряли время. Съ открытіемъ часовъ получился способъ точнаго объективнаго измѣренія времени и этимъ путемъ убѣдились въ шаткости своего собственнаго субъективно-психическаго мѣрила.

§ 4. Индукція познанія причины и слѣдствія.

Мы видѣли, что отъ связи представленій виѣшняго опыта въ интеллектѣ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ непосредственномъ порядкѣ совокупно съ психическими формаціями, вызванными этимъ слѣдованіемъ и напряженіемъ, образующимся между двумя слѣдованіями, получается познаніе времени. Но изъ этого источника точно также вытекаетъ и познаніе причины и слѣдствія.

Если мы возьмемъ вышеприведенную схему соединенія формацій, частнаго (эмпирическаго) познанія времени $2aA + y + bA'$, то y даетъ какъ познаніе психическаго напряженія, протекающаго между слѣдованіемъ явленій опыта, такъ и познаніе, что то слѣдованіе должно наступить. Для большей ясности мы упростили ту схему для познанія времени, потому что она и въ этой формѣ достаточна для объясненія его происхожденія. Въ сущности же связь тѣхъ формацій слѣдованія должна быть сложнѣе. Если уже въ душѣ существуетъ связь $aA + bA'$, то процессъ соединенія вновь появившейся aA съ первымъ членомъ прежней связи, долженъ вызвать своимъ движеніемъ соединенія тоже психическую формацію, дающую познаніе состоявшагося слитія, назовемъ ее X ; оно является до образованія y . Такимъ образомъ отъ соединенія первыхъ двухъ членовъ послѣдовательной связи изъ опыта получится въ мышленіи $2aA + x + y + bA'$. Когда на опытѣ произойдетъ слитіе новаго втораго члена $b + A'$ съ bA' прежней связи, то отъ движенія послѣдняго соединенія получится психическая формація, дающая познаніе этого слитія и возстановленія психическаго равновѣсія, назовемъ ее δ , и такимъ образомъ ваша формула приметъ слѣдующій видъ: $2aA + x + y + 2bA' + \delta$. Если бы между членами съ одной стороны $2aA + x$, а съ другой $2bA' + \delta$ не было бы члена y , то, вслѣдствіе слитія однородныхъ и формацій получилось бы только познаніе повторенія на опытѣ данныхъ явленій, но x и δ развиваютъ познаніе, что соединеніе между собою $2aA$ повлекло за собою соединеніе и $2bA'$ и кромѣ того y даетъ познаніе, что это слѣдованіе совершается во времени. Если же изъ новаго опыта человѣкъ узнаетъ только послѣдующій членъ связи bA' , то представленіе aA изъ связи прежняго опыта вызываетъ такимъ же образомъ, какъ въ прежнемъ случаѣ, напряженіе къ слитію съ таковымъ же aA новаго опыта, какое уже произошло между представленіями bA' прежняго и настоящаго опыта. Оно даетъ такую же по содержанию формацію y . Какъ нарушенное равновѣсіе будетъ въ такомъ случаѣ въ предшествующемъ членѣ aA , то формація y становится передъ соединившимся членомъ $2bA'$, по направленію къ aA . Это можно выразить той же формулой, но въ обратномъ положеніи $1 aA + x + y + 2bA'$, гдѣ нарушенное равновѣсіе находится въ первомъ членѣ связи. Для возстановленія этого равновѣсія человѣкъ долженъ обращаться къ прошедшему моменту опыта, чтобы найти *antecedens* aA , котораго еще не далъ новый опытъ. Если индукція времени, какъ мы выше ви-

дѣли, заставляетъ человѣка обращаться своимъ изслѣдованіемъ къ будущему опыту, то полная индукція слѣдованія обращаетъ вниманіе какъ на послѣдующія, такъ и на предшествовавшія явленія опыта, смотря потому—какой членъ познанной связи прежняго опыта снова повторился. Отъ того въ познаніи времени лежитъ только одно теченіе отъ настоящаго къ будущему; въ индукціи правильности слѣдованія причинности лежитъ какъ стремленіе къ познанію послѣдующаго (*consequens*), такъ и предыдущаго (*Antecedens*). Первое называется познаніемъ слѣдствія, а послѣднее—причины.

Если вы никогда не сѣкли кнутомъ собаки, то она относится къ нему индеферентно, какъ ко всѣмъ другимъ предметамъ. Но если разъ на опытѣ она видѣла въ вашихъ рукахъ кнутъ, бьющій ее за какое либо дѣйствіе, то, увидѣвши опять въ вашихъ рукахъ кнутъ, она даетъ несомнѣнные признаки увѣренности, что за этимъ долженъ слѣдовать ударъ. Хотя вы, можетъ быть, и не имѣете намѣренія бить ее, она вся дрожить или убѣгаетъ отъ васъ, или ползая у вашихъ ногъ, вымаливаетъ прощеніе. Мало того, если за одинъ и тотъ же проступокъ бьютъ собаку, то совершивъ этотъ поступокъ, она, даже не видя кнута, знаетъ, что за этимъ слѣдуетъ кнутъ, а потомъ болѣзненные удары. Если собака знакома съ ощущеніемъ кнута или ее такъ ударятъ, что она не видитъ его, то оглядываясь, она несомнѣнно ищетъ первый и второй членъ прежней связи, т. е. бьющаго съ кнутомъ. Очевидно, что истиннѣе знанія собаки во всѣхъ этихъ случаяхъ есть только прежде образовавшаяся связь послѣдовательныхъ представленій.

Такимъ образомъ, у животныхъ и у человѣка на низшихъ ступеняхъ умственнаго развитія изъ сказанныхъ частныхъ связей слѣдующихъ другъ за другомъ представленій опыта, съ помощію психическихъ формаций, получается познаніе слѣдованія явленій во времени,—познаніе, что изъ двухъ такихъ явленій одно есть предшествующее, а другое послѣдующее. Изъ данной такой связи возникаетъ вѣра, что, если разъ за извѣстнымъ явленіемъ предшествовавшимъ (*antecedens*) слѣдовало другое,—послѣдующее (*consequens*), то оно также будетъ слѣдовать и въ будущемъ. Если одно и то же слѣдованіе однихъ и тѣхъ-же явленій повторяется на опытѣ, то и частныя ихъ индукціи, вслѣдствіе однородности, сливаются каждый разъ съ существующей, уже тождественной индукціей. Съ каждымъ слитіемъ эти частныя индукціи должны содержать болѣе и болѣе матеріала и дѣлаться сильнѣе, т. е. про-

являть большую энергію функціи, и потому вѣра въ законность слѣдованія данныхъ явленій болѣе и болѣе укрѣпляется съ каадестьми жтошь,е въ которомъ ожидаемое слѣдованіе дѣйствительно получ моотестали за однимъ явленіемъ или комбинаціей явленій всегда явдсяЕ н'но и тоже другое явленіе или комбинація явленій, также наоборотъ, когда на опытѣ познается послѣдующее звѣно этой связи и изслѣдованіе показываетъ, что ему постоянно предшествуетъ и первое звѣно, (которое первоначально было упущено изъ вида), то эти члены соединяются въ такую тѣсную интеллектуальную связь, что дѣлается совершенно невозможнымъ, чтобы въ мышленіи, при дѣятельности одного какого нибудь члена связи, не являлись и другіе, соединенные слѣдованіемъ во времени, чтобы, вслѣдствіе того, не вѣрилось, что на опытѣ опять повторится то же самое отношеніе явленій въ ихъ послѣдовательности. Если же на опытѣ одни и тѣ же явленія встрѣчаются въ различныхъ слѣдованіяхъ, гдѣ за однимъ и тѣмъ-же явленіемъ разъ является, какъ consequens одно явленіе, а въ другой—другое; или когда одному и тому же явленію въ различныхъ случаяхъ опыта предшествуютъ различныя явленія, то образующіяся изъ такого различнаго слѣдованія однихъ и тѣхъ-же явленій индукціи противодѣйствуютъ другъ другу въ мышленіи и не допускаютъ вѣры въ законность слѣдованія тѣхъ явленій.

Такииъ образомъ, съ продолженіемъ наблюденія человекъ за теченіемъ явленій во времени, мало по малу накапливается частный матеріаль для двухъ противоположныхъ возрѣній на это теченіе. Одинъ матеріаль даетъ познаніе постоянства въ слѣдованіи явленій, а другой наоборотъ—измѣнчивости въ этомъ слѣдованіи. Разсмотримъ сначала, къ чему должно привести дифференцированіе частныхъ индукцій перваго рода въ обшюю индукцію. Допустимъ, что накопилось много такихъ частныхъ индукцій, какъ выше нами приведенная $2aA+x+y+2bA'+\delta$ и, кромѣ нея, изъ опыта разовьются такія же другія частныя индукціи слѣдованія другихъ явленій, какъ $2cA+x+y+2dA'+\delta$, $2fA+x+y+2gA'+\delta$ и т. д., которыя то же всякій разъ на опытѣ повторялись въ такомъ же строгомъ порядкѣ.

Во всѣхъ этихъ частныхъ индукціяхъ разнородными элементами представляются только представленія слѣдующихъ другъ за другомъ явленій изъ внѣшняго опыта; психическія же формаціи, вызванныя повтореніемъ этого слѣдованія на опытѣ и соединяющія ихъ въ одну индукцію, однородны и потому могутъ соединиться между собою. Для со-

единенія же всѣхъ членовъ частной индукціи въ общую необходимо нужно, чтобы и всѣ представленія вѣшняго опыта, участвовавшія въ слѣдованіи, какъ предшествующія, такъ и послѣдующія, связанныя съ различными психическими формаціями x и δ , соединились бы въ общія формаціи. Какъ намъ извѣстно, вслѣдствіе большей или меньшей разнородности содержанія различныхъ представленій опыта синтезъ ихъ въ общія формаціи дѣлается возможнымъ только выдѣленіемъ изъ себя атрибутовъ, общихъ всѣмъ представленіямъ опыта, какъ предшествующимъ, такъ и слѣдующимъ. Какъ бы различны не были по содержанію представленія вѣшняго опыта a, c, f и т. д., въ нихъ всегда будетъ одинъ общій атрибутъ, а именно, что они составляютъ повтореніе на опытѣ одного и того же явленія познанія. Представимъ себѣ, что этотъ общій атрибутъ a, c, f соединится въ общую формацію α . Также точно общій атрибутъ послѣдующихъ членовъ (*consequentes*), какъ: b, d, g и т. д. есть познаніе повторенія на опытѣ и познаніе ихъ повторенія, въ слѣдованіи. Общую формацію, образовавшуюся изъ этихъ послѣднихъ общихъ атрибутовъ назовемъ ω , то изъ многихъ частныхъ индукцій постоянного слѣдованія должна развиться общая индукція: $\alpha A + x + y + \omega \delta$. Эта индукція развиваетъ познаніе, что если на опытѣ повторилось одно явленіе, то непременно должно повториться и другое прежде за нимъ слѣдовавшее. Въ этой индукціи болѣе не содержатся представленія законнаго слѣдованія данныхъ эмпирическихъ явленій опыта, а только познаніе законнаго слѣдованія вообще всѣхъ явленій опыта, независимо отъ ихъ содержанія. Съ развитіемъ этой общей индукціи, для познанія законности слѣдованія уже больше не предстоить надобности, чтобы на опытѣ прежде уже встрѣтилось такое слѣдованіе. Всякое представленіе, какъ познаніе явленія полученнаго изъ опыта, даже впервые и отдѣльно познанное должно вызвать къ дѣятельности ту индукцію, вслѣдствіе вышесказанной общности въ содержаніи психической формаціи, вызванной появленіемъ представленія опыта въ интеллектѣ съ первымъ членомъ выше приведенной общей индукціи α . Въ силу этого соединенія на новое представленіе опыта распространяется вѣра, общей индукціи, а именно: что за нимъ должно слѣдовать другое; а если новое явленіе опыта сольется только со вторымъ членомъ индукціи ω , вслѣдствіе неопредѣленности предшествующаго представленія, то разовьется познаніе, что ему необходимо должно было предшествовать во времени другое опредѣленное явленіе. Другими словами, силой этой ин-

дукціи нельзя познать явленія изъ опыта, чтобы не вѣрить, что оно не можетъ существовать безъ того, чтобы за нимъ не слѣдовало другаго явленія, и оно не могло появиться на опытѣ, чтобы ему не предшествовало другое явленіе, какъ *antecedens*. Последнее называютъ причиною, а первое слѣдствіемъ.

Развитіе вышеприведенной общей индукціи открыло безспорно человѣку широкую дорогу къ познанію природы. Силой этой индукціи онъ сталъ искать причины всѣмъ явленіямъ его опыта и наблюдать за послѣдствіями извѣстныхъ ему явленій. Съ тѣхъ поръ на мѣсто познанія отдѣльныхъ явленій и частныхъ связей на опытѣ, знаніе многихъ областей природы превратилось въ стройную, законную, послѣдовательную причинную цѣпь явленій.

Милль * говорить: „аксіома о законности въ ходѣ природы есть высшая послыка при всѣхъ индукціяхъ“.

„Разрозненные элементы познанія“ говоритъ далѣе онъ, „тѣснѣ всего соединяются причинной связью. Чѣмъ больше расширяется наше знаніе, тѣмъ больше мы убѣждаемся, что всякое явленіе или комбинація явленій необходимо есть слѣдствіе причины, которая въ свою очередь есть слѣдствіе ей предшествовавшей причины. Соединеніе частныхъ случаевъ опыта въ общіе синтезы силою закона причинности называется индукціей“.

Постепенно расширяющееся вліяніе индукціи причинности на мышленіе человѣка, съ большимъ развитіемъ самой индукціи, доказывается слѣдующимъ:

Во 1-хъ) чѣмъ меньше умственно развитъ человѣкъ, чѣмъ скуднѣе его мыслевая работа, тѣмъ больше онъ довольствуется познаніемъ только ближайшихъ и специальныхъ причинъ. Чѣмъ выше психическая натура, чѣмъ она развитѣе, тѣмъ неутомимѣе пытливость человѣка, тѣмъ ненасытнѣе его стремленіе къ пониманію причины всего сущаго.

Во 2-хъ) такъ какъ психическая индукція причинности есть высшее обобщеніе, то понятно, что она не даетъ останавливаться человѣчеству только на извѣстныхъ частныхъ обобщеніяхъ, а заставляетъ его переходить въ изысканіи причинъ и слѣдствій къ болѣе и болѣе обширнымъ обобщеніямъ, потому что для возстановленія равновѣсія въ этой психической индукціи нужно соединеніе всѣхъ фактовъ опыта въ неразрывную цѣпь причины и слѣдствія. Тогда только удовлетворится

* Op. citat. 2. t. p. 332 et sequent.

чувство, вызываемое напряжением психической индукции причинности, когда все в нашем познании будет иметь свою причину.

Въ 3-хъ) что самое стремление къ узнанію причинности есть только слѣдствіе сказанной нами психической индукціи, доказывается именно движеніями нашего ума въ границахъ этой индукціи. Она начинается въ предшествующемъ явленіи (причинѣ)—*antecedens* и кончается послѣдующимъ (слѣдствіемъ) *consequens*, и вся дѣятельность познанія содержится въ этихъ границахъ. Хотя рядъ представлений причинъ и слѣдствій въ нашемъ мышленіи непременно долженъ привести къ представленію послѣдней причины, т. е. къ акту познанія, который въ свою очередь не имѣетъ причины, и потому противорѣчитъ абсолютной вѣрѣ въ законъ причинности; но такъ какъ это представленіе находится внѣ индукціи причинности, то человѣкъ, побуждаемый преимущественно въ своихъ изслѣдованіяхъ этой индукціей, какъ будто игнорируетъ тотъ противорѣчающій выводамъ его разума фактъ и, неумолимый въ своихъ открытіяхъ, переходитъ къ болѣе и болѣе общимъ причинамъ.

Однако эта же индукція и послужила источникомъ заблужденій въ познаніи.

1) На основаніи этой индукціи, между послѣдовательными явленіями предшествующее считается причиной послѣдующаго „*post hoc, ergo propter hoc*“; или наоборотъ послѣдующее познавалось какъ слѣдствіе явленія, непосредственно передъ нимъ познаннаго.

Во 2-хъ) какъ въ индукціи первый членъ представляется единной общей формаціей, то и причина каждаго явленія представляется единоличной. Въ этомъ отношеніи даже грѣшилъ Бэконъ, думавшій, что каждое явленіе имѣетъ свою отдѣльную причину. Джонъ Стюартъ Миль очень справедливо указываетъ на эту ошибку въ индукціи Бэкона, какъ на обстоятельство, долго мѣшавшее полученію плодотворныхъ результатовъ изъ его индуктивнаго метода, потому что въ дѣйствительности чаще бываетъ, что одно послѣдствіе вызывается не единной причиной, а цѣлой комбинаціей или длиннымъ рядомъ явленій.

Въ 3-хъ) источникомъ еще большихъ заблужденій сдѣлалась выше-сказанная индукція въ примѣненіи къ познанію слѣдованія нашихъ психическихъ процессовъ, насколько они сознаются человѣкомъ. Мы выше убѣдились въ преобладающемъ вліяніи въ интеллектѣ представленія „я“ человѣка и въ связи этого представленія со всеми остальными актами познанія. Поэтому это „я“ всегда начинаетъ рядъ дѣятельныхъ процес-

совѣ и первымъ появляется въ сознаниі. Такъ какъ при каждомъ нашемъ умственномъ процессѣ, каждомъ чувствѣ и импульсѣ къ ви́шнему, такъ называемому произвольному дѣйствию, это „я“ представляетъ начало каждаго изъ этихъ сознанныхъ рядовъ психическихъ явленій и впереди этого „я“ ничто больше не сознается, то это „я“ считается причиной, изъ которой исходятъ всѣ наши душевныя движенія. Такъ какъ это „я“ есть начало и предѣлъ каждаго психическаго ряда, а впереди этого „я“ ничто больше не сознается, то оно и исходящіе изъ связи импульсы къ различнымъ дѣствіямъ считаются безпричинными. Эта безпричинная причина называется свободной волей человѣка. Эта вѣра въ безпричинность нашего внутренняго психическаго двигателя, повидимому подтверждается тѣмъ, что въ каждой дѣятельной группѣ интеллектуальныхъ формацій, до разрѣшенія ея работы наружу единичнымъ дѣствіемъ, сознается напряженіе разныхъ элементовъ этой группы, изъ которыхъ каждый производитъ психическое давленіе въ своемъ стремленіи къ разрѣшенію наружу дѣствіемъ, согласнымъ съ его собственнымъ содержаніемъ. Такъ напр., если обдумывается, какъ нужно поступить въ данномъ случаѣ, то изъ собранныхъ въ дѣятельную группу мыслей — однѣ требуютъ одного дѣствія, другія — другаго, пока изъ этихъ различнаго направленія интеллектуальныхъ движеній сильнѣйшая не свяжетъ противодѣствующія силы и не разрѣшится наружу единичнымъ дѣствіемъ, согласнымъ съ его преобладающимъ направленіемъ. Но и въ этомъ ряду сознанныхъ психическихъ явленій „я“ тоже занимаетъ первое мѣсто и потому кажется, что выборъ изъ различныхъ, возможныхъ въ данномъ случаѣ дѣствій тоже вытекаетъ только изъ этого „я“. Вслѣдствіе этого думается, что, на мѣсто совершившагося дѣствія, могло бы совершиться другое, если бы „я“ дѣятеля отдало предпочтеніе другому интеллектуальному мотиву и сдѣлало этотъ другой мотивъ первымъ членомъ связи, послѣдствіемъ которой было бы другое дѣствіе, а не совершившееся. Такимъ образомъ, вѣра человѣка въ произвольность его дѣствій противорѣчитъ законности слѣдованія явленій. Это субъективное прибавленіе къ знанію причины и слѣдствія было однимъ изъ главныхъ тормазовъ правильнаго развитія человѣческаго знанія, потому что оно мѣшало убѣжденію, что законность въ ходѣ явленій и причинная связь обнимаютъ собою всю природу безъ исключенія.

Эта вѣра каждаго человѣка въ безпричинность своей собственной

воли имѣла еще болѣе вредное вліяніе на пониманіе тѣмъ, что она распространялась не только на каждую другую личность изъ опыта, и ей тоже приписывалась безпричинность воли, какъ источника мыслей и дѣйствій, но и все дѣйствующее въ природѣ тоже подчинялось такой же безграничной, только высшей волѣ. Отсюда родилось теологическое объясненіе міротворенія. Такъ какъ въ ряду сознанныхъ психическихъ движеній, предшествовавшихъ дѣйствию, за первымъ членомъ „я“ непосредственно стоитъ мысль или идея, вызывающая данное дѣйствіе, то вездѣ старались искать разумное начало во всѣхъ проявленіяхъ и законахъ вселенной. Отсюда возникло телеологическое ученіе о цѣлесообразности всего сущаго и всякаго дѣйствія.

Но мы уже сказали, что съ опытомъ мало по малу накоплялся и отрицательный матеріалъ относительно сказанной эмпирической индукціи. Такъ, каждый можетъ убѣдиться, что слѣдованіе между одними тѣми же явленіями въ различныхъ случаяхъ разнообразится; — что за *antecedens* нерѣдко слѣдуетъ не его обычный *consequens*, а другой; также, — что одному и тому же явленію въ различныхъ случаяхъ могутъ предшествовать различныя явленія, какъ *antecedens*.

Такимъ образомъ, на ряду съ вѣрой въ законность слѣдованія явленій, гдѣ одно явленіе непременно вызываетъ только опредѣленное другое, какъ его слѣдствіе, гдѣ одно явленіе можетъ быть только, когда ему предшествовало другое опредѣленное явленіе, возникло еще и познаніе случайности нѣкоторыхъ слѣдованій. Уже Аристотель зналъ, что между сочетаніями опыта есть постоянныя, но и есть случайныя (Τύχη). Но такъ какъ индукція постояннаго слѣдованія явленій, образовалась въ человѣческомъ интеллектѣ изъ болѣе богатаго матеріала опыта, нежели индукція случайнаго слѣдованія явленій, то вѣра, развиваемая первой, остается преобладающей. Ея силой въ человѣкѣ поддерживается убѣжденіе, что каждое явленіе должно имѣть постоянное *antecedens* и за каждымъ явленіемъ должно непременно слѣдовать другое, какъ его слѣдствіе. Побѣжденная индукція „случайности въ слѣдованіи явленій“ не можетъ пошатнуть вѣру въ законность индукціи побѣдительницы. Поэтому познаніе случайности въ происхожденіи и слѣдованіи явленій объясняется неумѣньемъ найти ихъ дѣйствительной причинной связи.

Подъ давленіемъ этой вѣры ученые начали искать причину глубже и съ помощію болѣе и болѣе совершенствующагося метода имъ удавалось открывать истинную причинную связь между явленіями, независимо отъ

ихъ эмпирическаго слѣдованія. Эти изслѣдованія увѣнчались во многихъ случаяхъ успѣхомъ: прежде казавшимся безпричиннымъ явленіямъ отыскивались постоянныя и неизмѣнныя причины. Эти изслѣдованія показали, что часто причина явленій ускользала изъ познанія, потому что причину искали въ явленіи непосредственно предшествовавшемъ; или причинное явленіе было недоступно нашимъ органамъ чувствъ и сдѣлалось яснымъ съ усовершенствованіемъ способовъ наблюденія; или причина маскировалась отъ наблюдателя другими побочными явленіями; или причина искалась въ самихъ предметахъ, гдѣ наблюдалось явленіе, а оно находилось внѣ предмета. Наконецъ искали одну только причину явленія, тогда какъ цѣлая цѣпь явленій составляла эту причину.

Эти ежедневно повторяющіеся открытія безпрестанно толкаютъ изслѣдователей природы къ усовершенствованію точныхъ методовъ для отысканія постоянной причинной связи между явленіями. Благодаря этому постоянному усовершенствованію, представленія явленій цѣлыхъ областей въ природѣ соединились въ познаніи человѣка въ непрерывную и постоянную причинную связь. Эти связи развили познаніе, что первый членъ каждой причинной связи, т. е. причина, въ свою очередь, есть слѣдствіе другой причины и наоборотъ. Изъ этого развилась вѣра, что всѣ разнообразныя явленія опыта, развертывающіяся передъ нашимъ познаніемъ отрывочными и какъ будто ничего общаго неимѣющими слѣдованіями явленій, въ дѣйствительности представляютъ одну безконечную цѣпь явленій, гдѣ все связано неизмѣнными законами.

Но такъ какъ все это знаніе причинности и вѣры въ законность въ природѣ есть только функція разившейся въ насъ индукціи слѣдованія, и потому-что эта индукція имѣетъ неизбѣжный первый членъ, какъ причину слѣдованія, то представленіе послѣдней причины, которая не есть слѣдствіе другой причины, остается недоступнымъ нашему пониманію.

Изъ нашей теоріи мы убѣдились, что наше знаніе и исканіе причины явленій первоначально вытекаетъ изъ образовавшихся въ насъ соединеній слѣдующихъ другъ за другомъ представленій. Функція каждой такой связи даетъ познаніе, что слѣдованіе членовъ этой связи (формаций) должна повториться и во всѣхъ другихъ случаяхъ, которые когда либо вновь повстрѣчаются на опытѣ. Обобщеніе всѣхъ этихъ частныхъ связей въ общую развиваетъ абсолютную вѣру въ законность слѣдованія, которую называютъ „закономъ причинности“. Эта вѣра не можетъ вытекать изъ дѣйствительно познанной законности въ ходѣ явленій

природы, потому что многое еще намъ недоступно и не подчиняется этой индукци. Она не можетъ быть врожденной, потому что она развивается изъ опыта и совершенствуется опытомъ.

Только узнанное на опытѣ слѣдованіе даетъ первоначальное познаніе, что это слѣдованіе должно повториться и въ будущемъ. Сначала въ человѣкѣ развивается такое-же знаніе послѣдовательности какъ оно проявляется и у животныхъ. Это — вѣра въ постоянство слѣдованія только отдѣльныхъ явленій, узнаннаго изъ прежняго опыта. Законъ причинности, обнимающій всѣ явленія вселенной прошедшаго, настоящаго и будущаго опыта, развивается только послѣ долгаго наблюденія и мысленія и какъ результатъ высокаго психо-интеллектуальнаго развитія. Съ помощію опыта человѣку во многихъ частныхъ случаяхъ удалось и объективнымъ путемъ доказать дѣйствительность законности въ слѣдованіи явленій, потому что, съ помощію узнанныхъ причинъ и слѣдствій, онъ во многихъ случаяхъ не только можетъ объяснять случившееся, но и предсказывать будущее; тѣмъ не менѣе вѣра въ законность вытекаетъ не изъ дѣйствительнаго міра, а изъ самой нашей индивидуальной природы и есть продуктъ нашего собственнаго развитія, который по своему обрабатываетъ весь міръ познанія, развиваетъ самостоятельное понятіе объ отношеніяхъ всѣхъ явленій вселенной.

Насколько отлично ученіе всѣхъ психологовъ о происхожденіи вѣры въ причинность отъ нашего объясненія убѣдился всякій, кто знакомъ съ психологическими сочиненіями всѣхъ различныхъ направленій. Самые положительные умы подчиняются въ этомъ пунктѣ метафизикѣ и прибѣгаютъ къ самымъ трансцендентальнымъ толкованіямъ. Джонъ Стюартъ Милль, (какъ мы видѣли въ 1 томѣ), принимаетъ, что общую посылку всѣхъ умозаключеній о законности слѣдованія представляетъ вѣра въ законность природы вообще. Мы видѣли, что вѣра въ необходимость повторенія прежде познаннаго слѣдованія явленій уже рѣзко высказывается въ грудномъ ребенкѣ, гдѣ не только нѣтъ познанія законности въ природѣ, но даже и понятія о ней самой,

Гельмгольцъ*, такъ ясно доказывающій неосновательность мнѣнія Канта о врожденности въ насъ познанія пространства, совершенно съ нимъ соглашается относительно закона причинности. „Законъ причинности“, говоритъ Гельмгольцъ, „въ дѣйствительности есть законъ, а priori данный, трансцендентальный“.

* Dr. H. Helmholtz. Die Thatsachen in der Wahrnehmung. S. 41.

**§ 5. Существующія ученія о происхожденіи индукціи и отвле-
ченныхъ понятій и сравненіе съ ними результатовъ выше-
изложенной моей теоріи.**

Уъ тѣхъ поръ, какъ философія, психологія и психофизика стали на болѣе реальную почву, изучая происхожденіе нашего міра познанія, онѣ не могли не признать факта, что опытъ есть единственный источникъ нашего знанія, и что только органы чувствъ представляютъ дорогу, чрезъ которую входитъ въ организмъ матеріаль, изъ котораго образуется все наше знаніе о явленіяхъ внѣшняго міра. Но кромѣ познанія непосредственнаго опыта, дѣйствующаго на наши органы чувствъ, въ насъ развиваются отвлеченныя познанія, какъ мы выше видѣли, не имѣющія повидимому ничего общаго съ реальнымъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ явленій на органы чувствъ. Вопросъ о происхожденіи этого рода познанія каждый изъ философовъ старался разрѣшить по своему. Мы не станемъ приводить здѣсь метафизическихъ объясненій въ родѣ Лейбница, что всѣ наши возрѣнія и вся наша картина природы суть только смутныя представленія чистой божественной мысли, что они суть духовныя, а не чувственныя возрѣнія и т. п. Еще до Канта почти всѣми признавалось въ метафизикѣ, что въ человѣкѣ аргіогі существуютъ отвлеченныя понятія, какъ внутренняя правда, которыя живутъ въ немъ независимо отъ опыта, и примѣняются не только къ предметамъ опыта, но и къ явленіямъ, лежащимъ внѣ предѣловъ его. Противъ этого ученія возсталъ Гуме (Hume), о которомъ говоритъ Кантъ въ своемъ предисловіи къ *Prolegomena**, что со времени основанія метафизики еще не было ни одного случая, который могъ бы имѣть на нее такое роковое вліяніе, какъ нападки на нее Гуме, если бы они только встрѣтили болѣе впечатлительную къ его аргументамъ публику. „Гуме“, говоритъ Кантъ, „исходилъ отъ одного только, но важнаго понятія метафизики, а именно: отъ связи причины и дѣйствія и отъ его производныхъ, изъ него вытекающихъ понятій, какъ силы, дѣйствія и т. п. Онъ требуетъ отъ разума, приписывающаго себѣ происхожденіе этого понятія причинности, отчета, по какому праву разумъ думаетъ, что что-нибудь такъ могло бы быть создано; — если это что нибудь есть, то оно этимъ самымъ предполагаетъ и необходимое существованіе чего нибудь другаго, по требованію понятія причинности? Онъ доказалъ не-

* *Prolegomena zu einer jeden Zukunft. Metaphys.* (Riga 1788 § 8—1 Цитир.-Ланге (opus. cit. 2 Н. S. 38 и слѣд.).

опровержимо, что для разума совершенно невозможно думать о такой причинной связи а priori и съ помощію понятій, потому что эта связь содержитъ въ себѣ необходимость. Изъ этого совѣмъ не слѣдуетъ почему необходимо должно быть нѣчто другое, если есть нѣчто. Этимъ нельзя также объяснить, какимъ образомъ понятіе о такой связи можно получить а priori. Изъ этого Гуме заключилъ, что разумъ (die Vernunft) этимъ понятіемъ вводится въ заблужденіе, ложно принимая его за свое собственное дитя, когда оно въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ ублюдокъ воображенія, оплодотвореннаго опытомъ. Этотъ разумъ приводитъ извѣстныя представленія подъ законъ ассоціаціи и вытекающую изъ этого субъективную необходимость, т. е. привычку, подставляетъ на мѣсто объективной необходимости. Отсюда Гуме заключилъ, что разумъ вовсе не имѣетъ способности думать о такихъ соединеніяхъ даже вообще, потому что его понятія тогда будутъ только созданіемъ воображенія, и всѣ его познанія, выдаваемые за апріористическія, были бы ничто иное, какъ простой опытъ съ ложнымъ штемпелемъ, который (опытъ) свидѣтельствуешь о томъ, что нигдѣ метафизики нѣтъ и быть ей не можетъ“. Далѣе Кантъ говоритъ: „я прежде постарался узнать, нельзя ли опроверженіе апріористическаго понятія причинности Гуме обобщить, и вскорѣ нашель, что понятіе связи между причиной и слѣдствіемъ далеко не единственное, которымъ разсудокъ а priori думаетъ о связи предметовъ, а гораздо больше — вся метафизика состоитъ изъ такихъ понятій. Я старался увѣриться въ ихъ числѣ, и такъ какъ, согласно моему желанію, мнѣ удалось вывести ихъ изъ единственнаго принципа, то я перешель въ дедукціи тѣхъ понятій, относительно которыхъ я былъ увѣренъ, что они не происходятъ изъ опыта, какъ думалъ Гуме, а вытекають изъ чистаго разума. Эта дедукція, казавшаяся невозможной моему остроумному предшественнику, никому, кромѣ него, не пришла въ голову, не смотря на то, что каждый человѣкъ пользуется этими понятіями, не предлагая себѣ вопроса, на чемъ основывается ихъ объективное свойство. Эта дедукція, говорю я, было самое трудное изъ всего, что когда либо могло быть предпринято для метафизики, и—что при этомъ еще хуже — послѣдняя, насколько она существуетъ, не могла мнѣ оказать ни малѣйшей помощи, потому что та дедукція должна была только дать возможность метафизики“... Такимъ образомъ возникло ученіе Канта о категоріяхъ и ихъ таблицы. Своей гениальной критикой чистаго разума Кантъ внесъ много свѣта для пони-

манія средствъ и границъ нашего знанія; но прийдя къ отвлеченному знанію, не имѣя въ рукахъ нити связующей его съ эмпирическимъ, онъ, для объясненія происхожденія отвлеченнаго, поневолѣ долженъ былъ ухватиться за метафизику. На мѣсто того, чтобы слѣдить за развитіемъ законовъ познанія, съ помощію болѣе и болѣе обобщающейся индукціи и путемъ правильнаго метода, онъ создалъ законы мышленія путемъ спекуляціи, какъ врожденныя категоріи, безъ всякаго основанія и доказательства ихъ *raison d'être*. Изъ нихъ началъ Кантъ дедуцировать частные случаи познанія. Признавая вѣскость оппозиціи Гуме противъ апріористическаго понятія причинности, Кантъ обобщилъ частное понятіе въ категоріи чистаго разума, охватывающія все отвлеченное мышленіе.

Въ его ученіи, названномъ формальнымъ идеализмомъ, въ человѣкѣ признаются врожденныя формы познанія, существующія до всякаго опыта. Эти формы даютъ познаніе только путемъ опыта, а видъ его онѣ теряютъ всякое познавательное значеніе. Для возрѣвнй, получаемыхъ чрезъ органы чувствъ, какъ мы выше видѣли, Кантъ принялъ а priori существующими въ человѣкѣ формами — время и пространство; а въ области мышленія онъ принимаетъ врожденныя категоріи, не зависящія отъ опыта, а подчиняющія себѣ въ мышленіи факты опыта. Кантъ назвалъ ихъ основными понятіями (*Stamm-begriffe*), которыхъ онъ представилъ цѣлую таблицу. Какъ возрѣвнй органовъ чувствъ должны двигаться по Канту въ формахъ пространства и времени, силы и матеріи, такъ и апріористическіе элементы разсудка заставляютъ его думать именно въ формахъ этихъ категорій. Эти категоріи суть виды отношеній явленій, которыя разсудокъ влагаетъ въ эти явленія для лучшей ориентировки; а самыя категоріи разсудокъ получилъ не изъ опыта, но онѣ а priori вложены въ организацію человѣка. Эти категоріи лежатъ въ основѣ всего нашего опыта, но совершенно негодны, чтобы перешагнуть область возможнаго опыта, и потому трансцендентальныя объекты метафизики для нихъ недоступны. На воздѣйствіе на насъ реальнаго опыта „*Objective Affectionen*“ мы отвѣчаемъ категоріями: отношеніемъ субъекта къ объекту, причиной и дѣйствіемъ. Эти категоріи суть собственно формы, по которымъ, по ихъ правилу, впечатлѣнія внѣшняго міра приводятся въ порядокъ. Это ученіе составляетъ самую слабую сторону ученія гениальнаго Канта. Къ нему вполне примѣнны вышеприведенныя опроверженія Гуме, признанныя самимъ Кантомъ вѣскими.

Нынѣ даже и горячія почитатели Канта отказались отъ его категорій и апіористическихъ внутреннихъ возрѣній.

Вундтъ справедливо говоритъ о таблицѣ категорій Канта, что ея порядокъ для психологіи не имѣетъ значенія, такъ какъ нѣтъ опредѣленнаго порядка, въ которомъ общія (отвлеченныя) понятія въ насъ возникаютъ (Opus. cit. p. 675). Ланге* резюмируетъ слѣдующимъ образомъ взгляды на происхожденіе понятія причинности, въ которомъ содержится и объясненіе отвлеченнаго знанія вообще:

I. По ученію старой метафизики, понятіе причинности проистекаетъ не изъ опыта, а изъ чистаго разума, и вслѣдствіе этого его высшаго происхожденія дѣйствительно оно и примѣнимо и за границей чело-вѣческаго опыта.

II. Мнѣніе Гуме (Hume): происхожденіе понятія причинности не можетъ быть изъ чистаго разума, а вытекаетъ оно изъ опыта. Границы примѣненія этого понятія сомнительны, но во всякомъ случаѣ его невозможно примѣнить къ чему-нибудь находящемуся внѣ опыта.

III. Кантъ: понятіе причинности есть основное понятіе чистаго разума и, какъ таковое, оно лежитъ въ основаніи всего нашего опыта. Поэтому, въ области опыта это понятіе имѣетъ безграничную примѣняемость; внѣ же опыта оно не имѣетъ никакого значенія.

Мнѣніе Ланге есть почти повтореніе мнѣнія Канта. Почти все психологи раздѣлились между этими мнѣніями, но большая выдающаяся часть современныхъ психологовъ въ главныхъ чертахъ раздѣляетъ мнѣніе Гуме. Такъ, Милль считаетъ вѣру въ законъ причинности за слѣдствіе непроизвольной индукціи. Къ этому числу принадлежитъ и Вундтъ. Онъ говоритъ** : „въ отвлеченномъ понятіи единичныя представленія, на которыя оно можетъ разложиться, имѣютъ извѣстную неопредѣленность и не заключены въ такихъ точныхъ границахъ, какъ отдѣльныя представленія, движущіяся въ эмпирическомъ понятіи. Все отличіе между эмпирическими и отвлеченными понятіями проистекаетъ отъ того, что послѣднія происходятъ изъ большаго числа опытовъ, и потому содержать въ себѣ большее число отдѣльныхъ фактовъ, которыхъ нельзя заключить въ опредѣленныя границы возрѣнія, и которыхъ даже невозможно приблизительно исчислить. Слѣдовательно, разница

* Opus. cit. 11. B. S. 45.

** W. Wundt. Vorlesungen über die Menschen und Thierseele. 1. B. S. 402 und flg.

есть только въ степени. Понятіе называютъ эмпирическимъ, когда оно обнимаетъ только ограниченную группу явленій; его называютъ отвле- ченнымъ, когда оно распространяется на многія группы явленій“.

Слѣдовательно, вполнѣ допуская происхожденіе отвлеченныхъ понятій изъ опыта, Вундтъ находитъ между ними и эмпирическими поня- тіями только количественную разницу. Но мы выше убѣдились, что эти понятія отличаются другъ отъ друга не только въ количественномъ отно- шеніи, но и по матеріалу, изъ котораго они образуются. Далѣе мы ви- дѣли, что уже въ самомъ началѣ мыслевой работы у маленькихъ дѣтей, даже у животныхъ проявляются познанія вещественности, силы и необходимости слѣдованія одного явленія за другимъ соединяются съ первыми представленіями объектовъ и ихъ отношеній. Въ слѣдующемъ со- чиненіи Вундтъ* измѣнилъ свой взглядъ и отчасти къ лучшему. Такъ, онъ говоритъ; „Развитое сознаніе болѣе не ограничивается тѣмъ, чтобы классифицировать объекты своего опыта по признакамъ, даннымъ въ въ ихъ воспріятіяхъ. Скорѣе начинаютъ тоже выказывать свое дѣй- ствіе и разнообразныя отношенія и взаимодействія, въ которыхъ объ- екты находятся. Эти отношенія объектовъ раздѣляются на классы, какъ прежде самые объекты. Однако между этими двумя процессами вы- казывается существенная разница. Изъ классовъ объектовъ мы можемъ образовать общія схемы въ представленіи: это суть общія представле- нія. Что касается различныхъ формъ отношенія, мы не можемъ себѣ представить дѣйствительнаго образа. Тутъ съ самаго начала понятіе является въ своемъ существенномъ образѣ, а именно какъ требованіе обнять извѣстную область отношеній, данныхъ во внѣшнемъ возрѣніи или въ чисто умственныхъ объектахъ. Такія понятія, не имѣющія въ основаніи общихъ представленій называются отвлеченными понятіями. Для нихъ — выраженіе словомъ есть неизбѣжная потребность“.

Мы выше указывали, при изложеніи постепеннаго развитія психо- интеллектуальнаго органа, на противорѣчія между выше приведен- ными ученіями и частными психическими явленіями. Постараемся ре- зюмировать сказанное въ нѣсколькихъ словахъ. Неизбѣжность отвле- ченныхъ формъ познанія въ самомъ началѣ мышленія вовсе не доказы- ваетъ ихъ врожденности, т. е. существованія до опыта. Если бы наше знаніе отношеній внѣшнихъ предметовъ зависѣло отъ врожденныхъ

* Wundt. Grundzüge der physiolog. Psychologie. 2. H. S. 673.

формъ, то они одинаково должны бы быть присущи всѣмъ индивидуамъ человѣческаго типа и сами по себѣ не могли бы измѣняться и совершенствоваться; факты опыта только впагались бы въ эту форму, слѣдовательно, съ развитіемъ опыта, могло совершенствоваться только содержимое этихъ формъ, т. е. эмпирическое знаніе, а не сами формы воззрѣнія, потому что онѣ, уже а priori готовыя, существовали бы въ человѣкѣ. На дѣлѣ же изъ нашихъ предшествовавшихъ изслѣдованій мы убѣдились въ совершенно противномъ. Отвлеченное знаніе человѣка, порождаясь самими элементами эмпирическаго знанія, сначала неразлучно съ послѣднимъ. Только съ дальнѣйшимъ развитіемъ мыслевой работы это отвлеченное знаніе болѣе и болѣе совершенствуется, очищаясь и отдѣляясь отъ эмпирическаго знанія. Такъ напр., между вѣрой, какъ она практикуется на низкой степени умственнаго развитія, что за однимъ явленіемъ послѣдуетъ другое, потому что они уже разъ въ такомъ порядкѣ слѣдовали на опытѣ, и между пониманіемъ причины и слѣдствія въ ученомъ человѣкѣ настоящаго времени, какъ мы выше убѣдились, существуетъ колоссальная разница. Наконецъ, самая вѣра въ причину и слѣдствіе не есть такой неизбѣжный атрибутъ человѣческой природы, какъ это кажется. Эта вѣра болѣе и болѣе ослабляется расширеніемъ нашего знанія отношеній явленій въ природѣ вообще. Наука болѣе и болѣе доказываетъ, что явленія въ природѣ не существуютъ, какъ намъ кажется, въ видѣ отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга фактовъ, а что всѣ явленія вселенной представляютъ непрерывный рядъ одной и той же видоизмѣняющейся силы въ различныхъ видахъ движенія и сочетанійхъ. На этомъ основаніи Контъ (Comte) совершенно замѣняетъ понятіе причинности познаніемъ постоянного слѣдованія явленій. Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что знаніе отношеній, приписываемое Кантомъ и его послѣдователями однѣмъ только врожденнымъ формамъ, самостоятельно совершенствуется и расширяется, также точно, какъ и наше эмпирическое познаніе. Также невозможно объяснить происхожденіе этого знанія обобщеніемъ частныхъ функцій мозговыхъ клѣточекъ, вызванныхъ отношеніями явленій опыта, если познаніе этихъ отношеній не приходитъ черезъ органы чувствъ. Такъ какъ съ прекращеніемъ всякой функціи, вызванной въ мозговыхъ ячейкахъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ явленій, ихъ равновѣсіе восстанавливается, то спрашивается: откуда можетъ взяться матеріаль для индукцій и отвлеченныхъ понятій. Сочетаніе тѣхъ частныхъ функцій, совершавшихся въ продолженіи всей

жизни опыта, въ общіе синтезы также невозможно допустить, какъ соединеніе въ одну общую силу частныхъ силъ, развившихся мышечными сокращеніями организма, во время всего его существованія. Каждый разъ, съ окончаніемъ сокращенія той или другой мышечной группы, исчезаетъ и вызванная этимъ сокращеніемъ сила. Также точно, съ прекращеніемъ каждой частной мозговой функціи, давшей знаніе даннаго частнаго отношенія явленій, должно потеряться для организма и самое то знаніе. Изъ чего же можетъ строиться индукція отвлеченнаго знанія? Откуда можетъ получиться несомнѣнно существующее постепенное совершенствованіе и расширеніе того знанія?

При объясненіи появленія и развитія въ насъ психическаго знанія, на основаніи нашей теоріи, мы не были вынуждены прибѣгать ни къ метафизикѣ, ни къ философскимъ спекуляціямъ. Наша теорія не встрѣтила противорѣчій со стороны опыта, какъ встрѣчаетъ на всякомъ шагу фізіологическое объясненіе происхожденія отвлеченныхъ силъ познанія. Знаніе, накапливающееся и растущее не только годами въ одномъ человѣкѣ, но вѣками во всемъ человѣчествѣ, прогрессирующемъ въ пониманіи; это знаніе не можетъ создаться кратковременной функціей, а должно быть слѣдствіемъ организаторской дѣятельности, постепенно развивающейся путемъ дифференцірованія, какъ растутъ и совершенствуются отправленія органовъ на различныхъ ступеняхъ перехода видовъ менѣе совершенныхъ въ высшія формы. На основаніи нашей теоріи, мы видѣли, что корень нашего отвлеченнаго какъ и всякаго вообще знанія находится въ опытѣ вишняго міра, въ нашихъ органахъ чувствъ. Съ помощію нашей теоріи мы можемъ себѣ представить реальное начало развитія и совершенствованія, какъ нашего эмпирическаго, такъ и отвлеченнаго знанія. Мы видѣли, что вишнее движеніе, подѣйствовавшее на мозгъ черезъ органъ чувствъ и его нервъ въ ячейку мозга, какъ ея матери, превращается въ организованную интеллектуальную ячейку, функція которой состоитъ въ познаніи этого вишняго движенія, вызвавшаго ея образованіе. Движеніе же каждой такой интеллектуальной формаціи въ самомъ интеллектѣ, въ свою очередь, сообщаясь съ внутреннимъ нервнымъ волокномъ, (начинающимся и кончающимся въ мозгу), вызываетъ въ содержимомъ этими волокнами матери движеніе. Изъ этой матери въ такомъ движеніи въ соотвѣтствующей мозговой ячейкѣ-матери образуется новая ячейка-дочь, функція которой состоитъ тоже въ познаніи движенія, ее вызвавшаго, т. е. движенія внутренней интеллектуальной ячейки, не-

посредственно образовавшейся изъ вѣшняго опыта. Такимъ образомъ впечатлѣніемъ вѣшняго явленія на органы чувствъ порождается не только познаніе вызвавшего его вѣшняго движенія, но и познаніе самаго внутренняго движенія; эти двѣ познавательныя силы, какъ вытекающія другъ изъ друга и дополняющія другъ друга, сливаются въ одно цѣлое. Если бы въ мозгу не было аппарата для воспріятія внутреннихъ движеній интеллектуальныхъ формацій, непосредственно порожденныхъ вѣшнимъ опытомъ, то, безъ сомнѣнія, эти движенія терялись бы для нашего познанія и наше пониманіе было бы совсѣмъ другое и во всякомъ случаѣ ниже настоящаго; по развитіе въ насъ познанія, кромѣ вѣшнихъ и нашихъ внутреннихъ мыслевыхъ движеній, свидѣтельствуешь о томъ, что вѣроятно въ центральныхъ мозговыхъ волюнахъ и въ особыхъ мозговыхъ ячейкахъ заключается наивысшій психическій аппаратъ, работа и продуктъ котораго даетъ послѣдній предѣлъ человѣческаго знанія — опыта внутреннихъ интеллектуальныхъ движеній. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ мышленія эти два познанія вѣшняго и внутренняго опыта сливаются въ одно.

Въ этомъ періодѣ развитія невозможно представить себѣ послѣднее отдѣльно отъ перваго, потому что только то отчетливо нами познается, что входитъ въ интеллектъ черезъ органы чувствъ. Источникъ же послѣдняго знанія суть внутреннія интеллектуальныя движенія переходящія въ психическія формаціи помимо органовъ чувствъ въ мѣстѣ ихъ источника—въ мозгу. Въ этомъ соединеніи двухъ силъ познанія, первая порожденная вѣшними впечатлѣніями и ясно представляемая въ познаніи поглощаетъ и усваиваетъ себѣ послѣднее—знаніе внутренняго опыта; въ силу этого, эти два знанія различнаго происхожденія сливаются въ одно и приписываются однимъ только вѣшнимъ явленіямъ и ихъ отношеніямъ. Такимъ образомъ мы познаемъ въ предметахъ не только одні вѣшнія движенія, но и вещество; мы видимъ познаваемые вѣшніе объекты въ пространствѣ, слѣдимъ за явленіями опыта во времени.

Какъ мы выше видѣли только съ значительнымъ накопленіемъ подобнаго смѣшаннаго матеріала, гдѣ съ знаніемъ вѣшнихъ движеній тѣсно соединялось въ одно знаніе внутреннихъ мыслевыхъ движеній, послѣднее путемъ дифференцированія, отдѣляется отъ перваго въ субстратъ, дающій познаніе одного отвлеченнаго—психического знанія.

Если мы на первыхъ ступеняхъ мышленія встрѣчаемъ психическія

познанія неразрывно связанными съ эмпирическими, какъ напр., силы съ ея объектомъ, причины и слѣдствія съ двумя слѣдующими другъ за другомъ представленіями внѣшняго опыта, то съ вышепредставленнымъ отдѣленіемъ психическаго знанія отъ эмпирическаго, въ человѣкѣ являются чисто отвлеченныя понятія и индукціи, независимо отъ эмпирическихъ реальныхъ явленій опыта, такъ напр., познаніе силы вообще безъ объекта, продуцирующаго силу, познаніе количества безъ измѣряемаго предмета и т. п.

Только благодаря высшей степени дифференцированія такіа психическіа силы познанія, дѣлаются въ свою очередь, преобладающими надъ низшими эмпирическими, находящимися въ связи съ психическими. Въ силу этого чисто психическіа понятія и индукціа, дѣлаются господствующими въ мірѣ мыслевыхъ движеній. Съ тѣхъ поръ ихъ силой и подъ ихъ контролемъ совершаются соединенія представленій опыта въ связи, дающія познаніе отношеній предметовъ другъ къ другу и способствующія дальнѣйшему умственному развитію человѣка.

Доказательствомъ сказаннаго развитія нашего психическаго знанія можетъ служить исторія человѣческой культуры вообще. Даже наблюденія за умственными проявленіями нынѣ существующихъ народовъ, стоящихъ на различной степени цивилизаціи вполнѣ подтверждаетъ сказанное.

Такъ по свидѣтельству лучшихъ наблюдателей дикихъ народовъ, напр., Тайлора*, Лебока** и др., на языкѣ многихъ дикихъ народовъ вовсе нѣтъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій. А между тѣмъ несомнѣнно, что дикіе имѣютъ понятіе о силѣ имъ знакомыхъ объектовъ, о постоянствѣ слѣдованія извѣстныхъ явленій и о другихъ отношеніяхъ между предметами ихъ опыта. Но эти познанія находятся на первой степени развитія, т. е. въ соединеніи съ эмпирическимъ знаніемъ. Такъ какъ возможность представленія чисто отвлеченнаго понятія дается только словомъ, его выражающимъ, то отсутствіе на языкѣ дикарей соотвѣтствующихъ словъ, доказываетъ отсутствіе ихъ образовъ въ душѣ. Если мы сравнимъ періодъ умственнаго развитія человечества съ той поры, когда среди людей явились уже отвлеченныя понятія и слова въ рѣчи отвѣчающія этимъ понятіямъ и индукціямъ, съ предшествовавшими имъ періодами, то убѣдимся, въ несомнѣнномъ постепен-

* Versuchungen über die Urgeschichte der Menschheit § 17 u. flg.

** Lubbock, les origines de la civilisation. Paris, 1873.

номъ развитіи этого психическаго знанія и въ послѣдовательномъ очищеніи его не только отъ субъективнаго и фантастическаго, но даже отъ эмпирическаго, ви́шняго — отъ того, что было первоначальнымъ его источникомъ и что приковывало его сначала къ отдѣльнымъ и одиночнымъ объектамъ и ихъ группамъ во ви́шнемъ мірѣ и тѣмъ мѣшало примѣненію этого знанія, какъ общаго и отвлеченнаго, ко всему міровозрѣнію, какъ цѣлой и непрерывной связи явленій.

Слѣдовательно, въ мышленіи человѣка параллельно росли и развивались двѣ силы познанія: одна — ви́шнихъ объектовъ, т. е. эмпирическая; другая — внутреннихъ психическихъ движеній, перерабатывающая и связывающая элементы перваго познанія въ правильныя связи, т. е. психическая сила человѣческаго разума. Это психическое знаніе развивается такъ же, какъ и эмпирическое, — постепеннымъ соединеніемъ частныхъ элементовъ въ общіе, причѣмъ частныя синтезы постепенно соединяются въ болѣе общіе. Этимъ расширяется познавательная сила усвоенія (пониманія) отношеній объектовъ эмпирическаго міра. Какъ туча, получая свое начало въ испареніяхъ земли, ея болотахъ и водахъ, съ отдѣленіемъ отъ нея высоко подымается надъ нею и своимъ дождемъ, способствуетъ ея плодородію, такъ и психическая сила нашей души рождается въ насъ изъ формаций эмпирическаго опыта. Отдѣлившись отъ нихъ и сплотившись въ одну силу отвлеченнаго знанія, она дѣлается господствующей силой, соединяющей своими плодотворными началами, разрозненное эмпирическое въ стройное и законное цѣлое и тѣмъ очищаетъ мышленіе человѣка отъ случайныхъ связей чувства и воображенія.

ГЛАВА X.

Критика, Методъ и Анализъ.

§ 1. Несомнѣнно, что каждая постоянная сила продуцируемая организмомъ развивается работой ячеекъ, соединенныхъ въ отдѣльныя ткани и органы и что чѣмъ болѣе развивалось въ органѣ разнообразныхъ и спеціальныхъ частей, путемъ дифференцированія, тѣмъ богаче и разностороннѣе его функція, тѣмъ она больше приноситъ пользы существованію организма. Мы должны были принять, на основаніи нашей теоріи, что факторъ познавательной силы, образуясь въ началѣ психо-интеллектую-

альной жизни отдѣльными ячейками мало по малу соединеніемъ этихъ ячеекъ (синтезомъ) и разрастается и путемъ дифференцированія специализируется въ большое число частей, составляющихъ вмѣстѣ психо-интеллектуальный органъ. Каждая часть этого органа, какъ отдѣльныя представленія и ихъ связи, понятія, индукціи и т. п. развиваетъ специальную функцію — познаніе своего содержанія. Если данная часть органа не выдифференцировалась, то и соотвѣтствующаго знанія быть не можетъ. Но въ силу того что каждая часть психо-интеллектуальнаго органа развиваетъ только своеобразную силу, вложенную въ нее особенной специальностію опыта и что нѣкоторыя части органа могутъ одновременно развивать свою силу, несомнѣнно, что между подвижными силами разнороднаго содержанія должна всегда происходить борьба въ интеллектѣ, пока сильнѣйшая не свяжетъ слабѣйшія силы и ея функція не сдѣлается преобладающей. Кромѣ условій зарожденія этихъ факторовъ въ мозгу и вліянія ихъ повторенія въ дѣятельности, на силу въ интеллектѣ отдѣльных факторовъ мышленія безспорно вліяетъ степень развитія каждой части органа на пути дифференцированія; чѣмъ выше эта степень данной части органа, тѣмъ шире ея функція для познанія, тѣмъ болѣе преобладаетъ ея сила въ интеллектѣ, тѣмъ болѣе фактовъ познанія она себѣ подчиняетъ и усваиваетъ. Только по видимому въ концѣ XVI ст. какъ мы выше видѣли, отдѣльные виды чистыхъ психическихъ элементовъ, какъ результатъ высшаго дифференцированія психо-интеллектуальнаго органа, начали проявлять свою высшую познавательную функцію среди человѣчества. Эта организація психическихъ синтезовъ и теперь еще далеко не закончена, а находится въ періодѣ своего постепеннаго развитія. Вѣроятно, что дальнѣйшею жизнію человѣческаго вида они будутъ болѣе и болѣе совершенствоваться, а вмѣстѣ съ ними и познавательная сила человѣка; но и теперь уже, съ самаго начала вступленія психо-интеллектуальнаго органа во второй періодъ своего развитія, т. е. дифференцированіемъ въ специальные субстраты чисто-психическихъ силъ, эти послѣдніе стали самостоятельными и сдѣлались, какъ мы видѣли, господствующими въ интеллектѣ человѣка.

Такъ какъ въ чистыхъ психическихъ синтезахъ принимаютъ участіе только психическія ячейки полученныя раздвоеніемъ (пролифераціей) тѣхъ, которыя находятся въ тѣсной связи съ эмпирическими ячейками, то это отношеніе между ячейками дочками и ячейками матерями поддерживаетъ связь между познаніями внѣшняго и внутренняго опыта,

реальнаго съ чисто-психическимъ, отвлеченнымъ знаніемъ. Не смотря на самостоятельное и отдѣльное существованіе каждаго изъ этихъ родовъ знанія, психическая сила существуетъ въ человѣкѣ, въ которомъ она успѣла развиться, въ двоякомъ видѣ: 1) въ первоначальной связи съ элементами эмпирическаго опыта, и 2) какъ чисто отвлеченная психическая сила познанія. Корень отвлеченнаго знанія остается навсегда неразрывно связаннымъ съ эмпирическимъ, т. е. съ источникомъ своего происхожденія — съ реальнымъ опытомъ. Вслѣдствіе этой связи всякія группы эмпирическихъ связей, заключая въ себѣ непременно и психическіе элементы, когда приходятъ въ дѣятельное состояніе, должны вызвать къ дѣятельности и отвлеченную психическую силу, сродную по содержанію съ психическими элементами, находящимися въ эмпирической связи. Поэтому чисто-психическія силы, почти всегда принимаютъ участіе въ дѣятельности каждой эмпирической группы, насколько та отвлеченная сила развита въ данномъ человѣкѣ относительно содержанія той группы. Но мы знаемъ, что если во время мыслевой дѣятельности функционируютъ силы различной величины и содержанія, то направленіе мыслевой работы идетъ по направленію сильнѣйшей, причеиъ часть послѣдней теряется на связываніе и прекращеніе ей несродной силы, въ тоже самое время проявляемой другими несродными ей элементами; остающаяся затѣмъ свободная сила обуславливаетъ мыслевое теченіе и его результаты.

Высшее и отвлеченное познаніе—функція самостоятельныхъ психическихъ синтезовъ, какъ мы видѣли, только незадолго до нашего времени начало проявлять свое вліяніе на мыслевую работу человечества. До начала этого господства въ познаніи человѣка преобладала или случайная связь интеллектуальныхъ тѣлъ съ психическими (грубый эмпиризмъ) или связь, вызванная чувственностью и чувствами (субъективизмъ) или воображеніемъ. Поэтому въ каждомъ человѣкѣ, даже развитомъ, сохраняются интеллектуальныя связи и вѣрованія, сложившіяся подъ вліяніемъ тѣхъ примитивныхъ условій, или полученныя на вѣру отъ другихъ людей, какъ послѣдніе получили отъ предшествовавшихъ поколѣній, или сложившіяся въ человѣкѣ самостоятельно, безъ контроля психической силы и наконецъ правильно образовавшіеся синтезы.

Поэтому между такими дѣятелями познанія различнаго содержанія, при ихъ взаимодействіи въ интеллектъ должна происходить борьба. Еще до развитія психическаго знанія, человѣкъ въ своихъ органахъ чувствъ

обладалъ орудіемъ для отличія мечты своей фантазіи отъ знанія дѣйствительности; но съ развитіемъ психическаго знанія и начала его господства въ мышленіи явился внутренній контроль для отличія истинной связи отъ ложной. Только тѣ интеллектуальныя связи получаютъ силу и вызываютъ вѣру въ себя, которыя могутъ соединиться съ высшими психическими синтезами, какъ съ однородными, т. е. тѣ, которыхъ частныя элементы соединяются въ общіе на основаніи этихъ выработанныхъ отвлеченныхъ понятій и законовъ. Вслѣдствіе этого прежнія интеллектуальныя соединенія, образовавшіяся до господства этихъ психическихъ силъ, прійдя во взаимодѣйствіе съ послѣдними, отъ ихъ противодѣйствія сначала ослабляются. Эмпирическіе, субъективныя и фантастическіе синтезы, пользуясь до этого взаимодѣйствія вѣрой, вслѣдствіе послѣдняго ослабляются, отчего или вовсе теряютъ силу вѣры или вызываютъ только чувство сомнѣнія. При еще большемъ давленіи психическихъ силъ на несродныя интеллектуальныя связи, помимо ихъ развѣвшагося, послѣднія совѣтъ разрушаются и зданіе прежняго синтеза постепенно распадается на свои составныя части, пока это распаденіе не дойдетъ до послѣднихъ интуитивныхъ элементовъ постройки, т. е. до воспріятій, не допускающихъ дальнѣйшаго интеллектуальнаго разложенія. *Это послѣдовательное распаденіе готовыхъ интеллектуальныхъ синтезовъ на ихъ интуитивные элементы, вслѣдствіе воздѣйствія на нихъ высшихъ психическихъ силъ называется анализомъ.*

Процессъ взаимодѣйствія въ интеллектъ между готовыми синтезами и высшими психическими факторами, какъ отвлеченными понятіями, законами - индукціями называется критикой. Силою этого взаимодѣйствія готовые синтезы несродные существующимъ въ интеллектъ психическимъ синтезамъ отталкиваются отъ нихъ и потому вызываютъ отрицательное чувство—недовѣрія. Такая связь перестаетъ удовлетворять чувство и потому постепенно разрушается. Но такъ какъ мы уже знаемъ, что отвлеченность психическихъ синтезовъ не всегда есть мѣрило ихъ вѣрности и истины, что нерѣдко ложныя индукціи, субъективныя или фантастическія идеи въ головахъ большинства сидятъ на тронѣ разума, поэтому и результаты критики далеко не всегда приводятъ къ познанію истины. Такъ напр. фанатикъ въ своей критикѣ подчиняетъ явленія увѣрованнымъ имъ религіознымъ догматамъ, доктринеръ—своимъ идеямъ à priori,

принятымъ на вѣру, рутинеръ — уже установившимся прежде вѣрованіямъ и т. п. Но, тѣмъ не менѣе, и ложныя психическія силы, если онѣ суть господствующія въ данномъ интеллектѣ, распоряжаются судьбами критики и анализа данной личности. Изъ такой критики нерѣдко истинна выходитъ осужденной, а ложь и заблужденіе торжествующими. Во всякомъ случаѣ результатъ борьбы рѣшается не истиной психическихъ синтезовъ, а только преобладаніемъ элементовъ высшаго развитія на пути дифференцированія, независимо отъ ихъ происхожденія, надъ низшими эмпирико-психическими синтезами.

Такая побѣда высшихъ психическихъ силъ (какого бы качества онѣ ни были) надъ низшими психо-эмпирическими даетъ человѣку удовлетвореніе. Если послѣднія силы, вслѣдствіе своей однородности сливаются съ первыми, то усиленіемъ прежней вѣры возбуждается пріятное чувство; если же послѣднія силы, какъ противныя по содержанію вышнимъ, уничтожаются, то это убѣжденіе человѣка, что онъ силой критики избавился отъ заблужденія, есть выраженіе возстановившагося въ немъ послѣ борьбы равновѣсія. Одинаково счастливъ, какъ ученый, которому силой анализа и критики удалось доказать истину своей гипотезы или ложность господствующаго мнѣнія, какъ прежній скептикъ въ религіи, который вполне увѣровалъ и его больше не мучать сомнѣнія.

Что критика есть только результатъ частнаго взаимодействія на опредѣленныхъ, дѣятельныхъ мыслевыхъ группы, только специфически развившихся психическихъ синтезовъ доказывается частнымъ характеромъ проявленія и результатовъ каждой отдѣльной критики. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ проявлять въ одной области знанія мѣткую и несокрушимую критику; въ другой области его критика можетъ исходить изъ ложныхъ принциповъ и давать ложные результаты; въ нѣкоторыхъ же областяхъ мышленія у того же самаго человѣка критика вовсе не проявляется. Это можетъ объясниться только на основаніи нашей теоріи тѣмъ, что въ первой области знанія у того человѣка успѣли правильно развиться чистые психическіе синтезы изъ реального опыта, въ другой области знанія, эти синтезы были не чистые, а субъективнаго или фантастическаго происхожденія, а относительно третьей области въ немъ совсѣмъ еще не развились отвлеченныя психическія начала. Съ развитіемъ анализа и критики всякій готовый синтезъ, не прошедшій черезъ ихъ горнило пересталъ пользоваться полной вѣрой. Такимъ образомъ

родился скептицизмъ. Это сомнѣніе достигло высшей степени въ ученіи скептиковъ, у которыхъ пошатнулась даже вѣра въ истину нашихъ познавательныхъ силъ и законовъ. „Все“, говорили они, „сомнительно, даже самое сомнѣніе“. Но этотъ скептицизмъ вытекаетъ изъ односторонняго опыта человѣческаго вѣрованія. Ложность этого общаго отрицанія доказываетъ на всякомъ шагѣ полезныя и вѣрные результаты человѣческаго пониманія. Правильный же синтезъ, вынесенный человекомъ изъ опыта его заблужденій, состоялъ въ необходимости подвергать всякій фактъ познанія критикѣ и анализу до увѣрованія въ него. Уже древніе философы заставляли начинать изслѣдованіе сомнѣніемъ и отрицаніемъ, чтобы силой доводовъ убѣдиться въ истинности даннаго факта или признать его ложнымъ. Разница между древнимъ и настоящимъ научнымъ скептицизмомъ состоитъ только въ томъ, что первые брали на вѣру доводы или апіористическія идеи, которыя противопоставлялись въ ихъ интеллектѣ данному факту познанія, а у послѣднихъ регуляторомъ являются только правильно развившіеся психическіе законы и индукціи, полученные нормальнымъ синтезомъ изъ самаго психическаго опыта. Стремленіе къ приобрѣтенію чистыхъ психическихъ синтезовъ заставляеть человѣка изыскивать средства для точнаго изслѣдованія и изученія отношеній явленій путемъ опыта. Такого рода изслѣдованіе называется *положительнымъ или научнымъ методомъ*.

§ 2. А н а л и з ъ.

Если психо-интеллектуальныя связи, прежде образовавшіяся или полученныя уже готовыми отъ другихъ людей или изъ книгъ, не усвоились существующими психическими понятіями и индукціями, то послѣдніе противопоставляются имъ какъ разнородные элементы. Вслѣдствіе невозможности соединиться съ разнородными связями, психическіе синтезы, какъ болѣе сильныя, побѣждаютъ эти связи. Слѣдствіемъ этого необходимо должно быть распаденіе послѣднихъ на ихъ составныя части. Такъ, съ разрушеніемъ цемента, связывающаго части зданія, послѣднее расчленяется сначала на большія части, потомъ на меньшія и, наконецъ, распадаются на послѣдніе элементы постройки. Въ этомъ процессѣ разложенія извнѣ полученнаго готоваго знанія, неподходящаго своимъ содержаніемъ къ существующему и дѣятельному психическому органу, мы видимъ повтореніе того же процесса, который совершается при усвоеніи организмомъ внѣшней пищи. Прежде эта пища

мельчается съ помощію жеванія, растворяется въ сокъ желудка, поджелудочной железы до послѣднихъ своихъ элементовъ и только послѣ всего этого процесса дѣлается плотью нашей плоти. Такимъ образомъ синтеза нашего эмпирическаго, апріористическаго и мистическаго мышленія, составлявшіе до сихъ поръ обыкновенное міровоззрѣніе человѣка и развившіеся до появленія въ его мышленіи высшей и видовой психической силы, съ началомъ ея дѣятельности мало по малу, одинъ за другимъ, начинаютъ разрушаться по мѣрѣ ихъ столкновенія и взаимодѣйствія съ выработавшимися психическими силами. *Этотъ процессъ мы называемъ умственнымъ анализомъ.* Разумѣется, что не всѣ существующія интеллектуальныя связи, развившіяся безъ контроля психическихъ законовъ, подвергаются разрушительному дѣйствию умственнаго анализа. Нѣкоторыя изъ нихъ ускользаютъ отъ него. Это бываетъ: 1) когда мыслевая работа вообще не очень дѣятельна и побѣждается чувственностью или физическимъ трудомъ; 2) когда вся эта работа сосредоточивается только на спеціальныхъ территоріяхъ, напр., математикѣ, химіи, ботаникѣ и пр., а остальные умственныя территоріи остаются еще въ своемъ эмпирически-дѣвственномъ состояніи, или 3) когда тѣ области заслоняются отъ психической силы туманомъ мистическихъ идей или субъективныхъ движеній. Какъ прежде между вѣрующими въ астрологію были очень умные люди, такъ и въ настоящее время встрѣчаются неглупые люди, вѣрующіе въ гомеопатію, находятся ученые и между спиритами; 4) причина заключается и въ томъ, что образовавшіяся связи, особенно субъективныя и мистическія, до того успѣли окрѣпнуть, вслѣдствіе условій дѣтства и воспитанія, что дѣйствіе психической силы, даже достаточно развившейся, оказывается несостоятельнымъ въ борьбѣ съ ними. *Во всякомъ случаѣ результаты умственнаго анализа всегда находятся въ обратной пропорціи къ силѣ первоначальныхъ соединеній и въ прямой къ выработавшейся видовой психической силѣ каждаго индивида.* Отъ этого умственнаго анализа нужно отличать объективный анализъ. Объекты перваго составляютъ готовыя внутреннія связи и синтезы уже существующіе въ интеллектѣ, а объекты послѣдняго суть предметы внѣшняго опыта, изъ котораго наше познаніе съ помощію органовъ чувствъ получаетъ отдѣльные атрибуты, какъ матеріаль для развитія будущаго психо-интеллектуальнаго органа. Но и этотъ объективный анализъ мы должны принять въ двухъ видахъ:

объективно-эмпирической и объективно-психической анализъ. Подъ первымъ мы разумемъ полученіе отдѣльныхъ признаковъ объекта, какъ они сами представляются нашимъ органамъ чувствъ при изученіи предмета, гдѣ внѣшнія движенія, такъ сказать, сами побуждаютъ инерцію органовъ чувствъ и аппарата воспріятій. Другое дѣло — психической объективный анализъ. Если въ человѣкѣ развилось познаніе необходимости строго-научнаго метода для изслѣдованія, то подъ давленіемъ этого психическаго знанія, объективный анализъ руководится и поддерживается изнутри мыслевой дѣятельностію человѣка. Наблюденія не сами собою навязываются извнѣ, а внутри человѣческой души загорается неугасимый огонь жажды наблюденій точныхъ и многочисленныхъ. Толкаемый этой психической силой, человѣкъ стремится достигнуть послѣднихъ предѣловъ возможности для наблюдателя, очистить факты объективные отъ субъективной примѣси, отъ измѣненія ихъ воображеніемъ. Для объективно-эмпирическаго анализа достаточны здоровые органы чувствъ и ихъ первныя и центральныя аппараты. Въ объективно-психическомъ анализѣ, кромѣ этихъ условій, принимаетъ участіе вся душа человѣка. Есть много людей, у которыхъ отличныя органы чувствъ и ихъ аппараты, но не многіе между ними, даже, можно сказать, только исключительныя личности отличаются истиннымъ талантомъ наблюденія. Это искусство дается психической силой человѣка, приковывающей его вниманіе къ предмету. Оно не довольствуется поверхностными фактами, а заставляетъ наблюдателя углубляться во всѣ тайныя изгибы каждаго предмета. Недовольный средствами своихъ органовъ чувствъ, такой человѣкъ изобрѣлъ и теперь постоянно устраиваетъ новые аппараты, расширяющіе аналитическія способности этихъ органовъ. Онъ взвѣшиваетъ съ помощію самыхъ чувствительныхъ вѣсовъ, измѣряетъ съ точностью до десятой части миллиметра пространство объектовъ и частями секунды опредѣляетъ продолжительность явленій во времени. Съ помощію микроскопа и телескопа; онъ разсматриваетъ явленія, недоступныя его невооруженному глазу. Реторта даетъ ему средство получать анализомъ химическіе элементы объектовъ и т. д. Это — анализъ метода или, какъ мы его называемъ — объективно-психическій. Для большей наглядности возьмемъ примѣры объективно-эмпирическаго и объективно-психическаго внѣшняго анализа, въ которомъ самъ человѣкъ служитъ объектомъ наблюденія. Въ первомъ анализѣ ближайшей причиной зарожденія человѣка признается актъ совокупленія. Между

этимъ актомъ и рожденіемъ человѣка на свѣтъ, не смотря на долгій девятимѣсячный промежутокъ, раздѣляющій эти два процесса, анализъ прекращается, такъ какъ самый объектъ остается закрытымъ отъ глазъ наблюдателя. Затѣмъ анализируются бросающіяся въ глаза явленія новорожденнаго: его ростъ, прорѣзываніе и впоследствии смѣна зубовъ, явленія его втораго дѣтскаго возраста, возмужалости, старости и смерти. Данныя полученныя такимъ анализомъ, состоятъ почти исключительно изъ фактовъ, прямо дѣйствующихъ на органы чувствъ. Насколько эти факты могутъ быть субъективны или фантастичны, нужно послушать родителей, наблюдающихъ ребенка. Такъ напр., сокращеніе мышцъ, оттягивающихъ въ сторону углы рта, принимаются за улыбку и смѣхъ дитяти; а какъ оно не понимаетъ окружающихъ, и потому смѣются ему нѣтъ причины, то родители думаютъ, что дитя смѣется въ бесѣдѣ съ ангелами и т. п. Кто не знаетъ весь сумбуръ наблюденій и теорій нянекъ, которыхъ объектомъ—дитя.

Анализъ ученаго, въ которомъ громко говоритъ голосъ психической силы, не таковъ. Онъ сначала не ограничивается только константированіемъ полового совокупленія, какъ начала зарожденія человѣка, а тщательно анализируетъ устройство половыхъ органовъ, ихъ отправленія, элементы оплодотворенія, какъ сѣмя, графіевъ - пузырекъ яичко и приготавлиющіе ихъ органы. Исслѣдованія этихъ элементовъ дѣлаются не только помощью невооруженныхъ органовъ чувствъ, но и микроскопа. Ученый изслѣдуетъ химическій составъ этихъ элементовъ, разлагая ихъ на органическіе и неорганическіе элементы. Онъ наблюдаетъ движеніе сѣмянныхъ ячеекъ, ихъ соединеніе съ яичкомъ, измѣненіе послѣдняго отъ этого соодиненія, и анализируетъ его на всѣхъ ступеняхъ развитія.

Но такъ какъ на живой беременной женщинѣ эти наблюденія невозможны, то они дѣлаются надъ яйцами птицъ и лягушекъ; оплодотворенныя теплокровныя самки убиваются въ различныхъ періодахъ зачатія, и изслѣдуется ихъ плодъ. Полученные такимъ образомъ факты сравниваются съ анализомъ зародыша — выкидышей или у умершихъ женщинъ въ различныхъ періодахъ беременности. Такимъ образомъ получаютъ всѣ факты первоначальнаго развитія человѣка, которые могутъ быть добыты только пытливымъ и искуснымъ окомъ наблюдателя.

Исторія наблюденія за развитіемъ зародыша моего знаменитаго учителя покойнаго фонъ-Бера можетъ служить иллюстраціей той энергіи которую развиваетъ внутренняя любознательность. Фонъ-Беръ мнѣ ра-

сказывалъ, что впродолженіи многихъ лѣтъ онъ постоянно чередовался у микроскопа съ своимъ товарищемъ чтобы при наблюденіи за развитіемъ зародыша не потерять ни малѣйшаго времени.

Научный анализъ не только разлагаетъ всякій органъ человѣка на его ткани и части, изслѣдуя ихъ глазомъ и съ помощью микроскопа, не только разбираетъ устройство и функцію каждаго элемента органа, подвергаетъ ихъ количественному опредѣленію, химическому анализу и т. п., но и старается проникнуть въ глубину живаго органа, оставшуюся закрытой для человѣческой пытливости и при жизни человѣка. Такъ, съ помощью офтальмоскопа открываются наблюдателю глубокія части глаза, его зрительная оболочка съ сосудами; съ помощью ларингоскопа ученый изслѣдуетъ явленія въ дыхательномъ горлѣ и въ бронхахъ во время акта дыханія и т. п. При случайной, или искусственной фистулѣ желудка фізіологъ собираетъ явленія, сопровождающія актъ пищева-ренія и покой желудка, съ помощью стетоскопа и постукиванья онъ узнаетъ признаки легкихъ, сердца и т. д. Съ помощью аппаратовъ измѣ-ряется время образованія воспріятій, ихъ появленія въ сознаніи и т. п.

Само собою понятно, что познаніе, сложившееся изъ всей массы фактовъ, полученныхъ такимъ анализомъ, будетъ существенно отличаться отъ познанія которое дается изъ простаго эмпирическаго анализа. При-чина, почему масса людей такъ хладнокровно и поверхностно относится къ объектамъ познанія, и только избранныя предаются ему со всѣмъ рвеніемъ души, безъ сомнѣнія, заключается въ давленіи внутренней пси-хической силы, разившейся у послѣднихъ, при ея отсутствіи у первыхъ, которыхъ только одно чувство интеллектуальной пустоты заставляеть обращаться къ наблюденіямъ объектовъ виѣшняго міра.

§ 3. Методическое образованіе интеллектуальныхъ связей.

Разрозненные путемъ психическаго анализа, эмпирическіе элементы знанія, собираясь въ мышленіи, въ дѣятельныя группы, снова стремятся къ соединеніямъ вслѣдствіе своего природнаго влеченія. Но при одно-временной дѣятельности среди этой группы соотвѣтствующихъ высшихъ психическихъ понятій и индукцій, эти соединенія могутъ образоваться только согласно съ направленіемъ послѣднихъ. Такъ какъ современно-развитый человѣкъ обладаетъ нѣсколькими высшими спеціальными пси-хическими силами, отвѣчающими спеціальнымъ областямъ разныхъ отношеній объектовъ опыта, то каждое соединеніе, вызванное тѣмъ или

другимъ специальнымъ отношеніемъ образуется подъ контролемъ высшей психической силы такого же содержанія. Затѣмъ когда это соединеніе поочередно приходитъ въ взаимодѣйствіе со всѣми высшими психическими силами, имѣющими какое либо средство съ даннымъ отношеніемъ когда оно и не находитъ съ ихъ стороны противодѣйствія, то данная связь укрѣпляется въ интеллектъ; въ противномъ же случаѣ оно снова разрушается.

Само собою разумѣется, что только вновь образовавшаяся частная интеллектуальная связь крѣпка и развиваетъ плодотворное знаніе, когда ея содержаніе вполне подходитъ подъ содержаніе высшей психической индукціи, силой которой эта связь совершилась. Такъ напр., соединеніе представленій между собою количественной связью тогда только возможно, когда связываемые элементы поддаются количественному измѣренію и когда полученныя количественныя отношенія не противорѣчатъ другимъ не количественнымъ отношеніямъ тѣхъ же объектовъ.

Между всѣми связующими психическими силами законъ причинности всѣхъ могучѣе, какъ двигатель соединенія частныхъ элементовъ въ болѣе и болѣе общіе синтезы. Беконъ Веруламскій первый указалъ важность индукціи и далъ правильный методъ для образованія истинныхъ чистыхъ индукцій независимо отъ случайностей ихъ образованія, хотя нѣкоторые недостатки въ его ученіи были причиной, что его методъ долго не былъ примѣняемъ *

* Одною изъ главныхъ причинъ была неясность изложенія его метода затѣмъ неумѣнье научить экспериментальному методу, какъ главному элементу его индукціи, потому что самъ Беконъ никогда не занимался опытами. Наконецъ недостатокъ Бекона заключается въ томъ, что, проникшись убѣжденіемъ необходимости индуктивнаго метода, вслѣдствіе недостаточнаго его анализа, онъ не попалъ на надлежащую дорогу. „Многіе философы, говоритъ Милль, (Op. cit. В. II. System. der Logik, III. S. 147 u. f.) даже были поражены, что систематическое зданіе индуктивной логики, которое создалъ этотъ необыкновенный человекъ (Беконъ), такъ мало принесло пользы слѣдовавшимъ за нимъ изслѣдователямъ. Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ примѣненій ученіе Бекона не было признаваемо, какъ теорія, и практически не привело къ какимъ-нибудь значительнымъ результатамъ. Этотъ фактъ никогда не былъ достаточно объясненъ. Нѣкоторые даже предпочли лучше утверждать, что всѣ правила индукціи бесполезны, прежде нежели рѣшились принять, что правила Бекона основаны на недостаточномъ анализѣ индуктивнаго процесса. Это доказывается тѣмъ, что Беконъ вовсе не предполагалъ существованія нѣсколькихъ причинъ одного слѣдствія. Всѣ его правила содержать скрытое предположеніе, совершенно противорѣчащее всему, извѣстному намъ теперь о природѣ, а именно, — что явленіе не можетъ имѣть больше одной причины.

Основная мысль этого метода болѣе чѣмъ самый методъ въ примѣненіи къ положительнымъ наукамъ дала въ короткое время гораздо болѣе объективныхъ истинъ, нежели тысячелѣтнія изысканія этого метода. Беконъ* признаетъ аксіому: „Знать значитъ познавать причины“ „Но, говоритъ онъ, недостаточно знать ближайшія и спеціальныя причины, а нужно достичь самыхъ общихъ и самыхъ высокихъ причинъ“. Къ сожалѣнію онъ не могъ объяснить ни происхожденія въ насъ закона причинности, ни самой причины стремленія къ узнанію болѣе и болѣе общихъ причинъ, изъ которыхъ, какъ слѣдствія, вытекаютъ всѣ частныя явленія.

Мы выше видѣли, что въ силѣ подвигающей человѣка къ пріобрѣтенію точнаго знанія, кромѣ закона причинности есть и другіе двигатели, и потому въ индукціи Бекона о законѣ причинности неправильно видятъ единственный источникъ точнаго метода. Шопенгауеръ** также принимаетъ понятіе причинности за единственный источникъ, изъ котораго происходятъ всѣ другія понятія. Изъ всѣхъ психическихъ силъ индукція причинности дѣйствительно есть самая энергичная и плодотворная для познанія—отношеній явленій. „Понятіе причины“, говоритъ Милль***, есть корень всей теоріи индукціи. Послѣдняя есть единственный источникъ положительнаго знанія для человѣка... За извѣстными фактами всегда слѣдуютъ и, какъ мы убѣждены, всегда будутъ

Изслѣдуя то, что онъ называетъ „*forma calidi aut frigidi, gravis aut levis, sicci aut humidii*“ и пр., Беконъ не сомнѣвается ни на одну минуту, что есть кака-нибудь вещь, какое-нибудь неизмѣнное условіе или кругъ условій, который существуетъ во всѣхъ случаяхъ теплоты или холода или всякаго другаго феномена, который онъ изслѣдуетъ, — и вся трудность состоитъ только въ томъ, чтобы найти, что оно такое. Это нѣчто онъ хочетъ открыть процессомъ элиминаціи, т. е. тѣмъ, что онъ съ помощію отрицательныхъ инстанцій выключаетъ все, что не есть форма или причина, чтобы такимъ образомъ открыть послѣднюю. Но онъ не сомнѣвался въ томъ, что эта форма или причина одна и таже какъ напр. во всѣхъ теплыхъ предметахъ или во всѣхъ холодныхъ и т. п. Особенно высказалось его заблужденіе при изслѣдованіяхъ причинъ свойствъ предметовъ, доступныхъ органамъ чувствъ. Но ни въ одномъ изъ этихъ свойствъ невозможно было найти что нибудь подобное причинѣ или вругу условій, которые бы неизмѣнно сопровождали явленіе. Явленіе, причину котораго искалъ Беконъ, болѣею частію или вовсе не имѣетъ причины, или оно (насколько мы знаемъ) зависитъ отъ неопредѣленнаго количества причинъ.

* *Novum organum pars. 1 § 3 etc.*

** *Schopenhauer. Die Vierfache Wnrzel des Satzes vom Zureichenden Grunde. 5. Aufl. § 4.*

*** *Mill's Logic. B. III, § 2—5.*

слѣдовать другіе извѣстные же факты; неизмѣнно предшествующіе называются причиной, неизмѣнно слѣдующіе—слѣдствіемъ.

„Пусть будетъ тотъ или другой фактъ; но если уже онъ разъ существуетъ, то онъ былъ предшествуемъ другимъ фактомъ или фактами, за которыми онъ неизмѣнно слѣдовалъ“. Далѣе говоритъ Милль: „чтобы употребить слово „причина“, мы должны вѣрить не только въ то, что за даннымъ предшествующимъ всегда слѣдовало данное послѣдствіе, но что всегда это такъ и будетъ, пока существуетъ настоящій порядокъ вещей“.

Доказательство дѣйствительности причинной связи дается только пріемами правильнаго метода. Онъ состоитъ въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, которыхъ цѣль есть убѣжденіе, что въ дѣйствительности ничто не противорѣчитъ этому соединенію, согласно существующей индукціи причинности. Для этого наблюдатель старается найти явленія или объекты, съ готовой послѣдовательной связью въ природѣ или отыскиваетъ комбинаціи, гдѣ послѣдовательные объекты не смѣшаны съ другими и наблюдаетъ за ними. Если во всѣхъ случаяхъ и комбинаціяхъ природы, гдѣ онъ находилъ послѣдующее и ему всегда предшествовало одно и то же предъидущее, и если ни разу не найдено было послѣдующее безъ предъидущаго и наоборотъ, то всѣ эти отдѣльные случаи опыта сливаются въ частную индукцію причинной связи этихъ явленій. Если же эти явленія всегда въ природѣ находятся соединенными съ другими и отдѣльно ихъ наблюдать нельзя, то прибѣгаютъ къ опыту, который состоитъ въ томъ, что вызывается искусственно предшествующее при различныхъ условіяхъ, и если за нимъ всегда идетъ послѣдующее, то причинная связь ихъ устанавливается въ нашемъ познаніи.

„Опытъ, говоритъ Милль*, отличается отъ обыкновеннаго наблюденія тѣмъ, что онъ есть неизмѣримое расширеніе послѣдняго. Опытъ позволяетъ намъ вызвать не только гораздо большее число измѣненій, нежели они намъ представляются въ природѣ, но и въ тысячахъ случаевъ — опредѣленный видъ измѣненій, которыя намъ нужны, чтобы открыть законъ явленія. Другая выгода искусственнаго опыта предъ отношеніями явленій, которыя даетъ сама природа, состоитъ въ томъ, что если мы можемъ искусственно вызвать явленіе, то мы можемъ въ

* J. St. Mill's gesammelte Werke. III. B. System der Logic 1873, S. 72 и слѣд.

нѣкоторомъ родѣ *взять его домой* и наблюдать при условіяхъ, съ которыми мы знакомы во всякомъ другомъ отношеніи“.

При изслѣдованіяхъ причиннаго отношенія между явленіями все равно, начнемъ ли мы отыскивать причину слѣдствія или слѣдствіе причины. Милль говоритъ: „такъ какъ въ развитіи нашего познанія мы можемъ идти только отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то мы всегда вынуждены начинать съ того конца, который намъ больше знакомъ. Если причины намъ знакомѣе, нежели ихъ слѣдствія, то мы выжидаемъ инстанціи причины, или вызываемъ ихъ искусственно, при всѣхъ доступныхъ намъ перемѣнахъ условій и наблюдаемъ послѣдствіе. Если же для насъ темны условія, вызывающія явленіе, а оно само намъ извѣстно, то мы начинаемъ съ изслѣдованія слѣдствія“.

„Но если невозможно прибѣгнуть къ опыту для доказательства, или пока мы еще къ нему не прибѣгли, мы имѣемъ только неизмѣнныя слѣдованія въ границахъ нашего опыта, а не доказанную причинную связь между явленіями“.

Что касается до методовъ изслѣдованія причинной связи между явленіями, то мы опять сошлемся на слова несравненнаго логика Милля*. Онъ говоритъ: „существуютъ два простѣйшіе и ближайшіе метода, чтобы между обстоятельствами, предшествующими явленію или за нимъ слѣдующими, выдѣлить тѣ, съ которыми оно дѣйствительно связано неизмѣннымъ закономъ: а) сравниваютъ различные случаи, въ которые это явленіе входитъ; б) сравниваютъ случаи, въ которые входитъ данное явленіе, съ другими случаями, которые въ свою очередь во всѣхъ отношеніяхъ сходны со сравниваемыми, исключая того, что въ нихъ не входитъ изучаемое явленіе“. „Эти методы основаны на слѣдующемъ: каждое обстоятельство, которое можетъ быть исключено безъ вреда явленію, или если явленіе можетъ отсутствовать, не смотря на присутствіе того обстоятельства, то они не могутъ быть связаны, какъ причина и слѣдствіе“. Первый методъ Милль называетъ методомъ согласія (*der Uebereinmstimmung*), а второй — методомъ различія.

Обыкновенно привыкли одно слѣдствіе соединять съ одной причиной, но въ дѣйствительности это очень рѣдко случается. Большею частію слѣдствіе вызывается цѣлымъ рядомъ явленій, гдѣ одно вызываетъ другое, и наконецъ за послѣднимъ членомъ этого ряда вызывается слѣд-

* Ibidem, стр. 77.

ствіе. Въ такихъ случаяхъ послѣдній членъ сложной причины признается единственной причиной. Въ другихъ случаяхъ сливаются сосуществующія силы вмѣстѣ и вызываютъ слѣдствіе; тогда причиной считается то изъ группы сложныхъ явленій, вмѣстѣ составляющихъ причину, что болѣе знакомо наблюдателю, или болѣе бросается ему въ глаза.

„Рѣдко, скорѣе никогда, говоритъ Милль, состоитъ неизмѣнная связь между однимъ слѣдствіемъ (*consequens*) и единственнымъ *antecedent*’омъ. Она обыкновенно состоитъ между однимъ *consequent*’омъ и суммой многихъ *antecedent*’овъ, которые всѣ должны соединиться вмѣстѣ, чтобы вызвать *consequens*. Въ этихъ случаяхъ одинъ изъ *antecedent*’овъ признаютъ причиной, а другіе считают только условіями“.

Говоря языкомъ нашей теоріи, мы видимъ, что подъ давленіемъ психической индукціи законности человѣкъ стремится найти на опытѣ всѣ случаи отношеній тѣхъ фактовъ познанія, которые могутъ соединиться между собою причинной связью. Если всѣ отношенія данныхъ явленій на опытѣ не противорѣчатъ закону причинности, то они соединяются между собой, какъ причина и слѣдствіе. Найденная такимъ образомъ причина одного явленія можетъ, въ свою очередь, соединиться съ другимъ представленіемъ, его вызвавшимъ, т. е. войти въ новое соединеніе, гдѣ причина одного слѣдствія фигурируетъ, какъ слѣдствіе другой причины. Если подобная цѣль частныхъ соединеній связываетъ причинной связью всѣ явленія данной области познанія, то эта область считается понятой, потому что въ ней все разрозненное соединяется между собою въ интеллектѣ одной общей нитью закона причинности; но для того, чтобы вся группа явленій, какъ цѣлое, удовлетворила нашему познанію, нужно доказать, что она вся есть, въ свою очередь, частный случай болѣе общей причины.

Чѣмъ больше мы изучаемъ творчество и отношеніе его явленій, тѣмъ сильнѣе растетъ наша вѣра, что вся вселенная представляетъ цѣльную и единую связь, гдѣ всякое слѣдствіе имѣетъ свою причину. Этотъ законъ указываетъ намъ, что все въ мірѣ законо, а отсюда и разрозненные наши интеллектуальныя формаціи, связанные силой этого закона во едино, должны быть истинны. Всякая научная индукція есть дитя этого общаго закона, не потому что она выводится изъ этого закона, какъ дедукція, а потому, что вслѣдствіе однородности, она сливается съ нимъ какъ съ предѣломъ знанія, вытекающаго изъ творчества на-

шей психической природы, и потому мы ей вѣримъ и считаемъ только то нашимъ знаніемъ, что вносится въ наше познаніе индукціей.

Выше мы привели примѣръ приѣма научнаго анализа, рассмотримъ теперь одинъ примѣръ научной индукціи, взятый изъ исторіи научнаго методическаго изслѣдованія, чтобы видѣть на дѣлѣ, какъ изъ добытаго научнымъ анализомъ матеріала развивается путемъ правильнаго и совершенствующагося метода положительное знаніе.

На основаніи простаго эмпирическаго наблюденія уже Аристотель заключилъ, что позвоночныя животныя, обитающія на сушѣ, не могутъ жить безъ воздуха, необходимаго для ихъ дыханія.

Это познаніе отношенія жизни животныхъ къ вдыхаемому воздуху было, безъ сомнѣнія, результатомъ многихъ наблюденій, сдѣланныхъ еще до Аристотеля. Такъ, люди много разъ наблюдали, что животныя въ случаяхъ, когда притокъ воздуха ко рту и носу затруднялся, едва не задыхались, а когда совершенно прекращался — они умирали. Выводъ Аристотеля былъ индуктивный, образовавшійся изъ многихъ наблюденій удушенія различныхъ земноводныхъ животныхъ, видѣнныхъ Аристотелемъ и его предшественниками. Такъ какъ эти наблюдатели не были знакомы съ дыханіемъ животныхъ, живущихъ въ водѣ, то ихъ индукція обнимала только земноводныхъ животныхъ. Спустя много столѣтій Робертъ Бейле распространилъ эту индукцію и на насѣкомыхъ, когда убѣдился, что и они жить безъ воздуха не могутъ. Joh. Bernoulli, наблюдавшій за жизнью рыбъ въ водѣ и въ воздухѣ, пришелъ къ убѣжденію, что и рыбамъ для существованія необходимъ воздухъ. Наконецъ, изслѣдованіе всѣхъ инфузорій, амебидовъ, моллюскъ, гадовъ (*ger-tilia*), *crustacea* и всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ классовъ животныхъ подтвердило ту же самую зависимость жизни каждаго изъ этихъ животныхъ отъ воздуха. Каждая изъ этихъ отдѣльныхъ индукцій, собранныхъ въ дѣятельномъ мышленіи, состояла изъ двухъ членовъ: общее представленіе класса животныхъ соединялось съ представленіемъ воздуха, какъ необходимымъ стимуломъ жизни, или, говоря языкомъ сознанія, объ одномъ изъ класса животныхъ, какъ о субъектѣ, высказывался предикатъ: невозможность жизни безъ воздуха.

Но между всѣми классами животныхъ существуютъ, какъ мы знаемъ, общіе признаки, присущіе каждому живому существу; эти общіе признаки соединились въ одно общее интеллектуальное образованіе. Имя этой формаціи высшаго синтеза — есть животное. Но какъ атрибутъ:

невозможность жить безъ воздуха — на основаніи опыта — принадлежитъ всѣмъ классамъ извѣстныхъ намъ животныхъ, и намъ положительно неизвѣстно ни одно животное, которое могло бы жить безъ воздуха, то и общая индукція готова: никакое животное не можетъ жить безъ воздуха. Хотя вѣрность этой индукціи и была впоследствии доказана правильнымъ методомъ, но до того она была простымъ эмпирическимъ обобщеніемъ изъ опыта. Почему животное не можетъ жить безъ воздуха, какимъ образомъ воздухъ поддерживаетъ жизнь животнаго и т. п. вопросы эти индукція рѣшить не могла. Единственное средство для того, чтобы обобщеніе, составившееся такимъ образомъ вѣковыми наблюденіями, перевести въ строгую научную индукцію необходимо было прибѣгнуть къ анализу и опыту. Эмпирическая индукція представляла связь субъекта — животное съ атрибутомъ жизни съ помощью воздуха; на этомъ основаніи анализъ долженъ былъ раздѣлиться на два ряда: въ одномъ изслѣдуется само животное, всѣ признаки аппарата, которымъ оно дышетъ и его соотношеніе къ другимъ отправленіямъ организма, а въ другомъ — воздухъ, его признаки и измѣненіе этихъ признаковъ актомъ дыханія *).

Съ помощью самаго тонкаго анализа изучены были всѣ признаки и свойства дыхательныхъ путей отдѣльныхъ классовъ животныхъ. Такъ напр. у земноводныхъ — позвоночныхъ анатомическое изслѣдованіе легкихъ открыло присутствіе бронховъ въ видѣ каналовъ, въ которыхъ проходитъ воздухъ при вдыханіи и выдыханіи. Эти бронхи, развѣтвляясь на болѣе и болѣе тонкія трубочки, въ послѣднихъ своихъ предѣлахъ оканчиваются въ пузырьчатыхъ полостяхъ легочныхъ ячеекъ. Въ стѣнкахъ этихъ маленькихъ полостей найдены были развѣтвленія множества очень тонкихъ кровяныхъ сосудовъ. Наблюденія и опыты показали, что, при вдыханіи, легкія, какъ мѣшки, надуваясь воздухомъ, растягиваются, а при выдыханіи — спадаются.

Гарвей, объяснивъ кровообращеніе, указалъ, что у теплокровныхъ

* Такъ какъ при изложеніи примѣра научнаго анализа приводимый примѣръ имѣетъ только цѣлью показать въ общихъ чертахъ переходъ эмпирическаго обобщенія въ научную индукцію съ помощью правильнаго метода, то само собою разумѣется, что мы здѣсь не станемъ входить въ подробное изложеніе этого метода, примѣннаго къ изслѣдованію процесса дыханія животныхъ. Это даже невозможно здѣсь, потому что точное описаніе анализа и опытовъ, касающихся этого процесса, едва можетъ вмѣститься во многихъ объемистыхъ томахъ.

животныхъ изъ праваго сердца выходитъ толстый каналъ легочной артеріи, раздѣляющійся въ легкихъ на болѣе и болѣе мелкіе сосудцы, послѣднія окончанія которыхъ распространяются въ легочныхъ ячеикахъ. Кровь этихъ сосудовъ темнаго цвѣта. Кровь возвращающаяся изъ стѣнокъ легочныхъ ячеекъ течетъ сначала въ очень маленькихъ сосудахъ, которые съ дальнѣйшимъ развитіемъ соединяются въ болѣе и болѣе толстые кровеносные каналы, чрезъ которые возвращается полученная легкими изъ праваго желудочка сердца чрезъ легочную артерію, кровь, въ лѣвое предсердіе сердца. Кровь этихъ сосудовъ, называемыхъ легочными венами, всегда бываетъ алою.

Точный анализъ всѣхъ частей, составляющихъ грудную клѣтку, какъ мышць, ихъ прикрѣпленій къ костямъ, ихъ нервныхъ волоконъ; изслѣдованіе протяженій этихъ волоконъ до начала ихъ отъ продолговатаго мозга; изслѣдованіе скелета грудной клѣтки, его механизма при сокращеніи различныхъ группъ мышць и т. п. доставили новый богатый матеріалъ путемъ анализа и опыта. Сопоставленіе этихъ отдѣльныхъ фактовъ между собою мало по малу внесло познаніе отношенія каждой изъ частей другъ къ другу. Физиологи своими опытами сдѣлали несомнѣннымъ, что увеличеніе грудной полости вызывается мышечными сокращеніями, а послѣднія были слѣдствіемъ инерваціи, распространяющейся изъ одного мѣста продолговатаго мозга, которое они назвали *Nodus Vitalis*. Эта причинная связь, подкрѣпленная другими, уже познанными индукціями, объяснила отношеніе и другихъ отдѣльныхъ явленій дыханія, добытыхъ этимъ анализомъ. Двигательное теченіе со стороны продолговатаго мозга вызывало сокращеніе мышць; послѣднія — увеличеніе грудной полости; за расширеніемъ грудной клѣтки легкія необходимо тоже должны были слѣдовать за ними и расширяться, потому что отъ расширенія грудной клѣтки образуются разжиженія воздуха въ полости груди и легкихъ; это разжиженіе воздуха въ свою очередь вызываетъ притокъ внѣшняго воздуха въ дыхательные пути, что обусловливаетъ преобладаніемъ силы давленія внѣшняго воздуха надъ разжиженнымъ воздухомъ легкихъ. Химическое разложеніе воздуха доказало, что главные и постоянные его элементы суть — кислородъ и азотъ. Еще долгое время до того было извѣстно наблюденіе von *Helmont*'а, что животныя задыхаются въ атмосферѣ угольной кислоты. Около ста лѣтъ спустя послѣ этого открытія *Joseph Black* нашелъ въ выдыхаемомъ воздухѣ животнаго угольную кислоту; съ помощію

индукціи Гельмонта и индукціи, доказавшей всегдашнее присутствие угольной кислоты въ выдыхаемомъ воздухѣ объяснили, почему послѣдній не можетъ поддерживать жизни животныхъ. Опыты вполнѣ подтвердили это обобщеніе, доказавъ, что, если животное дышетъ однимъ и тѣмъ же во здухѣ, безъ притока свѣжаго, то оно вскорѣ отъ этого умираетъ. Нѣкто Фракосати, современникъ Bayle (Бейле) замѣтилъ, что кровь въ соприкосновеніи съ воздухомъ изъ темной дѣлается алою. Lower распространилъ это наблюденіе тѣмъ, доказавъ, что въ живомъ животномъ тоже происходитъ превращеніе темной крови въ алую и что мѣстомъ этого превращенія есть—легкія. Pristley разъяснилъ причину этого явленія. Изслѣдуя поочередно составныя части воздуха, онъ убѣдился, что окрашиваніе крови изъ темной въ алую зависитъ только отъ одной составной части воздуха, именно отъ кислорода. Но употребляя чистый воздухъ для дыханія животныхъ Пристлей убѣдился, что отъ дыханія животныхъ въ выдыхаемомъ воздухѣ получается меньше кислорода, нежели его было во вдыхаемомъ и что на мѣсто послѣдняго получается въ выдыхаемомъ воздухѣ угольная кислота, не способная превращать темную кровь въ алую. Лавоазье, подтвердивъ эти индукціи своими опытами, доказалъ, что млекопитающія и птицы удерживаютъ для себя изъ вдыхаемаго воздуха кислородъ, выдыхая взамѣнъ его угольную кислоту и воду. На этомъ основаніи онъ создалъ свою знаменитую теорію дыханія, въ которой соединились причинной связью всѣ частныя индукціи полученные правильнымъ методомъ. По этой теоріи процессъ дыханія былъ признанъ процессомъ окисленія угля и превращенія его съ помощью кислорода воздуха въ легкихъ въ угольную кислоту. Эта теорія была признаваема въ наукѣ до 1824 года, пока не сдѣлались извѣстны новыя наблюденія и опыты Wiliam'a Edwards'a, обнародованные въ этомъ году. Эдварсъ доказалъ, что лягушки, какъ и новорожденные млекопитающія, долго остающіяся въ атмосферѣ, лишенной кислорода, тѣмъ не менѣе выдыхаютъ угольную кислоту. Такимъ образомъ индукція Лавоазье, что именно легкія суть причина и мѣсто превращенія кислорода воздуха въ угольную кислоту, какъ основанная на догадкѣ, а не на правильномъ опытѣ, была уничтожена новымъ фактомъ, вышедшимъ изъ правильного метода. Но если не въ легкихъ готовится угольная кислота, то нужно было ее искать дальше. Опытъ и изслѣдованіе крови особеннымъ методомъ Эдварса, а затѣмъ Magnus'a доказали, что въ крови циркули

руеть въ растворенномъ состояніи кислородъ, угольная кислота и азотъ. Эти опыты и химическіе анализы крови показали, что въ артеріальной крови больше кислорода и меньше угольной кислоты относительно венозной крови, въ которой наоборотъ, меньше кислорода, а больше угольной кислоты, а количество азота въ обѣихъ одинаково*.

Изслѣдованія новѣйшаго времени показали, что кислородъ приносится артеріальной кровью въ ткани и органы всего тѣла и тамъ при функціи этихъ органовъ переходитъ въ угольную кислоту, преимущественно уносимую обратно венозной кровью, которая, прійдя въ правое сердце, оттуда опять попадаетъ въ легкія. Черезъ ткань легочныхъ ячеекъ эта кровь освобождается наружу отъ своей угольной кислоты, на мѣсто которой изъ вѣшняго воздуха опять въ нее входитъ кислородъ. Опыты показали, что органы при своей функціи, напр. мышцы пропорціонально своей работѣ, образуютъ угольную кислоту. Химическій анализъ пищи показалъ, что организмъ для правильной функціи и жизни долженъ ежедневно получать извѣстное количество углеродистыхъ соединений. Отъ связи этой индукціи съ прежними индукціями сдѣлалось яснымъ отношеніе пищи къ организму, какъ запаса потенциальной силы для жизни, заключающейся въ углеродѣ и отношеніе послѣдняго къ кислороду, съ помощію котораго потенциальная сила углерода, путемъ окисленія переходитъ въ активную и развиваетъ силу, необходимую для функцій жизни.

Изъ этого поверхностнаго очерка развитія познанія отношенія воздуха къ животнымъ мы уже достаточно убѣдились въ разницѣ прежнихъ обобщеній, даже тѣхъ, которыя въ свое время считались научными отъ тѣхъ, которыя получаютъ теперь, какъ результатъ введенія въ науку строгаго научнаго метода изслѣдованія. Изъ этого примѣра видно, какъ медленно и съ какимъ трудомъ подвигается ростъ положительнаго знанія; но за то каждый результатъ такой обработки даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и положительный прогрессъ знанія. Таково требованіе научной индукціи, вызываемое силой закона причины и слѣдствія, въ насъ зрѣло развившагося, но удовлетворить въполнѣ этому требованію мы еще не въ состояніи.

Мы только недавно ступили на счастливую дорогу строгой индукціи, и уже все сдѣланное ею силой въ естественныхъ наукахъ невольно вызываетъ удивленіе cadaго мыслителя. Но еще вся работа впереди.

* Beiträge zur Chemie und Physiologie des Blutes. Zusammen gestellt von H. Huppert.

Vita brevis, ars longa. Увѣренность, что мы стоимъ на твердой почвѣ науки и шествуемъ прямой дорогой для удовлетворенія ея цѣли, внушаетъ бодрость и терпѣніе ея труженикамъ. Въ выработанныхъ человѣчествомъ высшихъ психическихъ законахъ заключается не только источникъ нашего положительнаго знанія, но и гарантія отъ будущихъ заблужденій и средство къ очищенію себя отъ уже существующихъ. Синтезы, противорѣчащія высшимъ законамъ нашего мышленія, отвергаются познаніемъ не только въ настоящемъ, но и для всего будущаго. Мы вѣримъ только въ то и считаемъ истиной, что ассимилируется тѣми высшими силами и дѣлается ихъ частію. Съ введеніемъ новаго метода изслѣдованія появилось въ короткое время въ познаніи много положительныхъ истинъ доказанныхъ и провѣренныхъ не только на опытѣ, но и въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, какъ напр. законъ эволюціонизма, естественнаго подбора и законъ борьбы за существованіе гениальнаго Дарвина. Съ помощію вновь познанныхъ законовъ, человѣкъ получилъ возможность объяснять не только прошлые и настоящіе случаи, но съ положительной вѣрностью предсказывать, по настоящимъ фактамъ, будущее. Разрозненныя формаціи и частныя синтезы соединяются въ общіе не только психическимъ закономъ причинности, но и всѣми другими высшими психическими понятіями и индукціями, если разрозненные познанія своимъ содержаніемъ или отношеніемъ подходятъ подъ одинъ изъ выработанныхъ въ умѣ человѣка психическихъ законовъ или понятій. Такъ образуются синтезы представленій, подчиняющихся количественнымъ исчисленіямъ и измѣреніямъ, отвлеченнымъ познаніемъ количества, другіе индукціей сходства, времени, пространства и т. д.

Такимъ образомъ, благодаря научному методу въ положительныхъ наукахъ явилось отличіе положительной истины отъ гадательной, умѣнье опредѣлить степень вѣроятности послѣдней; познаніе ложности прежнихъ обобщеній и предвзятыхъ идей, идущихъ въ разрѣзъ съ содержаніемъ общихъ законовъ; наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда соединеніе между отдѣльными явленіями познанія силой тѣхъ законовъ намъ невозможно, то этотъ же методъ доказывалъ намъ наше непониманіе тѣхъ явленій, что безъ сомнѣнія полезнѣе кажущагося знанія—заблужденія.

§ 4. Связь по аналогіи.

Положительный синтезъ частныхъ интеллектуальныхъ процессовъ не можетъ образоваться, если отношеніе элементовъ имѣющаго образоваться

синтеза, своимъ содержаніемъ неподходятъ къ содержанію существующихъ высшихъ психическихъ законовъ. Однако при энергіи дѣятельныхъ факторовъ этой группы стремленіе къ соединенію продолжается; чѣмъ дольше остаются тѣ элементы дѣятельными и чѣмъ сильнѣе ихъ стремленіе къ соединенію, тѣмъ болѣе вызываются ими къ дѣятельности другія интеллектуальныя связи, имѣющія съ ними сродство, хотя и самое отдаленное. Если послѣднія уже представляютъ собою обобщенный синтезъ или часть высшаго синтеза, то и первыя, сходныя съ ними по содержанію, стремятся въ своемъ движеніи къ той же связи. Такъ напр., если познаніе вновь пришедшаго изъ опыта представленія не полное, т. е. не всѣ атрибуты соответствующаго объекта въ немъ содержатся, то непосредственное вступленіе этого представленія въ синтезъ съ помощію высшихъ психическихъ силъ дѣлается невозможнымъ. Если это не полное представленіе объекта новаго опыта содержитъ только нѣкоторые его атрибуты, какъ а, b, c, другіе же остались непознанными, вслѣдствіе недоступности наблюденію, то для ассимиляціи этого представленія имъ вызовутся къ дѣятельности всѣ однородныя съ нимъ формаціи; положимъ, что такая вызванная къ дѣятельности формація состоитъ изъ представленія — а, b, c, d, e, f, объекта вполне познаннаго и нашего свое мѣсто въ существующемъ высшемъ синтезѣ. Если бы не было извѣстно, что кромѣ содержанія а, b, c, въ новомъ объектѣ опыта еще скрывается нѣчто неизвѣстное, то произошло бы соединеніе между обоими представленіями вслѣдствіе котораго родилась бы вѣра, что новый предметъ опыта, имѣющій атрибуты а, b, c, имѣетъ атрибуты d, e, f. Но познаніе, что это неизвѣстное можетъ въ остальномъ имѣть одинаковое или совершенно отличное содержаніе отъ остальныхъ частей объекта съ представленіемъ а, b, c, d, e, f, мѣшаетъ слитію. Такимъ образомъ въ мышленіи бываетъ только сближеніе между представленіями а, b, c, d, e, f и а, b, c. Оно выразится въ сознаніи слѣдующимъ сужденіемъ: такъ какъ предметъ познанія а, b, c, d, e, f сходенъ съ новымъ а, b, c, своими тремя признаками, то вѣроятно онъ сходенъ и съ остальными мнѣ неизвѣстными. Или, такъ какъ а, b, c, d, e, f имѣетъ атрибутъ о, то и а, b, c, имѣющій нѣкоторые общіе признаки съ а, b, c, d, e, f, вѣроятно тоже имѣетъ атрибутъ о. Такая гадательная вѣра, вызванная только сближеніемъ формацій, вслѣдствіе нѣкоторой однородности въ содержаніи называется психологами „сужденіемъ по аналогіи“, абсолютная же (видовая) вѣра дается только полной связью съ помощію методической индукціи.

Она возможна тогда только, когда получится точное познание, что прежде неизвѣстная часть содержанія новаго объекта состоитъ тоже изъ атрибутовъ *d, e, f*, и тогда только дѣлается возможнымъ полное слитіе и ассимиляція новаго представленія и рождается вѣра, что всѣ атрибуты уже понятаго опыта суть вмѣстѣ съ тѣмъ и атрибуты вновь познаннаго.

Если между изучаемыми предметами познанія есть сходное отношеніе съ познаннымъ отношеніемъ другихъ предметовъ прежняго опыта, то отъ сближенія этихъ отношеній въ познаніи является предположеніе, что и самые объеты отношенія тоже между собою сходны (*Fundamentum relationis*). Но всѣ эти связи по аналогіи суть недоведенныя до конца индукціи, т. е. тутъ имѣетъ мѣсто стремленіе къ слитію между собою связей только нѣкоторыми однородными элементами, а если бы слитіе совершилось полное, то кажущаяся связь перестала бы быть аналогіей, а стала бы индукціей.

Если окажется, что сходные признаки, послужившіе сближеніемъ двухъ отдѣльныхъ процессовъ въ познаніи, несущественныя, а случайныя, или откроется, что новое явленіе имѣетъ, кромѣ прежнихъ, еще другое содержаніе, совершенно различнаго характера отъ тѣхъ, которыя содержатся въ казавшемся сходномъ, то связи отталкиваются и аналогія уничтожается. Если же окажется, что признаки, сближающіе два элемента, суть ихъ существенныя признаки, хотя не всѣ, аналогія получаетъ твердость, только не вѣры, а предположенія.

Такимъ образомъ, всѣ случаи аналогіи суть не полныя соединенія, а только сближенія формацій, вслѣдствіе неполнаго, а части ихъ сродства. Ихъ можно раздѣлить на два класса: во 1) случаи аналогіи, указывающіе только дорогу дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, которыя впослѣдствіи только рѣшаютъ судьбу самой аналогіи. Большая часть открытій въ наукѣ, т. е. настоящихъ индукцій, какъ мы видѣли при описаніи воображенія, получались путемъ аналогіи. Въ этихъ случаяхъ путеводной звѣздой служить иногда самое отдаленное, едва доступное, только гениальному уму, сходство между однимъ или нѣкоторыми признаками предметовъ. Такъ мы видѣли, что сходство между распространеніемъ свѣта и звука дало по аналогіи прекрасную теорію свѣта со всѣми своими частными индукціями, полярность въ явленіяхъ электричества и магнетизма: противоположныя качества въ противоположныхъ направленіяхъ, общія какъ элек-

тричеству, такъ и магнетизму были основаніемъ постановки этихъ двухъ явленій въ познаніи рядомъ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что магнетизмъ есть частный случай электричества.

Но для такого самобытнаго сближенія связей между собою по причинѣ ихъ отдаленнаго сходства необходима сильная энергія образовавшихся представленій и психическихъ индукцій, большая притягательная сила между сродными элементами, однимъ словомъ, геніальная природа.

Но что эта геніальность не заключается въ силѣ, стоящей внѣ интеллектуальныхъ элементовъ, а дается только ими, т. е. силой и энергіей самихъ представленій и ихъ связей (индукцій), доказывається тѣмъ, что всѣ геніальныя открытія путемъ аналогіи дѣлались учеными только въ области обычныхъ ихъ занятій, т. е. работой мыслевыхъ элементовъ, пріобрѣтшихъ отъ упражненія самую высшую силу 2). Есть случаи аналогіи, гдѣ изъ группы явленій объектовъ только нѣкоторыя доступны наблюденію, или гдѣ можетъ быть постигнута только часть отношеній данныхъ явленій; остальные же отношенія вовсе недоступны прямому изслѣдованію; но по сходству нѣкоторыхъ существенныхъ признаковъ или отношеній съ уже установившимися синтезами или индукціями, связи послѣднихъ соединяютъ первые. Отличіе подобной аналогической индукціи отъ настоящей состоитъ только въ томъ, что эти связи прямо не могутъ быть доказаны, какъ это дѣлается въ научной индукціи, откуда онѣ получаютъ связь. Эти индукціи по аналогіи имѣютъ одно только средство къ болѣе тѣсному сближенію ихъ связей, и вслѣдствіе того, къ большому укрѣпленію въ вѣрѣ. Это средство состоитъ въ подведеніи подъ общую индукцію по аналогіи всѣхъ частныхъ случаевъ, по содержанію подходящихъ къ общему. Если общая связь подтверждается всегда и во всѣхъ подходящихъ частныхъ случаяхъ опыта, если отъ связей частныхъ случаевъ съ общей аналогіей выходятъ связи настоящихъ явленій съ будущими, которыя въ дѣйствительности подтверждаются опытомъ, какъ напр. предсказаніе солнечныхъ затмѣній и т. п., то эта индукція по аналогіи дѣлается почти равной по своей психической силѣ съ настоящей индукціей.

Если въ геніальныхъ умахъ аналогія сослужила человѣческому знанію огромную службу; если она есть и всегда будетъ въ темныхъ областяхъ человѣческой мысли пионеромъ для развитія положительнаго зна-

нія, то не нужно забывать, что она есть обоюдоострый ножъ. Въ умѣ-
лыхъ рукахъ она можетъ быть источникомъ свѣта, для непризванныхъ
она служить разсадникомъ заблужденій и обманчиваго знанія.

ГЛАВА XI.

Память.

При разборѣ всѣхъ элементовъ человѣческаго мышленія на всѣхъ
ступеняхъ его творчества, отъ воспріятій и представленій, до самыхъ
высшихъ психическихъ синтезовъ, мы видѣли, что каждый изъ этихъ
элементовъ при своемъ образованіи продуцируетъ мыслевую работу,
обусловливаемую только его содержаніемъ. Эта дѣятельность большею
частію проявляется въ сознаніи, иногда совершается и безсознательно,
но во всякомъ случаѣ, послѣ большей или меньшей продолжительности
этой дѣятельности, она прекращается. Это прекращеніе дѣятельности
кажется уничтоженіемъ бывшаго дѣятеля, потому что только однимъ
проявленіемъ въ сознаніи дѣятельности познается существованіе дѣя-
теля. Такъ напр., во время фукціи въ мыслевой группѣ какого
нибудь высшаго психического синтеза, интеллектуальное теченіе и твор-
чество подчиняются силѣ этого синтеза, и сообразно его содержанію,
совершается мыслевая работа и она разрѣшается дѣйствіемъ наружу.
Если, спустя нѣкоторое время, такая же точно, какъ прежде, группа
мыслевыхъ факторовъ снова дѣйствуетъ въ мышленіи, но безъ участія
высшаго синтеза, прежде заправлявшаго мыслевой работой, но въ дан-
номъ случаѣ не пришедшаго въ тотъ моментъ въ дѣятельное состояніе
отъ какой бы то ни было причины, то отсутствіе этого фактора въ дан-
номъ мышленіи непремѣнно дастъ себя знать въ результатѣ мыслеваго
движенія, и послѣдній результатъ будетъ существенно отличенъ отъ по-
лучившагося прежде.

По закону иннерціи, мыслевое тѣло, разъ пришедшее въ активное
состояніе, должно бы было постоянно находиться въ дѣятельности, какъ
маятникъ, выведенный изъ равновѣсія, долженъ былъ бы вѣчно совер-
шать свои движенія. Но какъ встрѣчаемая силой движущагося маят-
ника сопротивленіе со стороны воздуха, и тренія пропорціонально и по-
степенно ослабляя движеніе маятника приводятъ его наконецъ въ со-
стояніе покоя, такъ точно и активная интеллектуальная или психиче-

ская формація болѣе или менѣе скоро теряетъ свою активную силу въ борьбѣ съ элементами мышленія противныхъ теченій, вслѣдствіе механическаго его движенія и отъ истощенія двигающей силы, состоящей въ переходѣ элементовъ, полученныхъ изъ крови изъ потенциальнаго въ активное состояніе. Во время дѣятельности каждаго изъ функционирующихъ частей организма расходъ силы превышаетъ приходъ изъ пищи и потому всѣ они нуждаются въ большемъ или меньшемъ промежуткѣ для покоя, во время котораго возстановляется ихъ питательное равновѣсіе. Отсюда: большая или меньшая продолжительность дѣятельности каждаго интеллектуальнаго тѣла или психической связи будетъ зависѣть отъ трехъ условий: 1) отъ прирожденной силы активнаго фактора (принесенной съ собою актомъ его образованія). 2) отъ противодѣйствія въ интеллектъ движенію активнаго фактора со стороны движеній другихъ элементовъ мышленія и 3) отъ функціи питанія въ тѣлѣ вообще и мозга въ особенности. Потерявъ свою активную силу, психо-интеллектуальная формація какъ будто осѣдаетъ на дно интеллектуальнаго моря, не принимая никакого дальнѣйшаго участія въ интеллектуальныхъ движеніяхъ; какъ будто оно не существуетъ, какъ будто то знаніе, которое въ немъ содержится, никогда не было приобрѣтено на опытѣ его носителемъ, что и должно было неизбѣжно быть, если бы всякое проявляющееся въ насъ изъ опыта знаніе было не болѣе, какъ мозговая функція.

По тому же закону иннерціи покойное состояніе психо-интеллектуальной формаціи могло бы продолжаться всегда, если бы другіе активные психо-интеллектуальные факторы не могли сообщить ему части своей живой силы и тѣмъ вывести это тѣло снова къ дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, какъ и прежде, мы опять сознаемъ присутствіе въ насъ этого фактора, въ силу ему присущей мыслевой работы, которую онъ станетъ снова продуцировать. Такъ напр., анабіотическія существа могутъ вѣками лежать не проявляя жизни, пока живительная сила солнечныхъ лучей и влаги снова не вызовутъ въ нихъ признаковъ жизненной дѣятельности. Но что эти образовавшіяся въ насъ тѣла живутъ, не смотря на прекратившуюся ихъ функціональную дѣятельность—мы видѣли выше не разъ много несомнѣнныхъ тому доказательствъ. Мы убѣдились, что не только образовавшееся въ насъ воспріятіе или представленіе, пришедшее въ недѣятельное состояніе, снова можетъ прійти въ дѣятельность, даже при отсутствіи со стороны виѣшняго опыта всякихъ условий для его образованія,

но и каждый изъ высшихъ психическихъ синтезовъ, требовавшихъ долгаго времени и мыслевыхъ усилій для своего образованія, будучи въ потенціальномъ состояніи, могутъ въ одно мгновеніе возстать въ мыслевой дѣятельности во всеоружіи познавательной силы, если какой нибудь дѣятельный факторъ мышленія съумѣетъ побѣдить иннерцію этои успокоившейся психической формаціи. Такъ напр., если бы одно какое нибудь представленіе разъ соединилось съ другимъ или нѣсколькими представленіями и эта связь перешла бы въ потенціальное состояніе, то стоитъ, чтобы одно только представленіе изъ той связи снова образовалось силой внѣшняго опыта — оно выведетъ на буксирѣ въ дѣятельное мыслевое море и всѣ тѣ представленія, которыя образовались и съ нимъ связались не только недавно, но даже много времени тому назадъ. Если много лѣтъ тому назадъ во мнѣ возникло изъ опыта познаніе данныхъ объектовъ или ихъ отношеній и если съ прекращеніемъ сознанія этихъ фактовъ они въ продолженіе многихъ лѣтъ ничѣмъ не проявляли о своемъ во мнѣ существованіи, то возникновеніе во мнѣ прежняго познанія, послѣ такого долгаго промежутка, не смотря на то, что настоящій опытъ не даетъ ни малѣйшаго къ тому повода, несомнѣнно доказываетъ, что субстратъ давно добытаго знанія все это время жилъ во мнѣ, ничѣмъ не проявляя своего существованія. Его функція снова подарила меня своимъ знаніемъ, потому что къ тому встрѣтились благоприятныя условія. Приведемъ простой примѣръ для иллюстраціи сказаннаго. Изслѣдуя въ моей молодости въ химической лабораторіи желѣзо, я убѣдился, что малѣйшее прибавленіе къ раствору его солей вещества, содержащаго танинъ даетъ соль таната желѣза, неудоборастворимаго и, какъ оказалось, дурно дѣйствующаго на желудокъ. Много лѣтъ спустя я прописалъ малокровному больному препаратъ желѣза. Вслѣдъ за его вопросомъ о разрѣшеніи пить чай въ моемъ мышленіи представленія организма больного, его болѣзни, и чая со всѣми ихъ атрибутами противопоставились другъ къ другу. При этомъ атрибуты чая не противорѣчили атрибутамъ больного, — послѣдовало разрѣшеніе пить чай. Но чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, разрѣшенія представленіе чая вызвало во мнѣ представленіе содержащагося въ немъ танина; это представленіе вызвало во мнѣ прежде узнанное его отношеніе къ желѣзу, и только тогда я сообразилъ, что чай при употребленіи желѣза вреденъ и вслѣдствіе этого былъ вынужденъ запретить больному употреблять чай и танинъ содержащаго вещества.

Мы знаемъ, во-1-хъ, что арена мыслевой дѣятельности человѣка очень мала относительно пространства и количества мыслевыхъ факторовъ, вырабатывающихся въ интеллектъ изъ опыта; такъ что въ ней можетъ помѣститься только очень малая часть существующихъ въ развитомъ человѣкѣ познавательныхъ факторовъ. Во-2-хъ, что нашъ интеллектуально-психическій органъ не состоитъ изъ частей, находящихся въ постоянной связи, вслѣдствіе чего каждая отдѣльная часть органа производила бы опредѣленную только ей присущую работу, а напротивъ — части психо-интеллектуальнаго органа въ своихъ движеніяхъ независимы отъ цѣлаго и отношенія между частями очень измѣнчивы. Одни и тѣ же элементы познания входятъ въ различныя группы и синтезы, которые потому въ различныхъ комбинаціяхъ даютъ различное познаніе. Въ 3-хъ, мы убѣдились, что по природѣ человеческого мышленія самъ онъ не можетъ думать въ одно и то же время о различныхъ предметахъ, а только въ каждый данный моментъ предметомъ мышленія могутъ быть предметы и отношенія одного и того же содержанія; только благодаря этому, каждый данный процессъ мышленія даетъ единичный результатъ и если этотъ результатъ, согласно своему содержанію, разрѣшается внѣшнимъ дѣйствіемъ, то оно тоже вытекаетъ изъ одной только единичной цѣли.

Благодаря способности перехода каждаго интеллектуальнаго фактора изъ недѣятельнаго вновь въ дѣятельное состояніе; благодаря законамъ ассоціаціи, удобоподвижности каждаго изъ элементовъ психо-интеллектуальнаго органа, вслѣдствіе, такъ сказать, разжиженности его состава и независимости движенія каждаго изъ нихъ отъ всѣхъ остальныхъ, съ которыми они не находятся въ прямой связи, дѣлается возможнымъ во-1-хъ, группировка на дѣятельной аренѣ каждаго изъ всѣхъ факторовъ познания, когда либо пріобрѣтенныхъ и составляющихъ подвижную часть психо-интеллектуальнаго органа. Во-2-хъ, по законамъ ассоціаціи каждая дѣятельная формація вновь вызываетъ изъ мыслеваго запаса или только среднія по содержанію, или тѣ, которыя разъ, или нѣсколько разъ уже узнаны опытомъ вмѣстѣ въ пространствѣ, или въ непосредственномъ слѣдованіи во времени. Въ силу этого изъ всего запаса познания представленіе, вызывающее на размышленіе, группируетъ возлѣ себя все, что можетъ способствовать его ассимиляціи, т. е. слитію ея въ общій синтезъ, или приведенію разнообразныхъ движеній отдѣльныхъ факторовъ группы къ одному преобладающему теченію, выражающемуся однимъ только приростомъ знанія — называемымъ заключеніемъ

или этотъ результатъ вызываетъ сознательное дѣйствіе. При многочисленности факторовъ, вызываемыхъ такимъ образомъ къ дѣятельности или вслѣдствіе ихъ большаго объема, они, не помѣщаясь въ дѣятельной аренѣ разомъ, разбиваются на частныя группы, при чемъ каждая изъ нихъ послѣдовательно занимаетъ свое мѣсто и развиваетъ свою мыслевую функцію. При этомъ всѣ другія части органа, не имѣющія познавательнаго отношенія къ тому, что вызываетъ на мышленіе, остаются въ своей потенціальной неподвижности, какъ будто они въ то время не существуютъ. Въ 3-хъ, содержаніе каждой группы болѣе или менѣе однородно. Способность, присущая каждому мыслевому тѣлу, простому или синтезу, переходить изъ потенціальнаго состоянія въ дѣятельное, вслѣдствіе полученнаго извнѣ или въ интеллектъ толчка, называется памятью, а самый актъ этого толчка и перехода въ сознаніе называется воспоминаніемъ. Въ насъ столько различныхъ памятей, сколько отдѣльныхъ мыслевыхъ факторовъ, способныхъ на самостоятельное движеніе для перехода изъ потенціальнаго въ активное состояніе. Многіе психологи признаютъ одну общую силу памяти, но это — также, какъ и ученіе объ одной общей силѣ ума и воли — только послѣдствіе метафизическихъ понятій, изъ которыхъ не могутъ вырваться эти психологи, не смотря на очевидную ложность этого ученія.

Если все припоминаемое человѣкомъ зависело бы не отъ того же самаго припоминаемаго, а отъ одной общей силы, то, спрашивается, отчего одни познанія легко и сами собою приходятъ на память, другія съ трудомъ, а третьи совершенно не могутъ вспомниться? Отчего старикъ, такъ легко помнящій все давно прошедшее, такъ легко забываетъ то, что съ нимъ случилось за нѣсколько минутъ тому назадъ?

Каждый актъ мыслевой работы, какъ мы видѣли, тѣмъ всестороннѣе и глубже и ея результатъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ больше въ количественномъ отношеніи и высшей степени дифференцированія суть факторы данной группы, развивающіе мыслевую функцію. Если степень ума вообще въ каждомъ человѣкѣ обусловливается развитіемъ его психо-интеллектуальной силы, то само собою разумѣется, что проявленіе ума въ каждомъ частномъ случаѣ мышленія будетъ зависѣть отъ дѣятельнаго участія въ работѣ всѣхъ подходящихъ къ содержанію работы факторовъ изъ всего психо-интеллектуальнаго запаса. Какъ бы ни былъ человѣкъ умственно высоко развитъ и ученъ, когда его прежде пріобрѣтенныя формаціи по природѣ влиы или вслѣдствіе ненормаль-

ныхъ условій потеряли способность принимать участіе въ дѣятельномъ мышленіи, — весь такой умъ и такое знаніе приводится къ нулю. Прежде умные и ученые люди послѣ тяжелой мозговой болѣзни, или въ глубокой старости, думаютъ какъ маленькія дѣти, ихъ мысль реагируетъ только на непосредственныя впечатлѣнія. Такое ослабленіе способности перехода изъ потенціального въ дѣятельное состояніе можетъ быть общее или частное, ограничивающееся тѣмъ или другимъ классомъ психо-интеллектуальныхъ факторовъ или однимъ только изъ нихъ. Оно можетъ быть постоянное или проходящее. Наконецъ, не появленіе въ дѣятельной группѣ одного изъ среднихъ ей факторовъ можетъ быть случайное и зависѣть не отъ болѣзненной причины, а отъ условія психо-интеллектуальной механики въ моментъ мышленія. Мы выше привели примѣръ такого мышленія. Кому не случалось въ жизни раскаиваться въ томъ или другомъ ложномъ рѣшеніи, неправильномъ поступкѣ и неосторожномъ словѣ, что происходило вълѣдствіе замятованія мотивовъ, жившихъ въ немъ, но именно въ тотъ нужный моментъ не пришедшихъ на память а потому не проявившихъ своей силы въ мышленіи, предшествовавшемъ тому поступку или слову.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что память не есть особенная самостоятельная сила, болѣе или менѣе развитая въ каждомъ человѣческомъ индивидѣ, а есть только частный атрибутъ каждой психо-интеллектуальной формаціи, выражающей большую или меньшую его способностью переходить изъ потенціального въ дѣятельное состояніе.

Но для того, чтобы тѣло, находящееся въ покоѣ, привелось въ активное движеніе, нужна, кромѣ условій съ его стороны, еще дѣйствующая на него внѣшняя сила, способная побѣдить иннерцію этого покоящагося тѣла.

Мы знаемъ, что эта сила, пробуждающая формацію изъ состоянія покоя къ дѣятельности, получается со стороны дѣятельныхъ процессовъ нарождающихся изъ опыта, или участвующихъ въ мысловомъ актѣ. Слѣдовательно, чѣмъ ихъ движенія энергичнѣе и активнѣе, тѣмъ легче они вызовутъ къ дѣятельности имъ отвѣчающія потенціальныя формаціи. Эта энергія дается, какъ мы знаемъ во 1) образовательной силой мозговыхъ ячеекъ — актомъ рожденія. Энергическая и молодая мозговая мать-ячейка даетъ интеллектуальную дочь-ячейку, живую и развивающую тахіштимъ движенія. Эта энергія и независимо отъ молодости обуславливается еще индивидуальной способностію мозговыхъ

ячеекъ къ живому и сильному творчеству изъ себя ячеекъ - дочерей. Въ этомъ заключается одно изъ условій врожденности памяти. Дѣти при совершенно одинаковыхъ условіяхъ ученія и воспитанія часто отличаются другъ отъ друга своею памятною способностью. Это участіе функціи мозга въ памяти, какъ оно болѣе или менѣе распространяется на всѣ психо-интеллектуальныя произведенія мозговыхъ ячеекъ, даетъ свой количественный общій отпечатокъ памяти каждаго индивида. Дѣти съ плохо развитымъ мозгомъ и идіоты совсѣмъ не имѣютъ памяти. Люди, у которыхъ отъ слабости (малокровія, послѣ тяжкой болѣзни, отъ старости) ослабляется энергія мозговыхъ ячеекъ, пропорціонально этому теряютъ и память.

Во 2) Какъ все мыслевое движеніе, какъ всякая функція вообще, совершается на счетъ питательнаго матеріала пищи, приносимой кровію, т. е. состоитъ въ переводѣ потенціальной силы пищи въ активную силу функціи, то чѣмъ лучше питаніе мозга, тѣмъ энергичнѣе развивается въ немъ мыслевое движеніе. Люди, привыкшіе къ мышленію, этихъ болѣе притягиваютъ кровь къ мозгу и потому отличаются лучшей памятью отъ тѣхъ людей, которые мало думаютъ. Имѣя дѣло съ классомъ мало мыслящимъ всякій убѣдится въ слабой памяти этихъ людей, даже несмотря на ихъ молодость и на относительное здоровье. Когда человѣкъ долго думалъ, то его память устаетъ отъ истощенія питательнаго матеріала. Человѣкъ, пользующійся отличною памятью, когда изучаетъ предметъ съ усталой головою, обыкновенно его скоро забываетъ, какъ и человѣкъ, съ слабой памятью. Для возстановленія силы памяти уставшему человѣку нуженъ отдыхъ. Ученіе наизусть всегда легче дается утромъ послѣ сна. Малокровныя и слабыя люди имѣютъ слабую память. Дѣти, прежде учившіяся хорошо, съ развитіемъ малокровія (какъ частый спутникъ роста и школьной жизни) начинаютъ жаловаться на ослабленіе памяти, заучить урокъ имъ стоитъ большихъ усилий, времени и достигнутое съ такимъ трудомъ скоро улетучивается. Въ сказанномъ можетъ убѣдиться всякій педагогъ на всякомъ шагѣ его дѣятельности. Я замѣтилъ, что дѣвочки во время мѣсячнаго съ большимъ трудомъ заучиваютъ уроки, время формированія дѣвицъ есть періодъ ихъ слабѣйшей памяти. Болезненно усиленное питаніе мозга, какъ при внезапныхъ къ нему приливахъ и восполненіяхъ его оболочекъ сопровождается болѣзненно возбужденной памятью, — вспоминается то, что въ нормальномъ состояніи никогда не могло прійти на память.

Въ 3) Если впечатлѣніе, извнѣ подѣйствовавшее на познаніе очень сильно, или оно повліяло на чувство и этимъ получило преобладающее вліяніе въ мышленіи, то большая часть питательнаго начала поглощается этимъ усиленнымъ интеллектуальнымъ продуктомъ, который вслѣдствіе этого развиваетъ большую силу движенія и слѣдовательно большую возможность побѣдить инерцію и другихъ потенциальныхъ тѣлъ, среднихъ ему, или находящихся въ связи съ нимъ. Такъ напр. во время волненія какимъ нибудь чувствомъ подъ вліяніемъ того или другаго потрясающаго впечатлѣнія, человѣкъ вспоминаетъ то, что никакъ не приходило ему на память въ покойномъ состояніи.

II. Переходъ интеллектуальнаго тѣла изъ потенциальнаго въ активное состояніе зависитъ не только отъ силы внѣшняго толчка, но и отъ его собственныхъ свойствъ, отъ количества находящейся въ немъ скрытой силы, которая, подъ вліяніемъ полученнаго извнѣ толчка, приходитъ въ движеніе, переобразуя свою скрытую силу въ явную функцію. Попавшая на камень искра не вызоветъ въ послѣднемъ ни малѣйшей силы, а между тѣмъ таже искра будетъ причиной развитія страшной силы, если она придетъ въ соприкосновеніе съ порохомъ. Чѣмъ сильнѣе и энергичнѣе организмъ вообще, чѣмъ больше въ немъ заключается вещества, тѣмъ онъ больше усваиваетъ питательныхъ веществъ, потенциальную силу которыхъ онъ переводитъ своею жизнію въ активную. Тоже самое бываетъ съ каждой клѣточкой организма; усвоивъ больше изъ питательнаго запаса, оно продуцируетъ больше, функционируетъ энергичнѣе. Психо-интеллектуальныя ячейки и связи нашего мыслеваго организма, находящіяся въ потенциальномъ состояніи, суть такія же, какъ и всѣ другія его ячейки и ткани, и потому онѣ получаютъ свое питаніе также изъ крови. Чѣмъ лучше онѣ питаются, тѣмъ больше въ нихъ накапливается потенциальной силы пилци, которую они тѣмъ легче переводятъ въ силу интеллектуальной функціи. Съ уменьшеніемъ притока питанія къ какому либо органу его функція, болѣе и болѣе слабѣетъ, его ячейки вянутъ и совершенно уничтожаются; съ увеличеніемъ питанія органа его ячейки умножаются и производятъ дѣятельную функцію. Такъ напр. молочныя желѣзы у женщинъ на старости лѣтъ или у дѣвицъ, перешедшихъ молодой возрастъ не только не функционируютъ, но увядаютъ, ихъ ячейки всасываются; когда же во время беременности и послѣ родовъ у молодой женщины много прили-

васть къ нимъ крови—желѣзы увеличиваются и даютъ молоко. Тоже самое, по нашему мнѣнію, повторяется и въ функциональныхъ отношеніяхъ психо-интеллектуальныхъ формацій. Такъ а) если она родилась энергической и образовавшаяся ея связи сильны, то способность къ этой энергіи сохраняется и въ потенциальномъ состояніи, что выражается въ относительно большемъ поглощеніи питательнаго матеріала, поэтому со стороны внѣшней силы требуется относительно меньшаго толчка для приведенія такой формаціи или ея связей въ активное состояніе. Какъ отъ молодыхъ здоровыхъ родителей обыкновенно рождаются энергическія и долговѣчныя дѣти, отличающіяся хорошимъ аппетитомъ и правильнымъ усвоеніемъ пищи, а дѣти старыхъ или разслабленныхъ производителей слабы и вялы въ своихъ движеніяхъ, не пользуются хорошимъ аппетитомъ и ассимиляціей, бываютъ не способны къ усиленной дѣятельности и легко умираютъ; такъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ мыслевые продукты его молодого мозга живутъ долго въ душѣ и легко вспоминаются, а произведенія старческаго мозга трудно приходятъ на память, и часто, и скоро совсѣмъ умираютъ, т. е. человѣкъ вовсе не въ состояніи ихъ вспомнить. б) Намъ извѣстенъ психологическій законъ, вслѣдствіе котораго вновь образовавшаяся интеллектуальная тѣла и ихъ связи вызываютъ къ дѣятельности изъ потенциальнаго состоянія одnorodныя себѣ.

Такимъ образомъ, собравшіяся однородныя формаціи сливаются между собою. Такъ напр., какъ бы часто мы не видѣли одного и того же человѣка, одинъ и тотъ же ландшафтъ, слышали одну и ту же мелодію, мы всегда знаемъ, что это постоянно тѣже—человѣкъ и ландшафтъ, которыхъ мы видѣли прежде, что это таже мелодія, которую мы слышали до того; между тѣмъ какъ всякій новый человѣкъ, ландшафтъ или мелодія вызываютъ въ насъ познаніе новаго, отличнаго отъ познанія прежняго человѣка или мелодіи. Другими словами: какъ бы часто ни вызывался въ насъ предметъ познанія извнѣ, если подѣйствовавшіе на насъ его атрибуты или связи во времени и пространствѣ одни и тѣ же, то въ насъ для всѣхъ повтореній есть одно только познаніе. Это можетъ быть только отъ того, что повторяющееся представленіе или связь сливается въ одно съ прежде уже существовавшимъ и потому у насъ для всѣхъ случаевъ такого опыта есть одна только интеллектуальная формація, порождающая въ насъ вѣру, что объектъ прежній и настоящій одинъ и тотъ же. Хотя объективно это

вовсе не вѣрно, потому что одинъ и тотъ же человѣкъ, видѣнный мною десять лѣтъ тому назадъ и теперь стоящій передо мною, могутъ объективно быть существенно различными, такъ какъ питаніемъ (некробіотическимъ процессомъ) всѣ до малѣйшей его частицы тѣла совершенно замѣнились новыми, могли измѣниться его убѣжденія и чувства; такъ же точно мелодія, слышанная мною прежде, выходила изъ устъ другаго человѣка, инаго инструмента, — тѣмъ не меньше я ихъ признаю однимъ и тѣмъ же, потому что представленія и связи ихъ, теперь образовавшіяся, не отличаются отъ тѣхъ, которыя жили во мнѣ въ потенціальномъ состояніи. Если же я видѣлъ только даже по одному разу десять людей, изъ которыхъ каждый вызвалъ особенное во мнѣ представленіе, то я знаю, что эти люди всѣ отличны между собою, потому что разнородные атрибуты ихъ представленій мѣшаютъ ихъ слитію во едино.

Но отъ слитія представленій или связей во едино увеличивается масса ихъ вещества, поэтому они должны больше привлекать къ себѣ питательнаго матеріала и извлекать изъ него большую потенціальную силу, дающую имъ способность къ легкому переходу въ дѣятельное состояніе и потому, чѣмъ чаще повторяются процессы познанія, тѣмъ они легче вспоминаются и тѣмъ энергичнѣе продуцируютъ интеллектуальную функцію. Чѣмъ чаще я видѣлъ человѣка или ландшафтъ, или слышалъ мелодію, тѣмъ они не только легче приходятъ мнѣ на память, но какъ будто стоятъ предъ моими глазами, мелодія какъ будто слышится моими ушами и я познаю малѣйшія ихъ черты, тоны и полутоны, ритмъ и темпъ, между тѣмъ какъ рѣдко видѣнные предметы вспоминаются гораздо труднѣе и смутно представляются въ познаніи: часть мелодіи вспоминается, а другая не можетъ придти на память или придти при большихъ усиліяхъ. На этомъ основывается польза частаго повторенія при заучиваніи наизусть. Это есть причина спеціального развитія памяти у людей, преимущественно занятыхъ какой нибудь одной особенною отраслью. Отличаясь замѣчательною памятью въ области ихъ занятія, они могутъ быть совершенно безпамятны для всего, что лежитъ внѣ этой области. Такъ напр., живописецъ, разъ видя человѣка, можетъ написать заглазно его портретъ, а мелодію, даже нѣсколько разъ слышанную имъ, не можетъ запомнить наизусть, потому что частное содержаніе представленія человѣка, какъ очертаніе лица, линій носа, цвѣтъ лица, глазъ, волосъ и т. д., такъ часто повторялись, что соеди-

ненные вмѣстѣ въ одномъ представленіи, они легко воспроизводятся со всѣми деталями, а какъ слуховыя представленія и связи рѣдко имъ помнятсѣя, то они слабы и не могутъ легко и отчетливо воспроизвестись. Отъ этого зависитъ огромная польза для запамятованія предметовъ, получаемая не только частымъ повтореніемъ тѣхъ предметовъ на опытъ передъ органами чувствъ, но и частымъ громкимъ произношеніемъ названія этого предмета, или писаніемъ его названія. Тутъ одно представленіе составляется въ мышленіи изъ трехъ представленій: 1) объективнаго его содержанія, 2) представленія его слова, полученнаго чрезъ слухъ и мышечное чувство, 3) представленія его символа, создаваемаго въ насъ зрѣніемъ и мышечнымъ чувствомъ при движеніяхъ письма и рисованія. Такое сложное представленіе болѣе поглощаетъ питанія, нежели простое и имѣетъ большее число сторонъ для полученія толчка, нужнаго для воспоминанія.

Мы приняли, что всякая интеллектуальная связь или синтезъ представляетъ одно цѣлое; но каждую изъ этихъ связей отдѣльно мы можемъ сравнить съ подвижною тканью организма; стоитъ только привести въ активное движеніе одну часть ткани, то, если въ ней достаточно возбудительности, — вся ткань придетъ въ дѣятельность. Такъ мы видимъ, что, если познаніе нашихъ законовъ въ наукахъ и мышленіи образовалось въ насъ правильной постройкой, шедшей отъ элементарнаго знанія къ высшимъ синтезамъ и между всѣми частями этой постройки есть непрерывная связь, то весь синтезъ — отъ его интуитивныхъ, фундаментальныхъ элементовъ, до высшаго его развитія представляетъ одно большое, подвижное психо-интеллектуальное тѣло. Стоитъ только, чтобы какая нибудь изъ составныхъ частей этого синтеза пришла въ движеніе, чтобы онъ весь, какъ одно цѣлое, пришелъ въ дѣятельное состояніе, развивая все содержащееся въ законѣ и въ его частныхъ синтезахъ знаніе. Между тѣмъ, какъ законы, мысли и убѣжденія, взятые на вѣру, безъ правильной постройки снизу, въ то время, когда они нужны, т. е. когда въ мышленіи работаетъ низшая относительно ихъ дѣятельная мыслевая группа, средняя имъ по содержанію, они не вызываются къ дѣятельности и вообще легко забываются. Этимъ отличается основательное знаніе, полученное долгимъ трудомъ отъ легкой жатвы верхушекъ знанія, которая есть величайшій недостатокъ нашего современнаго интеллигентнаго общества.

Нѣкотораго рода независимость и самостоятельность питанія соб-

ственно психо-интеллектуальныхъ процессовъ отъ мозга, выражается очень ясно въ проявленіяхъ памяти. Такъ, если одинъ и тотъ же предметъ порождаетъ долгія и глубокія думы въ человѣкѣ, то появляется очень сильная интеллектуальная усталость. Человѣкъ теряетъ возможность припомнить факты и имена, соображать въ области предмета устало мышленія, соотвѣтствующіе факты познанія съ трудомъ или вовсе не переходятъ изъ потенциальнаго въ дѣятельное состояніе; между тѣмъ, какъ вслѣдъ за этимъ новый предметъ обдумыванія можетъ вызвать дѣятельную работу мышленія и воспоминанія. Такъ напр. лекція или беседа объ одномъ и томъ же предметѣ, продолжаясь долго, вызываетъ къ концу сильнѣйшее утомленіе мысли. Слушатели, заинтересованные сначала, зѣваютъ подъ конецъ, лица ихъ носятъ печать утомленія; явится новый лекторъ, новый предметъ для разговора и прежнее вниманіе оживаетъ, лица дѣлаются веселѣе.

Если бы утомленіе памяти и соображенія въ этихъ случаяхъ зависело только отъ ослабленія мозговой функціи, то послѣ перваго утомленія всякая мыслевая работа и память пошли бы одинаково вяло, а между тѣмъ мы видимъ, что съ перемѣной предмета мышленія, т. е. съ введеніемъ въ мыслевую работу факторовъ, до того отдохавшихъ, прежнее утомленіе и ослабленіе памяти исчезаютъ вмѣстѣ съ прежними дѣятелями мышленія. Слѣдовательно, сила и слабость памяти обуславливается и независимо отъ мозга, а зависитъ отъ состоянія самыхъ дѣятельныхъ элементовъ мышленія. Запасъ потенциальной силы, добываемый мозгомъ и психо-интеллектуальными тѣлами изъ пищи недостаточенъ для постоянной мыслевой дѣятельности. Вслѣдствіе этого, послѣ болѣе или менѣе продолжительной мыслевой работы (обыкновенно къ ночи) запасная потенциальная сила истощается и такимъ образомъ вся мыслевая функція, равно и память, слабѣютъ. Является потребность сна, среди котораго процессъ питанія и обмѣна веществъ одинаково продолжается, какъ и на яву; но, вслѣдствіе покоя мыслевой дѣятельности — полученная изъ крови потенциальная сила мало расходуется и остается запасомъ на мыслевую работу слѣдующаго дня. Оттого „утро вечера мудренѣе“ и процессъ воспоминанія и памяти утромъ совершается гораздо энергичнѣе, и чѣмъ ближе къ вечеру — болѣе и болѣе слабѣетъ.

Болѣзни, истощающія питаніе организма вообще, какъ тифы, дифтериты и др. оставляютъ на долго и по выздоровленіи большую слабость памяти, которая постепенно крѣпнетъ съ общимъ улучшеніемъ питанія

организма. Что это ослабленіе зависитъ исключительно отъ ослабленія мозгового творчества и функціи доказываютъ многочисленныя случаи въ лѣтописяхъ патологій, гдѣ послѣ сказанныхъ болѣзней память совершенно теряется, такъ, что даже ученые забываютъ читать и писать и все прежде познанное. Если бы это ослабленіе зависѣло только отъ ослабленія функціи мозговыхъ ячеекъ, то съ возстановленіемъ его питанія должны были бы вернуться человѣку и все его познанія, — на дѣлѣ этого часто не бываетъ. Не смотря на полное возстановленіе силъ, эти больные должны снова принятися за ученіе, чтобы воскресить ослабленныя интеллектуальныя тѣла и связи, которыя безъ укрѣпленія ихъ организаціи новымъ творчествомъ не могутъ отъ обычнаго толчка сами по себѣ придти въ дѣятельное состояніе. Между тѣмъ, какъ тѣ интеллектуальныя тѣла и ихъ связи, которыя до болѣзни были сильнѣе, отъ частаго повторенія въ мыслевой дѣятельности, сами по себѣ и раньше другихъ дѣлаются способными къ воспоминанію. Понятно, что и болѣзнь самой ткани мозга, какъ напр. послѣ воспаленія отъ экссудатовъ въ оболочкахъ мозга, въ желудочкахъ, отъ патологическаго измѣненія самихъ мозговыхъ ячеекъ (жировое перерожденіе ихъ) и т. д., если эти процессы дѣйствуютъ на ячейки образующія интеллектуальныя и психическія формаціи, то они должны ослабить или уничтожить память, потому что этимъ уничтожается необходимый стимулъ для вызванія чрезъ посредство внѣшняго опыта тѣлъ изъ потенціальнаго въ активное состояніе. Независимо отъ этого, болѣзнь мозга имѣетъ вліяніе не только на собственное питаніе, но и на питаніе всего психо-интеллектуальнаго организма, потому что послѣдній получаетъ свою пищу чрезъ посредство мозговыхъ сосудовъ.

Вышеизложенныя начала для теоріи памяти прямо вытекаютъ изъ нашего ученія о психическихъ процессахъ вообще, подчиняющихся вполне біо-механическимъ законамъ, господствующимъ въ живомъ организмѣ. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію нашей теоріи о памяти, мы постараемся привести главныя существующія ученія объ этомъ процессѣ съ критическимъ ихъ освѣщеніемъ.

Память есть необходимый атрибутъ всѣхъ актовъ, составляющихъ нашу психическую жизнь; безъ нея немислимо мышленіе и невозможны его результаты, все пріобрѣтаемыя познанія безъ памяти остаются въ насъ мертвой буквой. Въ теоріи памяти каждаго психологическаго ученія и въ примѣненіи этой теоріи къ частнымъ психическимъ случаямъ

можетъ только выразиться состоятельность или неудовлетворительность всей психической теоріи. Пусть читатель сравнитъ и судитъ.

§ 2. Главныя теоріи памяти настоящаго времени.

Съ тѣхъ поръ, какъ фізіологи начали подводить психическіе процессы подъ общіе законы фізіологическихъ функцій, и привели психическую функцію въ причинную зависимость отъ мозга, они объясняли память воспроизведеніемъ прежней функціи мозга; говорили, что воспроизведеніе это дѣлалось легче и не нуждалось въ первоначальномъ матеріалѣ, вслѣдствіе навыка или расположенія слѣда, оставляемаго въ мозговыхъ ячейкахъ разъ совершившейся функціей. Въ этомъ навыкѣ они видѣли объясненіе того, что память каждаго психического процесса увеличивается съ его повтореніемъ. Даже Шопенгауеръ (op. cit.) сравниваетъ память „съ складками сукна, которое, сложившись нѣсколько разъ по однимъ и тѣмъ же складкамъ, ложится по нимъ легче, чѣмъ по новымъ“.

Вундтъ* объясняетъ память тѣмъ, что „измѣненія въ мозгу, оставляемыя впечатлѣніями, нельзя признать за остающіеся слѣды, а скорѣе какъ расположенія „Dispositionen“, при чемъ въ физическомъ смыслѣ рѣчь идетъ не объ объективномъ (aktuelle), а потенциальномъ сохраненіи (Fortdauer) впечатлѣній, т. е. что тѣ нервные элементы мозга, которые были возбуждены при образованіи извѣстнаго представленія, сохраняютъ способность, независимо отъ наружнаго мотива, снова образовать въ себѣ тоже возбужденіе въ той же формѣ и содержаніи...“**.

* Wundt, Vorlesungen über die Menschen und etc. I. 13. S. 384. 1863.

** Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой теоріи памяти служило слѣдующее наблюденіе Югана Миллера: Извѣстно, что, если долго смотрѣть на одну краску, то нервный аппаратъ зрѣнія утомляется. Это утомленіе выражается тѣмъ, что, если въ такомъ состояніи посмотришь на бѣлый цвѣтъ, то впечатлѣніе цвѣта, утомившаго зрѣніе, пропадаетъ въ бѣломъ, а человекъ на мѣсто бѣлаго видитъ цвѣтъ, дополняющій прежде видимый цвѣтъ. Такъ послѣ долгаго дѣйствія на глаза зеленого цвѣта, бѣлое кажется краснымъ и наоборотъ. I. Миллеръ нашелъ, что и послѣ сильнаго воспроизведенія воображеніемъ воспріятій цвѣта (т. е. когда объекты цвѣтовъ не находятся передъ глазами), воспроизведенныя памятью воспріятія вызываютъ такое же утомленіе опущенія, какъ при непосредственномъ дѣйствіи цвѣта на глаза, хотя въ слабѣйшей степени. Въ этомъ хотѣли видѣть доказательство того, что при воспоминаніи извѣстнаго процесса опыта дѣлается повтореніе того процесса въ нервахъ органовъ чувствъ и ячейкахъ мозга, какъ

Въ предпоследнемъ своемъ сочиненіи * Вундтъ еще больше развиваетъ вышеизложенное объясненіе памяти. „При репродукціи представлений“, говоритъ онъ, „совершается нѣчто, что совершенно согласуется съ физиологическимъ (навыкомъ) упражненіемъ. Привычку ассоціаціи мы можемъ также хорошо назвать упражненіемъ или навыкомъ въ ассоціаціи опредѣленныхъ представлений, и принципію средства подчиняется правилу, что всякій процессъ упражненіемъ долженъ способствовать функциональному расположенію для повторенія подобнаго же процесса. Если допустить, что всякое представленіе сопровождается центральнымъ возбужденіемъ со стороны органовъ чувствъ, то нужно предположить, что вліяніе физиологическихъ упражненій, играющихъ важную роль при процессахъ проводимости, рефлекторнаго возбужденія и т. д. тоже должно быть принято въ соображеніе. Всякое возбужденіе центральной чувственной области должно оставлять за собою расположеніе къ возобновленію этого возбужденія“.

Далѣе онъ говоритъ (см. стр. 795): „Въ этомъ собственно лежитъ преобладающее значеніе центральныхъ органовъ, что въ нихъ, согласно способности ихъ структуры, остается расположеніе возобновлять прежнія возбужденія органовъ чувствъ и въ тѣхъ соединеніяхъ, къ которымъ ихъ привели средство и привычка“.

Но эта теорія, осязательнѣе другихъ выражающая воззрѣнія на память всѣхъ психологовъ такъ называемой физиологической школы, кажется убѣдительною только при поверхностномъ обзорѣ фактовъ памяти; при болѣе же обстоятельномъ анализѣ и критикѣ всѣхъ явленій памяти не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Если всякое мышечное движеніе съ повтореніемъ этого движенія дѣлается легче и отчет-

то было при первоначальномъ образованіи того воспріятія. Но это наблюденіе, основанное на самочувствіи самого наблюдателя, вводитъ въ оцѣнку значительную участіе воображенія, не имѣя никакой объективной почвы и средства для провѣрки этого самочувствія. Воспріятіе утомленное долгою дѣятельностію можетъ потерять силу сознанія и независимо отъ перва и мозговыхъ ищеекъ. Безспорнымъ доказательствомъ ложности этого наблюденія служатъ тѣ многочисленныя факты, гдѣ люди, страдающіе въ продолженіе многихъ лѣтъ параличемъ нервовъ органовъ чувствъ въ состояніи съ болѣею отчетливостію воспроизводить воспріятія полученныя ими чрезъ посредство тѣхъ же нервовъ во время ихъ нормальной функціи. Такъ потерявшіе зрѣніе въ дѣтствѣ вслѣдствіе паралича зрительныхъ нервовъ могутъ съ точностію воспроизводить въ своей памяти солнечный цвѣтъ, цвѣта и формы предметовъ, видѣнныхъ ими до потери зрѣнія.

* Grundzüge der Physiol. Psychologie S. 789 und folg. 2 H. j. 1874.

ливѣе, то это зависитъ отъ того, что съ большимъ притокомъ крови, сопровождающей каждое движеніе, питаніе ея усиливается, масса сократительной ткани растетъ и потому ея сокращеніе съ повтореніемъ дѣлается сильнѣе. Кромѣ того, съ каждымъ движеніемъ мышцы измѣняется отношеніе къ ней кости, приводимой этимъ сокращеніемъ въ движеніе. Онѣ шлифуются и больше и больше своей формой примѣняются къ сказанному движенію. Эти и подобныя условія способствуютъ тому, что одно и то же движеніе съ каждымъ повтореніемъ становится легче. Если допустить аналогичныя условія для памяти отъ повторенія представленій и ихъ ассоціацій, то можно было бы, по ученію Вундта, принять только количественное увеличеніе памяти вообще, а не частныхъ случаевъ; потому что, по ученію Вундта, какъ мы видѣли въ I томѣ интеллектуальные процессы обусловливаются только химическими процессами въ мозговыхъ ячеекахъ, а нервы и мозговья ячейки вообще, служація для образованія воспріятій, ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются. Слѣдовательно, его *Dispositionen* могутъ объясниться только увеличеніемъ отъ повторенія мозговыхъ ячеекъ, большимъ притокомъ къ нимъ питательнаго матеріала для окисленія т. е. функціи.

Мы знаемъ, что послѣ прекращенія функціи каждаго органа, питаніемъ восстанавливается его равновѣсіе, и потому повтореніе интеллектуального процесса могло только оставить расположеніе къ плюсу прежней работы (увеличеніемъ массы ячейки и питанія), еслибы опять повторились условія, вызывающія эту же самую функцію, а не къ самостоятельному повторенію процесса безъ этихъ условій. Если человѣкъ, привыкая къ измѣренію различныхъ пространствъ, совершенствуется въ глазомѣрѣ, то это усовершенствованіе никакъ не можетъ объясниться увеличеніемъ расположенія къ этой функціи, а скорѣе образованіемъ различныхъ представленій пространства изъ опыта, такъ что каждое опредѣленное движеніе глазъ вызываетъ къ дѣятельности изъ многихъ подобныхъ представленій величины разстоянія—одно только, а именно то, которое уже прежде на опытѣ соединялось съ даннымъ ощущеніемъ движенія глазъ. При чемъ же тутъ улучшенное повтореніемъ расположеніе въ нервахъ и въ мозговыхъ ячеекахъ къ оцѣнкѣ одного только изъ многихъ познанныхъ разстояній? Частое повтореніе различныхъ движеній глазъ при изученіи тѣхъ или другихъ разстояній могло бы дать только, согласно теоріи Вундта, понятіе о разстояніи вообще, а не

частныхъ его измѣреній; такъ какъ обзорѣніе различныхъ пространствъ у привычныхъ къ тому людей повторяется болѣе или менѣе равномер-но, то при обзорѣніи каждаго отдѣльнаго пространства, всѣ преж-нія, привычныя представленія другихъ пространствъ должны тоже возобновляться въ памяти и мѣшать познанію каждаго частнаго случая разстоянія.

Далѣе, если представленія внѣшнихъ объектовъ, словъ и дѣйствій суть, какъ признано всѣми, сложные продукты, образовавшіеся изъ соединенія различныхъ воспріятій въ различныхъ областяхъ мозга, отвѣчающихъ различнымъ органамъ чувствъ, то какое же расположеніе къ функціи можетъ способствовать къ возобновленію въ сознаніи того или другаго представленія, когда отдѣльныя, его составляющія воспріятія, входятъ какъ составные элементы во многія разнородныя представленія. Въ такомъ случаѣ воспріятіе должно было бы всегда вызывать представленіе, въ которомъ чаще всего повторялось то воспріятіе, или же всѣ представленія, его въ себѣ содержащія. На дѣлѣ мы видимъ совершенно другое. Такъ напр. я вижу зеленый цвѣтъ въ листь-яхъ деревъ, въ травѣ, въ абажурѣ моей лампы, въ цвѣтѣ обоевъ моей комнаты и т. д. Но не смотря на то, что я вижу предъ собою почти по-стоянно зеленые обои моей комнаты, я при видѣ зеленого цвѣта могу также вспомнить зеленый лугъ, малахитъ или другой зеленый предметъ, вовсе не думая о моей комнатѣ. Еслибы одно изъ представленій содержащихъ зе-леный цвѣтъ, какъ свой атрибутъ, пришло мнѣ на память, то очень рѣд-ко вокругъ него силой памяти ассоціируется группа прежнихъ представ-леній, только въ силу содержанія каждымъ изъ нихъ атрибута зеленого цвѣта, какъ его воспріятія. Гораздо чаще группировка памятью представ-леній въ каждомъ данномъ случаѣ мышленія обуславливается или связью первоначально дѣятельнаго представленія съ другими, *съ которыми оно связалось* слѣдованіемъ во времени или сосуществованіемъ въ пространствѣ, или преобладающимъ большимъ сродствомъ пред-ставленій другими частями ихъ содержанія. Вундтъ говоритъ: „Въ томъ именно заключается преобладающее значеніе централь-ныхъ органовъ, что въ нихъ вслѣдствіе расположенія ихъ струк-туры, остается расположеніе (Disposition) возобновлять прежніи возбужденія чувствъ и именно въ тѣхъ соединеніяхъ, которыя обра-зовались сродствомъ и привычкой“ (см. стр. 795 *op. citat.*). Спра-шивается: какъ можно согласовать съ мнѣніемъ Вундта нѣсколько выше-

изложенное противорѣчіе, но и вообще возобновленіе въ памяти кромѣ представленій и ихъ связей, отвлеченныхъ понятій и законовъ? При этомъ, по теоріи Вундта, возобновленіе въ памяти этихъ сложныхъ синтезовъ должно было предшествовать возобновленіе ихъ постройки изъ ихъ первоначальныхъ элементовъ и только путемъ постепеннаго воскресенія въ памяти послѣдовательныхъ синтезовъ могли бы получиться эти послѣдніе результаты, а между тѣмъ мы видимъ совершенно наоборотъ, что не только представленіе, но и отвлеченное понятіе и индукціи разомъ приходятъ въ память, какъ одно цѣлое, самостоятельно существующее и при томъ съ быстротой, не допускающей возможности повторенія первоначальной постройки.

Наконецъ, какимъ образомъ причина памяти можетъ скрываться въ навыкѣ центральнаго органа къ образованію извѣстнаго представленія или связей представленій, когда нерѣдко бываетъ, что представленіе, одинъ только разъ образовавшись изъ опыта, никогда не забывается. Такъ это бываетъ съ представленіями и ихъ связями, которыя съ самаго начала образовались съ значительной энергіей, такъ напр. вслѣдствіе участія въ немъ чувства или другихъ обстоятельствъ. Такія представленія могутъ впродолженіе десятковъ лѣтъ жить въ человѣкѣ безъ возобновленія ихъ въ сознаніи памятью, пока какое нибудь новое впечатлѣніе или условіе ассоціаціи не вызоветъ его изъ покоя въ сознаніи съ той же почти силой и отчетливостью, какъ оно познавалось при первоначальномъ его образованіи? Причемъ же здѣсь навыкъ и расположеніе къ возобновленію въ первыхъ волокнахъ и мозговыхъ ячеекѣхъ, когда питаніемъ давно были унесены послѣдніе атомы тѣхъ волоконъ и ячеекъ, которыя участвовали въ первоначальной функціи, когда съ тѣхъ поръ ячейки и нервныя волокна уже успѣли привыкнуть къ другимъ представленіямъ и познавательнымъ процессамъ? Какимъ образомъ напр., когда я посѣтилъ на старости деревню, оставленную мною въ дѣтствѣ, во мнѣ при видѣ стула, на которомъ часто сиживала старуха — моя няня, не только воскресаетъ со всѣми подробностями ея образъ — съ морщинами, съ прядями сѣдыхъ волосъ, ея изогнутая спина, особенная манера вязать чулокъ, но и ея потаенный шканикъ въ стѣнѣ, искусно скрытый, куда она прятала свои вещи и т. п. Многіе годы я не думалъ о нянѣ, и съ тѣхъ поръ множество старухъ встрѣчалось мнѣ въ жизни; отчего же привычное представленіе старухи-экономки, которую я ежедневно ви-

дѣлъ въ послѣдніе годы, не замѣнило собою представленія той давно забытой няни? Откуда при видѣ только стула взялся во мнѣ матеріалъ для образованія того представленія няни? Не ясно ли, что этотъ образъ няни жилъ многіе годы въ моей душѣ безъ моего вѣдома, какъ цѣльное и самостоятельное существованіе, и стоило только посмотреть на знакомый стулъ, какъ его представленіе вызвало къ дѣятельности тѣсно связанное съ нимъ въ пространствѣ представленіе няни и всѣ другія вмѣстѣ познанныя.

Если объяснять навикомъ большую ловкость въ какой нибудь дѣятельности, нежели въ другихъ, то нужно допустить, что способность къ этой дѣятельности должна расти пропорціонально ея повторенію. Извѣстно, что навикъ, какъ бы онъ ни былъ развитъ прежде, теряется отъ долгаго бездѣйствія. Упражненіе въ другой дѣятельности практикуемое въ послѣдніе годы на счетъ первой должно вызвать большую ловкость въ совершеніи послѣдней, нежели первой, давно не повторявшейся. Въ дѣлѣ памяти мы видимъ совершенно другое, а именно: при ослабленіи мозговой дѣятельности, вслѣдствіе болѣзни или старости, представленія послѣдняго, свѣжаго опыта и ихъ связь, безпрестанно повторяющіяся въ сознаніи, болѣе или менѣе воспоминаются съ трудомъ, или совершенно не возобновляются памятью, не смотря на всѣ усилія воспоминающаго. Не смотря на то, у этихъ же самыхъ людей ряды представленій давно пережитаго дѣтства или юности, о которыхъ рѣдко вспоминалось, при всякомъ удобномъ случаѣ выплываютъ въ памяти со всею ясностію и точностію. Если бы память зависѣла только отъ функціи мозга, или отъ большаго навыка къ извѣстной функціи, то, при болѣзненномъ подавленіи мозговой функціи, прежде образовавшіяся представленія и ихъ связи вовсе не должны были бы возобновляться въ памяти; а если можно было-бы ожидать преимущества для извѣстнаго рода представленій, то, безъ сомнѣнія, оно должно было бы выпасть на долю тѣхъ, которыя въ послѣднее время часто повторялись, а не тѣхъ, которыхъ давно не было въ познаніи.

Между психологами, особенно прошлаго времени, а отчасти и настоящаго, существовала и теперь проповѣдывается теорія о памяти, противоположная вышензложенной. Они видятъ въ памяти чисто духовное отправление, не подлежащее какому нибудь научному объясненію. Впечатлѣнія опыта и его продукты вступаютъ въ душу и, дѣлаясь ея достояніемъ, перестаютъ представлять собою функцію, а воспро-

изводятся въ сознаниі не механическими законами, а душевной волей. Такъ напр. Фихте сынъ помѣщаетъ въ душѣ отпечатки или слѣды исчезнувшихъ воспріятій. Эти слѣды онъ называетъ актами духа, о которыхъ онъ вспоминаетъ, какъ о собственныхъ своихъ, имъ пережитыхъ состояніяхъ.

Даже матеріалистъ Локке * говорилъ: „думаютъ, что идеи сохраняются въ нашей памяти, но это значить, что нигдѣ, а только въ душѣ есть способность возобновлять ихъ, когда захочется“. Нашъ соотечественникъ Ушинскій ** опредѣляетъ память слѣдующимъ образомъ: „способность сохранять слѣды ощущеній въ формѣ первыихъ слѣдовъ и въ формѣ идей, вызывать эти слѣды снова къ сознанию, ассоціировать эти повторенныя ощущенія, вновь сохранять слѣды этихъ ассоціацій, вызывать эти слѣды ассоціаціи къ сознанию въ формѣ представлений, вновь комбинировать эти представленія въ ряды и группы, сохранять слѣды этихъ рядовъ и группъ въ ассоціаціяхъ привычекъ нервной системы и въ ассоціаціяхъ идей, вновь вызывать къ сознанию эти ряды и группы, вылетать изъ нихъ цѣлыя, болѣе или менѣе обширныя сѣти, сохранять слѣды этихъ цѣльныхъ сѣтей, привычекъ и идей, вотъ въ чемъ состоитъ дѣятельность памяти, а потому уже само собою видно все психическое значеніе этой способности“. Всѣ эти и подобныя метафизическія ученія о памяти, вслѣдствіе рѣзкаго противорѣчія, встрѣчаемаго ими въ самихъ явленіяхъ психической жизни, вслѣдствіе своей бессодержательности, не представляя ничего даже для приблизительнаго понятія о процессѣ памяти, потеряли вѣру всѣхъ положительныхъ психологовъ. Метафизика представляетъ память одной отвлеченной силой, прячущей все пережитое въ свой безконечный мѣшокъ, достающей опять изъ этого мѣшка и выставляющей на свѣтъ своего сознанія, согласно своему желанію и потребностямъ, то одно, то другое изъ прежде познанныхъ явленій, предметовъ, картинъ, прежнихъ сочетаній во времени и пространствѣ, забытыхъ идей, научныхъ законовъ и т. д. Но противъ такого возрѣнія говоритъ во 1) разница въ силѣ памяти каждаго изъ отдѣльныхъ процессовъ познанія, полученныхъ когда либо изъ опыта. Одни вспоминаются съ величайшей легкостью, какъ будто сами являются въ соз-

* Of. Human Underst. Ch. Н. 2.

** Ушинскій, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Т. I, стр. 305, 1868 г.

нати, безъ всякихъ усилій со стороны воли, другіе припоминаются съ трудомъ, а третьи, не смотря на усилія, не могутъ опять прійти въ сознаніе. Психологи уже знаютъ законы, вслѣдствіе которыхъ тотъ или другой процессъ закрѣпляется въ памяти и мнемоника учитъ этимъ приемамъ. Несомнѣнно доказано, что вслѣдствіе этихъ приемовъ укрѣпляется не память вообще, а только тѣ процессы познанія, къ которымъ были приѣмлены эти приемы, а всѣ остальные, не укрѣпившіеся такимъ механическимъ способомъ, такъ же легко забываются, какъ и прежде.

Во 2) Приверженцы вышеприведенныхъ ученій объясняли частное преобладаніе памяти однихъ процессовъ надъ другими тѣмъ, что сила памяти, хотя и для всѣхъ одинакова, но мозговой аппаратъ, вслѣдствіе своего неравномѣрнаго развитія или мѣстной болѣзненности, мѣшаетъ равномѣрно проявляться этой памяти въ сознаніи. Но, по ученію метафизиковъ, память состоитъ именно въ возобновеніи прежде познанныхъ процессовъ въ сознаніи, а если нѣтъ этого возобновенія, то и память въ этомъ смыслѣ есть только пустое слово. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ безпрестанныя доказательства прекращенія памяти совершенно независимо отъ мозговаго аппарата. Часто имя или фактъ не можетъ прійти намъ на память, не смотря на всѣ наши усилія, а нѣкоторое время спустя, при мышленіи совершенно одругомъ предметѣ, одно изъ дѣятельныхъ представленій можетъ случайно вызвать само собою къ изъ дѣятельности то, надъ воспоминаемъ чего мы тщетно прежде такъ долго и сильно трудились. Наконецъ, какимъ образомъ сила памяти справляется съ большимъ мозгомъ для отчетливаго возобновенія въ сознаніи давно прошедшаго, не умѣя вспомнить недавнее, не смотря на его частое повтореніе и на свѣжесть его впечатлѣнія?

3) При ассоціаціи представленій мы видѣли, что явленія памяти зависятъ отъ силы воспоминаемыхъ процессовъ и частныхъ связей между ними, и что въ насъ столько отдѣльныхъ памятей, независимыхъ другъ отъ друга, сколько отдѣльныхъ психо-интеллектуальныхъ процессовъ, начиная отъ интуитивныхъ воспріятій и представленій до идей, отвлеченныхъ понятій и индукцій. Мы видѣли, что самый актъ воспоминанія есть чисто механическій и для того, чтобы то или другое колесо машины пришло въ дѣйствіе, нужно, чтобы внѣшняя сила задѣла одинъ изъ его зубцовъ. Если машина хорошо дѣйствуетъ, то мы сознаемъ только движеніе колесъ, если же трудно приводится въ дѣйствіе одно изъ колесъ, какъ это бываетъ при трудномъ воспоминаніи того

или другаго психическаго процесса, то мы сознаемъ, какъ въ насъ на это колесо тѣтено дѣйствуетъ то одна, то другая сила, пока одна изъ нихъ не задѣнетъ нужный зубецъ и тогда колесо завертится, т. е. въ нашемъ сознаниіи явится то, что мы съ такимъ трудомъ хотѣли вспомнить.

Весь вредъ метафизическаго ученія о памяти всецѣло отразился въ практическомъ дѣлѣ воспоминанія. Педагоги искали и предлагали средства для укрѣпленія памяти вообще, какъ невѣжи въ медицинѣ и шарлатаны отрывали панацею, т. е. лѣкарство, помогавшее отъ всѣхъ болѣзней. На мѣсто того, чтобы стремиться къ развитію и укрѣпленію того, что даетъ умственную силу и какъ одно изъ ея частныхъ проявленій — память, они все свое вниманіе обращаютъ на окончательный результатъ, т. е. на самую памать. Отголосокъ этихъ мнѣній мы находимъ у Ушинскаго * „Можно сказать безъ большой натяжки“, говоритъ онъ, „что воспитатель имѣетъ дѣло только съ одной паматью воспитанника, и что на способности памяти основывается вся возможность воспитательнаго вліянія“.

Гербартъ ** старался шаткому зданію метафизики придать больше устоя съ помощью чуждыхъ этому ученію научныхъ основъ. По его теоріи представленіе есть средство самоохраненія души противъ разстроивающихъ вліяній другихъ простыхъ предметовъ. Разъ образовавшееся представленіе должно безъ ослабленія продолжаться, какъ „дѣятельность“ представленія, но эффектъ этой дѣятельности — представленная картина ослабляется, или совершенно прекращается, при чемъ дѣйствительное представленіе превращается въ одно стремленіе къ представленію. Имъ признается за единственную причину прекращенія сознанія представленія — ограниченность сознанія, выражающаяся въ томъ, что оно можетъ объять только незначительное число представлений. Представленіе теряетъ свою сознательную способность, когда въ душѣ одновременно должны дѣйствовать противоположныя представленія. Представленія исчезаютъ изъ сознанія, вслѣдствіе давленія на нихъ противоположныхъ представлений, когда давленіе на нихъ прекращается, они сно-

* Вышеприведенное сочиненіе т. I стр. 308.

** Herbart, Psychologie als Wissenschaft: § 36 und 41 Lehrbuch der Psychologie Cap. 11 u. f. und Hauptpunkte der Metaphys. §. 13 (Bd. III. S. 41). Цитировано Вуадтомъ см. Grundzüge etc. 2 H. p. 796.

ва появляются въ сознаниі. Такъ какъ я обстоятельно незнакомъ съ сочиненіемъ Гербарта, тоя проведу мнѣіею немъ Вундта и Ланге. Вундтъ* допускаетъ, что „изложенные доселѣ принципы теоріи Гербарта, представляютъ хотя спорную, но еще возможную гипотезу, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о дальнѣйшемъ развитіи его ученія“*.

Но именно то обстоятельство, что у Гербарта представленія не суть отдѣльныя тѣла, развивающія силу сознанія, а сама представляющая дѣятельность души, проявляющаяся въ различной силѣ сознанія въ различныхъ представленіяхъ, даетъ право Вундту сдѣлать ему слѣдующее возраженіе (*ibidem*): „Намъ наше сознаніе извѣстно только изъ нашихъ представленій также точно, какъ мы знаемъ наши представленія только изъ сознанія. Поэтому несознанное представленіе такъ же точно, какъ не представляющее сознаніе—есть понятіе безъ содержанія.

* Op. citat. p. 796.

** Примѣчаніе. „Гербартъ присоединяетъ къ предъидущей еще слѣдующую гипотезу: Отдѣльныя (*disparate*) представленія не связываютъ другъ друга (*hemmen sich nicht*), а образуютъ complicацію простыхъ представленій и что въ представленіяхъ того же содержанія (*desselben Sinnes*) элементы не связываютъ другъ друга, а сливаются между собою. При равномъ противопоставленіи (*Gegensätzen*) различныхъ представлений, давленіе (*die Hemmungen*), ими испытываемое, обратно пропорціонально ихъ силѣ (*Ihren Intensitäten*) и при одинаковой силѣ (*bei gleichen Intensitäten*) давленіе, испытываемое каждымъ отдѣльнымъ представленіемъ, прямо пропорціонально суммѣ противодѣйствій, въ которыхъ они находятся относительно другихъ представлений. Этимъ опредѣленіемъ связыванія (*Hemmungsverhältnisses*) не дается понятія объ отношеніи представлений въ сознаніи. Для этой цѣли очевидно необходимо знать не только отношенія связыванія представлений, но абсолютную силу представленія, остающуюся послѣ даннаго связыванія. Мы не знаемъ этой абсолютной силы. Гербартъ для выполненія этого недостатка знанія прибѣгаетъ къ гипотезѣ, а именно: онъ принимаетъ, что абсолютная сумма связывающихъ силъ возможно мала, что она тогда имѣетъ мѣсто, когда противодѣйствіе совершается не со стороны всѣхъ представлений противъ всѣхъ, а всѣхъ противъ одного, а именно, противъ того представленія, которое имѣетъ меньшее количество противодѣйствія. Это предположеніе Гербарта не только произвольно, но и совѣшено не вѣроятно. Когда два представленія *a* и *b* находятся между собою въ сильной борьбѣ (*in starken Gegensätze*) и если къ нимъ присоединяется третье *c* меньшаго противодѣйствія, то вдругъ *a* и *b* должны прекратить свою борьбу, чтобы накинуться на болѣе имъ сродное представленіе *c* на подобіе того, какъ два ожесточенные врага нападаютъ на невиннаго третьяго, который явился посредникомъ между ними. Единственное основаніе для этого утвержденія есть слѣдующая телеологическая идея Гербарта: такъ какъ всѣ представленія противодѣйствуютъ ихъ связыванію, то цѣлесообразіе для нихъ будетъ довольствоваться малѣйшей силой, стремящейся ихъ связать; при чемъ невольно навязывается вопросъ: отчего они лучше совсѣмъ не прекратятъ эту безцѣльную работу“?

Представленіе не представляемое не есть представленіе. Эмпирическій фактъ тѣсноты сознанія можетъ только объяснить обстоятельство, что не всѣ представленія, могутъ вмѣстѣ сознаваться. "Но какъ ни вѣски слова Вундта относительно ученія Гербарта, они вполне грѣшатъ противъ истины, если ихъ приложить къ фактамъ мышленія. Что представленія въ насъ живутъ, хотя долго совершенно не сознаются, несомнѣнно доказываетъ фактъ ихъ возобновленія въ памяти даже въ тѣхъ случаяхъ, когда опытъ въ то время не представляетъ ни малѣйшаго матеріала для ихъ образованія. Мы ниже увидимъ, что успокоившіяся представленія могутъ дѣлаться дѣятельными, хотя ихъ дѣятельность совершенно не сознается, такъ напр., когда, вслѣдствіе сильной связи рядовъ представленій, они приходятъ къ дѣятельности съ большей скоростью, нежели того требуетъ актъ сознанія. Такъ напр., виртуозъ, играя на инструментѣ, несомнѣнно каждое движеніе дѣлаетъ вслѣдствіе предшествовавшаго ему въ мышленіи представленія звука и представленія движенія, которое нужно употребить для вызванія того звука, хотя отдѣльно эти представленія не сознаются, не смотря на то эффектъ ихъ дѣятельности получается такой же, какъ и въ случаяхъ, если бы они сознавались.

Наконецъ, нѣкоторые психологи развивали свое ученіе о памяти между вышеизложенными двумя крайними теоріями. Они принимаютъ, что бывшее въ сознаніи представленіе, при переходѣ въ безсознательное состояніе, оставляетъ слѣдъ — по нѣкоторымъ въ мозгу, по другимъ — въ душѣ, и наконецъ по нѣкоторымъ — тутъ и тамъ вмѣстѣ. Такъ Фихте-сынъ помѣщаетъ эти отпечатки или слѣды исчезнувшихъ воспріятій въ душѣ.

Болѣе разработалъ эту теорію слѣдовъ Бенеке *, который данныя, полученныя имъ въ мутномъ источникѣ самоаблюденія и самосознанія, непосредственно примѣнилъ къ постройкѣ своей психологической теоріи. Бенеке принимаетъ, что образованіе въ насъ представленій зависитъ отъ двухъ элементовъ: первый — составляетъ субъективная, врожденная психическая способность, которую онъ называетъ „Urvermögen“, а второй — внѣшнія раздраженія. Слѣдовательно, каждое представленіе

* Friedr. Ed. Beneke, psychologische Skizzen 1827. Lehrbuch der Psychologie u. Erziehungs und Unterrichtslehre 3 Aufl. bearbeitet von Dresler—1864.

состоитъ изъ воспріемника вѣшняго впечатлѣнія (раздраженія) и самаго раздраженія, *Urvermögen* есть только психическое стремленіе, которое тогда только дѣлается представленіемъ, когда оно соединится съ вѣшнимъ раздраженіемъ. Каждое отдѣльное представленіе образуется изъ отдѣльнаго *Urvermögen* и отдѣльнаго вѣшняго раздраженія. Исчезновеніе изъ сознанія представленій есть только кажущееся; представленія живутъ въ душѣ въ прежнемъ соединеніи, но часть раздраженія терится при этомъ отъ того, что, вслѣдствіе недостаточнаго закрѣпленія, уходитъ изъ даннаго *Urvermögen* и переходитъ къ другимъ.

Такимъ образомъ, изъ цѣльнаго представленія, съ уходомъ части его раздраженія, остается только его слѣдъ; вслѣдствіе этого оно перестаетъ созаваться и остается какъ безсознательное представленіе, или его слѣдъ. (*Spuren*). Но кромѣ слѣдовъ, которые состоятъ изъ собственно этихъ воспріемлющихъ способностей (*Urvermögen*), съ остатками только своего элемента т. е. ослабленнымъ раздраженіемъ, прежде воспріятымъ, и самый процессъ ухода элементовъ раздраженія тоже оставляетъ слѣдъ. Всякій такой слѣдъ стремится къ выполненію своего изъяна, т. е. потери изъ своего первоначальнаго раздраженія, а слѣдовательно и къ переходу вновь въ сознаніе. Для репродукціи представленія необходимо, чтобы элементы раздраженія, потерянные представленіемъ при переходѣ въ безсознательное состояніе, опять дополнились. Это можетъ случиться или отъ того, что переходятъ подвижные элементы раздраженія, какъ репродукція чрезъ ассоціированныя представленія, или чрезъ образованіе новыхъ *Urvermögen*, которыя притягиваютъ къ себѣ всегда находящіяся въ душѣ подвижные элементы раздраженія, какъ это бываетъ при самостоятельной (*Spontanen*) репродукціи. Очень вѣрно слѣдующее замѣчаніе Вундта на эту теорію: „но при этомъ ни чуть не объясняются причины движенія представленій. Отчего *Urvermögen* не удерживаютъ крѣпко при себѣ ихъ элементы раздраженія? Или, если имъ препятствуетъ въ этомъ развитіе новыхъ *Urvermögen*, то чѣмъ же удерживаются отъ ухода всѣ элементы раздраженія?“.

Слѣдовательно, по ученію Бенеке * „память вообще существуетъ только въ слѣдахъ представленій“, далѣе онъ говоритъ: „Такимъ об-

* Fr. Ed. Beneke. *Erziehungs und Unterrichtslehre* 3 Aufl. bearbeitet von S. G. Dressler 1864 s. 51 и 52.

разомъ, какъ не существуетъ общаго или чисто формальнаго развитія памяти, такъ съ другой стороны такъ же мало существуетъ и чисто матеріальное. Каждый остающійся слѣдъ (каждое приобрѣтеніе представленій, знаній) есть вмѣстѣ сила: тутъ только можно направить развитіе, основывать эти слѣды, чтобы были живыя, подвижныя и разностороннія силы, а не лѣнныя (träge) и безплодныя“. Гдѣ находятся слѣды по мнѣнію Бенеке? ** „въ душѣ; точнѣе мѣстопребываніе ихъ не можетъ быть опредѣлено; ибо, хотя изслѣдованія фізіологіи и показали, что психическая дѣятельность находится въ связи съ матеріальными началами головного мозга, т. е. съ мозговыми клѣточками, и что послѣднія служатъ прямыми посредниками между матеріальными и психическими элементами; однако этимъ доказывается только проникновеніе духа въ область матеріи, или, точнѣе, опредѣляется граница ихъ взаимнаго соприкосновенія; собственно же психическіе процессы, какъ бы ни была тѣсна ихъ связь съ матеріальными процессами, совершаются все таки по ту сторону этой границы. Слѣды составляютъ средній моментъ психической дѣятельности, т. е. моментъ, находящійся между первымъ проявленіемъ этой дѣятельности (возникновеніемъ) и вторичнымъ (воспроизведеніемъ); поэтому они не могутъ быть матеріальны“. Такимъ образомъ Бенеке, избѣгая одного противорѣчія, впалъ въ еще большій абсурдъ. Не только данныя науки, но простой смыслъ не можетъ допустить существованіе нематеріальнаго слѣда; вся суть слѣда именно состоитъ въ остаткѣ частицъ или формы, отпечатанныхъ въ веществѣ. Отымите вещественность въ слѣду, и онъ дѣлается безсмыслицей. Но если мы даже допустимъ возможность этихъ слѣдовъ, то спрашивается: отчего различныя представленія, въ составъ которыхъ входятъ общія нѣкоторымъ представленіямъ раздраженія, не перепутаются вмѣстѣ, а каждое представленіе живетъ въ насъ отдѣльно, и какъ таковое воспроизводится въ памяти? Если каждая врожденная воспріимлющая способность, съ полученіемъ вышшняго раздраженія, дѣлается представленіемъ, то мы знаемъ, что это раздраженіе должно быть не простое, а сложное, потому что всякій объектъ можетъ дѣйствовать на нѣсколько органовъ чувствъ, вызывая представленіе.

Положимъ, что при переходѣ представленія въ безсознательное состояніе теряется равная часть всѣхъ различныхъ видовъ раздраженій,

** Основанія психологіи и логики по Бенеке, составл. Дресслеромъ. Переводъ І. Паульсона 1871 стр. 48 и слѣд.

въ немъ заключавшихся, но если для возобновленія его дѣятельности присоединится вновь одна только часть изъ числа прежнихъ раздраженій, или всѣ части въ неравномѣрномъ распредѣленіи относительно прежняго, то и представленіе этимъ самымъ дѣлается другимъ и память, на основаніи ученія Векке, по нашему мнѣнію, должна была бы безпрестанно обманывать, подтасовывая другія представленія на мѣсто тѣхъ, которыхъ воспоминаіе именно требовалось.

Векке для каждаго интуитивнаго ви́шняго раздраженія принимаетъ врожденную воспріемлющую способность, и что оба эти элемента, соединившись въ вѣстѣ, даютъ въ каждомъ соединеніи представленіе воспріятія, то дѣлается совершенно невозможнымъ представить себѣ даже приблизительно, какимъ образомъ возобновляется въ памяти представленіе въ нашемъ сознаніи, состоящее изъ нѣсколькихъ воспріятій. Для этого необходимо было бы, чтобы всѣ слѣды воспріятій даннаго представленія получили бы разомъ и соотвѣтствующее прежнему подкрѣпленіе раздраженія, и чтобы сначала пришли въ дѣятельное состояніе отдѣльно, каждый изъ прежнихъ слѣдовъ воспріятій и чтобы послѣ они соединились въ одно представленіе. Но при этомъ переходѣ раздраженія отъ одного представленія на другое это раздраженіе можетъ дополнить и другіе слѣды, не принадлежащіе воспоминаемому представленію, тогда получится въ памяти совѣсмъ не прежнее представленіе, а другое.

Если изъ представленія улетучилась часть его раздраженія и это есть причина, почему представленіе превращается въ слѣдъ, т. е. перестаетъ сознаваться, то чѣмъ больше времени прошло отъ первоначальнаго образованія представленія, тѣмъ больше должна быть его потеря въ раздраженіяхъ, переходящихъ къ другимъ представленіямъ, т. е. тѣмъ слабѣе слѣдъ, слѣдовательно, тѣмъ больше требуется матеріала извнѣ для дополненія къ слѣду, чтобы дополнить его до сознательнаго представленія. Факты памяти, какъ мы видѣли, часто доказываютъ совершенно противоположное—нерѣдко свѣжія представленія совершенно теряются для памяти, или воспоминаются съ трудомъ, а давноузнанныя съ легкостью и отчетливостью. Приливъ крови, спиртъ или гашишъ также вносятъ раздраженіе въ мозгъ, но очевидно, что это раздраженіе не можетъ замѣнить то ви́шнее движеніе, котораго не достааетъ слѣду для его перехода въ сознательное представленіе, потому что эти раздраженія ничего общаго не имѣютъ съ содержаніемъ возбужденныхъ ими въ памяти представленій. Какъ тѣ раздраженія не могутъ вновь создать

представленія опыта, такъ они и не могутъ дополнить тотъ недостатокъ, котораго не достаётъ слѣду для сознательнаго состоянія *.

* Мы считаемъ долгомъ упомянуть еще о двухъ новѣйшихъ теоріяхъ о памяти французскихъ мыслителей. Первая изъ этихъ теорій принадлежитъ Луис'у. (I. Luys, Le cerveau et ses fonctions Ch. II. p. 112—129. a. 1879). По его ученію для естественнаго развитія памяти нужно съ одной стороны, чтобы периферическія области системы, передающія впечатлѣнія органовъ чувствъ, и съ другой центральныя области, которыя видоизмѣняютъ и поглощаютъ эти переданныя впечатлѣнія, были бы въ взаимныхъ правильныхъ отношеніяхъ физиологической проводимости и восприимчивости.

Первыя, воспринимая это чисто-физическое возбужденіе, его трансформируютъ на мѣстѣ дѣйствіемъ возбужденныхъ къ дѣятельности нервныхъ сплетеній, и въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ воплощаютъ въ организмъ „en quelque sorte l'animalise en l'incarnant dans l'organisme“. „Or, les cellules nerveuses périphériques retenant en elles-même, comme des leurs phosphorescentes, la trace de ces ébranlements qui les ont tout d'abord mises en vibration, il en résulte que ces impressions persistantes deviennent, à notre insu, comme une réserve de souvenirs périphériques latents, qui entretiennent les cellules des régions centrales partenaires dans une sorte de sympathie vibratoire persistante. Elles fertilisent à leur tour l'action de la mémoire centrale, et deviennent en quelque sorte un moyen de renforcement physiologique destiné à aviver, à entretenir son activité.“

Такимъ образомъ Луисъ разлитаетъ память периферическую (у педагоговъ mémoire des sens) отъ центральной (la mémoire mentale). Вслѣдствіе тѣсной связи между периферической частью нервной системы (plexus périphériques) и центральной областію (plexus du sensorium) возбужденія первой приходятъ въ кортикальную сѣть очищенными, animalisée par l'action métabolique propre des reseaux nerveux, въ этой кортикальной сѣти они превращаются въ психическое возбужденіе (en incitation psychique) „elle développe les energies latentes propres des cellules cérébrales, s'y imprime et s'y perpétue sous forme de vibrations persistantes comme une leur phosphorescente du monde extérieur“.

Другой французскій философъ Th. Ribot въ послѣднемъ своемъ сочиненіи (Th. Ribot, les maladies de la mémoire. Paris. 1881 г.) говоритъ слѣдующее о памяти: „Si donc nous essayons de nous représenter une bonne mémoire et de traduir cette expression en termes physiologiques nous devons nous figurer un grand nombre d'éléments nerveux, chacun modifié d'une manière particulière, chacun faisant partie d'une association et probablement apte à entrer dans plusieurs, chacune de ces associations renfermant les conditions d'existence des états de conscience. La mémoire a donc des bases statiques et des bases dynamique (p. 32).“

Далѣе на стр. 163. Рибо говоритъ, „En résumé, la mémoire est une fonction générale du système nerveux. Elle a pour base la propriété qu'ont les éléments de conserver une modification reçue et de former des associations. Ces associations, résultat de l'expérience, nous les avons appelés dynamiques, pour les distinguer des associations naturelles ou anatomiques. La conservation est assurée par la nutrition, qui fixe sans cesse parce qu'elle renouvelle sans cesse“.

Основная идея этихъ теорій есть таже физиологическая, о которой мы

Зависимость памяти отъ мозга и возраста.

Всѣ психологи признаютъ зависимость силы памяти отъ возраста человѣка. Уже въ ученіи Аристотеля * о памяти мы находили наглядное объясненіе этой зависимости. Въ молодости, говоритъ онъ, доска памяти еще свободна, но къ старости она занята (исписана) и потому нѣтъ мѣста для новыхъ впечатлѣній, которыя на ней прежде отпечатывались какъ на воскѣ. Фактъ большей силы памяти въ дѣтствѣ, ослабленія ея въ зрѣлыхъ годахъ, притупленія къ старости и наконецъ совершенной ея потери въ глубокой старости психологи приводятъ въ зависимость отъ различнаго состоянія мозга въ различныхъ возрастахъ. По ихъ мнѣнію, какъ мы выше видѣли, репродукція мыслевыхъ процессовъ въ сознаніи происходитъ только отъ повторенія прежде пережитаго процесса въ мозговыхъ ячейкахъ и нервныхъ волокнахъ. Они подтверждаютъ свое мнѣніе тѣмъ, что молодой мозгъ лучше функционируетъ и потому даетъ лучшую память. У стариковъ съ очень слабой памятью, или впавшихъ въ дѣтство и совершенно потерявшихъ память, находится мозгъ атрофированнымъ (уменьшеннымъ въ объемѣ), а мозговые полости увеличенными и наполненными жидкостью. Наконецъ, они видяхъ подтвержденіе своего мнѣнія въ томъ, что извѣстныя болѣзни мозга непосредственно влекутъ за собою потерю памяти.

Но мы уже не разъ убѣдились фактами, изложенными въ этомъ сочиненіи, что зависимость памяти отъ мозга есть только посредственная, и что при болѣе тщательномъ анализѣ и критикѣ отношенія явленій памяти къ мозгу мы можемъ убѣдиться, что они не могутъ никакъ быть связаны между собою какъ органъ и функція, какъ причина и слѣдствіе, потому что ихъ отношенія часто бываютъ непостоянными и даже противорѣчивыми. Такъ мы знаемъ, что дѣти до 4 лѣтъ имѣютъ очень слабую память, и все, что память намъ сохраняетъ съ дѣтства съ ясной отчетливостію, то это обыкновенно пережитое нами послѣ 4 лѣтъ, но никакъ не до того; между тѣмъ сравнительныя изслѣдованія мозга показали, что, развиваясь послѣ рожденія сильно до 2 лѣтъ, мозгъ послѣ этого возраста не измѣняетъ своей формы и конструкціи, а только увеличивался и потому считаемъ излишнимъ снова приводить аргументы ихъ несостоятельности. Ни „Phosphorescence des éléments nerveux“, ни ихъ питаніе не въ состояніи объяснить, даже приблизительно, не только явленія памяти въ высшихъ сферахъ, но и въ области простыхъ представленій.

* Aristotel. probl. XXX.

личивается въ объемѣ и дѣлается тяжелѣе, по однимъ до 20, а по другимъ до 40 и болѣе лѣтъ. Сила же того, что называютъ памятью, начинается убывать гораздо раньше, такъ напр. по Венеке около 12 лѣтняго возраста. Никто изъ педагоговъ не станетъ оспаривать несомнѣнный фактъ, что дѣти отъ 5 до 14 лѣтъ съ поразительною скоростью научаются чужимъ языкамъ, выучиваютъ наизусть стихи и слова, и что это ученіе достается имъ гораздо труднѣе впослѣдствіи, особенно послѣ 22 и болѣе лѣтъ, когда мозговая дѣятельность находится въ полной силѣ. Не смотря на это противорѣчіе между силой мозга и силой памяти мы, всмотрѣвшись поглубже, убѣждаемся, что послѣ 15 лѣтъ ослабѣваетъ не память вообще, а только такъ называемая чисто механическая, т. е. способность репродукціи связей представленій, образовавшихся не силой разума, а грубой эмпиріи, т. е. образовавшихся потому, что объекты этихъ представленій познанны вмѣстѣ въ пространствѣ или въ непосредственномъ слѣдованіи во времени; или ослабляется способность вспоминанія самихъ представленій и ихъ атрибутовъ, образующихся безъ всякаго усилія со стороны разума. Съ ослабленіемъ однако этой памяти рука объ руку идетъ развитіе памяти другого рода, гдѣ связи представленій удерживаются втѣстѣ и легко переходятъ изъ недѣятельнаго въ активное состояніе, а именно, тѣ психоинтеллектуальные синтезы и связи, которыя образовались силой ума, какъ ихъ причинной связью, средствомъ, количествомъ и т. п. Съ этого только возраста человѣкъ начинаетъ познавать законы, и память послѣднихъ продолжается до глубокой старости переживая то, что съ дѣтства заучено механическимъ путемъ.

Этотъ разладъ между развитіемъ мозга и силой памяти вообще съ одной стороны, а съ другой между однимъ видомъ проявленія памяти и другимъ ясно объясняется нашей теоріей. Мы знаемъ, что когда мозгъ въ концу втораго года отъ рожденія уже достигаетъ своей постоянной формы и строенія, въ немъ продолжаетъ еще образовываться элементарный интеллектуальный матеріалъ (воспріятія), изъ котораго только впослѣдствіи начинаетъ развиваться психо-интеллектуальный организмъ. Вначалѣ эти элементы, вслѣдствіе слабости очень юныхъ мозговыхъ ячеекъ и отъ недостатка повтореній, безсильны и потому легко забываются; впослѣдствіи они крѣпнутъ отъ повторенія ихъ на опытѣ и потому дѣлаются болѣе устойчивыми. Затѣмъ въ первые годы жизни начинаютъ развиваться отдѣльныя представленія объектовъ и ихъ атри-

буты, полученныя черезъ органы чувствъ; съ большимъ развитіемъ, представленія опыта соединяются между собою въ частныя эмпирическія связи, развивающія первыя познанія отношеній объектовъ.

Въ первые годы эти процессы составляютъ единственное богатство интеллектуальнаго организма. Они поглощаютъ всю потенціальную силу пищи, получаемую черезъ мозгъ, часто повторяются на опытъ и потому встрѣчаютъ всѣ условія для укрѣпленія и для легкаго перехода изъ потенціальнаго въ активное состояніе. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ, а слѣдовательно и съ дальнѣйшимъ ростомъ и дифференцированіемъ психо-интеллектуальнаго органа начинаютъ образовываться синтезы высшихъ психическихъ силъ, и въ интеллектѣ эмпирическія связи начинаютъ уступать свое мѣсто разумнымъ психическимъ. До того, пока еще высшіе процессы мышленія не успѣли образоваться, вниманіе ребенка возбуждается только всѣмъ внѣшнимъ; продукты этой внѣшности въ немъ крѣпнутъ и легко воспроизводятся. Съ развитіемъ же психическихъ процессовъ, его вниманіе входитъ внутрь, извнѣ сильнѣе воспринимается только то, что можетъ связаться съ дѣятельными въ немъ высшими законами мышленія. Каждый новый фактъ, извнѣ пришедшій, вызываетъ къ дѣятельности эти общіе законы, вслѣдствіе того они болѣе и болѣе крѣпнутъ на счетъ низшихъ процессовъ и связей и легче воспроизводятся памятью. Но такъ какъ мы знаемъ, что сила психическихъ связей противоположна механическимъ, грубоэмпирическимъ и съ помощью высшаго развитія психической связи въ человѣкѣ обыкновенно начинается психическій анализъ, т. е. распаденіе эмпирической связи на ея составныя элементы, то пропорціонально зарожденію и развитію психическихъ связей образованіе механическихъ встрѣчаетъ больше и больше противодѣйствія. Поэтому съ началомъ развитія ума въ человѣкѣ совпадаетъ ослабленіе его механической памяти. Отъ того въ зрѣломъ возрастѣ не только съ трудомъ заучиваются наизусть стихи и рѣчи, но и всякое заучиваніе, чего бы то нибыло, не связанное началами разума, противно внутреннему психо-интеллектуальному движенію и потому вызываетъ чувство отвращенія и неудовольствія. Я знаю многихъ мыслителей, которые въ молодости отличались прекраснымъ даромъ слова, потому что за легкостью воспроизведенія словъ въ рѣчи имъ не нужно было, что называется, „за словомъ лѣзть въ карманъ“; но съ углубленіемъ въ высшую мыслевую дѣятельность, эта способность все ослабѣвала, при разговорѣ они часто останавливались,

приискивая для своей мысли соответствующее слово и выражение. Люди, отличающиеся богатымъ мыслевымъ творчествомъ, бываютъ плохими ораторами, но память фактовъ и разумныхъ отношеній явленій у такихъ людей обыкновенно бываетъ поражающая своей ясностью и отчетливостью.

Все это достаточно доказываетъ, что память есть непосредственное проявленіе самихъ интеллектуальныхъ процессовъ, а не мозга. Еще нагляднѣе доказывается сказанное нами ослабленіемъ памяти послѣ мозговыхъ болѣзней, или въ глубокой старости. Эти люди постоянно забываютъ то, что случилось съ ними двѣ-три минуты тому назадъ; какъ бы часто ни повторялся предъ ними сознаваемый ими процессъ, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ въ ихъ познаніи больше не существуетъ, что доказывается тѣмъ, что никакими стимулами нельзя ихъ снова вызвать въ памяти. А между тѣмъ эти же люди передаютъ съ поразительной отчетливостью то, что пережито ими въ дѣтствѣ, 50 или 60 лѣтъ тому назадъ, или то, что происходило съ ними въ зрѣлыхъ годахъ, когда ихъ мозгъ энергично работалъ. Описано много случаевъ, потери людьми способности говорить на языкѣ, на которомъ они постоянно говорили съ 10 или 12 лѣтнаго возраста, вслѣдствіе сотрясенія или другихъ болѣзней мозга; также извѣстны случаи съ людьми, потерявшими возможность выражаться на ихъ обычномъ языкѣ, взамѣнъ котораго они снова начали говорить на забытомъ языкѣ ихъ перваго дѣтства. Люди въ бреду цитируютъ забытые стихи, выученные въ молодыхъ годахъ.

Не рѣдко среди работы воображенія предъ нами возстаетъ образъ видѣннаго въ дѣтствѣ, 40 и болѣе лѣтъ тому назадъ, человѣка, который стоитъ какъ живой въ нашемъ познаніи и т. п.

Спрашивается, какимъ образомъ одинъ и тотъ же больной мозгъ, который не въ состояніи дать легчайшей работы памяти, какую нужно для того, чтобы воспроизвести узнанное имъ двѣ минуты тому назадъ, а между тѣмъ тотъ-же мозгъ совершаетъ несравненно болѣе трудную функцію, воспроизводя все пережитое много лѣтъ тому назадъ съ удивительною точностію? Спрашивается, какимъ образомъ мозгъ можетъ ясно передать пережитое человѣкомъ напр. 50 или 60 лѣтъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ въ его опытѣ не повторявшееся, когда, въ продолженіе всего этого времени, каждый атомъ мозга много разъ перемѣнился питаніемъ (некробіотическимъ процессомъ). Гдѣ сохранялось воспроизведенное теперь па-

мью въ продолженіе всего долгаго времени? Если бы мы допустили, что мозговая ячейка сохраняетъ въ себѣ способность воспроизведенія ея прежней функціи даже при обмѣнѣ мозговаго вещества, то спрашивается, куда же дѣвалось то множество отдѣльныхъ функцій, которыя въ этой ячейкѣ совершились въ продолженіи этого огромнаго періода времени, и какимъ образомъ ожившія въ памяти съ такой точностію связи представленій, давно пережитыхъ, всплыли наружу изъ подъ вороху накопившихся въ тѣхъ ячейкахъ функцій, когда на ней сверху лежація остаются неподвижными? Спрашивается, отчего тоже самое представленіе папр. сынъ или дочь у старика съ ослабѣвшею памятью въ новой комбинаціи настоящаго опыта вскорѣ забывается, а тотъ же сынъ или дочь въ прежде пережитыхъ комбинаціяхъ рисуется въ памяти со всею отчетливостію? На всѣ эти вопросы вышеизложенныя теоріи не въ состояніи дать яснаго и положительнаго отвѣта.

Моя теорія памяти.

Всякій психо-интеллектуальный процессъ при своемъ образованіи вноситъ съ собою живую силу въ мыслевую арену. Такъ воспріятія и представленія, образовавшіяся изъ внѣшняго опыта, содержатъ въ себѣ активную силу внѣшнихъ движеній, послужившихъ матеріаломъ для ихъ образованія, и активную силу, переработанную изъ потенціальной нервной матеріи, изъ которой каждая изъ нихъ образуется. Вновь возникающія въ интеллектѣ психическія формаціи и психо-интеллектуальные синтезы развиваютъ тоже активную силу, принесенную ими актомъ своего образованія. Кромѣ того, съ помощію этой живо йсилы, содержащаяся въ каждомъ такомъ психо-интеллектуальномъ тѣлѣ потенціальная сила, полученная изъ крови и поддерживаемая питаніемъ, переходитъ въ свою очередь тоже въ активную силу.

Проявленіе каждымъ психо-интеллектуальнымъ процессомъ, простымъ или сложнымъ этой живой силы, полученной изъ этихъ двухъ источниковъ, мы называемъ психо-интеллектуальной функціей. Она выражается, на основаніи нашей теоріи, слѣдующими моментами:

1) Проявленіе относительнаго сознанія того, что содержится въ каждой формаціи или синтезѣ формацій. 2) Стремленіе къ соединенію съ другими процессами и самый актъ соединенія, совершающіяся внѣ сознанія. 3) Образованіе интеллектуальными и психическими ячейками новыхъ, съпомощью которыхъ дѣлаются возможнымъ дифференцированіе

интеллектуально психической ткани и высшія психо-интеллектуальныя соединенія, какъ понятіе индукціи, и 4) Процессъ питанія, усвоенія себѣ, подобно всѣмъ другимъ функционирующимъ элементамъ тѣла, изъ пищи матеріала въ потенциальномъ состояніи и переводъ ихъ въ активное состояніе, т. е. израсходование питательнаго матеріала при развитіи психо-интеллектуальной работы.

По закону инерціи всякое тѣло, такъ и психо-интеллектуальное, разъ пришедши въ активное движеніе, должно было бы всегда сохранять свое дѣйствіе. Въ природѣ же мы не встрѣчаемъ *perpetuum mobile*, потому что всякое движущееся тѣло никогда не можетъ изолироваться и потому безпрестанно встрѣчаетъ препятствія, противодѣйствующія этому движенію; вслѣдствіе чего активная сила движущагося тѣла больше и больше теряется, пока совершенно не израсходуется, такъ что активныя движенія всякаго тѣла дѣлаются все слабѣе и слабѣе, и наконецъ переходятъ въ состояніе кажущагося покоя. Такъ напр. волчокъ, которому вы сообщили его круговое движеніе, вѣчно кружился бы, если бы не долженъ былъ постоянно расходовать сообщенную ему силу на треніе о поверхность, на которой онъ движется, на сопротивленіе воздуха, среди котораго онъ вращается. Вслѣдствіе этихъ безпрестанныхъ потерь своей силы, волчокъ начинаетъ кружиться слабѣе и медленнѣе; когда совершенно израсходуется сообщенная ему сила, онъ падаетъ. Такъ точно и всякое психо-интеллектуальное тѣло, простое или сложное, вслѣдствіе полученной имъ активной силы, съ первымъ его появленіемъ въ дѣятельности проявляетъ самую сильную функцію. Но съ продолженіемъ ея сила дѣлается слабѣе и слабѣе, пока совершенно не прекратится; прекращеніе это дѣлается иногда и вдругъ, когда эта активная сила внезапно побѣждается болѣе могучей силой, ей противодѣйствующей. Это израсходование силы мыслевымъ тѣломъ зависитъ какъ отъ противодѣйствія со стороны среды, гдѣ оно движется, такъ и вызывается другими интеллектуальными теченіями, дѣйствующими не въ одномъ направленіи съ движущимся. Такъ напр. безпрестанно врывающіяся чрезъ органы чувствъ внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ новыя интеллектуальныя образованія, эти послѣднія вызываютъ, вслѣдствіе намъ извѣстныхъ причинъ, новыя мыслевыя теченія, требующія своимъ содержаніемъ другаго мыслеваго направленія и потому противодѣйствующія первоначальному движенію.

Какъ сила и продолжительность круженія волчка будетъ прямо

пропорціональна силѣ сообщеннаго ему вѣшняго толчка и гладкости поверхности, на которой онъ движется, такъ точно сила и продолжительность каждой функціи вновь образовавшагося психо-интеллектуальнаго процесса будетъ зависѣть отъ активной силы, полученной имъ при образованіи и будетъ обратно пропорціональна встрѣчаемому имъ психо-интеллектуальному противотеченію. Чѣмъ энергичнѣе новое психо-интеллектуальное образованіе и вѣшнія движенія, его вызвавшія, тѣмъ устойчивѣе дѣятельность интеллектуальнаго процесса относительно встрѣчаемыхъ имъ препятствій; чѣмъ меньше постороннихъ впечатлѣній и мыслей входитъ въ познаніе, тѣмъ дольше продолжается функція одного и того же процесса. Такъ точно, какъ если въ началѣ даже энергическаго круженія волчка къ обычнымъ препятствіямъ присоедините большее, напр. на пути его движенія встрѣтится другой предметъ, или рукой сообщится ему толчекъ, противоположный его движенію, то онъ въ самомъ началѣ упадетъ; такъ и энергическая функція психо-интеллектуальнаго процесса можетъ кончиться разомъ, если въ мышленіи разомъ возникнетъ другое движеніе, несходное съ прежнимъ и его сильнѣе. Этимъ путемъ мы можемъ себѣ объяснить то обстоятельство, что чѣмъ на болѣе низкой ступени образованія находится психо-интеллектуальная формація, тѣмъ непродолжительнѣе время, возможное для ея функціи. Воспріятіе напр. одного цвѣта или звука скоро утомляется и вслѣдствіе этого утомленія или вызываетъ общую усталость въ видѣ наклонности ко сну, или замѣняется другими дѣятельными процессами; представленіе одного и того же объекта можетъ оставаться въ сознаніи, но его возможная продолжительность несравненно короче таковой же какого нибудь понятія, идеи или научнаго закона, съ которымъ человекъ можетъ очень долго носиться, возбуждаемый дѣятельностію этихъ сложныхъ интеллектуальныхъ процессовъ. Это объясняется, по нашей теоріи, тѣмъ, что дѣятельное воспріятіе или представленіе безпрестанно встрѣчаетъ противодѣйствіе отъ ежеминутно появляющихся новыхъ дѣятелей одинаковой съ нимъ силы или большей ея. Психо-интеллектуальная формація высшей степени или чисто-психическая имѣетъ въ себѣ больше силы для противодѣйствія этимъ слабымъ врагамъ и потому дольше сохраняетъ свою дѣятельность. Человекъ, углубленный въ серьезную думу, не замѣчаетъ ничего вокругъ него происходящаго. Такъ, въ открытомъ морѣ маленькая лодка бросается съ боку на бокъ и часто

опрокидывается не очень сильной волной, а колоссальный корабль разсѣкаетъ большія волны, едва измѣняя свое направленіе.

Потерявъ свою активную силу, каждая психо-интеллектуальная или психическая формація переходитъ въ состояніе покоя, т. е. не проявляетъ никакой мыслевой функціи; а какъ она находится внутри насъ и недоступна органамъ чувствъ, то намъ кажется, что она въ насъ перестала существовать. Во взятомъ нами примѣрѣ разница между волчкомъ и интеллектуальнымъ процессомъ, перешедшимъ изъ дѣятельнаго движенія въ состояніе покоя, есть та, что первый съ потерей силы, извнѣ ему сообщенной, лежитъ какъ мертвое тѣло и для прихода его вновь въ активное прежнее движеніе требуется сообщеніе ему извнѣ силы, ровной прежде заставившей его вертѣться; а всякая психо-интеллектуальная формація, какъ всякая другая клѣточка и ткань организма, дѣятельная или нѣтъ, получаетъ изъ крови питаніе, т. е. скрытую силу, которую она и сохраняетъ въ себѣ, пока дѣятельный толчекъ извнѣ не переведетъ эту потенціальную силу въ активную. Слѣдовательно, всякая психо-интеллектуальная формація, израсходовавши имѣющійся въ немъ запасъ активной силы на противодѣйствія, требуетъ на возобновленіе своей функціи несравненно меньше силы, нежели требовалось первоначально для образованія психо-интеллектуальнаго тѣла въ активномъ движеніи. Мы видѣли, сколько нужно опыта и мыслеваго труда для первоначальнаго образованія общаго представленія или индукціи, но разъ въ насъ существуетъ такое познаніе, то, если оно находится и въ недѣятельномъ состояніи, достаточно ничтожнаго толчка со стороны дѣятельнаго воспріятія, или представленія, чтобы тѣ сложные синтезы снова вдругъ явились въ мышленіи, продуцируя, какъ прежде, высокую и сложную познавательную силу.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что изъ всѣхъ функцій дѣятельнаго психо-интеллектуальнаго процесса, при его переходѣ въ потенціальное состояніе, остается одна только функція, присущая всѣмъ организованнымъ клѣточкамъ и тканямъ организма, это—функція вегетативная, т. е. полученіе изъ пищи матеріала съ потенціальной силой. Такая психо-интеллектуальная формація съ потенціальной силой долго можетъ лежать неподвижно, т. е. не продуцировать никакой активной психо-интеллектуальной силы, пока ея не коснется какое нибудь внѣшнее движеніе; такъ порохъ лежитъ неподвижно, пока искра не прійдетъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Иное психо-интеллектуальное

тѣло, перешедшее въ потенціальное состояніе, можетъ оставаться въ томъ состояніи годами и даже всю жизнь, не возобновляя интеллектуальной работы, потому только, что случай не привелъ ее получить соответственный виѣшний толчекъ для перехода въ активное состояніе. Оставаясь въ такомъ пассивномъ состояніи, всякая психо-интеллектуальная особь производитъ одну только функцію—питанія, т. е. получаетъ изъ крови, входящей въ мозгъ, необходимое для поддержанія своего существованія и возвращаетъ туда ненужные свои элементы, какъ и всякая другая клѣточка и ткань организма. Доказательствомъ тому служить, какъ мы уже видѣли, то, что въ случаяхъ ослабленія питанія организма вообще и мозга въ особенности, какъ напр. послѣ тяжелыхъ болѣзней, остаются въ памяти только самыя обычные и чаще повторяющіяся интеллектуальныя связи, т. е. самыя сильныя; то-же, что прежде было познано или выучено и рѣдко было дѣятельно въ мышленіи, воспоминается съ трудомъ или совсѣмъ умираетъ, т. е. лишается способности памяти. Пока психо-интеллектуальная формація, какой бы связи и степени она не была, находится въ состояніи покоя (потенціальномъ), то она какъ будто не существуетъ для мыслевой работы. Человѣкъ думаетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ никогда не приобрѣталъ умственныхъ силъ, хранящихся въ его головѣ въ этомъ состояніи покоя. Въ этомъ насъ убѣждаетъ наше общежитетское и научное мышленіе. Каждому вѣроятно случалось послѣ заключенія, полученнаго тѣмъ или другимъ размышленіемъ, или послѣ дѣйствія, вызваннаго въ немъ тѣмъ заключеніемъ, вспоминать прежній фактъ познанія, сродный предмету нашего обдумыванія, но который не принималъ никакого участія въ немъ во время того обдумыванія. Съ помощью этого, теперь пришедшаго на память познанія, человѣкъ убѣждается, что результатъ мыслевой работы получился бы совсѣмъ другой. Кто часто не жалѣлъ о сказанномъ или сдѣланномъ, вслѣдствіе запаматованія того или другаго обстоятельства? Не встрѣчаемъ ли мы въ жизни людей, въ мышленіи которыхъ прежде постоянно появлялся умъ, въ дѣйствіяхъ послѣдовательность и обдуманность, но которые послѣ тяжелой болѣзни, психическаго потрясенія, или въ глубокой старости начинаютъ думать слабо и поступать непослѣдовательно, потому что изъ прежнихъ факторовъ ихъ мышленія многіе потеряли способность возобновляться въ дѣятельности.

Изъ этого мы видимъ, что способность памяти есть индивидуаль-

ный атрибутъ, каждаго психо-интеллектуальнаго фактора, къ какой бы ступени психо-интеллектуальнаго развитія онъ ни принадлежалъ, — отъ простаго воспріятія до высшаго синтеза. Въ одной или нѣсколькихъ интеллектуальныхъ особяхъ этотъ атрибутъ можетъ быть сильно развитъ, въ другихъ — слабо, а третьи — уже при рожденіи носятъ условія своей смерти, т. е. вовсе лишены способности возобновлять свою дѣятельность послѣ перехода въ потенциальное состояніе. Такъ Рибо (op. cit. p. 31 et sequ.) приводитъ описаніе слѣдующихъ случаевъ потери памяти однихъ только отдѣльныхъ представленій: Winslow рассказываетъ про одного солдата, потерявшаго, вслѣдствіе трепаначіи черепа, нѣкоторую часть мозга. Нѣкоторое время спустя послѣ операціи замѣтили, что онъ забылъ числа — *пять* и *семь*; всѣ же остальные онъ помнилъ. Эта частная потеря памяти чрезъ извѣстный промежутокъ времени опять возстановилась. У Рибо описаны случаи частной потери памяти однихъ только буквъ и гласныхъ. Winslow рассказываетъ про одного очень развитаго человѣка, потерявшаго послѣ острого лихорадочнаго состоянія память буквы ф. Въ глубокой старости, или вслѣдствіе страданія мозга иногда только нѣсколько представленій, изъ прежде жившихъ въ человѣкѣ, еще сохраняютъ свою способность воспоминанія, все же остальное умираетъ для интеллекта; при идиотизмѣ, атрофіяхъ и болѣзняхъ мозга все познаваемое изъ опыта непосредственно затѣмъ на всегда забывается.

Изъ сказаннаго мы видѣли, что способность перехода каждой изъ

* Т. Th. Ribot (op. cit. p. 41 etc.) приводитъ много случаевъ потери памяти у знаменитыхъ людей. У нѣкоторыхъ она выражалась невозможностію узнать свои собственные сочиненія. Такъ Линней въ концѣ своей жизни читалъ съ удовольствіемъ свои собственные сочиненія. Забывая во время чтенія, что эти сочиненія суть — плоды его собственнаго творчества, онъ вскрикивалъ: „какъ это прекрасно! Какъ бы я желалъ быть авторомъ такого сочиненія!“ О Newton'ѣ рассказываютъ подобный случай: въ глубокой старости онъ забылъ о томъ, что дифференціальное исчисленіе есть плодъ его собственнаго ума. На старости лѣтъ читали Walter Scott'у поэму ему очень понравившуюся. Онъ полюбознствовалъ узнать имя автора, — то была пѣсня изъ его собственнаго „Пирата“. Другіе старики, напротивъ, познакомившись съ чужими мыслями, считаютъ ихъ своими собственными. Такъ Macaulay въ одномъ изъ своихъ Essays, посвященныхъ Wucherley'ю, говоритъ слѣдующее: его память, на старости лѣтъ, была разомъ — очень хороша и очень слаба. Прослушавъ вечеромъ чтеніе какого нибудь сочиненія, онъ просыпался на другой день утромъ съ полной головой вчера слышенныхъ идей и выраженій и ихъ записывалъ съ полной вѣрой, что онъ его собственныя.

психо-интеллектуальнихъ особей изъ состоянія покоя къ дѣятельности зависитъ отъ двухъ причинъ: 1) отъ силы, заключающейся въ нихъ самихъ и 2) отъ вишняго толчка, болѣе или менѣе способнаго побѣдить инерцію покоящихся формацій. Разсмотримъ подробнѣе эти условія.

1) Мыслевыя формаціи, какъ организованныя живыя тѣла, по своей природѣ, заключаютъ въ себѣ и условія большей или меньшей продолжительности своего существованія. Такъ продолжительность жизни того или другаго типа животныхъ, той или другой особи каждаго типа, даже каждой отдѣльной клѣточки, составляющей части ихъ живаго организма, зависитъ отъ условій зачатія каждаго изъ нихъ и отъ условій, содержащихся въ ихъ веществѣ и движеніи. Намъ уже извѣстны условія, при которыхъ рождаются энергическія интеллектуальныя ячейки, ихъ связи и причины, которыя дѣлаютъ ихъ живучими и энергическими въ ихъ движеніи. Мы уже убѣдились, что для перехода такихъ тѣлъ изъ покоя въ дѣятельное состояніе требуется самый незначительный толчекъ, тогда какъ менѣе энергическія тѣла требуютъ значительнаго вишняго усилія для перехода къ дѣятельности. Легко и быстро вспоминаетъ способное дитя и даровитый человѣкъ; съ трудомъ и медленно совершается этотъ процессъ у бездарныхъ и тупыхъ людей, хотя бы послѣдніе употребили гораздо больше времени для изученія воспоминаемаго. Такія сильныя интеллектуальныя тѣла съ энергіей памяти рождаются не только вслѣдствіе производительной энергіи мозговыхъ клѣточекъ — матерей, но и вслѣдствіе возбужденія мозговой клѣточки во время образованія той или другой формаціи. Такъ напр. слышанное, видѣнное, или пережитое, подъ вліяніемъ сильнаго чувства, навсегда остается въ памяти и легко воспроизводится, потому что подъ вліяніемъ чувства не только возбуждается образовательная формація мозговой ячейки, но, какъ мы увидимъ при описаніи чувствъ субъективнымъ движеніемъ (какого бы то ни было чувства) пріостанавливается (связывается) всякое другое интеллектуальное движеніе, несогласное съ даннымъ преобладающимъ чувствомъ. Вслѣдствіе этого, дѣятельнымъ въ мышленіи остается только субъективное представленіе и его связи и на его образованіе и питаніе расходуется весь питательный матеріалъ данной минуты. Этимъ объясняется способность памяти, продуцируемая такими представленіями и ихъ связями. При слабости образовательной формаціи мозговыхъ ячеекъ, или при недостаткѣ матеріала, изъ котораго должны образоваться тѣ формаціи, онѣ развиваются очень слабыми,

повтому или вспоминаются съ большимъ трудомъ и то только на недалекомъ разстояніи времени отъ ихъ зарожденія; или совсѣмъ не могутъ опять прійти въ дѣятельное состояніе, потому что, вскорѣ послѣ ихъ сознанія, онѣ умирають ео ipso и, какъ болѣе не существующія, не могутъ быть дѣятельными. Эта вялость и неживучесть образовавшихся формаций зависятъ или отъ слабости питанія вообще, или недостаточнаго притока крови къ мозгу, или потому что во время образованія данной формации дѣятельная мыслевая работа сама поглощала много матеріала съ потенціальной силой, оставляя мало длл вновь образующейся, или отъ ослабленія функціи и питанія мозговыхъ ячеекъ—матерей. Такъ идіоты, люди въ глубокой старости или послѣ тяжкихъ болѣзней не только вскорѣ забываютъ недавно видѣнное или слышанное, но, если они опять увидятъ или услышатъ забытое, то воспринимають его какъ новое, никогда прежде на опытѣ ими не пережитое. Также точно все постороннее, вошедшее въ сознаніе человѣка, поглощеннаго мышленіемъ другаго содержанія, или когда вниманіе въ данный моментъ приковано къ другому предмету, имъ скоро забывается и онѣ готовъ утверждать, что не слышалъ и не говорилъ того, что онѣ дѣйствительно слышалъ и на что отвѣчалъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

Независимо отъ условій рожденія, психо-интеллектуальное тѣло и его связи могутъ крѣпнуть и послѣ своего рожденія и тѣмъ увеличивать свою способность памяти. Такъ, намъ извѣстно, что если въ насъ уже существуетъ въ сознаніи покоя представленіе или его связь, и мы снова на опытѣ познаемъ прежній объектъ того представленія или отношенія представленій, то вновь образующееся дѣятельное представленіе или его связь, вслѣдствіе своего однороднаго содержанія съ представленіемъ, находящимся въ покоѣ, вызываетъ его къ дѣятельности, и въ силу извѣстнаго намъ закона, вслѣдствіе однородности этихъ формаций и ихъ связей, онѣ сливаются между собою. Такимъ образомъ соединенія двухъ тождественныхъ представленій или связей въ одно индивидуальное представленіе или связь дѣлаеть ихъ богаче веществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ количество получаемой ими питательной матеріи съ потенціальной силой, и потому каждое такое соединеніе становится болѣе способнымъ къ движенію. Чѣмъ чаще бывають эти повторенія на опытѣ, тѣмъ больше увеличивается объемъ и питаніе формаций, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способность памяти каждой изъ нихъ. Вотъ почему

повтореніе одного и того же представленія или рядовъ представленийъ есть основа мнемоники, т. е. искусства развитія памяти. Но само собою разумѣется, что этимъ увеличивается не память вообще, а только память повторяемыхъ элементовъ. Даже знакомое и очень легко вспоминаящееся, если оно долго не повторялось, легче начинаетъ забываться, а если на мѣсто группы психо-интеллектуальныхъ тѣлъ, вышедшихъ изъ употребленія, предметомъ частаго повторенія сдѣлается другая группа, то бойкой памятью начинаетъ отличаться послѣдняя, а прежнія все труднѣе и труднѣе приходитъ на память. Припоминая добытое въ разныхъ областяхъ знаніе, какъ обыкновеннымъ опытомъ, такъ и наукой, человѣкъ невольно убѣждается въ огромной разницѣ относительно памяти, существующей между различными отдѣлами пріобрѣтеннаго имъ познанія.

Обычныя гости его мышленія, чаще всѣхъ другихъ повторяющіеся въ мыслевой работѣ, скорѣе и легче припоминаются. Такъ напр. спеціалисты не только съ удивительною легкостью припоминаютъ представленія и связи представленийъ ихъ профессіи, но съ поразительною точностью и со всѣми тонкостями, совершенно недоступными при воспоминаніи того же представленія, видѣннаго не спеціалистомъ. Такъ разъ видѣнный человѣкъ или ландшафтъ, хотя черезъ нѣкоторое время можетъ вспомниться отчетливо человѣкомъ съ хорошей памятью, но въ этомъ приходшемъ вновь къ дѣятельности представленіи будетъ недоставать много подробностей; живописецъ по профессіи можетъ не только отчетливо представить въ памяти разъ видѣннаго человѣка, или видъ, но и нарисуетъ ихъ съ сохраненіемъ подробностей, въ первый разъ совершенно ускользнувшихъ отъ вниманія обыкновеннаго наблюдателя. Тоже самое мы видимъ въ памяти мелодій музыкантовъ, научныхъ спеціалистовъ относительно ихъ спеціальности: ботаника относительно растений, зоолога-относительно животныхъ, химика—относительно химическихъ соединеній и т. п. Если извѣстная группа представленийъ и ихъ связей прежде, вслѣдствіе частаго повторенія, была сильна памятью, но въ продолженіи многихъ лѣтъ вышла изъ употребленія и оставалась въ состояніи покоя, факторы этой группы, отъ уменьшенія къ нимъ притока питательнаго матеріала съ потенциальной силой, болѣе и болѣе теряютъ способность воспроизводиться памятью и подъ конецъ совершенно забываются и ни при какихъ условіяхъ и усиліяхъ не всплываютъ больше въ памяти. Такъ напр. языкъ дѣт-

ства, на котрому дитя свободно об'яснялось, если оно увозится изъ своего отечества и на чужбинѣ не слышитъ роднаго языка, то оно больше и больше его забываетъ. Такъ же точно бываетъ съ другими представленіями познанія послѣ тяжкой болѣзни. Но что эти представленія не умерли въ человѣкѣ, а только, вслѣдствіе недостатка питанія ослабѣли на столько, что лишились способности вновь приходиться въ дѣятельное состояніе, доказывается тѣмъ, что для того, чтобы имъ возвратить прежнюю силу памяти, нужно присоединить изъ опыта чужого только новаго подкрѣпляющаго матеріала. Такъ напр. человѣку, совершенно забывшему свой языкъ, нужно снова услышать нѣсколько разъ его слова и обороты, посмотреть, какъ пишутся буквы, и давно забытый языкъ оживаетъ въ памяти съ прежней свѣжестью. Что это было не изученіе вновь языка доказывается многими примѣрами, гдѣ такіе люди въ два или три мѣсяца снова владѣли въ совершенствѣ языкомъ, на изученіе котораго вновь и для человѣка съ хорошей памятью потребовались бы годы.

2) Но какъ бы ни было сильно интеллектуальное представленіе, или синтезы и связи, какъ бы оно ни было богато потенціальной силой, безъ внѣшняго толчка, переводящаго его скрытую силу въ дѣятельную, оно не можетъ перейти къ дѣятельной интеллектуальной функціи. Многое и хорошо заученное можетъ никогда не вспомниться, если оно въ состояніи своего покоя ни разу не получило толчка извнѣ. Толчекъ этотъ можетъ происходить отъ различныхъ источниковъ. Самый частый и нормальный есть толчекъ, получающійся отъ другой дѣятельной интеллектуальной формаціи, когда, вслѣдствіе сродства между дѣятельной формаціей и находящейся въ покоѣ, между ними происходитъ соединеніе. Такъ молекула соли въ водяномъ растворѣ отыскиваетъ уже выкристаллизовавшіяся другія сродныя молекулы, чтобы съ ними соединиться въ одинъ кристаллъ. Вслѣдствіе живаго движенія соединяющей дѣятельной формаціи съ потенціальной, послѣдняя получаетъ толчекъ, вслѣдствіе котораго она приходитъ въ дѣятельное движеніе и ея потенціальная сила переходитъ въ активную; поэтому, до того покойная и не дававшая о себѣ знать, интеллектуальная формація уносится въ токъ дѣятельныхъ мыслевыхъ тѣлъ и начинаетъ развивать свою познавательную функцію. Только этимъ путемъ и можно об'яснить познаніе человѣкомъ не только познаваемаго, но и того, что познаваемое для него не ново, а уже существуетъ въ немъ изъ прежняго опыта. Если бы

вспоминаніе представленія было только возобновленіемъ той же прежней мозговой функціи, то какъ бы часто человѣку ни встрѣчался на опытѣ предметъ, онъ всегда долженъ былъ бы принимать его за вновь познаваемый, потому что условія для его познанаія въ сотый разъ были бы тѣ же самыя, какъ и въ первый, — таже самая функція.

Если дѣятельная интеллектуальная формація принадлежитъ только къ первымъ изъ 2-хъ степеней, какъ воспріятіе или представленіе, и если какое нибудь изъ послѣднихъ вызвано къ дѣятельности, то получается только познаніе, что представленіе новаго опыта есть только повтореніе прежняго, т. е., что видимое или слышимое и т. п. уже было прежде видимо или слышимо. Если же простая дѣятельная формація соединяется со сродною ей потенціальной формаціей, вступившей, вслѣдствіе условій прежняго опыта, въ болѣе или менѣе сложную связь, или болѣе или менѣе высокій синтезъ и перешедшей въ потенціальное состояніе уже въ такомъ соединеніи, то разумѣется, что, при переходѣ этой части въ дѣятельное состояніе, и цѣлое перейдетъ въ таковое. Результатомъ этого будетъ то, что высшая интеллектуальная формація приметъ участіе въ данной мыслевой работѣ. Если дѣятельная простая формація сродна нѣсколькимъ такимъ, находящимся въ различныхъ комбинаціяхъ синтезовъ и соединеній, то, согласно съ условіями существующаго въ данное время мыслеваго теченія, можетъ случиться, что одна простая дѣятельная формація вызоветъ къ дѣятельности нѣсколько высшихъ синтезовъ. Такъ напр. представленіе видимаго каштановаго дерева можетъ вызвать другое представленіе каштановаго дерева, стоявшаго у дома, гдѣ протекло дѣтство, за этимъ домомъ дѣлаются дѣятельными представленія людей, тамъ жившихъ, происшествій, слѣдовавшихъ другъ за другомъ. Два или три аккорда могутъ вызвать въ памяти нѣсколько мелодій, въ которыхъ тѣ аккорды встрѣчались; видъ металла потасія можетъ вызвать цѣлый рядъ научныхъ фактовъ познанія о металлахъ вообще, ихъ вѣсѣ и т. п. Частная связь слѣдованія реальныхъ явленій на опытѣ вызываетъ законъ причинности и т. п. Или наоборотъ, дѣятельный процессъ мышленія можетъ по сродству вызвать къ дѣятельности нисшія потенціальныя формаціи, въ немъ содержащіяся. Такъ напр. при мысли о законѣ тяготѣнія приходятъ въ дѣятельное состояніе и всѣ извѣстные частные случаи тяготѣнія, содержащіяся въ общемъ законѣ. Если дѣятельно въ мыш-

леніи познаніе причины, то его формація влечетъ за собою къ дѣятельности познаніе слѣдствія этой причины и наоборотъ.

Само собою разумѣется, что переходъ отъ недѣятельнаго состоянія въ дѣятельное полной связи представленій, или синтезовъ, будетъ тѣмъ энергичнѣй и совершеннѣй, чѣмъ сильнѣе связь, соединяющая между собою части этого цѣлага, находящагося въ потенциальномъ состояніи.

а) Слабѣе всѣхъ связей, какъ намъ уже извѣстно, есть связь механическая, возстановившаяся между представленіями вслѣдствіе случайнаго познанія изъ опыта ихъ существованія въ пространствѣ, или слѣдованія во времени, и потому эти связи только держатся въ памяти при частомъ ихъ скрѣпленіи повтореніемъ. Въ такомъ воспоминаніи участвуетъ одинъ только механизмъ, а силой интеллекта нельзя возстановить прерванную цѣпь воспоминаемыхъ представленій. Такъ ученикъ, заучившій наизусть порядокъ словъ безъ пониманія внутренняго смысла, связывающаго эти слова, долженъ ихъ пересказать по порядку. Нарушите порядокъ, и онъ долженъ сказать урокъ опять сначала, чтобы могъ вспомнить весь рядъ словъ. * Связь же съ помощью интеллектуальнаго содержанія гораздо сильнѣе и потому при переходѣ въ дѣятельное состояніе части цѣлага и все цѣлое переходятъ легче. Такъ напр. видъ льва, тигра вызываетъ къ дѣятельности все понятіе дикаго животнаго со всѣми его атрибутами. Какъ бы рѣдко ни повторялась эта связь, но если она уже разъ образовалась, то достаточно, чтобы толчекъ коснулся одной части синтеза, чтобы онъ весь пришелъ въ энергическое дѣятельное состояніе. б) Иногда интеллектуальный толчекъ, какъ нормальный, недостаточенъ для вызванія покойнаго психо-интеллектуальнаго тѣла въ дѣятельное состояніе. Такъ забывается иногда пережитое, или выученное, и не смотря ни на какія усилія со стороны мыслевой дѣятельности, они не могутъ возобновиться въ памяти; но подъ вліяніемъ того или

* Преобладаніе такой механической памяти можетъ сохраняться и въ зрѣлыхъ годахъ. Такъ Abercrombie (Essay on intellectual Powers p. 101) рассказываетъ слѣдующій интересный случай про д-ра Leyden'a, имѣвшаго необычайную способность къ изученію языковъ. Кромѣ того, разъ прочитавъ, длинный актъ парламента или другой документъ, онъ его очень точно повторилъ наизусть. На поздравленіе съ этимъ талантомъ онъ отвѣчалъ, что это не даръ, а скорѣе сильная помѣха; потому что, когда онъ желалъ вспомнить о какомъ нибудь частномъ случаѣ какого нибудь предмета познанія, онъ иначе не могъ этого сдѣлать, какъ повторивъ себѣ всецѣло познанное отъ самого начала, до тѣхъ поръ, пока онъ не приходилъ къ пункту, который онъ желалъ вспомнить.

другого чувства какъ будто разрывается завѣса, скрывавшая ихъ отъ сознанія, и они снова являются дѣятельными въ мышленіи. Мнѣ самому перѣдко случалось при волненіи чувствомъ вспоминать то, что не могло вспомниться въ покойномъ состояніи. Такъ подѣ влияніемъ вдохновенія у оратора вспоминаются слова, выраженія, образы и факты, которые въ обыкновенномъ разговорѣ ему не приходятъ на память.

с) Наконецъ, толчекъ можетъ быть чисто механической, не психическаго происхожденія, т. е. не со стороны интеллектуальной, а со стороны крови; такъ при приливахъ и воспаленіяхъ мозговыхъ оболочекъ больные цитируютъ давно забытые стихи, говорятъ на забытомъ нарѣчій. Сильный жаръ, возбуждая приливъ крови къ мозгу или сама повышенная температура крови вызываютъ къ дѣятельности несвязные образы и ряды представленій. Вошедшіе въ кровь яды, какъ индѣйская конопля (гашишъ), опій и др., дѣйствуя на психо-интеллектуальныя формаціи, черезъ мозговья ячейки, стоящія съ ними въ связи, вызываютъ ихъ изъ состоянія покоя къ болѣзненно возбужденной дѣятельности, вслѣдствіе ненормальнаго источника, откуда получился этотъ толчекъ.

Изъ сказаннаго не только вытекаетъ съ ясностью, что память есть отдѣльный атрибутъ каждой интеллектуальной формаціи, но и что одинъ и тотъ же человѣкъ въ различныхъ его возрастахъ и фазахъ умственнаго развитія и состоянія долженъ пользоваться не постояннымъ, а мѣняющимся преобладаніемъ силы памяти въ различныхъ территоріяхъ интеллекта. Такъ, въ возрастѣ перваго дѣтства, вслѣдствіе слабости функціи мозговыхъ ячеекъ и отъ того, что питательный матеріалъ, приносимый въ мозгъ, большею частію употребляется на образованіе увеличивающейся мозговой ткани, такъ какъ мозгъ больше всего растетъ и развивается въ этомъ возрастѣ, — рождающіяся интеллектуальныя формаціи слабы и скоро умираютъ, поэтому человѣкъ обыкновенно ничего не помнитъ изъ пережитаго имъ до 4 или 5 лѣтъ. Въ слѣдующемъ возрастѣ развиваются воспріятія и представленія. Такъ какъ на нихъ исключительно расходуется питательный интеллектуальный матеріалъ и объекты этихъ представленій часто повторяются на опытѣ, то они болѣе и болѣе крѣпнутъ. Такъ какъ изъ представленій вытекаетъ познаніе атрибутовъ объектовъ тѣхъ представленій, то съ совершенствованіемъ представленій съ возрастомъ растетъ память качества и свойства объектовъ. Такъ какъ эти представленія вскорѣ связываются между

собою путемъ случайнаго опыта въ пространствѣ и во времени, то въ этомъ возрастѣ сильнѣе всего проявляетъ свою дѣятельность, какъ мы уже видѣли, механическая память, память для изученія наизусть, языковъ и т. п. Съ развитіемъ вышаго психическаго познанія, такъ называемаго отвлеченнаго мышленія, вся сила и большая часть питательнаго матеріала переносится на высшія формаціи и такимъ образомъ ослабляется память словъ, представленій и низшихъ связей, если они не составляютъ части общихъ синтезовъ. Если какая-нибудь интеллектуальная формація, бывшая до того въ потенціальному состояніи, призывается къ дѣятельности силой памяти, то послѣдняя снова начинаетъ продуцировать интеллектуальную силу, согласно съ своимъ содержаніемъ, какъ продуцировала ее во время своей дѣятельности послѣ своего первоначальнаго образованія. Если формація была не особенно сильна, или если она долго оставалась въ состояніи покоя, то она можетъ при возобновленіи дѣятельности оказаться слабѣе предшествовавшей или нѣкоторыя части сложной формаціи, бывшія прежде слабѣе выраженными, нежели остальные части агрегаціи или синтеза, могутъ въ періодѣ покоя умереть или потерять способность памяти. Тогда, вновь появляющаяся въ дѣятельности, сложная формація не полна, и потому продуцируемая ею сила познанія меньше той, которую она давала во время своей первоначальной дѣятельности. Такъ, напр., вскорѣ послѣ вида какого-нибудь сложнаго предмета мы можемъ себѣ его представить довольно точно, болѣе или менѣе со всѣми его подробностями; но если этотъ образъ давно не вспоминался и послѣ долгаго времени снова появился въ дѣятельности, то онъ часто смутно намъ представляется, при чемъ многія детали успѣли исчезнуть изъ памяти. Тоже самое бываетъ съ прежде познанными подробностями какого-нибудь дѣла или научнаго факта. Но разъ снова сдѣлавшись дѣятельной, каждая формація, согласно своему содержанію, продуцируетъ прежнюю познавательную силу, на сколько она сохранилась процессомъ питанія. Это доказывается, во 1-хъ, тѣмъ, что съ появленіемъ вновь въ дѣятельности, каждая формація, въ свою очередь, вызываетъ изъ потенціальнаго состоянія, насколько то позволяетъ данное мыслевое теченіе, другія формаціи, согласныя съ нею по содержанію, или съ которыми она или ея составная часть прежде была въ связи. Такъ, напр., если вспоминаются тополь или дубъ, то велѣдъ за симъ приходитъ на память и понятіе „дерево“; если вспомнится свирѣль, то приходятъ на память

слышанная мелодія, пастухъ, стадо, деревья и т. п.; во 2-хъ, тѣмъ, что, съ появленіемъ вновь дѣятельной формаціи, въ человѣкѣ вновь пробуждается сила познанія, которую даетъ эта формація. Если человѣкъ мыслить, положимъ, въ какой-нибудь области наукъ и притомъ забылъ научный законъ, содержащій въ себѣ силу познанія въ этой отрасли, то его мыслевая работа оказывается ложной и его дѣйствія, вызванныя результатомъ этой работы, неправильными. Долго пробуждавъ на этомъ неясномъ пути, вдругъ, вслѣдствіе какого-нибудь толчка, забытый законъ приходитъ въ дѣятельность, новый свѣтъ озаряетъ мыслевую работу и вслѣдствіе затерявшагося сознанія, найденнаго вновь, результатъ мышленія исправляется и дѣйствія приходятъ къ желанной цѣли. Въ 3-хъ, дѣятельность вызванной памятью формаціи можетъ выразиться какъ сознаніемъ ея содержанія, такъ и мыслевой дѣятельностію внѣ сознанія. Очень часто, вновь вызванная къ дѣятельности, психо-интеллектуальная формація можетъ вовсе не сознаваться, не смотря на то, что она дѣятельно продуцируетъ остальную свою мыслевую работу. Въ послѣднемъ мы можемъ убѣдиться, когда прослѣдимъ за нашимъ сознаніемъ мыслевой работы. Мы тогда увидимъ, что сознательно мы думаемъ не содержаніемъ нашихъ психо-интеллектуальныхъ формацій, единственнымъ факторомъ, развивающимъ познаніе, а словами, которые сами по себѣ не имѣютъ никакой познавательной силы. Такъ, напр., если человѣкъ не составилъ себѣ путемъ синтеза изъ представленій различныхъ деревьевъ понятія дерева, то одно названіе дерева, имъ изученное, не даетъ ему никакого познанія при изученіи новыхъ деревьевъ; человѣкъ, не составившій себѣ путемъ синтеза индукціи закона тяготѣнія, ни на волосъ не станетъ умнѣе при обдумываніи частныхъ случаевъ, подходящихъ подъ этотъ законъ, если въ его мышленіи будетъ въ дѣятельномъ состояніи только фраза „законъ тяготѣнія“. Слѣдовательно мы видимъ, что во время мыслевой работы дѣятельно сознаются не психо-интеллектуальныя дѣятели, а только ихъ символы, т. е. ихъ имена.

Изъ этого мы видимъ, что должно отличать два вида перехода психо-интеллектуальнаго процесса изъ потенциальнаго состоянія въ активное: а) когда его дѣятельность вмѣстѣ съ тѣмъ проявляется въ сознаніи какъ таковая, и б) когда вновь появившаяся въ дѣятельности формація можетъ продуцировать прежнюю свою познавательную силу, и ея работа можетъ разрѣшиться дѣйствіемъ безъ всякаго сознанія этой дѣятельности со стороны индивида, какъ напр., происходятъ внутренніе

интеллектуальные процессы и дѣйствія сомнабулистовъ во время сна. Такъ же точно во время сознанія однихъ именъ тѣхъ процессовъ, которые въ данный моментъ дѣятельны, человѣку кажется, что онъ, вспоминая одни слова, думаетъ ими, тогда какъ въ сущности послѣднія не принимаютъ никакого участія въ интеллектуальной работѣ, а только даютъ знанію о присутствіи въ работѣ настоящихъ дѣятелей, съ которыми эти слова связаны только какъ ихъ символы. Но педагоги не только прежняго, но и настоящаго времени, вводимые въ заблужденіе сознаніемъ, думаютъ, что слова и фразы въ мышленіи развиваютъ умъ и даютъ познаніе, забывая при этомъ роль истинныхъ работниковъ. Даже Вундтъ *) односторонне смотритъ на это, когда говоритъ: „Нѣтъ болѣе вѣрнаго мѣрила для степени умственной культуры человѣка, какъ словарь, который онъ носитъ въ себѣ“ (**). Не подлежитъ сомнѣнію, что, если каждое слово въ познаніи тѣсно связано съ основательнымъ представленіемъ объекта, который оно выражаетъ, если каждой фразѣ отвѣчаетъ въ человѣкѣ выражающееся въ ней дѣйствительное познаніе отношенія предметовъ, то объемъ словаря и богатство оборотовъ рѣчи въ человѣкѣ выражаетъ его знаніе и степень развитія ума. Совсѣмъ другое, когда слова и фразы изучаются, какъ самостоятельное знаніе, при поверхностномъ, или даже безъ всякаго отношенія къ познавательнымъ факторамъ, которыхъ они суть только символы. Такой безсодержательный словарь народа можетъ только служить мѣриломъ не степени умственной культуры, а пустоты, порожденной ложной цивилизаціей и неумѣлой педагогикой.

„Теорія памяти“, сказалъ Фихте, „есть пробный камень каждой

*) Wundt. Vorlesungen etc t. 1, p. 372.

***) У Макса Миллера, знаменитаго знатока санскритскаго языка, говоритъ Вундтъ, встрѣчается интересное собраніе счетовъ словъ въ сочиненіяхъ различныхъ писателей и приблизительное опредѣленіе богатства словъ людей различныхъ классовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: въ Англій образованный человѣкъ рѣдко употребляетъ болѣе 3 или 4 тысячъ словъ. Число словъ, употребляемое въ газетахъ и ежедневныхъ журналахъ, приблизительно не превышаетъ 6,000 словъ. Въ старомъ Евангеліи насчитали до 5,642 словъ. Знаменитые ораторы доводятъ число произносимыхъ ими словъ до 10,000. Въ сочиненіяхъ Мильтона содержится 8,000 словъ, а самаго плодovitаго писателя Шекспира 15,000. Иероглифы египтянъ доказываютъ, что мудрецы этой страны пользовались едва 900 словами. Насколько меньше словъ должно было быть у египетскаго работника? Англійскій работникъ, по наблюденію одного деревенскаго пастора, имѣетъ въ своемъ распоряженіи не болѣе трехъ сотъ словъ.

психологической системы“. Мы позволяемъ себѣ думать, что ни одна психологическая система не въ состояніи была объяснить всѣ проявленія памяти безъ натяжекъ и не прибѣгая ни къ какимъ ненаучнымъ и трансцендентальнымъ толкованіямъ, какъ теорія нашей Целуларной психологіи.—Съ помощію нашей теоріи всѣ противорѣчія, неизбѣжныя въ другихъ ученіяхъ памяти, исчезли, и всѣ движенія памяти приведены къ механическимъ законамъ, т. е. къ единственному объясненію, доступному ясному пониманію всѣхъ фізіологическихъ процессовъ вообще.

ГЛАВА XII.

Сознаніе.

Изъ сказаннаго нами при изложеніи теоріи мышленія видно, что сознаніе каждаго дѣятельнаго въ насъ психо-интеллектуальнаго процесса есть одинъ изъ видовъ проявленія дѣятельности каждаго изъ этихъ процессовъ въ отдѣльности. Но этотъ видъ проявленія дѣятельности не есть постоянный ея атрибутъ. Сознаніе дѣятельной формаціи появляется при извѣстныхъ только условіяхъ. Для лучшаго уразумѣнія сознавательнаго процесса мы должны вспомнить изъ сказаннаго при изложеніи теоріи слѣдующее:

1) Въ сознаніи проявляется не самый процессъ развитія познавательныхъ формацій, сознается не объективная мыслевая дѣятельность, а только готовые результаты этихъ процессовъ. Если бы первое имѣло мѣсто, то всякій человѣкъ въ своемъ сознаніи носилъ бы познаніе своей психологіи, т. е. познаніе всего процесса развитія его интеллектуально-психического органа, и объективной дѣятельности его факторовъ, а между тѣмъ мы имѣли случай убѣдиться, что если мы что-нибудь знаемъ положительное объ этихъ процессахъ, то только помимо сознанія. Наше невѣжество и заблужденія на счетъ объективнаго состоянія нашихъ мыслевыхъ процессовъ продолжались до тѣхъ поръ, пока человѣкъ вѣрилъ ложному свидѣтельству своего сознанія, пока онъ свое пониманіе объективнаго познавательнаго процесса строилъ на данныхъ, полученныхъ изъ сознанія.

Во 2) мы видѣли, что сознаніе не есть непремѣнный атрибутъ дѣятельности каждаго мыслеваго процесса, что мы не только не сознаемъ процессовъ образованія мыслевыхъ особей и ихъ соединеній въ синтезы, но что они часто дѣйствуютъ въ насъ готовыми, и мы, или вовсе не со-

знаемъ въ себѣ этихъ дѣятелей, или сознаемъ только одни символы ихъ въ видѣ словъ, а самые факторы, производящіе настоящую мыслевую работу, продолжаютъ свою дѣятельность, ничуть не проявляясь въ сознаниі.

Въ 3) если нѣтъ въ мышленіи дѣятельныхъ формацій, то нѣтъ и никакого сознанія, какъ во снѣ и обморокѣ; съ появленіемъ въ дѣятельности какой нибудь изъ психо-интеллектуальныхъ формацій обыкновенно появляется и его сознаніе, такъ напр., когда на органы чувствъ дѣйствуетъ какой нибудь объектъ или явленіе, то и создается его представленіе. Сознаніе присутствія въ насъ кабого нибудь познавательнаго процесса возможно только, когда этотъ процессъ находится въ полной дѣятельности; когда же эта дѣятельность ослабляется, то онъ перестаетъ сознаваться, а на мѣсто его мы познаемъ уже другой процессъ, оказавшійся дѣятельнѣе предъидущаго. Слѣдовательно мы видимъ, что въ насъ нѣтъ общей силы сознанія, какъ принимаютъ психологи, а оно есть одинъ изъ частныхъ атрибутовъ каждой психо-интеллектуальной формаціи, проявляющійся только во время высшей ея дѣятельности.

Въ насъ можетъ быть столько же отдѣльныхъ сознаній, сколько отдѣльныхъ психо-интеллектуальныхъ формацій, или синтезовъ. Но атрибутъ сознанія, свойственный всякому изъ нашихъ мыслевыхъ и психическихъ дѣятелей, отличаетъ этотъ видъ организованныхъ частей тѣла отъ всѣхъ другихъ частей организма, какъ элементарныхъ клѣточекъ, такъ и тканей и органовъ, изъ нихъ образовавшихся. Кровяные шарики, ячейки печени, почекъ и всѣхъ другихъ органовъ рождаются въ нашемъ организмѣ, живутъ, функционируютъ, подвергаются всевозможнымъ вліяніямъ и измѣненіямъ, а между тѣмъ всѣ эти движенія въ сознаниі челоуѣка ничѣмъ не даютъ о себѣ знать. Человѣчество прожило тысячи столѣтій, даже не подозрѣвая въ себѣ ни присутствія этихъ дѣятелей, ни ихъ дѣятельности. Если они стали намъ извѣстными, то только путемъ объективнаго изслѣдованія, анатомическаго ножа, микроскопа и т. п., т. е. путемъ анализа нашими органами чувствъ. Съ тѣхъ поръ ихъ представленія живутъ въ насъ, какъ всѣ другія объективныя представленія вѣшняго міра. Только одни мыслевыя и психическія тѣла обладаютъ способностью заявлять о себѣ тому, въ чьемъ познаниі они дѣятельны. Помимо его органовъ чувствъ, челоуѣку не только становится извѣстнымъ, что на него подѣйствовалъ тотъ или другой вѣшній объектъ, но что въ немъ есть представленіе того объекта. Если

въ немъ представленія соединились въ синтезы или связи, то хотя онъ не сознаетъ объективнаго существованія въ себѣ тѣхъ связей и синтезовъ, но сознаетъ функцію этихъ связей, дающую ему соотвѣтствующее познаніе. Почти предъ каждымъ дѣйствіемъ, какъ результатомъ мыслевой дѣятельности, человѣкъ получаетъ относительное познаніе внутреннихъ психо-интеллектуальныхъ движеній (мотивовъ), работа которыхъ предшествовала дѣйствію. Эта кажущаяся извѣстность, получаемая человекомъ отъ сознанія дѣятелей его внутренней психо-интеллектуальной работы, кажется до такой степени отчетливой, что каждый человѣкъ можетъ объяснить, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе, какія внутреннія психо-интеллектуальныя въ немъ силы были въ пользу имъ совершеннаго дѣйствія, какія противъ и наконецъ, отчего побѣдили первыя или послѣднія. Это свойство психо-интеллектуальныхъ формацій при извѣстной степени дѣятельности заявлять о себѣ тому самому субъекту, въ душѣ котораго онѣ происходятъ, называется **сознаніемъ**.

Даже познаніе состоянія и измѣненій нашего собственнаго тѣла, намъ тогда только дѣлается извѣстнымъ, когда его движенія, черезъ посредство соотвѣтствующихъ чувствительныхъ нервовъ, вызываютъ въ мозгу психическія формаціи, обладающія даромъ сознанія. Если вы перерѣжете чувствительный нервъ той или другой территоріи тѣла, или если онъ, вслѣдствіе болѣзни, или другихъ причинъ, не можетъ передавать движенія соотвѣтствующей части, то эта часть тѣла дѣлается намъ какъ будто чужою и никакое ея поврежденіе и пораненіе не доходитъ до нашего сознанія.

Сознаніе есть поэтому необходимое условіе нашего объективнаго познанія и нашего чувства. Безъ него, даже при полномъ сохраненіи нашего вегетативнаго и психо-интеллектуальнаго механизма, мы жили бы, какъ растенія. Мы продуцировали бы движенія, какъ автоматъ, безъ всякаго знанія насъ окружающаго міра и чувства нашего собственнаго тѣла.

Кромѣ того, въ сознаніи заключается источникъ и сила нашего познанія вообще, какъ накопившагося матеріала всего предшествовавшаго опыта, потому что, хотя рождающіяся интеллектуальныя формаціи могутъ и бессознательно производить дѣйствіе, но если онѣ, перейдя послѣ такого дѣйствія въ потенциальное состояніе, ни разу не освѣтились сознаніемъ,—болѣе не могутъ воскреснуть въ памяти. Только то, что разъ созналось, можетъ быть предметомъ памяти. Оно владетъ такимъ образомъ печать жизни каждому вновь образуемому психо-интеллектуальному или ин-

теллектуальному образованію и такимъ образомъ закрѣпляетъ его за организмъ, какъ его часть, какъ его запасную психическую силу для будущаго, въ случаѣ нужды, пользованія. Съ прекращеніемъ сознанія данной психо-интеллектуальной формаціи, послѣдняя какъ будто перестаетъ существовать, но разъ прошедши чрезъ горнило сознанія, она закаливается для будущей дѣятельности и сохраняетъ въ себѣ способность вновь прійти въ сознаніе, даже и безъ условій, вызвавшихъ первоначальное ея образованіе и слитіе.

Но чудный фактъ сознанія стоитъ одинокимъ въ нашемъ опытѣ; мы нигдѣ въ природѣ, кромѣ интеллекта, не встрѣчаемъ ни его, ни даже явленій, съ которыми можно было его сблизить по аналогіи. Сознаніе есть атрибутъ каждой психо-интеллектуальной формаціи на высокой степени ея дѣятельности, какъ свѣтъ и теплота составляютъ атрибуты солнца. Какъ причины атрибутовъ всѣхъ тѣлъ заключаются въ свойствахъ самихъ тѣлъ, такъ и сознаніе не можетъ имѣть другой причины, какъ особенность характера сознающихся психо-интеллектуальныхъ формацій.

Казалось бы, что если сознаніе есть единственный путь, чрезъ который приходитъ все наше познаніе, то оно само должно для насъ оставаться внѣ пониманія, потому что оно есть послѣдняя граница пониманія, за которой нѣтъ болѣе свѣта для его освѣщенія, потому что оно есть единственный свѣтъ нашего познанія; въ сознаніи, какъ частномъ проявленіи каждаго дѣятельнаго психо-интеллектуальнаго фактора, не можетъ познаться само сознаніе, какъ часть не можетъ вмѣстить въ себѣ все цѣлое. Поэтому ошибаются тѣ психологи, которые изъ самихъ явленій сознанія стараются его понять и объяснить себѣ его причину. Ставъ такимъ образомъ лицомъ къ стѣнѣ, за которой нѣтъ больше пониманія, они невольно должны были удариться въ трансцендентальныя теоріи воображенія, или въ мистику, порождаемую вѣрой. Такимъ образомъ, они видѣли въ сознаніи произвольный актъ души, которая освѣщаетъ имъ, какъ фонарь, тотъ или другой уголокъ ея опыта, или подозрѣвали въ сознаніи лучезарное сіяніе души, которымъ оно отвѣчало на дѣйствія на нее внѣшняго міра, или своего собственнаго тѣла.

Такъ напр. говоритъ нашъ современникъ Бепъ * о сознаніи: „оно называется актомъ, съ помощью котораго мы получаемъ познаніе о фактахъ нашего собственнаго ума, какъ о феноменахъ, которые нужно знать и изучать; лучше его называть сознаніемъ самого себя (consci-

* Alex. Bain, des sens et intelligence 1874 p. 402.

ence de soi), или способностью внутренняго прозрѣнія (*faculté d'aperception interne*)“. Локке его называетъ отраженіемъ (*reflexion*); другіе называютъ его внутреннимъ чувствомъ, потому что оно для субъективнаго міра то, что внѣшнія чувства—для міра активнаго.

Гартманъ ** говорить: „Факторы сознанія съ одной стороны есть духъ въ его первоначальномъ безсознательномъ состояніи, съ другою—движеніе матеріи, на него дѣйствующее. Во всякомъ случаѣ, возникновеніе сознанія можетъ совершаться только такимъ образомъ, какъ представленіе приходитъ къ своему объекту. Сознаніе ничего не знаетъ о матеріи, слѣдовательно процессъ, какъ источникъ сознанія, долженъ лежать въ самомъ духѣ, если даже первый толчекъ къ тому процессу даетъ матерія. Вещественное движеніе опредѣляетъ содержаніе представленія, но въ этомъ содержаніи не находится свойство сознанія, потому что тоже содержаніе, независимо отъ чувственной формы, можетъ думаться и безсознательно“.

„Слѣдовательно, если сознаніе не можетъ находиться ни въ содержаніи, ни въ чувственной формѣ представленія, то оно вообще не можетъ содержаться въ представленіи, а должно быть *Accidens*, которое изъ другаго мѣста присоединяется къ представленію“. Далѣе говоритъ онъ: „прежде мы нашли, что сознаніе есть предикатъ, которымъ воля наградила представленіе; теперь мы можемъ указать и на содержаніе этого предиката,—оно есть оцѣпененіе (*Stupefaction*) воли, вызванное ей нежеланнымъ, но все таки осязательно находящимся существованіемъ представленія“.

Однако примѣненіе къ изученію сознанія объективнаго метода и наблюденія за его проявленіями въ другихъ индивидахъ, мало по малу, начало бросать больше и больше свѣта на это загадочное явленіе, и въ настоящее время мы можемъ смѣло сказать, что, не смотря на загадочность его причины и сущности, мы однако видимъ въ немъ проявленіе механическо-психической силы, хотя непохожей на проявленія другихъ силъ, но тѣмъ не менѣе подчиняющейся законамъ движенія силъ вообще, и потому это явленіе и теперь уже можетъ занять въ познаніи болѣе чистое мѣсто, нежели то, которое ему до этихъ поръ отводилось туманной метафизикой, образцы которой мы только что привели выше. Постараясь подтвердить сказанное нами фактами.

* Ed. von Hartmann. Philosophie des Unbewussten. 4 Aufl. 1872 S. 403 und folg.

Опытъ намъ показываетъ, что всякій интеллектуальный процессъ тѣмъ скорѣе приходитъ въ сознаніе, тѣмъ это сознаніе яснѣе и отчетливѣе, тѣмъ оно долѣе продолжается, чѣмъ сильнѣе внѣшнее дѣйствіе, изъ котораго образовалась сознаваемая формація, чѣмъ энергичнѣе мозговое творчество въ интеллектуальномъ отношеніи и чѣмъ богаче содержимое сознаваемого. Вспомнимъ о порогахъ Фехнера, о которыхъ мы говорили въ 1-мъ томѣ нашего сочиненія. Его опыты ясно доказываютъ, что для сознанія внѣшняго впечатлѣнія и для отличія въ сознаніи сильнѣйшаго впечатлѣнія отъ слабѣйшаго требуется извѣстное количество внѣшняго движенія, ниже minimum'a котораго сознаніе дѣлается невозможнымъ. Такъ, напр., движеніе окружающаго насъ воздуха, пока оно не достигаетъ значительной скорости, нами не сознается, и этотъ воздухъ кажется намъ неподвижнымъ. Пыль, падающая на нашу кожу, нами не сознается, а если упадутъ песчинки, то мы знаемъ это паденіе. Дальше опытъ несомнѣнно намъ показываетъ, что отъ вниманія, т. е. отъ сознанія даровитаго человѣка (съ энергическимъ мозгомъ) рѣдко ускользаютъ неважныя явленія, незамѣчаемыя другими. Люди съ медленнымъ и слабымъ мыслевымъ творчествомъ апатичны къ окружающему міру; много проходитъ передъ ними даже и крупныхъ явленій, которыя ими не сознаются, особенно это мы видимъ у дѣтей, слабоумныхъ и идіотовъ. Если вы прослѣдите за сознаніемъ такихъ людей, то вы увидите, что оно очень кратковременно; едва предметъ успѣлъ сознаться такимъ ребенкомъ, или слабоумнымъ, какъ чрезъ нѣсколько мгновеній уже сознается другой и третій. Это безпрестанное и быстрое перескакиваніе вниманія отъ одного предмета къ другому такъ характеристично, что я узнаю только по одному этому идіота съ первыхъ минутъ его наблюденія: едва успѣли его глаза остановиться на одномъ предметѣ, они снова обращаются къ другому, третьему и т. д. Тоже самое мы видимъ у маленькихъ нормальныхъ дѣтей до 2-хъ лѣтняго возраста. Какъ бы ему ни нравился предметъ, взявъ въ руки, онъ роняетъ его, увидѣвъ другой предметъ, вошедшій въ сознаніе.

Чѣмъ представленіе богаче содержимымъ, и чѣмъ больше въ составъ его входитъ не только явныхъ, но и сокровенныхъ свойствъ и явленій даннаго предмета, тѣмъ сознаніе предмета яснѣе. Чѣмъ выше формація на пути дифференцированія, чѣмъ она энергичнѣе, тѣмъ долѣе она сознается и тѣмъ чаще вытѣсняется изъ сознанія всѣ другія формаціи. Такъ люди, преданные одной какойнибудь

идеѣ, или спеціальному изученію, суть самыя скучныя люди въ обществѣ, какъ и сами очень въ немъ скучаютъ, потому что предметы, чуждые ихъ занимающему предмету, сознаются съ трудомъ и съ чувствомъ неудовольствія; ихъ же излюбленная идея постоянно и неотвязно носится въ ихъ сознаниі. Если изученіе предмета, который во время занятій имъ сознавался съ поражающей ясностью и отчетливостью, въ продолженіи многихъ лѣтъ было оставлено, то человѣкъ самъ чувствуетъ, какъ съ годами улечучиваются изъ памяти детали представленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ все смутнѣе сознаются и сами представленія. Формаціи, подкрѣпляемыя и стимулированныя субъективными движеніями, сознаются дольше и энергичнѣе представленій одного объективнаго содержанія. Такъ представленіе любимаго существа сознается постояннѣе и чаще всѣхъ другихъ представленій; образъ умершаго ребенка долго не покидаетъ сознаниа родителей; представленіе убитаго ничѣмъ не можетъ вытѣсниться изъ сознаниа убійцы.

Изъ этого и прежде сказаннаго мы видимъ, что сознание не есть общая способность души, которую она примѣняетъ къ тому или къ другому содержанию ея опыта, а есть свойство каждой психо-интеллектуальной формаціи и можетъ продуцироваться каждой изъ нихъ, какъ проявленіе ея индивидуальной механической силы. Въ этомъ мы еще больше убѣдимся, если прослѣдимъ за борьбой, происходящей между представленіями до проявленія одного изъ нихъ въ сознаниі. Опытъ показываетъ, что въ одинъ и тотъ же моментъ сознательнаго мышленія разомъ не могутъ сознаться двѣ или больше формацій, а только одна.*) Если мы думаемъ о

*) Примѣч. Вундтъ Vorlesungen über die Menschen und Thier-seele. В. I. S. 37 und folg. придумалъ опытъ, наглядно доказывающій, что если два впечатлѣнія разомъ подѣйствуютъ на органы чувствъ человѣка, то ни въ какомъ случаѣ они не сознаются вмѣстѣ, а только одинъ за другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ опытъ доказываетъ, что скорость слѣдованія въ сознаниі одного впечатлѣнія за другимъ имѣетъ свой конечный предѣлъ, такъ что самое скорое слѣдованіе сознаниа одного процесса за другимъ равняется среднимъ числомъ не менѣе $\frac{1}{8}$ части секунды.

Приборъ Вундта состоитъ въ томъ, что достиженіе стрѣлкой двигающагося маятника опредѣленнаго мѣста передъ кругомъ, раздѣленнымъ на равныя части, совпадаетъ съ ударомъ металлическаго шеста о мѣдный рычагъ. При этомъ опытѣ можно убѣдиться въ удивительномъ результатѣ, что стрѣлка маятника, движущаяся передъ раздѣленнымъ кругомъ, никогда не замѣчается въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она дѣйствительно приходитъ въ моментъ удара по рычагу, а всегда на нѣсколько дѣленій шкалы ближе или дальше этого пункта. „Если я“, говоритъ Вундтъ, „преимущественно обра-

предметъ, на которомъ сильно сосредоточено наше вниманіе, т. е. когда въ насъ извѣстная интеллектуальная группа находится въ сильной дѣятельности, или то или другое чувство сильно волнуетъ душу и занимаетъ наше сознание, то внѣшнія явленія и объекты, впечатлѣнія на насъ и т. п., которыя всегда очень быстро сознаются, въ данный моментъ не возбуждаютъ никакого сознанія. Когда такому человѣку говорить, — онъ не слышитъ, что говорятъ, не видитъ даже, т. е. не сознаетъ встрѣчающіяся ему препятствія. Если данное усиленное психическое движеніе уляжется, тогда дѣлается возможнымъ доступъ въ сознание и другихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Если въ человѣческомъ мышленіи въ данный моментъ происходитъ самая слабая мыслевая дѣятельность, или если прежде дѣйствовавшіе психическіе элементы истощили свои силы, то каждое новое впечатлѣніе легко сознается. Мы видимъ здѣсь борьбу силъ между различными элементами мышленія, стремящимися къ одной общей цѣли и что побѣдителю достается въ удѣлъ вѣнецъ сознанія. Въ этомъ отношеніи и Herbart былъ правъ, принимая, что представленія перестаютъ сознаваться, когда ихъ сила падаетъ „ниже порога сознанія“.

Но сознание, разумѣется, не можетъ бороться само съ собою, очевидно потому, что оно не есть общая способность души, а атрибутъкаждаго отдѣльнаго психическаго процесса, который онъ можетъ проявить только тогда, когда онъ въ данный моментъ мышленія есть самый сильный. Что въ сознаніи проявляется сила, принадлежащая только каждому сознаваемому фактору, доказывается тѣмъ, что въ началѣ проявленіякаждаго психо-интеллектуальнаго процесса въ сознаніи онъ сознается яснѣе и отчетливѣе, нежели въ послѣдующемъ времени, и пропорціонально израсходованію на дѣятельность силы, его сознание все болѣе и болѣе слабѣетъ и наконецъ совершенно прекращается. Съ прекращеніемъ этого частнаго сознанія, можетъ наступить совершенно безсознательное состояніе въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени, какъ во снѣ или обморокѣ, или вышедшій изъ сознанія факторъ замѣняется другимъ: или вновь пришедшимъ въ дѣятельность, или замѣстителемъ въ сознаніи является одинъ изъ факторовъ той-же дѣятельной группы, къ которой принадлежалъ предшествующій, до того сознававшійся дѣятель. Изъ этого

щаю вниманіе на звонъ и его ожидаю, чтобы замѣтить въ моментъ звона положеніе стрѣлки, то я прежде слышу звонъ, а послѣ вижу стрѣлку“. Наоборотъ бываетъ, если больше обращается вниманіе на передвиженіе стрѣлки, и сознание звона опаздываетъ приблизительно на столько, насколько въ предидущемъ случаѣ опаздывало сознание движущейся стрѣлки.

слѣдуетъ, что для проявленія атрибута сознанія требуется отъ психоинтеллектуальной формаціи не только извѣстное абсолютное количество силы, но и относительно большая сила между всѣми дѣятелями даннаго момента мышленія. Такъ съ ослабленіемъ до того сильнѣйшей формаціи она замѣняется въ сознаніи сильнѣйшей изъ остальныхъ формацій группы.

Такъ напр., если человѣку, углубленному въ обдумываніи цѣлаго ряда явленій, кто нибудь передастъ извѣстіе, то послѣднее часто можетъ вовсе не сознаться до тѣхъ поръ, пока не закончится дѣятельность формацій прежде находившихся въ сознаніи, а затѣмъ только сознается слышанное извѣстіе, и если оно эмоціонное, то только съ его сознаніемъ начинаютъ обнаруживаться въ человѣкѣ и соотвѣтствующія ему чувства.

Какъ мышца, или группа мышцъ, вслѣдствіе болѣзненныхъ инерваціонныхъ токовъ можетъ придти въ судорожное состояніе, такъ и представленіе и другія формаціи могутъ быть въ болѣзненномъ возбужденіи ихъ движенія. Эта болѣзненно возбужденная сила, побѣждая собою силу нормальной дѣятельности интеллектуальныхъ процессовъ, больше всего поддерживаетъ въ сознаніи болѣзненно возбужденныя формаціи. Такъ начинается нерѣдко сумашествіе тѣмъ, что одно или группа представлений неотвязно живутъ въ сознаніи и тѣмъ мало по малу разстраиваютъ весь механизмъ мышленія; часто сумашествіе начинается галлюцинаціей слуха или зрѣнія, или предъ глазами человѣка неотвязно стоитъ тотъ или другой фантомъ его воображенія или онъ съ удивительною отчетливостью и постоянствомъ сознаетъ одну и ту же фразу, которую никто не произноситъ. Что сознаніе есть проявленіе чисто механически — біологической силы въ интеллектуальной дѣятельности, доказывается тѣмъ, что нуждаясь постоянно въ притокъ питательнаго матеріала изъ пищи для вознагражденія потерянной силы изъ потенциальнаго запаса, оно во время страданія голодомъ слабѣетъ. Мало-кровные люди слабо сознаютъ и очень легко падаютъ въ обморокъ, т. е. у нихъ прекращается всякая способность сознанія.

Что сознаніе есть только видъ психическаго движенія доказывается тѣмъ, что яды, уменьшающіе или прекращающіе инерваціонное движеніе вообще, притупляютъ или прекращаютъ сознаніе. Опіаты притупляютъ сознаніе; эфиръ и хлороформъ, уничтожающіе тонусъ мышцъ, вслѣдствіе ослабленія движенія въ нервахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаютъ всякую способность сознанія боли; самыя ужасныя операціи не со-

знаются человѣкомъ, находящимся подъ вліяніемъ этихъ средствъ. Даже вообще пріостанавливающіе иннерваціонное и психическое движеніе, какъ сильныя психическіе стимулы, въ видѣ аффектовъ: страха, ужаса, потрясающей печали или радости и т. п. вызываютъ обморокъ, или сильно притупляютъ способность сознанія. Такъ говорятъ „онъ опалѣлъ отъ радости“, „обезумѣлъ отъ горя“.

Изъ сказаннаго мы не только убѣдились, что каждое сознаніе есть только продуктъ того, что сознается, но что оно есть вмѣстѣ съ этимъ высшее проявленіе сознаемаго въ данный моментъ мышленія. Что это есть простое проявленіе механической силы вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ время, необходимое для протеченія этой силы, пока она не обывится въ сознаніи. Опыты показали, что при слѣдованіи одного впечатлѣнія за другимъ въ сознаніи требуется по меньшей мѣрѣ около $\frac{1}{3}$ части секунды. Необходимое время для сознанія того или другаго виѣшняго впечатлѣнія было измѣряемо многими изслѣдователями. У различныхъ экспериментаторовъ оно колеблется около слѣдующихъ цифръ:

Для звука отъ 0", 16 до 0", 14

Для осязанія отъ 0", 21 до 0", 18.

Для свѣта отъ 0", 20 до 0", 22.

Мы выше видѣли, что время, нужное для вызванія рефлеса (безсознательнаго движенія) значительно меньше вышеприведеннаго *minimum'a* времени для сознанія. Слѣдовательно, это—механизмъ, требующій для своего развитія опредѣленное время, ниже котораго процессъ сознанія дѣлается невозможнымъ. Мы въ самомъ дѣлѣ можемъ въ этомъ убѣдиться наблюденіями за теченіемъ дѣятельныхъ представленій. Если это теченіе быстро, то человѣкъ едва сознаетъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Ораторы, говорящіе подъ вліяніемъ вдохновенія или волненія, очень скоро по окончаніи рѣчи не могутъ воспроизвести и большей части ими сказаннаго, потому что не все успѣло исполнѣ сознаться и остаться въ памяти. Есть сложныя движенія, для совершенія которыхъ человѣкъ долженъ долго изучать представленія каждаго движенія, а затѣмъ его выполненія своими мышцами. Такъ напр. дѣти учатся ходить, взрослые—танцовать сложныя танцы, музыканты—играть на своихъ инструментахъ. Сначала эти представленія и движенія медленно слѣдуютъ другъ за другомъ и вы можете слѣдить за вниманіемъ его сознанія при выполненіи каждаго движенія. Но если извѣстные ряды ассоціацій представленій очень часто повторяются

въ своемъ слѣдованіи, то они, какъ намъ извѣстно, съ необычайной быстротой могутъ протекать въ мышленіи, потому что вслѣдствіе силы связи между отдѣльными представленіями рядовъ за предшествовавшимъ непосредственно слѣдуетъ послѣдующее и т. д. Такъ напр. удары пальцами по клавишамъ слѣдуютъ у виртуоза другъ за другомъ съ необычайной быстротой, превышающей въ своемъ слѣдованіи мѣнѣе времени необходимаго для сознанія каждаго отдѣльнаго представленія. Вслѣдствіе этой быстроты виртуозы вовсе не сознаютъ своихъ отдѣльныхъ движеній во время игры; также точно танцоры во время быстрыхъ танцевъ думаютъ или разговариваютъ о другихъ предметахъ, не оставляя мѣста въ сознаніи представленіямъ танцевъ.

Но не всегда, какъ мы выше сказали, психо-интеллектуальная формація приходитъ въ сознаніе только вслѣдствіе ихъ абсолютной силы и часто сознаніе достается формаціи потому только, что прійдя въ интеллектъ въ моментъ слабѣйшаго мыслеваго движенія она дѣлается такимъ образомъ относительно сильнѣйшей. Всякій путникъ сознаетъ въ ночной темнотѣ впечатлѣніе свѣта, изъ какого бы слабого источника онъ не происходилъ, тогда какъ при солнечномъ свѣтѣ онъ не сознаетъ свѣта звѣздъ, въ очень освѣщенной залѣ онъ не замѣчаетъ ни одного изъ источниковъ, разливающихихъ въ ней свѣтъ. Если впечатлѣніе, хотя сначала и слабо, но очень часто повторяется, то оно болѣе и болѣе дѣлается господствующимъ въ сознаніи и не допускаетъ туда даже сильныхъ представленій. Болѣзнь слуховаго аппарата или его нерва вызываютъ постоянно сознаніе шума или звона; пятно на роговой оболочкѣ вызываетъ представленіе того или другаго образа, которое сначала оцѣнивается по его объективному достоинству, но вскорѣ это и подобныя представленія, побѣждая въ сознаніи всякую другую дѣятельность, дѣлаются причиной преобладающаго сознанія и вслѣдствіе этого сумасшествія.

Изъ сказаннаго мы во первыхъ видимъ, что сознаніе вовсе не подчиняется волѣ, а во вторыхъ, что оно зависитъ отъ собственной силы психо-интеллектуальныхъ формацій и отъ толчковъ, которые поддерживаютъ эти формаціи въ дѣятельности.

При изслѣдованіи памяти мы пришли къ такимъ же точно результатамъ, т. е. мы убѣдились, что память есть одинъ изъ видовъ проявленія дѣятельности каждаго психическаго тѣла, зависитъ отъ его силы и содержимаго и обуславливается толчкомъ, получаемымъ извнѣ для пе-

рехода его изъ недѣятельнаго въ дѣятельное состояніе. Спрашивается, чѣмъ-же отличается память отъ сознанія?

Подъ памятью мы, какъ читатель убѣдился изъ предыдущей главы, не только понимаемъ процессъ возобновленія въ сознаніи, бывшаго въ немъ фактора познаній во время прошлаго опыта и болѣе или менѣе давно изъ него исчезнувшаго, но разумѣемъ вообще возобновленіе дѣятельности интеллектуальныхъ процессовъ, находившихся до акта памяти въ недѣятельномъ состояніи и потому не продуцировавшихъ никакой интеллектуальной силы. Этотъ процессъ, вновь пришедшій въ дѣятельность силой памяти, можетъ сознаться или нѣтъ, вся суть памяти состоятъ въ томъ, что то, что уже продуцировало психо-интеллектуальную функцію и перестало его продуцировать, вновь переходитъ въ прежнюю дѣятельность. Мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться, что хотя всякое сознаніе есть проявленіе интеллектуальной дѣятельности, но не всякая психо-интеллектуальная дѣятельность проявляется въ сознаніи. Пока человекъ въ своемъ собственномъ сознаніи черпалъ познаніе о его мышленіи, ему только то казалось мыслью и мыслевой работой, что отражалось въ его сознаніи. Какъ бы свѣтло ни было въ средѣ, окружающей человека, тѣ мѣста, которыхъ лучи не дѣйствуютъ на его зрительную оболочку, кажутся ему темными, а свѣтлымъ только то, что видятъ его глаза; но стоитъ ему обернуться назадъ и то, что ему казалось темнымъ, вдругъ для него просвѣтлѣетъ, а прежде озаренное для него яркимъ свѣтомъ, погрузится въ мракъ, хотя дѣйствительныя условія свѣта тамъ ни на волосъ не измѣнились. Такъ точно съ мышленіемъ. Человекъ видитъ дѣятельность мысли только тамъ, гдѣ эта дѣятельность проявляется въ его сознаніи. Заблужденіе прежнихъ психологовъ раздѣляется и въ настоящее время многими философами. Уже прежде Локке * говорилъ: „Одно и тоже имѣть представленіе и сознавать что нибудь“. Только Лейбницъ, желая поддержать противъ могучей и враждебной его ученію критики Локке свою теорію о врожденныхъ идеяхъ и непрекращающейся дѣятельности силы представленій, ухватился за бессознательное мышленіе, какъ за якорь спасенія, чтобы защитить себя отъ нападокъ Локке, и старался доказать возможность постояннаго мышленія человека даже и безъ сознанія этого мышленія. Такимъ образомъ Лейбницъ отличалъ два вида постоянно дѣйствующихъ представленій: Per-

* Locke, *Versuche über den Menschlichen Verstand*. Buch II. Cap. 1. § 9.

ception — дѣятельность несознаваемаго представленія и Apperception — сознаваемое представленіе или сознание *. Онъ говоритъ: „изъ того, что душа не сознаетъ мысли, вовсе не слѣдуетъ, что она перестаетъ думать“ **. Но послѣ Лейбница болѣе объективный методъ изслѣдованія человѣческаго мышленія доказалъ, что дѣйствительно дѣятельный процессъ человѣческаго мышленія можетъ совершаться въ насъ безсознательно и то, что намъ приходитъ въ сознание изъ дѣятельности нашего мышленія, вовсе не есть та дѣйствительная объективная дѣятельность. Такъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, что въ сознаніи нашей мыслевой работы мы сознаемъ не самые дѣятельные процессы мышленія съ ихъ содержаніемъ, какъ представленія, понятія и т. п., а только какъ слова, какъ символы; между тѣмъ, какъ эти символы сами по себѣ не могутъ продуцировать никакой интеллектуальной силы, а пониманіе дается содержаніемъ самихъ мыслевыхъ процессовъ, съ которыми соединяются только представленія ихъ названій, въ стремленіи ихъ разрѣшенія наружу дѣйствіемъ. Что сознание, выражающееся только въ словахъ, ничуть не выражаетъ объективнаго нашего мышленія, доказывается мышленіемъ маленькихъ дѣтей, не научившихся еще говорить, а также при нѣкоторыхъ болѣзняхъ мозга, когда сохраняется память самыхъ представленій, а теряется память названій этихъ представленій; у глухонѣмыхъ и наконецъ у животныхъ, у которыхъ вовсе нѣтъ представленій словъ для обозначенія представленій, тѣмъ не менѣе несомнѣнно происходитъ сознательная мыслевая дѣятельность. Между тѣмъ, когда человѣкъ не приобрѣлъ себѣ изъ опыта представленій, или понятій, касающихся какого нибудь предмета познанія, то изученіе однихъ только названій этихъ представленій и др. интеллектуальныхъ формаций не даетъ ни малѣйшаго познанія того предмета.

Необходимость же ограниченія сознанія въ сложномъ мышленіи одними словами-символами, во первыхъ, зависитъ отъ того, что у человѣка, вслѣдствіе огромнаго числа и большихъ размѣровъ психо-интеллектуальныхъ сложныхъ формаций, не хватаетъ мѣста въ сознаніи, доступномъ въ каждый данный моментъ только для одного процесса; слова же, какъ символы, влекущіе за собою связанныя съ ними формации, сами незначительнаго объема и содержанія представленія и потому они

* Leibnitz, Monadologie § 14.

** Leibnitz Neue Versuche über d. Menschlich. Verst. Buch II. Cap. 1. § 10. Цитировано Гаргманомъ Philos d. Uubew. § 15.

сами быстро переходятъ черезъ сознаніе, тогда какъ ихъ другая главная часть работаетъ безсознательно. Во вторыхъ, необходимость эта вызывается недостаткомъ времени. При скорости, которая обыкновенно требуется при сложныхъ мыслевыхъ процессахъ, болѣе или менѣе короткія и бѣдныя содержаніемъ слова гораздо скорѣе совершаютъ свое теченіе въ сознаніи, нежели то сдѣлали бы настоящіе мыслевые факторы. Но сознаніе ряда словъ и фразъ даетъ понятіе о томъ, что въ мышленіи работаютъ тѣ силы, одни символы которыхъ только представляются въ сознаніи. Наконецъ, независимо отъ словъ, сознаніе самихъ мыслевыхъ процессовъ вовсе не отвѣчаетъ объективной дѣйствительности. Такъ напримѣръ, если мы будемъ раздражать какой нибудь изъ нашихъ чувствительныхъ нервовъ механически, или химически, то въ нашемъ сознаніи получимъ не представленіе нерва съ его разстроеннымъ равновѣсіемъ въ питаніи его малекюль, не волокна его, разрушенная химическимъ разлагающимъ веществомъ, а только будемъ сознавать одно чувство нестерпимой боли. Такъ точно при сознаніи представленій, объектовъ, синтезовъ и другихъ образованій, въ нашемъ сознаніи нисколько не отражаются объективные процессы ихъ образованія въ первичныхъ волокнахъ и мозгу, а сознается только готовый результатъ, такъ что по сходству, аллегорически, сознаніе можно назвать органомъ чувствъ для психическихъ движеній. Какъ образовавшіяся чрезъ наши внѣшніе органы чувствъ воспріятія и представленія не даютъ познанія истиннаго объективнаго міра, а только ихъ самихъ, т. е. организованныхъ продуктовъ нашего субъективнаго творчества, такъ и мыслевые процессы не существуютъ въ объективномъ состояніи такими, какими они познаются нами съ помощью нашего сознанія. Это только субъективная реакція нашихъ мыслевыхъ силъ, дѣйствующихъ въ насъ, и тогда только реагирующихъ и на столько, насколько это допускается субъективными условіями нашей природы. Слѣдовательно мы видимъ, что между возобновленіемъ улегшейся объективной мыслевой формаци, дѣятельностью памяти и субъективнымъ представленіемъ этой дѣятельности въ сознаніи есть огромная разница. Наконецъ, память есть атрибутъ уже живущихъ въ насъ интеллектуальныхъ формаций и выражаетъ только способность возобновленія ихъ дѣятельности; сознаніе же есть атрибутъ не только этихъ тѣлъ, но и вновь зарождающихся, когда они во время своего рожденія могутъ проявить нужную силу для своего сознанія. Въ субъективномъ актѣ сознанія заключается, какъ мы видѣли, воспреемникъ, при-

крѣпляющій каждую вновь рождающуюся формацию къ организму, какъ часть его и какъ его постоянную силу, которою организмъ можетъ съ помощью памяти постоянно пользоваться. Даже то, что вслѣдствіе или интеллектуальной слабости, или ослабляющихъ дѣйствій на мозгъ, или отъ того, что мыслевая дѣятельность, совершившаяся въ другомъ направленіи, не оставила должествующему сознаться процессу достаточной силы для яснаго сознанія и потому не созналось отчетливо, — скоро умираетъ и уже никогда не будетъ работникомъ познанія. Всякій же мыслевой актъ, если онъ вполне ясно и отчетливо сознался со всѣми деталями познаваемого объекта, надолго и даже навсегда остается умственной принадлежностью организма, и тѣмъ легче вспоминается каждый фактъ познанія, чѣмъ онъ яснѣе и отчетливѣе сознался впервые. Наконецъ, памятью могутъ призываться въ дѣятельность разомъ нѣсколько психическихъ факторовъ; такъ мы видѣли, что наше мышленіе есть результатъ одновременной работы нѣсколькихъ процессовъ вмѣстѣ въ одной группѣ; сознаться въ каждый данный моментъ можетъ только единичный процессъ, за которымъ въ сознаніи можетъ только слѣдовать другой процессъ, а не быть съ нимъ вмѣстѣ. Слѣдовательно мы видимъ, что сознаніе есть субъективный актъ нашей психической дѣятельности, съ помощью котораго интеллектуальная формация всѣхъ степеней прикрѣпляются къ субъекту, дѣлаются его силой, и при каждомъ актѣ памяти всякій процессъ тогда больше и больше крѣпнеть, когда онъ всякій разъ возобновляетъ свои силы и въ сознаніи. Какъ всякое представленіе сознается, когда оно доходитъ до высшей степени дѣятельности, среди элементовъ мышленія дѣйствующихъ въ данный моментъ, такъ и представленіе „я“ при тѣхъ же условіяхъ должно тоже проявить этотъ же атрибутъ. Его называютъ самосознаніемъ, но въ сущности — сознаніе человѣкомъ его собственнаго „я“ не есть что нибудь особенное, а только частный случай проявленія сознанія.

Такъ какъ представленіе „я“ есть произведеніе чувствъ собственнаго тѣла и потому съ каждымъ его чувствомъ оно приходитъ въ дѣятельность, сознается, и потому крѣпнеть гораздо больше, нежели другія представленія опыта; то понятно, почему „я“ чаще всѣхъ другихъ озаряется сознаніемъ и его сознаніе очень часто предшествуетъ другимъ актамъ сознанія, или слѣдуетъ за ними, но тѣмъ не менѣе это сознаніе тоже субъективно, какъ и сознаніе всѣхъ другихъ актовъ мышленія.

Колоссальный умъ Фихте, желавшій въ сознаніи своего „я“ найти

разгадку законовъ души (Ich-Sinn), пришелъ къ самымъ должнымъ заключеніямъ и выводамъ. Сказанное нами о сознаниі позволютъ читателю по заслугамъ оцѣнить и теорію Гартмана, раздѣляющаго сознание на мозговое и отвлеченное (см. *op. cit.* стр. 396—7). Наконецъ изъ сказаннаго мы убѣдились, что сознаются нами уже готовые результаты, а не самая мыслевая дѣятельность и актъ ея творчества. Она совершается въ бессознательной тиши, а сознание получаетъ только то готовое, что можетъ сдѣлаться приростомъ психо-интеллектуальнаго органа. Такъ часто мы тщетно долго стремимся сознательно рѣшить занимающій насъ умственный вопросъ или задачу, хотя мы смутно предвидимъ возможность этого рѣшенія. Проходитъ время и рѣшеніе искомаго является вдругъ въ сознание, какъ готовое, не смотря на то, что человѣкъ не сознавалъ ни одного изъ путей, приведшихъ его къ такому творчеству. Изумленное сознание признаетъ это, ему открывшееся творчество, за вдохновеніе свыше, или за чудо его собственной души *.

* У Carpenter'a (*Mental physiologie* въ XIII главѣ) содержится много примѣровъ бессознательнаго творчества. Между прочимъ онъ рассказываетъ про своего друга — математика слѣдующее: Онъ долго занимался рѣшеніемъ геометрической проблемы, рѣшеніе которой онъ предугадывалъ, но его старанія ее найти были тщетны. Спустя много лѣтъ искомое рѣшеніе до того внезапно представилось его сознанию „что онъ задрожалъ, какъ будто другой ему сообщилъ свой собственный секретъ“ (р. 536).

ГЛАВА XIII.

Выводы изъ теоріи для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и ума.

Въ 1-мъ томѣ этого сочиненія (см. отъ 394 до 404 страницы) и въ настоящемъ (см. Глава V-я отъ 150 до 201-й страницы) мы изложили данныя, вытекающія изъ нашей теоріи для правильной закладки фундамента и перваго этажа зданія человѣческаго пониманія и разума. Затѣмъ выше изложенное изслѣдованіе мыслевой работы человѣка, въ ея прогрессирующемъ развитіи, намъ показало, что во 1-хъ субстратъ увеличивающагося ума и знанія вырабатывается мыслевой функцией путемъ постепеннаго дифференцированія новыхъ болѣе сложныхъ частей психо-интеллеутуальнаго органа, начинаясь въ основной интеллеутуальной ткани, состоящей изъ воспріятій, представленій и ихъ первоначальныхъ связей.

Во 2-хъ мы узнали, что фундаментъ нашего психо-интеллеутуальнаго органа, состоящій изъ непосредственныхъ продуктовъ опыта, можетъ отличаться у разныхъ людей только количественно, въ объемѣ и числѣ, но не качественно, т. е. что познаніе отдѣльныхъ явленій и предметовъ опыта есть видовое: здоровые люди одинаково познаютъ то, что находится передъ ихъ органами чувствъ. Но съ дальнѣйшимъ анализомъ мы убѣдились, что каждый человѣкъ, предоставленный своему собственному развитію въ мышленіи среди природы и общества, по мѣрѣ удаленія его мыслеваго творчества отъ этого фундамента, дѣлается своеобразнѣе въ комбинаціяхъ и результатахъ его мыслевой работы, его пониманіе и міровоззрѣніе принимаетъ все болѣе и болѣе индивидуальный характеръ, рѣзко отличающійся отъ видоваго первоначальнаго познанія, послужившаго основой для его развитія.

Чѣмъ выше развивается въ человѣкѣ такое психо-интеллеутуальное зданіе, тѣмъ болѣе оно отличается отъ міровоззрѣнія другихъ людей такого-же развитія; старинная пословица „*Si duo dicunt idem, non est idem*,” вполне характеризуетъ своеобразность сложившагося такимъ путемъ въ

каждомъ человѣкѣ познавательнаго органа, развивающаго, какъ функцію, мировоззрѣніе, вѣрованія и убѣжденія, его носителя. Съ помощію нашего изслѣдованія мы убѣдились, что — индивидуальность или своеобразность, присущая каждой отдѣльной личности въ дальнейшемъ развитіи психо-интеллектуальнаго органа, зависитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: а) отъ человѣческой субъективности и б) отъ фантастичности. Намѣсто правильнаго развитія путемъ дифференцірованія изъ объективныхъ элементовъ, порожденныхъ дѣйствительнымъ опытомъ, вышихъ и болѣе сложныхъ тканей съ чисто объективнымъ содержаніемъ, порождающимъ истинное познаніе, человѣческое чувство и воображеніе, ускоряя работу дифференцірованія, соединяетъ объективные продукты опыта съ своими внутренними чуждыми ему элементами. Поэтому функція такъ неправильно развившихся субстратовъ, — въ видѣ субъективныхъ или фантастичныхъ синтезовъ, не можетъ дать реальнаго познанія опыта, тѣ синтезы настолько своеобразны въ каждомъ человѣкѣ и въ каждой области его знанія, насколько личный субъективизмъ и воображеніе и ихъ участіе въ дифференцірованіи той или другой ткани психо-интеллектуальнаго органа у отдѣльныхъ людей различны.

На основаніи нашей теоріи мы получили возможность реальнаго представленія постепеннаго развитія въ каждомъ человѣкѣ такого органа познанія, который, по силамъ, принимающимъ участіе въ его постройкѣ, можно назвать интеллектуально-субъективно-фантастично-психическимъ органомъ, въ отличіе отъ чистаго психо-интеллектуальнаго объективнаго органа, развивающагося прямо изъ реальнаго опыта, безъ участія человѣческой субъективности и фантазіи. Мы видѣли, что въ развивающемся первымъ путемъ органѣ познанія фантазія и чувство принимаютъ то большее, то меньшее участіе, и нерѣдко сила здраваго объективнаго мышленія въ отдѣльныхъ личностяхъ въ одной или нѣкоторыхъ только областяхъ мышленія побѣждаетъ этихъ враговъ истины и приводитъ къ спеціальнымъ, чисто объективнымъ высшимъ результатамъ мышленія. Такимъ образомъ развитый обыкновеннымъ путемъ органъ познанія каждаго человѣка представляетъ соединеніе въ различныхъ комбинаціяхъ: субъективныхъ и фантастичныхъ синтезовъ и индукцій съ истинными, объективными. Эта смѣсь понятій и вѣрованій хотя есть продуктъ индивидуальнаго развитія, но его образовательный матеріалъ выработанъ соединенными силами всего человѣчества и каждый человѣкъ, усваивая тѣ

синтезы, до него сложившіеся, комбинируетъ, дополняетъ и видоизмѣняетъ ихъ сообразно съ своими умственными способностями, чувствами, полетомъ фантазіи и временемъ, которое употреблялось имъ на мышленіе. Мы указали на полезные и вредные результаты такого развитія и наконецъ мы поняли причину, почему человѣческая мысль, такъ долго бродившая по бесплоднымъ степямъ заблужденія и ложныхъ ученій, наконецъ ступила на землю обѣтованную—на почву высшаго видоваго познанія.

Путь къ очищенію человѣческаго мышленія отъ субъективизма и фантастичности, какъ мы видѣли, проложенъ не однимъ гениемъ, не единымъ вдохновеніемъ, а мыслевой работой всего, до того времени думавшаго и искавшаго истины человѣчества въ совокупности. Съ доказанными заблужденіями, съ разъединяющими противорѣчіями во взглядахъ и мнѣніяхъ передовыхъ людей, какъ реакція приготавлилась и очистительная сила человѣческаго познанія. Только съ конца XVI столѣтія, какъ мы видѣли, изъ этихъ частныхъ элементовъ, среди человѣческаго мышленія, начали развиваться начала для полученія чистыхъ психическихъ объективныхъ синтезовъ. Послѣдніе по мѣрѣ ихъ образованія, не только разбивали съ помощію критики и анализа прежнія сочетанія, въ которыхъ познаніе дѣйствительности извращалось чувствомъ и фантазіей, но образующіяся вновь соединенія подъ ихъ вліяніемъ слагались съ помощію метода путемъ реальной дѣйствительности, провѣренной опытомъ. Хотя матеріалъ для такихъ индукцій, какъ мы убѣдились выше, созрѣлъ еще до Бэкона и онъ примѣнялся уже независимо отъ него его современниками въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но Бэконъ лучше своихъ предшественниковъ представилъ начала и методъ индукціи въ обобщенной формѣ. Онъ повѣдалъ человѣчеству законъ объективнаго познанія въ наукахъ вообще, а Галилей и другіе руководствовались этимъ принципомъ, только какъ частнымъ средствомъ для открытія истины, не давая себѣ отчета объ его общемъ значеніи. Примѣненіе индуктивнаго метода вообще для научнаго изслѣдованія причинъ явленій было важно не только, какъ думаютъ, для точности научныхъ изслѣдованій, но и для очищенія мышленія и пониманія вообще. Результаты примѣненія критики и точнаго метода, какъ мы видѣли, обогатили человѣчество новымъ фактомъ, а именно видовымъ знаніемъ въ высшихъ сферахъ пониманія т. е. научными выводами, доступными и бесспорными для всякаго чело-

вѣка, кто только былъ въ состояніи повторить и понять ходъ изслѣдованія, приведшаго къ полученію такой истины. Вся важность этого вліянія, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что въ человѣческомъ умѣ, среди отвлеченныхъ индивидуальныхъ синтезовъ и индукцій, въ которыхъ знаніе дѣйствительности было фальсифицировано субъективностію и воображеніемъ, явилось видовое — отвлеченное знаніе, положительное, недопускающее индивидуальныхъ и различныхъ мнѣній.

Такимъ образомъ человѣчество, кромѣ своего видоваго знанія, бывшаго до того только атрибутомъ его низшихъ слоевъ мышленія, получило еще и высшее видовое знаніе въ самыхъ отвлеченныхъ областяхъ психо-интеллектуальнаго органа. Пока видовое — объективное знаніе продуцировалось только низшими элементами психо-интеллектуальнаго органа, оно было безсильно побѣдить высшіе синтезы, развивавшіеся подъ вліяніемъ чувства и воображенія, поэтому послѣдніе господствовали въ мышленіи надъ первыми. Но съ развитіемъ высшихъ объективныхъ психическихъ силъ, какъ продукта высшей степени психо-интеллектуальнаго дифференцированія, послѣдніе, болѣе сильныя, по извѣстному намъ закону, нежели синтезы субъективные и созданныя путемъ фантазіи, начали проявлять свое преобладаніе въ мышленіи. Съ тѣхъ поръ въ передовыхъ членахъ человѣчества стремленіе къ объективному знанію сдѣлалось господствующимъ. Высшіе объективные синтезы и законы также, какъ интуитивныя, должны быть видовыми, потому что, слагаясь изъ чисто объективныхъ фактовъ опыта, ихъ субстратъ не можетъ измѣняться индивидуальностію, и вѣра, вызванная въ одномъ человѣкѣ такимъ чисто объективнымъ синтезомъ или закономъ, дѣлается общей вѣрой всѣхъ людей, создавшихъ себѣ мыслевой работой такой синтезъ. Хотя, правда, человѣчество и прежде обладало нѣсколькими абсолютными и неопровержимыми истинами, въ видѣ математическихъ аксіомъ, но это были индукціи ограниченной области количественныхъ познаній, сложившихся изъ множества непосредственныхъ возрѣній, безпрестанно подерѣпляемыхъ очевидностію непосредственнаго опыта. Со введеніемъ же правильнаго метода изслѣдованія, человѣчество стало безпрестанно обогащаться видовыми истинами и въ тѣхъ отвлеченныхъ сферахъ познанія, которыя очень удалились отъ непосредственнаго опыта и ему даже недоступны, какъ: законы движенія небесныхъ свѣтилъ, тяготѣнія и т. п.

Но это примѣненіе Законамъ и его послѣдователями вновь развив-

шейся психической силы человѣчества только къ научнымъ изслѣдованіямъ, по нашему мнѣнію, вполне односторонне, потому что при этомъ всѣ остальные пути, по которымъ идетъ прогрессъ человѣческой мысли, оставались въ прежней тѣмѣ, и мысль была предоставлена прежнимъ случайностямъ субъективизма и фантазіи.

При изложеніи нашей теоріи мы убѣдились, что высшая работа человѣческаго мышленія стремится къ образованію внутреннихъ психоинтеллектуальныхъ комбинацій и связей, дающихъ познанія сначала частныхъ объектовъ и ихъ отношеній, которыя, соединяясь въ общіе синтезы и индукціи, даютъ познаніе атрибутовъ цѣлыхъ классовъ законовъ, управляющихъ многими частными отношеніями. Мы видѣли, что это стремленіе къ развитію, вовсе не ограничивается одними явленіями и отношеніями научнаго содержанія, а что они относятся ко всѣмъ объектамъ опыта и ихъ отношеніямъ, безъ ограниченія ихъ какой-бы то ни было спеціальностію. Познаніе истины и законовъ, управляющихъ всѣми частными движеніями нашего опыта, для насъ очень важны не только въ областяхъ науки, но и во всѣхъ общежитійскихъ явленіяхъ и во всемъ томъ, что входитъ въ насъ, какъ новый элементъ познанія.

Природа нашего мышленія одинакова въ проявленіяхъ всѣхъ ея элементовъ, изъ какой бы области познанія они ни явились. Она выражается стремленіемъ къ соединенію частныхъ и отдѣльныхъ факторовъ знанія въ общіе. Развитіе въ человѣчествѣ психическихъ силъ чистаго объективнаго происхожденія разомъ освѣтило причину неправильнаго сочетанія разрозненныхъ и частныхъ элементовъ въ общіе синтезы; оно открыло врага истины, существующаго въ насъ самихъ, въ видѣ двуглаваго звѣря, — субъективность и фантазію. Сознаніе каждаго человѣка, еще неосвѣщенное новымъ свѣтомъ чисто объективныхъ индукцій, принимало дѣйствительность, извращенную фантазіей и субъективностію за истину, вѣрило ей и обманывалось ею. Съ развитіемъ высшихъ психическихъ силъ, чистаго объективнаго происхожденія, прежніе синтезы и индукціи оказались слабѣйшими, и вездѣ, въ каждой области человѣческаго мышленія, гдѣ наступаетъ борьба между этими враждебными силами, истина должна восторжествовать надъ заблужденіемъ. Мы видѣли, что каждый изъ психическихъ синтезовъ и каждая изъ психическихъ индукцій, развиваясь изъ дѣйствительнаго опыта внѣ вліяній человѣческой субъективности и фантазіи, обнимаетъ собою только спеціаль- ный классъ, какъ объективныхъ свойствъ цѣлаго класса объектовъ, такъ и

объективныхъ законовъ, содержащихъ въ себѣ цѣлыя классы особенныхъ отношеній, изъ которыхъ тѣ общіе синтезы и индукціи образовались. Слѣдовательно, разнообразіе нашего высшаго объективнаго знанія зависитъ отъ разнообразія такихъ, въ насъ развившихся, синтезовъ и индукцій, а степень истины нашего знанія будетъ зависетьъ отъ объективной чистоты, до которой дошли тѣ синтезы и индукціи въ своемъ высшемъ развитіи. Мы видѣли, что чѣмъ послѣдніе выше и чище въ каждой области нашего мышленія, тѣмъ они больше противодѣйствуютъ вѣрѣ въ ложныя субъективныя и фантастическія соединенія, и тѣмъ больше подчиняются ихъ объективной силѣ имѣющіяся развиваться въ будущемъ психо-интеллектуальныя соединенія, расширяющія познанія человѣка въ различныхъ областяхъ. Изъ сказаннаго мы видимъ, что въ тѣхъ, недавно развившихся въ человѣкѣ, психическихъ объективныхъ синтезахъ и индукціяхъ заключается сила чистаго разума, съ помощію котораго въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ должно развиваться познаніе истины общей для всего вида.

Ясно, что вновь приобрѣтенную нами силу чистаго разума мы должны направлять не въ одну только сторону научныхъ изслѣдованій, а сдѣлать силой всего нашего мышленія и пониманія. Главное стремленіе педагогикки и высшихъ представителей общества, по нашему мнѣнію, должно состоять въ постепенномъ подчиненіи всѣхъ областей человѣческаго мышленія и пониманія этой психической силѣ, какъ единственной гарантіи познанія дѣйствительной, а не кажущейся истины. По нашему убѣжденію, главной задачей и цѣлью современной педагогикки должно быть стремленіе вывести человѣческую мысль изъ періода индивидуальнаго мышленія въ періодъ видоваго, въ которомъ истина одного дѣлается истиной всѣхъ. Единственнымъ средствомъ для этого, какъ мы знаемъ, служить постепенное развитіе въ каждомъ воспитанникѣ психическихъ силъ. Начало этого развитія должно совпадать съ первыми зачатками мыслевой работы и постепенно рости до полученія чистыхъ и высшихъ психическихъ силъ. Въ нихъ, какъ въ пищеварительномъ аппаратѣ, все познанное должно перевариться и усвоиться; неудобоусвояемое, влѣдствіе недостаточнаго развитія пищеварительныхъ силъ, остается непонятымъ, а все противное природѣ того желудка извергается изъ познанія.

Въ предъидущихъ главахъ мы представили образъ реального развитія, путемъ дифференцированія, какъ индивидуальнаго психо-интел-

лектуального органа изъ видового фундамента, такъ и объективнаго видового психо-интеллектуального органа, насколько послѣдній уже успѣлъ выработаться человѣческой мыслію. Мы видѣли какъ условія, при которыхъ развивался тотъ или другой слой нашего познавательнаго органа, такъ и отношеніе этихъ образованій къ познанію истины. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ періодѣ индивидуальнаго развитія познанія, люди знали много истинъ и нѣкоторыя особи достигали высокаго развитія умственной силы. Доказательствомъ тому служатъ памятники древнихъ наукъ, гдѣ съ заблужденіями соединялось и положительное знаніе, математика и гениальныя произведенія древнихъ философовъ. Но это умственное состояніе человѣчества, находящагося въ періодѣ того развитія, похоже на питаніе золотушнаго тѣла. Послѣднее отличается неравномѣрностію и недолговѣчностію. Однѣ части тѣла страдаютъ отъ недостатка, другія отъ болѣзненно увеличеннаго питанія, влѣдствіе котораго яички нѣкоторыхъ тканей и органовъ ненормально размножаются, органы увеличиваются въ объемѣ. При этомъ, жизнь въ организмѣ протекаетъ какъ будто энергично: нѣкоторые органы питаются и работаютъ правильно. Но ненормальный приростъ не даетъ ничего постояннаго и полезнаго организму. Болѣзненно-увеличенные въ числѣ яички скоро умираютъ или распадаются на гнойныя яички, — исходы, влекущіе за собою цѣлый рядъ патологическихъ состояній, нерѣдко кончающихся смертію. Въ индивидуальномъ періодѣ умственнаго развитія человѣчества мы замѣчаемъ похожее. Огромное его большинство остается въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, при отсутствіи почти всякой умственной дѣятельности; среди меньшинства думаютъ, иногда доискиваются истины, но большею частію рѣдко ее находятъ, а на мѣсто ея получаютъ истину только кажущуюся, вводящую въ заблужденіе; впрочемъ, и въ этомъ періодѣ творчество нѣкоторыхъ исключительныхъ личностей приводитъ и къ гениальнымъ комбинаціямъ творчества фантазіи, къ высокимъ идеямъ нравственности, къ поразительнымъ глубокимъ философскимъ идеямъ, но все это, какъ неидущее изъ непосредственнаго опыта, созданное не подъ вліяніемъ высшихъ — психическихъ силъ, чисто объективнаго содержанія, мало приносило и приносить пользы человѣчеству. Все подобное творчество мысли или вскорѣ послѣ своего проявленія лопается, какъ мыльный пузырь, или увлекаетъ человѣчество, нерѣдко оставляя въ его исторіи слѣды горя и разочарованія въ поздно сознаннымъ заблужденіи. Мы убѣдились, что

видовая мыслевая работа даетъ постоянныя, видовыя познанія, входящія въ кровь и плоть человѣчества и способствующія къ дальнѣйшему прогрессу не отдѣльныхъ личностей, сословій, а всего человѣчества, какъ одного вида. Мы присутствуемъ только при первыхъ лучахъ этого восходящаго солнца человѣческаго генія, покамѣстъ ими освѣщается одинъ только пунктъ мышленія, такъ называемаго научнаго; но мы не сомнѣваемся, что, съ дальнѣйшимъ восходомъ этого свѣтила, мало по малу стануть освѣщаться всѣ мѣста и закоулки нашего міровоззрѣнія, и тогда наше мышленіе вообще сдѣлается тѣмъ, что теперь называется строго научнымъ, потому всѣ наши познанія, отъ самыхъ простыхъ общежитейскихъ до высшихъ отвлеченныхъ, соединятся во единыя области силой объективныхъ и точныхъ законовъ и сдѣлаются достояніемъ положительнаго знанія. При изложеніи развитія психическихъ видовыхъ силъ познанія, мы ясно указали тотъ путь, который ведетъ къ этому развитію, но тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ остановиться на нѣсколькихъ пунктахъ, какъ выводахъ изъ нашего ученія. Этими мы постараемся дополнить и примѣнить сказанное собственно въ отношеніи къ педагогикѣ.

Изъ нашей теоріи мы убѣдились, что вновь приобрѣтенное человѣчествомъ средство къ познанію положительныхъ истинъ есть продуктъ тяжелаго и долгаго мыслеваго труда всего человѣчества. Въ продолженіи всей его мыслевой жизни оно искало истины, наконецъ, нашло ее, точно руду, содержащую неисчислимыя богатства. Уже первые раскопки дали то, что для человѣческаго вида дороже золота и брилліантовъ, — познаніе положительныхъ научныхъ истинъ. Покамѣстъ эти находки обогатили одну только часть человѣчества, одну область его познанія, но руда едва только тронута и, судя по началу, несомнѣнно, что ея богатствъ хватитъ для того, чтобы озарить путь истины для всего человѣчества и обогатить его правдой и познаніемъ цѣли и отношеній жизни не отдѣльныхъ только личностей, а всего вида. Всякій новорожденный ребенокъ имѣетъ равное право на это богатство, потому что оно есть наслѣдство, завѣщанное не одной личностію, а оставляемое всѣмъ предшествовавшимъ человѣчествомъ грядущимъ поколѣніямъ. Лишеніе этого наслѣдства или неправильное его распредѣленіе со стороны родителей и общества относительно кого бы то ни было изъ новаго поколѣнія есть высшая несправедливость, узурпація самого священнаго права каждаго человѣка на то, что есть достояніе всего человѣческаго

вида. Но такъ какъ это достояніе есть преимущественно результатъ мыслевой работы передовыхъ членовъ человѣчества, то вновь приобрѣтенное ею богатство, какъ высшая благодать, спускаясь сверху внизъ, должно доставаться больше тѣмъ, которые стоятъ выше другихъ,—не родомъ и богатствами, а степенью умственныхъ способностей, опредѣленіе которой будетъ изложено ниже. Изъ сказаннаго также выяснилось, что распространителемъ этого знанія можетъ быть только человѣкъ, самъ обладающій высшимъ видовымъ знаніемъ. Для приготовленія такихъ наставниковъ общество должно выдѣлять самыхъ способныхъ людей и прошедшихъ черезъ высокую школу умственнаго развитія. Каждое общество можетъ дать только ограниченное количество такихъ людей, и потому оно само должно ревниво слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанники подобию пользовались ихъ дорогимъ временемъ, причемъ бездарные и лѣнливые не отнимали бы его у обдѣленныхъ дѣтей, но способныхъ и жаждущихъ знанія. Этого требуетъ не только польза того или другаго общества, а всего человѣческаго вида.

Данныя, добытыя нашимъ изслѣдованіемъ, сами собою отвѣчаютъ на вопросы педагогики и могутъ разсѣять много ложныхъ взглядовъ на воспитаніе ума, порожденныхъ изученіемъ одного его индивидуальнаго состоянія. Насколько позволяеть мѣсто и безъ того чрезъ мѣру разросшагося сочиненія, мы разсмотримъ главные вопросы этой области педагогики при освѣщеніи нашей теоріи.

I. Вопросъ, прежде всего представившійся педагогамъ, былъ слѣдующій: возможно ли воспитаніемъ способствовать развитію ума, а если возможно, то должно ли къ этому стремиться? Какъ ни кажутся эти вопросы парадоксальными, но къ сожалѣнію, они получили свое утвердительное рѣшеніе, какъ со стороны нѣкоторой части спекулятивной философіи, теологіи, такъ и превратныхъ соціальныхъ пониманій. Уже пантеистическое ученіе Спинозы развило идею, что всякое явленіе вселенной есть продуктъ общихъ міровыхъ законовъ и потому всякое послѣдующее явленіе есть неизмѣнное послѣдствіе ему предшествовавшихъ и ими неизбежно предопредѣляется. Характеръ и вся душа каждаго человѣка есть тоже необходимое слѣдствіе вѣчнаго закона и неизмѣнное *consequens* всего ряда его *antecedent*'овъ, поэтому педагоги, воображая, что они самостоятельно и произвольно могутъ направлять, измѣнять и исправлять душу, характеръ и умъ человѣка, жестоко ошибаются. Лейбницъ старался доказать, что существуетъ Богомъ предопредѣленная

гармонія между внутреннимъ міромъ человѣка и внѣшнимъ. Оба, въ силу неизмѣннаго закона, стоятъ въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что всякому внѣшнему состоянію отвѣчаетъ опредѣленное внутреннее, всякому внутреннему опредѣленное внѣшнее. Піэтизмъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, исходя изъ религіозной точки зрѣнія. Каждый человѣкъ дѣлается тѣмъ, къ чему его предопредѣлила Божеская воля, и потому стремленіе со стороны родителей и воспитателей воздѣйствовать на развитіе характера и ума развивающагося человѣка и грѣшно и бесполезно, потому что оно только мѣшаетъ правильному предопредѣленному ходу развитія, но не можетъ его измѣнить. На этомъ основаніи лучше предоставить человѣка самому себѣ*.

Къ несчастію еще и теперь у насъ существуетъ значительный классъ политиковъ въ педагогіи, который проповѣдуетъ не общее воздержаніе отъ воспитанія, а предоставленіе его исключительно только дѣтямъ сильныхъ міра сего, съ возможнымъ лишеніемъ его дѣтей бѣдныхъ родителей и вообще всей массы такъ называемаго простонародья, т. е. около 95% всего подросткающаго поколѣнія. Только невѣжествомъ, думаютъ эти политики, можно удержать массы въ повиновеніи; съ развитіемъ ума и пониманія идетъ рука объ руку недовольство своимъ положеніемъ и другія невыгодныя послѣдствія для привилегированныхъ сословій.

Вышеизложенныя данныя, надѣюсь, разъяснятъ всю односторонность подобныхъ взглядовъ. Законы развитія человѣческаго вида могучѣе законовъ развитія не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ народовъ. Первые обнимаютъ и подчиняютъ себѣ послѣдніе, какъ общее частное. Для участія въ гармоніи прогресса всего человѣчества каждый индивидъ, каждое общество и каждый народъ должны, по мѣрѣ силъ своихъ, принимать участіе въ общемъ эволюціонномъ дѣлѣ. Тѣ, которые не могутъ или не хотятъ идти съ видовымъ прогрессомъ человѣческаго ума и нравственности, если не наружно, то въ дѣйствительности исключаются изъ вида. Такіе люди дѣлаются переходной формой между домашними животными вида и самымъ видомъ. Они обрекаются на тяжелый и исключительный мышечный трудъ или уни-

* Въ сочиненіи „Herbartische Reliquien“ разсказываютъ слѣдующее о Гербартѣ: Уѣзжая изъ Іены въ Швейцарію, куда онъ былъ призванъ занять мѣсто педагога, его сопровождали нѣкоторые товарищи, прежде вмѣстѣ съ нимъ учившіся у Фихте. Предметомъ ихъ диспута въ дорогѣ была слѣдующая тема: Нужно ли воспитывать и неидетъ ли воспитаніе въ разрѣзъ съ нравственностью и религіей?

чтоженію. Народы отказывающіеся отъ видоваго прогресса, разсчитывая на свой индивидуально-народный прогрессъ, или образованіе однихъ высшихъ классовъ, неизбѣжно приближаются, въ настоящее время быстрого видоваго развитія ума, знанія и нравственности человѣчества, по наклонной плоскости къ своему разложенію. Еще до XVII столѣтія, не только каждый человѣкъ, классы общества, сословія, но и цѣлые народы жили и могли существовать своей самостоятельной жизнію, своимъ умомъ, познаніями и нравственнымъ кодексомъ, принаровленнымъ къ индивидуальнымъ цѣлямъ. Съ тѣхъ поръ наступилъ новый періодъ въ духовной жизни человѣчества. Все индивидуальное пониманіе и мышленіе мало по малу переходитъ въ видовой умъ и знаніе всего человѣчества, какъ одного цѣлаго; всѣ эгоистическія стремленія уже начинаютъ испытывать могучій гнетъ видоваго стремленія къ благу всего вида, слѣдовательно равнаго для всѣхъ индивидовъ, составляющихъ часть этого вида. Каждый человѣкъ и общество должны работать для всего человѣчества и накопляющійся результатъ этой работы долженъ распространяться на cadaго отдѣльнаго члена человѣчества, по мѣрѣ силъ его.

Заключимъ сказанное прекрасными мыслями Гердера; онъ говорить: „Что есть лучшаго въ насъ, то мы съ самого дѣтства получаемъ отъ другихъ людей, путемъ ученія и передачи опыта старшихъ. Такимъ образомъ мы научаемся языку и правиламъ жизни, такъ мы развиваемъ нашъ умъ и дѣлаемся нравственными. Родительскій домъ, да я скажу даже, — грудь и объятія матери есть наша первая школа. Все, что мы знаемъ, мы научились отъ другихъ, все что намъ нужно и чему мы должны научиться, открыто другими; весь родъ человѣчскій есть въ нѣкоторомъ родѣ школа, продолжающаяся столѣтіями, и новорожденный ребенокъ, внезапно оторванный отъ этой школы и водворенный на пустынномъ островѣ, сдѣлается, не смотря на весь свой врожденный гений, жалкимъ животнымъ, даже въ десять разъ несчастнѣе животнаго“.

II. Другой вопросъ, не менѣе предъидущаго, занимающій педагоговъ слѣдующій: поддается ли мыслевая функція и умъ человѣка вліянію ухода и воспитанія? можетъ-ли какой бы то ни былъ уходъ воспитателя наложить свою печать или дать предопредѣленное направленіе развивающемуся уму дитяти, измѣнить и исправить его въ случаѣ неправильнаго его направленія, или подкрѣпить его слабость? Наконецъ, если

можетъ, то насколько даетъ къ тому средства и указанія психологія. Джонъ Стюартъ Миль *) говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Многіе, избирающіе предметомъ изученія человѣческую природу, предпочитаютъ принять за догматъ, что духовная разница, которую они наблюдаютъ между человѣческими существами или думаютъ наблюдать, это—послѣдніе факты, которые настолько же мало объяснимы, какъ и не подлежатъ измѣненію. Они предпочитаютъ такую теорію труда необходимаго вдумыванія для понятія и объясненія того духовнаго отличія внѣшними причинами, которыя большею частію ихъ вызываютъ и съ устраненіемъ которыхъ они должны исчезнуть. Нѣмецкой метафизической школѣ, еще не потерявшей своего временнаго господства надъ европейскимъ мышленіемъ, мы обязаны, кромѣ другихъ временныхъ вліяній, и этому. Изъ прежнихъ и новѣйшихъ писателей, стоящихъ на противоположныхъ концахъ психологической лѣстницы, должно больше всѣхъ обвинить въ такомъ отклоненіи отъ истиннаго чисто научнаго пути г. Канта“.

И дѣйствительно, если формы мышленія и категоріи, дающія познанія отвлеченныхъ отношеній опыта, по ученію Канта, — врожденные и нетѣлесныя особенности человѣческой природы, что же тогда можетъ съ ними сдѣлать педагогъ, когда и врачъ не въ состояніи указать направленіе въ развитіи той или другой части тѣла и измѣнить ея природную форму и объемъ. Онъ не можетъ, по своему желанію и своимъ уходомъ, измѣнить форму носа, уменьшить или увеличить объемъ какой нибудь черты его лица; а между тѣмъ онѣ суть безспорныя части нашего тѣла и доступны нашимъ органамъ чувствъ и непосредственному воздѣйствію. Если умъ и воля человѣка сами зарождаются и дѣйствуютъ безъ причины, то гдѣ же искать педагогу причины, воздѣйствіемъ на которую онъ могъ бы вліять на ея слѣдствіе. И въ другихъ противоположныхъ психологическихъ школахъ, какъ въ матеріалистической и сенсуалистической, педагогика могла найти небольшую опору и не больше свѣта для своихъ пріемовъ, какъ и въ метафизической. Матеріалисты, правда, были научнѣе первыхъ, признавая въ большей части психологическихъ проявленій неизбѣжность закона причинности, и тѣмъ самымъ наводили педагоговъ на необходимость исканія причины какъ правильнаго умственнаго развитія, такъ и ненормальныхъ откло-

*) Op. cit. 3. B. S. 260 и 261.

неній мышленія и пониманія; кромѣ того, они принесли огромную пользу, указавъ на виѣшній опытъ, какъ на главный источникъ познаванія, и на экспериментальный методъ, какъ на лучшее средство изученія причинной связи между воздѣйствіемъ опыта и психо-интеллектуальными явленіями. Къ сожалѣнію значительныя недостатки психологическихъ теорій парализовали благотворное вліяніе раціональной психологіи на педагогику. Эти недостатки были слѣдующіе. Руководствуясь аналогіей, что въ тѣлѣ всѣ органы имѣютъ свою функцію и исходя изъ тѣсной связи мозга съ психическими явленіями, они признали человѣческую мысль, умъ и всю психическую жизнь функціей мозга. Если опыты психо-физики показали на тѣсную связь между воздѣйствіемъ виѣшнихъ явленій на органы чувствъ и мозговой функціей съ одной стороны и между возникающими вслѣдъ за ними въ познаніи воспріятіями и представленіями съ другой, то ея данныя ничуть не доказываютъ, что эти воспріятія и представленія суть непосредственныя проявленія функціи мозговыхъ ячеекъ. Но чѣмъ болѣе осложняются изслѣдуемыя психо-интеллектуальныя явленія, тѣмъ меньше эта теорія могла объяснить причинную связь между ними. Это объясненіе сдѣлалось совершенно невозможнымъ при изученіи нашего познанія отвлеченныхъ отношеній и атрибутовъ, причина которыхъ не заключается въ воздѣйствіи явленій опыта на органы чувствъ и мозгъ, какъ напр. происхожденіе познанія самаго закона причинности, времени, вещественности, воли и т. п. Понятно, что, не понимая причины проихожденія нашего отвлеченнаго познанія и нашего ума, психологія не могла указать педагогамъ правила для нормальнаго развитія этого неизвѣстнаго.

Въ прошломъ столѣтіи самымъ геніальнымъ представителемъ перваго ученія былъ Эммануиль Кантъ, а послѣдняго Локке, отчасти и Галь съ своей теоріей зависимости различныхъ психическихъ способностей отъ опредѣленныхъ частей мозга, которыя онъ узнавалъ по выдающимся бугоркамъ черепа. Послѣ нихъ до настоящаго времени психологія продолжала вращаться въ этихъ двухъ, точно заколдованныхъ, кругахъ, не отступая въ главныхъ основахъ отъ прежнихъ ученій.

Какъ невозможно измѣнить природное свойство личности, принесенное имъ, какъ врожденный атрибутъ его организма, такъ трудно справиться съ предполагаемой функціей мозга во 1-хъ потому, что эта функція должна зависѣть большею частію отъ природнаго устройства мозга, стоящаго виѣ вліянія воспитателя; а во 2-хъ потому, что, съ каждымъ

совершившимся актомъ функціи, ея результатъ уходитъ изъ организма, какъ напр. послѣ мышечнаго сокращенія остается одна только мышца, а не ея сокращеніе и т. п. Приготовлять каждый разъ условія для правильной психической функціи педагогу невозможно, когда онъ не знаетъ причины тѣхъ психическихъ функцій; дѣйствовать же на совершившуюся функцію ему еще менѣе возможно, потому что, послѣ ея совершенія, ея уже нѣтъ въ организмѣ. Измѣнять можно только настоящее и готовить измѣненія будущихъ явленій, но невозможно вліять на совершившіяся уже въ прошедшемъ явленія.

Такимъ образомъ, огромная пропасть почти до настоящаго времени раздѣляетъ психологовъ отъ педагоговъ. Стоя на противоположныхъ окраинахъ, они хотѣли бы подать другъ другу руку, но покамѣстъ еще никто не перекинулъ нужнаго моста для возможности непосредственнаго сообщенія, при которомъ психологія могла бы служить твердой опорой педагогикѣ; покамѣстъ первая ограничивается только передачей априористическихъ или эмпирическихъ совѣтовъ, которые, за отсутствіемъ реальной связи между двумя науками, мало приносятъ пользы дѣлу воспитанія. Опытъ однако, независимо отъ всѣхъ теоретическихъ предположеній, убѣждаетъ насъ въ томъ, что мыслевая способность и умъ несомнѣнно подчиняются воспитанію и уходу. Дикіе люди и даже нѣкоторыя животныя съ помощью воспитанія даютъ несомнѣнные результаты лучшаго пониманія, выдвигающаго животное и дикаря далеко впередъ сравнительно со всѣми другими особями его вида и расы, не подверженными такому воспитанію. Перевѣсъ одного класса общества надъ другимъ въ умственномъ отношеніи бесспорно содержитъ между своими причинами и благотворное вліяніе нѣкоторыхъ испытанныхъ пріемовъ педагогики. Все знаніе человѣчества получилось только отъ людей прошедшихъ ту или другую основательную школу. Какъ бы ни былъ гениаленъ человѣкъ, но безъ воспитанія онъ всегда останется невѣждой. Въ бесспорномъ вліяніи воспитанія насъ убѣждаютъ и отрицательные результаты. Мы видѣли къ какимъ печальнымъ результатамъ продолженія нѣсколькихъ вѣковъ приводило воспитаніе іезуитовъ, которые систематически уродовали мысль и направляли односторонне умъ своихъ питомцевъ. Но если уходомъ можно вліять на правильное умственное развитіе человѣка, то несомнѣнно, что единственный источникъ познанія для руководства въ дѣлѣ воспитанія ума можетъ дать только психологія. Какъ гигиена и діететика только изъ фізіологіи могутъ черпать свои законы, такъ толь-

ко психологія, какъ специальная часть фізіологіи, можетъ дать указанія и законы для ухода за развитіемъ ума. Педагогика есть гигиена человѣческой мысли и чувства. За неимѣніемъ между этими науками надлежащей причинной связи, съ помощью которой стало бы очевидно вліяніе психологіи, какъ положительнаго знанія, на воспитаніе, кажется, что оно какъ будто возможно безъ психологическихъ началъ. Но, всматриваясь въ каждую воспитательную систему, какого бы свойства она ни была, отъ самой превратной до систематической, нельзя не убѣдиться, что въ основаніи каждой изъ нихъ лежитъ та или другая психологическая теорія. Всякій воспитатель, начиная отъ фельдфебеля до ученаго педагога, создаетъ себѣ свою собственную индивидуальную психологическую теорію, на основаніи которой онъ руководствуется въ дѣлѣ воспитанія.

Изъ сказаннаго дѣлается яснымъ, какъ несправедливы тѣ педагоги, которые игнорируютъ научную психологію потому только, что ея данные еще шатки и она не представляетъ положительной науки. Всякій согласится, что если правила для воспитанія необходимо должны вытекать изъ психологіи, то гораздо лучше руководствоваться систематически и всесторонне обработанной психологіей, нежели тѣми эмпирическими и частными психологическими индукціями, которыя педагоги безсознательно вносятъ изъ опыта въ свои педагогическіе приемы. И осталая часть фізіологіи въ большей части своего ученія содержитъ много недоказаннаго и неподдающагося правильному методу изслѣдованія, между тѣмъ какъ гигиена и діететика-науки, основанныя на ея данныхъ, уже приносятъ несомнѣнную пользу человѣчеству. Но отсутствіе непосредственной связи между обобщеніями психологіи и правилами педагогики составляетъ причину, почему изъ первой области перескакиваютъ въ послѣднюю большею частью идеи и выводы въ видѣ апріористическихъ истинъ. Отсюда вытекаетъ кажущееся многимъ вредное вліяніе психологіи на педагогику, отсюда вѣчное подтруниваніе эмпириковъ педагоговъ задъ теоретиками. Шаткость въ ходѣ педагогики и разница во взглядахъ каждаго воспитателя зависятъ не отъ психологіи, какъ науки, а отъ вносимыхъ въ нее ложныхъ обобщеній, отъ апріористическихъ идей, превратившихъ науку въ метафизику. Каждая ложная психологическая индукція есть дѣло субъективнаго и индивидуальнаго ума и потому такая психологія порождаетъ столько же теорій воспитанія, сколько педагоговъ, поэтому педагогика только тогда выйдетъ изъ своего неопредѣленнаго эмирически-индивидуальнаго періода, когда психологія путемъ

правильной критики, анализа и экспериментальнаго метода пріобрѣтеть видовыя индукціи, какъ законы воспитанія. Покажѣтъ, какъ раціональная философія, соединяя въ одну причинную связь всѣ данныя знанія своего времени, представляетъ только станціи на пути развитія человѣческаго ума въ данномъ періодѣ, такъ и каждая психологическая теорія должна соединять въ общіе законы познанія частныхъ психическихъ явленій, насколько это соединеніе допускается уже выработанными положительными законами знанія вообще. Психологія тогда заслуживаетъ названія теоріи, когда она обнимаетъ всѣ явленія данной области, объясняя ихъ причинную связь, и когда законы, ею выведенные, находятъ себѣ подтвержденіе не только во всѣхъ частныхъ явленіяхъ психическаго міра, но по аналогіи и въ явленіяхъ другихъ областей знанія, болѣе доступныхъ изученію, нежели психологическія явленія. Поэтому отъ психологіи въ настоящее время нечего ожидать абсолютныхъ истинъ, она даетъ истины только относительныя, насколько ихъ можетъ дать современная наука. Наша теорія психологіи, какъ читатель, надѣюсь, имѣлъ возможность убѣдиться, во всемъ черпаетъ свою силу и основаніе изъ положительныхъ законовъ какъ наукъ вообще, такъ въ особенности изъ области біологіи и фізіологіи. Обобщенія и выведенные нами законы не встрѣчаютъ нигдѣ противорѣчій ни со стороны законовъ познанія вообще, ни въ примѣненіи къ частнымъ психическимъ проявленіямъ и къ практической жизни. Наша теорія даетъ непрерывную причинную связь между первой причиной нашего познанія, вообще—воздѣйствіемъ ви́шнихъ движеній на органы чувствъ и мыслевымъ творчествомъ, начиная съ элементарнаго до самыхъ высшихъ проявленій человѣческаго ума. Она даетъ педагогу въ руки не функцію, а реальный субстратъ интеллектуальнаго и психическаго творчества. Она показываетъ, какъ и отъ какой причины начинаютъ образовываться элементы познанія и какимъ образомъ изъ нихъ слагается все мыслевое зданіе, какія условія нормальнаго его развитія и пропорціональности частей всего зданія и отъ какихъ причинъ уродуется развитіе этого зданія въ частяхъ или въ цѣломъ, какія причины правильнаго развитія и размноженія и отчего зависитъ пріостановка развитія и задержаніе роста этого органа. Эта теорія указываетъ на причину примѣси нечистыхъ элементовъ, совращающихъ умъ въ сторону и на средства сохраненія мыслеваго органа отъ этой примѣси или очищенія отъ нея.

Всѣ возникшіе въ насъ вопросы, когда мы приступали къ изложе-

нію мыслевой работы, какъ мы видѣли, мало по малу разрѣшились при дальнѣйшемъ слѣдованіи за развитіемъ этого процесса, согласно нашей целулярной теоріи.

Сравнительное изслѣдованіе всѣхъ видовъ существующихъ организмовъ доказало, что чѣмъ выше типъ животнаго, тѣмъ больше раздѣляется его тѣло на частныя органы и жизнь распадается на самостоятельныя спеціальныя функціи. Тоже самое мы видимъ и въ отдѣльныхъ органахъ, какъ частяхъ цѣлаго организма. Чѣмъ выше на ступени развитія типовъ отправленіе того или другаго органа, тѣмъ болѣе дифференцируются его части, тѣмъ болѣе спеціализируется или раздѣляется его общее отправленіе, присущее низшимъ ступенямъ развитія органа, на спеціальныя. Тоже самое мы видѣли и въ развитіи психо-интеллектуальнаго органа. Этотъ органъ у иныхъ останавливается въ началѣ своего развитія, не идетъ дальше, мало или вовсе не развѣтвляясь на новыя части, при слабомъ продуцированіи мыслевой функціи; съ большимъ же дифференцированіемъ субстрата этого органа и развитіемъ новыхъ частей въ томъ органѣ, познаніе и умъ разширяются, насколько каждое изъ прогрессивно развившихся частей даетъ свою спеціальную функцію, т. е. ему присущее знаніе. Наша теорія частныя условія развитія изъ мозга психо-интеллектуальнаго органа подчинила общимъ законамъ развитія въ организмѣ вообще новыхъ органовъ и тканей изъ старыхъ путемъ ихъ дифференцированія. Она подвела, какъ мы видѣли, всѣ сложныя мыслевыя движенія, вытекающія изъ нарастающаго мыслеваго органа, какъ проявленія ему присущей силы, подъ общіе законы механики, обнимающіе всѣ частныя проявленія движеній въ мірѣ вообще и въ живомъ организмѣ въ особенности. Или скажемъ проще: съ приложеніемъ законовъ, безспорно стоящихъ въ біологіи и механикѣ, къ развитію явленій нашей психической силы, всѣ прежніе предрасудки метафизики и спекуляціи были отброшены и въ нашемъ познаніи содалось цѣлое психическое зданіе въ видѣ органа, сложившагося изъ организованныхъ ячеекъ, какъ и всѣ другія функціонирующія части организма. Наша психическая и познавательная сила во всѣхъ ея степеняхъ и проявленіяхъ пришла въ причинную связь съ силами всего остального міра, сдѣлавшись звѣномъ той безконечной цѣпи перехода одной силы вселенной въ другую, которую наука назвала „закономъ единства силы“.

Цѣль настоящаго сочиненія состоитъ не въ изложеніи правилъ для

ухода за воспитаніемъ, а въ попыткѣ съ помощію новой, реальной, психологической теоріи дать новыя основы для этихъ правилъ. Если мы рѣшились представлять къ концу каждаго отдѣла психологіи нѣсколько болѣе напрашивающихся выводовъ изъ сказаннаго для примѣненія его къ педагогикѣ, то это больше съ цѣлію только показать примѣрную дорогу для дальнѣйшаго примѣненія сказаннаго къ педагогикѣ. Постараемся это сдѣлать и теперь.

III. *Нашей теоріей разрѣшается одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ педагогики: есть ли умъ человека отвлеченная, не вещественная только сила, или реальный процессъ, зависящій какъ и другія функціи тѣла, отъ вещественнаго субстрата?*

Въ первомъ случаѣ умъ для педагогики — пустое слово. Психологія, такъ представляя высшую способность пониманія человѣка, какъ мы видѣли, не можетъ указать опредѣленной цѣли, куда долженъ стремиться педагогъ въ своемъ воздѣйствіи на воспитанника и не можетъ дать положительныхъ средствъ для достиженія этой неизвѣстной цѣли.

Въ послѣднемъ случаѣ, когда психологія даетъ педагогу понятіе объ умѣ, какъ о реальномъ, эволюціонномъ процессѣ, который онъ можетъ себѣ представить, какъ и другіе сложные процессы, доступные органамъ чувствъ какъ въ ихъ устройствѣ, такъ и въ проявленіи ими силы, то педагогъ получаетъ опредѣленную цѣль, къ которой онъ можетъ сознательно стремиться. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ познаетъ и средства, состоящія въ томъ, чтобы споспѣшествовать развитію реально представляемаго эволюціоннаго процесса. Психологія, какъ наука, находится въ настоящее время еще въ индивидуальномъ періодѣ развитія, и потому ея индукція и правила, могущія служить руководствомъ педагогикѣ, — индивидуальны. Всякій ихъ понимаетъ и примѣняетъ къ воспитанію по своему; всякій педагогъ вѣрится въ свой собственный умъ, какъ конечный предѣлъ пониманія. Доказательствомъ сказаннаго служить это поражающее разногласіе, эти споры и противорѣчія, существующія въ самомъ основномъ вопросѣ педагогики, а именно: *какой лучшей способъ и методъ для развитія ума?* Психологи, разсматривающіе умъ, какъ отвлеченную силу, само собою разумѣется, стремятся не къ развитію ума, а только къ средствамъ познанія, которыми умъ могъ бы пользоваться для проявленія своей силы; другіе, разсматривающіе умъ человѣка, какъ силу врожденную, но все таки реальную, совѣтуютъ укрѣплять и развивать эту силу упражненіемъ какъ разсужденіями, такъ и изученіемъ логики или

ченіемъ умныхъ сочиненій. Поэтому нѣкоторые лучшимъ средствомъ для умственнаго развитія считаютъ изученіе древнихъ классиковъ; иные такимъ средствомъ считаютъ изученіе естественныхъ наукъ а нѣкоторые наукой для развитія точнаго и положительнаго ума считаютъ математику. Въ настоящее даже время еще съ большимъ ожесточеніемъ, нежели когда либо ведется нескончаемый споръ между педагогами о томъ, какое воспитаніе предпочтительнѣе для умственнаго развитія — классическое или реальное. Какое поражающее сходство педагогики въ этомъ случаѣ съ діететикой, какой она была до позванія законовъ пищеваренія, усвоенія и отношенія химическаго состава пищи къ питанію и потребностямъ экономіи организма. Тогда тоже на вопросъ: какую нужно давать пищу и сколько ее для того, чтобы ребенокъ росъ здоровымъ? вслѣдствіе отвѣчалъ на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій или на основаніи вѣры въ свою теорію или мнѣній другихъ. Всякое изъ этихъ мнѣній подкрѣплялось фактами изъ односторонняго опыта, подтверждались авторитетами и т. п. Изученіе составныхъ частей тканей организма и частей, израсходуемыхъ экономіей на различныя функціи, химическій анализъ различныхъ веществъ пищи, мало по малу, возстановили причинную связь между употребляемой пищей и нуждами организма, и прежніе споры между врачами прекратились. Всякій изъ нихъ знаетъ, въ какомъ количествѣ и какого рода, качества должна быть пища для успѣшнаго развитія, питанія и функцій организма. Выше приведенныя противорѣчающія другъ другу совѣты педагоговъ для правильнаго развитія ума доказываютъ только, что психологія еще не вступила въ видовой періодъ своего развитія. Въ своемъ мѣстѣ мы привели доказательства тому, что логика есть изложеніе въ извѣстной формѣ уже совершившихся мыслевыхъ процессовъ и потому можетъ учить правильно только формулировать свои мысли, но не думать правильно. Уже Локке* сказалъ, что онъ никогда не видѣлъ, чтобы изученіемъ логики и риторики люди научились правильно думать и хорошо говорить. Математика, представляя собою процессъ дедуктивнаго мышленія, учить подводить подъ данную общую индукцію — частные случаи, т. е. извѣстную общую истину дѣлать истиной частныхъ отношеній, сходныхъ количественнымъ отношеніемъ съ общимъ. Но эта форма мышленія, примѣненная къ другимъ областямъ познанія, порождаетъ много ложныхъ результатовъ; такъ во

* Some Thoughts concerning education. 1690.

1-хъ, математикъ, имѣя дѣло съ точными цифрами и формулами подводитъ все въ своемъ познаніи подъ эту точность и опредѣленность, которая возможна только въ воображаемомъ символѣ, или въ отвлеченныхъ количественныхъ отношеніяхъ, но не въ другихъ объектахъ и ихъ отношеніяхъ въ реальномъ мірѣ; во 2-хъ, этимъ путемъ человѣкъ не можетъ находить новыя истины, а напротивъ, занимаясь дедуктивнымъ мышленіемъ, онъ отстаеетъ отъ привычки анализа и индукціи, необходимыхъ для правильнаго развитія ума. Занятіе математикой очень полезно, какъ противовѣсь индукціонному мышленію для установленія равновѣсія между восходящимъ и нисходящимъ мыслевымъ теченіемъ, но ни въ какомъ случаѣ математика сама по себѣ не есть средство для умственнаго развитія. Напротивъ, знакомство съ специалистами математиками даже очень талантливыми, меня больше и больше убѣждало въ односторонности ихъ мышленія и ограниченности въ сужденіяхъ о предметахъ, лежащихъ внѣ области чиселъ и математическихъ формулъ. (Спенсеръ *), допуская пользу и даже необходимость математики и геометріи для приготовленія разума узнавать во всей природѣ абсолютное тождество, говоритъ однако: „Если занимаются математикой исключительно или преимущественно, то она способна извратить мысль вообще. Она разуму даетъ неизбѣжно особенную складку, которая мѣшаетъ всѣмъ умственнымъ операціямъ“.

Естественныя науки, какъ: зоологія, ботаника и минералогія, даютъ огромное количество представленій, и развитіемъ общихъ представленій развиваютъ способность классификаціи, но только тѣхъ предметовъ, которые заключаются въ образовавшихся изъ нихъ общихъ представленій и понятійхъ. Поэтому они даютъ только частныя познанія, а не познавательную силу ума вообще. Люди, занимаясь спеціально или преимущественно этими науками, переполняютъ все свое мыслевое пространство множествомъ спеціальныхъ научныхъ представленій, такъ что очень мало мѣста остается для представленій другихъ областей и мало простора для развитія психической силы въ другихъ областяхъ мышленія. Такіе ученые дѣлаются очень односторонними и съ трудомъ отрываются отъ реальныхъ объектовъ ихъ познанія въ отвлеченнымъ законамъ. Только исключительно даровитыя натуры между ними дошли до формулированія

*) Herbert Spencer. La science Sociale. Bibl. Scientif. intern. p. 341.

общихъ законовъ въ области ихъ знанія и до соединенія причинной связью этихъ идукцій съ болѣе общими.

Гораздо важнѣе зоологія, ботаника и минералогія относительно умственного развитія, или правильнѣе, какъ матеріаль для умственного развитія, это—физика, химія и біологія. Онѣ даютъ понятіе о существующихъ въ мірѣ силахъ и ихъ причинной связи, онѣ учатъ анализу сложныхъ явленій, а послѣдняя наука приводитъ къ познаванію причинной связи между явленіями жизни и другими силами, дѣйствующими въ природѣ, познаніе о которыхъ существуетъ въ насъ въ видѣ положительныхъ общихъ законовъ. Но это есть только матеріаль для развитія ума, а не самый умъ, потому что каждая изъ этихъ наукъ даетъ только познаніе причинной связи опредѣленныхъ реальныхъ явленій, а не самой причинности, которую можно было бы примѣнить въ мышленіи ко всему, что только въ немъ стремится къ соединенію. Первые суть только спеціальныя знанія, а умъ есть общая сила, заправляющая всеми выработанными реальными знаніями, указывающая мѣсто каждому изъ нихъ въ познаніи и этимъ возстановляющая мыслевое равновѣсіе, безпрестанно нарушаемое новыми фактами познанія. Наконецъ, что касается до вліянія на развитіе ума изученія языковъ вообще и классическихъ въ особенности, то мы объ этомъ не станемъ распространяться, потому что противъ такого взгляда на умственное развитіе возстаетъ не только наша теорія, но и всякая психологія нашего времени, не чуждающаяся научныхъ основъ. Мы видѣли, что умъ есть непосредственное продолженіе органически-психической эволюціи представленій конкретнаго опыта. Слова и фразы, какъ бы онѣ ни были ловко сформулированы, безъ соотвѣтствующаго конкретнаго субстрата,—суть только символы для частнаго выраженія ума, а не самый умъ. Безспорно, что изученіе хорошо разработаннаго языка пріучаетъ къ правильному и красивому выраженію своихъ мыслей, но не даетъ этихъ мыслей.

Слѣдовательно, все эти эмпирическія и спекулятивныя мнѣнія о средствахъ для умственного развитія не только не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, но опытомъ доказана ихъ совершенная неспособность привести къ той цѣли, которую имъ приписывали. Благодаря нашей теоріи, мы нашли хотя не доказанную, но единственно возможную и понятную причинную связь между психической эволюціей и проявленіями идеальнаго, какъ мы его называли, видоваго разума. Слѣдовательно, развитіе ума человѣка приводится къ развитію въ немъ всесторон-

ней психической силы, которая могла бы объять собою всё намъ доступныя отношенія объектовъ и способствовать ихъ связямъ въ познаніи подѣ давленіемъ этихъ психическихъ силъ.

Но спрашивается, какимъ образомъ добыть эти психическія силы, или какъ способствовать ихъ развитію въ познаніи воспитанника?

Мы видѣли, что каждая психическая сила, выработанная изъ одной какой нибудь спеціальной области реального знанія, есть результатъ колоссальнаго опыта въ данной области и долгой, и трудной психической эволюціи изъ матеріала этого опыта.

Изъ нашей теоріи мы убѣдились, что всякаго рода спеціальное знаніе и всё науки вмѣстѣ, приобретаемая человѣкомъ, не составляютъ его ума, а спеціальныя факторы познанія, служившіе только матеріаломъ для развитія психической силы, отдѣлившейся отъ субстрата, дающаго какое-либо реальное знаніе. Такой умъ представляетъ самостоятельную силу, господствующую надъ всеми фактами реального познанія, соединяющую ихъ въ синтезы и располагающую ихъ въ данномъ порядкѣ и соотношеніи въ психо-интеллектуальномъ органѣ. Мы также знаемъ, что умъ не есть отвлеченная, единая сила, а состоитъ изъ комбинаціи нѣсколькихъ силъ, высшаго развитія психоинтеллектуальнаго органа. Мы видѣли, что эти высшія части психоинтеллектуальнаго органа — факторы ума суть наши высшіе синтезы и индукціи, дающія познанія вообще: силы, вещества, пространства, времени, количества, сходства и отличія, закона причинности и т. д., независимо отъ реальныхъ отношеній.

Каждая изъ этихъ силъ, развиваясь изъ спеціального опыта, служитъ только къ усвоенію познанія въ той только области опыта, изъ которой она сама развилась, и настолько сильна познавательная ея способность, насколько высока ея степень дифференцированія, насколько чисто ея объективное содержаніе. Всё эти силы, развитія въ человѣкѣ вмѣстѣ, даютъ всесторонній умъ; если одинъ изъ тѣхъ факторовъ или нѣкоторые изъ нихъ не развились въ человѣкѣ, то онъ не можетъ проявлять ума въ соотвѣтствующихъ областяхъ. Такъ мы встрѣчаемъ односторонніе умы у математиковъ, исключительно преданныхъ своей наукѣ. Ихъ умъ можетъ достигнуть высшихъ результатовъ въ областяхъ опыта, поддающихся только количественнымъ операціямъ, суммирующихся въ опредѣленныхъ символическихъ формулахъ, но эти же самые люди нерѣдко проявляютъ дѣтскій умъ въ другихъ областяхъ мышленія; тоже самое

бываетъ съ людьми, исключительно занимающимися классификаціей объектовъ опыта и т. п.

Всесторонній умъ человѣка, усвоивающій всѣ отдѣльные факты познанія и своей силой соединяющій ихъ въ связи и ткани нашего психо-интеллектуальнаго аппарата, совершенно похожъ на пищеварительный аппаратъ нашего тѣла. Онъ тоже противопоставляетъ постунившей въ желудокъ пищѣ нѣсколько функцій отдѣльныхъ органовъ для ея усвоенія. Одинъ изъ нихъ превращаетъ крахмальныя вещества въ декстрины, другой перевариваетъ бѣлковыя вещества, третій эмульсируетъ жировыя части пищи и т. д. Только съ помощію совокунаго дѣйствія этихъ факторовъ, воспринятыя человѣкомъ питательныя вещества дѣлаются плотью его плоти; при недѣятельности же одного изъ нихъ, обрабатываемые имъ элементы пищи не могутъ усвоиться организмомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что процессы усвоенія явленій опыта, дѣйствующихъ на органы чувствъ, и пищи, входящей въ желудокъ, совершаются совершенно аналогическимъ образомъ. Какъ первоначальное развитіе тѣла ребенка, до его рожденія, совершается безъ участія пищеварительнаго аппарата, такъ и первое развитіе низшихъ формацій и ихъ соединенія въ первоначальномъ психо-интеллектуальномъ органѣ дѣлается безъ участія факторовъ ума. Послѣдніе являются только впоследствии, и по мѣрѣ ихъ развитія и очищенія, растетъ познавательная сила человѣка, его умъ.

Наша теорія убѣдила насъ, что процессъ развитія ума въ человѣкѣ совершается двумя путями. Первый изъ нихъ созидаетъ психо-интеллектуальный аппаратъ не только изъ матеріала объективнаго опыта, но изъ субъективизма и фантазіи, которые каждый человѣкъ влагаетъ въ это зданіе, почему такой умъ человѣка имѣетъ свой индивидуальный особенный характеръ; усвоеніе явленій внѣшняго опыта, съ образованіемъ изъ него синтезовъ такимъ умомъ, даетъ самобытное міровоззрѣніе каждой мыслящей личности. Каждый такой человѣкъ вѣритъ только въ свой умъ, имъ вполне удовлетворяется въ своемъ пониманіи и отрицаетъ все то, что этому уму недоступно или ему противорѣчитъ. Характеристику такого индивидуальнаго ума въ высшей степени его развитія мы находимъ въ философіи Декарта, Лейбница, Гегеля и другихъ. Такъ Декартъ съ полною вѣрой сказалъ: „Credidi me pro regula generali sumere posse, omne id, quod valde dilucide et

distincte concipiebam, verum esse“. „Je reconnais“, говоритъ Лейбницъ *, qu'il n'est pas permis de nier ce qu'on n'entend pas; mais j'ajoute, qu'on a droit de nier (au moins dans l'ordre naturel), ce qui absolument n'est point intelligible ni explicable“. Милль очень вѣрно характеризуетъ подобное состояніе ума слѣдующими словами: (op. citat. t. III, p. 139) „Мистицизмъ, гдѣ бы онъ ни встрѣчался, — въ Vedas, у платониковъ, или у гегелианцевъ, всегда состоитъ въ томъ, что субъективному творчеству нашихъ собственныхъ способностей, представленіямъ и чувствамъ сознанія приписываютъ объективное существованіе и думаютъ, что духъ, созерцая представленія, имъ же созданныя, можетъ въ нихъ читать то, что существуетъ во вѣшнемъ мірѣ“.

Только послѣ безконечнаго ряда доказательствъ несостоятельности гениальнѣйшихъ умовъ, развившихся такимъ путемъ, убѣдились, что такой умъ порождаетъ только рознь въ пониманіи и міровоззрѣніяхъ каждой личности, даже среди болѣе развитаго класса людей, что очень часто его выводы идутъ въ разрѣзъ съ фактами дѣйствительности, и только послѣ этого развитіе ума человѣка вступило на новый второй путь, который мы назвали видовымъ умомъ. Его матеріаломъ служатъ только факты дѣйствительности, и вслѣдствіи исключенія субъективизма и фантазіи изъ участія въ постройкѣ факторовъ ума, послѣдніе потеряли свой индивидуальный характеръ. Развивающійся такой человѣческой умъ создается только изъ двухъ элементовъ: изъ воздѣйствія вѣшняго опыта, переработаннаго въ элементы познанія аппаратами, общими для всего человѣческаго вида, и дальнѣйшаго развитія этихъ элементовъ, согласно ихъ природѣ, образовательной способности мозга, психо-интеллектуальной ткани, лежащей въ основѣ его видовой природы.

Результаты такого ума могутъ быть только видовыми, должны служить своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ соединить все человѣчество въ одно пониманіе съ одними убѣжденіями и вѣрованіями. Видовые атрибуты могутъ отличаться между отдѣльными членами вида только въ количественномъ отношеніи и потому видовой умъ каждаго человѣка можетъ дать только различныя способности по высотѣ и объему пониманія, но видовое познаніе, которое доступно силѣ пониманія известной группы личностей, не можетъ вызывать въ нихъ различныхъ, индивидуальныхъ мнѣній.

Въ этомъ видовомъ аппаратѣ, ассимилирующемъ и строящемъ новые

* Nouveaux essais sur l'entendement humain. Avant propos. цит. Милль op. cit. t. III, p. 137.

и высшіе элементы познанія, мы узрѣли единственное средство для прогресса человѣческаго, правильнаго мышленія, — и путь, приводящій къ познанію абсолютной истины, насколько она доступна нашему виду.

Покаместъ, со временъ Бэкона, какъ мы видѣли, введеніе правильнаго метода въ мышленіе ограничилось только областію положительнаго знанія, и средствомъ для него признали индукцію.

Уже Вольфгангъ Ratichius *, познакомившись въ Англіи съ сочиненіями Бэкона, желая примѣнить его ученіе къ воспитанію, говоритъ „per inductionem et experimentum omnia“. Профессоръ Тиндаль (Tyndall) говоритъ слѣдующее о вліяніи индуктивнаго изслѣдованія на познаніе человѣка: „Оно требуетъ терпѣливаго прилежанія, скромнаго и добросовѣстнаго толкованія того, что открываетъ природа. Первое условіе успѣха есть добросовѣстная впечатлительность и добрая воля отказаться отъ возлюбленныхъ предубѣжденій и предразсудковъ, когда они находятся въ противорѣчій съ истиной. Вѣрь мнѣ, что среди тихаго изслѣдованія истиннаго и вѣрнаго приверженца науки воспламеняется самозабвеніе, имѣющее нѣчто высокое, всегда остающееся скрытымъ отъ свѣта“. Но кто вдумался въ сказанное нами, тотъ пойметъ, что не въ этомъ состоитъ наша мысль воздѣйствія на видовое умственное развитіе. Нѣтъ сомнѣнія, что каждая постройка индукціи очень полезна въ умственномъ отношеніи, во-1-хъ) для приобрѣтенія положительнаго знанія и во-2-хъ) какъ привычка къ правильнымъ приемамъ строгаго метода. Но всякая такая индукція остается частнымъ приобрѣтеніемъ знанія, а не правильной общей силой ума. Она только возможна тамъ, гдѣ доступенъ опытъ. Но умъ человѣка не долженъ вѣдаться только съ законами положительнаго знанія, а долженъ обнимать отношенія явленій всей жизни и всего доступнаго ему во вселенной. Мы убѣдились, что нашъ умъ не ограничивается одной только индукціей, а есть сложный кооперативный аппаратъ нѣсколькихъ опредѣленныхъ факторовъ. Въ ихъ равномѣрномъ развитіи и дружной ихъ дѣятельности заключается наше лучшее средство (въ настоящемъ періодѣ умственнаго развитія человѣчества) для правильнаго пониманія и дальнѣйшаго развитія этого пониманія во всемъ томъ, что намъ приноситъ опытъ, не ограничиваясь только положительными науками. На основаніи сказаннаго, мы ставимъ слѣдующую главную задачу педагогикѣ въ

* Ratichius родился въ 1571 году и его сочиненіе „Metodus institutionis Nowa, издано было Rhen'омъ.

дѣлѣ мышленія, ведущаго къ познанію истины; она состоитъ въ стремленіи къ всестороннему образованію въ молодомъ поколѣніи чисто объективныхъ психическихъ факторовъ ума, насчетъ субъективныхъ и фантастическихъ. Изъ нашей теоріи сдѣлались ясными пути, ведущіе къ достиженію сказанной цѣли. Они состоятъ: 1) въ развитіи правильной наблюдательности объектовъ опыта и ихъ отношеній, съ исключеніемъ фантазіи и субъективности въ образованіи продуктовъ этой наблюдательности; 2) въ развитіи привычекъ къ постепенному и строго методическому обобщенію частныхъ элементовъ познанія въ общіе, въ какой бы области знанія они ни встрѣчались. При этомъ наставникъ долженъ предохранять воспитанника, какъ отъ извращенія дѣйствительности субъективизмомъ и фантазіей, такъ и отъ черезчуръ скорыхъ обобщеній.

3) Въ дѣлѣ развитія высшихъ психическихъ факторовъ познанія онъ долженъ идти непрерывной дорогой отъ внѣшняго реального опыта черезъ всѣ пути эмпирически-психическаго развитія этихъ процессовъ до чисто-психическихъ синтезовъ и индукцій, отдѣлившись, путемъ дифференцированія, отъ факторовъ реального познанія.

4) Педагогъ развивая послѣдовательно, безъ скачковъ, психическіе процессы, долженъ и сообразно съ ихъ силами давать имъ познавательный матеріалъ для усвоенія. Онъ долженъ подражать послѣдовательности природы въ развитіи пищеварительнаго аппарата, — маленькій желудокъ грудного ребенка можетъ справиться только съ молокомъ, но, по мѣрѣ его развитія, расширяется и его пищеварительная сила.

5) По мѣрѣ развитія факторовъ разума, для укрѣпленія ихъ силы нужно ихъ вызывать къ дѣятельности объектами мышленія, доступными степени развитія тѣхъ факторовъ. Критика и анализъ, вредные въ дѣтствѣ, дѣлаются необходимыми съ появленіемъ въ познаніи факторовъ разума, съ первыхъ степеней ихъ развитія. Педагогъ долженъ предоставить воспитаннику достаточно времени для того, чтобы всѣ факторы его ума, насколько они подходятъ къ обсуждаемому предмету, принимали участіе въ анализѣ и критикѣ. Предметомъ такихъ психическихъ процессовъ могутъ быть вкоренившіеся предразсудки, ложныя идеи и т. п.

Если человѣчество могло только въ продолженіи неисчислимыхъ вѣковъ додуматься до развитія чистыхъ объективныхъ факторовъ познанія, въ видѣ психическихъ синтезовъ и индукцій, то послѣдніе, сдѣлавшись достояніемъ человѣческаго вида, болѣе или менѣе доступны для

каждой особи этого вида, по мѣрѣ ея психо-интеллектуальныхъ способностей. Для ихъ развитія нужно только заботиться о чистотѣ въ объективномъ отношеніи матеріала, о строгой послѣдовательной эволюціи этихъ факторовъ изъ дѣйствительнаго опыта и о правильной мыслевой работѣ, дающей эти синтезы или обобщенія, какъ результаты. Для постройки каждаго изъ факторовъ видоваго разума вовсе не нужно пользоваться только опредѣленными научными фактами, а различными явленіями и ихъ отношеніями въ реальномъ опытѣ, своимъ содержаніемъ подходящими къ данному синтезу или обобщенію. Научные факты, какъ болѣе изслѣдованные и приравненные къ методическому изслѣдованію, разумѣется, болѣе способны служить матеріаломъ но не во всей связи, а только отдѣльными положительно изученными отношеніями.

Каждая, даже положительная наука, только издали импонируетъ своей колоссальностью; подойдя къ ней поближе и подвергнувъ ее анализу, каждый можетъ убѣдиться, что собственно настоящая наука состоитъ изъ ограниченнаго числа фактовъ, лежащихъ какъ зерно во всемъ конгломератѣ, а все, придающее ей видъ громаднаго, состоитъ только изъ индивидуальныхъ и противорѣчащихъ другъ другу сужденій и теорій. Матеріаломъ для психическаго развитія должно быть именно то зерно, а не эта полова, и изъ самага зерна должна браться сначала только болѣе ея удобоваримая часть, доходя до усвоенія всего зерна съ постепеннымъ умственнымъ развитіемъ.

Само собою разумѣется, что сочиненіе руководства для постепеннаго развитія всѣхъ высшихъ психическихъ факторовъ, соотвѣтственно развивающейся силѣ усвоенія и творчества воспитанника, есть одна изъ самыхъ трудныхъ, но, смѣю надѣяться, доступныхъ, и самыхъ благородныхъ задачъ педагогики. Оно всецѣло должно принадлежать специалистамъ въ каждой области знанія, обнимаемаго какой-нибудь психической силой. Только тѣ въ знакомой имъ области могутъ обозначить кратчайшій путь для достиженія предположенной цѣли и выдѣлить изъ науки градацію фактовъ, требующихся, какъ матеріалъ, для постепеннаго развитія тѣхъ факторовъ ума; только они компетентны для опредѣленія: какія изъ индукцій ихъ науки суть видовыя, т. е. стоятъ незыблимо и недопускаютъ оспариванія, какія изъ нихъ еще ждуть своего окончательнаго доказательства, и какія еще гадательны, и потому должны быть исключены изъ воспитательнаго матеріала. Мы позволимъ себѣ

здѣсь привести для примѣра только нѣкоторые намеки на методъ такого развитія.

Развитіе понятія о силѣ.

1) Познаніе человѣка о силѣ вообще начинается, какъ намъ извѣстно, изъ познанія своей собственной. Познаніе ея напряженія для произведенія дѣйствія, количественная разница этого напряженія и ей соотвѣтствующая разница въ эффектахъ проявленія силы, даетъ первоначальный реальный матеріалъ для развитія познанія силы. Съ этого долженъ начать воспитатель. Затѣмъ дитя переходитъ къ знакомству съ различной силой другихъ людей, видовъ животныхъ и растений и къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя каждый видъ или особь можетъ произвести своей силой. Сравненіе между представленіями, вызванными всѣми познанными частными проявленіями силы, дѣлаетъ эти представленія опредѣленными и способными къ развитію будущихъ обобщеній различныхъ градацій силъ. По знакомившись съ силой, исходящей изъ живыхъ существъ, дитя обращается къ изученію мертвой механической силы, какъ напр. силы вѣтра, паденія воды, примѣрно на вѣтряной и водяной мельницахъ, силы теплоты, проявляющейся въ увеличеніи согрѣваемыхъ предметовъ, въ превращеніи жидкостей въ паръ, расплавленіи металловъ и превращеніи въ дымъ (уголь) газы и пепель плотныхъ веществъ съ помощію теплоты. Съ большимъ развитіемъ воспитанника, его знакомятъ съ явленіями электричества и магнетизма въ самыхъ элементарныхъ чертахъ, съ ихъ полярными явленіями (притяженія и отталкиванія), очень удобно демонстрируемыми на обыкновенныхъ школьныхъ аппаратахъ. Затѣмъ дитя знакомится съ силой давленія воздуха, жидкостей на самыхъ простыхъ аппаратахъ, какъ: на опрокинутыхъ съ жидкостью стаканахъ, закрываемыхъ бумагой, комнатныхъ фонтанахъ и т. п.

Послѣ познанія многихъ отдѣльныхъ проявленій силъ, развитыхъ частымъ реальнымъ опытомъ, приступается къ демонстраціи отношенія силъ другъ къ другу; такъ напр. переходъ механическаго тренія въ теплоту и пламя, переходъ теплоты въ механическую силу, отлично для начала могутъ демонстрировать какъ треніе полѣнъ и спичекъ, такъ и движеніе игрушечныхъ локомотивовъ и механизмовъ, дѣйствующихъ съ помощію нагрѣванія спиртомъ. Затѣмъ должно постепенно переходить къ болѣе и болѣе сложнымъ проявленіямъ силы, что дается расширеніемъ познанія воспитанника въ механикѣ, статикѣ и гидростатикѣ,

электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ. Съ цѣлію доставленія матеріала для постепеннаго развитія психическаго понятія о силѣ вообще, вовсе не нужно проходить систематически эти науки, а брать только для изученія отдѣльныя явленія и ихъ отношенія изъ опыта, чтобы изъ нихъ созидались въ интеллектѣ обобщающіе синтезы. Когда въ головѣ ребенка установилось познаніе нѣсколькихъ частныхъ отношеній силъ между собою, ему можно показать аппаратъ, гдѣ осязательно доказывается переходъ одной силы въ другую. Такимъ образомъ въ воспитанникѣ развивается познаніе не только многихъ видовъ проявленія силы, но и непрерывной связи всѣхъ видовъ силъ между собою, причѣмъ одна сила выходитъ изъ другой, однимъ словомъ — получается общее познаніе о законѣ „единства силы“, господствующемъ надъ всѣми доступными силами. Затѣмъ переходятъ къ болѣе подробному изученію проявленій силы въ жизни; сначала показываютъ на причинную связь, существующую между раздраженіемъ нервовъ или нѣкоторыхъ частей центральныхъ аппаратовъ и сокращеніемъ мышцъ, и связь, существующую между послѣднимъ и всѣми дѣйствіями животныхъ. Затѣмъ можно познакомить воспитанника конкретнымъ путемъ съ проявленіемъ силы въ двухъ главныхъ видахъ — активномъ и потенциальномъ. Ему показываютъ на опытѣ переходъ одного изъ этихъ состояній въ другой и обратно. Для этого сначала достаточно простыхъ фактовъ, какъ заведеніе часовой пружины, поднятіе на веревкѣ и удержаніе на высотѣ тяжести и т. п. Впослѣдствіи переходятъ къ болѣе сложной скрытой силѣ — теплорода, химическихъ соединеній; знакомятъ съ переходомъ ихъ въ активную силу. Съ этой цѣлію показываютъ воспитаннику: животныхъ, инфузорій, растительныя грибки и другихъ въ состояніи кажущейся смерти, ихъ оживленіе съ помощью влаги, теплоты и т. д. Наконецъ изучается сила, проявляющаяся какъ реакція другой подѣйствовавшей силы, и качественное и количественное отношеніе между подѣйствовавшей силой и ея реакціей. Такъ, мало по малу, путемъ постепеннаго развитія изъ матеріала, полученнаго изъ реальнаго опыта, въ воспитанникѣ является отвлеченное познаніе силы, какъ двигателя всѣхъ явленій во вселенной, знакомство съ закономъ *единства* силъ и съ существованіемъ силы въ *скрытномъ* и явномъ видѣ и т. п.

2) *Для развитія психическаго познанія сходства и отличія* сначала поочередно всѣмъ органамъ чувствъ представляются два и болѣе предметовъ, совершенно сходныхъ между собою,

а потомъ объекты, въ которыхъ сходные признаки постепенно теряются и замѣняются несходными атрибутами. Когда ребенокъ научится познавать такое сходство предметовъ, можно постепенно дойти до открытія самыхъ тончайшихъ признаковъ остающагося сходства между различными предметами. Также обратнымъ путемъ можно научить ребенка познавать отличія между объектами; сначала ему даютъ предметы, вовсе не имѣющіе сходныхъ признаковъ; въ предметахъ, предлагаемыхъ для дальнѣйшаго сравненія, сходство признаковъ должно увеличиваться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе предметы наблюденія не будутъ представлять едва уловимыя отличительныя качества. Когда ребенокъ умѣетъ находить тонкое сходство или отличіе между предметами, ему демонстрируютъ сходныя отношенія между различными объектами сначала тамъ, гдѣ сходства отношеній зависятъ отъ общности атрибутовъ въ сравниваемыхъ субъектахъ и предикатахъ, а затѣмъ, гдѣ сходство выражается въ однихъ только отношеніяхъ, при чемъ представленія объектовъ и предикатовъ могутъ быть различныя. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ демонстрируются сходства или различія постепенно въ болѣе сложныхъ и болѣе запутанныхъ отношеніяхъ, пока не разовьется психическое познаніе сходства и отличія вообще, независимо отъ объектовъ этого сходства или различія.

3) *Развитіе познанія причинной зависимости* можно начать изъ простаго слѣдованія явленій, а затѣмъ постепенно переходить къ причинной связи между явленіями, слѣдующими другъ за другомъ. Въ противовѣсъ этимъ фактамъ должно знакомить съ случайнымъ слѣдованіемъ явленій, не находящихся между собою ни въ какой причинной связи. Можно привести множество опытовъ, доказывающихъ непостоянство послѣдняго вида слѣдованія явленій во времени тѣмъ, что, не смотря на отсутствіе предшествующихъ членовъ, въ слѣдованіи могутъ быть послѣдующіе члены прежняго слѣдованія, или наоборотъ — за тѣмъ же предшествующимъ членомъ случайнаго слѣдованія могутъ въ различныхъ случаяхъ появляться различные послѣдующіе члены. Составивъ такимъ образомъ понятіе о случайномъ слѣдованіи явленій, не связанныхъ причинной связью, можно перейти къ опытамъ, доказывающимъ законныя слѣдованія, гдѣ послѣдующее вытекаетъ изъ предъидущаго, какъ слѣдствіе изъ своей причины, и потому во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ за предшествовавшимъ необходимо должно слѣдовать его послѣдующее, или, когда явится послѣднее,

то приводить доказательства, что ему предшествовала его причина, которая могла остаться во время ея дѣйствія незамѣченною. Такимъ образомъ уже съ самаго начала изъ такого опыта развивается не только матеріаль познанія, случайнаго и законнаго (причиннаго) слѣдованія явленій во времени, но и отличія этихъ двухъ видовъ слѣдованія. Затѣмъ можно перейти къ демонстраціи причинной связи явленій въ специальныхъ областяхъ опыта. Такъ напр. показывается связь между механической силой и ея слѣдствіемъ, затѣмъ отношеніе между механической силой и силой послѣдствія, и постепенно переходятъ къ нагляднымъ доказательствамъ закона механики, что сила реакціи всегда равна силѣ, вызвавшей ее причины. Познакомившись съ причиной связью, существующей между отдѣльными явленіями опыта, должно обратиться къ болѣе сложнымъ отношеніямъ причины и слѣдствія. Такъ напр. показываютъ цѣлую группу явленій, предшествовавшихъ извѣстному дѣйствію; затѣмъ изъ предшествовавшей группы постепенно выпускаютъ по одному явленію и наблюдаютъ за появленіемъ слѣдствія. Если оно появится, не смотря на отсутствіе даннаго явленія въ предшествовавшей группѣ, то послѣднее не могло быть причиной слѣдствія. Наконецъ если найдется въ предшествовавшей группѣ одно или нѣсколько явленій, съ исключеніемъ которыхъ появленіе слѣдствія сдѣлается невозможнымъ, то это явленіе считается причиной. Послѣднее отношеніе вполне доказывается тѣмъ, что съ вызваніемъ однихъ этихъ явленій на опытѣ, за ними всегда послѣдуетъ ихъ слѣдствіе. Такимъ образомъ экспериментальнымъ путемъ изъ цѣлой группы явленій, предшествовавшихъ другому явленію, познается одно только или нѣсколько явленій, какъ ближайшая причина послѣдняго. Эти опыты могутъ начинаться съ самыхъ простыхъ, доступныхъ ежедневному наблюденію, до болѣе сложныхъ, научныхъ. Затѣмъ дается для изученія прежній комплектъ явленій безъ тѣхъ, которыя оказались причиной познанныаго явленія, и тогда демонстрируется отсутствіе прежде бывшаго слѣдованія, не смотря на то, что ему предшествовали всѣ остальные явленія изъ прежней группы. Давъ матеріаль воспитаннику для познанія простой причинной связи, можно перейти къ опыту, дающему познаніе сложныхъ причинныхъ отношеній между явленіями. Такъ показываются опыты, доказывающіе, что дѣйствіе однаго явленія какъ причины можетъ вызвать свое слѣдствіе, реакцію во многихъ не только близкихъ, но и самыхъ отдаленныхъ отъ него явленіяхъ, если между первымъ и всей

группой находится связь отношенія въ пространствѣ или во времени. Для этого можно положить сначала одинъ шаръ на билліардъ и вывести его изъ его положенія ударомъ другаго шара; затѣмъ кладутся 2, 3 и болѣе шаровъ; тогда толчекъ ударяющаго шара, сообщаясь непосредственно первому шару, постепенно передается до послѣдняго, и тотъ выйдетъ изъ своего положенія, какъ въ первомъ случаѣ, не смотря на отсутствіе всякаго прикосновенія его съ шаромъ, первоначально вызвавшимъ движеніе. Тоже самое можно повторить съ кубиками, стоящими на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Потомъ переходятъ къ телуриуму и демонстрируютъ, что перемѣна въ пространствѣ и въ отношеніи къ солнцу какаго нибудь одного тѣла должна повлечь за собою измѣненіе въ расположеніи и движеніи остальныхъ міровыхъ тѣлъ. Затѣмъ демонстрируютъ процессы, гдѣ подѣйствовавшая причина вызываетъ дѣйствіе не непосредственно, а чрезъ болѣе или менѣе долгое время, гдѣ между воздѣйствіемъ причины и слѣдствіемъ лежитъ еще цѣлый рядъ скрытыхъ дѣйствій, потому что они недоступны наблюденію. Доказываютъ также на нѣсколькихъ конкретныхъ примѣрахъ, что кажущаяся причина явленій въ свою очередь есть слѣдствіе другой причины и т. д. и доходятъ такимъ образомъ до самой отдаленной причины, которую можно демонстрировать въ извѣстной послѣдовательной цѣпи явленій. Затѣмъ нѣсколько знакомятъ съ исторіей труднѣйшихъ открытій въ наукахъ, причинныхъ отношеній между явленіями, казавшимися прежде безъ связи и безъ причины и указываютъ на путь, по которому слѣдовали изысканія, приведшія къ открытію до того невѣдомой причины. Изъ такого матеріала постепенно развивается индукція причинности, при этомъ случайныя слѣдованія явленій или факты, кажущіеся пока мѣстными безпричинными, займутъ свое надлежащее мѣсто въ познаніи, какъ еще непонятныя явленія опыта и т. п. Пройдя такую хотя сокращенную школу, воспитанникъ увѣруетъ въ законъ причинности и его трудно будетъ убѣдить въ существованіи безпричинныхъ явленій.

4) Развѣтіе познанія пространства.

Для развитія познанія пространства сначала даются простые предметы въ пространствѣ различныхъ формъ, какъ напр. палки, шары, кубы, призмы, октаэдры, пирамиды и т. п. сначала такой только величины, чтобы ребенокъ могъ его разомъ осмотрѣть, а потомъ демонстрируютъ предметы такихъ же формъ, но въ большемъ видѣ для того,

чтобы для изученія всего объекта воспитанникъ долженъ былъ бы обойти и изучать объектъ со всѣхъ сторонъ; затѣмъ переходятъ къ болѣе сложнымъ фигурамъ, какъ додекаэдръ и изокаэдръ; эти объекты даются составными, чтобы дитя могло ихъ само разбирать на части, складывать. Одновременно съ этимъ должны быть и разноцвѣтные кубики или части этихъ складныхъ фигуръ для того, чтобы воспитанникъ, съ перемѣной мѣста каждой части, могъ бы познавать и перемѣщеніе ея въ пространствѣ и перемѣну ея отношеній къ остальнымъ частямъ фигуры; такъ что то, что было вверху, оказывается при перестановкѣ внизу, сбоку и т. п. Затѣмъ переходятъ къ болѣе сложнымъ передвиженіямъ и отношеніямъ предметовъ въ пространствѣ. Изучается перспектива и отношеніе кажущейся величины предметовъ къ разстояніямъ, различныя плоскости. Наконецъ, знакомство съ планетаріемъ даетъ познаніе причиннаго отношенія другъ къ другу небесныхъ тѣлъ въ пространствѣ. Астрономія научаетъ познавать, кромѣ причинной связи, существующей между движеніями небесныхъ тѣлъ, еще ихъ отношеніе въ пространствѣ и во времени. Она не только даетъ познаніе колоссальности пространства, но и приводитъ къ границѣ, за которую наше пониманіе перешагнуть не можетъ, — къ безпредѣльному пространству. Въ ней каждое свѣтило имѣетъ свое мѣсто и теченіе. Отношеніе въ пространствѣ движущихся небесныхъ тѣлъ закономерно и стоитъ только представить себѣ измѣненіе законнаго порядка въ положеніи или движеніи одной планеты, — и вся солнечная система должна измѣниться. Наконецъ, микроскопическія изслѣдованія инфузорій, растительныхъ грибовъ, наблюденіе за ихъ движеніемъ, питаніемъ и развитіемъ даютъ познаніе о безконечно малыхъ существахъ въ пространствѣ, какъ телескопъ знакомитъ съ безконечно большими небесными тѣлами.

5) Развитіе понятія о количествѣ.

5) Уже Песталоцци въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „*Wie Gertrud ihre Kinder lehrt*“ говорилъ, что искусство воспитанія должно исходить изъ тройственнаго фундамента: числа, формы и языка. Дѣтей нужно пріучать, совѣтуетъ онъ, во 1-хъ, познавать всякій предметъ, который или представляется какъ единица, т. е. отдѣльно отъ тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ кажется въ связи; во 2-хъ, познавать форму каждаго предмета, его мѣру и отношеніе. Поэтому первыя старанія искусства должны быть направлены, по мнѣнію Песталоцци, къ развитію и укрѣпленію

основныхъ силъ счета, измѣренія и говора, какъ основанія правильнаго познанаія всѣхъ предметовъ опыта.

Для нашей цѣли не только важно приучать ребенка къ счету и измѣренію, но важно именно умѣнье считать и измѣрять, чтобы постепенно развить въ немъ отвлеченное познаніе количества. Измѣреніе и взвѣшиваніе есть одинъ изъ первыхъ приѣмовъ, которые прилагаются каждымъ естествоиспытателемъ при опытномъ изученіи каждаго явленія и объекта; старайтесь и вашего ребенка приучать измѣрять и взвѣшивать сначала свои игрушки, потомъ объекты его изслѣдованій, затѣмъ измѣрять различное протяженіе времени, протекающаго между однимъ знакомымъ ему явленіемъ и другимъ. Сначала приучайте его приблизительно измѣрять и сравнивать свою собственную силу съ силой, продуцируемой другими его сверстниками, животными, локобилемъ и т. п.

Ребенокъ, такимъ образомъ, познаетъ разницу въ количественномъ отношеніи пространства, времени и силы. Онъ начинаетъ свои измѣренія пальчиками, взвѣшиваніе — съ помощію игрушечныхъ вѣсовъ, потомъ, мало по малу, переходитъ къ измѣренію пространства шагами, аршинами и циркулемъ, наконецъ, измѣряетъ микрометромъ части линій на своихъ микроскопическихъ препаратахъ. При взвѣшиваніи нужно приучать его къ употребленію и постепенному переходу отъ простыхъ вѣсовъ къ химическимъ, показывающимъ миллиграмный вѣсъ объектовъ наблюденія. Въ измѣреніи протяженія времени онъ отъ большихъ разстояній долженъ приучаться на опытѣ опредѣленію болѣе малыхъ разстояній, до частей секунды съ помощію часовъ. Количество силы онъ измѣряетъ въ послѣдствіи съ помощію динамометра, температуры термометромъ и т. д. Всѣ предметы опыта, которые могутъ быть измѣряемы количественно, должны, по мѣрѣ возможности, подвергнуться этому экспериментальному изслѣдованію съ постепенно возрастающей точностью.

Большія количества могутъ, съ помощію математическаго анализа, разлагаться на свои части и потомъ снова соединяться для познанія эффекта количественной разницы одной и той же силы. Въ послѣдствіи всѣ математическія и геометрическія аксіомы могутъ путемъ конкретной демонстраціи провѣряться и изучаться. Затѣмъ воспитанникъ можетъ перейти къ изученію количественнаго отношенія между подѣйствовавшей силой и ея реакціей. Наконецъ, исчисляя умственно—объемъ, вѣсъ, пространство и время, недоступныя нашему непосредственному измѣренію, какъ напр. разстояніе земли отъ солнца, время образованія зем-

ной коры, объемъ солнца и планетъ, воспитанникъ знакомится съ безконечно большими количествами; изучая мельчайшія дѣленія и тончайшія растворы химическихъ агентовъ, онъ познаетъ безконечно малыя величины. Такимъ образомъ воспитанникъ на ограниченномъ количествѣ примѣровъ можетъ изучить почти всѣ разнообразныя проявленія количества и количественныхъ отношеній объектовъ и изъ нихъ можетъ въ немъ развиться общее понятіе о количествѣ, о законахъ, управляющихъ количественными отношеніями всѣхъ частныхъ и конкретныхъ проявленій.

Всѣ выработанныя человѣкомъ психическія понятія и индукціи, развитыя въ воспитанникѣ, съ помощью правильнаго метода, на общіе черты котораго мы выше указали, съ строгой послѣдовательностью относительно возраста и соразмѣрно его психической способности, вводятъ его въ третій періодъ умственнаго развитія. Создаваемая въ немъ такая умственная сила является съ одной стороны какъ бы ассимилирующимъ аппаратомъ, въ которомъ перерабатывается все вновь получаемое знаніе. Всѣ возможныя классификаціи и различныя виды отношеній опыта представляются въ высшихъ психическихъ понятіяхъ и индукціяхъ, поэтому всѣ новыя явленія, полученные интеллектомъ изъ опыта, и непознанныя отношенія объектовъ опыта соединяются въ связи съ помощію психическихъ силъ, сходныхъ съ ними по содержанию. Понятія о силѣ, количествѣ, сходствѣ и отличіи, индукціи пространства и времени, ассимилируютъ всѣ частныя случаи опыта, сродные имъ по содержанию. Индукція законности въ явленіяхъ вселенной соединяетъ объекты познанія, по мѣрѣ возможности, причинной связью; съ другой стороны, эта сила начинаетъ служить оплотомъ противъ воспріятія и усвоенія познаниемъ ложныхъ субъективныхъ или фантастическихъ представленій объ объектахъ опыта и ихъ различныхъ отношеніяхъ. Если же, до сихъ поръ, эти психическія силы, кромѣ положительныхъ наукъ, еще мало принесли пользы, что доказываетъ доселѣ существующее въ каждомъ человѣкѣ индивидуальное міровоззрѣніе, то это случилось не потому, что онѣ сами по себѣ безсильны въ ненаучномъ мірѣ опыта, а вслѣдствіе ихъ односторонняго доселѣ пониманія. Послѣднее было причиной, что виѣ методовъ научныхъ изслѣдованій эти силы не примѣнялись ни къ познанію истины вообще, ни къ воспитанію объективнаго склада мышленія въ особенности.

Постепенность въ развитіи психической силы.

Только послѣ закладки твердаго и всесторонняго фундамента познанія непосредственнаго опыта возможно приступить къ началу развитія психическихъ силъ. Этотъ процессъ никакъ не можетъ идти въ разрѣзъ съ естественнымъ развитіемъ мышленія и знанія, потому что психическія силы представляютъ именно собою предѣлъ высшаго естественнаго видоваго развитія мышленія и знанія. Воспитатель долженъ всѣми силами останавливать раннее образованіе связей подъ давленіемъ не вполне развитыхся психическихъ синтезовъ, допуская только такія связи элементарнаго матеріала, которыя могутъ провѣриться и доказаться непосредственнымъ опытомъ. Чтобы идти правильнымъ путемъ развитія, нужно, какъ мы видѣли, чтобы ребенокъ сначала руководился въ своемъ пониманіи однимъ реальнымъ опытомъ, а потомъ въ его мышленіи должны постепенно развиваться психо-интеллектуальныя синтезы, изъ которыхъ, какъ высшую степень развитія, представляютъ чисто психическія понятія и законы, господствующіе въ познаніи надъ явленіями реального опыта. Преждевременное же развитіе и преобладаніе отвлеченныхъ силъ въ мышленіи эманципируетъ дитя отъ объективнаго изученія. Приучаясь разсуждать о предметахъ, мало познанныхъ путемъ непосредственнаго изученія, такіе люди начинаютъ вѣрить не дѣйствительному опыту, а преимущественно своимъ умствованіямъ, подчиняя имъ все познаваемое. Въ нихъ разумъ получаетъ познаніе истины не отъ изслѣдованія и наблюденія реальныхъ явленій, а самъ онъ опредѣляетъ свои требованія, съ которыми должны согласоваться явленія опыта для того, чтобы они признались истинными. Надо, чтобы познанію дитяти говорила одна природа; только взрослый человѣкъ своимъ умомъ можетъ самостоятельно, какъ судья, относиться къ природѣ. Воспитатели и родители этого не хотятъ понять: въ ранневременно-развивающемся умѣ дитяти, въ бойкихъ сужденіяхъ о мало имъ доступныхъ предметахъ *) они видятъ залогъ будущей геніальности. Даже Локке согрѣшилъ, поставивъ принципъ пользы разсужденія съ дѣтьми вообще. Хлѣбопашецъ съ отчаяніемъ смотритъ на свои нивы, которыя черезчуръ рано стали колоситься, родители же въ восторгѣ отъ своихъ скороспѣлоекъ. Хлѣбопашецъ по горькому опыту знаетъ, что рано выколосившаяся нива даетъ

*) Нѣмцы очень удачно называютъ такихъ дѣтей *Altklug*.

плохой урожай, дѣти черезчуръ рано проявляющія умъ тоже мало приносятъ умственной пользы въ будущемъ. Родители въ чаду самолюбія забываютъ послѣдній опытъ, хотя почти всегда ихъ жалкое заблужденіе кончается горькимъ разочарованіемъ.

Чѣмъ выше видъ на ступени органическаго развитія, тѣмъ медленнѣе совершается развитіе всего его организма и отдѣльныхъ его органовъ и отпавленій. Животныя низшаго развитія въ умственномъ отношеніи рождаются почти что съ готовымъ пониманіемъ и вскорѣ послѣ ихъ рожденія завершается ихъ умственное развитіе. Мы знаемъ, какъ медленно развивается умъ чловѣка сравнительно съ другими, даже высшими животными. Эта медленность пропорціональна величію созидающагося зданія чловѣческаго ума. Почти такое же отношеніе, какъ между людьми и животными относительно времени и постепенности въ развитія ума, существуетъ какъ между чловѣческими рассами, отличающимися въ умственномъ отношеніи, такъ и между отдѣльными индивидами. Скороспѣлость въ пониманіи и разсужденіяхъ въ молодыхъ дѣтяхъ, почти всегда указываетъ на близкій предѣлъ ихъ умственнаго развитія, дальше котораго они обыкновенно мало подвигаются. Дѣвочки умственно скорѣе развиваются мальчиковъ, но за то и раньше заканчивается ихъ развитіе. У даровитыхъ людей процессъ умственной эволюціи не останавливается до старости, но онъ не скоро, а постепенно переходитъ изъ одного стадія развитія въ другой. Близорукіе педагоги, не понимая сказаннаго, поэтому нерѣдко смѣшиваютъ геніальныхъ дѣтей съ малоспособными, вслѣдствіе неумѣнья отличить ихъ малоспособность отъ постепенности въ развитіи. Они, какъ дурные архитекторы, обращаютъ вниманіе не на качество созидаемой работы, а на время ея созиданія. Къ несчастію, психологія до сихъ поръ не освѣтила этого факта педагогамъ. Они не только не задерживаютъ у дѣтей стремленій къ ранневременнымъ сужденіямъ и обобщеніямъ постепенностію въ развитіи мышленія, но нерѣдко сами ихъ поощряютъ и подаютъ къ тому поводъ.

Надѣюсь, что мы достаточно разъяснили этотъ фактъ. Пища, требующая для своего усвоенія жеванія, только съ прорѣзываніемъ зубовъ можетъ приносить питаніе организму. Такая непослѣдовательность въ умственномъ развитіи и несовременныя сужденія и критика вредны: во 1-хъ тѣмъ, что отвлекаютъ дитя отъ внимательнаго наблюденія объектовъ и ихъ отношеній въ природѣ и тѣмъ отъ пріобрѣтенія объек-

тивныхъ элементарныхъ познаній, изъ которыхъ только могутъ развиться высшія объективно-психическія силы видоваго ума. Во 2-хъ, привычка къ такому мышленію пріучаетъ дѣтей къ скороспѣлымъ выводамъ, одностороннимъ обобщеніямъ, служащимъ тормазомъ къ познанію истины вообще.

На самыхъ первыхъ порахъ познанія отношеній между предметами и явленіями нужно представлять случаи для равномернаго знакомства со всѣми существующими въ мірѣ отношеніями, въ пространствѣ и во времени, съ количественными отношеніями, по сходству и различію, въ особенности же съ причиннымъ отношеніемъ явленій. Намъ извѣстно, что познанія этихъ отношеній зависятъ не отъ самихъ объективныхъ внѣшнихъ комбинацій явленій и объектовъ въ реальномъ мірѣ, а отъ природы нашего внутренняго психическаго творчества. Мы знаемъ, что организованные субстраты этой познавательной силы порождаются самими движеніями въ интеллектѣ формацій, образовавшихся изъ внѣшняго опыта. А такъ какъ эти движенія въ интеллектѣ, по своему характеру, не могутъ быть разнообразны, то субстраты, дающіе познаніе всѣхъ этихъ видовъ отношеній, не могутъ быть значительны въ количественномъ отношеніи, а во 2-хъ, какъ сами сложныя и отвлеченныя познанія отношеній образуются изъ тѣхъ же интуитивныхъ субстратовъ психическихъ познаній внутреннихъ интеллектуальныхъ движеній, то первыя не могутъ быть разнообразіе того матеріала, изъ котораго они образовались, т. е. познанію высшаго закона того или другаго спеціальнаго отношенія явленій вселенной всегда отвѣчаетъ частное познаніе отношенія реальныхъ объектовъ опыта. Изученіе постепеннаго развитія нашего умственнаго органа насъ убѣдило, что развитіе каждой новой спеціальной части ума шло правильной дорогой постепенности отъ интуитивнаго интеллектуальнаго и психическаго знанія къ формаціямъ, все выше и выше поднимающимся на ступеняхъ органической эволюціи и дифференцированія. При этомъ на дорогѣ высшаго развитія умственные синтезы постоянно шли отъ частнаго къ общему, отъ смѣшаннаго къ болѣе спеціальному, отъ конкретнаго къ отвлеченному. Въ этомъ ходѣ развитія мы постоянно убѣждались въ непрерывной связи всякаго правильно образовавшагося синтеза, даже до самыхъ отвлеченныхъ психическихъ индукцій и понятій съ конкретными интуитивными продуктами непосредственнаго опыта; поэтому понятно, что всякое новое пріобрѣтеніе

знанія должно идти тѣмъ же постепеннымъ путемъ, начиная отъ реального опыта. Только то знаніе есть основательно пріобрѣтенное, которое не только начинается изъ опыта и получается правильнымъ путемъ развитія, но и можетъ разлагаться на интуитивные элементы и изъ нихъ вновь строиться. Поэтому каждая данная истина тогда можетъ быть вполне доступна человѣку, когда въ его познаніи, начиная отъ конкретнаго, развились путемъ спеціализаціи всѣ постепенно обобщенные элементы, необходимые для постройки данной индукціи.

Учителями толпы никогда не были и не будутъ люди, гораздо выше ея стоящіе, какъ философы. Человѣкъ, только немногимъ отличающійся отъ народной массы своимъ умомъ и идеями, всегда будетъ ей доступнѣе и мысли его ей понятнѣе. Послѣдній несравненно больше будетъ способствовать своими неполными познаніями и ученіями развитію пониманія невѣжественныхъ людей, нежели первые, хотя бы они проповѣдывали народу глубокія и неопровержимыя истины, а первые едва очищенные превратныя идеи. Ни одно изъ гениальныхъ ученій великихъ философовъ прежняго времени не могло пошатнуть незыблимо стоявшее зданіе папства, а почти невѣжественному монаху, вѣровавшему въ дьявола, удалось подкопаться подъ папство и увлечь за собою своимъ ученіемъ миллионы людей потому только, что умственное развитіе монаха немногимъ отличалось отъ толпы, и изъ множества заблужденій, которыя онъ раздѣлялъ съ нею, только нѣкоторыя, вслѣдствіе поверхностной критики, познались имъ ложными. Наблюдайте за дѣтми и вы увидите, что для каждаго изъ нихъ самый дорогой собесѣдникъ есть старшее его дитя, немного больше его понимающее. Швейцарскіе педагоги поняли это, и во многихъ шеолахъ заведено при поступленіи новаго ученика отдавать его подъ руководство кому нибудь изъ старшихъ. Это очень полезно во 1-хъ) тѣмъ, что развиваетъ въ старшихъ привычку служить защитой и опорой слабымъ, связываетъ этихъ мальчиковъ симпатіей; 2) дитя охотнѣе учится и внимательнѣе въ тому, что преподаетъ ему старшее дитя, нежели самъ учитель; 3) польза для старшихъ дѣтей состоитъ въ томъ, что преподаваемое имъ больше укрѣпляется въ памяти, и 4) вызываетъ въ немъ привычку съ молодю быть полезнымъ другимъ. Слѣдовательно, одно изъ главныхъ правилъ: постепенность въ умственномъ развитіи, въ процессѣ пониманія и доказательства. Начать надо съ самыхъ простыхъ комбинацій, но чтобы до нихъ необходимо ясно были развиты въ мышленіи формаціи, отдѣльно входящія въ комбинацію.

Если учащійся судить, что травка зеленѣетъ, то необходимо, чтобы въ немъ было выработано представленіе травки и воспріятіе зеленого цвѣта. Прежде нежели ввести въ его сознание общую комбинацію, необходимо, чтобы въ немъ предварительно существовали все частныя, изъ которыхъ это общее образовалось; въ противномъ случаѣ лучше не знакомить его съ обобщеніемъ. „Это есть слѣдствіе“, говоритъ Шопенгауеръ, „того *Überseher* *proteron*, по которому мы, противно естественному ходу развитія нашего духа, получаемъ сначала понятія, а подъ конецъ — наблюденія. Воспитатели, на мѣсто того, чтобы развить въ мальчикѣ способности самому узнавать, рассуждать и думать, трудятся только надъ тѣмъ, чтобы переполнить его голову чужими, готовыми мыслями. Оттого между учеными такъ мало людей со здравымъ смысломъ, который у неученыхъ встрѣчается часто“.

Такъ какъ сложная интеллектуальная комбинація всегда соединена со словомъ, а всякая индукція съ предложеніемъ, въ сознательномъ же мышленіи повторяются одни слова, а не интеллектуальное содержаніе каждой интеллектуальной формации и связи, то нерѣдко слова отъ частаго повторенія сохраняются въ памяти, а настоящее интеллектуальное содержаніе все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Лучшимъ средствомъ противъ этого служить очень частый анализъ и возобновленіе постройки главныхъ и доступныхъ индукцій, при чемъ въ памяти возобновляется все интеллектуальное содержаніе обобщенія.

Если же вы будете объяснять словами предметы, о которыхъ дитя не имѣетъ никакого интеллектуальнаго представленія, или доказывать ему общую истину, для пониманія которой у него въ интеллектѣ не достаесть частныхъ истинъ, послужившихъ этой общей истинѣ началомъ, то вы вызовете или совершенный хаосъ въ головѣ вашего воспитанника или только одно познаніе словъ, а не фактовъ. У этихъ дѣтей является отвращеніе къ изслѣдованію и опыту. Лучшую школу для такого изуродованія мысли даетъ преимущественное изученіе съ раннихъ лѣтъ сочиненій классиковъ, потому что оно даетъ слова, вмѣсто фактовъ, чужія готовые интеллектуальныя комбинаціи, на мѣсто привычки къ собственному творчеству. При этомъ воспитанникъ старается только понять смыслъ и то не фактовъ, а фразъ. Обобщенія ему большею частію недоступны, потому что опытомъ онъ къ нимъ не приготовленъ.

Когда содержаніе предмета мышленія обширно и результатъ его работы важенъ не только для удовлетворенія скоропреходящей потребно-

сти, а для полученія новаго прироста знанія или истины, необходимо участіе въ мыслевой работѣ не только синтезовъ, сродныхъ своимъ содержаніемъ спеціальности дѣятельной мыслевой группы, но и всѣхъ высшихъ синтезовъ и психическихъ силъ вообще. Разумѣется, вызывается это участіе не волей мыслящаго, вслѣдствіе сознанія его необходимости, а самоудобоподвижностью психическихъ формацій. Умственная работа тогда только можетъ считаться законченной, когда факторы мыслевой группы, разрозненные въ началѣ мышленія, соединились между собою участіемъ одной или нѣсколькихъ соотвѣствующихъ данной группѣ высшихъ психическихъ силъ, и когда затѣмъ вновь образовавшіяся связи, послѣ взаимодѣйствія со всѣми остальными высшими психическими силами, не встрѣчаютъ противодѣйствія со стороны послѣднихъ. Съ этимъ соединеніемъ и взаимодѣйствіемъ возстановляется интеллектуальное равновѣсіе въ данной области, удовлетворяющее интеллектуальное чувство человѣка, и психо-интеллектуальный органъ получаетъ новый приростъ. Если-же наличныя силы данной группы вмѣстѣ съ высшими синтезами недостаточны были для усвоенія познаваемаго предмета, то обыкновенный человѣкъ ограничивается этой работой и рѣшаетъ, что данныя отношенія явленій для ума непостижимы.

Однако передовые люди, энергически дѣятельнаго ума и гени, не останавливаются передъ этимъ препятствіемъ. Въ своемъ стремленіи къ соединенію разрозненные энергическіе элементы не даютъ покоя ихъ чувствительной душѣ и это объективное стремленіе частныхъ элементовъ къ соединенію выражается субъективнымъ стремленіемъ такого человѣка къ познанію истины и пониманія. Вслѣдствіе продолжающейся работы не соединенныхъ мыслевыхъ элементовъ, ими вызываются къ дѣятельности изъ психо-интеллектуальнаго хранилища поочередно всѣ факторы и синтезы, имѣющіе хотя отдаленное сродство съ дѣятельной группой. При этомъ отношенія и противопоставленія разъединенныхъ представленій мѣняются съ каждымъ воздѣйствіемъ вновь появившейся въ дѣятельности психической силы. Если при каждомъ новомъ такомъ сопоставленіи соединеніе не достигается, то новый синтезъ замѣняетъ прежній, пока не изсякнетъ источникъ всего прежняго запаса знанія; если и тогда соединеніе окажется невозможнымъ, то предметъ окончательно можетъ признаться недоступнымъ для ума, но не абсолютно, а только для современнаго умственнаго состоянія человѣка. Хотя правда, что каждый изъ психическихъ синтезовъ, какъ факторовъ разума, есть только продуктъ спе-

ціального опыта, а потому и можетъ служить связующимъ началомъ для объектовъ опыта въ его области, но отношеніе между каждымъ предметомъ опыта и этими психическими силами далеко не даетъ себя прямо познать а priori. Сродство между представленіями данной области и психическимъ синтезомъ, съ помощью котораго эти представленія могли бы соединиться, нерѣдко бываетъ такъ слабо и отдаленно, что они въ продолженіи многихъ вѣковъ могутъ жить отдѣльно въ человѣческомъ умѣ, не приходя въ надлежащее взаимодѣйствіе, т. е. не соединяясь между собою въ одну общую дѣятельную группу. Послѣднее достигается или тонкимъ чутьемъ сродства въ психическомъ органѣ генія, или случайнымъ соединеніемъ, причемъ это сродство узнается только а posteriori. Исторія открытій во всѣхъ наукахъ показываетъ, что часто извѣстныя отношенія явленій долго оставались совершенно непонятными, или толковались ложно, пока случайно не послѣдовало сопоставленіе этихъ отношеній съ обобщающимъ и ихъ объясняющимъ закономъ; или, пока въ геніальной головѣ разрозненныя представленія не пришли въ взаимодѣйствіе съ психическимъ закономъ, который до того всѣми считался чуждымъ той познаваемой группѣ явленій. Съ послѣднимъ воздѣйствіемъ получались новыя неожиданныя связи и съ ними новый свѣтъ познанія. Движенія планетъ для многихъ были совершенно непонятны, другіе это явленіе объясняли высшимъ произволомъ, руководившимъ ихъ движеніями, пока въ геніальной головѣ Кеплера не рѣшилась проблема, въ которой движенія планетъ объяснялись отношеніями чиселъ и курбовъ. Казалось, между законами чиселъ и явленіями теплоты мало общаго, однако Блекъ (Black) подчинилъ явленія теплоты законамъ чиселъ, и изъ математической формулы сдѣлались понятными явленія замерзанія, таянія, кипяченія и т. п. Если послѣднія мыслевыя комбинаціи дѣлаются возможными только въ геніальныхъ умахъ, то тѣмъ не менѣе къ нимъ приготовляетъ развитіе энергіи мыслевой функціи, путемъ упражненія въ психо-интеллектуальныхъ процессахъ вообще и психическихъ въ особенности. Этимъ совершенствуется ихъ притягательная способность къ новымъ соединеніямъ, даже вслѣдствіе отдаленнаго сродства. На основаніи сказаннаго очень полезно приучать молодыхъ людей съ развитыми психическими силами, при обдуманіи сложныхъ процессовъ мышленія ко всесторонней обработкѣ cadaго предмета, который они хотятъ познать. Для этого воспитанники приблизительно одного и того же психо-интеллектуального развитія должны сообща рѣшать вопросы, причемъ одинъ изъ

нихъ долженъ представлять всѣ факты и соображенія для рѣшенія вопроса, а остальнымъ предоставляется право дополнять приведенное новыми фактами, если они были упущены.

Вліяніе скачковъ въ умственномъ развитіи.

Истины научныя или философскія, усвоенныя готовыми безъ ихъ содержанія, или съ поверхностнымъ содержаніемъ развращаютъ умъ, потому что даютъ форму, которая, вслѣдствіе своей пустоты, выполняется субъективнымъ и апіористическимъ содержаніемъ. Людей, довольствующихся верхушками знанія, называютъ полуобразованными, а между тѣмъ они представляютъ совершенно отрицательную величину. Подъ той или другой научной философской фразой въ мышленіи этихъ людей дѣйствуютъ самыя невѣжественныя и эгоистическія силы: легко добытыя истины часто толкуются въ превратномъ смыслѣ. Къ несчастію, я долженъ сказать, что популяризаторы наукъ, старающіеся передать изъ науки только удобоусвоиваемое, легко и пріятно читающееся, суть главные развратители правильного мышленія нашего общества. Большая часть нашихъ литераторовъ, особенно критиковъ, не получившихъ основательнаго образованія, жадно пользуются популярными книжками и какъ ферментъ заразы распространяютъ ее въ пріятной формѣ легкой беллетристики въ массѣ читающей публики. Приведемъ прекрасныя слова Ланге *, которыми онъ характеризуетъ развращающее вліяніе полуобразованія на древнихъ римлянъ въ періодъ ихъ умственнаго перехода отъ древней культуры.

„Въ эту массу“ (римлянъ), говоритъ онъ, съ помощью невѣроятно размножившейся литературы, путемъ ложныхъ изслѣдованій непризванныхъ мудрецовъ проникли обломки научныхъ приобрѣтеній и вызвали то состояніе полуобразованія, которое, хотя съ меньшей силой, характеризуетъ и наше время. При этомъ ненужно забывать, что это полуобразованіе было умственнымъ достояніемъ богатыхъ, могущественныхъ и вліятельныхъ людей. Совершенная свѣтскость, тонкія соціальныя формы и прекрасное пониманіе отношеній были очень часто соединены въ философскомъ смыслѣ съ самымъ неполнымъ поверхностнымъ знаніемъ (*mit der Klöglichsten Halbeit vereinigt*). Тѣ опасности, которыя должнымъ

* Lange Geschichte des Materialismus 1. B. S. 144 und flg.

образомъ приписывались ученіямъ философовъ, осуществлялись только въ такихъ кругахъ, гдѣ лишенное принциповъ эластическое полуобразование служило однимъ лишь естественнымъ склонностямъ, или разнуданнымъ страстямъ“.

„Когда Эпикуръ въ великомъ вдохновеніи (Erhebung) бросилъ къ ногамъ пути религіи (мифологической), проповѣдая справедливость и благородство не ради боговъ, а для собственнаго наслажденія, то явились презрѣнные временщики, хорошо характеризованные Гораціемъ, Ювеналомъ и Петроніусомъ, погрязшіе въ самыхъ неестественныхъ порокахъ, которые съ мѣднымъ лбомъ приписывали себѣ имя Эпикура и даже Стоя (Stoa). Кто могъ защитить бѣдную философію отъ этой грязи?“. „Презрѣніе къ религіи народа было только маской внутренней пустоты, отсутствія всякой вѣры и всякаго истиннаго знанія; насмѣшка надъ идеей безсмертія была девизомъ порока; но порокъ вытекалъ изъ условій времени и развился не смотря на философію, а не съ помощью философіи“.

Хотя слова Ланге относятся къ чуждому народу и къ его жизни. протекавшей около двадцати столѣтій тому назадъ, они тѣмъ не менѣе живо и вѣрно характеризуютъ наше современное общество. Какую массу печатной бумаги продуцируетъ наша литература, и какъ мало въ ней дѣйствительной пищи для ума, или чего нибудь возвышающаго человѣческое чувство. Мало ли у насъ недоразвитыхъ и глухихъ людей въ чинѣ профессоровъ, мало ли у насъ учителей и популяризаторовъ, не имѣющихъ здраваго понятія о томъ, чему они учатъ и что желаютъ провести въ массу. Не сдѣлалась ли Дарвинская „борьба за существованіе“ девизомъ проходимцевъ и всѣхъ желающихъ поживиться на счетъ другаго; не вызвала ли реальная школа въ философіи и литературѣ глумленіе надъ всѣмъ идеальнымъ и возвышеннымъ, не проповѣдывалось и не проповѣдывается ли и по сю пору у насъ, что наука и искусства, приносящія пользу только для меньшинства, подлежатъ прекращенію? Эти люди забыли, ради интересовъ невѣжественной массы, отдѣльныхъ личностей, ради потребностей чисто животной жизни, величайшій интересъ всего человѣчества—совершенствованіе всего его вида, которое можетъ двигаться только избраннымъ меньшинствомъ, больше всего проявляющимъ силу творчества.

Прогрессъ въ развитіи видового человѣческаго знанія.

Факты біологіи изъ всего животнаго царства привели Герберта Спенсера къ обобщенію, выражающемуся въ слѣдующемъ законѣ: самую простую и слабую жизненную функцію даютъ организмы самого простаго устройства, состоящіе только изъ одной или нѣсколькихъ клѣточекъ. Съ увеличеніемъ агрегаціи послѣднихъ и ихъ спеціализаціи въ организмѣ животнаго, получается пропорціонально обширнѣйшая и болѣе сложная работа жизни. Съ дифференцированіемъ тканей и органовъ и съ увеличеніемъ ихъ числа въ организмѣ, рука объ руку идетъ спеціализованіе, т. е. разнообразіе жизненныхъ отправленій и совершенствованіе самой жизни.

Въ нашей теоріи мышленія и познанія мы подвели только частный случай подъ тотъ общій законъ. Мыслевая работа сначала проявляется отдѣльными интеллектуальными ячейками (воспріятіями); пока онѣ остаются разрозненными, ихъ функція даетъ только простѣйшую интуитивную функцію познанія; чѣмъ больше эти элементы соединены въ агрегаціи и дифференцируются въ отдѣльные синтезы, какъ представленія, понятія индукціи, и т. д., тѣмъ глубже становится мыслевая работа, тѣмъ болѣе спеціализируется знаніе.

Но ростъ интеллектуальнаго органа, какъ мы знаемъ, идетъ постепенно; новая клѣточка развивается изъ таковой же, до нея существовавшей, новая общая связь создается изъ прежнихъ частныхъ связей, уже до нея въ мышленіи соединившихся. Изъ этого мы видимъ, что мыслевая работа каждаго отдѣльнаго человѣка состоитъ: а) или въ повтореніи интеллектуальныхъ связей, уже прежде выработанныхъ человекомъ, причемъ постройка новыхъ элементовъ познанія изучаемаго предмета, совершается уже по готовому плану, сложившемуся гораздо ранѣе въ другой головѣ; или б) въ образованіи связей новыхъ, до того еще человѣческому уму не представлявшихся, т. е. въ прибавленіи къ знанію всего вида новаго прироста. Это дѣло только избранныхъ личностей. — Ихъ называютъ гениями. Всякій такой новый результатъ мыслевой дѣятельности одной гениальной головы дѣлается достояніемъ и новой познавательной силой всего человѣчества. Для продуцированія такихъ результатовъ нужно, кромѣ правильнаго развитія умственнаго органа, эрудиціи, напряженной умственной дѣятельности, еще врожденное предрасположеніе, особенная чуткость сроства между самой отдаленной об-

пностью содержанія мыслевыхъ элементовъ, и потому ихъ особенная энергія и подвижность. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что гении рождаются таковыми, люди могутъ родиться съ расположеніемъ къ гениальному творчеству, но чтобы это расположеніе перешло въ дѣйствительный фактъ творчества, нужна культура, трудъ и всесторонняя подготовка. Поэтому для того, чтобы въ какой либо области творить новое, необходимо, чтобы положительное знаніе этой области, разработанное человѣчествомъ ранѣе, уже все существовало въ головѣ, творящей новыя связи. Люди дѣлаютъ гениальныя открытія въ тѣхъ областяхъ, въ которыя они вработались, въ которыхъ они изучили все то, что прежде было въ нихъ вложено человѣческимъ творчествомъ. Народы тогда только дарятъ человѣчеству гениевъ, когда среди нихъ цѣлыя поколѣнія мыслителей въ продолженіе вѣковъ совершенствовались мозгъ, когда наука у нихъ въ почетѣ и люди учатся не ради наживы, а ради самаго знанія, когда весь умъ избранныхъ людей направленъ къ истинѣ, которую онъ вездѣ и постоянно старается найти. Гениевъ не только нѣтъ между Эскимосами, Финнами, Чувашинами, но и мы, не смотря на наши столѣтніе университеты и академіи, еще не дали человѣчеству ни одного гения, не внесли въ общую человѣческую сокровищницу ни одного великаго открытія въ наукѣ, ни одного творенія, двинувшаго впередъ то или другое искусство. Гении представляютъ собою голову всего человѣческаго типа. Все человѣчество умственно развивается и идетъ путемъ прогресса только импульсами, получающимися отъ этихъ избранныхъ головъ. Какъ у прежнихъ химиковъ главное вниманіе обращалось на полученіе опредѣленнаго химическаго результата, а затѣмъ все остающееся за этимъ результатомъ они выбрасывали вонъ, называя его *caput mortuum*, такъ въ жизни человѣчества каждый новый его шагъ на пути прогресса, каждое новое приращеніе знанія даются только избранными, а все остальное человѣчество только существуетъ, а затѣмъ выбрасывается смертію изъ круговорота жизни безъ слѣда и безъ потери для умственнаго строя будущаго развитія человѣческаго вида. На какомъ бы разстояніи земнаго шара ни были разбросаны эти продуктивныя головы человѣчества, какіе бы вѣка ни раздѣляли ихъ существованія, ихъ умъ соединяется въ одну работу, одну мысль.

Если голосъ одного изъ нихъ остается не услышаннымъ при жизни, то рано или поздно онъ объявится и займетъ свое мѣсто въ общечеловѣческомъ умѣ. Люди умираютъ, гениальныя мысли и открытія — без-

смертны. Геніи соединяются между собою въ одну семью силой творчества. Обыкновенные люди пережевываютъ жвачку пріобрѣтеннаго знанія; таланты представляютъ познаное въ новыхъ комбинаціяхъ, ближе знакомятъ человѣчество съ природой, открывая частныя причинныя связи; геніи вѣщаютъ міру новое, они обобщаютъ частные случаи знанія въ общіе законы. Какъ ни велико родство между членами семьи геніевъ, соединенныхъ духовной жизнію, но они остаются чуждыми и непонятными среди своего собственнаго общества. Помѣстивъ весь свой умственный капиталъ въ высшую работу творчества, они не имѣютъ уже той мелочи, которой оплачивается практичность будничной жизни и человѣческая обыденная привязанность. Шоппенгауеръ сказалъ: „Геній такъ же полезенъ въ практической жизни, какъ теленокъ въ театрѣ“. Онъ приводитъ слѣдующія слова Байрона о геніи, вложенныя имъ въ уста Данта:

To feel me in the Solitude of Kings.

Without the power that makes them bear a crown *.

(Участь генія—чувствовать себя одинокимъ, какъ королей, не обладая однако могуществомъ, предоставляемымъ короною).

Неполная мыслевая работа, кончающаяся соединеніемъ частныхъ синтезовъ безъ образованія общихъ.

Однако не всегда мыслевая работа можетъ совершаться правильно, т. е. съ участіемъ выработанныхъ индукцій и психическихъ силъ. Это мышленіе бываетъ не полное: если въ мыслящемъ человѣкѣ еще не успѣли выработаться необходимыя для данной работы высшія умственные силы, уже составляющія достояніе видоваго человѣческаго ума, или въ данной области человѣческой геній еще не дошелъ до высшихъ соединеній, наконецъ, если мыслевая работа по своей незначительности не требуетъ или вовсе не допускаетъ участія высшихъ психическихъ силъ.

Такъ напр., въ обыкновенной будничной жизни или привычныхъ занятіяхъ, когда каждый представляющійся мышленію человѣка вопросъ быстро смѣняется другимъ, то еще до наступленія этой смѣны необходимъ результатъ мышленія, какъ отвѣтъ на предложенный вопросъ, какъ приказъ мышечному аппарату для дѣйствія. Въ такихъ случаяхъ введеніе въ кругъ мыслевой работы высшихъ психическихъ силъ только

* Proph. of Dante cap. I.

напрасно замечаетъ ее, и вслѣдствіе спѣшности работы, приводитъ къ ложнымъ заключеніямъ. Въ этомъ только можно согласиться съ Вувернакомъ (Vouvetnaque), высказавшимъ общій парадоксъ, что „никто не способенъ сдѣлать большей ошибки, какъ тѣ, которые дѣйствуютъ только послѣ обдумыванія“. Даже и при всестороннемъ мышленіи, когда для него дается достаточно времени, нерѣдко не находится общаго закона для объясненія встрѣтившагося частнаго случая. Это можетъ случиться въ разнообразныхъ областяхъ знанія; въ юриспруденціи, медицинѣ, встрѣчаются случаи, не подходящіе ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ законовъ. У юристовъ такіе случаи называютъ „непредусмотрѣнными закономъ“; медику часто встрѣчаются комбинаціи болѣзненныхъ явленій, не подходящіе ни подъ одну изъ извѣстныхъ ему болѣзней. Многіе ученые, привыкшіе всегда находить опору въ одномъ изъ общихъ законовъ ихъ спеціальности, теряются въ своемъ пониманіи, въ заключеніи и доказательствѣ, когда въ ихъ мышленіи не находится обобщенія для какого нибудь частнаго случая. Чѣмъ меньше развитъ умъ, тѣмъ больше и чаще мышленіе бываетъ въ такомъ положеніи отсутствія еще не развившихся психическихъ силъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отсутствія въ дѣятельно-мыслевой группѣ общихъ синтезовъ частныя формаціи и индукціи, въ своемъ стремленіи къ соединенію, соединяются со сродными такими же частными, какъ они сами, но болѣе ихъ окрѣпшими, вслѣдствіе повторенія на опытѣ. Въ этихъ случаяхъ не усвоенная частная индукція соединяется съ подходящей къ ней одной частной или съ нѣсколькими однородными частными индукціями. Если въ дѣятельности появляется еще неусвоенная частная комбинація, то она вызываетъ къ дѣятельности изъ прежняго опыта однородныя съ нею и соединяется съ ними; чѣмъ больше такихъ частныхъ случаевъ и чѣмъ каждый изъ нихъ чаще повторялся на опытѣ, тѣмъ соединеніе бываетъ могущественнѣе, тѣмъ болѣе оно подходитъ своей силой къ общему синтезу и тѣмъ сильнѣе внушаемая имъ вѣра.

Судья при рѣшеніи виновности подсудимаго тѣмъ съ большей увѣренностью произноситъ свой вердиктъ, чѣмъ больше свидѣтелей подтверждаютъ разбираемый фактъ. Если человекъ много разъ на опытѣ обдумывалъ и исполнялъ одинъ и тотъ же пріемъ, то при всякомъ новомъ случаѣ, когда ему снова приходится повторить тотъ же пріемъ, связь послѣдняго соединяется съ таковыми же связями прежняго опыта и уже безъ обдумыванія, а вслѣдствіе силы послѣднихъ, при чемъ актъ совершается очень

часто еще съ большей точностью, нежели прежде, — послѣ обдумыванія и старанія. На фабрикахъ специалисты удивляютъ своимъ инстинктивнымъ умѣньемъ угадывать каждый разъ количество того или другаго вещества, степень раскалыванія, до которой долженъ дойти металлъ для фабрикаціи и которое должно опредѣлиться съ необыкновенной скоростію и точностью, удивляютъ умѣньемъ угадать продолжительность времени, необходимаго для правильного совершенія того или другаго процесса. Техники называютъ это глазомѣромъ, но это есть именно соединеніе каждаго новаго частнаго случая съ множествомъ частныхъ индукцій прежняго опыта. Оно дается только опытомъ и способностію быстрого сочетанія новаго факта опыта съ прежде образовавшимися частными индукціями, вслѣдствіе этого разрѣшающагося мгновеннымъ и точнымъ, какъ будто бессознательнымъ дѣйствіемъ. При этомъ, за неимѣніемъ въ головѣ общей индукціи, мастеръ самъ не въ состояніи объяснить правила и мотива, почему именно въ данный моментъ онъ прибѣгаетъ къ той, а не другой манипуляціи, употребляетъ такое, а не другое количество матеріала, выжидаетъ той, а не другой степени накалыванія и т. п. Такая мыслевая работа, если можно такъ выразиться, въ нижнихъ этажахъ психо—интеллектуальнаго органа, какъ мы видѣли, часто полезна и даже необходима для практическихъ цѣлей ежедневныхъ потребностей, но она имѣетъ и свою оборотную сторону. Вся опасность или вредъ этого рода мышленія заключается именно въ томъ, что частная индукція, на основаніи нашей теоріи, можетъ вызвать къ дѣятельности только однородныя ей комбинаціи изъ опыта, а тѣ частныя факты опыта, которые противорѣчатъ данной связи, остаются въ потенциальномъ состояніи, не принимая участія въ данной мыслевой работѣ. Отсюда безпрестанно рождаются тѣ одностороннія сужденія и заключенія, которыя характеризуютъ дѣтей и неразвитыхъ людей. Эту индукцію древнихъ и недалекихъ мыслителей нашего времени Бэконъ очень удачно назвалъ „*inductio per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria*“. Если извѣстное отношеніе между объектами на опытѣ человѣка повторялось нѣсколько разъ, или этотъ человѣкъ нашелъ, что нѣсколько субъектовъ даннаго класса имѣютъ тотъ же предикатъ, тогда, не смотря на то, что другіе случаи прежняго опыта съ субъектами того же класса противорѣчатъ этимъ соединеніямъ, или же количество субъектовъ познанныяго опыта еще очень малочисленно. — эти частныя связи обобщаются и имъ вѣрится, не смотря на то, что каждую минуту опытъ

можетъ опровергнуть такія одностороннія индукціи. Такъ напр., если человѣкъ на опытѣ встрѣтилъ двадцать или тридцать людей одной націи съ извѣстнымъ достоинствомъ или порокомъ, то невѣжда, не задумываясь, приписываетъ данное достоинство или порокъ всей націи. Возьмемъ другой примѣръ: опытъ прежде показалъ при испытаніи каждаго металла, что всякій изъ нихъ тонулъ въ водѣ. Отсюда образовалась индукція хотя *per enumerationem simplicem*, но въ пользу которой говоритъ многосторонній опытъ: „удѣльный вѣсъ металловъ тяжелѣе удѣльнаго вѣса воды“; а открытый химикомъ Деви металлъ калий плаваетъ на водѣ, и прежняя индукція рушилась.

Въ такихъ случаяхъ мышленія причинная связь бываетъ вовсе не доказана, а связь совершается на основаніи частнаго слѣдованія явленій во времени или сосуществованія— „*post hoc, ergo propter hoc, cum hoc, ergo propter hoc*“. При такой привычкѣ быстрого и односторонняго обобщенія, частная индукція соединяется съ преобладающимъ теченіемъ въ мышленіи, т. е. съ тѣми частными индукціями, которыя въ данной дѣятельной мыслевой группѣ находятся въ большинствѣ. Но съ неразвитостію и слабостію такого мыслеваго движенія почти всегда соединяется субъективность. Въ этихъ случаяхъ, если бы даже въ дѣятельной мыслевой группѣ и приняли участіе *instantia contradictoria*, то, подъ давленіемъ чувства, ослабляющаго всѣ противныя ему интеллектуальныя теченія, (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ), всякій новый частный случай соединится съ частными индукціями, согласными съ даннымъ субъективнымъ направленіемъ, если бы даже послѣднія были въ меньшинствѣ. „Чего хочется, тому и вѣрится“.

Если подобное не полное мышленіе, приводящее человѣка нерѣдко къ заблужденіямъ, оказывается въ дѣтскомъ интеллектѣ неизбѣжнымъ зломъ, вслѣдствіе не выработавшихся въ немъ общихъ синтезовъ, то обязанность воспитателя всегда при такихъ одностороннихъ соединеніяхъ вызывать и *instantia contradictoria* и такимъ образомъ ослаблять скороспѣлыя частныя связи, ослабляя привычку къ такимъ быстрымъ обобщеніямъ и вѣру въ молодыхъ умахъ къ такимъ индукціямъ. Единственный противовѣсъ такому неправильному складу мышленія, имѣющему, къ сожалѣнію, свою основу въ самой природѣ человѣка, составляетъ развитіе объективныхъ синтезовъ и психическихъ законовъ.

Пользование готовыми индукціями, прибрѣтенными отъ другихъ безъ самостоятельнаго и правильнаго ихъ развитія отъ конкретнаго опыта..

Далеко не всѣ индукціи, какъ мы знаемъ, которыми располагаетъ даже самый развитой человѣкъ, образовались въ немъ изъ матеріала, добытаго его собственнымъ анализомъ и самостоятельной мыслевой работой. Не одной, а тысячи человѣческихъ жизней не хватило бы на то, чтобы самостоятельно развить въ себѣ всѣ субстраты, дающіе познанія тѣхъ истинъ, которыя уже успѣли выработаться человѣчествомъ. Это обстоятельство доказываетъ, что не только все прибрѣтенное до настоящаго времени знаніе есть результатъ мыслеваго труда всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній, но что въ дѣлѣ видоваго мышленія работа каждаго отдѣльнаго, даже вполне развитогаго человѣка есть только частичная. Поэтому большую часть законовъ познанія каждый человѣкъ получаетъ на вѣру, какъ готовое наслѣдство прежнихъ поколѣній, какъ даръ не отъ отдѣльнаго человѣка, а отъ всего человѣчества. Но такія истины всегда легко провѣряются, и онѣ дѣйствительно изслѣдуются и провѣряются специалистами въ каждой отрасли знанія. За вѣрность закона въ наукахъ отвѣчаетъ сила ума и знанія представителей науки, признающихъ его. Отвлеченныя истины, хотя не могутъ быть доказаны такъ осязательно, какъ истины положительныхъ наукъ, которыхъ основы можно демонстрировать передъ органами чувствъ, но онѣ представляютъ въ каждую эпоху жизни человѣчества результаты высшаго пониманія имъ, въ лицѣ представителей науки данной отвлеченной области и провѣряются и доказываются тѣмъ, что подъ нихъ подходятъ, какъ частное подъ общее, и съ ними соединяются всѣ частныя отношенія дѣйствительнаго опыта, одинаковаго съ ними содержанія. Отсутствие противорѣчія между частными случаями и общимъ закономъ есть единственное основаніе для усвоенія такихъ готовыхъ обобщеній въ областяхъ знанія, недоступныхъ органамъ чувствъ. Такія истины или законы, въ совокупности, вслѣдствіе того, что одинъ человѣкъ не въ состояніи самъ ихъ анализировать и изучить реальнымъ путемъ большую ихъ часть, поневолѣ должны быть принимаемы на вѣру. Въ этихъ случаяхъ, какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, неизбѣжной гарантіей являются авторитеты, т. е. люди компетентные, провѣрившіе или же создавшіе тѣ законы. Такіе законы и индук-

ціи, принятыя на вѣру, должны существовать въ интеллектѣ только какъ готовыя силы, которымъ воспринимаемое познаніе человѣка не должно противорѣчить. Воспитателю остается только забота, чтобы тѣ готовыя индукціи приходили изъ чистыхъ источниковъ. Сомнительныя же обобщенія и идеи, не создавшіяся изъ опыта, выдаваемыя за истины, полученныя свыше, нерѣдко противорѣчація законности въ ходѣ природы, по мѣрѣ возможности, должны удаляться воспитателемъ отъ познанія воспитанника; но если воспитатель не можетъ или не долженъ препятствовать усвоенію нѣкоторыхъ сомнительныхъ истинъ, то ему остается, по крайней мѣрѣ, съ цѣлю ослабленія ихъ вреднаго вліянія, стараться, чтобы до ихъ появленія въ познаніи успѣла окрѣпнуть психическая сила законности, а затѣмъ возстановить между одними и другими дѣятелями мышленія возможно сносный *modus vivendi*.

Но главное стремленіе воспитателя должно состоять въ постепенномъ и основательномъ развитіи познанія законности въ природѣ, силой котораго постепенно разсѣваются тѣ тучи, которыми закутала природа свои тайны отъ взгляда неразвитаго человѣка, благодаря которому съ каждымъ днемъ растутъ наши познанія, наша сила и наша власть надъ явленіями вселенной. Подкрѣпимъ сказанное прекрасными словами Гельмгольца *. „Мы, пылинки на поверхности нашей планеты, которую всю едва можно назвать песчинкой въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной, мы, юнѣйшій видъ между обитателями земли, едва вышедшіе изъ колыбели по геологическимъ исчисленіямъ времени, еще нынѣ находящіеся въ періодѣ ученія, едва на половину воспитанные, признанные зрѣлыми только въ силу взаимной любезности, и, не смотря на все это, могучей силой закона причинности, мы переросли всѣ съ нами живущія существа. Мы, по истинѣ, имѣемъ достаточно основанія гордиться нашимъ господствомъ надъ всѣмъ остальнымъ въ борьбѣ за существованіе и нашей способностію учиться по немногу понимать, съ помощію прилежной работы, непостижимыя высокія творенія, и ничуть мы не должны стыдиться того, что это познаніе не приходитъ разомъ, а постепенно“.

На что нужно обращать вниманіе при уходѣ за дедуктивнымъ мышленіемъ.

Для правильности дедуктивнаго мышленія во-1-хъ, необходимо, чтобы общая истина, объясняющая частный случай, была доказан-

* Die Thatsachen in der Wahrnehmung, S. 45.

ная индукція; во-2-хъ, чтобы частный случай своимъ содержаніемъ вполне могъ соединиться съ общимъ синтезомъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны одной какой нибудь части его содержанія. Въ-3-хъ, если частная связь не можетъ по своему содержанію непосредственно соединиться съ выработавшейся уже общей индукціей, то это соединеніе можетъ иногда совершиться, какъ мы выше видѣли, посредствомъ образомъ, на слѣдующемъ основаніи: новый частный случай опыта (*a*) соединяется силой сродства съ другимъ частнымъ случаемъ (*b*) прежняго опыта, а когда послѣдній (т. е. *b*) по своему содержанію соединится, или уже прежде успѣлъ соединиться съ общимъ синтезомъ, то и новый случай (*a*), прежде соединившійся (съ *b*), дѣлается тоже частію общаго синтеза. Вслѣдствіе этой посредственной связи съ общей индукціей, новый частный случай (*a*) объясняется ею, и все знаніе, содержащееся въ общей индукціи, дѣлается достояніемъ этого новаго случая (*a*), соединившагося съ ней въ одно цѣлое. Такія посредственныя соединенія могутъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ, гдѣ познаніе общей истины распространяется на новый случай съ помощью двухъ-трехъ и болѣе посредствующихъ членовъ, чрезъ послѣдовательное соединеніе которыхъ съ общей индукціей и новый случай опыта, какъ послѣдній членъ связи, тоже соединяется съ общей индукціей.

Всѣ эти соединенія частнаго случая съ общимъ синтезомъ съ помощью нѣсколькихъ посредствующихъ членовъ называются логиками цѣпью доказательствъ, а науки, въ которыхъ частныя истины объясняются такимъ путемъ, называются дедуктивными науками. Идеаль такого дедуктивнаго мышленія представляютъ математическія науки, которыя составляютъ необходимый элементъ умственнаго развитія. Какъ индукція пріучаетъ мыслевое теченіе восходить непрерывно отъ конкретнаго и частнаго къ отвлеченному и общему, такъ математика пріучаетъ къ обратному постепенному теченію — отъ общаго къ частному, отъ отвлеченнаго къ конкретному. Поэтому математика есть необходимое дополненіе индуктивнаго мышленія, для возстановленія равновѣсія въ мыслевомъ теченіи, въ его природныхъ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Хотя, какъ мы видѣли, сильно преобладающее дедуктивное мышленіе ослабляетъ умственную способность, развиваясь на счетъ операціи соединенія частнаго въ общее, т. е. на счетъ индуктивнаго мышленія, тѣмъ не менѣе оно очень полезно какъ дополненіе къ индуктивному мышленію, долженствующему развиваться преимущественно, какъ про-

цессу развитія психо-интеллектуальнаго органа, вносящему съ собою новое знаніе; дедуктивное же мышленіе пользуется тѣмъ, что ему дала индукція, какъ готовымъ общимъ матеріаломъ для частной разработки. Математика изъ всѣхъ дедуктивныхъ наукъ тѣмъ полезнѣе, что она учитъ послѣдовательности, и каждое упущеніе одного изъ посредствующихъ членовъ скоро при послѣднихъ выводахъ дѣлается очевиднымъ. Въ другихъ же областяхъ дедуктивнаго мышленія иногда средніе члены упускаются и эти упущенія не замѣчаются при окончательномъ выводѣ, почему послѣдній получается нерѣдко ложнымъ.

Такіе выпуски того или другаго посредствующаго члена дѣлаются часто съ расчетомъ для введенія въ заблужденіе слушателя и ученика. Софисты, чтобы выдать ложное мнѣніе за истину и чтобы положенію, не подлежащему по своей ложности доказательству, придать видъ доказанной истины, прибѣгаютъ къ такимъ приѣмамъ дедукціи. Чтобы предохранить воспитанниковъ отъ такихъ ловушекъ или собственныхъ ошибокъ въ дедуктивномъ мышленіи, необходимо имъ приводить примѣры ложныхъ доказательствъ заставляя ихъ самихъ находить причину только кажущейся доказательности того или другаго положенія и доказывать его ложность. Такъ нужно, чтобы въ такой цѣпи они нашли выпущенную посылку, необходимую въ непосредственной связи данной цѣпи доказательствъ. Когда недостающая посылка будетъ вставлена, связь цѣпи сама собою разрушится и сдѣлается очевиднымъ, что общая истина не можетъ быть истиной даннаго частнаго случая.

Въ 4-хъ, при дедуктивномъ доказательствѣ необходимо, чтобы объясняющая истина была обширнѣе объясняемой—частной, чтобы послѣдняя могла въ ней помѣститься, какъ часть въ цѣломъ. Если же обѣ индукціи равны, то получится не дедукція, а соединеніе частныхъ индукцій, вслѣдствіе чего прежняя частная истина только крѣпнетъ отъ прибавленія новаго матеріала, но не приобретаетъ новой силы познанія. Если познаваемое будетъ не менѣе обще, нежели прежде познанное, которымъ хотятъ его объяснить, то понятно, что и послѣ соединенія оно останется также необъясненнымъ, какъ было до соединенія, такъ какъ каждый частный случай доказывается только соединеніемъ съ болѣе общимъ синтезомъ. Подобныя доказательства логиками называются *restitutio principii*, а само доказательство *circulus vitiosus*, потому что верхняя посылка доказывается нижней и наоборотъ, нижняя такимъ же образомъ доказывается верхней. Иногда люди, желающіе доказать что ни-

будь, во что бы то ни стало, и не имѣя общаго синтеза, съ которымъ соединилось бы доказываемое, стараются только перестановкой словъ перемѣнить одежду того положенія, которое желаютъ доказать, т. е. выразить одно и тоже только двумя различными фразами, поставивъ одну изъ нихъ намѣсто общей истины, а другую на мѣсто частной. Мольеръ въ одной изъ своихъ пьесъ удачно осмѣиваетъ логику ему современныхъ врачей слѣдующимъ образомъ: экзаменаторъ спрашиваетъ докторанта, — почему принятый опій вызываетъ сонъ? Отвѣтъ — потому что въ немъ есть усыпляющее начало. Такія погрѣшности въ механизмъ мышленія и его выводахъ зависятъ только отъ того, что, при неправильномъ развитіи, каждое положеніе или фраза, выражаемая словами, не суть только выраженіе внутренней разумной связи формацій, символъ, которымъ она выражается въ сознаніи или наружу — языкомъ или перомъ, а часто существуютъ въ познаніи отдѣльно отъ ихъ интеллектуальнаго содержанія. Такому ненормальному отношенію мысли къ слову воспитатель долженъ противодействовать съ самого начала развитія мышленія.

Уходъ за выраженіемъ мыслей словами.

Мы видѣли, что дѣятельное представленіе объекта вызываетъ потребность разрѣшенія излишней дѣятельной силы этого представленія, остающейся неизрасходованной на интеллектуальную работу, голосовыми движеніями, напр., у ребенка сначала собственнымъ безсвязнымъ лепетомъ, переходящимъ постепенно въ болѣе и болѣе отчетливыя слова до тѣхъ поръ, когда онъ, подражая взрослымъ, начнетъ называть объекты своего опыта такими же именами, какъ и взрослые. Съ развитіемъ познанія отношеній представленій, дѣятельныя ихъ связи также стремятся выразиться наружу въ видѣ соединенія словъ, выражающихъ эти отношенія представленій; сначала познанныя отношенія выражаются въ видѣ дѣтскихъ неправильныхъ фразъ, которыя мало по малу изученіемъ языка взрослыхъ переходятъ въ правильныя соединенія словъ, отвѣчающихъ, своей постановкой другъ къ другу и измѣненіемъ ихъ окончаній, внутреннимъ связямъ представленій, которыхъ эти фразы суть символы. Такія правильныя соединенія словъ называются предложеніями. Что слова и ихъ соединенія въ предложенія суть только выраженія еще до нихъ образовавшихся въ мышленіи представленій объектовъ, ихъ связей и познанія ихъ отношеній, доказывается тѣмъ, что 1) познаніе объектовъ и ихъ отношеній обнаруживается за долго до умѣнья выразить

это познаніе предложеніями и фразами. Всякій, наблюдавшій за развитіемъ дѣтей, не усумнится, что ребенку сначала трудно бываетъ научиться назвать предметъ или отношенія имъ уже познанныхъ предметовъ, для выраженія которыхъ словами у него еще нѣтъ умѣнія. Дѣти стараются прежде выразить свою мысль мимикой, различной интонаціей, звукоподражаніемъ и т. д., пока опытъ не научитъ ихъ, какъ нужно выражать словами познанные объекты и ихъ отношенія. 2) Это доказывается также исторіей языковъ; въ періоды низкаго умственного развитія каждаго народа, его языкъ бываетъ тяжелъ и бѣденъ, и поэтому нѣсколько сходныхъ объектовъ, атрибутовъ объектовъ и ихъ отношеній выражаются одной формой, т. е. однимъ словомъ или однимъ предложеніемъ. Съ развитіемъ же познанія, казавшееся прежде простымъ и единичнымъ начинаетъ специализироваться на познанія различныхъ видовъ атрибутовъ, отношеній, смѣшанныхъ до тѣхъ поръ въ одномъ общемъ знаніи. Соответственно этому специализованію знанія, прежнее общее выраженіе отношенія дѣлится на нѣсколько предложеній, выражающихъ спеціальныя отношенія, и языкъ дѣлается все богаче оборотами и способами выраженія вновь развившихся мыслей. Такъ же точно, вслѣдъ за соединеніемъ въ интеллектѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ представленій въ одинъ общій синтезъ, отдѣльныя слова, выражающія отдѣльные объекты опыта, соединяются въ одно слово, содержащее въ себѣ значенія отдѣльныхъ словъ, изъ которыхъ это новое слово сложилось. При соединеніи частныхъ индукцій въ одну общую, къ предложеніямъ, выразившимъ словами тѣ частныя индукціи, прибавляется новое, выражающее цѣлый законъ объ отношеніяхъ даннаго содержанія. Также вновь образовавшееся слово или предложеніе изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ или предложеній всегда богаче предшествовавшихъ, потому что оно вызвано увеличившимся интеллектуальнымъ синтезомъ, приносящимъ пониманія больше, нежели сколько его было въ частныхъ данныхъ, изъ которыхъ тотъ синтезъ образовался.

Намъ извѣстно, что всѣ образующіеся въ насъ синтезы суть произведенія не прямого опыта, а формацій и представленій нашего внутренняго психо-интеллектуальнаго міра. На опытѣ нѣтъ реальныхъ объектовъ, отвѣчающихъ нашимъ отвлеченнымъ понятіямъ, какъ нѣтъ отношеній, какъ мы ихъ понимаемъ силой нашихъ индукцій. Поэтому единственнымъ символомъ для сознанія тѣхъ синтезовъ служатъ слова и ихъ соединенія въ предложенія. Въ случаяхъ частаго повторенія слѣ-

дованія слова въ разговорѣ или письмѣ за внутреннимъ психо-интеллектуальнымъ процессомъ, его породившимъ ассоціація словъ дѣлается самостоятельной ассоціаціей представленій этихъ слѣдующихъ другъ за другомъ словъ, познанныхъ черезъ органъ слуха или зрѣнія. Эти два процесса тѣсно связываются между собою какъ бы въ одно цѣлое. Всякое активное движеніе психо-интеллектуальной комбинаціи вызываетъ въ сознаниі его символъ—слово или сочитаніе словъ и наоборотъ,—если въ мышленіи извѣстная интеллектуальная комбинація находится въ недѣятельномъ состояніи, то стоитъ только въ познаніи явиться слову или предложенію, выражающему объектъ, атрибутъ или извѣстное отношеніе объектовъ, чтобы въ дѣятельное состояніе пришло и интеллектуальное содержаніе, котораго эти слова суть символы. Если общее интеллектуальное соединеніе, какъ общее представленіе или понятіе, состоитъ изъ одного тѣла, то его выражаетъ только одно слово; если двѣ формациі связаны познаніемъ ихъ отношенія то онѣ выражаются предложеніемъ. Хотя отношенія представленій тоже иногда выражаются однимъ словомъ, но это бываетъ или оттого, что которая нибудь часть предложенія не высказана и его нужно дополнить, какъ напр. у малыхъ дѣтей, или когда одно слово есть сложное, содержащее въ себѣ субъектъ и предикатъ, соединенные отношеніемъ, напр. ѣмъ состоитъ изъ субъекта „я“, предиката „ѣсть“; а въ формѣ глагола выражено время, когда я ѣмъ. Въ каждомъ предложеніи познаніе отношенія между двумя или многими представленіями выражается тѣмъ, что слово, выражающее атрибутъ субъекта или признакъ предмета, измѣняетъ свое окончаніе соотвѣтственно каждому виду интеллектуальнаго отношенія; въ логикѣ это называется flexio, или же это отношеніе выражается связывающимъ словомъ (copula). Но если связь между двумя процессами: внутреннимъ, содержащимъ познавательную силу, и наружнымъ только символомъ этого познанія, нарушена, то въ мышленіи могутъ принимать участіе только послѣдніе безъ первыхъ. Это разъединеніе и незаслуженная роль словъ и фразъ въ мышленіи, намѣсто истиннаго знанія, образуется, во 1-хъ отъ того, что разъ изучивши то или другое отношеніе или законъ многихъ отношеній и выраженія ихъ словами, при дальнѣйшемъ повтореніи этихъ процессовъ въ дѣятельности, повторяются только послѣднія, а не самые факты познанія. Такимъ образомъ послѣдніе, ослабляясь, вслѣдствіи своей недѣятельности, перестаютъ принимать участіе въ мышленіи; работаютъ одни только представленія словъ и ихъ

ассоціаціи. Въ 2-хъ, когда съ самаго начала, намѣсто изученія фактовъ дѣйствительнаго опыта, заставляють дѣтей изучать одни только выраженія этихъ познавательныхъ фактовъ словами. Но важно помнить, что эти слова и предложенія суть только наружныя выраженія въ сознаніи внутренней работы, происходящей въ безсознательномъ, но дѣятельномъ мышленіи; что мы сознаемъ наше мышленіе словами, но въ словахъ не заключается самаго познанія. Нерѣдко слова выражаютъ только состояніе нашего сознанія, а соединеніе словъ нашимъ воображеніемъ нисколько не отвѣчаетъ дѣйствительности. Но такъ какъ все сознающееся внутри насъ мы перемѣщаемъ во вѣдѣніи міръ нашего опыта, то вмѣсто того, чтобы прискивать слова и выраженія познанному, мы ищемъ познаваемое, отвѣчающее нашимъ словамъ и фразамъ. Такъ всякій убѣжденъ въ существованіи чернаго цвѣта, темноты, когда они суть только представленія состоянія нашего сознанія при отсутствіи дѣйствія свѣта на наше зрѣніе.

Если человѣку извѣстны однѣ слова и фразы, а не ихъ психо-интеллектуальное содержаніе, которое эти слова выражаютъ, то его мышленіе будетъ совершенно бесплодно, отъ него не можетъ родиться никакого познанія, а одно лишь заблужденіе, такъ какъ познаніе знаковъ будетъ приниматься за познаніе того, что эти знаки обозначаютъ. Къ несчастію, современное воспитаніе даетъ обществу многихъ дѣятелей съ богатствомъ словъ и фразъ и съ нищетою истиннаго знанія. Къ нимъ нельзя не примѣнить словъ Гёте: *Wo die Begriffe fehlen, stellet ein Wort zur rechten Zeit sich ein*. (Фаустъ, слова Мефистофеля).

Мы знаемъ, что дѣйствительная мыслевая работа происходитъ безсознательно между самимъ содержаніемъ психо-интеллектуальныхъ процессовъ, а въ сознаніе приходятъ только передвиженія символовъ этихъ процессовъ. Изъ этого слѣдуетъ во 1-хъ, что для яснаго познанія объективныхъ мыслевыхъ связей и отношеній надо, чтобы каждое изъ нихъ опредѣленно выражалось въ сознаніи только своимъ знакомъ, и внутреннія интеллектуальныя связи и отношенія правильно передавались соотвѣтствующимъ отношеніемъ связанныхъ между собою словъ въ предложеніяхъ. Съ другой стороны, если другому передается какое нибудь положеніе или общая истина, то она тогда только можетъ сдѣлаться силой познанія и достояніемъ слушателя или читателя, когда каждое слово предложенія въ немъ вызвало не только представленіе слова, а всего интеллектуальнаго содержанія, имъ выражаемаго, чтобы отношеніе и связь

словъ въ предложеніи вызывало познаніе отношенія внутреннихъ интеллектуально-психическихъ формацій и т. д. Во 2-хъ, изъ этого вытекаетъ вся необходимость для правильного мышленія въ опредѣленной постановкѣ словъ, гдѣ бы каждое слово было знакомъ только одной, а не двухъ и болѣе интеллектуальныхъ формацій, чтобы каждое предложеніе несомнѣннымъ образомъ отвѣчало психо-интеллектуальной связи одного только содержанія, а не болѣе. Къ несчастію, чѣмъ меньше народъ самостоятельно мыслить, а слѣдовательно, чѣмъ больше понятій и знанія принимаетъ отъ другихъ народовъ, тѣмъ чаще у него встрѣчаются или только слова и фразы, взятые отъ другихъ передовыхъ народовъ безъ соотвѣтствующаго имъ познавательнаго содержанія, или одни и тѣ же слова и выраженія приписываются двумъ различнымъ психо-интеллектуальнымъ процессамъ и понимаются различно.

Новое едва поверхностно узнанное понятіе или законъ не такъ скоро находитъ новую форму для своего выраженія наружу въ новомъ словѣ или предложеніи, и потому обыкновенно для его наименованія употребляютъ слово, принадлежащее другому сходному понятію, или выражаютъ предложеніемъ, уже существующимъ для сходнаго со вновь познаннымъ отношенія. Всякій пойметъ всю путаницу, вызываемую въ мышленіи такимъ способомъ выраженія своихъ мыслей и познанія. Вслѣдствіе подобныхъ неточностей въ выраженіяхъ мыслей словами, часто подъ фразой оратора или писателя понимается вовсе не то, что онъ хотѣлъ выразить этими словами; общія неопредѣленные и двусмысленныя выраженія въ сознаніи вызываютъ къ мыслевой дѣятельности всѣ психо-интеллектуальные процессы, успѣвшіе каждый въ свою очередь соединиться съ даннымъ выраженіемъ. Слѣдствіемъ этого необходимо должно быть участіе лишнихъ членовъ въ дѣятельной мыслевой группѣ, потеря времени, неясность и неувѣренность въ пониманіи сказаннаго или написаннаго. Изъ сказаннаго явствуется не только необходимость для каждаго воспитателя строго слѣдить за точностью выраженій своего ученика и своихъ собственныхъ, но и прямой долгъ для каждаго народа, желающаго идти впередъ въ умственномъ и научномъ отношеніи, тщательно разрабатывать свой собственный языкъ, не только въ смыслѣ красоты и народности, но имѣя главное въ виду, чтобы языкъ содержалъ въ себѣ опредѣленные и точныя выраженія для каждаго отдѣльнаго познанія и для каждаго синтеза этихъ познаній. Разумѣется, что подобный трудъ не долженъ предоставляться случайнымъ и индивидуальнымъ

вдохновеніямъ беллетристовъ и писателей, а долженъ быть задачей пѣлаго ученаго общества, спеціально долженствующаго посвятить всецѣло свой трудъ цѣли очищенія и усовершенствованія своего языка, какъ мы видимъ тому блистательный примѣръ въ парижской академіи наукъ. У насъ покажѣтъ все вниманіе обращено на изгнаніе изъ употребленія иностранныхъ словъ, но это вытекаетъ изъ недостатка выясненія себѣ значенія языка вообще для мышленія и яснаго познанія. Въ языкахъ англичанъ, нѣмцевъ и французовъ мы находимъ множество словъ латинскихъ, греческихъ и современныхъ народовъ, но это ничуть не мѣшаетъ богатству ихъ языка. Первая и главная задача языка состоитъ въ томъ, чтобы имъ можно было ясно и отчетливо выразить каждое изъ доступныхъ человѣческому пониманію и познанію явленій и ихъ различныхъ отношеній. Упущеніе этой народной задачи налагаетъ тормазъ на весь ходъ умственнаго развитія народа. Я думаю, что никто такъ не чувствуетъ эти пути, какъ русскій ученый въ стремленіи выразить ту или другую отвлеченную мысль или спеціальное знаніе на своемъ родномъ языкѣ; онъ нерѣдко испытываетъ мученіе нѣмага, желающаго сказать много, но издающаго непонятныя звуки, не смотря на всѣ свои усилія. Къ несчастію много грѣшатъ относительно сказаннаго и всѣ ученые, называя различными именами одни и тѣ же предметы или свойства предметовъ и ихъ отношенія. Всякій, изучавшій ботанику, зоологию, фармацію и т. п., легко убѣдится, что ужасная задача для памяти со стороны этихъ наукъ, состоящая въ заученіи наизусть названій множества объектовъ, еще болѣе затрудняется нѣсколькими названіями однихъ и тѣхъ же предметовъ, данными различными учеными. Это—ничѣмъ не оправдываемая и бессмысленно-деспотическая узурпація ученической памяти учеными, ничего не выдающими дальше своего носа и своей спеціальной науки. То же самое мы видимъ и въ отвлеченныхъ наукахъ. Многіе писатели подъ однимъ и тѣмъ же словомъ разумѣютъ совершенно различные процессы, такъ напр. въ психологіи—подъ именемъ представленія, идеи и т. п.; или каждый изъ писателей часто больше изъ самолюбія, нежели изъ стремленія къ ясности пониманія, вносятъ въ свою науку своеобразную имъ выдуманную номенклатуру, и нерѣдко ученые думаютъ замѣнить недостатокъ творчества своего ума сочиненіемъ новыхъ и не пужныхъ словъ, не по человѣческимъ силамъ обременяющихъ вмѣстилище нашего знанія. Какъ человѣкъ, переполнившій свою комнату ненужной мебелью, этимъ затрудняетъ въ ней свободу

своего собственнаго движенія, уменьшаетъ количество воздуха для дыханія, такъ, за переполненіемъ памяти современнаго ученаго словами, въ его мышленіи остается мало мѣста для самобытнаго движенія его мысли и ума и мало силы для самостоятельнаго творчества. Много названій одного и того же предмета или фразъ, выражающихъ одно и то же отношеніе предметовъ, вредитъ тѣмъ, что всегда люди, особенно дѣти, привыкшіе подъ каждымъ словомъ или фразой разумѣть особенное познаніе, при различныхъ наименованіяхъ одного и того же полагаютъ, что каждой фразѣ отвѣчаетъ особенное состояніе опыта.

Въ 3-хъ, въ развитіи рѣчи, какъ и пониманія, педагогъ долженъ строго придерживатся порядка естественнаго развитія. Мы знаемъ, что познаніе каждаго психическаго отношенія въ человѣкѣ получается сначала смѣшаннымъ и только съ дальнѣйшимъ развитіемъ оно специализируется, вслѣдствіе чего человѣкъ, на мѣсто одного грубаго познанія получаетъ познаніе нѣсколькихъ специальныхъ отношеній. Изученіе выраженія этихъ отношеній словами должно также строго придерживаться этого порядка. Если вы прямо дадите ребенку выраженіе специального знанія, то, за отсутствіемъ въ немъ соответствующаго специального субстрата, ребенокъ соединитъ выраженіе специального знанія съ существующимъ въ немъ смѣшаннымъ знаніемъ, такъ что впослѣдствіи, съ специализаціей въ немъ знанія, онъ лишается новаго выраженія для вновь возникшаго въ немъ. Впослѣдствіи, съ каждымъ пріобрѣтеніемъ воспитанникомъ знанія новаго отношенія, необходимо, чтобы и въ немъ развилась связь словъ въ предложеніи, точно выражающая это вновь познанное отношеніе. Каждой степени обобщенія индукціи должно отвѣчать правильно сформулированное опредѣленіе закона, обнимающаго все частныя въ немъ содержащіяся отношенія. Хотя для красоты рѣчи и слога требуется, чтобы человѣкъ умѣлъ выразить одно и то же отношеніе нѣсколькими фразами, выборомъ которыхъ онъ свободно могъ бы располагать въ письмѣ и рѣчи, но во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе разнообразія въ выраженіяхъ, по нашему мнѣнію, можетъ допустить только тогда, когда воспитанникъ для каждаго познаннаго отношенія имѣетъ по одному вѣрно опредѣленному и вполне изученному выраженію. Въ 4-хъ, педагогъ больше всего долженъ при развитіи познанія слѣдить за вѣрностью его выраженія, т. е. за строгой постановкой смысла каждаго слова и его оборота въ рѣчи. Къ несчастію, прежде

нежели ребенокъ научился правильно понимать значеніе и отношеніе самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, его уже начинаютъ знакомить съ такъ называемыми красотами языка. Метафоры, употребляемыя ради красоты и поэтичности выраженія, приписываютъ предметамъ имъ несвойственные атрибуты. Для опредѣленія отношенія вещей употребляютъ такія выраженія, которыя высказываютъ самое отдаленное сходство этого отношенія, но между совершенно другими предметами, какъ напр., луна заслушалась на небѣ трелями соловья, молнія разсѣкаетъ небо и т. п., развиваютъ совѣмъ ложныя понятія о свойствахъ и отношеніяхъ этихъ предметовъ. Поэзія въ этихъ случаяхъ развивается на счетъ здраваго смысла. Вредъ этого незаконнаго употребленія словъ тѣмъ большій, чѣмъ меньше въ познаніи дитяти установились представленія съ ихъ дѣйствительнымъ содержаніемъ, отношенія между ними и ихъ связь съ выражающими ихъ словами. Изъ этого мы необходимо должны придти къ заключенію, что изученіе поэтическихъ и беллетристическихъ произведеній, гдѣ ради красоты злоупотребляется истиннымъ значеніемъ словъ, никогда не должно начинаться въ первые годы умственнаго развитія. Поэзія должна начаться тогда, когда достаточно развито объективное положительное знаніе вещей, ихъ названій, когда дитя умѣетъ точно выражать знакомыя ему отношенія объектовъ. Наслажденіе поэзіей возможно только тогда, когда дитя можетъ сравнить дѣйствительность съ творчествомъ воображенія, — во всякомъ случаѣ не ранѣе юношескаго возраста. До этого возраста она только вызываетъ путаницу въ пониманіи и, если и развиваетъ воображеніе, то насчетъ здраваго смысла, и насколько я убѣдился, страстность дѣтей до юношескаго возраста въ чтенію путешествій, исторій и т. д. всегда соединяется съ холодностію къ произведеніямъ поэзіи.

Въ 5-хъ, изъ вышесказаннаго вытекаетъ необходимость освѣжать въ памяти дѣтей виѣтъ съ словами и выраженіями тѣ факты познанія, которые они выражаютъ, для избѣжанія ихъ разбѣденія въ мышле-
вомъ актѣ.

Необходимость равновѣсія во всѣхъ областяхъ умственнаго развитія.

По законамъ механики передача движенія однимъ предметомъ другому доказываетъ связь между этими предметами. Въ нашемъ мышлевомъ органѣ, не смотря на то, что каждая часть, его составляющая,

функционируетъ болѣе или менѣе самостоятельно, при извѣстныхъ условіяхъ движенія однихъ элементовъ, вызываются къ дѣятельности не только однородныя—ближайшія части, но и такія, которыя, повидимому, ничего общаго между собою не имѣютъ. Нерѣдко сильное болѣзненное интеллектуальное движеніе самой ограниченной части интеллектуально-психическаго органа влечетъ за собою ненормальность всего психическаго механизма. Это доказываетъ, что въ дѣятельномъ движеніи, не смотря на легкую отдѣлимость однѣхъ частей органовъ отъ другихъ, остающихся въ потенциальномъ состояніи, онѣ все вмѣстѣ составляютъ одинъ органъ, и въ значительной степени нарушенное равновѣсіе въ одномъ пунктѣ этого органа отзывается на другихъ частяхъ его, даже самыхъ отдаленныхъ. Преимущественное одностороннее развитіе одной части психо-интеллектуальнаго органа не только не вызываетъ слабаго развитія и слабой функціи другихъ частей, но, вслѣдствіе нарушеннаго равновѣсія, портитъ и остальные уже развившіяся части. У людей сосредоточивающихъ долго свою мыслевую работу исключительно на одномъ спеціальному предметѣ, непривлекающемъ къ участію другія мыслевыя силы, эта односторонняя дѣятельность легко можетъ кончиться разстройствомъ всего механизма мышленія, выражающимся на высшей ступени сумасшествіемъ. Когда въ обществѣ вовсе не учились или мало, было гораздо меньше сумасшедшихъ, нежели теперь, когда ученіе болѣею частью бываетъ односторонне и когда, при неразвитости всѣхъ остальныхъ областей мышленія или чувства, какая нибудь одна дума или чувство глубоко западаютъ въ душу. Такъ, напр., половая любовь, фанатизмъ, очень часто, при неправильномъ умственномъ развитіи, приводятъ къ утомительству. Когда причина, сосредоточивающая и поддерживающая мыслевую работу на одномъ пунктѣ, болѣе или менѣе общая, т. е. распространяется на многихъ членовъ общества, какъ напр., недовольство соціальными условіями, развитіе мистицизма, вслѣдствіе общаго подавляющаго настроенія, и т. п., то при извѣстномъ предрасположеніи, вслѣдствіе неправильности воспитанія вообще и его односторонности, порча мыслеваго механизма дѣлается въ обществѣ общею эпидемическою. Во время среднихъ вѣковъ религиозное настроеніе и фанатизмъ, поработившіе всю мыслевую работу почти всего тогдашняго общества, привели къ эпидемическому разстройству въ психической и двигательной сферѣ нервной системы массы людей, извѣстному подъ именемъ пляски св. Вита. Вслѣдствіе пси-

хического предрасположенія, люди, казавшіеся здоровыми до того времени, при видѣ этой ужасной оргіи бѣснующейся и бѣгущей толпы, тоже начинали кричать и поражаться судорогами, какъ и другіе. Въ настоящее время мы присутствуемъ при развитіи такого же эпидемическаго психоза политическаго и соціальнаго содержанія. Неправильныя соціальныя условія современнаго общества, вообще выражающіяся сосредоточеніемъ огромныхъ богатствъ въ нѣсколькихъ рукахъ и ужасной нуждой и лишеніями постепенно умственно развивающейся массы; легкая нажива огромныхъ состояній безъ труда людьми низкаго умственнаго и нравственнаго уровня и частая невозможность снискать себѣ средства къ существованію тяжелымъ и честнымъ трудомъ; безграничное пользованіе благами воспитанія бездарныхъ, но обезпеченныхъ на счетъ талантливыхъ бѣдняковъ; — все это, волнуетъ общественное чувство, сосредоточиваетъ и возбуждаетъ его мысль на этомъ предметѣ. Подъ давленіемъ этого чувства, сужденія и выводы не могутъ быть объективными. Эти идеи не провѣряются опытомъ. Априористическія идеи, нерѣдко навѣяныя самыми высокими чувствами, но не приложимыя къ настоящимъ условіямъ жизни, дѣлаются преобладающими силами души, подвигающими на неутомимое дѣйствіе, на безкорыстное самопожертвованіе онѣ дѣлаются догматами глубоко увѣровавшихъ фанатиковъ, воображающихъ себя стоящими на реальной почвѣ объективнаго пониманія. Поэтому стремленія такихъ людей къ истинѣ обострились до односторонности, поэтому ихъ цѣли не достижимы, ихъ средства не дѣйствительны, приводятъ и приведутъ къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые имѣли въ виду ими пользовавшіеся. Только успокоеніе не въ мѣру расходившагося чувства и подчиненіе его разуму можетъ дать правильный исходъ изъ почти безнадежнаго состоянія.

Что такое наука и ея отношеніе къ человѣческому уму.

Изъ предъидущихъ изслѣдованій мы убѣдились, что почти все человѣческое мышленіе и познаніе находятся еще во второмъ періодѣ развитія, т. е. въ индивидуальномъ. Только нѣкоторыя области опыта дали возможность человѣческому гению изъ ихъ конкретныхъ явленій выработать общіе психическіе законы, обнимающіе всѣ отдѣльные случаи каждой изъ этихъ частныхъ территорій познанія. Когда въ спеціальной области знанія представленія, постепенно восходя отъ конкретнаго по

ступенямъ обобщенія, доходятъ до объективныхъ психическихъ законовъ, обнимающихъ всѣ явленія данной области, и когда всѣ эти законы образовались путемъ правильного метода, т. е. точнаго анализа, критики и доказаны опытомъ, то такое психически-стройно соединенное зданіе въ умѣ человѣка называется положительной наукой. Среди нашихъ спеціальныхъ знаній мы встрѣчаемъ, однако, большею частію смѣшанныя области. Большая или меньшая часть явленій обнимается строго построенными психическими индукціями, а другія явленія этой области находятся на пути своего развитія и близки къ тому, чтобы сдѣлаться видовымъ знаніемъ, наконецъ, большая часть явленій нашего опыта еще не подчиняется строгому методу познанія и существуетъ въ видѣ соединеній по аналогіи, гипотезъ и теорій, хотя имѣющихъ много данныхъ въ пользу ихъ будущаго соединенія, но покамѣстъ еще не заслуживающихъ въ своемъ соединеніи названія точныхъ данныхъ науки.

Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ знаній, въ которыхъ синтезы уже доведены до видоваго развитія, содержитъ такъ много матеріала и требуетъ такого колоссальнаго умственнаго труда и научной эрудиціи, что внутри насъ существующее вмѣстилище для факторовъ знанія оказывается тѣснымъ, а все время нашей жизни недостаточнымъ для развитія въ насъ хотя одной изъ сложныхъ наукъ до высшей спеціализаціи знанія: „*ars longa vita brevis*“, говорили уже древніе.

Такимъ образомъ сила познанія, по выходѣ изъ индивидуальнаго состоянія, сдѣлавшись видовымъ достояніемъ, для своего дальнѣйшаго развитія требуетъ участія не индивидуальнаго, а всечеловѣческаго ума. При обсужденіи важныхъ вопросовъ, многосторонне захватывающихъ опытъ, умъ одного, даже гениальнаго человѣка оказывается совершенно недостаточнымъ. Въ такой мыслевой работѣ для того, чтобы она дала высшіе видовые результаты, необходимо участіе не только всѣхъ дѣльнѣйшихъ спеціалистовъ, но и представителей и другаго разнообразнаго знанія, которыхъ можетъ дать человѣчество. Такимъ образомъ мы видимъ, что какъ всякая наука для своего прогрессивнаго развитія должна перестать быть предметомъ только индивидуальнаго труда, а требуетъ участія всего человѣческаго вида, такъ и умъ человѣка въ своемъ прогрессѣ поневолѣ долженъ перейти изъ эгоистической единичной и національной сферы въ космополитическую и общечеловѣческую. Мы нерѣдко видимъ, что въ такихъ общихъ рѣшеніяхъ вопросовъ дебаты иногда уже клонятся къ окончанію и рѣ-

неніе уже готово формулироваться, но вдругъ новый членъ челоуѣчества, (независимо отъ племени, къ которому онъ принадлежитъ, отъ страны, въ которой онъ обитаетъ) вноситъ новую силу въ общую работу, въ видѣ новаго открытія, или вспоминается забытый законъ прежде выработанный, — и выводъ умственнаго труда мѣняется.

Всякая изучаемая наука должна быть полезна во 1) тѣмъ, что развиваетъ спеціальное видовое знаніе, совершая частный переходъ въ 3-й періодъ психическаго развитія; во 2) она даетъ полезное знаніе, въ примѣненіи къ потребностямъ жизни; 3) есть такія науки, которыя полезны только посредственнымъ образомъ, какъ напр., языки — для пріобрѣтенія знаній, изложенныхъ на иностранныхъ языкахъ, для пониманія классиковъ и знакомства съ образомъ мыслей и жизни древнихъ народовъ и для изученія хорошаго стиля и способности ловко выражать свои мысли. 4) Наконецъ видовые законы каждой частной науки, въ свою очередь, служатъ матеріаломъ для будущаго образованія общихъ видовыхъ законовъ, долженствующихъ заключить въ себѣ познаніе законности всѣхъ частныхъ отношеній опыта вообще. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что факты всѣхъ положительныхъ наукъ, по мѣрѣ возможности, должны сообщаться сначала совершенно элементарно, начиная съ простѣйшихъ конкретныхъ явленій, а потомъ болѣе и болѣе подробно, такъ чтобы къ концу общаго образованія главные доказанные факты и законы каждой науки были бы уже настолько знакомы, насколько это допускаетъ знаніе реальныхъ фактовъ служившихъ матеріаломъ для тѣхъ законовъ, и съ опытами, доказывающими причинное отношеніе научныхъ явленій. Напр. элементарное знаніе химіи должно начаться знакомствомъ съ конкретными химическими элементами, полученными путемъ анализа неорганическихъ и органическихъ тѣлъ; одно только ученіе наизусть названій элементовъ формулъ и т. п. не принесетъ ни малѣйшей пользы знанію.

Необходимость отдыха при умственныхъ занятіяхъ.

Всякая мыслевая работа состоитъ въ усвоеніи какъ извнѣ воспріятыхъ движеній, въ видѣ воспріятій, такъ и въ процессѣ соединенія разрозненныхъ и частныхъ элементовъ знанія въ общіе синтезы, поэтому такая работа, какъ и пищеварительная функція, требуетъ достаточнаго времени какъ для самаго процесса умственной ассимиля-

ціи, такъ и для вознагражденія питаніемъ израсходованныхъ силъ на мыслевую функцію. Этотъ отдыхъ необходимъ во 1-хъ), въ видѣ необходимаго сна ночью, продолжительность котораго для учащихся дѣтей различна, согласно ихъ возрасту и расположенію къ мыслевой усталости. Отъ 7 до 10 лѣтъ дѣти необходимо должны располагать 12-ю часами сна впродолженіи сутокъ; отъ 12 до 16 лѣтъ девятью, а съ 16 до 20 лѣтъ восемью часами. Занятія дѣтей въ ущербъ сна ослабляютъ мыслевое творчество и вредно отзываются на питаніи и развитіи мозга и психо-интеллектуальнаго органа. Дѣти, страдающія безсонницей, или спящія значительно меньше сказаннаго времени, больны. Большею частію это зависитъ отъ малокровія дѣтей, или отъ ихъ субъективнаго или умственнаго возбужденія, очень вредно отзывающихся на дальнѣйшемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Если дитя чувствуетъ потребность сна послѣ нѣсколькихъ часовъ занятій, то не мѣшайте ему: это часто есть потребность его индивидуальной природы. Этимъ сномъ нерѣдко возстаиваются скоро истощающіяся интеллектуальныя силы, и это расположеніе къ быстрому утомленію умственной функціи можетъ быть не только индивидуально, но и зависѣть отъ временныхъ, скоропреходящихъ условій. Я много разъ видалъ дѣтей, которыя сначала сами ложились спать послѣ двухъ или трехъ часоваго занятія, а если имъ неблагоуразумно мѣшали удовлетворять ихъ наклонности, то они засыпали за урокомъ; впослѣдствіи, съ укрѣпленіемъ дѣтей, эта потребность въ излишнемъ снѣ совершенно прекращалась.

Независимо отъ сна, необходимо предоставлять дѣтямъ послѣ каждаго урока умственный отдыхъ отъ 10 до 15 минутъ, а послѣ третьяго урока — впродолженіи тридцати минутъ. Это время должно употребляться на возстановленіе равновѣсія въ кровообращеніи, нарушенное во 1-хъ) сидѣніемъ и потому уменьшеніемъ прилива крови къ мышцамъ конечностей и вслѣдствіе этого — приливами крови къ внутреннимъ органамъ и 2) увеличеннымъ приливомъ крови къ мозгу, кромѣ предыдущей причины, и вслѣдствіе умственныхъ занятій. Время означеннаго отдыха поэтому должно выполняться механическими, гимнастическими и другими движеніями конечностей, играми и т.п. Этого простаго правила и до настоящаго времени не понимаютъ многіе изъ нашихъ педагоговъ; такъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ не позволяютъ дѣтямъ во время рекреаціи бѣгать и играть, и, чтобы не нарушить тишины, дѣти обязаны ходить чинно по залу.

Обязанности и роль воспитателей и педагоговъ въ дѣлѣ умственнаго развитія.

1) Мы уже сказали, что только тотъ можетъ быть дѣльнымъ педагогомъ, въ которомъ а) успѣли развиться, въ основныхъ чертахъ, всѣ высшіе психическіе синтезы и законы, дающіе видовое знаніе; б) который основательно знакомъ съ теоріями реальной психологіи, потому что отъ нея только онъ можетъ получить свѣтъ, освѣщающій его педагогическій путь.

2) Такъ какъ законы психологіи, обнимающіе собою частныя проявленія развитія ума, суть еще не видовыя, доказанныя истины, а выводы науки, находящейся въ индивидуальномъ періодѣ, то эти положенія, до ихъ примѣненія къ воспитанію, необходимо должны подвергнуться экспериментальному методу, т. е. частному сравнительному примѣненію ихъ въ дѣлѣ воспитанія съ строгой критикой и взвѣшиваніемъ послѣдствій и результатовъ данной системы воспитанія. Уже Кантъ требовалъ педагогическихъ опытовъ въ отдѣленіяхъ школъ для практики молодыхъ учителей. Казалось бы, что не представляется никакой трудности въ примѣненіи къ воспитанію экспериментальнаго метода. Для этого, избравъ нѣсколько группъ съ опредѣленнымъ количествомъ дѣтей въ каждой, приблизительно одинаковыхъ способностей и возраста, нужно подвергнуть каждую группу одной изъ системъ воспитанія, внушающихъ къ себѣ большее или меньшее довѣріе. Только цѣлый рядъ такихъ сравнительныхъ и многочисленныхъ опытовъ могъ бы со временемъ дать матеріалъ для видовыхъ законовъ воспитанія. Къ несчастію, этой необходимости, неизбѣжной въ педагогикѣ, для достиженія положительныхъ видовыхъ результатовъ, мѣшаетъ какъ индивидуальный періодъ педагогики, такъ и чисто индивидуальное возрѣніе педагоговъ на воспитаніе. Каждый изъ нихъ а priori носитъ съ вѣрой въ истину его предвзятыхъ идей относительно воспитанія и потому не чувствуетъ никакой потребности къ провѣркѣ на опытѣ истины его педагогическихъ теорій. Въ этомъ условіи кроется причина той косности, въ которой до сихъ поръ остается дѣло воспитанія и вѣроятно еще долго останется. Къ несчастію, педагоги воспитываютъ и учатъ, но сами ничему не научаются. Только въ экспериментальномъ и критическомъ методѣ заключается естественное средство выхода педагогики изъ ея пастоящаго спорнаго и чисто личнаго состоянія въ періодъ видоваго развитія. Эти

методы въ примѣненіи къ воспитанію должны не только дать безспорные законы для руководства педагогамъ, но въ ихъ результатахъ будутъ провѣряться и самыя психологическія теоріи.

3) *Необходимо, чтобы учитель, по мѣрѣ возможности, предоставлялъ воспитаннику известную долю инициативы и самостоятельности въ развитіи его ума и знанія.*

Всякое, вновь приобрѣненное знаніе, или правильный выводъ, или индукція, съ помощію прежде добытаго знанія и разумно предоставленнаго воспитателемъ матеріала, къ которому самостоятельно дошелъ ученикъ, дѣлается его постояннымъ достояніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне удовлетворяя его интеллектуальному чувству, служитъ стимуломъ для дальнѣйшаго развитія самостоятельнаго мышленія и вдумыванья въ изучаемый предметъ. Самый сильный врагъ самостоятельности въ умственномъ развитіи есть катехическій методъ. Ученикъ, на основаніи этого метода, долженъ отвѣчать опредѣленными отвѣтами на опредѣленные вопросы. Отсюда — привычка дѣйствовать чужимъ умомъ и подавлять свои собственные мыслевые порывы и умственную дѣятельность для пониманія. Единственную область, въ которой можно допустить катехическій методъ, представляетъ преподаваніе религіи, потому что въ этомъ случаѣ самостоятельное мышленіе и критика скорѣе мѣшаютъ ученію. Во всѣхъ же другихъ областяхъ пониманія развитіе идетъ тѣмъ успѣшнѣе и тѣмъ болѣе гарантируется его будущій успѣхъ, чѣмъ оно самостоятельно развивалось въ ученикѣ безъ активной чужой помощи.

Съ цѣлію развитія самостоятельной критики и сужденія въ молодыхъ людяхъ, необходимо пріучать ихъ къ совмѣстному обсужденію умственныхъ темъ различнаго содержанія. При обсужденіи того или другаго предмета, нужно предоставить это дѣло одному изъ воспитанниковъ, давая ему достаточно времени для того, чтобы онъ могъ прежде самъ всесторонне обсудить предметъ. При совмѣстномъ участіи всѣхъ воспитанниковъ, во время гласнаго обсужденія предмета, тотъ, которому предварительно задана тема, излагаетъ ее устно, критикуетъ и подводитъ обсуждаемое подъ общіе, ему извѣстные законы и т. д. Недостатки въ знаніи разсуждающаго, ушущеніе фактовъ, необходимыхъ при данномъ сужденіи для его всесторонности, нелогичность выводовъ, должны выставляться поочередно другими воспитанниками, по окончаніи изложенія сужденія послѣднимъ. При ошибочномъ напра-

вленіи мыслей ученика, воспитатель, убѣдившись въ невозможности какъ самостоятельнаго исправленія, такъ и со стороны товарищей, долженъ только знакомъ указать, что сужденіе совершается неправильно, предоставивъ самому ученику узнать причину этой неправоизности, при напряженіи всѣхъ своихъ умственныхъ усилій. Если это не помогаетъ, то учитель переводитъ вопросъ на арену общаго диспута, въ которомъ принимаютъ участіе онъ самъ и всѣ воспитанники вмѣстѣ. Учитель подъ конецъ диспута резюмируетъ сначала предметъ диспута, различныя мнѣнія и факты, на которыхъ они были основаны, критикуетъ ихъ и дѣлаетъ собственный выводъ, подтверждая его доказательствами. Подобныя упражненія въ постепенномъ умственномъ развитіи, возбуждая законное самолюбіе участниковъ въ сужденіяхъ, тѣмъ приковываютъ ихъ вниманіе къ изучаемому предмету и располагаютъ вообще къ привычкѣ углубляться мысленно въ изучаемые предметы. Изъ того, что прежде сказано, я надѣюсь, всякій пойметъ, что подобныя умственныя упражненія возможны только для воспитанниковъ, въ которыхъ послѣдовательно уже успѣли достаточно развиться психическіе синтезы и индукціи вообще. Такіе приемы для развитія и упражненія умственныхъ способностей воспитанниковъ, кромѣ выше сказанной пользы, еще очень важны для воспитателя относительно оцѣнки умственныхъ способностей каждаго изъ его воспитанниковъ, которая возможна только этимъ путемъ, а не по отвѣтамъ заданныхъ уроковъ.

Ни одинъ дѣльный педагогъ не станетъ оспаривать несомнѣнной пользы вышеизложенныхъ приемовъ для развитія ума и мышленія. Но въ дѣлѣ воспитанія въ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ мы не видимъ ни малѣйшаго намека на вышеуказанные приемы. Зрѣлымъ у насъ признается молодой человѣкъ за его грамматическія, лингвистическія и математическія познанія, но при этомъ ни малѣйше не берется въ расчетъ то, что дѣйствительно составляетъ зрѣлость человѣка — его умственная зрѣлость. Кто не знаетъ, какая разница въ этихъ взглядахъ на степень зрѣлости. Всѣми признано, что между этими состояніями нѣтъ никакого пропорціональнаго отношенія. Я нерѣдко видѣлъ съ аттестатомъ зрѣлости тупыхъ юношей, не способныхъ размыслить и понять самыхъ обыденныхъ вещей, и напротивъ умныхъ и талантливыхъ молодыхъ людей съ замѣчательной энергіей мысли, признанныхъ не зрѣлыми за запамятованіе синтактическаго правила или чего нибудь другаго, ничего общаго неимѣющаго съ зрѣlostію. Въ высшихъ учебныхъ заведе-

ніяхъ повторяется тоже преподаваніе и изученіе отдѣльныхъ наукъ, по литографированнымъ запискамъ, не вызывая между молодыми людьми никакой самостоятельной мыслевой дѣятельности. Отъ того, за малыми исключеніями, контингентъ, кончающій курсъ съ большимъ или меньшимъ чиномъ, поражаетъ своей неумѣlostію въ критикѣ и анализѣ, рѣдкимъ проявленіемъ самостоятельности въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ. Отъ того происходитъ даже въ нашей, такъ называемой, интеллигентной средѣ та умственная апатія, то отвращеніе къ серьезнымъ книгамъ и вообще ко всякому мыслевому труду, требующему усиленнаго шевеленія мозгами. Пьянство внизу и умственная апатія вверху губятъ наше общество. Спасеніе отъ этихъ народныхъ бѣдъ возможно только въ энергическомъ и вполнѣ осмысленномъ воспитаніи.

Для правильнаго развитія видоваго ума главной заботой воспитателя должно быть охраненіе воспитанника въ дѣлѣ развитія объективнаго мышленія отъ всего субъективнаго и воображаемаго, отъ усвоенія готовыхъ заблужденій и предразсудковъ.

Эта задача гораздо труднѣе, нежели прямое и положительное вліяніе на умственное развитіе. Для способствованія правильному развитію мышленія, согласно съ природой человѣка, немного нужно усилій активнаго вмѣшательства и со стороны педагога; главное вниманіе и предусмотрительность наставника должны быть направлены на борьбу съ сказанными субъективными и апріористическими синтезами, полученными на вѣру отъ людей близкихъ и изъ окружающаго общества. Они суть главный тормазъ человѣческаго развитія. Дѣти, еще избавленные отъ этой мыслевой отравы, нерѣдко поражаютъ логичностью своихъ выводовъ, которыхъ вы напрасно стали бы ожидать отъ взрослога, даже образованнаго человѣка, но въ которомъ ложныя идеи, вѣрованія и научныя заблужденія, полученные путемъ традицій, уже получили право гражданства. Многія открытія въ наукѣ, принесшія человѣчеству сильную пользу своей логичностью и очевидностью, вызываютъ невольное удивленіе и вопросъ — отчего такая здравая мысль много вѣковъ тому назадъ не пришла въ голову кому нибудь изъ мыслящихъ людей? Причина этого замедленія и состоитъ именно въ томъ, что возникновенію нормальнаго сочетанія мѣшалъ укоренившійся неправильный образъ мыслей. Рутиня есть главный врагъ прогресса человѣческаго

ума и знанія. Главная сила генія часто проявляется не въ творествѣ новой мысли, а въ разрушеніи оковъ рутинны, чѣмъ дается мысли только свобода сдѣлать свой естественный шагъ впередъ. Почти всегда всякое новое открытіе въ наукѣ или искусствѣ, даже не смотря на свою очевидность, встрѣчаетъ со стороны современнаго общества величайшую оппозицію не только въ лагерѣ невѣждъ, но нерѣдко даже среди ученыхъ и даже геніальныхъ людей. Бэконъ и Ньютонъ запытали себя оппозиціей противъ современныхъ открытій, составляющихъ въ настоящее время безпорное приобрѣтеніе науки. Лютеръ называлъ Коперника дуракомъ; теорія тяготѣнія считалась картезіанцами сумасбродствомъ на томъ основаніи, что тѣла, какъ было принято прежде, дѣйствуютъ другъ на друга при непосредственномъ соприкосновеніи, а потому солнце и другія небесныя тѣла не могутъ дѣйствовать другъ на друга на разстояніи. Мало ли насмѣшекъ и ожесточенныхъ нападеній выдержала теорія целулярной патологии Вирхова, теорія происхожденія видовъ Дарвина и т. п. Освободите человѣческой умъ отъ оковъ, налагаемыхъ унаслѣдовавшими предразсудками и заблужденіями, и онъ несомнѣнно пойдетъ исполинскими шагами по пути прогресса. Мы часто родители и наставники говаривали о своихъ дѣтяхъ, что пусть они въ дѣтствѣ познакомятся сначала съ ложными народными вѣрованіями и предразсудками, отъ этого разовьется ихъ фантазія, а съ возрастомъ они станутъ умнѣе и съумѣютъ отличить истину отъ лжи. Но это совершенно несправедливо. Во 1-хъ) эти предразсудки и традиціи рутинны болшею частію такъ укореняются въ молодой душѣ, что впоследствии даже сильно разившійся умъ не можетъ съ ними справиться; а во 2-хъ) если даже индивидуальныя способности позволяютъ разсудку со временемъ побѣдить эти заблужденія, то не нужно забывать, что эта побѣда покупается дорогою борьбой, на которую непроизводительно расходуется большая часть умственной силы, которая могла бы употребиться на полезную работу. Но ошибаются педагоги, мечтающіе найти средство отъ этого зла въ изолированіи ихъ воспитанниковъ отъ окружающаго общества. Они напоминаютъ родителей, запирающихъ дѣтей въ комнатахъ, опасаясь господствующей эпидеміи въ городѣ. Послѣдніе поступаютъ ошибочно, въ слѣдствіе непониманія, что воздухъ, которымъ они дышатъ въ комнатахъ, есть тотъ же воздухъ улицы, котораго они такъ опасаются; что безъ обмѣна воздуха ихъ жилища уличнымъ, они всѣ поголовно должны были бы умереть не отъ эпидеміи, а отъ испорченности воздуха. Такіе педагоги поступаютъ

также неправильно, вслѣдствіе непониманія выше нами выясненнаго факта, что собственно не родители и педагоги воспитываютъ каждое дитя, а весь человѣческій видъ и потому все, приготовленное тѣмъ видомъ, — хорошее и дурное, болѣе или менѣе представляемое каждымъ цивилизованнымъ обществомъ, есть необходимая среда для развитія каждой особи, какъ части того вида. Общество не только даетъ матеріаль для умственнаго развитія, но и стимулъ для этого развитія. Кажется Дарвинъ сказалъ, что „человѣкъ есть соціальное животное“. Любовь каждаго человѣка къ людскому обществу есть, по нашему мнѣнію, бессознательное стремленіе части къ соединенію съ своимъ цѣлымъ. Только отъ него человѣкъ можетъ получать то, что нужно для видоваго пониманія и только имъ можетъ возбуждаться мыслевая видовая работа въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Воспитанный отдѣльно отъ своего общества, онъ научается только думать о себѣ и для себя. Это — воспитаніе эгоизма, а не видоваго разума. Исторія педагогики намъ представляетъ печальные результаты такихъ теорій о воспитаніи. Остроумнѣе и талантливѣе всѣхъ другихъ выразилъ эту теорію Жанъ-Жакъ Руссо въ изложеніи воспитанія его Эмиля. „Emile n'est pas l'homme de l'homme c'est l'homme de la nature“. Вотъ какъ описываетъ Руссо своего 15-ти лѣтняго Эмиля: „вынужденный быть своимъ собственнымъ учителемъ, онъ нуждается въ своемъ собственномъ разумѣ, а не другихъ людей и потому авторитеты для него ничего не значать. Большая часть нашихъ заблужденій менѣе приходитъ отъ насъ самихъ, чѣмъ отъ другихъ. Этимъ постояннымъ упражненіемъ его духъ приобряетъ силу, какъ тѣло, вслѣдствіе упражненія въ работѣ». 15-ти лѣтній Эмиль располагаетъ только познаніями природы, не знаетъ исторіи, а о метафизикѣ и нравственности онъ не имѣетъ понятія. Онъ мало умѣетъ обобщать идеи и вообще дѣлать обобщенія; онъ замѣчаетъ свойства, общія многимъ тѣламъ, не разсуждая о сущности этихъ свойствъ. На все незнакомое онъ обращаетъ вниманіе только относительно самого себя и опредѣляетъ это отношеніе точно и вѣрно. Онъ выше считаетъ то, что ему приноситъ больше пользы и не обращаетъ вниманія на мнѣнія другихъ“.

И вотъ передъ вами, читатель, образъ Эмиля, воспитаннаго по системѣ Руссо, вдали отъ людскаго вліянія. По истинѣ жалкій образъ! Этотъ Эмиль эгоистиченъ, думаетъ только о себѣ и ставитъ выше всего свою пользу. Эмиль, ограниченный въ пониманіи и лишенный идеа-

ловъ, не можетъ имѣть и идеальныхъ стремленій. Не таковъ долженъ быть современный человѣкъ. Даже частное примѣненіе изолированнаго воспитанія въ обществѣ къ дѣтямъ только привилегированныхъ сословій, закрытыя заведенія вообще и одиночное домашнее воспитаніе, обыкновенно, даютъ такіе жалкіе результаты, что число приверженцевъ этого рода воспитанія съ каждымъ годомъ все больше и больше уменьшается. Каждый членъ общества не долженъ игнорировать ошибки и заблужденія его общества, а знать ихъ и умѣть имъ противодѣйствовать. Воспитателю остается только предотвращать вліяніе дурныхъ сторонъ общества, парализируя на первыхъ порахъ ихъ вредное вліяніе, не допуская ихъ до укорененія въ душѣ и противопоставляя заблужденію — истину, индивидуальной идеѣ — видовую.

О времени, которое долженъ предоставлять воспитатель своему воспитаннику для каждой умственной операціи.

Каждый факторъ дѣятельной группы требуетъ большаго или меньшаго времени, чтобы послѣ потенціального состоянія явиться на дѣятельной аренѣ; весь процессъ мышленія есть механическая работа, также требующая большаго или меньшаго времени, соотвѣтственно содержанию работы, быстротѣ и энергичности въ движеніяхъ мыслевыхъ единицъ. Отсюда вытекаетъ одно изъ важнѣйшихъ правилъ для воспитателя: онъ никогда не долженъ торопить воспитанника въ его мыслевой работѣ. Я знаю многихъ учителей, которые, если ученикъ не скоро отвѣтитъ имъ на вопросъ, сердятся на несчастнаго, ставятъ ему дурные баллы, или, недождавшись скорого отвѣта, задаютъ новый вопросъ. Одно знакомство ученика съ манерой такого вреднаго учителя замедляетъ или совершенно парализуетъ въ немъ мыслевое движеніе. Отвѣтъ, который онъ легко далъ бы въ покойномъ состояніи, отъ желанія ускорить его, отъ страха вовсе нейдетъ на умъ. Какъ умная мать никогда не должна заставлять ребенка скоро жевать, такъ дѣльный наставникъ никогда не долженъ погонять воспитанника въ мыслевой работѣ. Чѣмъ медленнѣе она совершается, тѣмъ лучше усвоеніе. Определеннаго времени, общаго для всѣхъ, нельзя поставить даже для извѣстнаго предмета, такъ какъ мы уже знаемъ, что, независимо отъ содержанія мышленія, скорость его зависитъ отъ индивидуальныхъ условій, выражающихся въ мыслевомъ движеніи. При совершенно одинаковыхъ познаніяхъ, одному воспи-

таннику нужно гораздо больше времени, чтобы обдумать и сообразить ему заданное и отвѣтить на заданный вопросъ, чѣмъ другому. Эта индивидуальная разница еще рѣзче выказывается у взрослыхъ. У однихъ въ мышленіи съ необыкновенной быстротой являются всѣ имѣющіеся въ запасѣ, подходящіе новому случаю, законы. Объясненія и доказательства у нихъ сыплются изъ устъ безъ всякаго усилія припоминанія. У другихъ же, у которыхъ высшихъ синтезовъ выработалось, можетъ быть, не меньше, чѣмъ у первыхъ, они гораздо тяжелѣе на подъемъ. Съ появленіемъ въ мышленіи дѣятельной группы формацій, подходящіе синтезы или вовсе не появляются и не принимаютъ участія въ работѣ, или являются поздно. Такъ, нерѣдко ораторъ или ученый въ типѣ кабинета проводитъ горькія минуты, вспоминая то, что ему слѣдовало бы придти на помощь во время лекцій, рѣчи, или рѣшенія вопроса, и что именно тогда отсутствовало въ его мышленіи. Эта индивидуальная разница высказывается рано и есть, по нашему мнѣнію, драгоцѣнное указаніе для умнаго воспитателя въ дѣлѣ избранія карьеры для своего питомца. Хорошимъ адвокатомъ, медикомъ, судьей и т. п., можетъ только быть человѣкъ съ врожденнымъ быстрымъ соображеніемъ. Люди съ медленнымъ теченіемъ представленій и синтезовъ будутъ всегда несчастными на тѣхъ поприщахъ, но зато могутъ быть очень дѣльными писателями, изслѣдователями природы историческихъ памятниковъ и источниковъ. Однако, культура и частое повтореніе въ дѣятельности извѣстныхъ мыслевыхъ процессовъ отчасти исправляютъ этотъ индивидуальный недостатокъ. Какъ мышечная гимнастика дѣлаетъ лѣнливыхъ и неповоротливыхъ людей энергическими и ловкими въ движеніяхъ, такъ частое упражненіе въ мышленіи и привычка участія въ познавательной работѣ всѣхъ наличныхъ силъ даннаго содержанія ускоряютъ мыслевой процессъ. Многіе спеціалисты, страдающіе вообще медленностію мыслеваго акта, составляютъ исключеніе въ области ихъ спеціального мышленія; пріученные къ частой дѣятельности спеціальныя формаціи дѣйствуютъ энергически и быстро.

Педагогическій діагнозъ.

Наконецъ, надѣюсь, педагоги извинятъ меня, какъ врача, если я позволю себѣ внести въ педагогику медицинскій пріемъ, по моему мнѣнію, настолько-же важный для педагогики, какъ и для медицины, хотя вовсе не признанный первою и никогда ею не примѣняемый. Я говорю

о педагогическомъ діагнозѣ. Когда медицина находилась еще въ плачевномъ состояніи своего развитія, то обыкновенно медики приступали къ леченію больныхъ на основаніи тѣхъ признаковъ болѣзни, которые въ каждомъ данномъ случаѣ имъ удавалось констатировать. Лечили не болѣзнь, а только болѣзненные припадки. Съ тѣхъ поръ какъ законъ причинности больше и больше сталъ господствовать въ наукахъ вообще и въ медицинѣ въ особенности, этотъ способъ леченія былъ признанъ невѣжественнымъ и ложнымъ. Медики убѣдились, что, для успѣшнаго распознаванія и леченія болѣзни, не только недостаточно констатировать настоящее положеніе больного (*Status praesens*), но даже и непосредственную причину болѣзни. Никто изъ врачей нынѣ не станетъ отрицать, что для того необходимъ строгій и подробный анализъ всѣхъ явленій, предшествовавшихъ болѣзни, которыя могли бы стоять въ причинномъ къ ней отношеніи. Для этого врачъ собираетъ свѣдѣнія о предкахъ и родителей, объ условіяхъ зачатія, беременности и явленій въ утробной жизни до начала развитія болѣзни. Чѣмъ длиннѣе цѣпь этой причинной связи явленій, тѣмъ лучше объясняется настоящій характеръ болѣзни и тѣ приемы, на которые долженъ рѣшиться врачъ для уничтоженія болѣзни. Въ педагогикѣ же, въ величайшему моему удивленію, даже въ настоящее время, я не замѣчаю вліянія индукціи причинности, успѣвшей уже проникнуть во всѣ области знанія, гдѣ только серьезно работаетъ мысль чело-вѣка. Въ настоящее время педагоги, приступая къ ученію и воспитанію, довольствуются однимъ „*Statu praesente*“ воспитанника, т. е. экзаменомъ того, что воспитанникъ знаетъ. Это считается достаточнымъ мѣриломъ для опредѣленія плана будущаго воспитанія и ученія. Въ казенныхъ заведеніяхъ по одному только испытанію опредѣляютъ классъ, куда воспитанникъ долженъ быть принятъ. Но какъ добылъ констатированныя экзаменаторомъ познанія воспитанникъ, сколько времени и труда ему стоило это пріобрѣтеніе, долго-ли оно будетъ въ немъ жить, или заученное съ трудомъ только къ экзамену скоро забудется? Эти и подобные вопросы большею частію не интересуютъ педагоговъ. Впослѣдствіи только воспитатель, судя по дальнѣйшимъ успѣхамъ ученика, рѣшаетъ: имѣетъ ли ученикъ достаточно способностей, чтобы идти дальше отъ той точки, на которой онъ самъ его опрOMETЧИВО поставилъ, или нѣтъ. А между тѣмъ, дитя неправильно принятое, положимъ, въ несоответствующій высшій классъ казеннаго заведенія, въ случаѣ его умствен-

ной несостоятельности, остается годъ, остается другой, и наконецъ его за негодностію исключаютъ изъ заведенія. Спрашивается: кто виноватъ въ этихъ случаяхъ напрасныхъ трудовъ и страданій несчастнаго ученика, его деморализація, вызываемой презрѣніемъ и наказаніемъ за неуспѣшность его ученія; кто причиной испорченной нерѣдко въ самомъ началѣ карьеры? Разумѣется, не ученикъ, а педагогъ.

Также и наоборотъ, ученикъ, принятый въ пизшій классъ относительно его дѣйствительныхъ способностей и знанія и принужденный присутствовать при урокахъ, ему уже знакомыхъ, нерѣдко получаетъ отвращеніе къ класснымъ занятіямъ и приучается къ лѣни!! Очевидно, что подобное злополучіе въ большинствѣ случаевъ зависитъ, съ одной стороны, отъ неправильнаго опредѣленія способностей и знанія воспитанника во время экзамена, а съ другой отъ обмана экзаменаторовъ родителями. Зная способъ оцѣнки дѣтей учителями при пріемѣ ихъ въ заведенія, родители всѣми силами стараются, что называется „товаръ лицомъ показать“, и этого ребенка до экзамена заставляютъ немилосердно зубрить, репетиторы еще за годъ или нѣсколько мѣсяцевъ кормятъ такого несчастнаго ребенка пережеванною ими умственной пищей. Такія дѣти, у которыхъ всегда готовъ нужный отвѣтъ на всякій возможный по программѣ учителя вопросъ, безъ сомнѣнія, выдерживаютъ экзаменъ и всегда предпочитаютъ даровитымъ дѣтямъ, привыкшимъ сознательно учиться и самостоятельно обдумывать предлагаемый вопросъ, прежде нежели дать на него отвѣтъ. Часто, подъ вліяніемъ волненія и страха экзамена, это самостоятельное мышленіе можетъ дать въ данную критическую минуту неудовлетворительный результатъ, или не зазубренное механически памятью можетъ среди экзамена забыться, или отвѣтъ замедлится—и участь такого несчастнаго рѣшена.

Если всѣ эти бѣды, за которыя множество дѣтей расплачиваются своей карьерой и будущимъ счастьемъ, а общество лишается многихъ даровитыхъ дѣятелей, получая на ихъ мѣсто ограниченныхъ долбѣжекъ, зависятъ отъ неумѣлаго діагноза, то не лучше ли гг. педагогамъ научиться у медиковъ этому искусству и обставить діагнозъ всѣми нужными условіями, чтобы его сдѣлать какъ можно менѣе шаткимъ и найти въ немъ опору отъ заблужденій на счетъ истиннаго достоинства каждаго ученика и мѣрило для вѣрной оцѣнки его способностей ума и знанія, какъ постоянныхъ его атрибутовъ, а не временнаго только состоянія во время экзамена.

Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ умственномъ состояніи и способностяхъ ученика, т. е. о томъ, чего можно ожидать и чего требовать отъ воспитанника, педагогу также, какъ медику, необходимо прежде всего подробный анализъ; нужно знать: а) состояніе умственного развитія и знанія не только родителей ребенка, но, если возможно, и всего его восходящаго поколѣнія. Тщательно должно изслѣдовать: не было-ли въ семействѣ идіотовъ, сумасшедшихъ; б) нужно познакомиться со средой, въ которой ребенокъ родился, выросъ и находился до настоящаго времени и гдѣ будетъ жить въ будущемъ; в) когда ребенокъ началъ ходить, говорить ясно и отчетливо, когда онъ научился читать, писать, какъ шло его ученіе въ началѣ и во всѣхъ періодахъ его дальнѣйшаго развитія, какова была его механическая память вообще и разумная въ особенности; д) не было-ли временныхъ пріостановокъ въ его умственномъ развитіи, въ силу которыхъ ученіе давалось ему труднѣе, нежели прежде. Каковъ сонъ ребенка прежде и какъ онъ спитъ въ настоящее время, сколько часовъ, безпокоенъ-ли сонъ, сопровождается ли онъ бредомъ, не прерывается ли, нормаленъ ли относительно времени? Такія свѣдѣнія должны въ свое время готовить благо-разумные родители, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — съ помощью врача. Дневникъ, дѣльно веденный матерью, будетъ отличнымъ источникомъ для педагогическаго анамнеза.

Заручившись по мѣрѣ возможности свѣдѣніями о воспитанникѣ, педагогъ можетъ приступить ко второй его задачѣ, т. е. изслѣдованію и опредѣленію степени настоящаго ума и познаній и его способностей для будущаго развитія. Для перваго педагогъ долженъ убѣдиться въ памяти воспитанника механической и разумной, но не потому, что имъ выучено дома, такъ какъ послѣднее не даетъ ни малѣйшаго понятія ни о времени, сколько требовалось для пріобрѣтенія этого знанія, ни и большей или меньшей самостоятельности въ пониманіи заученнаго. Для ознакомленія съ этимъ, учитель долженъ задать ученику нѣсколько различныхъ предметовъ для изученія наизусть, убѣдиться въ скорости заучиванія, въ пониманіи того, что изучаетъ и въ томъ, легче ли въ ребенкѣ удерживаются слова, механически заученныя, или соединенныя внутреннимъ смысломъ. Далѣе воспитатель долженъ познакомиться съ познавательными основами воспитанника, т. е. съ его реальными познаніями, — представленіями объектовъ опыта и ихъ отношеній. Для этого онъ требуетъ отъ воспитанника описанія знакомыхъ ему предметовъ и

ихъ отношеній въ различныхъ областяхъ опыта. Точность и объективность этихъ познаній, легкая ихъ репродукція и ассоціація съ другими представленіями даютъ богатый матеріалъ какъ для опредѣленій до того пройденной школы опыта воспитанникомъ, такъ и того, чего можно отъ него ожидать въ будущемъ. Затѣмъ, при чтеніи и передачѣ прочитаннаго, воспитатель можетъ убѣдиться въ способности воспитанника усвоить читанное, въ умѣнны выразить понимаемое рѣчью и наконецъ въ дѣятельности его воображенія, въ случаѣ передачи читаннаго въ различной комбинаціи, принадлежащей самому воспитаннику. Задавъ воспитаннику предметъ для обдумыванія, воспитатель, слѣдя по словамъ мальчика за его мыслевой работой, можетъ получить понятіе о степени скорости этой работы и расположеніи къ переходу отъ частныхъ индукцій къ частнымъ или къ обобщеніямъ.

Послѣ такого только экзамена воспитатель получаетъ разумное право постановить свою оцѣнку воспитаннику и имъ распоряжаться въ умственномъ развитіи и ученіи. Если многіе и найдутъ предложенный мною способъ опредѣленія умственного состоянія и знанія каждаго вновь изучаемаго ученика хлопотливымъ, труднымъ и отнимающимъ много времени, то во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что никто не признаетъ его бесполезнымъ. Педагогика есть тяжелая обязанность и требуетъ много труда и времени. Кто ищетъ въ воспитаніи выигрыша того и другаго, тотъ не педагогъ, а ремесленникъ. Кто станетъ оспаривать, что лучше хорошо воспитать десять человѣкъ, нежели вносить умственную порчу подъ видомъ ученія и воспитанія въ массу воспитанниковъ. Для истиннаго педагога существуетъ цѣль-истина и одно стремленіе—развитіе каждаго воспитанника согласно его силамъ и законамъ науки. Леченіе каждаго больного дѣло болѣе спѣшное, нежели воспитаніе, однако каждый добросовѣстный врачъ находитъ время для своего анамнестическаго изслѣдованія и для постановки вѣрнаго діагноза; надѣюсь, что и педагоги найдутъ его, когда воспитаніе перейдетъ изъ рутиннаго, фабричнаго производства на путь научнаго труда, стремящагося къ достиженію не количества, а качества продуктовъ, не объема, а чистоты его результатовъ.

Необходимыя условія со стороны воспитывающагося для успѣшнаго его развитія.

Мы уже выше сказали, что правильный уходъ воспитателя, несомнѣнно, очень полезно отзывается на умственномъ развитіи воспитан-

ника; но мы должны были допустить, что это вліяніе не всемогущее, а очень ограниченное. Многіе философы и моралисты думали, что стоит только положить правильныя начала въ основу воспитанія, чтобы разомъ пересоздать общество и чтобы молодое поколѣніе перестало походить мышленіемъ, убѣжденіями и чувствами на своихъ родителей. „Кто имѣетъ школу въ своемъ распоряженіи, тотъ имѣетъ въ своихъ рукахъ будущую исторію“. Но это апіористическое мнѣніе не вполне справедливо. Результатъ умственного развитія не всецѣло зависитъ только отъ усилій воспитателя, приемовъ и системъ воспитанія и ученія, но во многомъ обуславливается и личными данными, представляемыми каждымъ изъ воспитывающихся. Для хорошихъ всходовъ посѣяннаго не только нуженъ умѣлый сѣятель и хорошія сѣмена, но и удобная почва. Объ этой то почвѣ мы скажемъ въ заключеніи нѣсколько словъ.

• *а) Вліяніе на умственное развитіе мозга со стороны его врожденнаго расположенія и наследственности.* Творческая мыслевая способность мозга зависитъ: 1) отъ чисто индивидуальныхъ и случайныхъ условій, имѣющихъ мѣсто при зачатіи человѣка, отъ утробнаго и внѣутробнаго развитія мозга и 2) отъ наследственныхъ причинъ. Законъ Дарвина, что совершенствованіе каждаго вида идетъ путемъ преемственности изъ рода въ родъ, находитъ въ умственной сферѣ самое блистательное подтвержденіе. Чѣмъ болѣе изучаешь жизнь и умственное проявленіе въ различныхъ человѣческихъ расахъ, даже классахъ одного и того же общества, или отдѣльныхъ семействахъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что умственная сила преемственно развивается цѣлыми поколѣніями и талантъ къ развитію этой силы передается, въ видѣ законнаго наследства, отъ отцевъ къ дѣтямъ. Анатомія доказываетъ, что чѣмъ больше и энергичнѣе работаетъ въ народѣ или расѣ мысль, тѣмъ мозги находятся въ лучшемъ развитіи, тѣмъ больше продуцируется этимъ народомъ умственной силы, тѣмъ больше способности пониманія и любви ко всему, что говоритъ уму или душѣ, тѣмъ больше способности дѣти этого народа проявляютъ въ ихъ умственномъ развитіи и ученіи. Напротивъ у расъ, мало жившихъ умственной жизнью, мозги хуже развиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониманіе слабѣе, существуетъ отвращеніе ко всякому болѣе или менѣе умственному труду, ихъ дѣти и при величайшихъ стараніяхъ какъ со стороны ихъ собственнаго труда, такъ и воспитателей никакъ не могутъ дать умственныхъ результатовъ, даже

близко подходящихъ къ тѣмъ, какіе даютъ дѣти первыхъ. На высшее умственное развитіе не только неспособенъ негръ, дикій индѣецъ и т. п., но за рѣдкими исключеніями и люди нашего общества, въ восходящемъ поколѣніи которыхъ умственная сила мало или вовсе не культивировалась. Мы не рѣдко случалось слѣдить за сравнительными успѣхами дѣтей въ школахъ, устроенныхъ для дѣтей различныхъ классовъ, и надѣюсь, что педагоги согласятся со мною въ томъ, что относительно болѣе способныя дѣти въ нашемъ отечествѣ принадлежатъ къ среднему классу, т. е. тому, производители которыхъ были обязаны зарабатывать средства къ существованію большимъ или меньшимъ умственнымъ трудомъ; дѣти родителей, занимающихся исключительно физической работой, или живущихъ въ свое удовольствіе, безъ всякаго серьезнаго труда, не только не дѣлаютъ хотя бы меньшихъ успѣховъ въ ученіи сравнительно съ первыми, но и вообще бываютъ неспособны къ усвоенію себѣ того, что требуетъ значительнаго умственнаго напряженія, и разъ съ трудомъ выученное скоро забываютъ. Если бываютъ исключенія, то во всякомъ случаѣ они очень рѣдки и сомнительнаго происхожденія. Эта наследственность даетъ себя знать не только въ нормальной умственной сферѣ, но и въ патологической—кретины и идиоты производятъ на свѣтъ себѣ подобныхъ, расположеніе къ умопомѣшательству чаще передается путемъ наследства отъ родителей къ дѣтямъ. Изъ сказаннаго мы видимъ, что въ мозгу каждаго человѣка заключается предѣлъ большаго или меньшаго умственнаго развитія въ видѣ большей или меньшей возможности развитія мыслеваго органа. Внешній опытъ, питаніе и культура воспитанія могутъ дать результаты только въ размѣрѣ этихъ способностей, поэтому они и должны необходимо примѣняться къ нимъ. Требовать отъ мозга большаго, нежели онъ можетъ дать, значитъ насиловать его природу и портить тѣ умственные результаты, которые могли бы получиться при умѣренномъ спросѣ, пропорціональномъ способностямъ къ умственному развитію.

в) *Вліяніе питанія на умственное развитіе.*

Несомнѣнно, что всѣ функціи животнаго организма совершаются на счетъ полученнаго извнѣ питательнаго матеріала, потенціальная сила котораго, съ помощію законовъ жизни, переводится въ дѣятельную силу функціи. Съ полнымъ прекращеніемъ этого безпрестаннаго притока въ организмъ, пріостанавливаются всѣ отправленія, т. е. наступаетъ смерть. Каждая функція въ экономіи совершается настолько дѣятель-

но, насколько ея органъ располагаетъ питательнымъ веществомъ, полученнымъ изъ крови. Предѣлъ для усвоенія извнѣ возможнаго количества пищи какъ для всего организма вообще, такъ и для каждаго его органа въ особенности заключается въ природѣ каждаго типа животныхъ. Индивидуальныя колебанія въ этой опредѣленной школѣ обусловливаются: во 1-хъ, индивидуальной способностію переработывать внѣшній матеріалъ въ части своего организма — способностію ассимиляціи, и во 2-хъ, возможностью каждаго существа добыть себѣ пищу въ надлежащемъ количествѣ. Но весь питательный матеріалъ, который разъ усвоенъ организмомъ въ каждый промежутокъ времени его существованія долженъ служить общимъ источникомъ для всѣхъ нуждъ экономіи организма. Слѣдовательно, чѣмъ больше изъ общей массы израсходуется на одну функцію или часть ея, тѣмъ меньше остается для другихъ. Мы можемъ этотъ процессъ вполне сравнить съ фабрикой, гдѣ сила, вырабатываемая одной паровой машиной, приводитъ въ дѣйствіе съ помощію отдѣльныхъ приводовъ нѣсколько рабочихъ станковъ. Если вся возможная сила локобиля разчитана на пропорціональное раздѣленіе между всѣми станками, то израсходование однимъ или двумя приводами большого количества силы относительно ихъ нормы должно будетъ непременно отозваться на ослабленіи работы остальныхъ станковъ и наоборотъ, уменьшеніе дѣленія силы исключеніемъ изъ работы одного или нѣсколькихъ станковъ отзовется увеличеніемъ работы остающихся въ дѣятельности. То же самое, что происходитъ со всѣми функціями организма въ ихъ отношеніи къ питанію, бываетъ и съ мыслевой работой человѣка. Чѣмъ больше и чѣмъ правильнѣе познавательная и умственная функція начинаетъ работать въ человѣкѣ съ дѣтства и чѣмъ постояннѣе и энергичнѣе поддерживается эта работа въ продолженіи всей жизни, тѣмъ болѣе питательнаго матеріала притекаетъ къ мозгу. *Ubi irritatio, ibi affluxus*, этимъ не только дается возможность большаго образованія новыхъ ячеекъ силой вступающихъ въ мозгъ движеній внѣшняго опыта, не только образуется и поддерживается правильная функція имѣющихся психо-интеллектуальныхъ тѣлъ, но и ихъ стремленіе къ соединенію; а также имъ обусловливается и самый ростъ, развитіе и дифференцированіе психо-интеллектуальнаго органа. Недостаточный притокъ питательнаго матеріала къ мозгу даетъ противоположные результаты, все равно, будетъ ли зависить этотъ недостатокъ отъ запущенія мыслевой функціи и боль-

шаго развитія на счетъ ея другихъ отправленій организма, какъ: мышечной, пищеварительной, половой и т. п., или отъ слабости организма вообще и малой ассимиляціи пищи, или наконецъ вслѣдствіе бѣдности и невозможности добыть нужной пищи для правильнаго питанія. При этихъ условіяхъ психо-интеллектуальныя ячейки не только слабо работаютъ, но и ихъ связи ограничиваются самыми примитивными и частными формами и развитіе мыслевой работы ограничивается однѣми лишь частными формаціями и синтезами, не доходя до познанія общихъ законовъ, если они не получаютъ готовыми, безъ потребнаго для ихъ развитія психо-интеллектуальныхъ напряженій.

Развитіе психо-интеллектуальнаго органа останавливается на низшихъ ступеняхъ. Люди, которыхъ съ дѣтства мало занимаютъ умственнымъ трудомъ или вслѣдствіе того, что ихъ силы съ раннихъ лѣтъ направлены преимущественно на мышечный трудъ, или вслѣдствіе того, что ихъ съ дѣтства приучаютъ къ праздности и лѣни, вообще у которыхъ работаютъ преимущественно одни вегетативныя и чувственныя отправленія, умственно мало развиваются. Ихъ мало тревожитъ разъединенность ихъ мыслевыхъ элементовъ и недостаточность ихъ познанія. Праздный человѣкъ расходуетъ все свои силы на одни чувственныя наслажденія и умственно падаетъ до уровня животнаго, съ которымъ онъ раздѣляетъ свои наклонности и стремленія.

Голоднаго и больнаго не занимаютъ ни внѣшній, ни внутренній его міръ познанія. Вся его мыслевая дѣятельность мало по малу замираетъ, сосредоточиваясь только на одной боли его нужды и голода или на болѣзненныхъ страданіяхъ. Если справедлива поговорка древнихъ, что „*plenus venter non studet libenter*“, то еще вѣрнѣе, — что пустой желудокъ представляетъ главный тормазъ умственнаго развитія. Дѣти, приучаемыя къ обжорству, отъ усиленнаго притока крови къ пищеварительному аппарату, отвлекающему кровь отъ мозга, дѣлаются мало способными къ пониманію и ученію; люди, злоупотребляющіе половыми функціями, вслѣдствіе постояннаго возбужденія половыхъ органовъ, нервной системы вообще и потери соковъ, умственно развиваются слабо и все болѣе и болѣе тупѣютъ.

Какъ мышца, мало или вовсе не работающая, увядая, переходитъ въ жировое перерожденіе, при чемъ мускуль, до того энергично сокращавшійся, теряетъ способность сокращенія, такъ и мозговыя ячейки, вслѣдствіе прекращенія ихъ функціи и притока къ нимъ питательнаго

матеріала, теряютъ свою производительную психо-интеллектуальную способность, самый психо-интеллектуальный органъ, поверженный въ долгое недѣятельное состояніе, теряетъ свою умственную силу.

Гудденъ * вырѣзывалъ глаза у новорожденныхъ птицъ; такъ какъ зрѣніе у нихъ составляетъ главный источникъ для развитія мыслевой дѣятельности, то вслѣдствіе недостатка притока изъ опыта внѣшнихъ движеній, необходимыхъ для развитія мыслевого органа, ихъ мозгъ останавливался въ своемъ развитіи—атрофировался. Иное дитя, представляющее несомнѣнныя доказательства пониманія и быстрого соображенія, съ ростомъ и увеличеніемъ задачъ жизни, вслѣдствіе недостатка питанія или дальнѣйшей умственной культуры и дѣятельности, не можетъ отвѣчать увеличеннымъ умственнымъ требованіямъ и тупѣть.

Нерѣдко я оставлялъ въ деревнѣ умнаго и сообразительнаго мальчика, съ хорошей памятью, и нѣсколько лѣтъ спустя находилъ его превратившимся въ тупаго плохо соображающаго и слабо помнящаго крестьянина.

Изъ сказаннаго объясняется вся разумность древней эмпирической индукціи: „Mens sana in corpore sano“. Здоровый организмъ во всѣхъ его частяхъ хорошо ассимилируетъ пищу и приготовляетъ максимумъ матеріала для всѣхъ функцій вообще, мозга и психо-интеллектуального органа въ особенности. Отъ нормальнаго состоянія тѣла зависитъ правильность кровообращенія и распределеніе крови по органамъ и ихъ питаніе. Кажущіяся противорѣчія сказанному правилу, въ сущности, еще больше его подтверждаютъ. Есть, безъ сомнѣнія, множество людей, пользующихся цвѣтущимъ здоровьемъ и притомъ очень бѣдныхъ умомъ и познаніями. Но изъ выше нами сказаннаго мы убѣдились, что правильное питаніе тѣла есть только одно изъ условій для правильнаго психо-интеллектуальнаго развитія, а не причина его. Ущербъ и неправильность питанія мозга, несомнѣнно, дурно отзываются на развитіи и функціи мыслевой его дѣятельности, но правильность и обиліе питанія мозга сами по себѣ ни на волосъ не подвинутъ умственное развитіе, если къ тому не содѣйствуетъ устройство нервной системы и правильная психо-интеллектуальная культура. Напротивъ, хорошее питаніе организма, мало израсходуемое на мыслевую работу, даетъ еще большій приростъ силъ вегетативныхъ отправленій. Румяныя щеки и сильныя мышцы часто сочетаются въ человѣкѣ съ туманнымъ пониманіемъ и умственной тупо-

* Gudden. Archiv. f. Psychiatrie. II. S. 711.

стію и неспособность. Также, наоборотъ, горбатыя приобрѣли себѣ репутацію умныхъ и способныхъ людей даже между простымъ народомъ. Очень часты факты, что горбатыя и вообще болѣзненные дѣти скорѣе своихъ сверстниковъ умственно развиваются и нерѣдко умнѣе ихъ. Но болѣзни, подъ вліяніемъ которыхъ преимущественно развиваются умственные способности дѣтей относительно ихъ сверстниковъ, суть именно тѣ, которыя мѣшаютъ мускульному движенію дѣтей. Такъ напр., рахитизмъ, золотушное пораженіе костей и т. п., удерживающіе дѣтей въ относительной неподвижности, даютъ весь контингентъ горбатыхъ и съ ранняго дѣтства, нерѣдко впродолженіи долгаго времени (годами), не позволяють дѣтямъ ходить и вообще производить мышечную работу. Само собою разумѣется, что минувъ послѣдней, въ большей части случаевъ, при сколько нибудь располагающихъ къ тому условіяхъ, долженъ отозваться плюсомъ въ мыслевой работѣ. Педагогу очень важно знать и постоянно имѣть въ виду, что состояніе слабаго и ненормальнаго питанія тѣла вообще и мозга въ особенности можетъ быть постояннымъ атрибутомъ той или другой личности, зависящимъ отъ врожденныхъ, наследственныхъ или другихъ болѣзненныхъ индивидуальныхъ условій; или оно бываетъ только временное, зависящее отъ случайныхъ и скоропроходящихъ или удобоотстранимыхъ условій. Само собою разумѣется, что педагогу строго нужно взвѣснить все эти обстоятельства, прежде нежели онъ начертитъ планъ воспитанія и опредѣлитъ цѣль, которую онъ долженъ преслѣдовать при развитіи каждаго воспитанника, — кому изъ нихъ навсегда допустить только умѣренное умственное развитіе, чтобы не насиловать ихъ индивидуальной природы, и кому нужно только временно уменьшить умственный трудъ, пока не прекратятся ненормальные условія питанія и не возстановится необходимое равновѣсіе въ питаніи. Но во всякомъ случаѣ отъ слабаго и малокровнаго организма, при недостаточномъ или неправильномъ питаніи мозга, отъ какой бы причины это ни зависѣло, необходимо требовать и умственной работы пропорціонально слабости питанія. Къ несчастью, съ самыми большими требованіями школы отъ дѣтей умственныхъ занятій совпадаетъ время ихъ большей слабости, вызываемой израсходованіемъ питательныхъ соковъ на ростъ организма, а у дѣвочекъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на половое развитіе съ ежемѣсячными потерями крови. Это излишнее израсходованіе питательнаго матеріала на другія нужды организма, чуждыя психо-интеллектуальному развитію, дѣлается въ ущербъ умственной функціи. На это пе-

дагоги не обращают никакого вниманія. Такія дѣти, при самолюбіи и порядочности, употребляютъ всѣ усилія на ученіе, которое дается имъ съ величайшимъ трудомъ; и вслѣдствіе слабости образующихся отъ ученія познавательныхъ элементовъ, вслѣдствіе недостаточности матеріала для ихъ образованія, они скоро забываютъ, и умъ такихъ несчастныхъ дѣтей представляетъ сосудъ безъ дна, куда они безпрестанно вливаютъ съ трудомъ пріобрѣтенное знаніе, и въ которомъ почти ничего не остается.

Въ качествѣ врача мнѣ безпрестанно приходится видѣть этихъ учениковъ отъ неумѣлаго воспитанія. Они почти всѣ страдаютъ, вслѣдствіе малокровія сильной головной болью, плохимъ аппетитомъ и пищевареніемъ, безпокойнымъ сномъ и сновидѣніями. Независимо отъ диспропорціи, между тѣмъ, что такія дѣти могутъ продуцировать, даже при сильнѣйшемъ напряженіи своихъ силъ, и требованіями школы, подобное состояніе вызываетъ отвратительное душевное настроеніе, которое находится въ такомъ ужасномъ противорѣчій съ весельемъ и беззаботностью, свойственными юношескому возрасту. Отъ чрезмѣрныхъ усилій при затруднительномъ ученіи и отъ плохихъ результатовъ, получаемыхъ отъ этой египетской работы, дѣти впадаютъ въ уныніе, теряютъ вѣру въ самихъ себя и ожесточаются. Но развѣ есть дѣло когда либо кому нибудь изъ учителей до такого состоянія воспитанника, особенно въ общественныхъ заведеніяхъ. Ему некогда и не полагается начальствомъ заглядывать въ душу или въ состояніе здоровья его воспитанниковъ. Онъ требуетъ знанія, имъ проходимого въ классѣ, а когда ученикъ того дать не можетъ, то онъ наказуетъ и нерѣдко издѣвается надъ несчастнымъ. Для меня несомнѣнно, что такое ослабленіе умственной способности можетъ временно встрѣчаться и у очень даровитаго ребенка и юноши и есть только фізіолого-патологическое—проходящее состояніе, которое можетъ продолжаться отъ мѣсяца до года. При чрезмѣрныхъ усиліяхъ дѣтей, недостаточномъ снѣ и отсутствіи правильнаго леченія, такое состояніе нерѣдко затягивается на цѣлыя годы. Съ возстановленіемъ же силъ воспитанника, его умственныя способности снова вступаютъ въ свои прежнія права. Но педагоги, часто принимая это проходящее состояніе за постоянный атрибутъ воспитанника, на этомъ основаніи рѣшаютъ его судьбу, и нерѣдко прилежнаго, хорошаго мальчика исключаютъ изъ заведенія или перемѣщаютъ его въ нисшее и т. п. Въ этихъ случаяхъ прекращеніе на 2—3 мѣсяца утомляющихъ умственныхъ занятій, употребленіе укрѣпляющихъ лекарствъ, питательной пищи, соленыхъ ваннъ и правильный образъ

жизни большею частию скоро возвращаютъ дѣтямъ ихъ силы вообще и прежнюю умственную бодрость. Въ противномъ случаѣ продолженіе занятій въ такомъ положеніи, какъ это, къ несчастію, очень часто бываетъ, подрываетъ самое питаніе и развитіе какъ всего организма, такъ и мозга. Такимъ образомъ скоропреходящее психо-интеллектуальное ослабленіе, которое, при умѣломъ отношеніи къ нему педагоговъ, можно было бы остановить въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, затягивается на годы, или, вслѣдствіе отклоненія мозга отъ нормальнаго развитія, при такихъ условіяхъ превращается въ постоянную умственную несостоятельность. Я не сомнѣваюсь, что всякій изъ внимательныхъ педагоговъ множество разъ убѣждался въ страшной пертурбаціи въ нервной системѣ и въ психическомъ состояніи, вызываемой нерѣдко такими условіями ученія въ молодыхъ людяхъ. Мнѣ случалось замѣчать у такихъ дѣтей галлюцинаціи и близкое состояніе къ умопомѣшательству. У мальчиковъ, а особенно у дѣвочекъ я наблюдалъ часто пляску св. Витта, развивавшуюся при сказанныхъ обстоятельствахъ преимущественно между 12-мъ и 15-мъ годами. Мальчики, вслѣдствіе подавляющаго вліянія этого состоянія на душевное настроеніе, дѣлаются раздражительными, озлобленными и печальными. Пессимизмъ, съ сильнымъ расположеніемъ къ самоубійству, къ несчастію, есть частое явленіе въ стѣнахъ тѣхъ среднеучебныхъ заведеній, гдѣ требованія отъ воспитанниковъ были строже и суровѣе другихъ.

О П Е Ч А Т К А :

На 68 страницѣ сказано: Дурмон-
довымъ свѣтомъ (электрическое освѣ-
щеніе).

Читай: электрическимъ освѣще-
ніемъ.

